

РГТ

РУССКАЯ ГЕРМАНИСТИКА

ЕЖЕГОДНИК
РОССИЙСКОГО СОЮЗА
ГЕРМАНИСТОВ

ТОМ XVIII

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА»

NIZHNY NOVGOROD STATE LINGUISTICS
UNIVERSITY

РОССИЙСКИЙ СОЮЗ ГЕРМАНИСТОВ
RUSSIAN UNION OF GERMANISTS

ISSN 2782-2605

**РУССКАЯ
ГЕРМАНИСТИКА**

GERMANIC PHILOLOGY IN RUSSIA

ЕЖЕГОДНИК
РОССИЙСКОГО СОЮЗА ГЕРМАНИСТОВ

YEARBOOK
OF THE RUSSIAN UNION OF GERMANISTS

ТОМ XVIII
VOLUME 18

**ЛИТЕРАТУРА,
ИДЕНТИЧНОСТЬ И ИСТОРИЯ
В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

**LITERATUR,
IDENTITÄT UND GESCHICHTE
IM DEUTSCHSPRACHIGEN RAUM**

**XVIII СЪЕЗД
РОССИЙСКОГО СОЮЗА ГЕРМАНИСТОВ
ТВЕРЬ, 19 — 21 НОЯБРЯ 2020 ГОДА**

*Организатор:
Тверской государственный университет*

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2021

УДК 811.112.2; 821.112.2
ББК 80
P88

Gefördert von der Stiftung
Deutsche Sprache, Berlin
(Deutschland)

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-81832 от 31 августа 2021 г.

Р е д к о л л е г и я :

А. В. Иванов (главный редактор),
Н. С. Бабенко (отв. редактор лингвистической части),
Н. А. Бакши (отв. редактор литературоведческой части),
Р. С. Аликаев, А. В. Белобратов, С. И. Дубинин, А. И. Жеребин,
Л. А. Нефедова, Л. Н. Полубояринова, Н. Н. Трошина

Р е ц е н з е н т ы :

д. ф. н. Н. В. Васильева
(Институт языкознания РАН)
д. ф. н. Е. Е. Дмитриева
(Российский государственный гуманитарный университет)

Русская германистика : Ежегодник Российского союза германистов (= *Germanic Philology in Russia : Yearbook of the Russian Union of Germanists*) / Российский союз германистов ; Нижегородский гос. лингв. ун-т им. Н. А. Добролюбова. — Т. 18 : Литература, идентичность и история в немецкоязычном пространстве (*Literatur, Identität und Geschichte im deutschsprachigen Raum*) : материалы XVIII съезда Российского союза германистов ; Тверь, 19 — 21 ноября 2020 г. / гл. ред. А. В. Иванов. — Москва: ФЛИНТА, 2021. — 516 с.

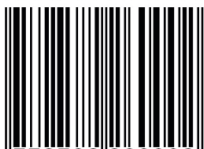
ISBN 978-5-9765-4823-7

В этот том включены статьи, подготовленные по материалам докладов, сделанных на XVIII съезде Российского союза германистов «Литература, идентичность и история в немецкоязычном пространстве», прошедшем в онлайн-формате при поддержке Тверского государственного университета 19 — 21 ноября 2020 года. На съезде были представлены литературоведческие и лингвистические доклады, содержательно или формально связанные с проблемами соотношения литературы, истории и идентичности как в конкретно-историческом, так и в теоретическом аспекте. Ежегодник продолжает издание публикаций по материалам съездов и конференций германистов, проводимых в рамках РСГ. Включенные в данный том статьи отражают современное состояние исследовательской деятельности отечественных германистов в разных областях германской филологии.

УДК 811.112.2; 821.112.2
ББК 80

ISBN 978-5-9765-4823-7

ISSN 2782-2605

9 772782 260002 >

© НГЛУ, 2021
© Авторы, 2021
© Издательство «ФЛИНТА», 2021

STIFTUNG DEUTSCHE SPRACHE

Wir erhalten, fördern und pflegen die deutsche Sprache

Die zentrale Aufgabe der Stiftung Deutsche Sprache liegt in der Pflege und Förderung der deutschen Sprache. Sie handelt dabei aus der Überzeugung heraus, dass die Muttersprache eines jeden Menschen als Mittel des Gesprächs, der Zusammenarbeit und des Ausdrucks von Gedanken und Gefühlen eine Grundlage unserer menschlichen Existenz überhaupt ist: Öffentliches und Privates, Zuneigung und Distanz, Liebe und Zorn drücken sich vor allem sprachlich aus. Die Sprache, der wir uns dabei bedienen, hat sich in einem zumeist jahrhundertelangen Prozess herausgebildet, mit ihr wird der heranwachsende und sich sozialisierende Mensch zum Teil einer jeweils spezifischen und in einer langen Geschichte herausgebildeten Kultur, die seine soziale und ebenfalls auch seine ganz individuelle Identität wesentlich mitprägt. Insofern handelt die Stiftung mit Blick auf die deutsche Sprache aus der Überzeugung heraus, dass diese ein Kulturgut von hohem Rang ist, die in ihrem Wert für die jetzt lebenden Menschen sowie auch für zukünftige Generationen gepflegt und gefördert werden muss. Dies schließt das Bemühen ein, die deutsche Sprache auch in Zukunft als vollwertiges Mittel der gesellschaftlichen Verständigung sowie als Grundlage und Ausdrucksmittel wissenschaftlicher Forschung zu erhalten. Aus der Überzeugung heraus, dass der Zugang zu einer Kultur wesentlich über die Sprache gelingt, folgt die Einsicht, dass eine Verständigung zwischen den Kulturen nur gelingen kann, wenn ein Verständnis der jeweils anderen Kultur vorhanden ist, ein Verständnis, das erst durch eine fundierte Kenntnis der Sprache möglich wird. Aus diesem Grund und im Interesse einer Verständigung zwischen den Völkern unterstützt die Stiftung Deutsche Sprache die internationale Verbreitung der deutschen Sprache und ihre internationale Erforschung.

Die Stiftung hat u. a. gefördert:

- Forschungsprojekt „Die Ausstrahlung Luthers auf die Sprachen Mittel- und Osteuropas“ (Universität Halle-Wittenberg, 2015);
- Deutschkurse für Flüchtlinge (seit 2016);
- Internationale Fachtagung „Luthers Deutsch in Mittel- und Osteuropa“ in der Landesbibliothek Coburg (2018);

— Buchpreise für das beste Deutschabitur für jeweils etwa 400 Preisträger (seit 2018);

— Einrichtung der „Forschungsbibliothek deutsche Sprachgeschichte“ in der Lutherstadt Wittenberg (seit 2018);

— Organisation des „WB Stiftungspreis Wilhelm Busch“ (seit 2019);

— Einrichtung eines zuerst nur virtuellen Hauses der deutschen Sprache (seit 2007), Initiative zur Errichtung eines realen Hauses der deutschen Sprache in Lutherstadt Wittenberg;

— Förderung der Ausstellung „Sprachlabor Reformation“ in Lutherstadt Wittenberg (Ausstellung 2022).

Die Stiftung ist selbstlos tätig, weltanschaulich neutral und politisch unabhängig. Sie ist rechtsfähig und hat ihren Sitz in Berlin. Die Stiftung verfolgt ausschließlich gemeinnützige Zwecke.

Nähere Informationen unter <https://www.stiftung-deutsche-sprache.de>

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.....	9
<i>Awerkina S. N., Rasina I. S. Thomas Mann und Ernst Bertram: Geschichte einer Freundschaft im Lichte der tragischen Epoche.....</i>	12
<i>Васкиневич А. И. Проблема конфессиональной идентичности в работе Йозефа фон Эйхендорфа Об этическом и религиозном значении новой романтической поэзии в Германии .....</i>	22
<i>Волощук Е. В. Прижиться в Германии: идентичностные трансформации постсоветской еврейской иммиграции в книге Дмитрия Белкина <i>Германија. Как я в Германии стал евреем и повзрослел</i> .....</i>	40
<i>Вольский А. А. Французский император в немецком зеркале: Наполеон Гёльдерлина и Гофмана .....</i>	63
<i>Воскресенская С. Ю. Персонификация природы в Путешествии по Гарцу Генриха Гейне как способ выражения национальной идентичности .....</i>	88
<i>Жеребин А. И. Германская империя как авторский проект .....</i>	101
<i>Ишимбаева Г. Г. Дискурс Одиссеи в романе Б. Шлинка <i>Возвращение</i> ..</i>	112
<i>Кафанова О. Б. Фауст Гёте в культурной идентичности И. С. Тургенева.....</i>	127
<i>Ланских Ю. В. Авторское «Я» в средневековой литературе .....</i>	150
<i>Москвина Е. В. Структура мифа о Минотавре как форма репрезентации кризиса идентичности в романе <i>Верди</i> Франца Верфеля .....</i>	165
<i>Никонова Н. Е. Немецкая женская проза в периодике регионов Российской империи на рубеже XIX — XX веков: М. Эбнер фон Эшенбах, Г. Рейтер, К. Фибих и Л. Андреас-Саломе.....</i>	182
<i>Полубояринова Л. Н. Сокровищница немецкой новеллы: немецко-австрийско-швейцарский сетевой проект XIX века.....</i>	196
<i>Потемина М. С. Гибридная идентичность в зеркале современной немецкоязычной прозы .....</i>	212
<i>Серягина Ю. С. Проза Оскара Блюменталья в губернских периодических изданиях 1880 — 1910 годов.....</i>	226
<i>Сибирцева В. Г. Русские переводы и переложения религиозной эпопеи Клопштока <i>Мессиада</i> .....</i>	241
<i>Цветков Ю. А. История, национальная идентичность и библейская этика в пьесе Артура Шницлера <i>Профессор Бернхарди</i> .....</i>	256
<i>Schenkel E. Was soll der Quatsch? Streifzüge durch Geschichte und Konzepte des deutschsprachigen Nonsens.....</i>	273

ЛИНГВИСТИКА.....	283
<i>Аверина А. В.</i> Виды модальных значений в немецком языке, передаваемых формой Futur I	284
<i>Беспалова Е. В.</i> Урбанистический ландшафт как средство создания гибридной культурно-этнической идентичности	304
<i>Голубева Н. А.</i> Категория неопределенности как объект прецедентной лингвистики	324
<i>Гришаева Л. И.</i> Закономерное и случайное при варьировании текстов с прецедентными феноменами	339
<i>Донец П. Н.</i> Концепт IDENTITÄT и его актуализация в немецком публицистическом дискурсе (на материале еженедельника «Die Zeit»).....	367
<i>Иванов А. В.</i> Словарная статья как особый тип текста на материале словарных статей с заголовочным словом Akzent)	377
<i>Кондакова Е. А., Засеева Г. М.</i> Лексико-семантические особенности немецкого дискурса о политкорректности	401
<i>Кострова О. А.</i> Концептосфера авторской языковой личности в романе Кристи Вольф <i>Kindheitsmuster</i>	416
<i>Меркурьева В. Б.</i> Создание идентичности российских немцев в художественном дискурсе.....	431
<i>Никонова Ж. В.</i> Особенности реализации речевого акта соболезнования в современном немецком публицистическом дискурсе	444
<i>Петрова М. В.</i> Альтернативные миры Кристофа Рансмайра — языковые особенности конструирования альтернативных моделей реальности (на примере романа <i>Кокс, или Бег времени</i>)	457
<i>Цветашева Е. Н., Куликова В. А.</i> Концептуальная интеграция: антропонимы в антономасическом сравнении.....	474
РЕЦЕНЗИИ	490
<i>Дементьева Т. М., Назаров Т. Т.</i> Рец. на кн.: <i>Richter U. A., Fügert N.</i> Wissenschaftlich arbeiten und schreiben: Wissenschaftliche Standards und Arbeitstechniken — wissenschaftlich formulieren — Textsorten. Stuttgart, 2016	491
<i>Кротова Е. Б.</i> Рец. на кн.: <i>Wörterbuch der Übersetzungsschwierigkeiten (deutsch-russisch und russisch-deutsch)</i>	500
<i>Нефедова Л. А.</i> Вариантно-инвариантный подход к тексту — новый взгляд на явление вариативности в лингвистике. Рец. на кн.: <i>Гришаева Л. И.</i> Варьирование текста в коммуникации. Воронеж, 2020	504
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	508

CONTENTS

LITERARY STUDIES.....	9
<i>Averkina S. N., Razina I. S.</i> Thomas Mann and Ernst Bertram: The Story of Friendship in the Light of the Tragic Era	12
<i>Ishimbayeva G. G.</i> The <i>Odyssey</i> Discourse in B. Schlink’s Novel <i>Homecoming</i>	112
<i>Kafanova O. B.</i> Goethe’s <i>Faust</i> in the Cultural Identity of I. S. Turgenev.....	127
<i>Lanskikh Yu. V.</i> The Author’s self in the Medieval Literature	150
Moskvina Ye. V. Structure of the Myth about Minotaur as a Form of Identity Crisis Representation in Franz Werfel’s Novel <i>Verdi</i>	165
<i>Nikonova N. Ye.</i> German Women’s Prose in the Periodicals of the Russian Empire Regions at the Turn of the 19 th — 20 th Centuries: M. Ebner von Eschenbach, G. Reuter, C. Viebig, L. Andreas-Salomé	182
<i>Poluboyarinova L. N.</i> German Novella Treasure, a German-Austrian-Swiss Network Project of the 19 th Century.....	196
<i>Potyomina M. S.</i> Hybrid Identity in the Mirror of Contemporary German Prose	212
<i>Schenkel E.</i> What Kind of Nonsense is that? Reviewing Concepts of Nonsense and Humour in German Culture	273
<i>Seryagina Yu. S.</i> Oskar Blumenthal’s Prose in the Regional Periodicals in 1880 — 1910.....	226
<i>Sibirteva V. G.</i> Russian Translations and Arrangements of Klopstok’s <i>Der Messias</i>	241
<i>Tsvetkov Yu. L.</i> History, National Identity, and Biblical Ethics in Arthur Schnitzler’s Play <i>Professor Bernhardi</i>	256
<i>Vaskinevich A. I.</i> The Problem of Confessional Identity in Joseph von Eichendorff’s Work <i>On the Ethical and Religious Significance of the Modern Romantic Poetry in Germany</i>	22
<i>Voloshchuk Ye. V.</i> Getting Used to Germany: Identity Transformations of (Post-)Soviet Jewish Immigration in Dmitry Belkin’s Book <i>Germany. How I Became in Germany a Jew and an Adult</i>	40
<i>Volskiy A. L.</i> The French Emperor in the German Mirror: Napoleon of Hölderlin and Hoffmann.....	63
<i>Voskresenskaya S. Yu.</i> Nature Personification in Heinrich Heine’s <i>Harzreise</i> as a Way of Expressing National Identity.....	88
<i>Zherebin A. I.</i> German Empire as a Personal Project	101
LINGUISTICS	283
<i>Averina A. V.</i> Types of Modal Meanings in German encoded by the Form Futur I	284

<i>Bespalova Ye. V.</i> Urban Landscape as a Means of Creating the Hybrid Cultural and Ethnic Identity	304
<i>Donets P. N.</i> The Conceptual Structure IDENTITÄT (IDENTITY) and its Actualisation in German Journalistic Discourse (Based on the “Die Zeit” Weekly)	367
<i>Golubeva Ye. V.</i> The Category of Uncertainty as an Object of Case Linguistics	324
<i>Grishayeva L. I.</i> The Natural and the Accidental in Variation of Texts with Culturally Significant Phenomena	339
<i>Ivanov A. V.</i> Dictionary Entry as a Special Text Type (Exemplified by the Dictionary Entries with <i>Akzent</i> as a Lemma)	377
<i>Kondakova Ye. A., Zaseyeva G. M.</i> Lexico-Semantic Features of German Discourse on Political Correctness	401
<i>Kostrova O. A.</i> Concept Sphere of Language Author Personality in the Novel by Christa Wolf <i>Kindheitsmuster</i>	416
<i>Merkuryeva V. B.</i> Creating the Identity of the Russian Germans in Literary Discourse	431
<i>Nikonova Zh. V.</i> Implementation Features of the Speech Act of Condolence in the Modern German Journalistic Discourse	444
<i>Petrova M. V.</i> Alternative Worlds by Christoph Ransmayr — Linguistic Features of Constructing the Alternative Models of Reality (Exemplified by the Novel <i>Cox, or the Run of Time</i>)	457
<i>Tsvetayeva Ye. N., Kulikova V. A.</i> Conceptual Integration: Anthroponyms in Antonomasia	474
REVIEWS	490
<i>Demytyeva T. M., Nazarov T. T.</i> Book review: <i>Richter U. A., Fügert N.</i> <i>Wissenschaftlich arbeiten und schreiben: Wissenschaftliche Standards und Arbeitstechniken — wissenschaftlich formulieren — Textsorten.</i> Stuttgart, 2016	491
<i>Krotova Ye. B.</i> Book review: Wörterbuch der Übersetzungsschwierigkeiten (deutsch-russisch und russisch-deutsch)	500
<i>Nefedova L. A.</i> Variant-invariant Approach to the Text — a New Look at the Phenomenon of Variability in Linguistics. Book review: <i>Grishayeva L. I.</i> <i>Variation of the Text in Communication.</i> Voronezh, 2020	504
LIST OF CONTRIBUTORS	511

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

S. N. Awerkina

Staatliche linguistische Universität Nishnij Nowgorod

I. S. Rasina

Staatliche linguistische Universität Nishnij Nowgorod

Der Beitrag befasst sich mit den unglaublich komplexen Beziehungen zwischen Thomas Mann und dem Wissenschaftler und Denker Ernst Bertram, die für das Werden der politischen Ansichten von Th. Mann im Ersten Weltkrieg und in den ersten Jahren der Weimarer Republik von Bedeutung waren. Bertrams neoromantisches und nietzscheanisches Temperament zog den Autor der *Betrachtungen eines Unpolitischen* viele Jahre heran, aber die Erkenntnis der realen politischen Situation in Deutschland nach 1918 führte zu einer Abkühlung der Beziehungen zwischen Th. Mann und Bertram. Der einsame und exzentrische Bertram konnte die Hinwendung des Schriftstellers zu den demokratischen Werten der neuen historischen Zeit nicht verstehen. So landeten die Gesprächspartner und Gleichgesinnten auf verschiedenen Seiten der Barrikaden, so wie Th. Mann seinerzeit eigene weltanschauliche Stellung gegenüber den Ansichten von Heinrich Mann, einem Anhänger des Liberalismus französischen Schnittees und Verehrer von Emile Zola und Guy de Maupassant widersetzte. Die politische Erleuchtung des Schriftstellers, die er in den ersten Jahren der Weimarer Republik erlebte, veränderte seine künstlerischen Prinzipien und eröffnete eine neue große Periode im Leben des Schriftstellers. Die Fehler, die Th. Mann während der militaristischen Finsternis der 10er Jahre machte, und die er später bekennen musste, markierten seinen Weg zur Schaffung solcher Werke wie *Der Zauberberg*, die Tetralogie *Joseph und seine Brüder* und *Doktor Faustus*.

Schlüsselwörter: Weltanschauung; Nietzschanismus; Neoromantismus; der Erste Weltkrieg; Faschismus

THOMAS MANN UND ERNST BERTRAM: GESCHICHTE EINER FREUNDSCHAFT IM LICHT DER TRAGISCHEN EPOCHE

„Ich kann nicht sagen, wie fremd und wunderbarlich mich in all diesen Jahren die Denkungsart der Leute anmutete, die über meine Stellungnahme zu den politisch-moralischen Zeit- und Gewissensfragen darum die Köpfe schüttelten, weil sie nicht begriffen, wie man so konsequent und hartnäckig aufs falsche Pferd setzen könnte“ (Aus *Dieser Friede*).

1. Thomas Mann als politischer Schriftsteller

Dieser Text stammt aus dem Jahre 1938, als sich Ansichten vom

Großen Dichter und Denker umgewandelt haben. Aber es klingt dann sehr provokativ, wenn man die Spannung zwischen Äußerungen aus den Nachkriegsjahren (1918 — 1921) und Kriegsjahren (1914 — 1918) in Rücksicht nimmt.

„Th. Mann und seine Rezeption des Ersten Weltkrieges“ bleibt nach wie vor ein Spitzenthema nicht nur in den Fachblättern, sondern auch auf den Seiten von bedeutenden deutschsprachigen Zeitungen und Zeitschriften. Einige Artikel rufen grimmige Diskussionen hervor. Wir zitieren aus zwei Online-Lesekommentaren zum Artikel in der «Zeit» von einem der bedeutendsten Th. Mann-Forscher Klaus Harpprecht. In seinem Artikel *Der Krieg entzweit die Brüder...* betont er die existenziellen Auseinandersetzungen zwischen Heinrich Mann, dessen 150. Jubiläum man in diesem Jahr breit feiert) und Thomas Mann. Dabei fungiert Heinrich als „Zivilisationsautor französischen Schnittes“ mit Vorliebe für Zola, liberale Werte und Geist der Republik, Thomas aber als Anhänger von Luther-Reformation, Dürer, Nietzsche, Wagner und vor allem Friedrich-Vermächtnis:

„Natürlich, vom heutigen Standpunkt aus, wo wir wissen, wie das ganze ausgegangen ist, was es „dunkel“ (das Essay war „der dunkelste Moment“ genannt). Trotzdem: wenn wir von einem Künstler erwarten, dass er die Schwingungen seiner Zeit mitschwingt und dies in seiner Arbeit ausdrückt, dann hat Th. Mann genau das machen, was er sollte“.

Und noch ein Zitat:

“Thomas Mann Vorkriegswerk steht exemplarisch für eine spezifisch deutsche Geistesverwirrung...” (HARPPRECHT 2014).

Nicht uninteressant ist dabei die Meinung des Spezialisten vom Institut der Zeitgeschichte Kurt Sontheimer, der die gleiche Vorstellung im Artikel *Thomas Mann als politischer Schriftsteller* auslegt. Die Hauptfrage, die ihn bewegt, ist: Wie definiert man eigentlich den Begriff „Politischer Schriftsteller“? Er gliedert davon drei Typen aus:

- 1) der „im Gewebe der sozialen und politischen Vorstellungen einer Epoche der jeweiligen dichterischen Aussage eine besondere Prägnanz und Ausdruckskraft für das Typische eignet“ (z. B. englische und deutsche Romantiker);
- 2) der „den politischen Aussagen beachtlichen publizistischen Wirkungsgrad verleiht“ (Mauriac, Sartre, Camus);
- 3) der „ideologische Rechtfertigung eines politischen Systems benutzt“ (Theodor Körner, Ernst Moritz Arndt, Bert Brecht) (SONT-

HEIMER 1958: 1).

Sontheimer beansprucht Th. Mann das Interesse nicht nur der Literaturgeschichte, sondern der Zeitgeschichte, weil er „alle drei Typen in sich vereinigt“. Das macht eindeutige Schlussfolgerungen absolut unmöglich und sinnlos, weil seine Texte aus ganz verschiedenen Perspektiven interpretiert sein könnten (MAHH 1960; MANN 1961).

Außerdem muss „Fall Thomas Mann als politischer Schriftsteller“ auch mit Rücksicht darauf verfolgt werden, dass er mindestens zwei Formen der politischen Aussage pflegte: die direkte (unmissverständliche, konkrete Stellungnahme, sowie in den ersten Kriegs-Artikeln) und indirekte, rein literarische (durch das Kunstmittel der Ironie; und dies vorwiegend sowohl im Roman, als auch in psychologischem Essay). Das löste oft Wutanfälle bei vielen Lesern aus, die zu pathetisch gegen ihre Idole standen: Friedrich, Wagner, Goethe... Dies hat zu Zwielficht in der Deutung gebracht. Letzten Endes war er nicht mit den echten Nationalisten und nicht mit den echten Demokratieanhängern, um ihnen menschlich näher zu kommen. „Es ist die Kritik, und zwar die böse... — worin passioniertes Interesse sein Genüge findet“, so in *Betrachtungen eines Unpolitischen* (MANN 2011: 67).

Die psychologische Analyse diente ihm zur Zerstörung des Mythos, den eine Verehrungsgemeinde entwickelt hatte. Th. Mann stürzte seine Helden von diesem Podest.

Ein weiteres Problem beim Definieren, was das Politische bei Th. Mann bildet, bleibt mangelnde Informationen über den Inhalt seiner Tagebücher, die bis zum Jahre 1918 vernichtet waren. Zum ersten Mal 1996, denn sie waren zu persönlich, dann 1933, denn sie konnten als Erpressungsdokumente benutzt werden und dann 1950, schon in Amerika, wo er eine Konzeption des Tagesbuches als „Protokoll des Lebens und der Zeit“ entwickelte.

Zu Verfügung steht nur der Briefwechsel mit bedeutenden Persönlichkeiten der Epoche, sowie Erwähnungen in den Notizen und Aufzeichnungen der Anderen. Dabei sind Briefe von Ernst August Bertram (1884 — 1957), einem Germanisten aus Köln, dem Stifter- und Nietzsche-Forscher, recht bedeutend und exemplarisch.

2. Thomas Mann und Ernst August Bertram: Dialog zwischen zwei Erwählten ihrer Zeit

Bertram war selber Dichter. Die meisten seiner Bände von Gedichten (u. A. *Der Rhein, Straßburg, Patenkinderbuch, Griechenland*) erschienen im Insel-Verlag. Außerdem schrieb er so genannte *Spruch-*

dichtungen, aufeinander folgende und in einem gewissen Zusammenhang stehende Aphorismen (*Der Wanderer von Milet, Sprüche aus dem Buch Arja, Deichgrafensprüche*), die in dieser Form in der deutschen Literatur des 20. Jahrhunderts eine Einzelstellung besitzen. Leider sind eigene Gedichte von Bertram fast unbekannt geblieben, sowie seine Arbeiten über Klopstock, Goethe und Platen. Unter seinen Arbeiten sind folgende zu nennen: *Von Wesen und Zukunft unseres Gedichts, Klopstock, Goethes Geheimnislehre, Platens Gedichte, Adalbert Stifter, Adalbert Stifters Studien, Adalbert Stifter als Dichter der Frühe, Vom Künstlertum im 19. Jahrhundert. Über Flauberts Briefe, Nietzsches Europa, Nietzsche, die Briefe Stifters lesend, Gedächtnisrede und Friedrich Gundolf*.

Th. Mann wandte sich an Bertram als Erster im Jahre 1910, nachdem sein Roman *Königliche Hoheit* (1909) herausgegeben war. Bertram reagierte auf sein „Referat“ halt ironisch und kritisch, wie Th. Mann im Brief vom 28. Januar bemerkt, und gab hinzu, der Roman über heutige königliche Dynastien sei „nicht genug ernst und treffend“. Es sei im Grunde ein „Märchen“ darüber, dass Glück des Erwählten, höheren Menschen möglich ist. Schlüsselwort war dabei „der Erwählte. Es ist der Titel des späteren Romans von Th. Mann und zugleich ein wichtiges Konzept des Bertrams Textes *Nietzsche, die Briefe Stifters*:

„Und in dieser Zeit zeichnet sich Nietzsche dankbar in Adalbert Stifters Briefen die Stelle aus: Darum spricht mich der Umgang mit einzelnen höheren Menschen („höheren Menschen!“) so an, und wenn es möglich zu machen wäre, dass ich mit ihnen den Nachsommer des Lebens begehen kann... Dieser Gedanke ist zu schön, als das er einmal wahr werden könnte. Und doch sollte der Versuch gewagt werden...“ (BERTRAM 1925: 334).

So begann der Dialog zwischen zwei Erwählten ihrer Zeit. Im zweiten Brief an Bertram gesteht Th. Mann, dass er schon längst einen Traum hegte, den Roman über Friedrich den Großen zu schreiben, wo er den deutschen Charakter, den Begriff des „Deutschtums“ definieren könnte, was auch Bertram so nah lag.

In seinem Nietzsche-Buch schrieb Bertram:

„Diese erzieherische bildende Leidenschaft deutschen Wesens (die in Luther und Lessing, in Herder und Goethe, in Schiller und Jean Paul, in Novalis, Stifter, Wagner nur deutsche Typen und Mittler sich schuf), sie ist eins mit dem echt deutschen Heimweh nach allem Sein, nach endlichem, späten und dankbarsten Ausruhen in Sein und Ge-

genwart, das den deutschen Menschen zu allen geformten Gebilden, Ländern, Völkern in seiner ganzen Geschichte so tragisch hinzieht“ (BERTRAM 1925: 86).

Die Reihe — erzieherisch, bildend, Leidenschaft, Heimweh nach allem Sein, Ausruhen in Sein und Gegenwart, tragisch — bezeichnet symbolisch die Richtlinie der künstlerischen Kommunikation von Bertram und Th. Mann während der ersten sieben Jahre ihrer Freundschaft (FÜLLMANN 2020; GRISKO 2008).

Im Bewusstsein von vielen Menschen ist Bertram der Autor eines Buches, an dem er im Zeitraum zwischen 1916 — 1918 arbeitete, parallel zu Th. Manns Arbeit an *Betrachtungen eines Unpolitischen*. Wenn man poetische und ästhetische Charakteristika dieser Schriften vergleicht, findet man eindeutige Zusammenhänge. „Geschwister-Bücher“, sagt man von ihnen. So im Th. Manns Brief an Philipp Witkopp steht:

„Ich mache Sie aufmerksam, möchte Sie und jedermann sehr aufmerksam machen auf ein Buch, den „Nietzsche“ meines Freundes Ernst Bertram, (soeben bei Bondi erschienen) (KOOPMANN 2005). Es gibt Kapitel darin, wie das „Ritter, Tod und Teufel“ überschriebene, bei deren Lektüre die Tränen mir nah sind. Im tiefsten Innern ist das Buch ein Geschwister meiner „Betrachtungen“ — Sie werden sehen oder doch fühlen, inwiefern...“ (MANN 1961: 221).

Und umgekehrt bei Bertram im Kapitel, wo er über die Bedeutung der ältesten Städte für europäische Kultur schreibt: Basel sei „die Insel des aristokratischen Humanismus“, Genua „die Stadt des Columbus, der Hafen neuer Meere“, Turin — „Gegenwart, erreichte meisterliche Reife“ und Venedig „durch Tristan-Zweideutigkeit durchdrungene äußerste Todesnähe und letzte Lebenssüße“. Das Bild von Venedig ist nicht nur von Platens und Konrad Ferdinand Meyers Lyrik beeinflusst, sondern auch von Manns Novellistik (BERTRAM 1925: 76).

Die Informationen über Intensität und Inhalte der Kommunikation zwischen Th. Mann und Bertram sind in erster Linie in den Briefen des Autors der *Betrachtungen* zu finden. Es blieben 256 davon erhalten. Bertrams Antworten verschwanden aber aus Marbacher Archiv im Jahre 1933. Doch sind andere Dokumente vorhanden, die die Geschichte der Freundschaft rekonstruieren lassen. Vor allem Bertrams Briefe an den mystischen Dichter Hans Carossa, den Vertreter der kulturhistorischen Schule, Forscher des Goethe-Nachlasses Friedrich Gundolf, die alle in Schiller-Nationalmuseum zu finden sind.

Aber von besonderer Bedeutung sind Herzensausschütterun-

gen von Ernst Glöckner, dem Lebensgefährten und vis-à-vis Bertrams, die von Ise Eng gesammelt und kommentiert waren.

Sie schrieben an einander fast jeden Tag. Oft waren diese Offenbarungen 10 Seiten lang, und es lässt Mann-Bertram Beziehung von verschiedenen Seiten kommentieren. Seit dem Jahre 1927 lebten sie zusammen.

Nach dem Tod von Glöckner im Jahre 1934 fühlte sich Bertram allein und aus dem Leben gestoßen. Er hörte jede Kommunikation mit den alten Bekannten auf, auch mit Th. Mann, abgesehen davon dass er 1918 zum Patenvater Elisabeth, des späteren Kindes des Schriftstellers, wurde, was Th. Mann in seiner Idylle *Das Lied vom Kindchen* so erhoben beschreibt. Er verhinderte auch Kontakte mit den Dichtern und Denkern aus dem Kreis um Stephan-George.

Da wäre es interessant zu erwähnen, dass George eine sehr große Rolle in seinem literarischen Werden gespielt hatte. In Vergleich zu den anderen Verehrern des großen Lyrikers, hing er nicht am „Ich-Ideal“ des mystischen Führers, sondern am „stilisierten Bild eines aristokratischen Deutschtums“, „akademischer und künstlerischer „Intelligenz“ dieser Persönlichkeit (JENS 1960: 295). Als Bertram nach dem Autor für die Einführung seines Nitsche-Buches suchte, wählte er zwischen Th. Mann, dessen Freundschaft er „menschlich-nobel“ fand, und George und blieb aus politischen Gründen bei der zweiten Figur (BERTRAM 1925: 307).

3. Ende der Freundschaftsgeschichte

Nach dem ersten Weltkrieg begann die schwerste Periode in den Beziehungen zwischen Th. Mann und Bertram.

Er konnte Th. Mann nicht verzeihen, dass er seine politischen Ansichten so rasch geändert hatte, der seine antifranzösischen Stimmungen ohne Weigerungen aufgehoben hatte, vor allem in seinen Artikeln *Pariser Rechenschaft* (1926) und *Deutsche Ansprache* (1930). In einem Brief an Glöckner schreibt er:

«Heute früh ist TM... abgereist... Wir haben viel auch über Politisches (Locarno, Tirol, Paris) gesprochen, und ich habe mit großer Offenheit alle Bedenken, Zweifel und Forderungen geäußert. Er — nicht“ (JENS 1960: 297).

Th. Mann bereute seinerseits den „professorischen Snobismus“ seines gelehrten Freundes. (1919 wurde Bertram als Dozent an die Universität Bonn berufen, 1922 erhielt er eine Professur an der Universität Köln).

Seit 1919 trafen sie sich seltener. Das letzte Mal sahen sie einander 1930, als Manns Kinder extra für Bertram ein Konzert machten, was den Letzten sehr beeindruckte und berührte. Mit Bitterkeit schrieb er danach an Glöckner:

„Das Politische natürlich bekümmern: er ist sehr gegen die Zollunion mit Österreich, wir könnten nicht gegen den Willen Europas tun; sogar das Saargebiet, meinte er, soll man doch schlimmstenfalls den Franzosen überlassen, sie würden doch diese Landschaft nicht französisch machen, die Grenzen hätten heute keine Bedeutung mehr. Ihm schienen alle Sorgen überholt, nationalsozialistisch und gegen die heute errungene Kulturstufe. Dass ein so kluger Mann nicht zur Anerkennung elementarer Tatsachen gebracht werden kann; dass er allen Ernstes glaubt, den Franzosen gehe es auch gar nicht besser, als uns... und ihre Angst vor Deutschland sei ganz berechtigt, da wir z. B. fast schon wieder so viel Schiffe wie vor dem Krieg hätten usw. — dies hat ganz Unbegreifliches und Trauriges“.

Nach der „Machtergreifung“ der Nationalsozialisten folgte die Zeit der politischen Verstrickung. Bertram begrüßte die Bücherverbrennung am 10. Mai 1933 mit Weiheversen:

„Verwerft, was euch verwirrt, / Verfemt, was euch verführt! / Was reinen Willens nicht wuchs, / In die Flammen mit was euch bedroht“.

Inwieweit sich Bertram im Laufe der nächsten 12 Jahre innerlich und äußerlich vom Nationalsozialismus distanzierte, kann nicht abschließend beurteilt werden. Sein Verhältnis zum Dritten Reich ist divergent und zumindest ansatzweise vergleichbar mit dem anderer „konservativer“ Künstler wie Hans Pfitzner oder Wilhelm Furtwängler.

Im September 1945 kam eine universitätsinterne Entnazifizierungskommission zu dem Schluss, dass Bertram „als ein Mann ausgewiesen“ (ist), „der zu den Ernährern des Nationalsozialismus gehört“. 1946 wurde Bertram des Lehramts enthoben, 1950 erfolgte in einer Überprüfung des Entnazifizierungsverfahrens seine Rehabilitierung und Emeritierung. Als Hochschullehrer arbeitete er nicht mehr.

Was Kontakte zwischen Th. Mann und Bertram anbetrifft, ist es zu erwähnen, dass Bertram das Buch *Johann Müllers Briefe an seinen ältesten Freund in der Schweiz* 1935 an Th. Mann sendete (MUELLER 1812). Es ist eine Geschichte über Beziehungen zwischen Verleger und seinem Lieblingssautor, Historiker J. Mueller, in der Zeit von 1771 bis 1807 (ALZ 1812). Man denkt an Politik, an alle starken und schwachen Seiten der alten und neuen Schriftsteller, an Bücher und

Weltweisheiten, an Resignation und politische Aktivitäten. Hier besteht eine gewisse Projektion auf die Freundschaft von den Autoren.

1949 schickte Th. Mann eine Postanzeige an Bertram:

„Leben sie recht wohl, lieber Freund. Unsere herzlichsten Wünsche sind mit Ihnen. Ich glaube, Sie kennen mich als Einen, der nie etwas aus seinem Leben verliert, sondern alles immer lebendig mit sich weiterführt, — wie denn vor allem nicht alte Freundschaft!“ (JENS 1960: 307).

Ein paar Jahre später haben sie den Briefwechsel neu aufgenommen. Da ging es aber um allgemeine Fragen (HARPPRECHT 1995; KURZKE 2002).

4. Fazit

Bertram blieb sich sein ganzes Leben lang treu, indem Th. Mann sich änderte. Für ihn ist Ironie von großer Bedeutung. Er ist ein besonderer Typ des Politischen Schriftstellers, den man nach Max Richner ein „Ritter“ nennen könnte und *Betrachtungen* als einen „geistigen Abenteuer- und Liebesroman“ definieren, geschrieben von einem, der auszog, um das Deutschtum ergründen zu lernen, von dem er, wie der fahrende Ritter von seiner Dame, nicht viel anderes wusste, als dass er es liebte (RICHNER 1948: 588).

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Mann T. Собрание сочинений. В 10 т. / пер. Е. Эткинда. М.: Гослитиздат, 1959-1961. [Mann, Thomas. (1959-1961) *Collected Works*. In 10 vols. Moscow: Goslitizdat. (In Russian)].
- ALZ — Allgemeine Literatur-Zeitung. (1812) Aufl. 31.
- Bertram, Ernst. (1925) Nietzsche, die Briefe Adalbert Stifters lesend. *Ariadne*. Jahrbuch der Nietzsche-Gesellschaft, 7—26.
- Füllmann, Rolf. (2020) *Thomas Mann. Literatur kompakt*. Bd 18. Baden-Baden: Tectum Verlag.
- Grisko, Michael. (2008) (ed.) *Die Manns — Bilder einer Familie*. Siegen: Carl Bösch Verlag.
- Harpprecht, Klaus. (1995) *Thomas Mann: Eine Biographie*. Reinbek: Rowohlt-Verlag.
- Harpprecht, Klaus. (2014) Thomas und Heinrich Mann. *Die Zeit*, 8.
- Jens, Inge. (1960) (ed.) *Thomas Mann an Ernst Bertram*. Briefe aus den Jahren 1910 — 1955. Pfullingen: Neske.
- Koopmann, Helmut. (2005) (ed.) *Thomas-Mann-Handbuch*. Stuttgart: Alfred Kröner.
- Kurzke, Hermann. (2002) *Thomas Mann — Das Leben als Kunstwerk. Eine Biographie*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH.

- Mann, Erika. (1962) (ed.) *Thomas Mann Briefe I: 1889 — 1936*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH.
- Mann, Thomas. (1960-1974) *Gesammelte Werke in 12 Bd.* Bd.12. Frankfurt am Main: S. Fischer.
- Mann, Thomas. (2011) *Betrachtungen eines Unpolitischen*. Frankfurt am Main: S. Fischer.
- Mueller, Johann. (1812) *Johann Müllers Briefe an seinen ältesten Freund in der Schweiz*. Geschrieben in den Jahren 1771 bis 1807. Zürich: Orell & Füssli.
- Richner, Max. (1948) Thomas Mann und die Politik. *Hamburger Akademische Rundschau*, 2. Jahrgang, Heft 11/12, 588.
- Sontheimer, Kurt. (1958) Thomas Mann als politischer Schriftsteller. *Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte*, 6. Jahrgang, Heft 1, 1—44.

С. Н. Аверкина

Нижегородский государственный лингвистический университет

И. С. Разина

Нижегородский государственный лингвистический университет

Томас Манн и Эрнст Бертрам:

история одной дружбы в свете трагической эпохи

Статья посвящена чрезвычайно сложным и важным для понимания становления политической мысли Томаса Манна периода Первой мировой войны и первых лет существования Веймарской республики отношениям писателя с ученым и мыслителем Эрнстом Бертрамом. Неоромантический и ницшеанский темперамент исследователя Адальберта Штифтера привлекал автора *Записок аполитичного* многие годы, однако осознание реальной политической ситуации в Германии после 1918 г. привело к охлаждению отношений между Т. Манном и Бертрамом. Одинокий и эксцентричный Бертрам не смог понять обращения писателя к демократическим ценностям нового исторического периода. Так собеседники и единомышленники оказались по разные стороны баррикад, как в свое время Т. Манн противопоставлял свою мировоззренческую позицию позициям Генриха Манна, сторонника либерализма французского образца, последователя Эмиля Золя и Ги де Мопасана. Политическое прозрение писателя, произошедшее и закрепившееся в первые годы существования Веймарской республики, существенно изменило его творческие принципы и открыло новый грандиозный период в жизни писателя. Именно ошибки, сделанные в период милитаристского мракобесия 10-х гг., привели Т. Манна к созданию *Волшебной горы*, тетралогии *Иосиф и его братья* и *Доктора Фаустуса*.

Ключевые слова: мировоззрение; ницшеанство; неоромантизм; Первая мировая война; фашизм

Svetlana N. Averkina
Nizhny Novgorod State Linguistics University

Irina S. Razina
Nizhny Novgorod State Linguistics University

**Thomas Mann and Ernst Bertram:
The Story of Friendship in the Light of the Tragic Era**

The article is devoted to the incredibly complicated and important for understanding formation of the political thought of Thomas Mann during the First World War and the first years of the Weimar Republic, the writer's relationship with the scientist and thinker Ernst Bertram. The Neoromantic and Nietzschean temperament of the researcher Adalbert Stifter attracted the author of the *Reflections of a Non-Political Man* for many years, but the real political situation in Germany after 1918 led to a cooling of relations between Th. Mann and Bertram. The lonely and eccentric Bertram could not understand the writer's appeal to the democratic values of the new historical period. So the like-minded people found themselves on different sides of the barricades, just as Th. Mann once contrasted his worldview with the one of Heinrich Mann, a supporter of French-style liberalism, a follower of Emile Zola and Guy de Maupassant. The political insight of the writer, which came and reinforced in the early years of the Weimar Republic, significantly changed his creative principles and opened a new grand period in writer's life. It was a mistake made during the militaristic obscurantism of the 10s that led Th. Mann to create *The Magic Mountain*, the tetralogy *Joseph and His Brothers* and *Doctor Faustus*.

Keywords: worldview; Nietzscheanism; Neo-Romanticism; World War I; fascism

А. И. Васкиневич

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

**ПРОБЛЕМА КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В РАБОТЕ ЙОЗЕФА ФОН ЭЙХЕНДОРФА
ОБ ЭТИЧЕСКОМ И РЕЛИГИОЗНОМ ЗНАЧЕНИИ
НОВОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ В ГЕРМАНИИ**

Статья посвящена недостаточно изученной проблеме формирования в историко-литературных сочинениях Йозефа фон Эйхендорфа оценки творчества романтиков на основе представлений о романтической поэзии как поэзии католической. Исследование показывает, как понятия католицизма и протестантизма, трактуемые не в догматическом смысле, игнорирование реальной конфессиональной принадлежности писателей, субъективные пристрастия Эйхендорфа приводят к некорректной оценке творчества и парадоксальным выводам о конфессиональной идентичности анализируемых романтических авторов.

Ключевые слова: немецкий романтизм; романтическая поэзия; Эйхендорф; религия; конфессиональная идентичность

1. Введение

В русскоязычном пространстве барон Йозеф Карл Бенедикт фон Эйхендорф (Joseph Karl Benedikt Freiherr von Eichendorff, 1788 — 1857) известен в первую очередь как поэт и автор новеллы *Из жизни одного бездельника*. До сих пор не переведена на русский язык значительная часть прозы Эйхендорфа и его историко-литературные сочинения. Проблема религиозного сознания немецких романтиков исследуется еще в работе *Религиозное отречение в истории романтизма* В. М. Жирмунского, однако в ней трансформация религиозных представлений немецких романтиков описывается как «переход от индивидуалистической мистики и религиозно-философского гностицизма йенской поры к положительной вере и традиционному религиозному учению католической церкви» (ЖИРМУНСКИЙ 1919: 24), вопрос о конфессиональной дифференциации не ставится. Современные русскоязычные работы отчасти поднимают вопрос специфики католического мировоззрения, выражающейся в художественных текстах Эйхендорфа (ЧЕРЕПАНОВ 2014b), но в русле сложившейся традиции рассматривают взгляды Эйхендорфа на искусство как полемику с метафизическими представлениями йенцев (ЧЕРЕПАНОВ

2014a), не подвергая критическому анализу взгляды самого Эйхендорфа. А. В. Михайлов отмечает, что труды романтиков по истории поэзии и искусства представляют особый жанр романтического времени (МИХАЙЛОВ 1987: 23), однако этот жанр до сих пор в наименьшей степени исследован российскими учеными.

Полемика вокруг работы Эйхендорфа *Об этическом и религиозном значении новой романтической поэзии в Германии* отражена в научных комментариях, в ряде рецензий и в других документах эпохи, приводимых в шестом томе франкфуртского издания собрания сочинений Эйхендорфа (EICHENDORFF 1990), подготовленном Хартвигом Шульццем, а также в статье Кристофа Холлендера *Дискурс о поэзии и религии в литературе об Эйхендорфе* (HOLLENDER 1995: 194). Вопрос о католицизме в немецкой литературе XIX в. ставится в обширном исследовании Ютты Осински, где Эйхендорфу посвящена небольшая глава (OSINSKI 1993: 183-191), а работа *Об этическом и религиозном значении новой романтической поэзии в Германии* и вопрос конфессиональной идентификации не становятся предметом специального рассмотрения. Рецепция Эйхендорфом творчества ряда романтиков, упомянутых в его историко-литературных трудах, рассматривается в ряде исследований немецких ученых, проясняющих частные вопросы литературного влияния и взаимодействия (FRÜHWALD 1986; KESSLER 1989; KÖHNKE 1985; NEHRING 1985; OSINSKI 1994; SCHUNMANN 1966; WINGERTZAHN 1994).

В предлагаемой статье впервые осуществляется попытка критически рассмотреть вопрос конфессиональной идентичности в историко-литературной работе Эйхендорфа *Об этическом и религиозном значении новой романтической поэзии в Германии*.

2. Характеристика материала и методов исследования

Барон Йозеф Карл Бенедикт фон Эйхендорф был представителем позднего немецкого романтизма и лично знал многих немецких романтиков. Работа *Об этическом и религиозном значении новой романтической поэзии в Германии* («Über die ethische und religiöse Bedeutung der neuen romantischen Poesie in Deutschland») вышла в 1847 г. и представляла собой своеобразное подведение итогов романтизма.

Она явилась продолжением ряда статей, получивших общее название *К истории новейшей романтической поэзии в Германии* («Zur Geschichte der neueren romantischen Poesie in Deutsch-

land»), опубликованных в 1846 г. в *Историко-политических листках для католической Германии*, одним из издателей которых был Гвидо Гёррес, сын Йозефа Гёрреса.

В этих работах есть ряд пересечений. Во-первых, они касаются дефиниции поэзии. В первой статье из цикла *К истории новейшей романтической поэзии в Германии* Эйхендорф определяет поэзию как «выражение («Ausdruck»), плоть («der seelische Leib») внутренней истории нации» (EICHENDORFF 1990: 13), самой же внутренней историей нации он считает религию. Таким образом, поэзия является для него выражением религиозных идей нации. Во введении к работе *Об этическом и религиозном значении новой романтической поэзии в Германии* он повторяет эту дефиницию (Там же: 62), которая остается для него актуальной и в более поздних работах и дословно повторяется в *Истории поэтической литературы Германии* («Geschichte der poetischen Literatur Deutschlands»), вышедшей в 1857 г. (Там же: 895).

Эйхендорф, с одной стороны, расширяет понимание Гердера и гейдельбергских романтиков, считавших *народную* поэзию выражением духа нации, с другой стороны, сужает этот дух нации до религиозных идей. В романтической теории понятие духа вписано в концепцию трансцендентальной философии. Эйхендорф же возвращается к теологическому подходу, с точки зрения которого духовная жизнь есть жизнь религиозная. Понимание сущности романтической поэзии как поэзии христианской заметно и у Фридриха Шлегеля, особенно после его перехода в католицизм (UERLINGS 1991: 37), но Эйхендорф, испытавший влияние Шлегеля, слушавший его лекции по истории литературы (SCHUMANN 1966: 343, 347), идет дальше, понимая романтическую поэзию как поэзию по сути своей католическую.

На сдвиг в понимании сущности романтической поэзии, совершаемый Эйхендорфом, указывает Ютта Осински в монографии *Католицизм и немецкая литература в 19 столетии*: «Пока Эйхендорф не устанавливает содержание того «высшего» [что выражает поэзия], его модель в основе своей не отличается от раннеромантической поэтики Новалиса или Шлегеля докатолического периода. Но для католика «высшее» не определяется произвольным пониманием субъекта, его содержание не открыто, а ясно предписано догматически. И поэтому романтическая поэзия хотя и может быть в целом определена как «духовная поэзия», поскольку она

представляет все земное как символ высшей тайны, но истинно романтической и истинно духовной она становится лишь постольку, поскольку является истинно католической» (OSINSKI 1993: 185).

Эту установку Эйхендорфа отмечали уже его современники. Критик Вольфганг Менцель (1798 — 1873) в рецензии 1847 г. четко определяет задачу работы Эйхендорфа, которой подчинены все его рассуждения, — «прямо связать романтическую поэзию с католической церковью и определить их интересы как неразделимые» (EICHENDORFF 1990: 1157).

И действительно, в заключении Эйхендорф формулирует тезис о том, что содержание романтизма было по сути своей католическим, знаком зародившейся в протестантизме тоске по родине-церкви. Ему, правда, приходится объяснять тот факт, что большинство романтических поэтов были протестантами. Малый интерес к романтизму на католическом юге Германии он объясняет тем, что там еще не угасла поэзия самой религии, в то время как на протестантском севере романтическая поэзия стала своего рода переводчиком на язык католицизма.

С такими выводами были готовы согласиться не все современники Эйхендорфа. Рудольф Рохолль, будущий священник (с 1850 г.) в рецензии 1848 г., опубликованной в *Журнале лютеранской теологии и церкви* («Zeitschrift für die gesammte lutherische Theologie und Kirche») писал: «Он хотел показать религиозное значение школы, но понял лишь ее значение для римской церкви. <...> Здесь, на почве протестантизма происходило развитие, знаком которой она была, здесь принесла она свои плоды» (Там же: 1167).

Современные исследователи также подчеркивают, что «немецкий романтизм — протестантского происхождения» (OSINSKI 1994: 190), однако исходят из предпосылок, близких к концепции историко-литературных работ Эйхендорфа: романтизм протестантского происхождения «покоится на мировоззрении, в котором христианство должно быть преодолено», поскольку религию замещает сакрализованное искусство, католицизм становится сокровищницей образов и мотивов, превращаясь в «новую мифологию» (Там же: 190). Этим тезисам противостоят приводимые данные о переходе ряда романтических авторов в католичество (Там же: 192). Несмотря на явные тенденции, заслуживающие специального изучения, — зарождение романтизма в основном в протестантской среде и переход ряда

романтических авторов в католицизм — осмыслены они недостаточно, немногочисленные частные исследования не позволяют воссоздать общей картины (WIESE 1927; WENZ 2016).

Мы имеем дело с противоречивым историко-литературным взглядом на вопрос конфессиональной идентичности в романтизме, взглядом, сложившимся еще в работах Эйхендорфа, однако сохраняющимся и в современных исследованиях и требующим ревизии.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Эйхендорф, рассуждая о религиозном значении поэзии романтиков, не уточняет, к какой конфессии принадлежали эти авторы, и трактует их творчество местами весьма своеобразно, пытаясь вывести их конфессиональную идентичность из текстов, а по сути приписывая им конфессиональную идентичность исходя из собственных представлений.

Предвзятость выводов Эйхендорфа отмечали уже его современники. Еще Фридрих Теодор Фишер (1807 — 1887) в рецензии 1848 г. на эту работу Эйхендорфа заметил: «...автор хвалит, собственно, не романтиков, а то, чем они были бы, если бы соответствовали его воззрениям» (EICHENDORFF 1990: 1162).

Развитие немецкой поэзии нового времени Эйхендорф связывает с основной, как он считает, идеей Реформации: «революционной эмансипацией субъективности». Эта мысль появляется уже в первой статье из цикла «К истории новейшей романтической поэзии в Германии», в этих статьях он дает и краткий обзор доромантической и романтической литературы. В работе *Об этическом и религиозном значении новой романтической поэзии в Германии* Эйхендорф значительно расширяет материал своего исследования.

Во введении он в основном рассматривает доромантическую фазу развития немецкой литературы в ее религиозном аспекте. Из романтического движения в сферу внимания Эйхендорфа попадают самые разные его представители, от раннего до позднего этапов его развития: Новалис, Вильгельм Вакенродер, Август Вильгельм Шлегель и Фридрих Шлегель, Адам Мюллер, Хенрик Стеффенс, Йозеф Гёррес, Ахим фон Арним, Людвиг Тик, Захарияс Вернер, Клеменс Brentано, Макс фон Шенкендорф, Фридрих де ля Мотт Фуке, Людвиг Уланд, Юстинус Кернер, Генрих фон Клейст, Август фон Платен, Э. Т. А. Гофман, Карл Лебрехт Им-

мерман, Фридрих Рюккерт, Адельберт фон Шамиссо.

В предисловии к работе *Об этическом и религиозном значении новой романтической поэзии в Германии*, написанном в апреле 1847 г. в Вене, Эйхендорф уточняет, что в ней не дается эстетической оценки творчества рассматриваемых авторов, но определяется роль романтизма «в общем образовательном процессе нации» (Там же: 61).

Основную часть своего обзора Эйхендорф начинает с творчества Новалиса. Как отмечает Клаус Кёнке, рецепция Эйхендорфом творчества Новалиса основывалась на ложных интерпретациях, характерных для позднеромантического периода (Кёнке 1985: 64). Эйхендорф подробно останавливается на трактате Новалиса *Христианство, или Европа* и делает удивительный вывод, что только католицизм был для поэта настоящим, истинным христианством. Этот тезис католика Эйхендорфа, конечно, вызывает вопросы, учитывая то обстоятельство, что сам Новалис был протестантом.

Новалис родился в семье с пиетистскими традициями, его отец был близок к общине гернгутеров, но при этом дядя Новалиса, у которого будущий поэт жил какое-то время в детстве и который также оказал на него определенное влияние, был комтуром (главой округа) Тевтонского ордена, соответственно, католиком.

Но что имел в виду в своем трактате *Христианство, или Европа* сам Новалис? Он называет золотым веком Европы те времена, когда ее объединяла единая христианская вера. Он называет эти времена «ächtkatholisch» или «ächt christlich» (NOVALIS 1984: 528), употребляя эти выражения как синонимы. На русский язык уместно было бы перевести «ächtkatholisch» не как «истинно католические» (НОВАЛИС 2003: 135; пер. В. Б. Микушевича), а как «истинно католические» времена, поскольку Новалис употребляет здесь слово «katholisch» в значении единства и полноты церкви, ее всеобщности, соборности (от греч. καθολικός 'всеобщий, всецелый').

Правда, в критической литературе встречается мнение, что и Эйхендорф использует понятие «katholisch» не в конфессиональном смысле, а как принцип католичности, всеобщности. Этой точки зрения придерживается Михаэль Кесслер: «Не о католицизме (Katholizismus) в смысле конфессиональной этикетки идет речь, а о католичности (Katholizität), то есть, о действии и

мышлении *katholon*, согласно с всеобщим» (KESSLER 1989: 74).

Однако Эйхендорф акцентирует внимание на критике Новалисом протестантизма. Новалис действительно отмечает негативное влияние протестантизма, выразившееся в разделении, расколе единой церкви. Но он упоминает и о заслугах протестантов (с его точки зрения, они установили верные основания, устранили ряд ложных положений католицизма), а в итоге высказывает не идею реставрации католицизма, как утверждает Эйхендорф: «Только возвращение к *истинной* религии, т. е. к католической церкви, может принести искомое спасение и возрождение» (EICHENDORFF 1990: 95), а пожелание, чтобы христианство снова стало живым, действенным и единым, не имеющим границ, надмирным, с новым Иерусалимом как столицей мира. Именно в этом Новалис видит задачу современности, при этом, говоря о возрождении религии, он употребляет термин «*Religionserweckung*» (духовное пробуждение, возрождение), характерный для пиетизма и гернгутеров, что вполне естественно для человека, воспитывавшегося именно в этих религиозных традициях (NOVALIS 1984: 544). Для пиетистов и гернгутеров было характерно стремление к преодолению межконфессиональных барьеров и объединению всех христиан, поскольку они делали акцент на «живой вере», устремленной к преображению человеческой природы в новом рождении в Боге и на «религии сердца», переживании личных отношений со Христом. Это же было важно и для романтиков.

Но Эйхендорф в первую очередь обращает внимание на те моменты, которые у авторов-протестантов были связаны с рецепцией католической культурной традиции. Например, у протестанта Тика (жена и дочь которого перешли в католицизм) он считает самым совершенным произведением его *Геновеву*, в которой «царит католическое мировоззрение» (EICHENDORFF 1990: 138), обусловленное, объективно говоря, самим сюжетом, посвященным святой, почитаемой католической церковью. Тот факт, что для Тика были возможны и другие сюжеты, кроме католически ориентированных, становится для Эйхендорфа поводом обвинить автора в легкомыслии. Ирония, к которой прибегает Людвиг Тик, не позволяет, с точки зрения Эйхендорфа, вывести конфессиональную идентификацию автора из его произведений: «Нигде мы поэтому не наблюдаем у Тика конфессионального вы-

бора; решение его сердца от нас ускользает каждый раз в драматической борьбе противоположных взглядов; и с тем же вдохновением, с которым он в своих сочинениях о средневековье воздает хвалу католическому мировоззрению, он представляет протестантскую точку зрения в «Восстании в Севеннах» (Там же: 143). Эйхендорф считает такую конфессионально нейтральную позицию Тика-автора подрывающей основы романтизма, являющегося «заклятым врагом всякого нейтралитета» (Там же: 144).

Говоря о протестанте Вакенродере, Эйхендорф останавливается на впечатлении от католического богослужения, описанном в *Сердечных излияниях отшельника, любителя искусств* (написаны в 1795-1796 гг. совместно с Людвигом Тиком), и повлиявшем как на романтическую литературу, так и на формирование художников-назарейцев, стремившихся возродить христианское искусство. Эйхендорф видит, однако, опасность как в сентиментально окрашенном восприятии религии Вакенродером, так и в обмирщении живописи назарейцев, изображавших не только религиозные сюжеты, но и создававших жанровые картины. Хотя католика-Эйхендорфа должно было бы порадовать, что назарейцы из протестантизма перешли в католичество: в 1813 г. — Овербек, в 1814 г. — Фридрих Вильгельм фон Шадов. Художник Филипп Фейт, лично знакомый Эйхендорфу, сын Доротеи Шлегель, супруги Фридриха Шлегеля, принял католичество еще в 1810 г. вслед за матерью и отчимом. Доротея Шлегель перешла в 1804 г. из иудаизма в протестантизм, а затем вместе с Фридрихом Шлегелем в 1808 г. — в католицизм. Однако этот факт внимание Эйхендорфа привлекает лишь отчасти, далее он говорит только о переходе в католичество Фридриха Шлегеля.

Фридриху и его брату Августу Вильгельму Шлегелю тоже посвящена небольшая, но важная главка в трактате Эйхендорфа. Августа Вильгельма он критикует за его «дипломатический» подход к религии, как религии универсальной. Религиозное мировоззрение Фридриха Шлегеля представлено в развитии. Ранние идеи Шлегеля о гениальности как истинной добродетели, а религии — как наполненности Богом, Эйхендорф считает «поэтическим заблуждением» («Täuschung»), останавливается на его критике протестантизма и приветствует переход писателя в лоно католической церкви, и хвалит его поэзию, «пробуждающую национальное чувство через внутреннее обращение к единственному

божественному Спасителю» (Там же: 116). Поиски религиозной самоидентификации Фридриха Шлегеля имели, с точки зрения Эйхендорфа, решающее значение для всего романтизма. Фридрих Шлегель осознал, что романтизм только тогда обретет свое истинное значение и исполнит свою миссию религиозного освящения всей жизни, если сам получит церковное освящение. Благодаря Фридриху Шлегелю, основателю романтизма, романтизм «действительно стал религиозной силой, одновременно чувством и поэтической совестью католицизма» (Там же: 116).

В целом, в раннем романтизме от Новалиса до Фридриха Шлегеля Эйхендорф видит «христиански религиозное наполнение и оживление искусства, науки и жизни» (Там же: 120).

Что касается гейдельбергского романтизма и романтизма следующего этапа развития, его он оценивает дифференцированно.

Вопрос конфессиональной идентичности затрагивается Эйхендорфом не во всех случаях. Рассматривая творчество протестантских авторов Шенкендорфа и Фуке (из французских гугенотов), он останавливается на общехристианских мотивах их творчества.

Мельком упомянув перешедшего в 1805 г. в католицизм Адама Мюллера и протестанта Стеффенса, Эйхендорф восторженно отзывается о католике Йозефе Гёрресе, видя в нем олицетворение истинного романтизма. Он акцентирует внимание на участии Гёрреса во всех важных проектах национального развития и видит его силу в убежденности, что истинная свобода имеет религиозную, католическую основу.

Высоко оценивает Эйхендорф и протестанта Ахима фон Арнима. Надо отметить, что Арним был практически единственным протестантом в кругу своих католических друзей — Гёрреса, Клеменса Brentano (женился Арним на католичке Беттине Brentano, сестре Клеменса). Однако именно романтизм Арнима Эйхендорф считает «самым чистым и самым здоровым», а самого поэта — настоящим, а не стилизованным рыцарем современности. «Сила его поэзии вообще в ее этическом элементе», — пишет Эйхендорф об Арниме. — «Она заключается в целомудренном избегании всякой аффектации, резко отвергающем даже любое традиционное для поэзии приукрашивание» (Там же: 130). В качестве примера он приводит роман Арнима *Бедность, богатство, предрешение и покаяние графини Долорес*. Отсылка к этому роману со-

держится и во введении к работе, где он ставит своей целью рассмотрение «богатства, прегрешения и покаяния» романтизма. «Хотя он был и оставался протестантом, по сути он был бóльшим католиком, чем большинство его католических современников», — такой парадоксальный вывод делает Эйхендорф об Арниме (Там же: 131).

Такой вывод удивлял уже современников Эйхендорфа. Фридрих Теодор Фишер в упомянутой выше рецензии 1848 г. задается вопросом: «Что дает автору право, постольку поскольку Арним, как и все романтики, полемизирует против разума, говорить о нем: хотя он был и остается протестантом, его произведения все же по сути более католические, чем у большинства его католизирующих современников и коллег? Потому что он не трактует католицизм вольно и не украшает его фантастически? Обычный католицизм был для Арнима поэтическим мотивом, этический образ мыслей наверняка ведь можно найти и вне католицизма» (Там же: 1162-1163).

Правда, что касается Арнима, Эйхендорф был, судя по всему, не единственным, кто считал его выразителем католических идей. Ранее Генрих Гейне в *Романтической школе*, вышедшей в 1836 г., писал: «Мне кажется, слава Арнима не могла быть особенно велика, потому что он все еще оставался слишком протестантом для своих друзей, для католической партии, тогда как протестантская партия со своей стороны считала его тайным католиком» (ГЕЙНЕ 1958: 234; пер. А. Горнфельда). Томас Штернберг в статье, анализирующей воззрения Арнима на религию и конфессию, приводит даже факт доноса на писателя, совершенного Иоганном Генрихом Фоссом, находившимся в постоянной полемике с гейдельбергскими романтиками, министру юстиции Карлу фон Цильнгардту, где он характеризует Арнима как «мнимого протестанта», «паписта», «приверженца римской церкви» и т. п. Сам Арним смеялся над тем, что Фосс считает его тайным католиком, и указывал на то, что, хотя авторы-протестанты и заимствуют для своего творчества материал католических сюжетов, они решительно остаются протестантами (STERNBERG 1990: 30).

Таким образом, странная на первый взгляд конфессиональная характеристика Арнима восходит к его восприятию современниками. Некоторые причины такой рецепции приводятся в

статье Штернберга.

Но случай Арнима — не единственный парадокс в работе Эйхендорфа, связанный с конфессиональной идентификацией авторов.

Напомним, что во введении Эйхендорф исключительно негативно оценивает значение Реформации, считая ее существенным фактором, повлиявшим на развитие поэзии нового времени. Значение Реформации он видит в том, что она осуществила революционную эмансипацию субъекта. В романтической поэзии он видит аналогичную тенденцию: утверждение безусловной свободы субъекта. Неограниченная свобода субъекта, провозглашенная новой поэзией, противопоставляется традиции, а гениальность трактуется им как демоническое начало. Нужно отметить, что в рамках предромантической и романтической эпохи последнее связывалось и с античной традицией понимания греческого понятия демон (даймон) в его соответствии понятию гения в римской культуре в позитивном смысле (дух-хранитель). В таком смысле эти понятия были усвоены авторами «Бури и натиска», Гёте. На это указывает Адина Бандичи в работе *Греческий Daimon и римский Genius — от античности к понятию гения у Гёте* (BANDICI 2013) и ряд других авторов. Эйхендорф же употребляет понятие демонического в христианско-религиозном контексте, отсюда и негативная оценка этого понятия.

Более того, реализацию вышеупомянутой тенденции романтической поэзии к утверждению безусловной свободы субъекта, коренящуюся с точки зрения Эйхендорфа в Реформации, он видит в жизни и творчестве авторов-католиков, в частности, брата и сестры Клеменса и Беттины Brentano. Одну из приводимых цитат из Беттины Brentano о танце души, часто ругаемом как своеволие, но являющимся волей к жизни, он комментирует так: «Мы назовем эту пляску святого Вита опьяненного свободой субъекта тем *демоническим*, чем невероятно расточительная фея почти в равной мере наградила брата и сестру, Беттину и Клеменса, еще в колыбели» (EICHENDORFF 1990: 181). В Клеменсе Brentano он видит человека, боровшегося с этим демоном всю жизнь. Brentano действительно известен тем, что в 1817 г. после генеральной исповеди публично отказался от светского творчества (правда, до конца не оставив его) и посвятил себя записи видений стигматизирующей монахини Анны Ката-

рины Эммерик и написанию религиозных сочинений.

Феномен «религиозного отречения» романтиков, описанный несколько позже в русскоязычном литературоведении В. М. Жирмунским (ЖИРМУНСКИЙ 1919), по мнению Вольфганга Липе, высказанному им в 1914 г., только и позволил Эйхендорфу идентифицировать себя с романтизмом: «Этот отход романтизма от своей начальной точки, от свободы субъекта, <...>, ее смиренное подчинение церковной догме было первейшим условием того, что ортодоксальный католик Эйхендорф вообще воспринял романтическую поэзию как поэзию и смог сам радостно признать себя романтиком» (ЛИПЕ 1914: 261). Этот путь религиозного отречения как метанойи, перемены ума, и являющейся истинным покаянием, Эйхендорф высоко ценит у романтических авторов. Отсюда не случайным кажется и перенос схемы романа Арнима «богатство, прегрешение и покаяние» на развитие романтизма, понятнее становится и высокая оценка протестанта-Арнима как большего католика, чем сами католики.

«Совершенно субъективным писателем» Эйхендорф считает Захарию Вернера, перешедшего в 1811 г. в католичество и в 1814 г. принявшего сан священника. Эйхендорф указывает на такие детали биографии Вернера, как помешательство на религиозной почве его матери, считавшей себя Девой Марией, а своего сына — Спасителем, но никак не комментирует эти сведения. Зато он отмечает внутреннюю противоречивость натуры Вернера, разрывающегося между чувственностью и религиозным стремлением. Заслугу Вернера он видит в том, что тот «сразу распознал религиозный элемент романтизма как имеющий сущностное значение, а развитие этого элемента — как дело своей жизни» (EICHENDORFF 1990: 149). Поиск конфессиональной идентичности, отказ от заблуждений юности, переход в лоно католической церкви и принятие священнического сана становится, по мнению Эйхендорфа, определяющим в становлении личности и творчества Захарии Вернера.

Напротив, протестанта Уланда он упрекает в том, что католицизм в его творчестве представлен лишь на уровне художественных атрибутов, эстетически, но не сущностно. С точки зрения Эйхендорфа, Уланд тем самым отошел от романтизма, которому Эйхендорф в качестве сущностной, отличительной черты приписывает укорененность в «католической родине», которую

Уланд покинул. Теряя католическую основу, поэзия теряет и основу этическую. Уланд становится для Эйхендорфа главным представителем протестантской тенденции среди романтиков.

Эта тенденция определила, с точки зрения Эйхендорфа, трагическую разорванность Юстинуса Кернера, Генриха фон Клейста и Августа фон Платена. Истоки ее он видит в отсутствии у протестантизма истинного фундамента, ведущего лишь к постоянным *поискам* ускользающей истины. Надо отметить, что уже у Фридриха Шлегеля в лекциях по истории древней и новой литературы, прочитанных (после его перехода в католицизм) в Вене в 1812 г. и опубликованных отдельной книгой в 1814 г., содержатся размышления о душевном и духовном смятении героя нового времени. Так, Шекспир, с его точки зрения, «изображает человека в глубоком падении, показывая нам часто с резкой отчетливостью расстройство, пронизывающее все его действия, мысли и стремления» (ШЛЕГЕЛЬ 1983: 324). Человек нового времени, порожденного Реформацией, — человек смятенный. Протестант все время протестует, иначе он перестает быть протестантом, полемика отражает дух протестантизма — такие представления высказывает Ф. Шлегель в главе *О характере протестантов* своей работы о Лессинге (OSINSKI 1993: 71). В католицизме романтики (OSINSKI 1994: 191), в том числе Ф. Шлегель (WIESE 1927: 58), видят гармонический идеал, «дух мирен», стяжание которого становится для них средством разрешения противоречий «разорванного» человека нового времени.

В поздней романтической поэзии Эйхендорф видит духовный упадок, когда «религиозный элемент вытесняется фантазией» (EICHENDORFF 1990: 247), превращающейся в игру и вульгарность. Образцом такого религиозного упадка он считает, например, творчество Гофмана, не старавшегося в отличие от Брентано бороться с демоническим началом в себе, а холившего и лелеявшего его так, что оно превратилось в дьявольское. В основе такого упадка, как считает Эйхендорф, лежит недостаток глубины истинного поэтического чувства. Этот недостаток имеет, с точки зрения Эйхендорфа, этическую природу. Он считает, что неслучайно именно Гофман стал так популярен во французском романтизме, который он характеризует как «абсолютно аморальный» (Там же: 254). Подобная оценка Гофмана, так же, как и в ряде других случаев, основывается не только на личных впечат-

лениях Эйхендорфа, но и на рецепции жизни и творчества Гофмана современниками. Эйхендорф опирается на биографию Гофмана, изданную в 1823 г. Юлиусом Эдуардом Хитцигом (Эйхендорф использовал издание 1839 г.), негативный отзыв Вальтера Скотта и т. п. (NEHRING 1985: 95, 105)

Заканчивает Эйхендорф свой обзор краткой характеристикой Иммермана, Рюккерта и Шамиссо, творчество которых представляет для него закат романтизма.

4. Заключение

Свойственное романтикам представление о христианской основе романтической поэзии Эйхендорф сужает до принадлежности писателей к католицизму. Более того, он считает истинно романтическими авторами лишь выразителей католических идей, отождествляя романтизм с католицизмом. При этом, правда, он понимает католицизм как принцип, как идею, что позволяет ему говорить о католицизме протестантских авторов. Однако, что конкретно он понимает под этим принципом, нуждается в уточнении. Мнение о том, что говоря о католицизме, Эйхендорф имеет в виду принцип кафоличности, представляется не вполне убедительным, поскольку Эйхендорф противопоставляет католицизм протестантизму, негативно оценивает влияние Реформации, критикует ряд романтиков-протестантов. При этом противопоставление католицизма и протестантизма в работе Эйхендорфа основывается не на расхождении в религиозной догматике, о которой вообще не ведется речи, если не считать понимания протестантизма как отхода от католицизма. Протестантизм понимается как «эмансипация субъекта», а писателям-протестантам ставится в упрек превалирование у них эстетических ценностей над религиозными (что с догматической точки зрения является недопустимым), низведение католицизма до системы образов и мотивов, свобода фантазии, заигрывание с «демоническим» и т. п.

Эйхендорф не уточняет конфессиональную принадлежность обсуждаемых романтических авторов. Это затрудняет понимание реального положения дел, но не означает, что вопрос конфессиональной идентичности для него не важен. Тем не менее, он не всегда указывает на переход писателей в другую конфессию (католицизм), не исследует это явление как тенденцию. Конфессиональную идентичность писателей он выводит из тек-

стов, по сути приписывает им ее, исходя из собственных представлений. Казалось бы, Эйхендорф осуществляет то, к чему призывают современные исследователи (Холлендер и др.): разделять конфессиональные воззрения и идеи, выраженные в текстах произведений. Однако у Эйхендорфа это приводит скорее к некорректной оценке как творчества, так и конфессиональной идентичности рассматриваемых авторов.

Интерес представляет позиция Эйхендорфа по конфессиональному вопросу. Видеть в «других» «свое», считать протестанта Арнима большим католиком, чем сами католики, — с одной стороны, курьез, с другой стороны, — не просто проявление веротерпимости, но и признание того, что человек иной конфессии может оказаться ближе к тому, что сам ты считаешь истиной, чем те, кто к твоей конфессии принадлежит. Надо сказать, что у самого Эйхендорфа был интересный опыт межконфессионального взаимодействия во время работы в правительстве Кенигсберга. С 1824 по 1831 гг. Эйхендорф жил в Кёнигсберге, будучи здесь советником оберпрезидента (Oberpräsidialrat) Теодора фон Шёна (1773 — 1856). Теодор фон Шён был протестантом, Йозеф фон Эйхендорф — его католическим советником, отвечавшим в прусском правительстве за католические школы и церкви (MANTHEY 2005: 426). Теоретическая оценка протестантизма расходится с реальной жизненной позицией Эйхендорфа, выражающейся в межконфессиональном сотрудничестве, и вступает в противоречие с фактом очевидного влияния на его творчество писателей-протестантов, в первую очередь, Ахима фон Арнима (FRÜHWALD 1986; WINGERTZAHN 1994; ЧЕРЕПАНОВ 2014b).

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Гейне Г. Собрание сочинений в 10 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1958. [Heine, Heinrich. (1958) *Works in 10 vol.* Vol. 6. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)].

Жирмунский В. М. Религиозное отречение в истории романтизма. Материалы для характеристики Клеменса Брентано и гейдельбергских романтиков. М.: С. И. Сахаров, 1919. [Zhirmunsky, Viktor M. (1919) *Religioznoye otrecheniye v istorii romantizma. Materialy dlya kharakteristiki Klemensa Brentano i geydel'bergskikh romantikov* (Religious Renunciation in the History of Romanticism. Materials for the Characteristics of Clemens Brentano and the Heidelberg Romanticism). Moscow: S. I. Sakharov Publishers. (In Russian)].

- Михайлов А. В. Эстетические идеи немецкого романтизма // Эстетика немецких романтиков / сост. А. В. Михайлов. М.: Искусство, 1987. С. 7—43. [Mikhailov, Aleksandr V. (1987) *Esteticheskiye idei nemetskogo romantizma* (Aesthetic Ideas of the German Romanticism). In Mikhailov, Aleksandr V. (ed.) *Estetika nemetskikh romantikov* (German Romanticists' Aesthetics). Moscow: Iskusstvo. (In Russian)].
- Новалис. Генрих фон Офтердинген. М.: Ладомир; Наука, 2003. [Novalis. *Heinrich von Ofterdingen*. (2003) Moscow: Ladomir; Nauka. (In Russian)].
- Черепанов Д. Д. Искусство и трансцендентное начало у Й. фон Эйхендорфа // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2014а. Вып. 2 (37). С. 74—81. [Cherepanov, Daniil D. (2014a) *Iskusstvo i transsendentnoe nachalo u J. von Eichendorfa* (Art and the Transcendent Beginning in J. von Eichendorff's Works). *St. Tikhon's University Review*, 3, Filology, 2 (37), 74—81. (In Russian)].
- Черепанов Д. Д. Рецепция творчества романтиков-предшественников в прозе Й. Эйхендорфа: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. М.: МГУ, 2014б. [Cherepanov, Daniil D. (2014b) *Receptsiya tvorchestva romantikov-predshestvennikov v proze J. von Eichendorfa* (Assimilation of the Earlier Romanticists' Works in J. Eichendorff's Prose). PhD thesis in Philology. Moscow: Moscow State University. (In Russian)].
- Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. М.: Искусство, 1983. В 2 т. Т. 2. [Schlegel, Friedrich. (1983) *Estetika. Filosofiya. Kritika* (Aesthetics. Philosophy. Criticism). In 2 vol. Vol. 2. Moscow: Iskusstvo. (In Russian)].
- Bandici, Adina. (2013) Griechischer Daimon und römischer Genius — zwischen Antike und Goethes Geniebegriff. *Language and Literature — European Landmarks of Identity*, 12. Pitești, 213—220.
- Eichendorff, Joseph. (1990) Geschichte der Poesie. Schriften zur Literaturgeschichte. In Schultz, Hartwig. (ed.) *Werke*. Bd. 6. Frankfurt am Main: Deutscher Klassiker Verlag.
- Frühwald, Wolfgang. (1986) Repräsentation der Romantik. Zum Einfluss Achim von Arnims auf Leben und Werk Joseph von Eichendorffs. *Aurora. Jahrbuch der Eichendorff-Gesellschaft für die klassisch-romantische Zeit*, 46, 1—10.
- Hollender, Christoph. (1995) Der Diskurs von Poesie und Religion in der Eichendorff-Literatur. In Gössmann, Wilhelm. (ed.) *Joseph von Eichendorff. Seine literarische und kulturelle Bedeutung*. Paderborn: Schöningh, 163—232.
- Kessler, Michael. (1989) „Das Verhängnis der Innerlichkeit“. Zu Eichendorffs Kritik neuzeitlicher Subjektivität. In Kessler, Michael, & Koopmann, Helmut. (eds) *Eichendorffs Modernität. Akten des Internationa-*

- len Interdisziplinären Eichendorffs-Symposions. Okt. 1988. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 63—80.*
- Köhnke, Klaus. (1985) Eichendorff und Novalis. *Aurora. Jahrbuch der Eichendorff-Gesellschaft für die klassisch-romantische Zeit*, 45, 63—90.
- Liepe, Wolfgang. (1914) *Das Religionsproblem im neuen Drama. Von Lessing bis zur Romantik*. Halle: Niemeyer.
- Manthey, Jürgen. (2005) *Königsberg. Geschichte einer Weltbürgerrepublik*. München: Hanser Verlag.
- Nehring, Wolfgang. (1985) Eichendorff und E. T. A. Hoffmann: Antagonistische Bruderschaft. *Aurora. Jahrbuch der Eichendorff-Gesellschaft für die klassisch-romantische Zeit*, 45, 91—105.
- Novalis. (1984) *Werke in einem Band*. München, Wien: Hanser Verlag.
- Osinski, Jutta. (1993) *Katholizismus und deutsche Literatur im 19. Jahrhundert*. Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh.
- Osinski, Jutta. (1994) Harmonie statt Anarchie? Zeitkritik in der katholischen Romantik. *Aurora. Jahrbuch der Eichendorff-Gesellschaft für die klassisch-romantische Zeit*, 54, 190—203.
- Schuhmann, Detlev W. (1966) Friedrich Schlegels Bedeutung für Eichendorff. *Jahrbuch des Freien Deutschen Hochstifts*, 336—383.
- Sternberg, Thomas. (1990) „Und auch wenn wir entschiedene Protestanten sind“. Achim von Arnim zu Religion und Konfession. In Burwick, Roswitha, & Fischer, Bernd. (eds) *Neue Tendenzen der Arnimforschung: Edition, Biographie, Interpretation; mit unbekanntem Dokumenten*. Bern; Frankfurt am Main; New York; Paris: Lang, 25—59. (Germanic Studies in America).
- Uerlings, Herbert. (1991) *Friedrich von Hardenberg, genannt Novalis. Werk und Forschung*. Stuttgart: Metzler.
- Wenz, Barbara. (2016) Clemens Brentano. Der Sänger und die Seherin. In Wenz, Barbara. *Konvertiten. Ergreifende Glaubenszeugnisse*. Illertissen: Media Maria Verlag, 39—50.
- Wiese, Benno. (1927) Friedrich Schlegel. Ein Beitrag zur Geschichte der romantischen Konversionen. In Jaspers, Karl. (ed.) *Philosophische Forschungen 6*. Berlin: Julius Springer Verlag.
- Wingertzahn, Christoph. (1994) „Erfrischende Anregung und Erweckung“ — Eichendorffs Arnim-Rezeption in den Erzählungen „Das Schloss Dürande“ und „Die Entführung“. *Aurora. Jahrbuch der Eichendorff-Gesellschaft für die klassisch-romantische Zeit*, 54, 52—71.

Anshelika I. Waskinewitsch
Baltische Föderale Immanuel-Kant-Universität

**Das Problem der konfessionellen Identität
in Joseph von Eichendorffs Werk**
*Über die ethische und religiöse Bedeutung
der neueren romantischen Poesie in Deutschland*

Untersucht wird das wenig erforschte Problem der Bewertung romantischer Autoren in den literaturhistorischen Schriften Eichendorffs, die auf den Vorstellungen von der romantischen Poesie als katholischer Poesie basieren. Gezeigt wird, wie Begriffe des Katholizismus und des Protestantismus, nicht im dogmatischen Sinne verwendet, Geringschätzung der realen konfessionellen Zugehörigkeit der Schriftsteller, subjektive Parteilichkeit Eichendorffs zu inkorrektur Bewertung des Schaffens und paradoxalen Schlussfolgerungen über konfessionelle Identität der romantischen Autoren führen.

Schlüsselwörter: Deutsche Romantik; romantische Poesie; Eichendorff; Religion; konfessionelle Identität

Anzhelika I. Vaskinevich
Immanuel Kant Baltic Federal University

**The Problem of Confessional Identity
in Joseph von Eichendorff's Work**
*On the Ethical and Religious Significance
of the Modern Romantic Poetry in Germany*

The article is devoted to the insufficiently studied problem of the characterization of Romantics in Joseph von Eichendorff's historico-literary works based on ideas about the Romantic poetry as Catholic poetry. The study shows how the concepts of Catholicism and Protestantism, interpreted not in a dogmatic sense, ignoring the real confessional affiliation of writers, Eichendorff's subjective preferences lead to an incorrect evaluation of works and paradoxical conclusions of the confessional identity of the analyzed romantic authors.

Keywords: German Romanticism; romantic poetry; Eichendorff; religion; confessional identity

Е. В. Волощук
Европейский университет Виадрина

**ПРИЖИТЬСЯ В ГЕРМАНИИ:
ИДЕНТИЧНОСТНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
ПОСТСОВЕТСКОЙ ЕВРЕЙСКОЙ ИММИГРАЦИИ
В КНИГЕ ДМИТРИЯ БЕЛКИНА *GERMANIJA*.
КАК Я В ГЕРМАНИИ СТАЛ ЕВРЕЕМ И ПОВЗРОСЕЛ**

Письмо «между культурными мирами», которое является парадигматичным для литературной переработки темы миграции, подразумевает высокую сенсительность к разнообразным границам. Свообразным опытом здесь располагают писатели, репрезентирующие постсоветскую еврейскую иммиграцию в Германии. Вопросы интеграции в немецкоязычное культурное пространство оказываются для них неотделимыми от центральных тем общественных дискуссий, таких как немецкая вина, память о Холокосте и др. В этом контексте в статье исследуются литературные репрезентации идентичностных исканий и трансформаций главного героя книги Дмитрия Белкина *Germanija. Как я в Германии стал евреем и повзрослел*. При этом основной акцент делается на анализе культурных и ментальных границ.

Ключевые слова: миграция; немецкое еврейство; идентичностный проект; стереотипы; современная немецкоязычная литература

1. Введение

Творчество немецкоязычных писателей с постсоветским миграционным бэкграундом в настоящее время переживает исследовательский бум в Германии. К числу наиболее привлекательных для литературоведов аспектов относятся идентичностные поиски, характерные для процесса освоения иммигрантами их новой родины. Обширный материал по этой теме можно найти в текстах, рассказывающих о миграционном опыте постсоветских евреев. Одним из таких произведений является, с моей точки зрения, знаковая для этой темы книга Дмитрия Белкина *Germanija. Как я в Германии стал евреем и повзрослел* («*Germanija. Wie ich in Deutschland jüdisch und erwachsen wurde*», 2016). Опыт интеграции в немецкое общество осмысливается в ней через призму идентичностных вызовов, с которыми столкнулись более двухсот двадцати тысяч евреев, переехавших из постсоветских стран в Германию. Однако разрабатываемая писателем пробле-

матика выходит за пределы дискуссий о новых членах немецкой еврейской общины, поскольку затрагивает основополагающие для современной миграции темы и очерчивает один из возможных путей успешной самореализации иммигранта в новой для него стране.

2. Характеристика материала и методов исследования

Упомянутая книга подчеркнута выстроена как автобиографический нарратив. Дмитрий Белкин (род. 1971, Днепропетровск, Украина, бывшая УССР) — писатель, историк и публицист. По окончании исторического факультета Днепропетровского университета эмигрировал в Германию в статусе «контингентного беженца» (1993 г.). Изучал философию и историю в Тюбингене, там же защитил докторскую диссертацию. Работал в Институте истории права им. Макса Планка, Еврейском музее во Франкфурте-на-Майне, Институте им. Фрица Бауэра и др. институциях; в настоящее время — сотрудник Центрального совета евреев Германии. Был соорганизатором ряда выставок. Кроме текста, который анализируется ниже, опубликовал книгу *„Гости, которые остаются“: Владимир Соловьев, евреи и немцы* («„Gäste, die bleiben“: Vladimir Solov'ev, die Juden und die Deutschen») (BELKIN 2007), ряд публицистических статей, несколько выставочных каталогов (в качестве соредатора-составителя). Самого себя Белкин дефинирует как представителя «поколения перестройки» (с точки зрения советского прошлого) и «еврея в Германии» (с точки зрения настоящего). Путь от первого к последнему, собственно, и составляет основу сюжета его книги *Germanija. Как я в Германии стал евреем и повзрослел*.

Несмотря на то, что *Germanija* Дмитрия Белкина была с интересом встречена рецензентами (OSWALT 2016; KRAUSS 2017) и исследователями (ISTERHELD 2017), она до сих пор остается все же более упоминаемым или даже цитируемым, чем исследуемым текстом. В данной статье впервые предпринимается попытка последовательного анализа описываемого Белкиным процесса «изобретения идентичности» (WANNER 2011: 189 и след.; GILMAN 2006: 214) через призму миграционного постсоветского еврейского опыта. Цель работы состоит в исследовании культурно-эстетических аспектов репрезентации идентичностных трансформаций в их взаимосвязях с миграционным и интеграционным опытом, а также с релевантными литературными и истори-

ко-культурными контекстами. Исследование проводится на пересечении культурологической и литературоведческой перспектив. В рамках первой используется аналитический инструментарий парадигмы «культурных поворотов» (BACHMANN-MEDICK 2006) с акцентом на современных теоретических положениях категорий идентичности, «профанного пространства» (GROYS 1992: 56), пограничных исследований, а также интер- и транскультурности. Вторая перспектива представлена методологическими подходами имманентного и интертекстуального анализа, а также интеркультурной герменевтики.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Еврейский идентичностный проект в контексте «восточного поворота» и литературной традиции

Белкинская автобиография может служить классическим примером той литературы, которую в сегодняшнем немецком литературоведении обозначают спорными терминами «миграционная / интер- и транскультурная литература» (подробно о современной дискуссии на эту тему см. в [AUMÜLLER 2020]). Прежде всего этот текст вписывается в ее восточноевропейское ответвление, порожденное начавшимся после 1989 г. притоком в Германию мигрантов из стран Восточной Европы и бывшего СССР, вследствие которого со временем на немецкоязычную сцену вышли многочисленные авторы с соответствующим географическим миграционным бэкграундом. Обусловленный этим процессом сдвиг исследователи в 2000-е годы попытались зафиксировать с помощью понятий «расширение на Восток» (ASKERMANN 2008) или «восточный поворот» (HAINES 2008), не без очевидного схематизма перенесенных в область литературоведения из политического и культурологического вокабуляра формулировок.

Существенную часть этого сегмента немецкоязычного книжного рынка покрывают тексты авторов из (пост)советского пространства, преимущественно выходцев из русскоязычной среды (сама русскоязычная диаспора является второй по величине общиной со славянскими корнями после польской [AUMÜLLER, & WILLMS 2020]). Только к 2017 г. насчитывалось около сотни текстов (ISTERHELD 2017: 407-410), написанных представителями этой группы, классифицируемой в немецком литературоведении то как «немецко-русские» (AUMÜLLER, & WILLMS 2020; HAUSBACHER 2020), то как «русско-немецкие» писа-

тели (ISTERHELD 2020). За прошедшее с тех пор время круг таких писателей еще более расширился. Неслучайно автор специальной монографии о русско-немецкой литературе Нора Истерхельд снабдила свою недавно опубликованную статью выразительным заголовком *Русские снова здесь! Как авторы из России завоёвывают немецкоязычный литературный процесс* (Там же).

Наиболее многочисленную субгруппу русско-немецких писателей составляют авторы еврейского происхождения. Они представляют, пользуясь выражением Клаудио Магриса, «особый еврейский взгляд» (MAGRIS 1974) на ситуацию современных иммигрантов в Германии — и на их вживание в новую реальность, и на их идентичностное выживание в другой культурно-языковой среде. Общим элементом, отличающим их миграционные истории от аналогичных повествований других восточно-европейских писателей, являются сложные отношения с еврейской идентичностью, которые нередко приобретают характер своеобразного поединка. Он происходит в разных формах и может иметь разные исходы — от полного отрицания героем собственной принадлежности к еврейству до освоения основ еврейской традиции и принятия иудаизма. Но, независимо от сюжетных поворотов, этот поединок, как правило, оказывается важным этапом внутреннего сражения за собственное «я» и вместе с тем площадкой для социально-культурной «перезагрузки» в условиях адаптации к жизни в другой стране.

В эксплицитной форме эта констелляция находит свое выражение в *Germanija* Дмитрия Белкина. «Изобретение» героем новой еврейской идентичности происходит в поле его переработки собственного советско-русско-украинского прошлого. Он борется за то, чтобы едва ли не с нуля выстроить собственную еврейскую идентичность и отстоять свой культурный статус как «русского еврея» в немецкой еврейской общине. Рассказывая «обыкновенную историю» интеллектуала-гуманитария, писатель открывает возможность ее прочтения как модели для художественного и культурологического исследования коллективного опыта идентичностных исканий постсоветской еврейской иммиграции в Германии и — шире — мигрантов из разных уголков мира.

3.2. *Om Germanija k Deutschland: o chem rasskazyvaet naratekst*

Чем белкинская книга, рассказывающая об идентичностных поисках эмигрировавшего в Германию еврея из Украины,

потенциально может быть интересной немецкой публике, читатель узнает из подборки помещенных на ее суперобложке рекламных текстов. Так, издательская аннотация фиксирует общий немецкий контекст белкинской автобиографии: «Современная немецкая история в зеркале очень личного повествования, которое бросает свет на сегодняшнюю иммиграцию» (BELKIN, 2016a). В свою очередь, писательница и журналистка Яна Хензель делает акцент на еврейской тематике белкинской книги: «Еврейская иммиграция из бывшего Советского Союза относится к самым увлекательным главам немецкой современности. Дмитрий Белкин рассказывает об этом наглядно, умно и с большой страстью» (BELKIN 2016a). А Герман Симон, директор-основатель «Фонда Новой синагоги в Берлине — Центра иудаики», выдвигает в фокус ее «русский» культурный компонент: «Для тех, кто хочет понять в нашей еврейской общине «русских», чтение этой книги обязательно» (BELKIN 2016a). Очевидно, что вместе с маркетинговыми достоинствами книги рекламный блок подсвечивает ее центральные тематические поля: гетерогенность еврейской идентичности постсоветских иммигрантов, а также их самопозиционирование в немецком обществе и еврейской общине Германии.

Взаимодействие немецкого, еврейского и русского культурных компонентов в истории идентичностных исканий белкинского протагониста обозначено и в заголовке произведения, к слову сказать, варьирующего присущий сегодняшней гуманитаристике топос «становления еврея в процессе становления немца» (см., например, название подраздела *Becoming a Jew by Becoming a German* в монографии Сандер Гильман *Мультикультурализм и евреи* [GILMANN 2006]). В белкинском заголовке бросается в глаза двойная репрезентация названия «Германия», прописываемого сначала в транскрипции, передающей русский топоним („Германіја“), а потом — в немецкой версии („Deutschland“). Эта комбинация овнешняет наличие (или конкуренцию?) «двух Германий» — русской (т. е. той, какой она видится из России или с точки зрения так называемых «русских» иммигрантов — людей русской культуры, родившихся не только в России, но и в других бывших республиках СССР) и собственно немецкой (т. е. ее аутентичного автообраза). Заметим, что именно к немецкому топониму «Deutschland» в заголовке книги привязывается про-

цесс изменений идентичности авторского «я». Тем самым именно «Deutschland» концептуализируется как пространство обретения героем зрелости (в одном из своих интервью писатель открыто указывает на свой замысел показать, как Германия стала для него «Deutschland» [BELKIN 2016b]). Кроме того, соединение немецкого и еврейского идентичностных компонентов («стать евреем» в Германии) подкрепляется на обложке забавным изображением немецкого брецеля в форме шестиконечной звезды Давида. В контексте белкинского повествования этот рисунок можно интерпретировать как намек на идею (нового) «немецко-еврейского симбиоза», которую писатель последовательно противопоставляет доминирующей в постхолокостной самопрезентации евреев Германии концепции «негативного немецко-еврейского симбиоза» (DINER 1987). Из этих паратекстуальных элементов резюмируется траектория движения главного героя от далекой, экзотичной, «русской» Германии к обжитой немецкой «Дойчланд», в которой он обретает родину и себя как еврея.

Примечательно, что процесс обретения новой культурно-религиозной идентичности в заголовке отождествляется с процессом взросления. Между тем, главный герой, как можно заключить с первых же страниц его повествования, отправляется в Германию в двадцать два года вполне сложившимся молодым человеком, который успел к тому времени не только закончить университет в Днепропетровске, но и жениться. Поэтому мотив взросления в названии книги читается как ироничное подыгрывание ментальным картам Восточной Европы, которые характеризуют описываемые ими страны как «отстающие» (WOLFF 2003), как «не выросших», «трудных детей Европы» (KASER 2003: 8), постоянно решающих задачу по цивилизационному «наверстыванию» Запада (KRAFT 2015: 166 и след.). И неважно, что скорее всего здесь имеет место умышленная симуляция такого подыгрывания, использующая в качестве культурно-географической наживки хорошо продаваемые немецкому читателю стереотипы. Важно то, что отсылка к привезенному с бывшей родины и преодоленному в Германии «инфантилизму» в принципе актуализирует ментальную границу между Восточной и Западной Европой, вместе с которой представляемая биография встраивается в неизбежную западно-восточную дихотомию. Кроме того, инсценируемый «инфантилизм» позволяет герою

разыграть роль неопита, якобы наивно открывающего незнакомый европейский мир вокруг себя и заполняющего *tabula rasa* своей души приобретаемым на новой родине опытом.

3.3. В поисках утраченной идентичности: изобретение нового «я» в свете индивидуальной биографии иммигранта

Главный герой, наделенный именем и фамилией автора, в начале 1990-х гг. отправляется в качестве «контингентного беженца» в Германию. Впрочем, тайная цель его переезда заключается не в том, чтобы раз и навсегда покинуть родину, а в романтической идее, вдохновленной атмосферой горбачевской «перестройки»: он хочет получить «настоящее» европейское образование, а затем вернуться в родной Днепропетровск и учредить там собственный университет. В Германии Дмитрий проходит витиеватый путь «взросления», завершающийся его успешным укоренением на новой родине. Рассказ об этом пути дополняется разнообразными заметками о немецком обществе, академической среде, взаимоотношениях внутри еврейской общины, иммиграционном опыте и прочих животрепещущих темах.

В рассказанной истории «взросления» героя в Германии я выделяю четыре основных этапа. Первый из них Белкин проходит в период обучения в немецком университете, когда увлекается текстами русского философско-религиозного ренессанса, к которым у него не было свободного доступа до эмиграции. Погружаясь в работы Николая Бердяева, Владимира Соловьева, Сергея Булгакова и других русских религиозных мыслителей (BELKIN 2016a: 51), он переживает своеобразное духовно-культурное возвращение на родину, которая, впрочем, не имеет ничего общего с конкретными образами из его личного украинского прошлого. Это — детерриториализированная и выпадающая из временных рамок «книжная» родина, расположенная в пространстве русской культуры, говорящая на родном, русском, языке. Она поставляет опорные экзистенциально-религиозные концепции, которые по-своему подпитывают разбуженный перестройкой импульс к преобразованию социальной действительности. «Мы оба, — вспоминает протагонист о себе и своей жене, — были теперь физически в Германии, но вскоре заметили у себя что-то вроде тоски по родине. Я скучал по русской культуре, которой начал — наверное, это опыт, который разделяют многие эмигранты, — интересоваться сильнее, чем до эмиграции» (Там же:

49). Это возвращение в домен русской культуры укрепляло доминировавший в доэмиграционной жизни рассказчика русский идентичностный компонент и одновременно обеспечивало его внутреннее дистанцирование как от немецкого окружения, так и от еврейской среды. Кульминацией этой фазы становится крещение главного героя в православной церкви под Курском, куда он попадает во время короткого путешествия.

Альтернативный путь, с которым связан второй этап идентичностных исканий героя, символизирует семья еврейских эмигрантов Райхманов, с которой он общается в первые годы обучения в немецком университете. В ней молодой Белкин видит воплощение той самой еврейской самоидентификации, которой так остро, по его ощущениям, не хватало (пост)советскому еврейству в целом и ему самому в частности. Супруги Райхманы, пишет рассказчик, «были не «глобальными», «советскими», «русскими», «универсалистскими», «немецкими» — они были прежде всего одним: «евреями» (Там же: 55). Представители московской интеллектуальной элиты, некогда сделавшие в СССР карьеру и состояние (хотя и не достигшие высших руководящих постов), респектабельные и рафинированные Райхманы становятся для протагониста духовным магнитом и своеобразной «эрзац-семьей». Им удастся почти невозможное: перевезти в тюбингенскую провинцию стиль доэмигрантской жизни, обустроить в доме салон для культурных встреч, окружить себя любимыми книгами, произведениями искусства и интересными людьми. Тем не менее, Райхманы переживают в Германии тяжелый идентичностный слом. Сначала они решительно отказываются от собственного советского прошлого, отрешиваясь от старой родины как от безнадежно мрачной и антисемитской страны несмотря на то, что прожили в ней вполне благополучную жизнь. «Райхманы, и прежде всего умный, авторитарный и очень импозантный Соломон Петрович, — замечает Белкин, — ампутировали свое собственное прошлое. Операция проводилась каждый вечер на открытом сердце воспоминаний. А именно без какой-либо анестезии» (Там же: 57) Прозрачная метафора в процитированных строках выявляет почти трагическую деформацию идентичности и памяти, на которую обрекают себя те эмигранты, которые отрекаются от покинутой родины. Более того, по мнению рассказчика, они искажают историю как собственных

предков, так и тех многочисленных советских евреев, что на гребне большевистской революции сначала вырвались с территорий, отделенных «чертой оседлости», в советские культурные метрополии, а затем с искренним энтузиазмом участвовали в советском эксперименте построения «общества будущего». В своем антисоветском пафосе Райхманы игнорировали тот факт, что сотни тысяч евреев — ученых, учителей, врачей, писателей, художников, инженеров, военачальников — несмотря на антисемитизм закончили университеты и построили свои карьеры в Советском Союзе. Постепенно Райхманы увлеклись еврейской традицией, которую они, впрочем, были вынуждены штудировать с самых азов. При этом некоторое время их промежуточное состояние «между культурами» визуализировалось в странных комбинациях традиций, вроде подачи на праздничный ужин по случаю шаббата традиционных советских свиных шницелей. Белкин подчеркивает, что в условиях самоизоляции в привычном «салонном» мире, отгороженном и от ненавистного советского прошлого, и от непонятого немецкого настоящего, обращение к еврейским истокам неминуемо приводит к редукционизму самосознания и мировосприятия. Для Райхманов оно оказывается, по сути, духовным возвратом к тому самому штетлу, из которого сто лет назад бежали их предки. Только теперь они добровольно затворяются в штетле «с окном во двор — в большой мир» (Там же: 57). В этом духовном штетле, возрождающем атмосферу местечкового еврейства, автор видит печальную параллель к всплескам национализма у постсоветских евреев, похожим по своим исходным импульсам на прочие национализмы на территории бывшего СССР, в общем пламени которых сгорали остатки советского интернационализма и «дружбы народов» (Там же: 58). Таким образом, «сторона Райхманов» отражает состояние внутреннего хаоса, смешения разных ориентиров, вызванное сломом прежнего идентичностного проекта.

Третий этап Дмитрий переживает в Институте Восточной Европы и краеведения Тюбингенского университета. Там он знакомится с немецкой точкой зрения на СССР и Россию, как, впрочем, и на русскую культуру, с которой в ту пору связывал свою идентичность. При этом герой обнаруживает странную двойственность отношения немцев к России. С одной стороны, многие немецкие профессора не без гордости признавались ему

в том, что в юности они были маоистами, троцкистами, коммунистами и прочими представителями левых политических движений; причем подобные истории звучали как доказательства их симпатии или даже близости к «красной» России. Но, с другой стороны, от тех же профессоров исходили латентные и в то же время легко читаемые упреки по адресу «русских»:

«Либо нас («русских» — *Е. В.*) подозревали в том, что мы должны были сотрудничать с КГБ, либо предполагали, что жизнь в СССР оставила в нас длительные изъяны, которые в конце концов сделали нас неспособными к жизни на ах, каком просвещенном Западе. Такие же упреки, между прочим, предъявлялись и людям из ГДР» (Там же: 61).

Да и сама «революционность» кодировалась в кругах немецких экспертов-славистов как дефект России и всей Восточной Европы, среди народов которой «русские» были «наихудшими» (Там же: 62). Именно этот радикально негативный образ «враждебной» России культивировался в тогдашних восточноевропейских студиях — архаичный, позаимствованный из пропагандистского арсенала холодной войны образ, на который, по убеждению Белкина, немецкое сознание проецировало собственные страхи, вызванные памятью о поражении во Второй мировой войне. Такому фону и тону молодой эмигрант, связывавший свою культурную принадлежность как раз с «враждебной Россией», мог противопоставить разве только чувство внутреннего сопротивления. Антироссийские настроения немецких экспертов по России продемонстрировали ему не только трудности научной карьеры на этом поприще, но и проблематичность его «русской» идентичности, усложнявшей для него путь к интеграции в немецкое общество и преодолению собственного отчуждения.

В этом контексте наметился поворот белкинского героя к еврейской теме — как в научной деятельности, так и в индивидуальном существовании. Описание разнообразного опыта, приобретаемого в ходе знакомства с разными аспектами еврейской жизни, составляет содержание четвертого этапа его идентичностных исканий. Значимыми стимулами тут выступают, с одной стороны, внутренняя потребность приобрести, наконец, отчетливую культурную принадлежность к какой-либо группе, и, с другой, — общественный «горизонт ожиданий», так или иначе продуцирующий эталонные (они же стереотипные) пред-

ставления о евреях, которые автоматически функционируют как флажки, отграничивающие «своих» от «чужих»:

«Мы определенно не были травмированы, но все же были обижены, когда нам в нашей немецкой или немецко-еврейской жизни многократно сигнализировали: “Либо вы станете такими, как мы ожидаем, либо вам здесь просто не место [...]”. Это касалось не только выжидательной позиции внутри немецкого общества, но и внутри еврейской общины [...]. Но некоторые из нас определенно не хотели становиться такими, какими их так очевидно ожидало увидеть общество большинства, и потому отказывались от такой принадлежности» (Там же: 114).

Приближение протагониста к еврейской традиции влечет за собой дистанцирование от других культурных компонентов, а главное — преодоление «промежуточного», эклектичного и плазменного идентичностного состояния, которое герой обозначает смешливой формулой «шаббат, иконы & Со» (Там же: 72):

«[...] меня не удовлетворяло это пространство между еврейским и христианским, религиозным и секулярным, советским, русским, украинским и немецким» (Там же: 135).

Поэтому данная фаза стала для него временем однозначного и окончательного выбора, определившего «зрелое» конструирование идентичности. Она описывается в тексте как процесс постепенной кристаллизации «аутентичной» культурной идентичности, завершающийся официальным переходом героя и его семьи в иудаизм.

Вместе с принятием еврейского идентичностного проекта в жизни Дмитрия происходит полная «сборка» всех составляющих его социокультурного самопозиционирования. Он получает немецкое гражданство (парадоксальным образом возвращая при этом свое исконное русское имя «Дмитрий» вместо украинского «Дмытро», к которому его в принудительном порядке обязывали выданные ранее украинские документы), благодаря поездкам в США и Израиль укрепляется в новом для него имидже немецкого еврея, защищает кандидатскую диссертацию, начинает строительство профессиональной карьеры, энергично включается в деятельность немецкой еврейской общины и реализует резонансный проект выставки «Именно Германия! Русско-еврейская иммиграция в Федеративной Республике Германии» (примечательно, что формулировку «Именно Германия!» позд-

нее использует в названии своей книги и Владимир Каминер, один из наиболее известных авторов, репрезентирующих «русских» евреев в Германии [KAMINER 2018]). В упомянутом проекте, которому в белкинской книге посвящена целая глава, рассказчик представляет вытесненные на обочину немецкой еврейской общины голоса постсоветских евреев-иммигрантов, которых он обозначает провокационным понятием «немецкое еврейство — два». Белкин не просто выступает здесь на стороне своих бывших соотечественников, но и отстаивает их шансы на то, чтобы стать преемниками «немецкого еврейства-один», которое как культурный феномен в основе своей было уничтожено во время Холокоста (более подробное представление о выставке и ее концепции дает одноименный каталог, выпущенный писателем вместе с Рафаэлом Гроссом в 2010 г. [BELKIN, & GROSS 2010]). Так, проходя через непростые этапы социализации, герой перерабатывает свой доэмиграционный идентичностный опыт, конструирует новую еврейскую идентичность и находит, а затем и обживает свою нишу как в немецком обществе, так и в немецкой еврейской общине. Его автобиография резюмируется бодрой оптимистической нотой: жизнь удалась.

3.4. «...в качестве евреев в стране Холокоста»: постсоветская еврейская иммиграция между изобретением идентичности и конфронтацией со стереотипами

Собственные идентичностные искания Дмитрий Белкин дополняет описанием аналогичного коллективного опыта постсоветской еврейской иммиграции в Германии, который отчасти корреспондирует, а отчасти контрастирует с его собственной «историей успеха». В рамках этой темы он осуществляет основательную деконструкцию тех взаимных ожиданий и стереотипов, которые сформировали в Германии представление о еврейской идентичности. Так, уже в предисловии, которое носит программный характер, писатель занимается деконструкцией формулировки «приглашенные в качестве евреев в страну Холокоста» (BELKIN 2016a: 11 и след.), имевшей хождение в 1990-е гг. среди готовившихся к отъезду «контингентных беженцев». В каждом ее слове Белкин обнаруживает субверсивные смыслы.

Например, он указывает на некоторые расхождения между «приглашением» евреев и тогдашней политико-социальной ситуацией в Германии. Ибо несмотря на то, что в ту пору страна

проделала огромную работу над своей исторической виной и памятью о Холокосте, массовый приток приглашенных ею евреев из бывшего СССР пришелся, как констатирует Белкин, не на самый подходящий для этого момент. В 1990-е гг. перед ней стояли другие задачи: сшивания западной и восточной частей страны после падения Берлинской стены, демонтажа государственно-политических структур ГДР, борьбы с отнюдь не безобидными всплесками радикального национализма, выработки новых политических и идентичностных ориентиров и т. п.

Одновременно это приглашение было для Германии важным символически-политическим актом, на который возлагались определенные функции по «переработке прошлого», не в последнюю очередь — надежды на возрождение еврейской жизни, уничтожение которой принесло Германии печальную славу «страны Холокоста». Однако и здесь, размышляет писатель, реальность противоречила политическим расчетам: в то время как Германия ожидала прибытия традиционных восточноевропейских евреев, говоривших на иврите или идише, практиковавших иудаизм или даже принадлежащих к его ортодоксальному крылу, из бывшего СССР на немецкие земли прибыли тысячи ассимилированных, советизированных, русифицированных, атеистически настроенных или даже исповадовавших христианство евреев. В большинстве своем, утверждает автор, это были люди с радикально редуцированной еврейской самоидентификацией, чьи знания еврейской традиции ограничивались парой-тройкой слов на идиш да несколькими именами советских знаменитостей из числа еврейских талантов — Ильи Эренбурга, Иосифа Бродского, Исаака Дунаевского или Давида Ойстраха. Безразличие к еврейской традиции часто сочеталось у них со страстной приверженностью русской культуре. Они считали себя советскими интернационалистами; собственное еврейство ассоциировалось у них с пресловутой «пятой графой» в анкете. Более того, многие из них были детьми от смешанных браков, «достаточно еврейскими, чтобы въехать в Германию, но недостаточно еврейскими, чтобы соответствовать немецкому стереотипу еврея» (Там же: 13), а уж тем более — ожиданиям немецкой еврейской общины.

В отличие от немецких евреев, вписывавших себя, свою историю и свои отношения с Германией в парадигму памяти о Хо-

локосте, (пост)советские евреи, по утверждению Белкина, были едва ли не полностью лишены этой памяти. При этом о Германии у них были довольно туманные представления — как о «стране между Гёте и Гитлером» (Там же: 13). Старомодная влюбленность в родину шедевров Томаса Манна и Германа Гессе сочеталась в их головах с ужасающими воспоминаниями о колючей проволоке, за которой однажды оказались евреи в Германии.

В нарисованной Белкиным картине есть, пожалуй, некоторые странности. Ни коллективная еврейская память о Холокосте в СССР, ни уж тем более семейные воспоминания о нем или публично переоткрытый в годы горбачевской «перестройки» дискурс о массовом уничтожении евреев не укладываются в очерченные писателем рамки. Велика вероятность того, что белкинский рассказчик спроецировал на созданный им коллективный портрет постсоветских евреев свою «нулевую», как я бы ее обозначила, память о Холокосте, с которой он, по собственному признанию, приехал в Германию. Зато описываемая рассказчиком ситуация очевидно совпадает с топосом «стертой» идентичности советских евреев и их «обнуленной» памяти о Холокосте, характерным для немецкого и немецко-еврейского дискурса о еврейских иммигрантах из бывшего СССР. Этот конъюнктурный топос, однако, инструментализируется в белкинской книге для диагностики кардинальных разногласий внутри еврейской общины Германии, по сути, расколотой на два лагеря — местных немецкоязычных евреев (переживших Холокост или их потомков) и русскоязычных постсоветских евреев. Первых писатель сравнивает с солдатом-«мнемозистом», который патологически не может забыть травматичный опыт Второй мировой войны. Вторых — с солдатом, который страдает амнезией, приобретенной им вследствие тяжелого ранения на той же войне. В таком метафорическом описании попытки контактов между немецко-еврейскими «мнемозистами» и русско-еврейскими «амнезистами» немногим отличаются от разговора слепого с глухим. При этом сама память о Холокосте — идея-фикс для одних и белое пятно для других — выступает конфликтным полем внутри еврейской общины. Наряду с языком, еврейской культурной традицией, иудаизмом и другими объединяющими аспектами память о Холокосте оказывается кирпичиком в той стене непонимания, которая отделяет «новых»

постсоветских евреев от «старой» немецкоязычной еврейской общины и маргинализирует их в немецком обществе. Ибо тем из них, кто законсервировался в собственном советском прошлом и полноценно не включился в жизнь еврейской общины, остается довольствоваться, по сути, одним — самоизоляцией в русскоязычном телегетто.

Все эти противоречия, как следует из белкинского повествования, предопределили двусмысленное положение еврейской иммиграции в Германии. Автор не без горечи подытоживает в заключительной части своей автобиографии:

«Мы, евреи, были классифицированы по высшему разряду в качестве (памятно)-политического “золотого резерва” — и все же на индивидуальном уровне нас ставили гораздо ниже. Мы были символическим капиталом, приобретенным по очень выгодной цене. С Германией нас связывал — говоря заостренно — только Холокост; Дан Динер назвал его “негативным симбиозом”. Поэтому не заметили, что многие из нас хоть и не говорили по-немецки, но были высокообразованными и любознательными, имели хорошее образование (которое, конечно, не было признаком)» (Там же: 182).

Эта характеристика проливает свет и на амбивалентный статус эмигрировавших в Германию постсоветских евреев, и на особое место, которое они занимают в пестрой компании иммигрантов объединенной Германии.

Белкинская критика ситуации, в которую попали постсоветские еврей-эмигранты в Германии, не нарушает в его книге общей оптимистической картины интеграционного движения. Между тем, о горьких и, как правило, неохотно тематизируемых утратах (пост)советской еврейской эмиграции можно говорить иначе. Свидетельством тому — недавно опубликованная статья *Что вырастет на бетоне?* Эрики Цингхер, немецкой писательницы еврейского происхождения, ребенком привезенной родителями в Германию из Приднестровья. Приведу длинную, но зато четко артикулирующую отличное от белкинского взгляда мнение, цитату из этой публикации:

«Долгое время их (постсоветских евреев — *Е. В.*) переселение считалось историей успеха. Они, мы, были хорошими мигрантами. На наше прибытие возлагались большие надежды: мы должны были возродить еврейскую жизнь в Германии. Вскоре после

этого, в середине 1990-х годов, мигранты из бывшего Восточного блока стали восприниматься как проблема — а затем их и вообще перестали воспринимать. Эти люди, то есть мы, были просто забыты. [...] Конечно, некоторые из нас сейчас являются представителями немецкого среднего класса. [...] Вот только никто не говорит об оскорблениях, разочарованиях и усилиях, которые сопровождали этот успех. А о тех, кому не удалось взобраться на вершину, вообще мало кто знает. [...] В моей семье тоже не было разговоров о страхах, надеждах и разбитых мечтах. Как и об унижениях и травмах. Будто с первой секунды на немецкой земле в 1995 году мы обязались молчать. [...] Образ идеальных евреев, суть жизни которых заключается в том, чтобы *хоть как-то быть евреем* и таким образом оказать Германии услугу» (ZINGHER 2021; цит. в пер. А. Магазовой).

Эта изнаночная сторона интеграции постсоветского еврейства в немецком социуме остается скорее фоновым мотивом белкинской книги. Рассказчик лишь вскользь указывает на сигналы неблагополучия, когда сообщает, например, о том, что эмигрировавшие вслед за ним родители вынуждены были заниматься неквалифицированной работой, или о том, что один из его товарищей по эмиграции вскоре вернулся на родину и там свел счеты с жизнью. Но ни подобные истории, ни идентичностные коллизии, ни социальные трудности, с которыми довелось столкнуться его бывшим соотечественникам в Германии, не ставят в белкинском повествовании под сомнение успешность немецкой программы приема евреев из бывшего СССР. Вместе с тем, в рамках относительно лояльной критики общественных представлений и дискурсов Дмитрий Белкин осуществляет глубокий анализ и кризиса идентичности (пост)советской еврейской иммиграции, и ее конфронтации с немецким и немецко-еврейским «горизонтами ожидания», и противоречий внутри немецкой еврейской общины.

4. Заключение. Формула успеха

На первый взгляд, белкинская *Germanija* представляет собой типичную современную миграционную биографию, включающую историю социализации и «взросления» на чужбине, идентичностные трансформации, деконструкцию расхожих авто- и гетерообразов, социальную критику и другие структурные элементы. Она снабжена типичными для современного немецкого дискурса о постсоветской еврейской иммиграции мотивами и

маркерами, а также отсылками к актуальным общественным дискуссиям, например, к темам немецкого фило- и антисемитизма, немецких представлений о России и евреях, (утраченных) иллюзий позднесоветской интеллигенции, деформированной самоидентификации (пост)советских евреев и т. п.

Тем не менее книга не сводима ни к традиционному литературному «миграционному репертуару», ни к хорошо конвертируемой в авторский успех литературной конъюнктуре. Во-первых, потому, что в автобиографии писатель не замыкается в рамках индивидуального опыта, а высказывается по целому ряду спорных социальных, политических, культурных и интеркультурных вопросов, тем самым встраивая ее в широкий общественный контекст и высвечивая многочисленные точки пересечения между индивидуальной и коллективной переработкой опыта миграции. Во-вторых, потому, что отношения рассказчика с его еврейской идентичностью инсценируются как нелинейный и неоднозначный процесс, не лишенный внутренних противоречий, приключений и — при всей его национальной специфике — выходящий за пределы сугубо еврейской топики. Но главное, что отличает белкинскую *Germanija* — это попытка представить успешную модель реализации постсоветской еврейской иммиграции в немецкоязычном пространстве.

Отсюда — общая установка автора на продуцирование «истории успеха», пронизывающая его книгу от веселого заглавия до финальной констатации взаимных хороших шансов для постсоветской еврейской иммиграции и Германии (BELKIN 2016a: 202). Несмотря на то, что белкинское жизнеописание представлено как аутентично автобиографическое, оно, с моей точки зрения, является конструктором, продуктом тщательной селекции и фильтрации. Например, за его скобки практически выносятся те утраты и деформации, которые сопровождали адаптацию героя к Германии. Редкие воспоминания о пережитых конфликтах и разочарованиях редуцируются здесь до беглых упоминаний об опыте, не имевшем фатальных последствий для процесса триумфального укоренения протагониста в немецкой действительности. Генеральная линия автобиографии направлена на демонстрацию побед главного героя, а не его поражений. Сконструированность этого нарратива становится особенно заметной в не обоснованных событиями ламентациях, которые под видом

наставлений неожиданно прорываются в финальной части книги.

В частности, во вставном эссе, написанном в форме воображаемого письма «продвинутому мигранту» (Там же: 175), белкинский герой обрушивает на читателей каскад советов, из которого следует, что счастливое место под солнцем на немецкой земле стоило ему немалых внутренних усилий и компромиссов:

«Ты полагаешь, что нужно что-то сказать, а я говорю тебе: лучше молчать. [...] Не указывай своему противнику на некрасивую сторону игры, которую он ведет. Немецкий страх больше страха иммигранта [...] Терпи, учись выдерживать необходимость молчать и выжидать — даже если в тебе все кричит об обновлении. Приручай свой темперамент. Никогда не пиши нервные, недовольные мейлы и шепчи вместо того, чтобы кричать. Дурацкий мейл, неудачное слово — подобные вещи висаюют в воздухе, а однажды возникший имидж в Германии лишь с большим трудом можно откорректировать. [...] Иди на компромиссы и поднимайся на палубу с легкой улыбкой — занимай каюту во втором классе или ищи себе место у прохода, чтобы при необходимости быстро уйти. [...] Скорее преуменьшай себя, чем преувеличивай, подавай себя также солидарным и лояльным, если хочешь жить в позитивной норме на своем рабочем месте [...]. Заметь: когда все турбулентности закончились, ты выучил все вышеописанное и теперь выглядишь чрезвычайно невозмутимым и положительно настроенным, вступает в силу мысль Метусаликса из тома “Подарок Цезаря” серии “Астерикс”: “Ты же меня знаешь, я не имею ничего против чужеземцев. Некоторые мои лучшие друзья — чужеземцы. Но эти чужеземцы там — не местные!”. Против этой мысли ты бессилён...» (Там же: 176 и след.).

Сквозь эти ироничные назидания просвечивает не только смекалка героя плутовского романа, вынужденного постоянно лавировать между рифами, и не только ловкость мастера мимикрии, которую, кстати сказать, автор причисляет к наиболее действенным стратегиям иммигрантского выживания, но и отнюдь не безболезненный опыт самоусечений и самоумалений. Вероятно, на него намекают и резюмирующие автобиографию строки:

«Один “*френд*”, не друг, это отличие решающее, написал недавно в фейсбуке: “Блажен тот, кто в девяностые эмигрировал в возрасте 20+, он получил за одну цену две жизни: одну позднесоветскую и одну американскую/немецкую/израильскую.” Да, хотел я ему ответить и лучше напишу это здесь: но ты забыл про-

центы, которые нужно уплатить за каждую половину жизни. Причем — по отдельности» (Там же: 188 и след.).

Тем не менее, это заявление кажется забавной декларацией, мало связанной с изложенной в книге «историей успеха» или же, по крайней мере, намекающей на нечто, о чем рассказчик в этой истории умолчал.

Представленный в белкинской книге пример состоявшейся эмиграции и (из)обретения новой идентичности отвечает социальному запросу на успешный опыт интеграции постсоветских евреев в немецкое пространство, в том числе в религиозно-культурную среду еврейской общины. В этом плане белкинская книга при всем ее ощутимом критическом потенциале тяготеет к аффирмативному полюсу по отношению к официальному курсу — в противоположность тем текстам, в которых сегодняшние авторы с миграционным бэкграундом настойчиво продвигают в фокус внимания замалчиваемые общественными дискуссиями малоприятные стороны (э)миграционного опыта. В качестве примера сошлюсь здесь только на одну книгу с красноречивым названием: *Ваша родина — наш кошмар* («Eure Heimat ist unser Alptraum») (AYDEMIR, & YAĞHOOBIFARAN 2020).

Но, сверх того, из белкинской модели интеграции вычитывается формула успеха, претендующая на универсальное значение. Герой представляет ее в финальной части автобиографии, когда резюмирует из собственного опыта идентичностных трансформаций принцип идентичностной гетерогенности:

«Но от вопроса “Кто же ты?” я стараюсь уклоняться. Еврей? Да! Немец? Конечно! Взрослый? Определенно! С русским чеканом? Само собой разумеется! Чувствующий расколотую связь с Украиной? О да! Европейец? Непременно, но с критическими выпадами в сторону Брюсселя! А еще я историк, который надеется на то, чтобы рассматривать все дифференцированно и в историческом контексте» (BELKIN 2016a: 188).

Эта установка дает рассказчику некоторую свободу в моделировании новообретенной еврейской идентичности. Но главное — она открывает возможности для посреднической функции, которая занимает едва ли не центральное место в демонстрируемой им «модели успеха». Принятие еврейской культурной и религиозной идентичности делает протагониста «своим» в той среде, которую он выбирает в качестве более ему близкой,

причем эта среда позволяет ему одновременно отграничиться от не интегрирующихся в новую реальность бывших соотечественников и представлять внутри немецкоязычной еврейской общины культурную перспективу «русского еврейства». Глубокое знание положения постсоветских евреев в еврейской общине, во многом обусловленное их недооценкой и непониманием, а в конечном счете — их несоответствием образу довоенного немецкого еврейства, побуждает протагониста транслировать их голос (именно это ключевое слово использует писатель в своих комментариях к роману [BELKIN 2016b]) и легитимировать их в качестве «немецкого еврейства-два». Анализ разрывов коммуникации между постсоветскими и немецкоязычными евреями подсказывает ему роль активного посредника межкультурного и межконфессионального диалога (между прочим, в настоящее время Дмитрий Белкин реализует под эгидой Центрального совета евреев в Германии проект «Шалом Алейкум. Еврейско-мусульманский диалог»). Но сам белкинский герой приписывает этой роли парадигматическое значение, проецируя ее на еврейскую иммиграцию в целом. И именно эту мысль он утверждает в качестве финального заключения своей книги:

«Постсоветско-еврейские иммигранты играют сегодня на клавиатуре восточно- и западноевропейской культуры и открыты для еврейских смыслов обеих культур. Такое исходное положение предлагает большой шанс “для немецкого еврейства — два” и — для Германии» (BELKIN 2016a: 202).

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Ackermann, Irmgard. (2008) Die Osterweiterung in der deutschsprachigen „MigrantInnenliteratur“ vor und nach der Wende. In Bürger-Koiftis, Michaela. (ed.) *Eine Sprache — viele Horizonte...: Die Osterweiterung der deutschsprachigen Literatur. Porträts einer neuen europäischen Generation*, Wien: Praesens, 13—22.
- Aumüller, Matthias, & Willms, Weertje. (2020) Einführung. In Dies. (ed.) *Migration und Gegenwartsliteratur: Der Beitrag von Autorinnen und Autoren osteuropäischer Herkunft zur literarischen Kultur im deutschsprachigen Raum*. Paderborn: BRILL; Wilhelm Fink, VII—XX.
- Aumüller, Matthias. (2020) Migration und Literatur. Überlegungen zum motiv- und gattungsbildenden Potenzial des Migrationsbegriffs als Bestandteil des Kompositums „Migrationsliteratur“. In Aumüller, Matthias, & Willms, Weertje. (eds) *Migration und Gegenwartsliteratur:*

- Der Beitrag von Autorinnen und Autoren osteuropäischer Herkunft zur literarischen Kultur im deutschsprachigen Raum*. Paderborn, 3—25.
- Aydemir, Fatma, & Yaghoobifarah, Hengameh. (2020) *Eure Heimat ist unser Alptraum*. Berlin: Ullstein.
- Bachmann-Medick, Doris. (2006) *Cultural Turns. Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften*. Reinbeck: Rowohlt.
- Belkin, Dmitrij. (2007) „Gäste, die bleiben“: *Vladimir Solov'ev, die Juden und die Deutschen*. Hamburg: Philo Fine Arts.
- Belkin, Dmitrij. (2016a) *Germanija. Wie ich in Deutschland jüdisch und erwachsen wurde*. Frankfurt am Main: Campus.
- Belkin, Dmitrij. (2016b, August 30) *Interview für Campus*. URL: <https://www.campus.de/news/aus-germanija-wurde-allmaehlich-deutschland-941.html>. (Letzter Zugriff: 1.02.2021).
- Belkin, Dmitrij, & Gross, Raphael. (2010) *Ausgerechnet Deutschland!: Jüdisch-russische Einwanderung in die Bundesrepublik*. Berlin: Nicolai Publishing & Intelligence.
- Diner, Dan. (1987) Negative Symbiose. Deutsche und Juden nach Auschwitz. In: Ders. (ed.) *Ist der Nationalsozialismus Geschichte?* Frankfurt am Main: Fischer.
- Gilman, Sander. (2006) The Newest Jewish Writing from the “East”. In Ders. *Multiculturalism and the Jews*. New York; London: Routledge.
- Groys, Boris. (1992) *Über das Neue. Versuch einer Kulturökonomie*. Essay. München: Hanser Verlag (= Edition Akzente).
- Haines, Bridgid. (2008) The Eastern Turn in Contemporary German, Swiss and Austrian Literature. *Journal of Contemporary Central and Eastern Europe*, 16/2, 135—149.
- Hausbacher, Eva. (2020) Sprache — Identität — Erinnerung. Olga Martynovas transkulturelles Schreiben. In Aumüller, Matthias, & Willms, Weertje. (eds) *Migration und Gegenwartsliteratur: Der Beitrag von Autorinnen und Autoren osteuropäischer Herkunft zur literarischen Kultur im deutschsprachigen Raum*. Paderborn: BRILL; Wilhelm Fink, 109—130.
- Isterheld, Nora. (2017) „In der Zugluft Europas“. *Zur deutschsprachigen Literatur russischstämmiger AutorInnen*. Magdeburg: docupoint; Bamberg: University of Bamberg Press.
- Isterheld, Nora. (2020) Die Russen sind wieder da! Wie russischstämmige AutorInnen den deutschsprachigen Literaturbetrieb erobern. In Aumüller, Matthias, & Willms, Weertje. (eds) *Migration und Gegenwartsliteratur: Der Beitrag von Autorinnen und Autoren osteuropäischer Herkunft zur literarischen Kultur im deutschsprachigen Raum*. Paderborn: BRILL; Wilhelm Fink, 71—90.
- Kaminer, Wladimir. (2018) *Ausgerechnet Deutschland: Geschichten unserer neuen Nachbarn*. München: Goldmann.

- Kaser, Karl; Gramshammer-Hohl, Dagmar, & Pichler, Robert. (2003) Einleitung. In Kaser, Karl; Gramshammer-Hohl, Dagmar, & Pichler, Robert. (eds) *Europa und die Grenzen im Kopf*. Klagenfurt: Wieser, 7—20.
- Kraft, Claudia. (2015) Phantomgrenzen und Zeitschichten in Postsozialismus. Ist der Postsozialismus postkolonial? In Hirschhausen, Béatrice; Grandits, Hannes; Kraft, Claudia; Müller, Dietmar, & Serrier, Thomas. (eds) *Phantomgrenzen. Räume und Akteure in der Zeit neu denken*. Göttingen: Wallstein, 166—190.
- Krauss, Martin. (2017, Februar 2) Wie funktioniert Germanija? In *taz*. Retrieved from <https://taz.de/Portrait-eines-juedischen-Historikers/!5379138>. (Letzter Zugriff: 29.01.2021).
- Magris, Claudio. (1974) *Weit von wo. Verlorene Welt des Ostjudentums*. Übers. aus dem Italienischen von Jutta Prasse. Wien: Europaverlag.
- Oswalt, Stefanie. (2016, November 4) Dimitrij Belkin über „Germanija“. Was bist du, wenn du ganz nackt bist? In *Deutschlandfunk Kultur*. Retrieved from https://www.deutsch-landfunkkultur.de/dimitrij-belkin-ueber-germanija-was-bist-du-wenn-du-ganz.1079.de.html?dram:article_id=370488. (Letzter Zugriff: 1.02.2021).
- Wanner, Adrian. (2011) *Out of Russia. Fictions of a New Translingual Diaspora*. Evanston (Illinois): Northwestern University Press. (Studies in Russian Literature and Theory).
- Wolff, Larry. (2003) Die Erfindung Osteuropas: Von Voltaire zu Voldemort. In Kaser, Karl; Gramshammer-Hohl, Dagmar, & Pichler, Robert. (eds) *Europa und die Grenzen im Kopf*. Klagenfurt: Wieser, 21—34.
- Zingher, Erica. (2021, Januar 25) Was wächst auf Beton? In *taz*. Retrieved from <https://taz.de/--/!5746161>. (Letzter Zugriff: 2.02.2021).

Jewgenija W. Woloshchuk
Europa-Universität Viadrina

**Einleben in Deutschland: Identitätstransformationen
der postsowjetischen jüdischen Einwanderung im Buch
Germanija. Wie ich in Deutschland jüdisch und erwachsen wurde
von Dimitrij Belkin**

Das Schreiben „zwischen Kulturwelten“, das für literarische Aufarbeitung des Migrationsthemas paradigmatisch ist, impliziert eine hohe Sensibilität für vielfältige Grenzen. Die Schriftsteller*innen, die die postsowjetische jüdische Einwanderung in Deutschland vertreten, verfügen über eigenartige Erfahrungen in diesem Bereich. Die Fragen der Integration in den deutschsprachigen Kulturraum sind für sie untrennbar von den zentralen Themen der öffentlichen Diskussionen wie deutsche Schuld, Holocaust-Gedächtnis u. a. In diesem Kontext werden im Beitrag literarische Repräsentationen

von Identitätssuche und -transformationen des Protagonisten in Dmitrij Belkins Buch *Germanija. Wie ich in Deutschland jüdisch und erwachsen wurde* untersucht. Dabei liegt der Schwerpunkt der Analyse auf den dargestellten Auseinandersetzungen mit kulturellen und mentalen Grenzen.

Schlüsselwörter: Migration; deutsches Judentum; Identitätsewurf; Stereotype; deutschsprachige Gegenwartsliteratur

Yevgeniya V. Voloshchuk
European University Viadrina Frankfurt (Oder)

**Getting Used to Germany: Identity Transformations
of (Post-)Soviet Jewish Immigration in Dmitry Belkin's Book
*Germany. How I Became in Germany a Jew and an Adult***

Writing "between cultural worlds", which is paradigmatic for literary development of the migration topic, implies a high sensitivity to a variety of boundaries. Writers representing post-Soviet Jewish immigration to Germany have a unique experience in this. Issues of integration into the German-speaking cultural space become for them inseparable from the central themes of public discussion, such as German guilt, Holocaust memory, etc. In this context, the article explores the literary representations of identity searches and transformations of the protagonist of Dmitry Belkin's book *Germany. How I Became a Jew and an Adult in Germany*. The main emphasis is on the analysis of cultural and mental borders.

Keywords: migration; German Jewry; identity project; stereotypes; contemporary German-language literature

А. Л. Вольский
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена

ФРАНЦУЗСКИЙ ИМПЕРАТОР В НЕМЕЦКОМ ЗЕРКАЛЕ: НАПОЛЕОН ГЁЛЬДЕРЛИНА И ГОФМАНА

Национальная специфика мифологизации образа Наполеона в Германии состоит в эстетизации и включении в контекст эстетического мифа. В творчестве Ф. Гёльдерлина и Э. Т. А. Гофмана Наполеон интерпретируется сквозь призму категории «возвышенное», но получает внутри нее противоположные трактовки. У Гёльдерлина Наполеон ассоциируется с такими понятиями как «невыразимое» и «превышающее человеческие возможности». В творчестве Гофмана образ Наполеона, наоборот, сознательно деэстетизируется, однако сама деэстетизация осмысливается посредством вторичной трансформации первично эстетических категорий.

Ключевые слова: эстетический миф; возвышенное; Э. Т. А. Гофман; Наполеон; Ф. Гёльдерлин

1. Введение

В сентябре 1914 г., месяц спустя после начала Первой мировой, Осип Мандельштам пишет стихотворение Европа с собственной версией европейского мифа, в котором генезис и эволюция континента осмыслены как творческий процесс создания грандиозного произведения искусства. Стихотворение завершается такими словами:

Европа цезарей! С тех пор, как в Бонапарта
Гусиное перо направил Меттерних, —
Впервые за сто лет и на глазах моих
Меняется твоя таинственная карта! (МАНДЕЛЬШТАМ 1990)

Примечательно, что из всех европейцев поэт упоминает только двух — Меттерниха и Бонапарта, которые противостоят друг другу не только как два человека, но как два исторических принципа. Меттерних, сразивший великого Бонапарта с помощью «гусиного пера», т. е. политических интриг и казуистики, олицетворяет бюрократа, взявшего верх над гением истории, торжество нетворческого принципа над творческим, но торжество временное: таинственная карта Европы вновь начинает меняться, в ней вновь пробуждается тот дух созидания, олицетво-

рением которого был Бонапарт. Мандельштама в данном случае мало волнует, что в реальности все было ровно с точностью до наоборот и что «таинственная карта» Европы меняется не вследствие мирных реформ, а военных действий: «правду факта» он сознательно игнорирует. А захвачен он эстетической стороной дела. Подобно Овидию поэт очарован свершающейся на его глазах исторической метаморфозой.

Это стихотворение является элементом обширного метанарратива, который принято называть «наполеоновским мифом». В контексте этого мифа Наполеон предстает не просто как исторический деятель и политик, а как олицетворение самой политики и истории, *homo politicus modernus*, «Weltseele zu Pferde», «мировая душа на коне», по знаменитому выражению Гегеля. Возникновение наполеоновского мифа исторически совпадает с наметившейся в модернизме тенденцией к неомифологизму, в контексте которой миф понимался как изначальная целостность бытия, отраженная в слове.

В социуме неомифология выполняет интегративную функцию исторически и структурно: исторически потому, что целостная картина мира, которую она представляет, осознается как реконструкция изначального единства, некогда существовавшего, но впоследствии утраченного; структурно потому, что позволяет объединить эмпирически разобщенное и даже противоположное, благодаря чему мир предстает не как механический набор гетерогенных элементов, а как органическое целое.

Подобное происходит и с Наполеоном: созданная им империя воспринимается как историческое воплощение европейской имперской идеи, в которой национальные государства вновь объединяются, религиозные распри стихают, монархия вступает в союз с республикой, государственная система уживается с революционным движением. Неслучайно Г. Манн уже в XX в. назвал наполеоновскую империю «Соединенными штатами Европы», а его самого — «несравненным европейцем», реализовавшим утопию целостной Европы (MANN 1988: 28).

Сам римский цезаризм Наполеона, пишет Э. Бертрам, был только таким политическим символом страстного стремления к более глубокому, духовно новому мировому единству (БЕРТРАМ 2013: 285).

У истоков наполеоновского мифа стоял сам император, ав-

тор бюллетеней Великой армии и персонаж обширного фольклора, а также главный герой *Мемориала острова Св. Елены* (1823) графа Лас Каса, ставшего одним из главных бестселлеров всего XIX в. Однако художественная рецепция образа императора, которая начинает набирать обороты уже после его смерти, имеет в европейских литературах свои особенности, позволяющие говорить о национальной специфике мифологизации.

Если понимать под историческим мифом целостный метанарратив, объединяющий ряд текстов культуры и формирующийся вокруг некой исторической фигуры — семантического субъекта данного мифа, то механизм мифологизации будет состоять в предцировании к данному субъекту ряда признаков, образующих парадигматическое единство и развернутых в синтагматические ряды, складывающиеся в тексты культуры (WÜLFING 1979: 81-108).

С нашей точки зрения, в таком единстве обнаруживается национальная специфика, проявляющаяся, разумеется, не абсолютно, но в виде общей тенденции. Нашей целью является определение немецкой специфики восприятия Наполеона, но перед тем, как перейти к ней, укажем в самом общем виде на характерные черты интерпретации образа Наполеона во Франции и России.

Французы видели в Наполеоне прежде всего олицетворение своего исторического прошлого, в равной степени великого и трагического, которое одни проклинали, другие обожествляли, что привело к возникновению во французской культурно-исторической традиции двух противоположных наполеоновских легенд — «золотой» и «черной» (ГАНЬШИНА 2019: 166-187).

Вернувшиеся во Францию Бурбоны хотя и принесли с собой мир, но мир позорный, променяв жестокое, но героическое прошлое на сытое, но бесславное настоящее. Это породило тему утраченных иллюзий и потерянного поколения. Бывшие ветераны Великой армии так и не смогли приспособиться к новым буржуазным нравам. И не важно, изображены ли они сочувственно, как, например, благородный полковник с нежной душой, Гиацинт Шабер у Бальзака, или сатирически, как грубиян и тоже полковник Дельмар из «Индианы» Жорж Санд, — оба напоминают Гулливера среди лилипутов, они гротескны и трагикомичны в «сценах из современной жизни».

Другая сторона этой же темы — тема юности, которое было воспитано на триумфах Великой армии и грезило о славе наполеоновских офицеров, но возмужав, по выражению Альфреда де Мюссе, «вложило свои шпаги в ножны бурбонов». *Исповедь сына века* (1835) Мюссе, *Пармская обитель* Стендаля или *Неволя и величие солдата* де Виньи — пожалуй, самые яркие примеры литературы, явившей образ поколения, загубленного скукой и безвременьем Реставрации. Даже чудовищные жертвы, принесенные Наполеоном на полях сражений, по прошествии времени уже не казались такими чудовищными. Наполеон даровал французам вечную молодость, хотя бы потому, что до старости доживали редко. У Мюссе мы читаем: «Стариков больше не было, были только трупы или полубоги» (МЮССЕ 1988: 30).

В России начиная с пушкинского *Мы все глядим в Наполеоны...* император французов воспринимался как воплощение современного (идущего с Запада) индивидуализма, изначально чуждого русской духовности. Наполеонизм стал в России обозначением душевной «болезни века».

Возьмем, к примеру, роман Ф. М. Достоевского *Идиот*. Наполеоновская тема возникает здесь по крайней мере дважды — в наивном и сентиментальном облике, если использовать терминологию Ф. Шиллера. Фольклорно-наивную тему проводит генерал Иволгин, который «фрашпирует» князя Мышкина детским воспоминанием о пребывании Наполеона в Кремле. Пьяница и неудачник Иволгин страдает комплексом неполноценности, который компенсирует безудержным воображением. Его небылицы, с одной стороны, пародийно воспроизводят «правдивые» истории наполеоновских ветеранов, а с другой, отражают атмосферу чуда, присущую всей наполеоновской эпохе, — когда невозможного словно не было, когда в одночасье создавались королевства, а рядовые производились в маршалы Франции.

Если генерал Иволгин — это, так сказать, комический и благодушный Наполеон, пародийно снижающий образ императора, то его сын Ганя — это «Наполеон в душе». Наполеонизм Гани показан Достоевским как психическое заболевание. Ганя отравлен «наполеоновским комплексом», «вогнанным внутрь тщеславием», маниакальным субъективизмом и неутолимой жадой власти (ЖИЛЯКОВА 2017: 50). Достоевский создает целую галерею «маленьких наполеонов»: Раскольников, Иван Карамазов, Ставрогин

— это субъекты рационально действующей индивидуальной воли, которым противостоят образы князя Мышкина, Алеши Карамазова, Сонечки Мармеладовой, воплощающие «русскую идею» соборной любви и всепрощения (ВОЛГИН, НАРИНСКИЙ 1993: 127-164).

Но вот перед нами *Английские фрагменты* немецкого поэта Генриха Гейне. В одном из них Гейне сравнивает двух полководцев — Веллингтона и Наполеона:

Нет большей противоположности, чем эти два человека, уже по одной их внешности. Веллингтон — глупый призрак с пепельносерой душой в накрахмаленном теле, с деревянной улыбкой на замороженном лице, — и рядом с ним представить образ Наполеона — божества с головы до пят! Никогда не исчезнет этот образ из моей памяти. Я до сих пор вижу его на коне, вижу эти бессмертные глаза на мраморном лице императора, с роковым спокойствием взирающие на проходящие мимо гвардейские полки — в то время он отправлял их в Россию, и старые гренадеры смотрели на него так разумно-сурово, с такою жуткой преданностью, с такою горделивою готовностью к смерти — Те, Caesar, morituri salutant! (ГЕЙНЕ 1983: 187)

Красота Наполеона и уродство Веллингтона становятся у Гейне основанием для более глубокого противопоставления — исторического величия одного и бесславия другого. Гейне влюблен в античную красоту Наполеона, очарован величием его личности. Как показал М. Эспань (ЭСПАНЬ 2018: 320-321), восхищение Гейне Наполеоном отчасти обусловлено еврейским происхождением поэта, но к таковому отнюдь не сводится. Гейне восхищается Наполеоном совершенно бескорыстно. Блеск и мощь его деяний для Гейне прекрасны сами по себе, целесообразны без цели.

Этот пример демонстрирует доминирующий вектор рецепции Наполеона в Германии. Этот вектор — эстетический. Наша гипотеза заключается в том, что образ Наполеона был прочитан немцами, в первую очередь, по эстетическому коду, а новизна подхода состоит в рассмотрении объекта исследования сквозь призму эстетического мифа.

2. Характеристика материала и методов исследования

Согласно В. Вюльфингу, механизм мифологизации состоит в том, что историческая личность в качестве семантического субъекта мифа наделяется предикатами, обладающими пара-

дигматическим единством и принадлежащими иному дискурсивному полю (WÜLFING 1979: 82-83). В нашем случае такими предикатами выступают понятийные единицы эстетического дискурса — гений, дух, природа, творчество, произведение искусства, символ, возвышенное, прекрасное, вдохновение, озарение и пр. При этом, разумеется, необходимо учесть индивидуальные различия: каждый поэт актуализировал те аспекты эстетического мифа, которые были более созвучны его собственному мировосприятию, ибо любая рецепция, особенно же рецепция художника, есть уже априори продукция, представляющая собой всегда синтез своего и чужого.

Мы рассмотрим образ Наполеона в творчестве Гёльдерлина и Гофмана, которые воплощают две противоположные тенденции — эстетизации и деэстетизации образа. При этом центральной для обоих авторов становится эстетическая категория возвышенного («Das Erhabene»).

2.1. Ф. Гёльдерлин

Фридрих Гёльдерлин был первым великим немецким поэтом, создавшим образ Наполеона, тогда еще генерала Бонапарта. Но как политическая фигура Бонапарт Гёльдерлина не интересует, он воспринимает его сквозь призму эстетического мифа, в обширном поле которого доминантой для него становится, как сказано выше, категория возвышенного, ибо Гёльдерлин, наследник поэтической традиции Лонгина, Пиндара и Клопштока, видел назначение поэзии в изображении наивысших предметов: *das Höchste, das ist's, dem wir geeignet sind (Dichterberuf), Das Heilige sei mein Wort («Wie wenn am Feiertage...»)*, которым соответствует высокий слог его элегий, од и гимнов, «*das hohe und reine Frohlocken der vaterländischen Gesänge*» (HÖLDERLIN 1960: 435), «высокое и чистое ликование отечественных песен», как обозначил сам Гёльдерлин свои поздние поэтические тексты.

Поэтому закономерно, что Гёльдерлин выбирает предметами своих высоких песен великие реки, высокие горы, бескрайние пространства, эпохальные события, но прежде всего — героев. Как пишет М. Коммерель, «в нашей памяти Гёльдерлин живет как первый героический поэт героев» (КОММЕРЕЛЬ 2018: 591). «*Ihr Freunde! Mein Wunsch ist Helden zu singen*», — говорит Гёльдерлин в оде «*Am Tage der Freundschaftsfeier*». Для Гёльдерлина герои образуют не просто высшую форму человеческо-

го существования, но, соединяя божественное и человеческое, они выступают как воплощения EN KAI PAN, мирового единства, в котором примиряются противоречия бытия.

Главным героем современности для Гёльдерлина наряду с Руссо является Бонапарт. Ему посвящены три оды *Buonaparte*, *Die Völker schwiegen, schlummerten...* и *Dem Allbekannten* (все 1797 г.), из которых завершена только первая:

Buonaparte

Поэты — те священные сосуды,
Которые жизни вино —
Дух героев — хранят исстари.
Но этого юноши дух
Стремительный — как его примет,
Не разорвавшись в куски, сосуд?
Не тронь же его, поэт: он — дух природы.
Трудясь над ним, созреет в мастера мальчик.
Не может он жить, хранимый в стихе, —
Нетленный, он в мире живет (ГЁЛЬДЕРЛИН 1988: 281;
пер. Н. Вольпина)

Бонапарт назван здесь духом природы, а само стихотворение, которое построено по принципу логической триады, разрабатывает в первой строфе традиционный со времен Пиндара мотив сопоставления героического и поэтического энтузиазма: *figor heroicus* и *figor poeticus*, реактуализируя тем самым философскую традицию, ведущую от Пиндара и Платона через Дж. Бруно («О героическом энтузиазме») к патетической поэзии Клопштока и шпюрмерской лирике. Поэзия есть форма фиксации героического деяния. Однако трактовка этого традиционного поэтического мотива здесь необычная, так как за тезисом следует антитезис:

«Но этого юноши дух / Стремительный — как его примет, / Не разорвавшись в куски, сосуд?» (ГЁЛЬДЕРЛИН 1988)

Вразрез с традицией Гёльдерлин говорит здесь о *невозможности* поэтического слова вместить героическое деяние. Усматривать в этом расхожий риторический прием, что-то вроде ритуального самоуменьшения оратора, было бы неверно, ибо мотив потребности и одновременно неспособности поэзии выразить наивысшее является одним из лейтмотивов всего творчества Гёльдерлина и более того — симптомом всей модернистской культуры, одной из центральных тем которой стал кризис языка.

В наиболее эксплицитной форме языковой скепсис Гёльдерлина выражают знаменитые строки из гимна *Рейн*: «Ein Rätsel ist Reinentsprungenes / Auch der Gesang kaum darf es enthüllen». Эта мысль расширяется у Гёльдерлина в общее для него представление о невозможности конечного вместить бесконечное, которое сквозным мотивом проходит через его позднее творчество, начиная с образа сгоревшей в молнии Зевса Семелы из гимна *Как в праздник...* и бросившегося в Этно Эмпедокла и завершая образом «кипящих фруктовых плодов» в последнем гимне «Мнемозина».

Поэтому очевидно, что речь здесь идет не об эффектном поэтическом приеме, а о *существенном отношении Гёльдерлина к поэтическому слову*, продолжающем ту не риторическую, а мистическую традицию, которую греки обозначали понятием «to argheton» («невыразимое»), восходящую к Платону, неоплатонизму и апофатическому богословию Дионисия Ареопагита. Так, Плотин полагает, что Единое не может быть высказано в слове, оно сверхбезмолвно (*ὑπερῶρρητος*), и адекватным его выражением может стать только «молчаливая речь» (*λόγος σιωπῶν*).

Языковой скепсис проходит красной нитью через всю историю европейской философии языка вплоть до Ницше, Виттгенштейна, Маутнера, Гофманстала, Хайдеггера и Целана. К этому выводу приходит и Гёльдерлин, завершая свою оду словами:

«Не тронь же его, поэт: он — дух природы. / Трудясь над ним, созреет в мастера мальчик* / Не может он жить, хранимый в стихе, — / Нетленный, он в мире живет» (ГЕЛЬДЕРЛИН 1988).

Если ода *Бонапарт* рисует Наполеона как героя и разрабатывает мотив соотношения героического деяния и поэтического слова, то написанный белым стихом фрагмент *Безмолвные народы спали...* эстетизирует саму войну и Наполеона как *возвышенный принцип жизнестроительства*.

Безмолвные народы спали, но прозрела
Судьба, что сон их чуток, и явился
Бесстрашно — грозный
Природы сын, дух древний непокая.

---

* Перевод этой строки неточен и противоположен авторскому смыслу. В оригинальном тексте мастер становится мальчиком, дерзая выразить невыразимое. — *Примеч. авт.*

Он встрепенулся, как огонь, который дышит
В земных бродильнях, стены старых городов
Он осыпает, как плодовые деревья,
Ломает горы и крушит дубы и камни.
И, как моря, вскипая, зашумели
Войска, и, как владыка Посейдон,
Чей-то высокий дух встал над кипеньем схватки,
И чья-то пламенная кровь текла по полю смерти...
И все людские силы и желанья
Отбушевали на чудовищной постели
Сражений, где от Рейна синего до Тибра,
Как дикая гармония, творился
Неудержимый многолетний бой.
Так в это время дерзостной игрой
Пытала смертных мощная судьба.
И вновь тебе плоды сияют золотые,
Как чистая звезда в прохладной ночи
Роц италийских, темных померанцев... (Гёльдерлин 1988: 280;
пер. Г. Ратгауза)

Эстетизируя войну, Гёльдерлин обычно подразумевает войну освободительную. Следуя знаменитому определению Ф. Шиллера: «Красота есть явление свободы», он полагает, что только война за свободу может быть прекрасна. Так, в гекзаметрическом гимне *Архипелаг* он воспеваает освободительную войну греков против персов, а в оде *Смерть за отечество* — героизм республиканцев, ведущих справедливую войну против вторгшихся во Францию коалиционных войск. Однако в оде *Безмолвные народы спали...* Гёльдерлин эстетизирует войну *как таковую*, воспеваает «дикую гармонию» и «кипенье схватки», не задаваясь вопросом о ее политическом или нравственном смысле. Напротив, мифологизируя войну и выводя ее как бы на метафизический уровень, Гёльдерлин абстрагируется от актуального политического контекста. Но, освобождая войну от непосредственного *политического* смысла, Гёльдерлин тем не менее не лишает ее смысла *исторического*. Однако смысл истории раскрывается в мифе. С этой точки зрения, война является оправданной и нравственно, и эстетически, ибо представляет собой необходимый *путь* к мировой гармонии и красоте.

Такая интерпретация становится понятной, если рассматривать войну не изолированно, а диалектически, т. е. как мо-

мент внутри целого, антитезис, иными словами, как отрицательную стадию нового созидания, первой фазой которого является разрушение всего отжившего. Гёльдерлин следует здесь за Гераклитом, высказавшим мысль, что «война есть отец всех вещей». Таким образом, война становится творческим событием, символом обновления.

В романе *Гиперион* герои идут воевать не только ради освобождения своей страны, но в первую очередь ради обретения внутренней свободы и собственного духовного возрождения:

— И мы смоем с себя каждое пятно, каждое площадное слово, которыми замарал себя наш век, как чернь марает стены! — воскликнул я.

— Тем-то и хороша война...

— Верно, Алабанда, — подхватил я, — хороша, как и всякое великое дело, где человека поддерживают сила и разум, а не клюка и крылья из воска. Вот когда мы скинем невольничью одежду, на которую судьба поставила свое клеймо...

— И в нас не останется ничего суетного и наносного, — продолжал Алабанда, — и мы пойдем к своей цели, сбросив с себя и украшения и оковы, нагие, как бегуны на немейских играх (ГЕЛЬДЕРЛИН 1988: 183).

Стихотворение *Die Völker schwiegen, schlummerten...* следует той же логике, но расширяет идею личного жизнетворчества до *мировой теургии*. Наполеон, который является здесь в образе «духа непокоя», осмысляется как природная творческая сила, пришедшая в мир ради его обновления. Он проводит народы, прозябающие в состоянии апатии и сна, сквозь драму мировых потрясений к новому, выстрадавшему миру, в котором «сияющие золотые плоды и темные померанцы» символизируют исполнение времен и наступление Золотого века, а образ «чистой звезды» эксплицитно указывает на Наполеона, всегда следовавшего за своей звездой:

И вновь тебе плоды сияют золотые,

Как чистая звезда в прохладной ночи

Роц италийских, темных померанцев... (ГЕЛЬДЕРЛИН 1988: 280)

Теоретической основой этого стихотворения могут считаться так называемые *Гомбургские фрагменты* (1798 — 1800). Во-первых, философский фрагмент — *Суждение и бытие* (HÖLDERLIN 1960, IV: 216-217), в котором мировая история осмысляется как диалектический процесс, состоящий из трех стадий: первичной и непол-

ной гармонии (интеллектуального созерцания), следующего за ним разделения (*Urteilung*) на субъект и объект, которое предвосхищает последующее окончательную и безусловную гармонию. Очевидно, что наш стихотворный текст построен по той же модели: война является крайней и самой острой формой такого разделения, дисгармонии и одновременно переходом к финальной гармонии, образом которой является мир («*Frieden*»), образ которого дан в последней (незавершенной) строфе.

Если описывать исторический процесс в терминах другого фрагмента *Чередование тонов* (HÖLDERLIN 1960, IV: 268-240), то первый этап (молчание и сон народов) можно отождествить с «наивным тоном». За ним следует война как воплощение героического тона, который сменяется тоном идиллическим в образе золотого сада. Свое формульное выражение мысль о том, что разрушение наличного (конечного) бытия есть одновременно момент становления и переход на более высокую стадию развития, находит во фрагменте *Становление и прехождение* (1798), в котором формулируется следующее общее «правило»:

Die Welt aller Welten, das Alles in Allen, welches immer ist, stellt sich nur in aller Zeit — oder im Untergange oder im Moment... dar, und dieser Untergang und Anfang ist wie die Sprache Ausdruck, Zeichen, Darstellung eines Ganzen* (HÖLDERLIN 1960, IV: 282).

Эти фрагменты, как и стихотворения, отсылают нас еще к одному ключевому тексту данной эпохи — эссе Ф. Шиллера *О возвышенном*. Шиллер различает два рода возвышенных предметов (ШИЛЛЕР 2012: 335). Первый относится к тем предметам, сущность которых мы не можем выразить в слове, понятии, образе. Второй — такой, соотносясь с которым мы переживаем свое физическое ничтожество и бессилие. Очевидно, что стихотворение *Буонапарте* дает нам предмет первого рода, а стихотворение *Безмолвные народы стали...* — второй род. К идеям Канта и Шиллера о возвышенном восходят и *Гомбургские фрагменты* с их диалектикой конечного и бесконечного. В первом проанализированном стихотворении таким конечным выступает

---

* Мир всех миров, все во всем и сущее присно, представляется во времени — или в гибели или моменте... и эти гибель и начинание подобно языку суть выражение, знак или представление одного целого (*Перевод наш. — А. В.*).

творчество поэта, переживающее кризис выражения, во втором — современность, уступающая место новой эпохе.

2.2. Э. Т. А. Гофман

Вторжение Наполеона в Пруссию и ее разгром в 1806 г. стали цезурой в жизни Гофмана и круто изменили ее ход: прусский чиновник Гофман лишается места и жалованья, обрекается на годы скитаний и нужды. Эти обстоятельства, без сомнения, повлияли на отношение Гофмана к Наполеону. Но его неприязнь к Наполеону тем не менее не может быть объяснена исключительно материальными причинами, хотя бы потому, что именно бытовая катастрофа заставила его прервать обеспеченную, но безрадостную карьеру юриста и буквально вытолкнула в мир искусства, о котором он всегда мечтал. Выйдя в отставку, Гофман направляется в Бамберг, где становится профессиональным музыкантом, критиком, а вскоре и писателем. Но вот парадокс: благодаря Наполеону Гофман сделался художником, однако свое искусство обратил против него. Превращение чиновника в художника позволило Гофману осмыслить фигуру французского императора символически и отрицать его с более высоких позиций, как явление *антиэстетическое* и враждебное миру любви и искусства, который Гофман считал единственно истинным и достойным человека.

Гофмановское неприятие Наполеона, трактовку его образа сквозь призму «черной легенды» поэтому можно адекватно объяснить только метафизическими причинами: в Наполеоне Гофман усматривает воплощение того мирового зла, о вторжении которого в человеческий мир предостерегает его творчество. Гофман интуитивно почувствовал вселенский масштаб этого зла и художественно описал его. Все его творчество является своеобразной феноменологией зла, которое проявляет себя в мире под множеством масок, одна из которых — Наполеон.

Начиная с предромантизма в искусстве возникает мода на эстетизацию зла. Этот процесс отражает диалектику Просвещения и кризис рационального истолкования мира. На фоне рационализма и морализма Просвещения зло предстает как нечто загадочное, трансцендентное, выводящее за пределы рассудочной этики, и осмысливается в связи с эстетическими идеями прекрасного и возвышенного. В литературе возникают образы прекрасных и обладающих демоническим обаянием злодеев (Адель-

гейда, Фиеско) и гениев зла (Франц Моор, Валленштейн).

Мода на ужасное, которое воспринимается как аспект возвышенного, находит свое воплощение, в частности, в готическом романе. Философское обоснование готического стиля принадлежит Эдмунду Бёрку, выпустившему в 1757 г. книгу *Исследование наших представлений о возвышенном и прекрасном*, в котором Бёрк говорит о возвышенности ужаса и страха:

Чувство, которое вызывает в нас величие и возвышенность природы, властно завладевает нами и называется изумление; и изумление есть такое состояние нашей души, в котором все ее движения замирают в предчувствии ужаса. Ни одно из чувств не может лишить наш мозг рассудочности и способности к действию в такой степени, в какой способен это сделать страх. Потому что страх есть предчувствие боли или смерти, и по своему способу воздействия он походит на настоящую боль... И чтобы сделать что-либо еще более ужасным, необходимо внести неясность (БЁРК 1979: 155).

К готической традиции внешне примыкает и Гофман, наполняющий свои произведения готической атрибутикой — замками, подземельями, призраками, нечистой силой и т. п. Но проблема зла трактуется им иначе, чем в готической литературе. У Гофмана зло лишается той возвышенности, которую оно имела в готике, и изображается сатирически. Злодей — это самозванец, действующий посредством наваждения.

Ничтожным самозванцем выступает Крошка Цахес по прозвищу Циннобер, поработивший с помощью заемного колдовства целую страну. Он живет имитацией дарования и присвоением чужих достижений и, будучи разоблачен, позорно гибнет. Сатирически, несмотря на всю свою ужасность, изображен адвокат Коппелиус в *Песочном человеке*. Он — демоническая личность, но при этом лишен возвышенности. Вселяемый им ужас соединяется с омерзительными и комическими деталями — в частности, упоминаются его толстые волосатые пальцы, которыми он из вредности хватает со стола лакомства, предназначенные детям. Такова и грозная старуха-колдунья из *Золотого горшка*, которая, как выясняется, всего-навсего дочь драконова пера и какой-то свекловицы и т. д. Гофман лишает зло той возвышенной ауры и эстетического ореола, которыми наделял его сентиментализм и ранний романтизм, предвосхищая гротеск-

ные образы Ф. Кафки и идеи Ханны Арендт о банальности зла.

Такое банальное, приземленное зло мы встречаем в сказке *Щелкунчик*, где оно предстает в образе крысиного племени. Эта сказка написана в 1816 г., т. е. через год после битвы при Ватерлоо. Ее кульминацией становится сражение армии мышиноного короля с новогодними игрушками. Говорят, что ее высоко ценил прусский полководец Август Гнейзенау не только за ее художественные достоинства, но за точность, с которой Гофман описывает батальные сцены (SAFRANSKI 1992: 390). Очевидно, что они были навеяны антинаполеоновской кампанией, и нетрудно догадаться, кто мог скрываться за образом мышиноного короля.

В конце августа 1813 г. Гофман посещает поле боя под Дрезденом на следующий день после кровавого сражения, унесшего тысячи жизней. Оно производит на писателя удручающее впечатление. В дневнике Гофман описывает, в частности, неестественные, гротескные позы погибших, которые напоминают сломанных оловянных солдатиков, марионеток и покалеченных кукол его сказок.

Под впечатлением от увиденного он пишет короткий рассказ *Видение на поле боя у Дрездена*, в котором перед Наполеоном появляются не вражеские войска, а жертвы его войн — трупы и скелеты, обвиняющие Наполеона в своих страданиях. Что это за образы? Это образы прозревших. Смерть вернула вчерашним автоматам и куклам, которых Наполеон отправлял на смерть без числа и счета, способность мышления и свободную волю. И вот они приходят к тирану, требуя справедливости. Эта сцена со струящимися из пустых глазниц потоками крови, движущимися массами мертвецов по масштабу и выразительности не уступает апокалиптическим видениям экспрессионизма XX в.

Сам же Наполеон изображен в рассказе как поднявшийся над полем боя гигантский призрак, словно явившийся из готического романа. Но этот призрак лишен всяческой трагичности, он — самозванец, что-то вроде Крошки Цахеса, только больших размеров, и его смерть является гротескной аналогией конца Крошки Цахеса. Подлинной возвышенностью обладает здесь не Наполеон, а его жертвы. Смерть Наполеона раскрывает его ничтожество, противоположное подлинному величию настоящих героев, которыми в образе Диоскуров предстают в финале рассказа русский император Александр и прусский король Фри-

дрих-Вильгельм. Образ Наполеона намеренно деэстетизируется Гофманом. Но такая деэстетизация становится художественно ощутимой на фоне романтической традиции эстетизированного зла, а также эстетизированного образа Наполеона как их сознательная художественная деконструкция.

Если зло не имеет реальной опоры в высшем бытии и по сути своей иллюзорно, то каким образом ему удастся утвердиться в мире? Другой важный круг мотивов, в дискурсивном поле которого возникает и развивается наполеоновская тема, связан с проблемой, так сказать, «демонической коммуникации». Гофман интересуется, какими путями зло входит в мир, как пролагает оно себе пути в человеческие души, каким образом завладевает ими и лишает человека свободы, превращая его в куклу в своей игре. Эти мотивы получают у Гофмана разные сценарии развития. В романе *Эликсиры сатаны* таким каналом проникновения становится заколдованное вино, которое выпивает Медард, после чего запускаются в действие дремлющие в его душе разрушительные силы. Губительное воздействие зла на душу человека — один из центральных мотивов *Песочного человека*. Так, Клара говорит Натанаэлю:

Ежели существует темная сила, которая враждебно и предательски забрасывает в нашу душу петлю, чтобы потом захватить нас и увлечь на опасную, губительную стезю, куда мы бы иначе никогда не вступили, — ежели существует такая сила, то она должна принять наш собственный образ, стать нашим «я», ибо только в этом случае уверуем мы в нее и дадим ей место в нашей душе, необходимое ей для ее таинственной работы (ГОФМАН 2011: 358).

Процесс проникновения враждебных сил в душу человека под видом дьявольского двойника осмысливается Гофманом сквозь призму популярной в то время теории животного магнетизма, известной под именем месмеризма (при рассмотрении новеллы *Магнетизер* я ориентировался на книгу Сафрански о Гофмане; см. Список литературы).

Ее родоначальником был Франц Антон Месмер (1734 — 1815*), который еще в предреволюционные годы приобрел всемирную славу как врач, психолог и практикующий магнетизер.

---

* Год смерти Месмера совпадает с годом окончательного разгрома Наполеона. Это значимо для Гофмана. — *Примеч. авт.*

Известно, что Месмер дружил с Моцартом в Вене, в Париже организовал «Орден Гармонии», а в Германии сторонниками его теории были В. фон Гумбольдт и канцлер Пруссии Гарденберг (дядя Новалиса). Месмер является автором теории животного магнетизма, основные положения которой сводятся к следующему.

1. Между живыми организмами имеется связь, аналогичная материальной, ибо психические и физические явления имеют одну природу. Подобно тому, как в физическом мире существует гравитация, так и в животном — животная гравитация (*gravitas animalis, belebte Schwerkraft*).

2. Душевные переживания представляют собой движение определенных частиц световой материи, *materia luminosa*, которые настолько тонки, что не воспринимаются органами чувств. Только самая чувствительная часть души — нервная система — может воспринимать ее движение, но именно в ней воздействие является сильнейшим.

3. Животный магнетизм скапливается у определенных людей (магнетизеров) и может передаваться пациентам с помощью системы жестов, прикосновений — пассов, *magische Striche* и даже на расстоянии. Но связь будет эффективной при условии, если сам магнетизер обладает переизбытком силы, а другой, как медиум, пассивен и пуст и не оказывает никакого сопротивления воздействию извне, пребывая в сомнамбулическом состоянии.

Идеи Месмера оказали влияние на многих романтиков. Ф. В. Й. Шеллинг в своей натурфилософии, Г. Г. Шуберт, автор нашумевшей книги *Ночные стороны естествознания*, магический идеалист Новалис, Г. фон Клейст в новелле *Кэтхен из Хайльбронна* и драме *Принц Гомбургский* испытали влияние его идей. Но наиболее последовательным его адептом в немецкой литературе стал Гофман, который еще в Бамберге увлекся месмеризмом, присутствовал на магнетических сеансах и во многих произведениях использовал элементы месмеризма, прежде всего в рассказах *Магнетизер*, *Стихийный дух* и *Зловещий гость*. Однако месмеризм в его научном, «чистом виде» Гофмана мало волнует: он использует его как естественно-научную метафору, символическое иносказание эстетических идей.

В новелле Гофмана *Магнетизер* из цикла *Фантазии в манере Калло* действие происходит в замке старого барона, дочь которого Мария помолвлена с офицером Ипполитом. Брат Марии От-

мар водит дружбу с магнетизером Альбаном, который обучает Отмара магнетизму и возбуждает интерес ко всякого рода пограничным состояниям человеческой психики, в частности снам.

В один из осенних вечеров заходит разговор о снах, и барон рассказывает страшную историю своей юности. Когда он был воспитанником кадетского корпуса, то одним из его воспитателей был некий майор, человек большого таланта, но со странностями. Невероятные сила, отвага и проницательность сочетались у него с чем-то жутким. Поговаривали, что он связан с Сатаной. Например, дважды в год майор уединялся в парке, где фехтовал и бранился с незримым противником. Однажды барону приснился сон, что к его кровати приблизился майор и начал его душить, а потом пронзил череп раскаленной стальной иглой. Очнувшись от кошмара, барон успел заметить уходившего по садовой аллее майора. Переполошив всю казарму, он врывается в запертую комнату майора, где видит на полу его распостертый окровавленный труп.

На этом месте рассказа впечатлительная и восприимчивая к такого рода рассказам Мария, внимательно слушавшая, падает в обморок. Все хлопочут вокруг нее, но в это время в комнату входит магнетизер Альбан, который магнетическими пассами приводит ее в чувство и становится ее врачом. Вскоре выясняется, что его цель — не исцеление Марии, а подчинение ее себе.

Он говорит:

...для меня не довольно тех отношений, которые люди называют связью. Духовно соединить с собою Марию, соединить так, чтобы разлука ее уничтожила, — вот мысль, которая веселит меня! Это теснейшее сочетание с женщиной превосходит блаженством все чувствительные наслаждения и достойно жреца Изида (Гофман 2011: 125).

И вот Альбан постепенно начинает внушать ей, что он — ее высшее начало, волевой принцип ее жизни. Несмотря на возвращение Ипполита, здоровье и душа Марии уже во власти Альбана.

— Женщина, — заявляет он, — есть существо страдательное во всех своих склонностях: она добровольно отдается чужой силе, желает единственно чужого, внешнего, признает свою зависимость — и вот в чем состоит нрав их, истинно детский и верх блаженства — обладать таким нравом... Довольно было одного

твердого взгляда, чтобы навести на нее так называемый сомнамбулизм и заставить жить в моей сфере (Там же: 125-126).

Возвращается Ипполит, назначается свадьба. Но Мария психически целиком во власти Альбана. Во время свадебной церемонии Мария падает замертво — Альбан убивает ее на расстоянии.

На этом фантазмагория не заканчивается: старый барон узнает в Альбане душившего его майора, но Альбану удается скрыться. В замке есть еще одна парочка — Теобальд и его невеста Августа. Теобальд тоже учится магнетизму у Альбана, но в отличие от него он не черный маг, а белый. Пока Теобальд учится, его невеста влюбляется в итальянского офицера. Она теряет покой, думает только о нем, и когда Теобальд возвращается, Августа даже не узнает его. Она бредит только итальянцем. Тогда Теобальд пускает в ход свое магнетическое искусство. Он заставляет ее вспомнить эпизод из детства: однажды она в темноте ударила свою сварливую сестру. В комнате находился еще и Теобальд, который взял вину на себя. Августа была так благодарна Теобальду, что полюбила его. Заставив Августу вспомнить во сне ее первичное переживание («Urerlebnis», по Фрейд), он смог вернуть ей здоровье, а себе ее любовь.

Новелла Гофмана *Магнетизер* была написана в августе 1813 г., вскоре после того, как Гофман видел в Дрездене самого императора. Отмар ради искупления вины за смерть Марии отправляется на войну против Наполеона. В новелле *Призрак, явившийся на поле сражения, под Дрезденом* призрак Наполеона, хвастливо как магнетизер Альбан, заявляет:

— Чего вы хотите, о глупцы, разве сам я не есть олицетворение мести, роковой судьбы, коей вы обязаны повиноваться (Там же: 1193).

Наполеон для Гофмана — это политический магнетизер, подчиняющий окружающих своей воле и внушающий всем любовь к себе (SAFRANSKI 1992: 294-310). Магнетизмом объясняется рационально необъяснимая любовь солдат к этому самому кровавому из полководцев и исходящая от его личности дьявольская воля к власти. Его собственное «я» есть не что иное, как эта персонифицированная воля к власти, поглотившая все человеческое в нем самом. Магнетизм диктатора после Гофмана становится важным мотивом литературы, пытающейся расшифровать

механизм власти. Ярким примером развития этой темы в литературе XX в. стала новелла Т. Манна *Мафио и волшебник*.

В рассказе *Зловещий гость* (1818) тоже возникает тема магнетизма. В семью полковника Б. проникает некий итальянский граф, который пытается с помощью внушения завладеть его дочерью. Как и Альбан, этот граф обладает всеми качествами магнетической личности: загадочной демонической внешностью, незаурядной силой воли, властным характером, особой зловещей одухотворенностью и т. п. Демонические аллюзии подчеркнуты символикой имен персонажей. Так, имя самого графа — «S-i» — аббревиатура, намекающая на итальянское «grafico satani» (граф Сатаны), учитывая, что дочь полковника зовут Анжелика, а русского офицера, невесту которого он погубил, — Богуслав. Одновременно возникают ассоциации и с Наполеоном. Во-первых, граф — сицилиец, т. е., как и Наполеон, островитянин, а его первое появление в рассказе происходит в Неаполе.

Но более существенно, что борьба со зловещим графом в эпическом времени рассказа происходит на фоне войны с Наполеоном, а победа над магнетизером и его смерть в этом времени совпадают с разгромом Наполеона. В рассказе есть много замысловатых переплетений между мотивами магнетизма, зловещей тайны, насилия и Наполеоновских войн, что, кстати, не ускользает от внимания участников Серапионова братства, обсуждающих рассказ Отмара. Например, появление магнетизера предвещают странные и зловещие звуки — шум бури, завывание ветра, гудение каминной трубы и т. д. Далее в рассказе описывается жуткий звук падающих капель в гостинице, напугавший спавшего Дагобера. Жуткий и предвещающий несчастье звук был также услышан ротмистром Р. во сне во время войны против Наполеона в Испании в том месте, где вскоре произошло кровопролитное сражение, а впоследствии он получает ранение во время похода союзников на Париж. Так возникает ассоциативная символическая цепочка, соединяющая бурю — сон, т. е. бессознательное состояние, и ночной кошмар с магнетизмом и опосредованно — с Наполеоном.

И опять, как в *Магнетизере*, речь здесь идет об обретении свободы и целостности сознания, о торжестве над магнетическим наваждением, которое достигается силой любви, мужества, разума и глубокого чувства, иными словами, преодолением сверхче-

ловеческого (демонического) человеческим. Об этом говорит героиня *Песочного человека* Клара, предостерегая Натанаэля:

Но ежели дух наш тверд и укреплен жизненной бодростью, то он способен отличить чуждое, враждебное ему воздействие, именно как такое, и спокойно следовать тем путем, куда влекут нас наши склонности и призвание, — тогда эта зловещая сила исчезнет в напрасном борении за свой образ, который должен стать отражением нашего я (ГОФМАН 2011: 358).

Нетрудно заметить, что теория животного магнетизма является естественно-научной интерпретацией эстетического учения о бессознательном творчестве, истоки которого мы находим у Платона в его учении о «божественном энтузиазме», *figor poeticus*. В диалоге *Ион* сказано: «Все хорошие эпические поэты слагают свои прекрасные поэмы не благодаря искусству, а лишь в состоянии вдохновения и одержимости» (ПЛАТОН 1990: 376). В отличие от классицизма, который акцентировал сознательную, интеллектуальную сторону поэзии с ее идеалом поэта-ученого (*poeta docta*), модернизм особенно подчеркивал ее бессознательную сторону, реактуализируя платоновскую теорию «божественного энтузиазма».

В упомянутом диалоге Платон создает еще один важный образ, который проясняет связь между сферой поэтического воздействия и магнетизмом. Таким образом является магнит. По Платону, творческая личность подобно магниту способна притягивать к себе других людей, заряжая их энергией собственного вдохновения. Наиболее сильным магнетическим действием обладает, по Платону, Гомер, делающим вдохновенным рапсода (Иона), который магнетически привлекает к себе слушателей.

Очевидно, неслучайную параллель этому учению мы находим в рассказе *Стихийный дух*, действие которого происходит вскоре после победы над Наполеоном. В рассказе, в котором мистический пласт повествования проникает в исторический, воссоздается исторический колорит и упоминаются эпизоды военной кампании 1815 г. — сражения при Ватерлоо, Шарлеруа, Жилли и Жосселине. Как в *Ночном госте* и *Магнетизере*, здесь тоже появляется демоническая личность, ирландский офицер по имени О'Маллей, чернокнижник и магнетизер. Когда кто-то начинает сомневаться в возможности общения человека с миром духов, Маллей вдруг вспоминает Гомера и проводит аналогию между

своими магнетическими способностями и поэтическим даром:

— Капитан или вы, лейтенант... садитесь и напишите оду, такую же великую и сверхчеловеческую, как «Илиада». Мы оба ответили, что не можем этого, так как не одарены талантом Гомера.

— Ха, ха, — расхохотался в ответ О'Маллей. — Смотрите же, капитан! На основании того, что ваш дух не способен понимать и производить божественное, что ваша натура не имеет способности к познанию высшего, вы отрицаете, что и всякий другой человек лишен этой способности. Я говорю вам, что для сношения с высшими духовными созданиями необходимо иметь особую психическую организацию, и как поэтический талант, так и подобная организация является даром, которым награждает мировой дух своих избранных (ГОФМАН 2011: 969-970).

Несмотря на внешнее сходство с поэзией и сходный механизм действия, магнетическая сила, исходящая от Наполеона, враждебна человеку и противоположна воздействию искусства, которое служит освобождению и возвышению, ведет к созерцанию божественного мира. Квинтэссенцией такого благотворного магнетизма для Гофмана является музыка, делающая нас духовидцами. Так, в эссе *Инструментальная музыка Бетховена* говорится:

Музыка Бетховена движет рычагами страха, трепета, ужаса, скорби открывает перед нами царство необъятного и беспредельного. Огненные лучи пронизывают глубокий мрак этого царства, и мы видим гигантские тени, которые колеблются, поднимаясь и опускаясь, все теснее обступают нас и, наконец, уничтожают нас самих, но не ту муку бесконечного томления, в которой никнет и погибает всякая радость, быстро вспыхивающая в победных звуках. И только в ней — в этой муке, что, поглощая, но не разрушая любовь, надежду и радость, стремится переполнить нашу грудь совершенным созвучием всех страстей, — продолжаем мы жить и станем восторженными духовидцами (ГОФМАН 1991: 33).

3. Выводы

Проанализированные текстовые примеры подтверждают выдвинутую во Введении гипотезу об эстетическом характере рецепции образа Наполеона в Германии. Наполеон становится частью эстетического метанарратива, обозначенного как эстетический миф.

Доминантной эстетической категорией, вокруг которой выстраивается этот образ и у Гёльдерлина, и у Гофмана выступает категория возвышенного, которая, однако, получает у них раз-

ную трактовку. Гёльдерлин рассматривает Бонапарта в традиции «золотой легенды», с одной стороны, как олицетворение героического начала, трансцендентного поэтическому слову и, с другой, — как дух истории, проходящий стадию антитезиса, формой выражения которого является война.

Для Гофмана Наполеон — явление антиэстетическое, враждебное высокому миру человечности и искусства, а его магнетизм выступает как искажение платоновской идеи поэтического энтузиазма, в котором предвосхищены тоталитарные тенденции XX в.

Эстетизация политики и политизация эстетики, т. е. сублимация политической реальности в художественном идеале, а также постановка первично эстетических феноменов на службу политическим интересам и целям политической борьбы и пропаганды определяют противоположные тренды и очерчивают проблемное поле эстетического дискурса немецкого модернизма.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Бёрк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного. М.: Искусство, 1979. [Burke, Edmund. (1979) *Filosofskoye issledovaniye o proiskhozhdenii nashikh idey vozvyshennogo i prekrasnogo* (A Philosophical Enquiry into the Origin of Our Ideas of the Sublime and Beautiful). Moscow: Iskusstvo. (In Russian)].
- Бертрам Э. Ницше. Опыт мифологии. СПб.: Владимир Даль, 2013. [Bertram, Ernst. (2013) *Nietzsche. Opyt mifologii* (Versuch einer Mythologie / The Experience of a Mythology). Saint Petersburg: Vladimir Dal. (In Russian)].
- Волгин И. Л., Наринский М. М. Диалог о Достоевском, Наполеоне и наполеоновском мифе // Метаморфозы Европы. М.: Наука, 1993. С. 127—164. [Volgin, Igor L., & Narinskiy, Mikhail M. (1993) Dialog o Dostoyevskom, Napoleone i napoleonovskom mife (Dialogue about Dostoyevsky, Napoleon and the Napoleonic Myth). In *Metamorfozy Yevropy* (Metamorphoses of Europe). Moscow: Nauka, 127—164. (In Russian)].
- Гейне Г. Путевые картины // Гейне Г. Собр. соч. в 6 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1983. [Heine, Heinrich. (1983) *Putevyye kartiny* (Travel Pictures). In Heine, Heinrich. *Sobraniye sochineniy v 6 t.* Т. 6 (Collected Works in 6 vols. Vol. 6). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)].
- Гёльдерлин Ф. Гиперион. Стихи. Письма. М.: Наука, 1988. [Hölderlin, Friedrich. (1988) *Giperion. Stikhi. Pis'ma* (Hyperion. Poems. Letters). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Гофман Э. Т. А. Собр. соч. в 6 т. М.: Художественная литература, 1991

- 2000. [Hoffmann, Ernst Theodor Amadeus. (1991 — 2000) *Sobraniye sochineniy v 6 t.* (Collected works in 6 vols). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)].
- Гофман Э. Т. А. Полное собрание сочинений в двух томах. М.: Альфа-книга, 2011. [Hoffmann, Ernst Theodor Amadeus. (2011) *Sobraniye sochineniy v 2 tomakh.* (Collected works in 2 vols). Moscow: Alfa-Kniga. (In Russian)].
- Жилякова Э. М. Ф. М. Достоевский и Вальтер Скотт (к вопросу о наполеоновском мифе) // Вестник Томского гос. ун-та. 2010. № 2 (18). С. 44—56. [Zhilyakova, Emma M. (2010) F. M. Dostoyevskiy i Valter Skott (k voprosu o napoleonovskom mife). *Bulletin of the Tomsk State University*, 2 (18), 44—56. (In Russian)].
- Кассирер Э. Философия Просвещения. М.: Росспэн, 2004. [Cassirer, Ernst. (2004) *Filosofiya Prosveshcheniya* (Philosophy of Enlightenment). Moscow: Rosspen. (In Russian)].
- Мюссе А. де. Исповедь сына века: роман, новеллы, пьесы / пер. с фр. В. А. Мильчиной. М.: Правда, 1988. [Musset, Alfred de. (1988) *Isproved' syna veka: roman, novelly, p'yesy* (Confession of a Child of the Century: A Novel, Short Stories, Plays). Moscow: Pravda. (In Russian)].
- Таньшина Н. П. Наполеон Бонапарт как художественный образ: формирование «наполеоновской легенды» во французской литературе эпохи романтизма // Историческая экспертиза. 2019. № 3 (20). С. 166—187. [Tan'shina, Nataliya P. (2019) Napoleon Bonapart kak khudozhestvennyy obraz: formirovaniye "napoleonovskoy legendy" vo frantsuzskoy literature epokhi romantizma (Napoleon Bonaparte as an Artistic Image: Formation of the "Napoleonic Legend" in French Literature of the Era of Romanticism). *Istoricheskaya ekspertiza* (The Historical Expertise), 3 (20), 166—187. (In Russian)].
- Шиллер Ф. О возвышенном // Шиллер Ф. Собрание сочинений в 6 т. М.: Книжный клуб «Книгоvek», 2012. С. 331—348. [Schiller, Friedrich. (2012) O vozvyshennom (On the Sublime). In Schiller, Friedrich. *Sobraniye sochineniy v 6 t.* (Collected works in 6 vols). Moscow: Knizhnyy klub "Knigovek", 331—348. (In Russian)].
- Эспань М. Литература и создание идентичности: бонапартизм Генриха Гейне. История цивилизаций как культурный трансфер. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 310—335. [Espagne, Michel. (2018) Literatura i sozdaniye identichnosti: bonapartizm Genrikha Geyne. Istoriya tsivilizatsiy kak kul'turnyy transfer (Literature and the Creation of Identity: Heinrich Heine's Bonapartism. The History of Civilizations as a Cultural Transfer). *Novoye literaturnoye obozreniye* (New Literary Review), 310—335. (In Russian)].

- Beßlich, Barbara. (2013) *Der deutsche Napoleon-Mythos. Literatur und Erinnerung 1800 bis 1945*. Norderstedt: BoD.
- Hölderlin, Friedrich. (1960) Der Tod des Empedokles. Aufsätze. In *Sämtliche Werke, vierter und sechster Band. Große Stuttgarter Ausgabe*. Stuttgart: Kohlhammer; Cotta.
- Mann, Heinrich. (1988) *Ein Zeitalter wird besichtigt*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch.
- Safranski, Rüdiger. (1992) *E. T. A. Hoffmann. Eine Biographie*. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag.
- Schmidt, Jochen. (1980/81) Hölderlins idealistischer Dichtungsbegriff in der poetologischen Tradition des 18. Jahrhunderts. *Hölderlin-Jahrbuch*, 22, 98—121.
- Walzel, Oskar Franz. (1910) *Das Prometheusymbol von Shaftesbury zu Goethe*. Leipzig und Berlin: Druck und Verlag von B. G. Teubner.
- Wülfing, Wulf. (1979) Zum Napoleon-Mythos in der deutschen Literatur des 19. Jahrhunderts. In Koopmann, Helmut. (ed.) *Mythos und Mythologie in der Literatur des 19. Jahrhunderts*. Frankfurt am Main: Klostermann, 81—108.

Aleksej L. Wolskij

Russische Staatliche Pädagogische Universität namens Aleksander Herzen

Der französische Kaiser im deutschen Spiegel: Hölderlins und Hoffmanns Napoleon

Die nationale Besonderheit der Mythologisierung des Napoleon-Bildes in Deutschland besteht in dessen Ästhetisierung und Einbeziehung in den Kontext des Kunstmythos. In den Werken von F. Hölderlin und E. T. A. Hoffmann wird Napoleons Bild durch das Prisma der ästhetischen Kategorie des Erhabenen rezipiert, jedoch im entgegengesetzten Sinn. Hölderlin assoziiert Napoleon mit solchen Konzepten wie „das Unsagbare“ und „das Transzendente“, während Hoffmann Napoleon bewusst entästhetisiert und entthronisiert. Jedoch ist eine solche Entästhetisierung als bewusste Umkehr und sekundäre Transformation der ästhetischen Kategorie des Erhabenen zu verstehen.

Schlüsselwörter: Kunstmythos; das Erhabene; E. T. A. Hoffmann; Napoleon; F. Hölderlin

Aleksey L. Volskiy
Herzen Russian State Pedagogical University

**The French Emperor in the German Mirror:
Napoleon of Hölderlin and Hoffmann**

The national specificity of the mythologization of Napoleon's image in Germany consists in its aestheticization and inclusion in the context of the aesthetic myth. In F. Hölderlin and E. T. A. Hoffmann's works, the image of Napoleon is perceived through the prism of the aesthetic category of the sublime, but there it receives the opposite interpretations. Hölderlin associates Napoleon with the concepts as "the ineffable" and "the transcendence". In Hoffmann's work, the image of Napoleon, on the contrary, is deliberately de-aestheticized, but this de-aestheticization itself is comprehended through a secondary transformation of the aesthetic category of the sublime.

Keywords: aesthetical myth; the sublime; E. T. A. Hoffmann; Napoleon; F. Hölderlin

С. Ю. Воскресенская
Тверской государственный университет

ПЕРСониФИКАЦИЯ ПРИРОДЫ В ПУТЕШЕСТВИИ ПО ГАРЦУ ГЕНРИХА ГЕЙНЕ КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Очерк *Путешествие по Гарцу* Генриха Гейне стал не только произведением, прославившим своего автора, но и документом, зафиксировавшим в литературной форме дух эпохи, в том числе размышления на тему немецкой идентичности. Генрих Гейне заявляет о себе как о немецком поэте в эпоху, когда немецкая нация еще не сформировалась. Тем не менее он говорит о себе как о немце и обращается к немцам. В самом тексте произведения рассыпано много замечаний о немецком характере. Хотя рассказчик не дает ему четкого определения, национальная тема является лейтмотивом очерка. Поэт показывает красоту родной природы, красоту родного языка и красоту людей, способных любить. Чтобы выразить эти идеи, автор использует множество стилистических средств. Одним из них является персонификация. Гейне персонифицирует географические объекты — реки и горы, наделяя их человеческими качествами. Персонификация помогает рассказчику эмоционально воздействовать на читателя: оживленная волей рассказчика природа сопереживает ему и придает вес его суждениям. Одухотворенная природа, наполненная романтическими образами, противопоставлена суетному миру обывателей, не замечающих ее красоты. Гейне то и дело обращается к легендам, связанным с определенными географическими объектами. Более того, на основе легенд и народных песен он пишет поэтические произведения и включает их в текст очерка. Таким образом, Гейне создает литературную карту местности, связывая географию с культурой. Абстрактное понятие «национальная идентичность» становится доступным физическому восприятию: немецкие горы и реки — это не просто камни и вода, а живые существа, хранители немецкого духа.

Ключевые слова: Генрих Гейне; нация; самосознание; идентичность; персонификация

1. Введение

Что такое национальная идентичность — вопрос сложный. Особенно сложен этот вопрос для немецкой нации:

«Исторически процесс формирования немецкого национального самосознания был осложнен рядом факторов: вековая раздроб-

ленность на экономически не зависящие друг от друга княжества, отсутствие естественных границ у страны, несовпадение границ немецкого языкового пространства с государственными границами, отсутствие на протяжении долгого времени единой столицы, конфессиональное разделение немецких земель на преимущественно католический юг и протестантский север» (Рогожин 2011: 99).

Можно утверждать, что и сегодня на вопрос «Что представляет собой немецкая нация?» сами немцы не могут дать точного ответа, хотя о немецком национальном характере рассуждали многие немецкие писатели. Не исключением был и Генрих Гейне. Его очерк *Путешествие по Гарцу*, написанный в 1824 г., стал не только произведением, прославившим своего автора, но и документом, зафиксировавшим в литературной форме дух эпохи, в том числе размышления на тему немецкой идентичности. Особенно интересны в этом плане образ рассказчика и та аудитория, к которой он обращается. Рассказчик здесь в значительной степени наделен чертами и характером автора. Генрих Гейне заявляет о себе как о немецком поэте в эпоху, когда немецкая нация еще не сформировалась. Его мнение тем более интересно, что сам Гейне — человек, терпевший нападки из-за своего не немецкого происхождения, сменивший религию из карьерных соображений, вынужденный эмигрировать во Францию по политическим мотивам. Его герой рассуждает о немецком характере и претендует на объективность. Что придает ему такую уверенность в себе? Во-первых, это немецкий язык, на котором он пишет и который для него родной, во-вторых, осознание себя как поэта (а поэты претендуют на особое прозорливое видение мира). Важен также круг его читателей. Изначально Гейне явно ориентировался на немецкую публику, его герой то и дело употребляет местоимение *wir*: «Das ist schön bei uns Deutschen», «wir deutschen Kompilatoren». Несмотря на раздробленность германских княжеств, отсутствие единства в немецком обществе рассказчик может помыслить некую немецкую общность и ощущает себя ее представителем, не давая, впрочем, этой общности какого-либо четкого определения. Тем не менее, некоторые составляющие понятия «немецкой нации» можно выделить, анализируя текст очерка. *Путешествие по Гарцу* уже изучалось на предмет сюжета и стиля (Н. А. Громова), эстетической программы (Б. А. Максимов), средств создания ко-

мического эффекта (С. Ю. Серягина), но роль персонификаций в этом художественном произведении была обойдена вниманием исследователей. Восполнить этот пробел призвана данная работа.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом исследования послужили первоначальный текст очерка на немецком языке, опубликованный на сайте проекта «Гутенберг», и перевод на русский язык французского издания *Путевых картин*, размещенный в электронной библиотеке Максима Мошкова. Сравнение этих текстов дает возможность проследить, как представление о национальном выражается для разных аудиторий: немецких и французских читателей.

Успех *Путевых картин* значительно расширил круг читателей, так как *Путешествие по Гарцу* было переведено на разные языки. Для того, чтобы издать очерк на французском в 1834 г., Гейне пришлось внести изменения в текст, а некоторые места, непонятные французской публике, убрать вовсе:

«Предположив прежде всего познакомить вас с характером этой экзотической книги, я не видел необходимости представлять ее вам в полном виде прежде всего потому, что многие эпизоды в ней, основанные на местных намеках и на намеках, отражающих современность, на игре слов и иных особенностях этого рода, не поддавались французской передаче; далее, потому, что многие места, со всей враждебностью направленные против лиц, неизвестных во Франции, могли во французском переводе подать повод к самым неприятным недоразумениям»*.

В предисловии к французскому изданию книги Гейне рассуждает о различиях немецкого и французского народов. Рассказчик видит себя посредником между двумя культурами. Интересно, что французы и немцы противопоставляются: Гейне как человек, сопричастный двум культурам, смотрит на немцев глазами французов, и оказывается, что в представлении французской публики (точнее сказать, парижского света — именно в этих слоях французского общества Гейне видит возможных читателей) немцы «неприлизанные», даже нецивилизованные люди. Сделав такое наблюдение, рассказчик и сам представляется чужеземцем, индейцем в балагане. Живя во Франции, он демон-

---

* Здесь и далее цитаты на русском языке даются в переводе В. О. Станевича.

стрирует свою принадлежность немецкой нации: «Теперь — это немецкая книга на французском языке, которая не имеет притязаний понравиться французским читателям, но лишь познакомить их с чужеземным своеобразием». Это своеобразие не имело четких очертаний в силу многих причин:

«Представляется важным, что поиски национальной идентичности в первой половине XIX в. из всех европейских стран характерны в большей степени для Германии. В значительной степени это связано с тем, что во Франции и Германии доминировали совершенно различные установки на восприятие развития общества — соответственно социоцентристская и культурцентристская. Во Франции центральным стало понятие общества, воспринимаемого в специфическом нормативном ракурсе, а культура отождествлялась с цивилизацией, в Германии же в качестве системообразующей категории выступало понятие культуры, которая понималась прежде всего как область развития свободного самотворящего духа» (ФЕДОТОВА 2011: 177).

В качестве метода исследования применялся анализ фрагментов текста, содержащих высказывания о немецком характере, немецкой литературе и немецкой природе. Основное внимание было сосредоточено на персонификации природных объектов и их роли в выражении национальной идеи.

3. Результаты исследования и их обсуждение

В самом тексте произведения рассыпано много замечаний (в том числе иронических) о немецком характере. Немцам, по мнению героя Гейне, присущи следующие черты: медлительность («Pferde, die im Grunde einen deutsch langsamen Charakter zu haben schienen»), чувствительность к слову, к поэзии («Das ist schön bei uns Deutschen; Keiner ist so verrückt, daß er nicht einen noch Verrückteren fände, der ihn versteht»), поиски смысла и стремление к рациональности («da die Deutschen die merkwürdige Gewohnheit haben, daß sie bei allem, was sie tun, sich auch etwas denken»). Но это всё черты, над которыми можно посмеяться, это не те достоинства, которые образуют национальный идеал. Даже высказывание о немецкой верности воспринимается с оттенком горькой иронии, так как именно верность князьям не дает народу изменить свою жизнь к лучшему:

«Es ist ein so schönes Gefühl! Und es ist ein so wahrhaft deutsches Gefühl! Andere Völker mögen gewandter sein, und witziger und er-

götzlicher, aber keines ist so treu, wie das treue deutsche Volk. Wüßte ich nicht, daß die Treue so alt ist, wie die Welt, so würde ich glauben, ein deutsches Herz habe sie erfunden. Deutsche Treue! Sie ist keine moderne Adressenfloskel. An euren Höfen, ihr deutschen Fürsten, sollte man singen und wieder singen das Lied von dem getreuen Eckart und dem bösen Burgund, der ihm die lieben Kinder töten lassen, und ihn alsdann doch noch immer treu befunden hat. Ihr habt das treueste Volk, und ihr irrt, wenn ihr glaubt, der alte, verständige, treue Hund sei plötzlich toll geworden, und schnappe nach euren geheiligten Waden».

Если же говорить о национальной идентичности, нужно говорить об идеалах. Что интересно, этот идеал у Гейне складывается не из описаний конкретных людей. Более того, крупицы этого идеала рассыпаны по тексту, и их непросто собрать в общую картину. Повествование о величественном прерывается отсылками к бранным и неприглядным сторонам жизни. Этот контраст создает эффект обманутого ожидания, который держит в напряжении даже современного читателя. В некотором роде, это обусловлено спецификой жанра. Жанр путевых заметок — непростой жанр. Автору нужно вызвать у читателя интерес, описывая по большей части пейзажи и населенные пункты. Казалось бы, какая тут может быть интрига? Путешественник останавливается в отелях, ест, пьет, спит, встречается с разными людьми, но это все мимолетные встречи, не дающие материала для законченной истории. Путешественник видит красоты природы, но как передать красоту места? Деревья, реки, горы — это все поражает воображение, но описывать их скорее задача для живописца: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Для героя Гейне есть выход: пейзаж он привязывает к литературе. Рассказчик то и дело обращается к сказкам и легендам, связанным с определенными географическими объектами. Он приглашает читателя в своеобразное литературное путешествие: «Но если Южная Германия — родина народной песни, то Северная — родина народной сказки, не менее прекрасного цветка, который я так часто встречаю во время своего путешествия». Народная песня и народная сказка — национальное сокровище, созданное поколениями безымянных авторов:

«Nur durch solch tiefes Anschauungsleben, durch die „Unmittelbarkeit“ entstand die deutsche Märchenfabel, deren Eigentümlichkeit

darin besteht, daß nicht nur die Tiere und Pflanzen, sondern auch ganz leblos scheinende Gegenstände sprechen und handeln. Sinnigem, harmlosen Volke, in der stillen, umfriedeten Heimlichkeit seiner niedern Berg- oder Waldhütten offenbarte sich das innere Leben solcher Gegenstände, diese gewannen einen notwendigen, konsequenten Charakter, eine süße Mischung von phantastischer Laune und rein menschlicher Gesinnung».

И хотя Гейне ошибается насчет своеобразия немецких сказок (не только в немецких сказках одушевляется неодушевленное), ему важно включить это своеобразие в понятие национального. Ему не нужно пересказывать эти сказки — достаточно упомянуть персонажей, так как кругу его читателей они хорошо известны, и это тоже объединяющий фактор. Нации необходимо литературное наследие. Но поэт не ограничивается фольклором. На основе легенд и народных песен он пишет собственные поэтические произведения и включает их в текст очерка. Таким образом, Гейне не только связывает древность и современность, но и создает своеобразную литературную карту местности, связывая географию с культурой. Абстрактное понятие «национальная идентичность» становится доступным физическому восприятию: вот немецкие горы, вот немецкие реки, и это не просто камни и вода, а живые существа, хранители немецкого духа. Здесь, на этой земле поются немецкие песни и рассказываются немецкие сказки — источник вдохновения для немецких поэтов. Одухотворенная природа, наполненная романтическими образами, противопоставлена суетному миру обывателей. Положительные жизнеутверждающие образы природы уравнивают критику общественного строя: поэт знает меру, и его *Путевые картины* не скаются в сатиру и не ударяются в восторженную романтику.

Одним из приемов воздействия на читателя, которым виртуозно пользуется Гейне, является персонификация. Поскольку у этого стилистического средства множество противоречивых трактовок, предложим следующее определение: персонификация, или олицетворение — это оживление / одушевление неодушевленных предметов и наделение живых существ волей, разумом, способностью говорить — человеческими качествами. Отметим, что персонификация отличается от метафоры по своей семантической структуре. Если при метафоре происходит перенос названия с одного объекта на другой на основе общих признаков,

то при персонафикации объекту приписываются те или иные признаки по воле говорящего. Природа у Гейне одушевлена:

«Der Geist des Gebirges begünstigte mich ganz offenbar; er wußte wohl, daß so ein Dichtermensch viel Hübsches wiedererzählen kann, und er ließ mich diesen Morgen seinen Harz sehen, wie ihn gewiß nicht jeder sah. Aber auch mich sah der Harz, wie mich nur wenige gesehen».

Не только поэт увидел Гарц, но и «Гарц увидел его» – персонафикация предполагает взаимодействие:

«Внутренняя структура олицетворения насквозь диалогична. Даже если диалог не выражен эксплицитно, он с неизбежностью зреет в недрах приема олицетворения. К неодушевленному предмету невозможно обратиться без той или иной степени его персонафикации» (КОНСТАНТИНОВА 1997: 4-5).

Поэту мало созерцать, мало фиксировать красоту мира, ему нужно сопереживание, и его он находит не у попутчиков, даже не у читателей, а в окружающей его природе:

«Morgentau der Liebe feuchtete meine Wangen, die rauschenden Tannen verstanden mich, ihre Zweige taten sich voneinander, bewegten sich herauf und herab, gleich stummen Menschen, die mit den Händen ihre Freude bezeigen».

Более того, герою нужно, чтобы природа разговаривала:

«Es murmelt und rauscht so wunderbar, die Vögel singen abgebrochene Sehnsuchtslaute, die Bäume flüstern wie mit tausend Mädchenzungen, wie mit tausend Mädchenaugen schauen uns an die seltsamen Bergblumen, sie strecken nach uns aus die wundersam breiten, drollig gezackten Blätter, spielend flimmern hin und her die lustigen Sonnenstrahlen, die sinnigen Kräutlein erzählen sich grüne Märchen».

У деревьев и цветов должен быть свой собственный язык (и даже своя литература, так как «травинки задумчиво рассказывают друг другу зеленые сказки» — вот такой получается параллельный мир).

Персонафикация здесь — это не просто стилистический прием для украшения речи, это мощный способ воздействия на читателя. Рассказчик с помощью персонафикаций окружает себя положительными образами и создает себе своеобразную группу поддержки: ели ему радуются, цветы к нему тянутся, реки превращаются в прекрасных принцесс и говорят о любви.

Изображая три реки как прекрасных девушек, добывающихся внимания поэта, рассказчик использует аллюзию на миф о Парисе и представляет себя в роли легендарного царевича:

«Minder zärtlich, aber fröhlicher, zeigte sich mir die schöne Selke, die schöne, liebenswürdige Dame, deren edle Einfalt und heitere Ruhe alle sentimentale Familiarität entfernt hält, die aber doch durch ein halbverstecktes Lächeln ihren neckenden Sinn verrät <...>. Die herrliche Bode tritt ebenfalls hervor in meiner Erinnerung, und ihr dunkles Auge spricht: du gleichst mir im Stolz und im Schmerze, und ich will, daß du mich liebst. Auch die schöne Ilse kommt herangesprungen, zierlich und bezaubernd in Miene, Gestalt und Bewegung; sie gleicht ganz dem holden Wesen, das meine Träume beseligt, und ganz wie Sie, schaut sie mich an, mit unwiderstehlicher Gleichgültigkeit und doch zugleich so innig, so ewig, so durchsichtig wahr. — Nun, ich bin Paris, die drei Göttinnen stehen vor mir, und den Apfel gebe ich der schönen Ilse».

Как персонификация природы может повлиять на восприятие образа персонажа, видно на примере описания госларского обывателя:

«Solange er neben mir ging, war gleichsam die ganze Natur entzaubert, sobald er aber fort war, fingen die Bäume wieder an zu sprechen, und die Sonnenstrahlen erklangen, und die Wiesenblümchen tanzten, und der blaue Himmel umarmte die grüne Erde».

В данном примере рассказчику нужно персонажа высмеять, наполнить его образ убийственной скукой — и он добивается этого эффекта, противопоставляя взгляд на природу как на совокупность материальных тел взгляду на нее как на живой организм, способный взаимодействовать с человеком. Себя же рассказчик окружает положительными образами. Без этого положительного ореола на персонажа можно посмотреть другими глазами: его исключили из университета, он резко и насмешливо отзывается о знакомых профессорах, он едко высмеивает внешность людей, которые ему не нравятся, дерзко шутит о религии, крадет цветы с окна незнакомой девушки и добивается ее поцелуя, не забывая описывать свои чувства к далекой возлюбленной, а еще хвалится способностью выпить очень много вина. К тому же *Путешествие по Гарцу* автобиографично, и автора вполне можно упрекнуть в сведении личных счетов с современниками через их представление в невыгодном свете:

«Будучи отчисленным из университета за дуэль и очень рассерженным этим фактом, молодой Гейне отправляется в путешествие по Германии. В своем путевом очерке «Путешествие по Гарцу» он дает далеко не лестное описание городу Геттингену, его жителям и, в частности, профессорам, на которых писатель был очень зол» (СЕРЯГИНА 2015: 180).

Эта пристрастность может заставить читателя задуматься: а справедлив ли герой в своих суждениях? Ведь он конфликтует со значительной частью немецкого общества и высказывает очень смелые по меркам своего времени идеи (к слову сказать, в Российской империи произведения Гейне при его жизни по большей части не пропускались цензурой). Смутьян и вертопрах — так мог бы выглядеть герой Гейне, если бы не он не обладал даром видеть и показывать красоту — красоту природы, красоту родного языка, красоту человеческой души. Эта красота и составляет тот идеал, к которому стремится поэт. Его вполне можно рассмотреть и как наднациональную идею, но Гейне обращается именно к своим соотечественникам.

Наиболее отчетливо идея национальной идентичности проявляется в описании горы Брокен. У Брокена есть характер:

«Gelingt es uns, dieses Gefühl in seinem Begriffe zu erfassen, so erkennen wir den Charakter des Berges. Dieser Charakter ist ganz deutsch, sowohl in Hinsicht seiner Fehler, als auch seiner Vorzüge. Der Brocken ist ein Deutscher».

Гейне наделяет гору человеческими качествами, причем такими, которые, по его мнению, типичны для немцев в целом — это добросовестность, спокойствие, благоразумие:

«Der Berg hat auch so etwas Deutschruhiges, Verständiges, Tolerantes; eben weil er die Dinge so weit und klar überschauen kann».

Но Гейне — не моралист и не призывает к спокойствию и благоразумию, а добросовестная точность, по его мнению, даже вредит художнику. Важно другое: Брокен — немец! Ускользящее понятие национальности вдруг реализуется в образе величественной горы. При этом Гейне не впадает в пафос. У Брокена есть лысина, глаза и характер. Лысину Брокен прикрывает колпаком — забавная картина, такое описание должно бы умалить величественность образа, но рассказчик уверяет, что внешность обманчива. Брокен — великий немец:

«Durch seinen Kahlkopf, den er zuweilen mit einer weißen Nebel-

kappe bedeckt, gibt er sich zwar einen Anstrich von Philiströsität; aber, wie bei manchen andern großen Deutschen, geschieht es aus purer Ironie. Es ist sogar notorisch, daß der Brocken seine burschikosen, phantastischen Zeiten hat, z. B. die erste Mainacht. Dann wirft er seine Nebelkappe jubelnd in die Lüfte, und wird, ebensogut wie wir übrigen, recht echtdeutsch romantisch verrückt».

«Романтические безумства» — очень важная черта, и важно то, что она приписывается огромной горе. Гора-великан, который умеет радоваться жизни, — это положительный образ и пример для подражания (это с рассказчиком еще можно спорить, а с ожившей горой — нет). В образе Брокена можно выделить качества, которые больше всего ценит Гейне: ясный ум, самоирония, эмоциональность как способность радоваться жизни. Это качества, которые начисто отсутствуют у филистеров-обывателей, поэтому поэт и обрушивается на них с критикой:

«Поэта возмущает вовсе не вторжение дилетантов в храм искусства, а их нечувствительность к непосредственным, живым картинам природы, которые отступают перед прочно укоренившимися в сознании клише» (МАКСИМОВ 2010: 178).

4. Заключение

Персонафицированные образы природы у Гейне — его соратники и проводники его идей. В описаниях природы зашифрован идеальный образ человека, так как именно природным объектам поэт приписывает лучшие человеческие качества. Сама природа в его представлении поэт:

«Eben wie ein großer Dichter, weiß die Natur auch mit den wenigsten Mitteln die größten Effekte hervorzubringen. Da sind nur eine Sonne, Bäume, Blumen, Wasser und Liebe. Freilich, fehlt letztere im Herzen des Beschauers, so mag das Ganze wohl einen schlechten Anblick gewähren, und die Sonne hat dann bloß soundsoviel Meilen im Durchmesser, und die Bäume sind gut zum Einheizen, und die Blumen werden nach den Staubfäden klassifiziert, und das Wasser ist naß».

Показательно, что национальная идея — то, каким Гейне видится истинный немец — выражается тоже через описание природы. Это человек, любящий родной язык, родную литературу, родную природу — вряд ли иным может быть видение поэта.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Гейне Г. Путевые картины. Путешествие по Гарцу [Электронный ресурс] // Библиотека Максима Мошкова. URL: <http://lib.ru/POEZIQ/GEJNE/garc1.txt> (дата обращения 10.12.20). [Heine, Heinrich. Putevye kartiny. Puteshestviye po Gartsu (Travel Pictures. Harz Journey). (2020, December 10). In *Biblioteka Maksima Moshkova*. Retrieved from <http://lib.ru/POEZIQ/GEJNE/garc1.txt>. (In Russian)].
- Константинова С. К. Семантика олицетворения. Курск: Изд-во КГПУ, 1997. [Konstantinova, Svetlana K. (1997) *Semantika oлитsetvoereniya* (Semantics of Impersonation). Kursk: Kursk State Pedagogical University. (In Russian)].
- Максимов Б. А. Эстетическая программа в жанре путевого очерка: «Путешествие по Гарцу» Генриха Гейне // Вестник Московского университета. 2010. Сер. 10. Журналистика. № 5. С. 172—187. [Maksimov, Boris A. (2010) *Esteticheskaya programma v zhanre putevogo ocherka: "Puteshestviye po Gartsu" Genrikha Geyne* (Heine's "Harz Journey": an Aesthetic Manifest under the Cover of a Travelogue). *MSU Vestnik*. Series 10. Journalism, 5, 172—187. (In Russian)].
- Рогожин А. А. Проблема генезиса немецкого национального самосознания в контексте международных отношений: история и современность // Вестник Волгоградского гос. ун-та. 2011. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. № 1 (19). С. 98—103. [Rogozhin, A. A. (2011) *Problema genezisa nemetskogo natsional'nogo samosoznaniya v kontekste mezhdunarodnykh otnosheniy: istoriya i sovremennost'* (On the Issue of German National Self-Consciousness Genesis in the Context of International Relations: the History and the Present). *Science Journal of Volgograd State University*. Series 4. History. Area Studies. International Relations, 1 (19), 98—103. (In Russian)].
- Серягина Ю. С. Средства создания комического в произведении Генриха Гейне «Путешествие по Гарцу» // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2015. № 32. С. 178—184. [Seryagina, Yuliya S. (2015) *Sredstva sozdaniya komicheskogo v proizvedenii Genrikha Geyne «Puteshestviye po Gartsu»* (Means of humor expression in "Harzreise" by Heinrich Heine). *Inostrannyye yazyki: lingvisticheskiye i metodicheskiye aspekty* (Foreign Languages: Linguistic and Methodological Aspects), 32, 178—184. (In Russian)].
- Федотова Л. В. Поиск национальной идентичности как основной вектор развития романтизма // Проблемы филологии, культурологии и искусствознания. 2011. № 1. С. 173—178. [Fedotova, Linda V. (2011) *Poisk natsional'noy identichnosti kak osnovnoy vektor razvitiya romantizma* // Проблемы филологии, культурологии и искусствознания. 2011. № 1. С. 173—178. (In Russian)].

razvitiya romantizma (The Search for National Identity as the Main Vector of Romanticism Development). *Problemy filologii, kul'turologii i iskusstvoznaniya* (Problems of Philology, Cultural Studies and Art Studies), 1, 173—178. (In Russian)].

Heine, Heinrich. Reisebilder. Erster Teil. *Die Harzreise*. Retrieved from <https://www.projekt-gutenberg.org/heine/reisebild/reise111.html>.

Swetlana Ju. Woskresenskaja
Staatliche Universität Twer

Die Personifikation der Natur in *Harzreise* von Heinrich Heine als Ausdrucksweise der nationalen Identität

Die Harzreise von Heinrich Heine wurde nicht nur zum Werk, das seinen Autor berühmt machte, sondern auch zum Dokument, das den Geist der Epoche in literarischer Form festhielt, einschließlich Reflexionen über das Thema deutsche Identität. Heinrich Heine sieht sich als deutschen Dichter in einer Zeit, in der sich die deutsche Nation noch nicht gebildet hat. Dennoch nennt er sich einen Deutschen und wendet sich an Deutsche. Im Text des Werkes finden sich viele Bemerkungen über den deutschen Charakter. Obwohl der Erzähler ihm keine klare Definition gibt, ist das nationale Thema das Leitmotiv des Werkes. Der Dichter zeigt die Schönheit der deutschen Natur, die Schönheit der Muttersprache und die Schönheit der Menschen, die lieben können. Um diese Ideen auszudrücken, verwendet der Autor zahlreiche Stilmittel. Eines davon ist die Personifikation. Heine personifiziert geographische Objekte (Flüsse und Berge) und schreibt ihnen menschliche Eigenschaften zu. Die Personifikation hilft dem Erzähler den Leser emotional beeinflussen: die vom Willen des Erzählers belebte Natur fühlt mit ihm mit und verleiht seinen Urteilen Gewicht. Die vergeistigte Natur, die mit romantischen Bildern gefüllt ist, ist der Welt der Philister gegenübergestellt, die ihre Schönheit nicht bemerken. Heine greift hin und wieder zu den Legenden, die mit bestimmten geografischen Objekten verbunden sind. Darüber hinaus schreibt er auf der Grundlage von Legenden und Volksliedern seine eigenen lyrischen Werke und schließt sie in den Text des Reiseberichts ein. So erstellt Heine eine literarische Karte der Gegend und verbindet Geographie mit Kultur. Das abstrakte Konzept der „nationalen Identität“ wird der physischen Wahrnehmung zugänglich: Die deutschen Berge und Flüsse sind nicht nur Steine und Wasser, sondern Lebewesen, die Hüter des deutschen Geistes.

Schlüsselwörter: Heinrich Heine; die Nation; Selbstbewusstsein; die Identität; die Personifikation

Svetlana Yu. Voskresenskaya
Tver State University

**Nature Personification in Heinrich Heine's *Harzreise*
as a Way of Expressing National Identity**

The *Harzreise* by Heinrich Heine became not only a work that glorified its author, but also a document that recorded in literary form the spirit of the age, including reflections on the topic of German identity. Heinrich Heine claims to be a German poet in an era when the German nation was not yet formed. Nevertheless, he speaks to himself as a German and addresses the Germans. In the text of the work itself, many remarks about the German character are scattered. Although the narrator does not give it a clear definition, the national theme is the leitmotif of the essay. The poet shows the beauty of his native nature, the beauty of his native language, and the beauty of people who can love. To express these ideas, the author uses a variety of stylistic means. One of them is personification. Heine personifies geographical objects — rivers and mountains, giving them human qualities. Personification helps the narrator to influence the reader emotionally: the nature animated by the narrator's will empathizes with him and gives weight to his judgments. The spiritualized nature, filled with romantic images, is contrasted with the vain world of ordinary people who do not notice its beauty. Heine constantly refers to the legends associated with certain geographical objects. Moreover, on the basis of legends and folk songs, he writes poetic works and includes them in the text of the essay. Thus, Heine creates a literary map of the area, linking geography with culture. The abstract concept of “national identity” becomes accessible to physical perception: German mountains and rivers are not just rocks and water, but living beings, guardians of the German spirit.

Keywords: Heinrich Heine; nation; personification; self-consciousness; identity

А. И. Жеребин
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена

ГЕРМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ КАК АВТОРСКИЙ ПРОЕКТ

Статья представляет собой опыт обобщенной интерпретации политической и литературной личности Отто фон Бисмарка как одной из ключевых фигур немецкой и европейской культуры XIX в. Задача статьи — напомнить читателю о том, что значение Бисмарка выходит далеко за рамки истории международных и дипломатических отношений и должно изучаться в неразрывной связи с историей идей, в частности, на фоне немецкого романтизма и русского славянофильства. Важнейшим источником для такой постановки вопроса является мемуарная книга Бисмарка *Воспоминания и мысли*, сопоставимая с лучшими образцами документальной прозы, которые, не теряя своей специфики, не превращаясь ни в романы, ни в повести, являются в то же время выдающимися памятниками словесного искусства.

Ключевые слова: Бисмарк; геополитика; Германская империя; исторический фатализм; консервативная утопия; мемуары

1. Введение

Личность и историческая роль Отто фон Бисмарка изучены во всех подробностях, в особенности в немецкой науке. Историки владеют обширным и точным знанием биографических фактов, социально-политических и экономических контекстов и причинно-следственных связей, деталей официальной и закулисной дипломатии (ЧУБИНСКИЙ 1988; KRAUS 2015). Вне рассмотрения или в тени остаются при этом мировоззренческие основы деятельности Бисмарка, определявшие его политическую программу и получившие отражение в его мемуарах. Тесная корреляция между историей мысли и историей общественной практики, обусловленный ею трагический разрыв между замыслом и воплощением составляет отдельную тему, отвечающую современному методологическому повороту в развитии гуманитарного знания — повышенному вниманию к нарративу в историографии и к «внелитературным» явлениям в литературоведении.

2. Характеристика материала и методов исследования

Когда в 1860-е гг. А. Н. Веселовский набрасывал первые планы своей *Исторической поэтики*, он включил в нее раздел под

названием *История идеалов*. К области истории идей, и сегодня представляющих предмет научного интереса, относится и предлагаемое прочтение избранного исторического сюжета. По методу оно тяготеет к герменевтической практике интерпретации текста, будь то текст истории или литературы, и предполагает актуализацию семантического потенциала изучаемых явлений. Отсюда постоянно присутствующая в тексте нижеследующего очерка русская перспектива — эксплицитное или имплицитное указание на переключки в развитии немецкой и русской мысли, которые не в последнюю очередь объясняются сходным положением обеих стран в системе европейских государств.

3. Результаты исследования и их обсуждение

В 1871 г. энергичная дипломатическая и военная политика Бисмарка завершилась образованием Германской империи. В том же году Н. Я. Данилевский выпустил в свет книгу *Россия и Европа*, которая открывается следующим предложением:

«Летом 1866 года совершилось событие огромной исторической важности. Германия, раздробленная в течение столетий, начала спланиваться под руководством гениального прусского министра в одно сильное целое» (ДАНИЛЕВСКИЙ 1995: 3).

Гениальный прусский министр — это не кто иной, как Отто фон Бисмарк, которого современники сравнивали с Цезарем и Наполеоном, рассматривая его зодчество истории как эстетический акт жизнетворчества, творчества социокультурных ценностей. Страстная вера в великое предназначение Германии и в свою личную миссию творца новой, еще небывалой реальности, непреклонная воля и холодная расчетливость мастера, властно подчиняющего хаос эмпирического материала своему замыслу, презрительное недоверие к господствующим нормам общественно-политической жизни, твердое убеждение в том, что внешняя легальность обязана отступить перед внутренней правдой истории, каковой она представляется ее автору-творцу — все эти качества и черты мировоззрения Бисмарка, получившие отражение в его государственной деятельности, а позднее и в его мемуарах, дали основание превозносить его как наследника и продолжателя той философско-эстетической «революции духа», которая прославила Германию в первой половине XIX в.

Бессильная в национально-политическом отношении, Германия так называемого «эстетического периода» («Kunstperiode»)

своей истории пользовалась тогда в мире величайшим авторитетом как страна поэтов и философов, страна Гёте и Шиллера, Канта и Гегеля, родина романтических грез и метафизических прозрений. Так думала о Германии госпожа де Сталь, так думал молодой Белинский, для которого Германия — «Иерусалим новейшего человечества» (БЕЛИНСКИЙ 1956: 152). Но уже в 1844 г. Генрих Гейне иронизировал:

Franzosen und Russen gehört das Land,
Das Meer gehört den Briten,
Wir aber besitzen im Luftreich des Traums
Die Herrschaft unbestritten.
Hier üben wir die Hegemonie,
Hier sind wir unzerstückelt;
Die andern Völker haben sich
Auf platter Erde entwickelt (HEINE 1970: 110).

Поэма Гейне называлась *Германия. Зимняя сказка*: ему казалось, что немецкая революция духа, изначально связанная с политической революцией 1789 г. во Франции, эту связь забыла и предала, остались одни застывшие узоры забытых снов. Накануне 1848 г. многие, как и Гейне, мечтали, что Германия проснется под звуки «Марсельезы», призрак коммунизма уже бродил по Европе. Но немецкая весна началась позже и не по французскому сценарию, а по сценарию убежденного роялиста Бисмарка.

Начав свою политическую деятельность именно в 1848 г., он сделал все для того, чтобы французский сценарий в Германии провалился. Когда в 1852 г. прусский король отправляет Бисмарка своим посланником в Вену, он характеризует его в письме императору Францу-Иосифу как своего личного друга и верного слугу, которого отличает «рыцарски свободная преданность престолу и непримиримая вражда к революции вплоть до самых глубоких ее корней» (БИСМАРК 1940, I: 71).

Благодаря Бисмарку победу одержала в Германии другая, альтернативная революция — монархическая «революция сверху», которой и надлежало переключить все достижения немецкой культуры в «жалкую» земную действительность, возвысить ее до них. Империя — так, во всяком случае, долгое время представлялось немецким интеллектуалам — была призвана объединить в себе не только немецкие княжества, но и два трагически разделенных царства — царство духа и царство плоти. Имя «же-

лезного канцлера» стало символом прорыва в новое духовное пространство, имеющее обрести видимые очертания на территории объединенной Германии. С одной стороны, Бисмарк олицетворял «политический реализм», то, что называлось тогда в Германии словом «Realpolitik», с другой, — над его головой еще витали, по выражению Фридриха Гундольфа, «безумные грезы наших одиноких мечтателей, наших очарованных идеалистов» (GUNDOLF 1980: 304).

Эпоха Бисмарка, открывшаяся военными победами в 1866 г. над Австрией, а затем в 1870 г. над Францией, словно бы доказывала, что немецкая гегемония в области духовной культуры служила лишь подготовкой и оправданием реального мирового господства, путь к которому был открыт созданием Германской империи под главенством Пруссии. Это государство было «художественным произведением» Бисмарка, его личной утопией, которую он, благодаря его таланту и искусству, в течение двух десятилетий успешно выдавал за жизнестойкую реальность, хотя и был вынужден — шаг за шагом — от нее отказываться, все больше сворачивая на другие рельсы, ведущие, по выражению В. Эрна, «от Канта к Крупну» (ЭРН 1914: 116-124). В более широкой исторической перспективе это был путь от утопии «Третьего Царства», царства духа, нашедшего свое земное воплощение, к жестокой реальности «Третьего Рейха».

Этот поворот рано почувствовал Тютчев. В 1870 г. под впечатлением сокрушительного поражения Франции под Седаном он пишет политическое стихотворение *Два единства*:

Из переполненной Господним гневом чаши
Кровь льется через край, и Запад тонет в ней.
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши!
Славянский мир, сомкнись тесней...
Единство — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...
Но мы попробуем спаять его любовью, —
А там увидим, что прочней... (Тютчев 1913: 312)

В одной из своих первых речей на посту премьер-министра Пруссии Бисмарк, тогда еще не «оракул наших дней», а начинающий политик, действительно, произносил слова о том, что важные вопросы современности решаются «не речами и высочайшими постановлениями, а железом и кровью» (BISMARCK

1956: 124). Но не Россия была адресатом силовой политики, сделавшейся своего рода «брендом» «железного канцлера». Главные его оппоненты — это западный либерализм, «Немецкая партия прогресса» в прусском ландтаге и либералы английской ориентации при прусском дворе с их проектом вестернизации Германии. «Источник нашей силы — писал Бисмарк в 1863 г. генералу фон Гольцу, — не палаты парламента и не пресса, а великодержавная политика вооруженной руки» (BISMARCK 1956: 130).

В этом отношении тютчевское противопоставление «двух единств» бьет мимо цели. Мировоззрение Бисмарка сложилось под сильным влиянием немецкого патриотического романтизма (WALZEL 1918: 104-112), одного из важнейших источников славянофильства (СТЕПУН 1999: 341-357). Несмотря на опасения, которые внушала ему идея панславизма, общие для романтиков и славянофилов идеалы — утопия народной монархии и органической культуры — не только не противоречили его взглядам, но и в значительной степени совпадали с его собственной политической программой.

Создание единой Германской империи мыслилось Бисмарком как исторический акт самоопределения, самоидентификации Германии — по отношению к Западу и по отношению к России. Задача новой Германии заключалась, по Бисмарку, в том, чтобы выработать и утвердить на международной арене свою индивидуальную политическую биографию, свой культурный код или, если воспользоваться термином Данилевского, свой «культурно-исторический тип».

Бисмарк был убежден в том, что Средняя Европа, организующим центром которой должна стать созданная им империя, и Европа Восточная, центром которой является, по его мнению, царская Россия, призваны идти в будущее рука об руку, поддерживая друг друга в общей борьбе против экспансии Запада и его либеральной идеологии. Отсюда устойчивые симпатии Бисмарка к России, его твердая надежда на политический капитал царской дружбы, противодействие немецким и русским западникам, решительная поддержка великодержавной русской политики, как в «польском вопросе», так и ранее, в период Крымской войны. После поражения России в Крымской войне он утверждает, что никакие международные соглашения не способны надолго «лишить стомилионный народ его естественного права на суверенитет

над принадлежащим ему черноморским побережьем» (БИСМАРК 1940, I: 95).

Тема России, одна из центральных в политической деятельности Бисмарка, красной нитью проходящая и сквозь текст его мемуаров, не исчерпывается, однако, у него свидетельствами признания и согласия. Отождествлению немецкого мира с миром русским препятствует, с точки зрения Бисмарка, характер русского самодержавия, варварского, ибо отмеченного своеволием, вседозволенностью и деспотизмом. Для Бисмарка реализация романтической модели государства если и возможна, то не в России, а в новой Германии, родившейся из протеста против западной цивилизации и ее идейных корней — не только французского Просвещения, но и римского католицизма, которому Бисмарк не случайно объявляет в 1871 г. непримиримую войну, известную под именем «культуркампфа»: «В Каноссу мы не пойдём» (БИСМАРК 1956: 157).

Борьба за империю была для Бисмарка его звездным часом. Почти сразу же после ее провозглашения он писал:

«Я скучаю. Все великие дела свершились. Империя создана, она признана и уважаема всеми народами. Охотиться на мелкую дичь нет желания» (БИСМАРК 1956: 209).

Но «охота» продолжалась еще в течение двадцати лет. Закрепляя победу своей «консервативной революции» как внутри Германии, так и в области внешней политики, Бисмарк искусно играл на противоречиях между партиями и великими державами, создавал и разрушал коалиции, наращивал могущество и обеспечивал геополитическую безопасность молодой империи. Он знал, что

«международная политика представляет собой текучий элемент, который при известных обстоятельствах принимает твердые формы, но с переменной атмосферы вновь возвращается в свое первоначальное состояние» (БИСМАРК 1940, I: XXVII).

Главная цель его усилий — создание многополярного мира, одним из полюсов которого становится в 1882 г. Германия в союзе с Австро-Венгрией и Италией. Глава 24 воспоминаний, посвященная созданию «Тройственного союза», которому надлежало держать под контролем геополитическую ситуацию в Средней Европе, начинается примечательным рассуждением о постоянной

борьбе двух направлений современной европейской политики, которые Бисмарк, ссылаясь на Наполеона, именует «республиканским» и «казацким» (БИСМАРК 1941, II: 94). Хотя первоначальный план Бисмарка включить в эту коалицию Россию провалился, все его симпатии были на стороне направления «казацкого».

Ни дипломатические успехи, достигнутые Бисмарком в 1870/80-е гг., ни экономический подъем «эпохи грюндерства» не могли задержать культурного кризиса, который вскоре был осмыслен и немецкой, и русской философией как вступление культуры в фазу цивилизации, т. е. переход от творчества к бесплодию, от становления к застою, от героических деяний к механической работе. Бисмарк, лелеявший утопию аристократической монархии, обостренно чувствует разрыв между имперской идеей и необходимостью модернизации государственной машины с опорой на интересы капитала и пролетариата, которые все больше выходят на первый план, все больше при этом расходятся и требуют примирения. Аристократу Бисмарку это претит, он брюзжит, нервничает, становится высокомерным. Его раздражает обнаглевшая чернь, уличная, но и придворная, раздражает и молодой кайзер Вильгельм II, бездарный и тщеславный эгоцентрик, лицемерный и беспринципный, психически неуравновешенный, подверженный влиянию царедворцев, заискивающий перед толпой. Если в творческие годы создания империи присутствующая Бисмарку архаичность мировоззрения давала ему свободу от господствующих канонов и правил, из которой вырастали открытия нового, предвосхищения будущего, то теперь она замыкает его в оппозиции безнадежной и безвыходной.

Нарастающее взаимное недоверие и недовольство между кайзером и его легендарным рейхсканцлером заканчивается тем, что Вильгельм отправляет Бисмарка в отставку, которая его глубоко обижает. Осенью 1890 г., удалившись в свое саксонское поместье «Фридрихсруе», он, лежа на диване, начинает диктовать одному из близких ему сотрудников по министерству иностранных дел, тайному советнику Лотару фон Бухеру, свои воспоминания и мысли. Позднее текст стенограммы несколько раз перерабатывался и редактировался — сначала это делал фон Бухер, затем сам Бисмарк, державший у себя рукопись в течение семи лет, затем его секретарь Рудольф Крисандер и историк Хорст Коль. В ходе этой работы фрагменты воспоминаний были

выстроены в хронологической последовательности и оснащены богатым документальным материалом — выдержками из публичных речей и личной переписки, депеш и служебных записок. Первый том вышел под названием *Мысли и воспоминания* («Gedanken und Erinnerungen») в 1898 г., сразу же после смерти Бисмарка, второй, с авторским посвящением «Сыновьям и внукам для понимания прошлого и в назидание на будущее», — лишь в 1921 г., уже после отречения кайзера Вильгельма II.

Среди произведений мировой мемуарной литературы XIX в. *Мысли и воспоминания* занимают одно из первых мест — по насыщенности увлекательным историческим материалом первостепенной важности, по масштабу личности главного автобиографического героя — идеолога и политического деятеля, претворяющего идеологию в общественную практику, по остроте аналитической мысли и литературному мастерству автора.

Бисмарк — писатель аналитический, он стремится раскрыть причинно-следственные связи, законы, управляющие историческими событиями и поведением их участников. Историческая хроника сфокусирована в личности героя-рассказчика, пропущена сквозь его субъективные переживания, дана в свете его убеждений и оценок. В этом преломлении она становится предметом рефлексии, и именно ретроспективная рефлексия, пространство аналитической мысли образует ту среду, в которой живет весь охваченный воспоминаниями исторический материал.

Мысли и воспоминания Бисмарка так же нераздельны, как *Былое и думы* Герцена, и так же, как у Герцена, обе части этого единства обладают несомненным эстетическим качеством. Гундольф не без оснований называет мемуарную книгу Бисмарка «литературным памятником эпохи» (GUNDOLF 1980: 304). К числу признаков, подтверждающих эту оценку, относится целеустремленный отбор изображаемого, организация событий в структурное единство, построение характеров, индивидуальных и в то же время символически обобщенных, историческая символика выразительных деталей. Все это сближает Бисмарка не только с Герценом, автором *Былого и дум*, но и со многими его современниками, создателями реалистической прозы XIX в.

Бисмарку не чужд исторический фатализм Толстого, у которого царь — раб истории. Мемуары населены десятками исторических персонажей — европейских монархов, их верных или

лукавых слуг, генералов и чиновников разного ранга, и все они, думая, что правят миром, являются лишь наивными исполнителями и жертвами непостижимой мировой воли. Эта тема, толстовская и шопенгауэрианская, не раскрывается у Бисмарка напрямую, но она ощутима в эмоциональной атмосфере его повествования, где на первом плане гордость и властный расчет, желание мести или славы, острая потребность в оправдании прошлого для будущего, а в подтексте — едва намеченная, но то и дело напоминающая о себе ироническая интонация, ирония старческого превосходства и еще более глубокий меланхолический мотив тщетности человеческих усилий, *vanitas vanitatum*.

4. Заключение

По замечанию Мераба Мамардашвили,

«Есть какие-то опыты человеческой культуры, которые отливаются в крупные исторические фигуры, манящие нас своей явной значительностью, таинственностью и своего рода магнетизмом» (МАМАРДАШВИЛИ 1991: 289).

К числу такого рода явлений безусловно относится и личность Бисмарка, его опыт создания Германской империи. Эпоха европейского романтизма создала образ «человека-художника», призванного творить новые формы самой жизни. С романтической точки зрения диссонансы истории представляют собой шифр, которым зашифрована грядущая гармония, тот синтез духовного и чувственно-материального аспектов бытия, который воплотился в мифологеме «Третьего царства». В Германии XIX века о крушении этого мифа свидетельствует, наряду с творчеством поздних романтиков, политическая деятельность Бисмарка — предпринятый им эксперимент социально-политической «революции сверху», которая должна была завершить романтическую «революцию духа». В мемуарах Бисмарка угадывается мысль о том, что цель его борьбы за новую Германию не исчерпывалась созданием сильного милитаристского государства и обеспечением его гегемонии в Европе. Всемирно-историческое значение этой борьбы определялось ее метафизической сверхзадачей — воплощением консервативно-романтической утопии «Золотого века». Не исключено, что Германская империя явилась всего лишь пародией ее авторского проекта.

Список литературы / Zitierte Literatur / Reference

- Белинский В. Г.* Письма 1829-1840 годов // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. В 13 т. Т. XI. М.: Изд. АН СССР, 1956. [Belinsky, Vissarion G. (1956) Pis'ma 1829-1840 (Letters 1829-1940). In Belinsky, Vissarion G. *Polnoye sobraniye sochineniy*. V 13 t. T. 11 (Complete Works in 13 vols. Vol. 11). Moscow: USSR Academy of Sciences. (In Russian)].
- Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. В 3 т. М.: ОГИЗ, 1940-1941. [Bismarck, Otto von. (1940-1941) *Mysli i vospominaniya*. V 3 t. (Thoughts and Memories. In 3 vols). Moscow: State Publishing House. (In Russian)].
- Гинзбург Л. Я.* «Былое и думы» Герцена. Л.: ГИХЛ, 1957. [Ginzburg, Lydia Ya. (1957) “*Byloye i dumy*” Gertsena (Herzen’s “Past and Thoughts”). Leningrad: State Publishing House of Fiction. (In Russian)].
- Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. СПб.: СПбГУ, 1995. [Danilevskiy, Nikolay Ya. (1995). *Rossiya i Evropa* (Russia and Europe). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 1995. (In Russian)].
- Мамардашвили М.* Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1992. [Mamardashvili, Merab. (1992). *Kak ya ponimayu filosofiyu* (As I Understand Philosophy). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Степун Ф. А.* Немецкий романтизм и философия истории славянофилов // Степун Ф. А. Чаемая Россия. СПб.: РХГИ, 1999. С. 341—357. [Stepun, Fedor A. (1999) Nemetskiy romantizm i filosoiya istorii slavyanofilov (German romanticism and Philosophy of History of the Slavophiles. In Stepun, Fedor A. *Chayemaya Rossiya* (Dream Russia). Saint Petersburg: Christian Institut for Humanities of Russia, 341—357. (In Russian)].
- Тютчев Ф. И.* Полное собр. соч. / с критико-биографическим очерком В. Я. Брюсова, ред. изд. П. В. Быкова. СПб.: Т-во А. Ф. Маркса, 1913. [Tyutchev, Fedor I. (1913). *Polnoye sobraniye sochineniy* (Complete Works). Saint Petersburg: A. F. Marks. (In Russian)].
- Чубинский В. В.* Бисмарк. Политическая биография. М.: Мысль, 1988. [Chubinsky, Vladimir V. (1988) *Bismark. Politicheskaya biografiya* (Bismarck. Political Biography). Moscow: Mysl'. (In Russian)].
- Эрн В.* От Канта к Круппу // Русская мысль. 1914. № 12. [Ern, Vladimir. (1914) Ot Kanta k Kruppu (From Kant to Krupp). *Russkaya Mysl'* (Russian Thought), 12, 116—124. (In Russian)].
- Bismarck, Otto von. (1956) *Mensch und Staat. Aus den Briefen uns Schriften*. München: Paul List Verlag, 1956.
- Gundolf, Friedrich. (1980) Bismarcks Gedanken und Erinnerungen als Sprachdenkmal (1931). In Schmitz, Victor A., & Martini, Fritz. (eds) *Gundolf, Friedrich. Beiträge zur Literatur- und Geistesgeschichte*. Heidelberg: Verlag Lambert Schneider, 1980, 302—317.
- Heine, Heinrich. (1970). Deutschland. Ein Wintermärchen. In Nationale

Forschungs- und Gedenkstätten der klassischen deutschen Literatur in Weimar. (ed.) *Heine H. Werke in 5 Bänden*. Weimar: Aufbau-Verlag, 1970, 89—166.

Kraus, Hans-Christof. (2015) *Bismarck: Größe, Grenzen, Leistungen*. Stuttgart: Klett-Kotta, 2015.

Walzel, Oskar. (1918) *Deutsche Romantik*. In 2 Bd. Leipzig: B. G. Teubner.

Aleksej I. Sherebin

Russische Staatliche Pädagogische Universität namens Aleksander Herzen

Deutsches Reich als persönliches Projekt

Der Artikel interpretiert politische und literarische Persönlichkeit Otto von Bismarcks als einer Schlüsselfigur der deutschen und europäischen Kultur des 19. Jahrhunderts. Es wird deutlich gemacht, dass Bismarcks Bedeutung weit über die Grenzen der politischen und diplomatischen Diskurse hinausgeht und insbesondere vor dem Hintergrund der deutschen Romantik und der russischen slavophilen Denktradition als Teil der internationalen Geistesgeschichte zu sehen ist. Im Mittelpunkt der Argumentation steht Bismarcks Meisterwerk *Gedanken und Erinnerungen*, ein Mustereispiel autobiographischer Prosa, das, ohne seine Gattungsspezifität zu verlieren, ein literarisches Sprachdenkmal darstellt.

Schlüsselwörter: Bismarck; Geopolitik; Deutsches Reich; historischer Fatalismus; konservative Utopie; Memoiren

Aleksey I. Zherebin

Herzen Russian State Pedagogical University

German Empire as a Personal Project

The article represents the experience of a generalized interpretation of the political and literary personality of Otto von Bismarck as one of the key figures of German and European culture of the 19th century. The purpose of the article is to remind the reader that the significance of Bismarck goes far beyond the history of international and diplomatic relations and should be studied inextricably with the history of ideas in particular on the background of German romanticism and Russian Slavophilism. The important source for such a statement of the question is Bismarck's book *Gedanken und Erinnerungen*, comparable to the best examples of documentary prose, which, without losing their specificity, do not turn into either novels or story and are at the same time outstanding monuments of verbal art.

Keywords: Bismarck; geopolitics; German empire; historical fatalism; conservative utopia; memoirs

Г. Г. Ишимбаева

Башкирский государственный университет

ДИСКУРС *ОДИССЕИ* В РОМАНЕ Б. ШЛИНКА *ВОЗВРАЩЕНИЕ*

В статье, методологической основой которой является концепция дискурсивного анализа художественного текста, предпринята попытка всестороннего исследования дискурса *Одиссеи* в романе Шлинка *Возвращение*. С этой целью, во-первых, проанализированы все способы проявления дискурса в романе (на уровне фабулы, сюжета, композиции, отдельных мотивов и образов, проблематики, философии); во-вторых, рассмотрена конкретная ситуация функционирования текста Гомера в романе, который сопоставлен с континуумом исходного текста; в-третьих, декодированы гомеровские прецедентные феномены (аллюзии, цитации, реминисценции). Сделан вывод о том, что дискурс гомеровской поэмы помог Шлинку создать собственную версию мифа о путешествии и становлении героя, вписав его в историю XX в.

Ключевые слова: Шлинка; Гомер; «Возвращение»; «Одиссея»; дискурс

1. Введение

Все исследователи, пишущие о романе Б. Шлинка *Возвращение* (2006), отмечают его очевидную мифологическую основу (SEIVT 2006; CAVELTY 2006; ШАРЫПИНА 2011; ШАРЫПИНА 2012; ИОНКИС 2012; ИОНКИС 2015; АДАМОВА 2013; ОВСЯННИКОВА 2013). В статье предпринята попытка всестороннего дискурсивного анализа романа Шлинка, в котором дискурс *Одиссеи* представлен на нескольких уровнях.

2. Методы исследования

Методологической основой статьи является концепция дискурсивного анализа художественного текста (ТОДОРОВ 1983; ДЕЙК 1989; ПЕШЁ 1999; ТЮПА 2018).

3. Результаты исследования

Дискурс *Одиссеи* Гомера организует все пространство романа Б. Шлинка *Возвращение*, начиная с названия.

В сюжетной основе эпической поэмы лежат архаические фольклорные сказания о возвращающемся после долгих странствий мужа к жене накануне ее нового замужества и о поисках сыном пропавшего отца. Имеющая множество сказочных мотивов

вов (путешествия в неведомые миры, удивительные приключения, фантастические существа, участие богов в судьбах людей и др.), *Одиссея* — это эпический рассказ о поисках пути и формах обретения человеком Самости. В процессе десятилетнего возвращения на Итаку после падения Трои герой встречается с многочисленными препятствиями, в которых метафорически проявляется коллективное бессознательное, переживает инициацию, постигает себя и свою идентичность. Странствия Одиссея и испытания, выпавшие на его долю, есть условия нахождения им пути к самому себе и восстановления целостности души.

Эта идея является стержнем романа Шлинка *Возвращение* и раскрывается на уровне фабулы, сюжета, композиции, отдельных мотивов и образов, проблематики, философии.

В его фабуле, в фактической стороне повествования, в причинно-следственных связях событий почти полувековой истории главного героя Петера Дебауера писатель дает прямые и аллюзивные отсылки к прецедентному тексту. Способы формально-словесного выражения сюжета о возвращении и поисков героем самого себя также связаны с Гомером: Шлинок строит художественное повествование в соответствии с принципами организации *Одиссеи* (с поправкой на эпоху и понимание категории фантастического в новых условиях) и использует ее и как предметно-вещный образ, и как претекст, и как метатекст.

Гомерова *Одиссея* сопровождает Петера Дебауера с детства: он читал, переводил отрывки с греческого на немецкий, заучивал наизусть первые строчки греческого оригинала. Повзрослев, он посмотрел кинофильм с Кирком Дугласом в главной роли и после этого перечитал *Одиссею* с конца. Показательно, что книга Гомера лежит на его прикроватном столике и герой постоянно обращается к ней, поэтому в тексте романа большое внимание уделено пересказам приключений Одиссея (ШЛИНК 2013: 80, 117, 245 и т. д.). Дискурсивная практика этих пересказов позволяет оценить рецептивные возможности Петера Дебауера, который раскрывается как читатель, осваивающий художественный мир Гомера и проецирующий его на собственную жизнь.

С его метатекстуальной интерпретации случайно прочитанного анонимного романа о возвращении немецкого солдата из русского плена начинается история герменевта Петера Дебауера, который ищет тайные смыслы странного, фрагментар-

ного текста. Герой испытывает к автору романа симпатии, потому что тому «нравилась “Одиссея” и что он играл в своей книге с ее сюжетом» (Там же: 154), и чувствует необходимость ее дешифровки. Это становится отправной точкой поисков полного текста книги, с чем, как оказывается позже, сопряжена попытка найти отца. Размышления об Одиссее настигают Петера Дебауера в ответственные моменты жизни, когда ему необходимо сделать важный выбор; образ Одиссея сопутствует всем важнейшим поворотам его судьбы (знакомство с Барбарой, решение лететь в США, расчет с отцом и т. д.).

Философия эпической поэмы определяет глубинный смысл поисков героем отца, пропавшего без вести на войне. Иначе говоря, в главной сюжетной линии романа Петер Дебауер выступает в роли Телемаха. Вместе с тем в его образе явственны черты, роднящие его с Одиссеем: любовь к странствиям, поиск приключений, склонность к авантюризму, хитроумность, проявляющаяся в умении виртуозно врать (чего стоит, например, эпизод, в котором он в Берлинском университете им. Гумбольдта в течение целого семестра выдает себя за приглашенного профессора из Ганновера).

Некоторые эпизоды *Одиссеи*, относящиеся к Лаэртиду, Дебауер-нарратор экстраполирует на свою частную жизнь. Приезд из Африки мужа своей любовницы он, например, описывает следующим образом:

«Оджи, как Одиссей, вернулся домой, а Барбара ждала его, как Пенелопа, современная Пенелопа, которая больше не тклет полотно днем, чтобы распустить его ночью, а влюбляется в другого, однако хорошо знает, когда надо решительно разорвать полотно сотканной любви» (Там же: 111).

Другими словами, в этой ситуации Петер Дебауер рассматривает себя в роли одного из женихов Пенелопы, уничтоженных вернувшимся Одиссеем. Впрочем, этот мотив не получает в романе развития, остается единственным, а доминантами образа являются Телемах и Одиссей.

Всех своих возлюбленных после Барбары Петер Дебауер напрямую соотносит с героинями многочисленных романов Одиссея: «журналистка — родом из земли киконов», «Беттина принадлежит к племени лотофагов», «на очереди одноглазая женщина-циклоп» (Там же: 118) и т. д. Закономерно, что, устав

от бушующих в его жизни страстей, он готов как перестать «встречаться с женщинами из “Одиссеи”» (Там же: 127), так и вновь заняться «поисками оставшихся Одиссеевых женщин» (Там же: 147).

Петер Дебауер готов увидеть в отношениях с Максом, сыном одной из любовниц, проекцию отношений Лаэтрида с Телемахом. Считая своего отца погибшим, он, подобно гомеровскому Одиссею в Аиде, пытается обнять его тень телесной рукой и т. д.

Благодаря подобной структурализации Шлинком истории героя Телемаха и Одиссея в одном лице процесс обретения им самого себя оказывается связанным с преодолением имеющегося расщепления личности. В финале романа двойственная, телемахо-одиссеева, природа Дебауера изменяется: он становится сыном своего отца. Поэтому в последнем абзаце звучит такое признание:

«Иногда я тоскую по Одиссею <...>. Я тоскую по тому образу, который я нарисовал себе, по придуманному мной отцу, который стал дорог моему сердцу» (Там же: 317).

Образ другого инварианта Одиссея, отца Петера Дебауера, в романе также трансформирован. Многострадальный, мужественный человек, умеющий найти выход из любого трудного положения, стремящийся вернуться на родину, тоскующий по родному дому, — это зерно образа гомеровского героя, который, однако, далек от монической определенности. Одиссей совмещает в себе разные векторы поведения, обусловленные тем, что он правнук Гермеса — бога торговли, счастливого случая, хитрости и воровства: он хитер и коварен, никогда не забывает о собственной выгоде, умеет манипулировать людьми, причинять им боль и страдания, менять обличия, лгать.

Шлинк в образе отца Петера Дебауера актуализирует двойственную природу гомеровского героя, гиперболизируя его отрицательные качества. Магистралью характера отца Петера Дебауера оказывается его борьба за жизнь, когда цель оправдывает средства, стремление к личному комфорту и принципиальный отказ от любой ответственности перед отечеством, родителями, своими женщинами и детьми. Это история нового Одиссея XX в., который с легкостью мимикрирует, постоянно лжет и изменяет всем, имеет только один принцип, который он сформулировал в 1940 г., будучи в выпускном клас-

се гимназии: «Надо осмелиться на то, чтобы полностью посвятить себя только себе самому» (Там же: 214).

Вся его жизнь — доказательство его верности этой идее. Иоганн Дебауер, сын почтенных швейцарских немцев, студент юридического факультета — Фолькер Фонланден, солдат вермахта, корреспондент геббельсовской газеты «Рейх», приближенный последнего рейхсфюрера СС Карла Ханке, — Вальтер Шоллер, австрийский еврей, бывший узник Освенцима, заведующий культурным отделом газеты *Ночной экспресс*, друг майора Советской военной администрации, — Джон де Баур, профессор кафедры политологии Колумбийского университета, основатель деконструктивистской теории права. Все это разные личины одного человека, занятого выживанием вопреки всему и к концу жизни выстроившего теорию, призванную доказать его правоту.

Шлинка прибегает к интересному способу раскрытия особенностей существования героя в разных облициях, предоставляя ему возможность высказаться в форме написанных им текстов и саморефлексии на лекциях и в семинаре. В романе представлены его школьное сочинение, фронтовые письма, публицистика военных и первых послевоенных лет, фрагменты романа о солдате, возвращающемся из советского лагеря в Германию, концепция университетского курса и книги *Одиссея права*.

Метаморфозы, происходящие с новым Одиссеем, касаются и его нарративов. В рамках заявленной темы обратимся к тем примерам, которые образно и тематически связаны с эпосом Гомера. В статье *Битва*, посвященной осаде Ленинграда, Фолькер Фонланден соотносит ее с осадой и падением Трои. Это позволяет автору статьи абстрагироваться от конкретно-исторического факта Второй мировой войны и спрятаться за выспренними рассуждениями о «рыцарском завершении рыцарской битвы» (Там же: 152). Другими словами, геббельсовский корреспондент переносит гомеровский образ в современность Третьего рейха, оправдывая грядущее уничтожение Ленинграда, который, как Троя, будет сровнен с землей, и видит в этом проявление логики трансисторического фатализма.

Гомеровский претекст звучит иначе в написанном Фолькером Фонланденом после краха гитлеровского режима романе о немецком солдате, бежавшем из русского плена. Вместо прежнего параллелизма фонланденского истолкования Шлинка

здесь использует прием аллюзий, которые возникают в сознании героя-читателя Петера Дебауера.

Стремление раскрыть тайну этого романа, попавшего к главному герою без первой и последних страниц, определяет развитие как сюжета-расследования (филологического, философского и юридического, политического и морального), так и сюжета-вариации *Одиссеи*.

Перечитав рукопись, которая попалась ему на глаза после очередного переезда, Петер Дебауер открывает, что

«История “Одиссеи” <...> была тем образцом, по которому выстраивались история Карла и его спутников, все их блуждания, приключения, все выпавшие на их долю испытания, их гибель и возвращение Карла домой» (Там же: 79).

Он пытается соотнести матрицу *Одиссеи* с романом: «встреча с Полифемом превратилась в сцену, когда Карла и его товарищей засыпало в пещере, из которой они, обманув спасательные команды русских, смогли выбраться самостоятельно», «Цирцея стала сибирской волшебницей-шаманкой», «сирены превратились в хор сотрудников НКВД и т. д. (Там же: 81). Петер Дебауер сравнивает финал *Одиссеи* с концовкой романа и выступает филологом-компаративистом, понимающим, что имеет дело с неприятельской массовой литературой, адаптирующей классику.

Философско-юридическая концепция «одиссеи» Джона де Баура во всей полноте раскрывается перед героем в процессе знакомства с книгой *Одиссея права* («The Odyssey of Law») и в семинаре на кафедре политологии Колумбийского университета.

Монография де Баура в реферированном изложении Петера Дебауера посвящена нескольким проблемным вопросам. Это, во-первых, верность Одиссея себе «во всех приключениях, блужданиях и ошибках, неудачах и удачах» (Там же: 221); во-вторых, «круговорот права» (Там же: 221), служащего разным целям в разные периоды, и «нити права», постоянно сплетающиеся в полотно, которое «распускается, как покров Пенелопы» (Там же: 222); наконец, истина, выступающая в виде лжи, а ложь — в виде истины. Де Баур играет понятиями; произвольно истолковывает эпизод из 24-й книги *Илиады* (отец Гектора приходит к Ахиллу с просьбой выдать тело сына) в том смысле, что добро и зло суть едины; пишет о геноциде, который «часто осуществляется с чистой совестью» (Там же: 226).

Главный философский вывод, к которому приходит автор монографии, лежит в пространстве деконструктивизма. Ученик Поля де Мана, де Баур считает, что литературный текст всегда противоречив, наполнен скрытыми смыслами и принципиально не может быть единственно правильно интерпретированным. Дебауер — читатель монографии — формулирует основные положения автора “одиссеи права”:

«... если текст говорит не о том, что имел в виду автор, а о том, что вычитывает из него читатель, то за конкретный текст отвечает не автор, а читатель текста. Если реальностью является не окружающий нас мир, а текст, который мы пишем о реальности и который мы читаем, то ответственность несут не реальные убийцы и не реальные жертвы, которых не существует, а скорее их современники...».

И ниже:

«Итак, он остался верен себе <...>, он жонглировал здесь понятием реальности и способами ее изображения, ролями автора, читателя, преступника, жертвы и современника, жонглировал проблемой вины и ответственности» (Там же: 230).

На семинаре эти идеи были детализированы де Бауром, который начал с того, что подверг деконструкции понимание *Одиссеи* как изначальной формы всех историй о возвращении. Он методично доказывает, что гомеровский текст был неправильно интерпретирован читателями, увидевшими в нем то, что они хотели увидеть. На самом деле, считает профессор, Одиссей не стремится домой, а проводит время у разных женщин, возвращается домой не по собственному желанию, а по велению богов, да и возвращение это весьма проблематично.

Деконструкции подвергаются и рассказы Одиссея о его путешествиях в удивительные страны — де Баур акцентирует внимание слушателей на том, что Одиссей был «хитроумным лжецом» (Там же: 246), и делает отсюда вывод о зыбкости границ между правдой и ложью, верностью и предательством. «Единственное, что остается незыблемым, — констатирует он, — связано с тем, что “Одиссея” представляет собой переработку древнего мифа о путешествии, приключениях и возвращении домой, происходящих вне времени и определенного пространства, — переработку в эпос, в историю, которая происходит уже в определенное время и в определенном месте. “Одиссея” создала формулу

пространства и времени, без которых мы не имели бы истории и не рассказывали бы истории» (Там же: 247-248).

На деконструктивистском истолковании эпической поэмы Гомера строится главная идея “одиссеи права” де Баура: в юриспруденции

«все столь же туманно — цели, взлеты и падения права, то, что является в праве добром, а что злом, что в нем рационально, а что иррационально, что в нем истина, а что ложь. Единственное, что сохраняется в “одиссее права” неизменным, — это абстрактные величины права и бесправия, а также то, что необходимо постоянно принимать те или иные решения» (Там же: 248).

Философские и юридические концепты, таким образом, смыкаются и в своем нерасторжимом единстве выступают базисом для оправдания воли к жизни нового Одиссея. На это же нацелен и эксперимент де Баура, введенный в пространство романа также в связи с эпической поэмой Гомера, которую профессор на семинаре истолковывает как «поиски утопии» (Там же: 250). В связи с этим вспомним социальную утопию *Одиссеи*, посвященную совершенному государству феакийцев. Лаэртид попадает в идиллию царства Алкиноя, где господствуют идеи порядка и регламентации жизни граждан, гармонично вписанных в космос. Но в монархической утопии Схерии, где природное изобилие касается только сада Алкиноя, изначально содержатся свои *pro et contra*. И гармония приобретает двусмысленный характер тем более, что в исконном мифе феаки были корабельщиками смерти, а после того, как они помогли Одиссею, разгневанный Посейдон превратил их корабль вместе с командой в утес. Сказочный топос «земного рая», таким образом, разрушается.

Изображая де Баура в «поисках утопии», Шлинк тоже исходит из идеи ее энтропии. Дебауер выясняет, что в 1970-е гг. его отец руководил организованной им в Адирондакских горах утопической коммуной, обернувшейся на деле тоталитарной сектой, в которой использовались манипулятивные приемы и методы психологического подавления людей, контролировались мысли, поведение и эмоции каждого человека.

Если гомеровский Одиссей в ходе своих странствий попадает в мир утопии и прощается с ней, то Одиссей XX века сам создает утопию (в ее рисунке Шлинк отказывается от сказочного мотива и фиксирует тоталитарную суть, акцентируя тем самым

имманентно присущую утопии антиутопичность) и сам вынужден от нее отказаться. Коммуна 1970-х гг. лишь упомянута: один из ее бывших членов коротко рассказывает Дебауеру о том, что их лидер постоянно выстраивал чрезвычайные ситуации во имя «момента истины» (Там же: 305), что не все выдерживали эти испытания, что коммуна прекратила свое существование.

Эпизод при всей его формальной мизерности концептуален. Во-первых, он вписан в хронологический контекст экспериментов американской социальной психологии, прежде всего практики Стенли Милгрэма, и поисков в области теории тоталитаризма, в частности, Ханны Аренд. Во-вторых, об идеях авторов книг *Подчинение авторитету: экспериментальное исследование* (1974) и *Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме* (1963) спорят студенты де Баура в конце XX в., обсуждая черную комедию *Мозаика*. Итожат разногласия мнений слова одной из студенток: «Ведь невозможно... нельзя, чтобы экспериментировали с живыми людьми!» (Там же: 255). Но де Баур убежден в обратном, потому что, по его мнению, эксперимент дает возможность лучше узнать себя. С этим связан и его собственный эксперимент с избранными студентами — ежегодно проводимый январский недельный семинар в Адирондаке. Так выстраивается хронотопическая связь между Адирондакской утопической коммуной и Адирондакским семинаром де Баура.

В отличие от коммуны, описание семинара в романе очень подробное, детализированное. Это своеобразная кульминация повествования, поскольку Дебауер переживает тот самый «момент истины» в его взаимосвязи с «одиссеей права». Весь эпизод решен в традициях психологического триллера: небольшая группа учеников, отправившаяся на семинар, становится частью садистского эксперимента своего учителя. Замкнутое пространство горной гостиницы, ограничение места действия и невозможность передвижения, голод и холод, насилие со стороны нескольких агрессивных мужчин — все это составляющие представления, за которым наблюдает режиссер де Баур. Мистификатор и лжец, он конструирует в рамках реалити-шоу разрыв нормального хода событий вмешательством некоей иррациональной силы и присваивает себе образ всемогущего безумного божества, манипулирующего людьми и испытывающего людей. В этом смысле он, узурпатор права бога, выступает в роли тех олимпий-

цев, что определили путешествие Одиссея после падения Трои.

Де Баур решает и психологические задачи, используя по сути дела принципы теста Роршаха для исследования личности, оказавшейся в экстремальных условиях. Ему интересно поведение людей, насильно отправленных им в темные глубины подсознания, интересна природа обезчеловечиваемого человека, который узнает, «что такое страх» (Там же: 256). И выясняется, что ученики де Баура, и Петер Дебауер в том числе, — это люди на распутье, прежде только игравшие разные роли, но не знавшие, кем они были на самом деле. В предложенных обстоятельствах они готовы предавать друг друга, поэтому их иллюзии относительно самих себя разрушаются, а устои трещат по швам. Психологический хоррор-перфоманс, участниками которого они невольно стали, раскрывает истинное лицо каждого из них.

Де Баур видит в этом доказательство правоты своей «одиссеи права»: истина открывается только перед лицом зла и в минуты потрясений, зло и добро взаимосвязаны, все на свете всего лишь тексты, которые поддаются бесконечным произвольным интерпретациям:

«У истории нет цели, нет прогресса, за падением не следует подъем, не существует гарантий справедливости для слабого. <...> мы постоянно должны делать вид, как <...> если бы действительность была важнее текста, как если бы автор в тексте обращался к нам, как если бы существовали добро и зло, право и произвол, истина и ложь и как если бы все правовые учреждения и уложения могли нормально функционировать и применяться» (Там же: 267).

Если античный Одиссей ввиду своей амбивалентности не полностью соответствует этике героического века, то новый Одиссей XX столетия вообще отказывается от этики и выстраивает ризоматическую модель мира-текста. Здесь отсутствуют линейная однонаправленность развития, детерминированность восхождения, деление на высокое / низкое, нравственное / безнравственное, доброе / злое. В этом мире, где нет смыслового центра, истины, однозначности этических оценок, господствуют метаязыковая игра, самоотстранение и ориентация на множественность интерпретаций текста.

Появление подобной модели Шлинк мотивирует всем ходом мировой истории, истории немецкоязычного мира и исто-

рии семьи Дебауеров. Их проблемные узлы в романе связаны:

- с войнами, масштабными кризисами, поворотными событиями и столкновениями;
- с судьбой немцев, вынужденных покидать родные края в поисках лучшей доли;
- с предательством, совершенным во имя благородной цели;
- с ложью во спасение;
- с двойственностью категории справедливости;
- с бесконечными вариациями на темы возвращения к истокам в фольклоре, литературе, жизни.

Все призвано свидетельствовать о хаосе мироздания, отсюда и утверждение с положительной коннотацией, что де Баур «с его деконструктивистской теорией права вызвал ренессанс экзистенциализма» (Там же: 230), отсюда и развивающаяся «экзистенциальная усталость» Петера Дебауера (Там же: 194). Отсюда же и растерянность Петера Дебауера, который не может объяснить своему почти сыну Максу «храбрость — это хорошо или плохо» (Там же: 132) и способен ли «плохой человек рассказать самую лучшую из всех историй о возвращении» (Там же: 155), не может дописать свою докторскую диссертацию на тему о пользе справедливости. Согласно логике Шлинка, травматический опыт пережитых обществом социальных потрясений и историческая память рода обусловили появление такого растерянного человека, как Петер Дебауер, 1945 года рождения.

Своеобразная одиссея по миру де Баура, миру, где выдумка была призвана подавить и скорректировать реальность, которая обратилась театром жестокости, заставила главного героя начать критически мыслить и анализировать себя. Саморефлексия помогла ему разгадать головоломку, преодолеть морок, понять, что теория «одиссеи права» де Баура — это попытка оправдать им свое прошлое и, возможно, договориться с Тюхе, древнегреческой богиней случая, удачи и судьбы. Самое главное же заключается в том, что в сознании Петера Дебауера расколотое бытие обретает цельность. В этом смысле он, как Одиссей, обретает Самость, приходит к самому себе и встречается со своим отцом. Однако если гомеровский Одиссей не сразу, но после психологического испытания открывает свое имя Лаэрту, то Одиссей-Дебауер так и не признается отцу в том, что он его сын.

В этом же эпизоде проявляется и телемахова суть образа Петера Дебауера. В конце своего путешествия после душевного очищения, которое происходит благодаря пережитым психологическим потрясениям и внутреннему расчету с отцом, он, как Телемах, приходит к осознанию своей ментальной связи с ним, обретает его и прощается с ним (согласно мифу, Одиссей оставляет Итаку после избиения женихов).

4. Заключение

Дискурс *Одиссеи* представлен в романе Б. Шлинка на нескольких уровнях: в историях Петера Дебауера и его отца (причем первый совмещает в себе черты Телемаха и Одиссея, второй — Одиссея и бога), в романе о бежавшем из русского плена немецком солдате, в монографии де Баура *Одиссея права* и в его семинаре на кафедре политологии. Сюжет романа о возвращении и поисках сыном отца структурирован как вариации на темы сюжета *Одиссеи*, как полудетективное расследование типологически сходной с одиссеевой ситуации, как рецепции гомеровской поэмы. Каждый из главных героев Шлинка выступает в нескольких ролях: Петер Дебауер — в качестве нарратора, читателя, герменевта, компаративиста; Джон де Баур — в качестве пяти разных нарраторов (школьника, солдата вермахта, антифашиста, писателя, ученого). Благодаря этому приему дискурс *Одиссеи* раскрывается как онтологически незавершенный и приобретающий новые смыслы в эпоху постмодерна.

Конкретная ситуация функционирования текста Гомера в романе Шлинка, сопоставление романа с континуумом исходного текста, декодирование прецедентных феноменов (аллюзий, цитаций, реминисценций) позволяют сделать вывод: автору *Возвращения* удалось с помощью модели, известной с античной поры, создать собственную «Одиссею» с индивидуальной картиной мира и человека, собственную версию мифа о путешествии и становлении героя, вписав его в историю XX века. Так «Одиссей возвратился, пространством и временем полный» (О. Мандельштам), в контекст постмодернистской философии и литературы.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / под ред. В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1989. [Dijk, Teun A. (1989) *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya* (Language. Cognition. Communication). Mos-

- cow: Progress. (In Russian)].
- Ионкис Г. Новейшая литература Германии: Бернхард Шлинк [Электронный ресурс]. URL: <https://www.partner-inform.de/partner/detail/2012/8/238/5601/novejshaja-literatura-germanii-bernhard-shlink?lang=de>. [Ionkis, Greta. (2012) *Noveyshaya literatura Germanii: Bernhard Shlink* (The Newest Literature of Germany: Bernhard Schlink). Retrieved from <https://www.partner-inform.de/partner/detail/2012/8/238/5601/novejshaja-literatura-germanii-bernhard-shlink?lang=de>. (In Russian)].
- Ионкис Г. Явление Бернхарда Шлинка // *Monatliche Zeitschrift des Verbandes russischer Schriftsteller in Deutschland*. 2015. № 49 [Электронный ресурс]. URL: <https://le-online.org/2015-11-09-17-50-50/364-n49-mosty-ionkis>. [Ionkis, Greta. (2015) Yavleniye Bernkharda Shlinka (The Bernhard Schlink Phenomenon). *Monatliche Zeitschrift des Verbandes russischer Schriftsteller in Deutschland*, 2015, Nr. 49. Retrieved from <https://le-online.org/2015-11-09-17-50-50/364-n49-mosty-ionkis>. (In Russian)].
- Овсянникова Ю. О. Гомеровский миф в романе Б. Шлинка «Возвращение» // *Вестник Тверского ГУ*. 2013. Вып. 6. С. 289—294. [Ovsyanikova, Yuliya O. (2013) Gomerovskiy mif v romane B. Shlinka «Vozvrashcheniye» (Homeric Myth in B. Schlink's Novel "Homecoming"). *Vestnik of Tver State University*, 2013, 6, 289—294. (In Russian)].
- Пешё М. Контент-анализ и теория дискурса // *Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса* / под. ред. П. Серио. М.: Прогресс, 1999. С. 302—336. [Pecheux, Michel. (1999) *Kontent-analiz i teoriya diskursa* (Content Analysis and Discourse Theory). In Sériot, Patrick. (ed.) *Kvadratura smysla: frantsuzskaya shkola analiza diskursa* (Squaring Meaning: The French School of Discourse Analysis). Moscow: Progress, 302—336. (In Russian)].
- Тодоров Ц. Понятие литературы // *Семиотика* / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 355—369. [Todorov, Svetan. (1983) *Ponyatie literatury* (The Concept of Literature). In Stepanov, Yuriy S. (ed.) *Semiotika* (Semiotics). Moscow: Raduga, 355—369. (In Russian)].
- Тюпа В. И. Дискурсные формации: очерки по компаративной риторике. 2-е изд. М.: Юрайт, 2018. [Tyupa, Valeriy I. (2018) *Diskursnyye formatsii: ocherki po komparativnoy ritorike* (Discursive Formations: Essays on Comparative Rhetoric). Moscow: Urait. (In Russian)].
- Шарыпина Т. А. «Возвращение Бернхарда Шлинка» в литературном контексте Германии новейшего времени // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2011. № 6 (2). С. 740—744. [Sharypina, Tatyana A. (2011) «Vozvrashchenie Bern-

kharda Shlink» v literaturnom kontekste Germanii noveyshego vremeni ("The Homecoming of Bernhard Schlink" in the Literary Context of Modern Germany). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2011, 6 (2), 740—744. (In Russian)].

Шарыпина Т. А. Немецкая «Одиссея» Бернхарда Шлинка // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 1 (2). С. 267—271. [Sharypina, Tatyana A. (2012) Nemetskaya "Odiseya" Bernkharda Shlinka (The German "Odyssey" by Bernhard Schlink). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2012, 1 (2), 267—271. (In Russian)].

Шлинк Б. Возвращение / пер. с нем. яз. А. В. Белобратова. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. [Schlink, Bernhard. (2013) *Vozvrashcheniye* (The Homecoming). Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2013. (In Russian)].

Adamova, Galina. (2013) Realitätsbezüge im Roman „Die Heimkehr“ von Bernhard Schlink. *Научни трудове на Русенския университет*, 52, Series 6.3, 226—230.

Cavelty, Gieri. (2006) *Die Odyssee als Obsession. Bernhard Schlinks Roman „Die Heimkehr“*. Retrieved from <http://www.nzz.ch/2006/04/22/fe/articleDLKTE.html>.

Seibt, Gustav. (2006) Odysseus und die Heftchen Bernhard Schlinks Styropor-Roman „Die Heimkehr“. *Süddeutsche Zeitung*, Nr. 57, 16.

Galina G. Ischimbajewa
Baschkirische Staatliche Universität

Odyssee-Diskurs im Roman von B. Schlink Die Heimkehr

In dem Artikel, dessen methodische Grundlage das Konzept der diskursiven Analyse eines literarischen Textes ist, wird versucht, den Diskurs der *Odyssee* in Schlinks Roman *Die Heimkehr* umfassend zu untersuchen. Zu diesem Zweck wurden zunächst alle Arten des Ausdrucks des Diskurses im Roman (auf der Ebene von Handlung, Sujet, Komposition, individuellen Motiven und Bildern, Problemen, Philosophie) analysiert; zweitens wird die spezifische Situation der Funktionsweise von Homers Text im Roman betrachtet, die mit dem Kontinuum des Originaltextes verglichen wird; drittens werden homerische Präzedenzphänomene (Allusionen, Zitate, Reminiszenzen) dekodiert. Es wird der Schluss gezogen, dass der Diskurs des Poems von Homers Schlink geholfen hat, seine eigene Version des Mythos über die Reise und die Bildung des Helden zu erstellen und ihn in die Geschichte des 20. Jahrhunderts zu schreiben.

Schlüsselwörter: Schlink; Homer; „Heimkehr“; „Odyssee“; Diskurs

Galina G. Ishimbayeva
Bashkir State University

The *Odyssey* Discourse in B. Schlink's Novel *Homecoming*

The author of the article makes an attempt to comprehensively study the discourse of *Odyssey* in Schlink's novel *Homecoming*. The methodological basis of the research is the concept of discursive analysis of a literary text. For this purpose, firstly, all the ways of manifestation of discourse in the novel (at the level of plot, story line, composition, individual motives and images, problems, philosophy) are analyzed. Secondly, the specific situation of the functioning of Homer's text in the novel is considered, which is compared with the continuum of the original text. Thirdly, Homeric precedent phenomena (allusions, citations, reminiscences) are decoded. It is concluded that the discourse of Homer's poem helped Schlink create his own version of the myth about the journey and the formation of the hero, inscribing it in the history of the 20th century.

Keywords: Schlink; Homer; "Homecoming"; "Odyssey"; discourse

О. Б. Кафанова

Санкт-Петербургский институт бизнес-инноваций

ФАУСТ ГЁТЕ В КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И. С. ТУРГЕНЕВА

Цели и задачи исследования связаны с комплексным изучением интереса Тургенева к *Фаусту* Гёте, которые соотносятся с его попыткой обретения своей культурной идентичности. Предметом анализа явились все три конкретных проявления рецепции гётевской трагедии русским автором: критическая статья Тургенева о *Фаусте* в переводе М. Вронченко (1845), собственные переводы писателя из *Фауста* (1844) и творческое усвоение *Фауста* — повесть с одноименным названием (1856). Тургенев уверовал в нравственную миссию женщины, возвышающую ее над рефлектирующим и сомневающимся мужчиной. Это убеждение, воплотившееся в созданных им впоследствии героинях, сформировалось под влиянием образа Маргариты, который он сам дополнил и углубил.

Ключевые слова: «Фауст»; рецепция; культурная идентичность; нравственная миссия женщины

1. Введение

И. С. Тургенев проявлял глубокий и постоянный интерес к художественной антропологии и философским идеям Гёте, выраженным образно, вне систем и теоретических построений. Темы, мотивы, сюжетные линии и ситуации, восходящие к обеим частям *Фауста*, находят свое органическое и подчас полемическое выражение у Тургенева, в том числе и в его одноименной повести. О роли *Фауста* в жизни и творчестве И. С. Тургенева написано немало статей, и недавно опубликована монография И. А. Беляевой *Творчество И. С. Тургенева: фаустовские контексты*. В ней исследовательница главные произведения русского писателя просматривает через фаустовский код и фаустианские мотивы. По мнению И. А. Беляевой, фабула о возрождении грешника художественно преобразуется в произведениях Тургенева сообразно русской жизни и русским реалиям, сохраняя универсальный смысл. Русский Фауст — это Базаров и Федор Лаврецкий, а русская Гретхен — Фенечка из романа *Отцы и дети* (БЕЛЯЕВА 2018). Елена из романа *Накануне*, соответственно, Елена Прекрасная из второй части *Фауста*. Не вдаваясь в полемику,

хочется согласиться с огромной ролью Гёте и его вершинного произведения для Тургенева.

Хотелось бы остановиться на нескольких конкретных фактах интереса Тургенева к *Фаусту* Гёте, который он пронес через всю жизнь. При этом рассмотрению подвергаются все аспекты тургеневской рецепции — критическое восприятие, перевод и творческое осмысление (ЛЕВИН 1974: 249-269).

2. Характеристика материала и методов исследования

Цели и задачи статьи связаны с комплексным изучением интереса И. С. Тургенева к *Фаусту* И. В. Гёте. Предметом анализа являются критическая статья Тургенева о *Фаусте* в переводе М. Вронченко (1845), его собственные переводы из *Фауста* и повесть Тургенева с одноименным названием (1856). Цель состоит в выявлении основного мотива, главной идеи, объединяющей эти разные по жанровым характеристикам проявления конкретного интереса Тургенева к шедевру Гёте и осмысления русским автором его главных персонажей. К исследованию привлекаются труды по истории русской литературы (БЕЛЯЕВА 2018; ГЕНЕРАЛОВА 1999; ПИЛЬД 1995), рецепции *Фауста* в России (ЖИРМУНСКИЙ 1937; СТЕФФЕНСЕН 1985; ТНЕРГЕН 1983; ТИМЕ 1992; СОЛОВЬЕВ 1917), истории и теории перевода (ЛЕВИН 1974; ДАНИЛЕВСКИЙ 2001). Используется методология компаративистских исследований; в качестве основного метода применяется сравнительно-сопоставительный анализ переводов и произведений, выявляются переводческие принципы и приемы Тургенева, направленные на воспроизведение художественной стилистики оригинала. Анализу подвергается повесть Тургенева, обнаруживающая типологические сходства с трагедией Гёте, не исключая явной и скрытой полемики с ней.

Во время обучения в Берлинском университете Тургенев прекрасно овладел немецким языком, глубоко погрузился в немецкую литературу и философию. Вернувшись в Россию он, как большинство начинающих русских литераторов, получивших университетское образование, пробовал себя прежде всего в переводческой деятельности. Восхищаясь с юных лет сочинениями Гёте, этого великого «поэта природы», он уже в 1839 г. перевел песню Клерхен из трагедии *Эгмонт. Фауст*, «главнейшее создание Гёте», он относил к «вековым творениям». Вплоть до зрелого возраста оно привлекало Тургенева, выступая для него кладзем

идей, объектом приложения переводческих усилий, а также источником творческого влияния, не исключаяющего и полемику.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Тургенев – критик «Фауста» Гёте

В 1844 г. Тургенев написал рецензию на один из первых русских переводов трагедии Гёте: „*Фауст*” Гёте. *Перевод первой и изложение второй части М. Вронченко* (ТУРГЕНЕВ 1978: 197-235). В ней Тургенев представил свое понимание переводческих принципов, но, главное — дал свою концепцию произведения в целом. Восторженный почитатель Белинского, в своей статье Тургенев-критик продемонстрировал широкий культурологический подход.

«Одно имя “Фауста”, — замечал он, — производило в нас впечатление довольно смутное и странное; мы чувствовали, что в этом произведении отразилась целая жизнь мыслящего, уже не юного, несколько чуждого нам народа...» (Там же: 197). Местоимения «нас», «мы» обозначали в контексте всей статьи русских читателей в целом.

«Разбор вековых творений, подобных “Фаусту”, или весьма легок, или весьма труден... В первом случае стоит только “воскурить фимиам”, употребить восторженные восклицания и т.д.: благо произведение великое, так уж и нечего толковать о нем! Большею частью так и поступают наши господа-критики. Но эти господа забывают, что ни одно великое творение не упало на землю, как камень с неба; что каждое из них вышло из глубины поэтической личности...» (Там же: 198).

Тургенев захотел вначале рассказать публике об истории создания трагедии, и только потом дать «собственное» воззрение на *Фауста*.

Преамбула Тургенева начиналась с картины развития словесности в Германии второй половины XVIII в., среди «великих людей» которой он назвал Клопштока, Виланда и Лессинга.

«Заслуги этих трех писателей чрезвычайно велики; но ни одному из них не было суждено положительно выразить сущность своего народа и времени» (Там же: 200).

В отличие от Франции, которая стремительно двигалась к «собственному разрушению, или, говоря правильнее, к собственному возрождению», Германия только начала приходить «к сознанию собственной народности, к сознанию самой себя — не как общества, но как народа, говорящего одним языком и не имеющего на

этом языке ни одного литературного памятника». Юность Гёте, по мысли рецензента, совпала с романтической эпохой (как он назвал период предромантизма). Благодаря Виланду и Эшенбургу Германия познакомилась с Шекспиром, под влиянием которого пробудилась любовь к средним векам. При этом Тургенев вполне пронизательно заметил, что

«движение умов во Франции — Вольтер, Руссо, энциклопедисты — все, что так глубоко, так сильно потрясло потом весь мир, в то время находило весьма мало сочувствия в Германии» (Там же: 203).

И вот появился Гёте, личность которого Тургенев изобразил «в немногих чертах»:

«Он был — поэт по преимуществу, поэт и больше ничего. В этом, по нашему мнению, состоит все его величие и вся его слабость. Он был одарен всеобъемлющим созерцанием; все земное просто, легко и верно отражалось в душе его. С способностью увлекаться страстно, безумно он соединял в себе дар постоянного самонаблюдения, невольного поэтического созерцания своей собственной страсти; с бесконечно разнообразной и восприимчивой фантазией — здравый смысл, верный художнический такт и стремление к единству. Он сам был весь целый, весь — как говорится — из одного куска; жизнь и поэзия не распались у него на два отдельные мира; его жизнь была его поэзией, его поэзия была его жизнью...» (Там же: 204).

Надо заметить, что молодой Тургенев дал довольно точный психологический портрет Гёте:

«Первым и последним словом, альфой и омегой всей его жизни было, как у всех поэтов, его собственное я; но в этом я вы находите целый мир...» (Там же: 204).

Тургенев не преминул назвать всех предшественников Гёте, обратившихся к сюжету о Фаусте, — Марло, Клиггер, Ленц. Он дал точную характеристику произведения в целом как «чисто человеческого», «чисто эгоистического», имея в виду, что в центре находится человек. Фауст,

«...с начала до конца трагедии, заботится об одном себе. Последним словом всего земного для Гёте (так же, как и для Канта и Фихте) было человеческое я... И вот это я, это начало, этот краеугольный камень всего существующего, не находит в себе успокоения, не достигает ни знания, ни убеждения, ни даже счастья, простого обыкновенного счастья» (Там же: 205-206).

Молодой Тургенев дает пронизательные трактовки основных персонажей трагедии. Он приходит к мысли о связи и взаимодополняемости Фауста и Мефистофеля:

«Не является ли нам Фауст скептиком с самых первых слов своих? И самая его попытка “отважно обратить свой тыл к прекрасному земному солнцу” не есть ли последний, отчаянный и ложный порыв к свободе и гармонии? Сам Фауст — не тот же ли Мефистофель в своем разговоре с Вагнером, этим немцем *par excellence*, этим типом “филистера”? Наконец, он, Мефистофель, не есть ли необходимое, естественное, неизбежное дополнение Фауста?...» (Там же: 208).

Тургенев сделал и уточнения:

«Мефистофель — бес каждого человека, в котором родилась рефлексия; он воплощение того отрицания, которое появляется в душе, исключительно занятой своими собственными сомнениями и недоумениями...» (Там же: 210).

Главная мысль Тургенева, которую он проносит через всю жизнь:

«“Фауст” — великое произведение. Оно является нам самым полным выражением эпохи, которая в Европе не повторится, — той эпохи, когда общество дошло до отрицания самого себя, когда всякий гражданин превратился в человека, когда началась, наконец, борьба между старым и новым временем и люди, кроме человеческого разума и природы, не признавали ничего непоколебимого» (Там же: 215).

Уже в этой рецензии Тургенев начинает критику Фауста как персонажа за присущий ему эгоизм, который особенно проявляется в его отношениях с Гретхен:

«Фауст — эгоист, эгоист теоретический, самолюбивый, ученый, мечтательный эгоист. Не науку хотел он завоевать — он хотел через науку завоевать самого себя, свой покой, свое счастье» (Там же: 213).

Тургенев делает и тонкие замечания по поводу образа Маргариты в его развитии, указывая на ошибки в переводе. Вначале он подчеркивает чистоту и безгрешность Гретхен: она «мила, как цветок, прозрачна, как стакан воды, понятна, как дважды два — четыре; она бесстрастная, добрая немецкая девушка; она дышит стыдливой прелестью невинности и молодости; она, впрочем, несколько глупа». Но Фаусту и не нужен ее ум. А Вронченко

ошибочно называет ее «умной», неправильно переведя «schürpisch» (с точки зрения Тургенева, это «непереводимое слово: оно скорее значит — жеманна в хорошем смысле... но ни в коем случае не умна») (Там же: 212). Влюбившись в Фауста, девочка неожиданно обнаруживает глубину чувств. Очень высоко оценил Тургенев «песенку» Гретхен,

«это дивное излияние страстной и стыдливой тоски, которая, несмотря почти на детскую простоту содержания, вероятно никем и никогда не будет даже удовлетворительно передана...» (Там же: 213).

Сам он не решился перевести этот фрагмент, хотя именно образ Маргариты, приобретший в финале настоящий трагизм, привлек его как переводчика. Его возмущает эгоизм Фауста, погубившего девушку и почти не заметившего своей вины; его не удовлетворяет, что совершивший преступление не понес наказания, потому что с помощью магии забыл о совершенном и возродился к новой жизни. Мысль о нравственном превосходстве Маргариты в финальной сцене становится сквозной для всех последующих обращений Тургенева к *Фаусту*. Эту позицию позднее выразил священник Сергей Соловьев:

«Дело не в том, что Фауст никогда не чувствовал укоры совести, а в том, что эти укоры не совершали в его душе нравственного возрождения» (СОЛОВЬЕВ 1917).

Интересные размышления Тургенев оставил и по поводу второй части *Фауста*, полемизируя при этом с переводчиком: «И г. Вронченко обвиняет Гёте за его конец второй части; но с его упреками мы согласиться не можем». Прощение заслуживается «беспрерывностью искания». «Так пусть же “Фауст” остается недоконченным, фрагментарным, как и то время, которому он служит выражением». «В недоконченности этой трагедии заключается ее величие» (ТУРГЕНЕВ 1978: 217-218). Тургенев совершенно справедливо указывает еще на одну серьезную ошибку Вронченко. Одно из ключевых слов *streben* ‘стремиться’ тот перевел как «мудрствовать», что повлекло за собой много недоразумений (Там же: 224). Тем не менее вся любовь Тургенева принадлежала первой части, которую он знал почти всю наизусть. Гретхен, о чьей нравственной высоте в финале он проникновенно писал в рецензии, стала центральным образом в его переводах из *Фауста*.

3.2. Сцены из «Фауста» Гёте в переводе Тургенева

Тургенев перевел последнюю сцену из *Фауста*, прежде всего связанную с образом Маргариты, который для него стал основой трагизма произведения. Перевод сделан в 1844 г. под влиянием непосредственных раздумий о *Фаусте* в переводе Вронченко: это последняя сцена из первой части («Letzte Szene»), или *В тюрьме* («Im Kerker»).

Этот перевод занимает особое место в обширном переводческом наследии Тургенева, который считал, что стихи, поэзию нужно передавать на иностранный язык только прозой. Об этом он писал, когда переводил произведения Пушкина на французский язык. Так, в 1863 г. вышел наиболее спорный его перевод — прозаическая версия *Евгения Онегина*. Тургенев бы убежден, что переводить стихи Пушкина на французский язык стихами может только переводчик-поэт, равновеликий ему по поэтическому дару. Фактически он занял неверную позицию непереводимости поэтического произведения. Но, с другой стороны, он имел в виду феномен конгениальности (КАФАНОВА 2019: 197). Тургенев много размышлял о своем методе перевода, прибегая при этом к авторитету П. Мериме. Узнав, что В. М. Михайлов переводит французскими стихами *Евгения Онегина*, он писал Анненкову 22 ноября (4 декабря) 1881 г.:

«Есть на свете храбрые люди!!! <...> Мериме сказал, что он не знает “aucun versificateur qui oserait le tenter!”. Впрочем, <...> мне давали читать один перевод “Онегина”, сделанный английскими рифмованными стихами каким-то полковником в отставке, верности невероятной, изумительной — и такой же изумительной дубинности!» (ТУРГЕНЕВ 1968: 483).

В связи со столь твердой позицией удивительным выглядит стихотворный перевод сцен из *Фауста*. Разумеется, перевод на свой родной язык с иностранного (тем более немецкого, которым Тургенев свободно владел с юности) является более легким процессом, чем перевод обратный. Можно утверждать, что эти переводы занимают особое место в переводческом наследии Тургенева. Приведем некоторые отрывки, которые демонстрируют не только мастерство в передаче формы — ритмики, рифмы, но и в особенности трагического накала и психологизма произведения.

М а р г а р и т а (*на коленях*)

Кто дал тебе право, палач, приходить

Так рано за мною?

О, жалься! дай мне сегодня пожить —

Возьми меня завтра поутру... с зарею...

(*Она встает.*)

Я так еще молода, молода —

И вот уже я умереть должна...

Была, говорят, не совсем я дурна —

Меня ты сгубила, моя красота!

Был близок друг... но теперь он далек —

Цветы все завяли... разорван веноч.

Не трогай меня! Не берись за меня!

О, жалься! чем я тебя оскорбила?

Неужто тебя я напрасно молила?

Я в первый раз в жизни вижу тебя (ТУРГЕНЕВ 1978: 23)

M a r g a r e t e (*auf den Knien*)

Wer hat dir Henker diese Macht

Über mich gegeben!

Du holst mich schon um Mitternacht.

Erbarme dich und laß mich leben!

Ist's morgen früh nicht zeitig genug? (*Sie steht auf.*)

Bin ich doch noch so jung, so jung!

Und soll schon sterben!

Schön war ich auch, und das war mein Verderben.

Nah war der Freund, nun ist er weit;

Zerrissen liegt der Kranz, die Blumen zerstreut.

Fasse mich nicht so gewaltsam an!

Schone mich! Was hab ich dir getan?

Laß mich nicht vergebens flehen,

Hab ich dich doch mein Tage nicht gesehen! (ГОЕТНЕ 1879: 185)

Тургенев мастерски переводит текст. Как отмечал Р. Ю. Данилевский, он

«не старался сгладить шероховатый слог оригинала, насыщенный лексикой самых разных стилей, “перебиваемый” постоянной сменой стихотворных размеров, до предела эмоциональный» (ДАНИЛЕВСКИЙ 2001: 18).

При этом он дополнительно драматизирует сцену, постоянно добавляя такие синтаксические знаки, как тире или многоточие. «Многоточие» разрывает плавное, последовательное изложение

мысли и привносит дополнительные смыслы. Многоточие может прочитываться как пауза, усиливающая эффект удивления, раздумий. Вместе с тем этот знак может означать недосказанность мысли, недоговоренность, а также прерывистость и даже затрудненность речи. Небольшая реплика Гретхен содержит пять знаков многоточия, которые варьируются по своим функциям и значениям. Тургенев словно визуализирует поведение Маргариты, которая переживает страх, растерянность, проявляя рассеянность, затрудненность в выражении мысли. И всю гамму этих чувств, их оттенков Тургенев выражает через многоточие (ВОЛГИНА 1979; ШВАРЦКОПФ 1988).

Что касается тире, то это знак очень емкий по значению. Тире можно назвать знаком «неожиданности»; оно способно передавать и чисто эмоциональное значение: динамичность речи, резкость, быстроту смены событий. Четыре знака тире передают все эти оттенки — смысловой и интонационной «неожиданности», динамичность и резкость речи (Там же). Все вместе эти способы драматизации призваны продемонстрировать предельную усталость, истерзанность героини, доведенной до последней степени страдания:

М а р г а р и т а

Что ж это? Ты меня не лобызаешь?

Мой друг, давно ль со мной ты разлучился —

И целовать уж разучился?

Что мне так страшно на груди твоей,

Когда, бывало, от твоих речей,

От взгляда твоего — все небо разверзалось...

И ты меня так обнимал, что я

Чуть-чуть не задыхалась!..

Поцелуй же меня —

Не то я поцелую тебя!

(Она его обнимает.)

О горе! как губы твои холодны, безответны...

Что же сделалось с твоей любовью?

Кто лишил меня твоей любви?

(Она от него отворачивается.) (ТУРГЕНЕВ 1978: 25)

M a r g a r e t e :

Wie? du kannst nicht mehr küssen?

Mein Freund, so kurz von mir entfernt

Und hast's Küssen verlernt?

Warum wird mir an deinem Halse so bang?
Wenn sonst von deinen Worten, deinen Blicken
Ein ganzer Himmel mich überdrang
Und du mich küßtest, als wolltest du mich ersticken.
Küsse mich!
Sonst küß ich dich! (*Sie umfaßt ihn.*)
O weh! deine Lippen sind kalt,
Sind stumm.
Wo ist dein Lieben
Geblieben?
Wer brachte mich drum? (*Sie wendet sich von ihm.*) (ГОЕТНЕ 1879: 187)

И в этом фрагменте Тургенев продолжает драматизировать речь Гретхен, придавая ей бóльшую прерывистость, чем в оригинале. Не случайно он поставил Маргариту в ряд трагических героинь мировой литературы:

«Гретхен можно сравнить с Офелией; но Гамлет, разрушив ее, разрушается сам, между тем как в начале второй части трагедии Гёте мы видим Фауста, спокойно отдыхающего весной на траве» (ТУРГЕНЕВ 1978: 215).

Возникает вопрос, почему для перевода Тургенев выбрал именно финальную сцену? Объяснение этому содержится в его статье о переводе Вронченко. Тургенев считал, что Гретхен, недалекая и наивная в начале произведения, превращается перед лицом смерти в трагическую героиню:

«И скажите, читатель, Гретхен, этот бедный, глупый, обманутый ребенок, в этой сцене не в тысячу ли раз выше умного Фауста, который с торопливым смущением умоляет ее бежать вместе с ним, хотя он очень хорошо знает, что комедия с Гретхен разыграна и что вся эта любовь, говоря гётевским слогом, относится к его прошедшему? Да, “он совершил то, что ему следовало совершить” (was er gesollt, hat er vollendet); но он не ожидал кровавой развязки; он испуган, он желает спасти ее, хотя горе ей, если он действительно спасет ее от смерти!.. Но пошлость не восторжествует на этот раз: Гретхен удостаивается трагической кончины, и ее последним, страшным криком заключается вся трагедия...» (Там же: 214).

Однако перевод Тургенева говорит об образе Маргариты намного больше, чем рецензия. Дело в том, что состояние безумия, из которого Маргарита временами выходит, делает ее мудрой и позволяет говорить страшные по своей правде слова. Обратимся к тексту:

М а р г а р и т а

Я мать свою убила —

Ребенка утопила.

Ведь он был твой... да — твой и мой...

Твой... это ты... все верить не могу я...

Дай руку мне — нет, точно нет — не сплю я,

Ах, эта милая рука!.. скорей

Утри ее... она сыра — на ней

Я вижу кровь — смотри, пятно какое!

Спрячь эту шпагу... О! что сделал ты?

Ф а у с т

Оставь прошедшее в покое —

Меня погубишь ты (Там же: 26).

М а р г а р е т е :

Meine Mutter hab ich umgebracht,

Mein Kind hab ich ertränkt.

War es nicht dir und mir geschenkt?

Dir auch. — Du bist's! ich glaub es kaum.

Gib deine Hand! Es ist kein Traum!

Deine liebe Hand! — Ach, aber sie ist feucht!

Wische sie ab! Wie mich deucht,

Ist Blut dran.

Ach Gott! was hast du getan!

Stecke den Degen ein,

Ich bitte dich drum!

Ф а у с т :

Laß das Vergangne vergangen sein,

Du bringst mich um (ГОЕТНЕ 1879: 188).

Чтобы убедиться в высокой художественности этого перевода Тургенева можно сравнить его с вариантом перевода А. А. Фета, который в 1882 г. полностью перевел обе части трагедии Гёте:

М а р г а р и т а

Я убила родимую мать.

Я дитя утопила свое.

Ведь оно ж и мое, и твое?

И твое! Это ты! — Это он.

Дай мне руку! Так это не сон!

Эту милую руку! — Но ах! Посмотри,

Как мокра! Ты ее оботри!

На ней кровь.

Боже! Что это сделал ты вновь!

Эту шпагу вложи.
Умоляю! — Ты знаешь...

Ф а у с т

Что прошло, уж о том не тужи!
Ты меня убиваешь (ГЁТЕ 1899: 169; пер. А. Фета).

Согласимся, что поэтическая верность свойственна обоим переводам, но Тургенев точнее Фета: «Это ты! — Это он» хуже, чем более верный перевод Тургенева, у которого в целом больше драматических и психологических нюансов. Создается впечатление, что работая над своим текстом, он представлял сценическую интерпретацию трагедии и словно давал подсказки для интерпретации роли Маргариты. Еще один фрагмент передает прерывистую речь Гретхен, которая в полубезумии просит спасти погубленного ею ребенка:

М а р г а р и т а
Скорей, скорей
Спаси твое дитя.
Скорей ступай
Вверх по ручью,
Все по дорожке
И прямо в лес...
Налево, где доска лежит, —
В пруду...
Хватай его, хватай —
Оно подняться хочет...
Оно еще бьется —
Спаси, спаси! (ТУРГЕНЕВ 1978: 27).

M a r g a r e t e :
Geschwind! Geschwind!
Rette dein armes Kind!
Fort! immer den Weg
Am Bach hinauf,
Über den Steg,
In den Wald hinein,
Links, wo die Planke steht,
Im Teich.
Faß es nur gleich!
Es will sich heben,
Es zappelt noch!
Rette! rette! (ГОЕТНЕ 1879: 189)

М а р г а р и т а
Скорей! Скорей!
К ребенку своему поспей!
Беги! по пути,
Где по кладкам ручей
Перейти,
Все дальше в лес,
Налево, где доска
В пруде.
Хватай в воде!
Подняться хочет
И бьется оно!
Спаси! Спаси!

Ф а у с т

Мгновенье одно!

Лишь шаг один — и будь свободной (ГЁТЕ 1899: 170; пер. А. Фета).

Тургенев точен в передаче ритмики и лексики; он сохраняет повторы, передает драматизм речи рыдающей Гретхен. Отдельные фрагменты близки к полубезумной речи Офелии. При сравнении с переводом А. Фета снова выясняется, что в лексико-стилистическом плане Тургенев-переводчик гораздо точнее. Например, «Спаси твое дитя» лучше воспроизводит немецкий текст «Rette dein armes Kind!», чем вариант Фета «К ребенку своему поспей!». То же самое можно сказать и о фразе «Налево, где доска лежит, — / В пруду...», которая точно соответствует немецкой: «Links, wo die Planke steht, / Im Teich», в то время как Фет несколько изменяет смысл: «Налево, где доска / В пруде». Тем не менее, Фет воспроизвел все восемь восклицательных знаков, употребленных Гёте. А этот знак препинания выполняет интонационно-экспрессивную функцию и ставится в конце предложения для выражения изумления, сильного чувства, волнения. Многообразие пунктуационных знаков у Тургенева (три тире, три знака многоточия и только один восклицательный знак) привносит разнообразные психологические нюансы в поведение Маргариты и тем самым отражает особенности восприятия этого образа переводчиком. Благодаря вновь добавленным нюансам Маргарита в переводе Тургенева не пребывает полностью в полубезумном состоянии, у нее есть явные моменты прозрения, во время которых она высказывает провидческие мысли.

Таким образом, вариант Тургенева не только гораздо более

эмоциональный, он превращает героиню в главный трагический образ произведения Гёте. В следующем примере формально более точен Фет, Тургенев даже увеличил количество строк до 10 (вместо 9). Вслед за Гёте он использует сложную рифмовку (смежную и перекрестную), однако Фет ради сохранения смежной рифмы в конце реплики грешит против норм русского языка: «...мы миловались / Блаженные дни миновались!» (в предыдущем случае у Фета тоже ошибка: «в пруде» вместо «в пруду»). В целом можно согласиться с В. М. Жирмунским, который, отмечая метрическую и музыкальную близость Фета к подлиннику, считал, что она сочетается у поэта с «невниманием к логическо-смысловой стороне стиха и слова» (ЖИРМУНСКИЙ 1981: 431):

М а р г а р и т а

Как мне б эту гору скорее пройти!..

Там мать на камне сидит одна —

Холодная дрожь по мне пробегает...

Там мать на камне сидит одна

И все головою кивает.

Кивает, качает — устала она...

Она так долго спала, спала;

Она пробудиться никак не могла...

Никто не мешал нам с тобой целоваться —

Такого блаженства теперь не дождаться! (ТУРГЕНЕВ 1978: 27-28)

М а р г а р е т е :

Wären wir nur den Berg vorbei!

Da sitzt meine Mutter auf einem Stein,

Es faßt mich kalt beim Schopfe!

Da sitzt meine Mutter auf einem Stein

Und wackelt mit dem Kopfe

Sie winkt nicht, sie nickt nicht, der Kopf ist ihr schwer,

Sie schlief so lange, sie wacht nicht mehr.

Sie schlief, damit wir uns freuten.

Es waren glückliche Zeiten! (ГОЕТНЕ 1879: 190)

М а р г а р и т а

Вон к той горе тропой обходной!

На камне мать сидит моя,

Меня в озноб кидает!

На камне мать сидит моя,

И головой качает.

И не кивнет, голова тяжела;

Никак не проснется, — так долго спала.

Спала, чтобы мы миловались.

Блаженные дни миновались! (ГЁТЕ 1899: 170; пер. А. Фета)

И, наконец, финал, точно переданный Тургеневым:

М а р г а р и т а

Отец, я твоя! Спаси меня!

Небесные силы, меня окружите!

Вы, ангелы! меня защитите!

Генрих, ты страшен мне.

М е ф и с т о ф е л ь

Она осуждена!

Г о л о с с в ы ш и н ы

Она спасена!

М е ф и с т о ф е л ь

Ко мне!

(Исчезает с Фаустом)

Г о л о с и з н у т р и (замирая)

Генрих... Генрих... (ТУРГЕНЕВ 1978: 29)

Мефистофелю не удалось завладеть душой раскаявшейся девушки, которая предпочла муками казни искупить преступление детоубийства. А последний ее крик, обращенный к Фаусту, потрясет героиню повести Тургенева, Ельцову, и побудит ее к раскаянию. Уже в этот период начало складываться убеждение Тургенева в нравственной внутренней цельности женщины, возвышающей ее над мужчиной.

Через 25 лет, в 1869 г. Тургенев перевел стихотворение *Vor Gericht* («Перед судом»), созданное Гёте в 1776-1777 гг., задолго до начала работы над первой частью *Фауста*. И хотя формально оно создавалось как самостоятельное произведение, по проблематике эта миниатюра близка к трагической ситуации Гретхен, хотя психологический портрет лирической героини, забеременевшей вне брака, иной: она значительно отличается от Гретхен смелостью и убежденностью в своем праве любить и иметь внебрачного ребенка. Баллада состоит из четырех строф по четыре строки в каждой. Первая и третья строки каждой строфы не имеют завершающей рифмы, а вторая и четвертая строки рифмуются на всем протяжении. Слоговое ударение чередуется между ямбическим (стихи 2, 3, 4, 6 и т. д.) и дактильным разме-

ром (стихи 1, 5, 9 и т. д.).

Это особый случай в переводческой деятельности Тургенева, поскольку он представляет собой не просто поэтический, но и вокальный перевод. Он был сделан специально для романса на музыку Полины Виардо в связи с ее концертной деятельностью. Перед переводчиком стояла непростая задача согласовать адекватный словесный текст с музыкой:

Vor Gericht

Von wem ich es habe, das sag' ich euch nicht,

Das Kind in meinem Leib.

Pfui! speit ihr aus: die Hure da!

Bin doch ein ehrlich Weib.

Mit wem ich mich traute, das sag' ich euch nicht.

Mein Schatz ist lieb und gut,

Trägt er eine goldene Kett' am Hals,

Trägt er einen strohernen Hut.

Soll Spott und Hohn getragen sein,

Träg' ich allein den Hohn.

Ich kenn' ihn wohl, er kennt mich wohl,

Und Gott weiß auch davon.

Herr Pfarrer und Herr Amtmann ihr,

Ich bitte, laßt mich in Ruh!

Es ist mein Kind, es bleibt mein Kind,

Ihr gebt mir ja nichts dazu (ГОЕТНЕ 1815: 189).

Перед судом

Под сердцем моим чье дитя я ношу,

Не знать тебе, судья!

Га! Ты кричишь: «Развратница!..»

Честная женщина я!

И с кем я спозналась, тебе не узнать!

Мой друг мне верен навек!

Ходит ли в шелке да в бархате он,

Бедный ли он человек!

Насмешки, стыд, позор людской —

Все я готова снести.

Меня не выдаст милый мой,

И бог на небе есть!

Вы, судьи, судьи вы мои,

Молю, оставьте нас!

Дитя — мое! и ничего

Не просим мы у вас (ТУРГЕНЕВ 1986: 300)

За исключением более грубого слова *die Hure* Тургенев замечательно передает текст Гёте, сохраняя размер и своеобразие рифмы, при этом несколько смягчая резкость лексического состава оригинального текста. Примерно в то же время (1861) это стихотворение было переведено крупным профессиональным переводчиком М. Михайловым.

Перед судом

От кого я беременна, вам не скажу:
То заветная тайна моя.
Потаскушкой меня называете вы?
Лжете — честная женщина я.
С кем слюбилась я, этого вам не узнать;
Он хорош и пригож, милый мой,
В чем бы он ни ходил, в золотой ли цепи
Иль в соломенной шляпе простой.
Если надо насмешки сносить и позор,
Их снесу я одна на плечах.
Знает милый меня, знаю милого я, —
И про все знает бог в небесах.
Перестаньте же, честные судьи мои,
Перестаньте меня вы томить!
Ведь дитя это было и будет моим,
И не вам его надо кормить (МИХАЙЛОВ 1968: 446)

Оба перевода — Тургенева и Михайлова — можно назвать равнозначными по своей художественности, не случайно они включены в антологию *Мастера русского стихотворного перевода*. Тургеневские переводы из *Фауста* и *Перед судом* выдвигают женщину на первый план, делая из нее своего рода нравственного судью несправедливого общества.

3.3. Является ли повесть Тургенева «Фауст» «Анти-Фаустом» Гёте?

Именно так, но без вопросительного знака, назвал свой доклад Конрад Фурман, доктор филологии (PhD), председатель Тургеневского Общества стран Бенилюкса, выступивший на Международной научной конференции «Тургеневские чтения — 2020» «К 200-летию А. А. Фета: Фауст в русской и мировой литературе» (Московская государственная Библиотека-читальня им. И. С. Тургенева, 2-3 ноября 2020 г.). Что имеет в виду специалист по русской литературе из Бельгии? Он справедливо считает, что

Тургенев вышел к созданию совсем иного сюжета, отталкивающегося от текста Гёте. Об этом писали многие исследователи, обращавшиеся к анализу повести Тургенева *Фауст* с разных позиций (СТЕФФЕНСЕН 1985; ПИЛЬД 1997; ГЕНЕРАЛОВА 1999 и др.). Однако одноименное название Тургенев дает своей повести не потому, что он отрицает творение Гёте, но потому, что чтение гениального произведения определяет развитие сюжета и поведение его главных героев. Пожалуй, нет никакого сходства между тургеневским героем и Фаустом. Очень отдаленная переключка наблюдается и между Маргаритой и Верой Николаевной, замужней женщиной и матерью троих детей; сходство заключается только в невинности помыслов и чистоте души. Центром психологического анализа и становится влияние на героиню чтения *Фауста*. Ее поражает изображенная любовная трагедия, под влиянием которой она просыпается от своего бесстрастия и пробуждается к любви. Однако сами мысли о возможной страсти, измене мужу потрясают все ее нравственное существо настолько, что она заболевает и умирает.

Рассказ Тургенева соотносится с его попыткой построения себя как «культурной личности» во второй половине 1850-х гг. В финале повести повествователь в философском смысле отчасти сливается с героем, потрясенным происшедшим и пересмотревшим юношеские незрелые представления о жизни и свободе. Он говорит о бесконечной сложности человеческого бытия. Тургенев как бы намеренно дистанцируется от концепции героя у Гёте, который благодаря магическим силам забывает трагедию Маргариты и возрождается к новой жизни. Об этом говорится в рецензии на перевод Вронченко:

«...в начале второй части трагедии Гёте мы видим Фауста, спокойно отдыхающего весной на траве, под пение сальфов, и вполне позабывшего все свое прошедшее. Ему теперь не до бедной и простой девушки вроде Гретхен... он мечтает о Елене...» (ТУРГЕНЕВ 1978: 215).

В отличие от Фауста, герой Тургенева Павел Александрович после гибели Веры не может успокоиться, страдает и винит себя в эгоизме. В изображении судьбы героев повести, их отношений выступает характерная для Тургенева тема трагизма любви, к осмыслению которой его подтолкнул Гёте. Рассматривая любовь как проявление одной из стихийных, бессознатель-

ных и равнодушных к человеку сил природы, Тургенев в своем *Фаусте* показывает беспомощность человека перед этой силой. Не могут уберечь от нее героиню повести ни целенаправленное воспитание, ни «благополучно» устроенная семейная жизнь. Тургенев закрепляет здесь то, что можно сформулировать как «комплекс Маргариты», то есть нравственную высоту женщины, оказавшейся в состоянии незащитности перед страстью, но берущей на себя всю ответственность за свою слабость. Г. А. Тиме рассматривала характерные взаимоотношения тургеневских мужчин и женщин как столкновение рефлексии и проявлений «природного начала» (ТИМЕ 1997: 47-51). Именно такой естественной нравственностью отличалась Вера:

«Проницательность мгновенная рядом с неопытностью ребенка, ясный, здравый смысл и врожденное чувство красоты, постоянное стремление к правде, к высокому, и понимание всего, даже порочного, даже смешного — и надо всем этим, как белые крылья ангела, тихая женская прелесть..» (ТУРГЕНЕВ 1980: 111).

4. Заключение

Исследование разных видов рецепции *Фауста* Гёте позволяет сделать вывод, что Тургенев интересовался не только сквозными философскими идеями трагедии Гёте, включающими фаустианское стремление к процессу познания, которое как нельзя лучше соответствует идее развития и самосовершенствования, свойственной пафосу классической русской литературы. Не менее важным для него стало и убеждение в нравственной миссии женщины, сформированное под влиянием образа Маргариты, который он сам несколько дополнил и углубил. Размышления над *Фаустом*, погружение в его проблематику способствовали переходу Тургенева от романтической созерцательности к зрелости, осознанию в себе самом конфликта между «спонтанной» и «культурной» личностью (Пильд 1995).

Именно в середине 1850-х гг. сформировалось его убеждение в нравственном превосходстве женщины, проходящее через все его творчество. Лучшие героини писателя (Наталья Ласунская, Елена Стахова, в особенности Лиза Калитина и др.) всегда пытаются противостоять рефлектирующему разложению души мужчины. По остроумному замечанию Р. Ю. Данилевского,

«в компанию Фаустов, Дон-Кихотов и Гамлетов женщина у Тургенева не входит»; его образы мужчин, как правило, «уступают

женщинам в своей внутренней цельности, ... они всегда беднее женщин в том, что касается чувств» (ДАНИЛЕВСКИЙ 2001: 21).

Таким образом, «комплекс Маргариты» стал нравственно-эстетическим кредо Тургенева, который он пронес через всю жизнь.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Беляева И. А. Творчество И. С. Тургенева. Фаустовские контексты. СПб.: Нестор-История, 2018. [Belyaeva, Irina A. (2018) *Tvorchestvo I. S. Turgeneva. Faustovskiye konteksty* (I. S. Turgenev. Faustian Contexts). Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018. (In Russian)].
- Волгина Н. С. Русская пунктуация: принципы и назначение. М.: Просвещение, 1979. [Volgina, Nataliya S. (1979) *Russkaya punktuatsiya: printsipy i naznachenije* (Russian Punctuation: Principles and Functions). Moscow: Prosveshcheniye, 1979. (In Russian)].
- Генералова Н. П. Оправдание человека: К трактовке финала «Фауста» Гёте (И. С. Тургенев и А. А. Фет) // Русская литература. 1999. № 3. С. 52—57 [Generalova, Nataliya P. (1999) *Opravdaniye cheloveka: K traktovke finala "Fausta" Gete* (I. S. Turgenev i A. A. Fet) (Justification of a Man: The Interpretation of the Finale of Goethe's "Faust" (I. S. Turgenev and A. A. Fet). *Russian Literature*, 3, 52—57. (In Russian)].
- Гёте И. В. Фауст, трагедия Гёте. Перевод А. Фета. Ч. 1. СПб.: А. Ф. Маркс, 1899. [Goethe, Johann W. (1899) *Faust, tragediya Gete*. Perevod A. Feta. Ch. I (Faust, Goethe's tragedy. Trans. by A. Fet. Part 1). Saint Petersburg: A. F. Marks. (In Russian)].
- Данилевский Р. Ю. И. С. Тургенев и Маргарита (о тургеневском переводе сцены из «Фауста» И. В. Гёте) // Спаский вестник. 2001. № 8. С. 18—27. [Danilevskiy, Rostislav Yu. (2001) *I. S. Turgenev i Margarita: o turgenevskom perevode sceny iz "Fausta" I. V. Gete* (I. S. Turgenev and Margarita: about Turgenev's Translation of a Scene from "Faust" by I. V. Goethe). *Spassky Bulletin*, 8, 18—27. (In Russian)].
- Жирмунский В. М. Гёте в русской литературе. Л.: Наука, 1981. [Zhir-munskiy, Viktor M. (1981) *Gete v russkoy literature* (Goethe in Russian Literature). Leningrad: Nauka.
- Кафанова О. Б. Творчество А. С. Пушкина в переводческом наследии И. С. Тургенева // Болдинские чтения. 2019. С. 192—203. [Kafanova, Olga B. (2019) *Tvorchestvo A. S. Pushkina v perevodcheskom nasledii I. S. Turgeneva* (A. S. Pushkin in the Translation Heritage of I. S. Turgenev). *Boldino Readings*, 192—203. (In Russian)].
- Левин Ю. Д. Восприятие творчества инациональных писателей // Историко-литературный процесс. Проблемы и методы изучения / ред. А. С. Бушмин. Л.: АН СССР (Пушкинский Дом), 1974. С. 237—273. [Levin, Yuriy D. (1974) *Vospriyatiye tvorchestva*

- inonatsional'nykh pisateley (Perception of Foreign Writers' Works). In Bushmin, Aleksey S. (ed.) *Istoriko-literaturnyy process. Problemy i metody izucheniya* (Historical and Literary Process. Problems and methods of study). Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1974, 237—273. (In Russian)].
- Михайлов М. А. Перед судом // Мастера русского стихотворного перевода. Библиотека поэта. Т. 1 / Вступ. ст., подг. текста и прим. Е. Г. Эткинда. Л.: Советский писатель, 1968. С. 446. [Mikhaylov, Mikhail. (1968) *Pered sudom* (Before the Court). In Etkind, Yefim G. (ed.) *Mastera russkogo stikhotvornogo perevoda. Biblioteka poeta*. (Masters of Russian Poetic Translation. Poet's Library). Vol. 1. Leningrad: Sovetskiy pisatel' (Soviet Writer), 446. (In Russian)].
- Пильд Л. Рассказ И. С. Тургенева «Фауст»: семантика эпитафия // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia IV: «Свое» и «чужое» в литературе и культуре*. Тарту, 1995. С. 165—178. [Pild, Lea. (1995) *Rasskaz I. S. Turgeneva "Faust": semantika epigrafa* (I. S. Turgenev's Story "Faust": the Semantics of the Epigraph). In Leybov, R. (ed.) *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia IV: "Svoyo" i "chuzhoye" v literature i kul'ture* (Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia IV: "Own" and "Alien" in Literature and Culture). Tartu: Tartu University, 165—178. (In Russian)].
- Соловьев С. М., свящ. Гёте и христианство // Богословский вестник. 1917. Т. 1. № 2/3. С. 238—266; № 4/5. С. 478—522. [Solov'ev, Sergiy M. (1917). *Gete i khristianstvo* (Goethe and Christianity). *Bogoslovskiy Vestnik* (Theological Bulletin), 1, 2/3, 238—266; 4/5, 478—522. (In Russian)].
- Стеффенсен Э. Гёте и Тургенев (Анализ рассказа Тургенева «Фауст») // Славянские культуры и мировой литературный процесс. Минск: Наука и техника, 1985. С. 226—229. [Steffensen, Eigil'. (1985) *Gete i Turgenev* (Analiz rasskaza Turgeneva "Faust"). (An Analysis of the Turgenev's story "Faust"). In Martselev, Sergey V. (ed.) *Slavyanskiye kul'tury i mirovoy literaturnyy protsess* (Slavic Cultures and the World Literary Process). Minsk: Nauka i tekhnika, 226—229. (In Russian)].
- Тиме Г. А. Немецкая литературно-философская мысль XVIII — XIX веков в контексте творчества И. С. Тургенева // *Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik*. Т. 31 / под ред. А. Донскова и др. München: Otto Sagner Verlag, 1997. С. 47—51. [Time, Galina A. (1997) *Nemetskaya literaturno-filosofskaya mysl' 18 — 19 vekov v kontekste tvorchestva I. S. Turgeneva* (German Literary and Philosophical Thought of the 18th — 19th Centuries in the Context of the I. S. Turgenev's Works). In Donskov, Andrew, & al. (eds) *Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik*. Bd. 31. München: Otto Sagner Verlag, 47—51.

- (In Russian)].
- Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. В 28 т. Письма: в 13 т. Т. 13. Кн. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1968. [Turgenev, Ivan S. (1968) *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem*. V 28 t. Pis'ma: v 13 t. T. 13. Kn. 1 (The Complete Works and Letters. In 28 vols. Letters in 13 vols. Vol. 13. Book 1). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences. (In Russian)].
- Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. Т. 1. М.; Л.: Наука, 1978. [Turgenev, Ivan S. (1978) *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem*. V 30 t. T. 1 (The Complete Works and Letters. In 30 vols. Vol. 1). Moscow; Leningrad: Nauka Publishers. (In Russian)].
- Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. Т. 5. М.; Л.: Наука, 1980. [Turgenev, Ivan S. (1980) *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem*. V 30 t. T. 5 (The Complete Works and Letters. In 30 vols. Vol. 5). Moscow; Leningrad: Nauka Publishers. (In Russian)].
- Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. Т. 12. М.; Л.: Наука, 1986. [Turgenev, Ivan S. (1986) *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem*. V 30 t. T. 12 (The Complete Works and Letters. In 30 vols. Vol. 12). Moscow; Leningrad: Nauka Publishers. (In Russian)].
- Шварцкопф Б. С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. [Shvartskopf, Boris S. (1988) *Sovremennaya russkaya punktuatsiya: sistema i yeyo funktsionirovaniye* (Modern Russian Punctuation: The System and its Functioning). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Goethe, Johann W. (1815) *Werke*. In 20 Bd. Bd.1. Lieder. Gesellige Lieder. Stuttgart: Cotta.
- Goethe, Johann W. (1879) *Goethes Werke*. Bd. 5 und 6. Berlin: G. Grottesche Verlagsbuchhandlung. (8., verb. Aufl.)
- Thiergen, Peter. (1983) *Faust-Rezeption in Rußland und in der Sowjetunion: Fünfzehn Aufsätze mit einer Einführung*. Knittlingen: Faust Museum.

Olga B. Kafanova
Sankt-Petersburger Institut der Business-Innovationen

Goethes *Faust* in der kulturellen Identität von I. S. Turgenev

Ziele und Aufgaben des Artikels sind mit einer umfassenden Untersuchung von Turgenevs Interesse an Goethes *Faust* verbunden, die mit seinem Versuch korreliert, eigene kulturelle Identität zu erlangen. Der Gegenstand der Analyse sind alle Arten Turgenevs Rezeption: die Besprechung der russischen *Faust*-Übersetzung von M. Wronchenko (1845), Turgenevs eigene Übersetzungen aus Goethes Werk (1844) und die gleichnamige Novelle (1856). Turgenev glaubte an die moralische Mission

der Frau, die er über den reflektierenden und zweifelnden Mann erhob. Diese Überzeugung, verkörpert in den Heldinnen, die er später schuf, entstand unter dem Einfluss des Bildes von Margarete, das er selbst ergänzte und vertiefte.

Schlüsselwörter: “Faust”; die Rezeption; kulturelle Identität; moralische Mission der Frau

Olga B. Kafanova

Saint Petersburg Institute of Business and Innovation

Goethe’s *Faust* in the Cultural Identity of I. S. Turgenev

The goals and objectives of the article are associated with a comprehensive study of Turgenev’s interest in Goethe’s *Faust*, which correlate with his attempt to acquire his cultural identity. The subject of analysis were all types of reception: Turgenev’s critical article about *Faust* translated by M. Vronchenko (1845), his own translations from *Faust* (1844) and his creative assimilation — the story of the same name (1856). Turgenev believed in the moral mission of a woman, having elevated her above the reflecting and doubting man. This conviction, embodied in the female characters he later created, was formed under the influence of the image of Margarete, which he himself supplemented and deepened.

Keywords: “Faust”; reception; cultural identity; moral mission of a woman

АВТОРСКОЕ «Я» В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Понятие «автор» является лингвистической универсалией, включающей многообразие видов, реализаций и категорий. Настоящая работа рассматривает проявления авторского «Я», начиная с произведений древневерхненемецкого периода и до Высокого средневековья, от «Песни о Хильдебранде» конца VIII в. и до рыцарских романов Конрада фон Вюрцбург второй половины XIII в. Под авторским «Я» обобщенно понимается не принадлежащее персонажам и не связанное с сюжетом авторское присутствие.

Ключевые слова: средневековая литература; Раннее Средневековье; Высокое Средневековье; авторское «Я»; рассказчик

1. Литература Средневековья. Общие замечания

Средневековье традиционно понимается как исторический период после крушения Римской империи и до начала Нового времени, охватывающий примерно 1000 лет, с 500 по 1500 г. За тысячелетие мир пережил множество политических, религиозных и социальных трансформаций, что не могло не проявиться в эволюции литературных тем, жанров и стилей. Принимая во внимание условность любой периодизации, Раннее, Высокое и Позднее Средневековье в отношении немецкой литературы хронологически удобно и логично соотносить с древневерхненемецким (750 — 1050), средневерхненемецким (1050 — 1350) и ранненововерхненемецким (1350 — 1650) периодами истории немецкого языка. Настоящая работа ограничивается рассмотрением Раннего и Высокого Средневековья.

Немецкая литература Раннего Средневековья известна в большей степени названиями произведений, а не именами авторов. Да и собственно знакомые всем названия зачастую появились гораздо позднее. Так, баварская поэма-эсхатология *Мустили* обязана своим заголовком первому издателю Иоганну Андреасу Шмеллеру, а древнейший памятник германского героического эпоса *Песнь о Хильдебранде* — Якобу Гримму. Так или иначе, основная часть наших знаний об авторах, датах, месте возникновения текстов этого периода основаны на различного рода предпо-

ложениях и допущениях. В предисловии к хрестоматии по немецкой средневековой литературе Ганс Юрген Кох замечает:

«<...> eine integrative fachübergreifende Literaturwissenschaft stößt bei der Herstellung von Zusammenhängen und Entwicklungen vor allem auf die Unsicherheiten über Datierungen, Zuordnungen, Namen und Begriffe. Die Zeugnisse der Literatur des Mittelalters und ihre Entstehungsgeschichte sind, so gesehen, geradezu ein “verzweifeltes Teil” für die Forscher, den die Mehrzahl der Lebens- und Werkdaten beruht bestenfalls auf begründbaren Annahmen, Rückschlüssen aus anderen Quellen und Theorien. <...> So wären im Grunde nicht nur viele Autorenbiographien dieser Zeit, sondern ganze Abschnitte der mittelalterlichen Literatur eher im Konjunktiv zu schreiben” (КОХ 2010: 8).

Настоящая работа мыслится как попытка обобщить наиболее типичные проявления авторского «Я» в произведениях средневековой литературы. Самым ранним из проанализированных текстов является *Песнь о Хильдебранде*, датируемая предположительно 770 / 790 гг., которая замыкает предлагаемую подборку произведения Конрада фон Вюрцбурга второй половины XIII в. Под авторским «Я» понимаются все авторские проявления, которые не связаны с сюжетом произведения и не принадлежат ни одному из действующих героев.

2. Автор-рассказчик

Литература во время правления Каролингов и до 911 г. имеет ярко выраженный просветительский характер, основная цель которой заключается в распространении христианского знания и веры, что находит свое непосредственное выражение и в позиции автора. Как правило, неизвестный автор, монах или священнослужитель, пересказывает некоторый материал. Его роль минимальна, он всего лишь посредник между этим знанием и адресатом, поэтому в переведенных, переписанных и также созданных впервые текстах того времени едва ли можно проследить индивидуальные особенности писца. Понятно, что при анализе языковой стороны текста, исследователи могут сделать определенные выводы о предположительном месте и времени его возникновения, но не более. Первым хронологически ранним авторским проявлением является введение рассказчика, который в преддверии основного сюжета сообщает, что последующее далее повествование, было им «услышано». При этом такое заявление

не является снятием с себя ответственности за его истинность, а как раз наоборот, ее подтверждением. Источник, от которого происходит «услышанное» достаточно условен, обычно это «люди», как, например, в *Вессобрунской молитве* (790 г.) или в *Песне о Хильдебранде* (770/780 гг.). В *Мустили* (870 г.) источник конкретизируется, рассказчик ссылается на «мудрецов мирового порядка»:

Вессобрунская молитва

двн. «Dat *gafregin* ich mit firahim firiuuizzo meista» (КОСН 2010: 49).

нвн. Das erfuhr ich unter den Menschen ein großes Wunder¹.

Песнь о Хильдебранде

двн. «*Ik gihorta* dat seggen / dat sih urhettun ænon muotin» (BRAUN 1994: 84).

нвн. Ich hörte, dass man sagt, dass sich Kämpfer einzeln treffen.

Мустили

двн. «*Daz hortih* rahhon dia uueroltrehtuuison daz sculi der antichristo mit Eliase pagan» (КОСН 2010: 58).

нвн. Das hörte ich, wie die Kundiger des Weltrechts erzählen, dass der Antichrist mit Elias kämpfen müsse.

В последнем примере внимания заслуживает также отсылка к анонимному авторитету во множественном числе. Этот полемический прием в картине мира Средневековья еще не получил статуса расплывчатого риторического шаблона, он скорее акцентирует истинность информации, а не уменьшает ее достоверность, вызывая у читателя-слушателя впечатление о правдивости сказанного.

В прологе к баварской средневековой исторической поэмехронике *Аннолид* (ок. 1080 г.), повествующей об истории Баварии, сотворении мира и о жизни Анно, святого епископа города Кельна, впервые изданной Мартином Опитцом, «я слышал» видоизменяется в «мы слышали». Повествование от первого лица множественного числа прослеживается на протяжении всего произведения. При изложении от «мы» фигура рассказчика практически лишена индивидуальности, на первый план выходит актуализация ситуации изложения. Рассказчик и слушатель предстают как единое целое, объединение происходит на основании нали-

¹ Перевод на нововерхненемецкий здесь и далее по тексту наш — Ю. Л. Исключение составляет отрывок из Отфрида *Cur scriptor hunc librum thetisce dictaverit*, предлагаемый в переводе Г. Ю. Коха.

чия общего исторического прошлого и настоящего, переплетаясь с аргументацией и извлечением морали, складывающейся под непосредственным влиянием католического мировоззрения.

двн. «*Uuir horten ie dike singen
von alten dingen:
wi snelle helide vuhten,
wi si veste burge brachen <...>
nu ist cit, daz wir dencken,
wi wir selve suolin enden*» (БОГУСЛАВСКАЯ 2006: 43).

нвн. Wir hörten sehr oft / von alten Dingen singen, / wie starke Hel-
den fochten, / wie sie feste Burgen brachen <...> / jetzt ist die
Zeit, zu denken, / wie wir selbst enden werden.

В героическом эпосе *Песнь о Нибелунгах*, датированном предположительно концом XII в., мотив пересказанной истории разворачивается в сторону адресата, включая непосредственное обращение к читателю-слушателю. С одной стороны, рассказчик снова предстает как надындивидуальное «мы», с другой, апеллирование к предполагаемой аудитории разграничивает перспективы говорящего и слушающего.

свн. «*Uns ist in alten mæren wonders vil geseit
von helden lobebæren von grozer arebeit,
von fröuden, hochgeziten, von weinen und von klagen,
von küener recken striten muget ir nu wunder hæren sagen*»
(БОГУСЛАВСКАЯ 2006: 128).

нвн. Uns ist vieles Wunderbares erzählt: / von lobenswerten Hel-
den, von großen Anstrengungen, / von Freude, Festen, von
Weinen und Klagen, / ihr könnt jetzt von kühnen Kämpfen
hören.

Нередко в эпических произведениях рассказчик представляется очевидцем разворачивающихся в тексте событий или указывает на личное знакомство с действующими лицами, как, например, в самом древнем историческом произведении на немецком языке *Песне о Людвиге* (881 — 882) неизвестного автора. Оригинальное название на латыни — *Rithmus teutonicus de piae memoriae Hluduico rege filio hluduici aequae regis*. В тексте воспевается победа короля франков Хлодвига III над норманнами в битве при Сакуне. В связи с тем, что произведение предположительно возникло в течении года после описываемых событий, осведомленность автора об исторических фактах, как и личное знаком-

ство с действующими лицами и даже с самим Людвигом, выглядит вполне логично. Фигуры автора и рассказчика, обрамляющего ситуацию рассказывания, воспринимаются в данном случае как единое целое.

двн. «*Einan kunning uueiz ih*
Heizsit her Hluduig
Ther gerno gode thionot:
Ih uueiz her imos lonot» (КОСН 2010: 99).

нвн. einen König kenne ich, / er heißt Ludwig, / der dient gern dem Gott, / ich weiß, es wird ihm lohnen.

В произведении Вернера Садовника *Крестьянин Гельмбрехт* («Wernher der Gartenære «Meier Helmbrecht», 1250 — 1280) автор также утверждает, что все описанное произошло с ним самим. О самом авторе неизвестно ничего, кроме того, что он называет себя садовником. Скучность этой информации не позволяет сделать однозначный вывод, идет ли речь о введенном персонаже-рассказчике или действительно все описываемые события произошли с самим автором.

свн. «*Einer seit waz er gesiht,*
der ander seit waz im geschiht,
der dritte von minne,
der vierde von gewinne,
der fünfte von grozem guote,
der sehste von hohem muote:
hie will ich sagen waz mir geschach,
daz ich mit minen ougen sach» (БОГУСЛАВСКАЯ 2006: 112).

нвн. Einer erzählt von dem, was er gesehen hat, / ein zweiter von dem, was ihm geschehen ist, / der dritte von Liebe, / der vierte von Gewinn, / der fünfte von Reichtum, / der sechste von hohen Idealen. / Hier will ich erzählen, was mir geschehen ist / und was ich mit eigenen Augen gesehen habe.

Иным образом представляется ситуация в литературных жанрах с вымышленным сюжетом, в частности, в произведении, принадлежащем уже Высокому Средневековью Конрада фон Вюрцбурга *Мира дар*² («Der werlt lon», 1260 г.). Главный действу-

² Перевод названия произведения на русский наш — Ю. А. В отечественной литературе в немногих существующих упоминаниях о фон Вюрцбурге название этого произведения не переводится.

ющий герой у Вюрцбурга носит имя реального человека, средневекового поэта тринадцатого века Вирнта фон Графенберга (Wirnt von Grafenberg). Несмотря на это сюжет более чем фантастичен. Он повествует о встрече рыцаря, стремящегося к славе и признанию, с самим «миром», явившемся ему в образе прекрасной женщины. «Госпожа мир» («frouwe Werlt») поражала на первый взгляд своей исключительной красотой, но, обернувшись, являла совершенно отвратительную картину. Ее спина была покрыта личинками, червями и змеями, которые до костей обглодали ее плоть, и источали непереносимый запах. В этой связи, заявление некоего «Я» о том, что он клянется, насколько «Госпожа мир» была красива, и что история абсолютно правдива, несомненно, принадлежит введенному персонажу-рассказчику.

свн. *«Ich spriche daz uf minen touf,
Daz si noch verre schoener was
Dan Venus oder Pallas
Und alle die gotinne»* (WÜRZBURG 2013: 54).

нвн. Ich schwöre auf meine Taufe, / dass sie noch viel schöner war / als Venus oder Pallas / und all die Göttinnen.

свн. *«<...> diz endehafte maere:
daz ist also gewaere
daz man ez gerne hoeren sol»* (Там же: 64).

нвн. *<...> diese wahrhaftige Geschichte, / die ist also wahr, / so dass man sie mit Freude hören sollte.*

Подобный рассказчик-очевидец также встречается и в неоконченном стихотворном романе Готфрида Страсбургского *Тристан и Изольда* (1210 г.), являющемся, как известно, не первым переложением рыцарского романа о любви Тристана и Изольды. За полвека до него эту историю любви уже рассказывали Томас Британский и Беруль.

свн. *«Diz weiz ich wol, wan ich was da»* (STRABBURG 1965: 98).

нвн. Dieses weiß ich wohl, weil ich da war.

3. Отфрид фон Вейсенбург и Ноткер Немецкий

Отфрида фон Вейсенбурга (Otfrid von Weissenburg), первого известного по имени немецкого автора, называют прародителем немецкой литературы. Одной из главных заслуг Отфрида является введение конечной рифмы вместо германского аллитерационного стиха. Немногие известные факты о его жизни взяты из его

собственных произведений. В предисловии к своему главному труду — евангельской гармонии *Liber Evangeliorum* наряду с несколькими адресованными посвящениями в начале текста, как-то: Королю Людовику Немецкому, епископу Майнца Лиутбергу, епископу Констанца Саломону, есть также обращение более общего характера: *Cur scriptor hunc librum thetisce dictaverit* («Почему автор написал эту книгу на народном языке»). В нем Отфрид не только представляет себя как автора, но и, обращаясь к некоему «ты», дает советы, как следует писать евангельские сочинения:

двн. «Ili du zi note, theiz scono thoh gilute.
 ioh gotes uuizod thanne tharana scono helle,
 Thaz tharana singe, iz scono man ginenne,
 in themo firstantnisse uuir gihaltan sin giuuisse!
 Thaz laz *thir* uuesen suazi: so mezent iz thie fuazi,
 zit ioh thiū regula, so ist gotes selbes brediga.
 Uuīl *thu* thes uula drahton, thu metar uuoles ahton,
 in thina zungun uuirken duam ioh sconu uers uuoles duan,
 il io gotes uuillen allo ziti irfullen;
 so scribent gotes thegana in frenkisgon thie regula:
 In gotes gibotes suazi laz gangan thine fuazi,
 ni laz thir zit thes ingan: theist scooni fers sar gidan.
 Dihto io thaz zi noti theso sehs ziti,
 thaz *thu thih* so girustes, in theru sibuntun girestes».

нвн. Bemühe dich nur, dass es dennoch schön erklinge / und Gottes Wort auf fränkisch herrlich erschalle, / daß man das, was man in dieser Sprache besungen wird, schön ausspricht (und daß) wir im Verständnis sicher bewahrt bleiben! / Dieses Verständnis sollst du dir schmecken lassen: so geben ihm Versfüße, / metrische Zeit und die Ordnung der Teile das Maß, so wird es zu Gottes eigener Predigt. / Willst du das Recht erwägen, auf das Maß achten, / in deiner Sprache Beachtliches leisten und schöne Verse schreiben, / dann bemühe dich, zu allen Zeiten Gottes Willen zu erfüllen; / so erfüllen die Diener Gottes auf fränkisch die Regel: / Laß deine Füße in der Heiligkeit von Gottes Gebot wandeln, / laß dir nie die Zeit dazu fehlen : das heißt es, sogleich schöne Verse gemacht. / Erfülle die sechs Zeitabschnitte mit solcher Dichtung» (Koch 2010: 66).

В многочисленных посвящениях Отфрид не скупится на хвалебные слова в адрес своих современников, прикрывая при этом свои амбиции нарочитой скромностью, так, например, в

посвящении епископу Саломону «Salomoni episcopo Otfridus» он заявляет:

двн. «Lekza in therera buachi iu sentu in Suabo richi
thaz ir irkiaset uber al,
oba siu fruma wesan scal
oba ir hiar findet iauuiht thes,
thaz wirdig ist des lesannes» (ERDMANN 1882: 22).

нвн. Leseprobe dieses Buches sende ich euch in Schwabenreich, /
damit ihr genau prüfen könnt, / ob sie von Nutzen sein wird,
/ ob ihr hier findet etwas, / was des Lesens würdig ist.

Само намерение Отфрида написать евангельскую гармонию на Франкском языке для простого народа выдает в нем достаточно самоуверенную личность, особенно для рассматриваемого периода. Кроме того, текст многократно прерывается авторскими эмоциональными комментариями: «*thaz ist uuar*», «*giuuisso*», «*thaz ni hilu ich thih*». Автор выступает в выражено доминантной роли, сохраняя свое присутствие на всем протяжении произведения:

двн. «Ther selbo liut, *thaz ist uuar*, breitta sina uuat thar» (Там же: 162).

нвн. Dieselbe Leute, das ist wahr, breiteten ihre Kleidung vor ihm.

двн. «Thie luad er tho thar ufan sih (*giuuisso*, *thaz ni hilu ich thih*)» (Там же: 201).

нвн. Sie lud er darauf zu sich (gewiss, das will ich dir nicht verhehlen).

Среди немногих поименно известных авторов Раннего Средневековья не меньшего внимания заслуживает Ноткер Немецкий (950 — 1022), имевший прозвище Ноткер Губастый (Notker Teutonicus, Notker Labeo), прославившийся в первую очередь своими переводами с греческого и латыни на алеманнский диалект. Вклад Ноткера в немецкий язык, который он внес своими переводами, был настолько существен, что повторить его смог, вероятно, только Мартин Лютер спустя еще половину тысячелетия. Переводы Ноткера традиционно называются «комментарирующими», поскольку переводчик не столько переводит, сколько трактует и объясняет текст, снабжая его вводными фразами и ремарками от первого лица. Здесь сложно говорить о лишенной индивидуальности позиции автора. Авторское присутствие проходит через весь текст, Ноткер не столько перево-

дит, сколько эксплицирует содержание оригинала. Далее приведены примеры из перевода Боэция *Утешение философией* («Boethii Consolatio philosophiae»):

- лат. Et laxa cutis, tremit effete corpore
 двн. Unde slachiu hut ridot an chraftlosemo lichomen.
Thaz chit, mine lide ridont under slachero hiute (НАТТЕМЕР 1849: 20).
- нвн. Und eine schlaffe Haut zittert an einem kraftlosen Körper.
 Das heißt, meine Glieder zittern unter einer schlafen Haut.
- лат. Pene merserat tristis hora caput meum.
 двн. Tohabeta mih tiu leida stunda nah kenomen, *ih meino* diu iungesta (Там же).
- нвн. Da hatte mich die leidvolle Stunde beinahe hinweggerafft, ich meine die letzte.
- лат. Narum in extreme margine... legebatur intextvm n grecum.
 двн. Zeniderost an dero uuate... stuont kescriben thaz chriecheska *p*.
Taz pezeichnet practicam uitam... *taz chit actiuam* (Там же: 21).
- нвн. Ganz unten am Kleid... stand der griechische Buchstabe *p*.
 Das bezeichnet practicam vitam... das heißt actiuam.

Отфрид и Ноткер, несомненно, стоят особняком в ряду произведений Раннего Средневековья. Как и многие другие, они, строго говоря, занимались не созданием нового содержания, а преобразованием старого. В общем и целом, и тот, и другой работали с латинским оригиналом, занимались переложением материала на немецкий только с разной степенью вольности применительно к первоисточнику. Так или иначе, перевод у Ноткера или переложение у Отфрида авторизированы, авторское «Я» в виде многочисленных отступлений, вкраплений и комментариев отчетливо ощутимо, субъективное переплетается с объективным, производя эффект неумолкающего диалога с читателем.

4. Идентификация авторства

В период Высокого средневековья происходит возрастание личностного начала автора, писатели и поэты все чаще указывают свои имена в произведениях. Наши знания об авторах Средневековья все еще фрагментарны, биографические описания основываются на предположениях, большая часть информации о писателях того времени обязана тому факту, что автор включает себя в текст повествования.

Так, Фрау Ава, первая известная по имени поэтесса, писавшая на немецком языке, в стихотворении *Страшный суд* («Das Jüngste Gericht»; название предположительно дано одним из первых издателей) начала XII в. не только называет свое имя в конце текста, но и сообщает, что является матерью двоих детей, которые помогли ей создавать это произведение. Для текстов религиозной литературы указание своего авторства было, как правило, не характерно, анонимность подчеркивала уважение к религиозному содержанию. Ава, несомненно, представляет собой уникальное явление в литературе того времени по многим причинам. Цикл из 5 стихотворений *Johannes, Das Leben Jesu, Die sieben Gaben des Heiligen Geistes, Der Antichrist, Das Jüngste Gericht* общим объемом более 3000 строф повествует о событиях Нового Завета от лица женщины, являясь самым крупным новозаветным произведением того времени.

свн. Dizze buoch dihtote zweier chinde muoter.
Diu sageten ir disen sin. <...>
daz ist AVA (DIEMER 1849: 292).

нвн. Dieses Buch dichtete die Mutter von zwei Kindern. /
Sie haben ihr diesen Sinn erklärt. / Das ist AVA.

В средние века сочинительство становится профессией, странствующие и придворные поэты, менестрели, миннезингеры писали произведения по заказу; таким образом, указание на авторство в произведении имеет кроме прочего и абсолютно прагматическое объяснение. Созданный в идеологии произведений о крестовых походах немецкий вариант *Песни о Роланде* («Ruolantes liet») 1170 г. был предположительно написан по заказу Генриха Льва и является поэтическим переложением французских песен («Chanson de Roland») о битвах Карла Великого в Испании. Вся дошедшая до нас информация об авторе взята из эпилога к произведению, в котором он называет себя «попом Конрадом»:

свн. «Ob iu daz liet geualle,
so gedencket ir min alle:
ich haize der phaffe Chunrat» (КОСН 2010: 118).

нвн. Wenn das Lied euch gefallen würde, / so gedenkt ihr alle
meiner: / ich heiße der Pfaffe Conrad.

Конрад фон Вюрцбург (1230 — 1287) является одним из самых разносторонних и искусных поэтов Высокого средневеко-

вья, одним из «12 старых мастеров» наряду с Вальтером фон Фогельвейде, Вольфрамом фон Эшенбахом, Нейдхартом и др. Вюрцбург был профессиональным поэтом, создавшим свои произведения на заказ, указывая одновременно и свое имя, и имя заказчика. Так, например, роман *Троянская война* он написал для певца Дитриха Базельского (см. в [KELLER 1858: 8]), героический эпос *Генрих фон Кемптен* — по заказу страсбургского пробста Бертольда фон Тирсберга (см. в [WÜRZBURG 2013: 48]), а легенду *Сильвестер* — для господина Лиутольта фон Ретенлейна:

свн. «von Roetenlein her LIUTOLT
der hat mit sinen gnaden
mich tumben CUONRADEN
von Wirzeburg dar auf gewent
daz sich dar nach min herze sent
daz ich diz verrihte
unde ez in tiusch getichte» (GRIMM 1841: 4).

нвн. Herr Liutolt von Roetenlein / der hat gnädig / mich, den
Jungen Konrad / von Würzburg, damit vertraut gemacht, /
wonach mein Herz sehnt / so dass ich das Werk herstelle / und
es in der deutschen Sprache dichte.

5. Poeta doctus

Итак, прошло время, когда автор скрывался за фигурой безликого рассказчика, роль которого заключалась только в способности сообщить определенное содержание. Писатели уже не стесняются называть себя создателями художественных произведений. Кроме этого они зачастую достаточно доминантно выражают свое «я», прерывая повествования, вклиниваясь в него с различного рода экскурсами, рассказами о себе, восхваляя или критикуя других поэтов, размышляя об искусстве поэзии и жизненных ценностях. В литературоведении писателей, сознательно включающих в свои произведения отсылки к творчеству других авторов, обозначают термином *poeta doctus*, в переводе с латинского «ученый поэт». В принципе, *poeta doctus* — это своего рода поэт для поэтов. Тот, кто не только сделал сочинительство своей профессией, но и тот, кто является носителем определенной писательской идеологии в самом широком ее понимании — от формы до содержания.

Одним из хрестоматийных примеров подобного авторского проявления в немецкой средневековой литературе является лите-

ратурный экскурс в *Тристане* Готфрида Страсбургского. Неожиданно прерывая главу о посвящении Тристана в рыцари («swertleite»), Готфрид на протяжении четырех сотен строф (4555-4974) воспекает таланты своих современников: Реймара фон Хагенау, Вальтера фон Фогельвейде, Генриха фон Штайнаха, Хартмана фон Ауэ (отрывок 1) и Генриха фон Вельдеке (отрывок 2):

(1)

свн. «*Hartman der Ouwaere*
 ahi, wie der die mære
 beid uzen unde innen
 mit worten und mit sinnen
 durchverwet und durchzieret!
 wie er mit rede figieret
 der aventiure meine!
 wie luter und wie reine
 siniu cristallinen wortelin
 beidiu sint und iemer müezen sin!» (STRABBURG 1965: 41).

нвн. Hartmann von Aue / ja, wie der seine Geschichte / formal
 und inhaltlich / mit Worten und mit Sinnen / ausschmückt und
 verziert! / Wie er mit Rede spielt, den Sinn der “aventüre” ge-
 staltet! / Wie lauter und wie rein / seine kristallklaren Worte, sie
 sind so und müssen immer so sein!

(2)

свн. «Wen mag ich nu mer uz gelesen?
 ir ist und ist genuoc gewesen
 vil sinnic und vil rederich:
 von *Veldeken Heinrich*
 der sprach uz vollen sinnen;
 wie wol sanger von minnen!
 Wie schone er sinen sin besneit!» (Там же: 44).

нвн. Wen könnte ich noch mehr erwähnen? / ihrer gibt es und gab
 genug, / sinnig und sprachgewandt: / von Veldeke Heinrich /
 der sprach aus vollem Verständnis; / wie wohl sang er von
 Minne! / Wie schön er seine Aussage ausformt!

Самого Готфрида Страсбургского упоминает в свою очередь Конрад фон Вюрцбург в рыцарском романе *История о сердце* («*Herzmaere*»), написанным во второй половине XIII в., то есть уже после смерти Готфрида. Как и в *Тристане*, настоящая любовь в *Истории о сердце* не подвластна страданиям, разлуке и смерти:

- свн. «dar umb so sullen bilde
ritter unde frouwen
an disem maere schouwen,
wand ez von ganzer liebe seit.
des bringet uns
von *Strazburc meister Gotfrit*» (WÜRZBURG 2013: 66).
- нвн. Darum sollen ein Vorbild / Ritter und Damen / an dieser Geschichte sehen / weil sie von absoluter Liebe erzählt. / Des lehrt uns Meister Gottfried von Straßburg.

Наверное, сложно представить более известного поэта Средневековья, чем Вальтер фон Фогельвейде, едва ли найдется учебник или хрестоматия по истории немецкого языка, не содержащие изображение поэта или не поместившие его на обложку, поэтому и настоящее исследование не могло бы мыслиться законченным без упоминания этого выдающегося лирика. Вальтер фон Фогельвейде (1170 — 1203) известен также как основной критик Реймара фон Хагенау (? — 1210). Доподлинно не установлено, были ли поэты знакомы лично, но творчество друг друга им несомненно было известно. Винфрид Кригледер описывает взаимоотношения поэтов как «eine von Respekt und Abneigung gleichermaßen geprägte Verbindung» (KRIEGSLEDER 2011: 25). Показательно в связи с этим стихотворение-некролог Фогельвейде, в котором он не только чествует Реймара, хотя и в довольно ироничной манере, но и цитирует строку из его произведения «*so wol dir wib wie reine din nam*» («Wohl dir, Frau, wie rein ist ein Name!»)

- свн. «Owe daz wisheit unde jugent
des mannes schoene noch sin tugent
niht erben sol so ie der lip erstirbet
daz mac wol clagen ein wiser man
der sich des schaden versinnen kan
reimar waz guoter kunst an dir verdirbet
du solt von schulden iemer des geniezen
daz dich des tages nie wolte verdriezen
dun spreches ie den vrouwen wole...
des sün si iemer danken diner zungen
und hetest anders niht wan eine rede gesungen
so wol dir wib wie reine din nam du hetest also gestriten
an ir lob daz elliu wib dir iemer genaden solten biten» (VOGELWEIDE 1988: 228).

нвн. О weh, dass Weisheit und Jugend / Schönheit des Mannes und seine Tugend / erbt der leib nicht, als er stirbt / das kann ein weiser Mann beklagen / der sich des Schadens besinnt / Reinmar, was an der guten Kunst mit dir untergeht / du sollst von Schulden immer das genießen / das wird dich nie mehr verdrießen du sprichst den Frauen immer gut ../ dafür sollten sie immer deiner Zunge danken / auch wenn du nur eine Zeile gesungen hättest / *so wol dir wib wie reine din nam* du hast so gut gestritten / dass alle Frauen immer für ihr Loben für dich um Gnade bitten.

6. Выводы

Предложенный экскурс в историю немецкой средневековой литературы не может мыслиться как полный, как нельзя раскрыть пятисотлетнюю эпоху на нескольких страницах. Настоящее исследование предлагается рассматривать как попытку обобщить основные тенденции авторских проявлений от анонимного рассказчика до поэта-мастера.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Богуславская И. В. История немецкого языка. Хрестоматия. СПб.: КАРО, 2006. Boguslavskaya, Irina V. (2006) *Istoriya nemetskogo yazyka. Khrestomatiya* (The History of German. Reading book). Saint Petersburg: KARO. (In Russian and German)].
- Braune, Wilhelm. (1994) *Althochdeutsches Lesebuch*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag. (17. Aufl.)
- Diemer, Joseph. (1849) (ed.) *Deutsche Gedichte des XI. und XII. Jahrhunderts*. Wien: Wilhelm Braumüller; K.K. Hofbruchhaendler.
- Erdmann, Oskar Hermann Theodor. (1882) (ed.) *Otfrids Evangelienbuch*. Halle a. S.: Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses.
- Grimm, Wilhelm. (1841) (ed.) *Konrads von Würzburg Silvester*. Göttingen: Dieterische Buchhandlung.
- Hattemer, Heinrich. (1849) *Denkmale des Mittelalters. St. Gallen's altteutsche Sprachschaezle: Notker's des Teutschen Werke*. Bd.2. St. Gallen: Scheitlin und Zollikofer.
- Keller, Adelbert. (1858) *Der trojanische Krieg von K. von Würzburg*. Tübingen: H. Lauff.
- Koch, Hans Jürgen. (2010) (ed.) *Die deutsche Literatur in Text und Darstellung: Mittelalter I*. Bd.1. Stuttgart: Philipp Reclam jun.
- Kriegsleder, Wynfried. (2011) *Eine kurze Geschichte der Literatur in Österreich*. Wien: Praesens Verlag.
- Straßburg, Gottfried. (1965) *Tristan und Isolde*. Berlin: Walter de Gruyter.

Vogelweide, Walter von der. (1988) *Frau Welt, ich hab von dir getrunken*. Berlin: Rütten & Loening. (4. Aufl.).

Würzburg, Konrad. (2013) *Heinrich von Kempten. Der Welt Lohn. Das Herzmaere*. (Mittelhochdeutsch, Neuhochdeutsch). Stuttgart: Philipp Reclam jun.

Julija W. Lanskih
Staatliche Universität Twer

Das Autoren-Ich in der mittelalterlichen Literatur

Der Terminus «Autor» ist ein sprachwissenschaftlicher Allgemeinbegriff, der eine Vielfalt von Typen, Repräsentationen und Kategorien impliziert. Der vorliegende Beitrag untersucht verschiedene Ausprägungen des Autoren-Ich von der althochdeutschen Periode bis zum Hohen Mittelalter, vom *Hildebrandslied* aus dem Ende des 8. Jahrhunderts bis zu den Ritternovellen von Konrad von Würzburg aus der zweiten Hälfte des 13. Jahrhunderts. Das Autoren-Ich versteht sich hier verallgemeinert als Autorenpräsenz, die weder einem der Haupthelden gehört noch mit der Handlung verbunden ist.

Schlüsselwörter: Mittelalterliche Literatur; Frühmittelalter; Hochmittelalter; das Autoren-Ich; Erzähler

Yuliya V. Lanskih
Tver State University

The Author's self in the Medieval Literature

The concept “author” is a linguistic universal which includes a variety of types, realizations and categories. This paper examines the manifestations of the author's self, from the Old High German period up to the High Middle Ages, from the *Song of Hildebrand* in the late 8th century up to the romances by Konrad von Würzburg in the second half of the 13th century. The author's self is understood here as the author's presence in the text, which pertains neither to the characters nor to the plot.

Keywords: medieval literature; Early Middle Ages; High Middle Ages; the authors self; narrator

Е. В. Москвина

Всероссийский государственный институт кинематографии
им. С. А. Герасимова

**СТРУКТУРА МИФА О МИНОТАВРЕ
КАК ФОРМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КРИЗИСА
ИДЕНТИЧНОСТИ В РОМАНЕ *ВЕРДИ* ФРАНЦА ВЕРФЕЛЯ**

Кризис идентичности автора и шире — мироощущения человека рубежа веков в Австрии — проецируются в романе на конкретную историко-культурную личность Верди. Во-первых, это проявляется в выборе времени действия романа — период творческого кризиса композитора, который отождествлен с потерей им не только личной идентичности, когда он ощущает себя крестьянином, а не музыкантом, но и творческой идентичности, связанной с поиском музыкального языка. Во-вторых, данная проблематика реализуется Верфелем через структуру мифа о Минотавре, где лабиринт Венеции одновременно выполняет роль как реального места действия, так и ментального пространства героя. Такой же двойственностью наделена и фигура Вагнера-Минотавра, антагониста Верди-Тезея, являющегося в романе одновременно и реальной исторической фигурой, и психической проекцией *Я* героя, воплощающей страхи, фобии, вытеснения и связанной с кризисом мужской идентичности. Победа над страхами и фобиями означает завершение процесса инициации и в контексте смысловой структуры романа — процесса реконструкции утерянной идентичности романного Верди.

Ключевые слова: миф о Минотавре; инициация; кризис идентичности; кризис мужской идентичности; Верди; Вагнер

1. Введение

В отечественном и западном литературоведении роману Верфеля *Верди* («Verdi: Roman der Oper», 1924) уделяется значительно меньше внимания, чем другим произведениям писателя, хотя это произведение интересно не только своей переходностью, отражающей смену художественных ориентиров Верфеля в первой половине 1920-х гг., но и скрытыми в нем концептами, характерными для литературы рубежа веков, которые в пору литературного ученичества воспринял автор. Речь идет о кризисе идентичности в его творческом, гендерном и национальном аспекте. Появление в романе данного комплекса идей свидетель-

ствует о том, что социокультурные и политические проблемы, спровоцировавшие кризис идентичности в предшествующую историческую эпоху, не были решены австрийским государством, и что в творчестве Верфеля его появление — не только литературная преемственность, но и выражение мироощущения автора.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом исследования служит роман *Верди*, написанный в переломный период творчества Верфеля, когда в начале 1920-х гг. автор искал новый художественный язык, отказавшись от ранее характерной для него экспрессионистской поэтики. С помощью структуралистского метода анализируется, как миф о Минотавре реализуется на разных уровнях текста, а историко-культурный метод помогает выявить параллели с предшествующей традицией — литературным процессом рубежа XIX–XX вв. — в целях прояснения скрытых смыслов, отражающих национальную специфику произведения.

3. Результаты исследования

В основу сюжета, как известно, положено вымышленное пребывание итальянского композитора Джузеппе Верди в Венеции в январе-феврале 1883 г., где в тот момент находился Рихард Вагнер. Верфель с самого начала, предлагая такое допущение, акцентирует внимание на художественной условности текста и заявляет об «альтернативности» этого эпизода в жизни композитора¹. Тем самым автор ставит читателя в ситуацию выбора между документальной и художественной интерпретацией текста, между правдой отдельного факта и некоей скрытой сущностной правдой, представленной в романном образе, о чем Верфель и объявляет в предисловии. Таким образом, автор создает для читателя ситуацию неустойчивости, характерную как для австрийской культуры рубежа веков, так и для литературы 1920-х гг., реагирующей на общественно-политическую жизнь Европы после Первой мировой войны и процессы становления

---

¹ Стоит отметить, что Верфель, отозванный с фронта и приглашенный летом 1917 г. в Вену в Штаб военной прессы, знакомится там с Лео Перуцем, в произведениях которого в 1920-е гг. уже намечаются черты будущего жанра «альтернативной истории». Вряд ли речь идет о прямом влиянии, но можно говорить о тенденции, которая формируется в данный историко-культурный период.

новых государств.

Из богатой биографии композитора, участника ярких политических событий в Италии, борца за освобождение и т. д., Верфель выбирает период длительного творческого бесплодия (1874 — 1887), который, однако, завершится появлением поздних шедевров *Отелло* и *Фальстаф*, открывших публике совсем нового Верди. Верфеля прежде всего интересует личность художника в момент кризиса, осмысленного в ключевых категориях эпохи венского и пражского модерна, в духе которых был воспитан автор.

В начале остановимся на семантических смыслах места действия романа, сюжет которого разворачивается в Венеции. С одной стороны, при размышлениях о музыкальной паре *Верди* — *Вагнер* выбор данного топоса мог быть определен простым историческим фактом — обстоятельствами смерти немецкого композитора 13 февраля 1883 г. Но с другой, к 1920-м гг. в западноевропейской, в том числе и в немецкой литературе, уже сформировался миф о «зловещей» Венеции как городе красоты и смерти; назовем роман В. Гейнзе *Ардингелло и блаженные острова* (1787), новеллу Э. Т. А. Гофмана *Дож и догаресса* (1817) из сборника *Серапионовы братья* и, конечно, *Смерть в Венеции* Т. Манна (1912). Тем самым, выбрав данный город местом действия романа, Верфель сознательно апеллирует к указанной традиции и, в частности к новелле Манна, вышедшей очередным тиражом в Берлине в 1922 г. П. Ш. Юнг прямо указывает на то, что Верфель, работая над романом, читал данную новеллу (JUNGK 1987: 147). Сходство можно увидеть в нескольких мотивах: Верди приезжает в Венецию на один день навестить умирающего друга, хотя главной побудительной силой, как откроется позже, для него была возможность встретить Вагнера. Однако герой бежит из города, как в новелле Манна из Венеции бежит Ашенбах, испугавшись зародившегося незнакомого чувства. Но разум и воля обоих героев слабее искушения вернуться обратно, чтобы встретиться с «предметом своей страсти», называя свой поступок безумием (*Wahnsinn* — Ашенбах) и бессмыслицей (*Unsinn* — Верди), герои отдаются на произвол порыва, некоего томления (*Sehnsucht*), в традиции романтизма одновременно связанного с процессом творчества и проникновением в трансцендентное. Верфель с первых страниц романа настойчиво вводит тему смерти и намерено формирует ожидание «смерти в Венеции», она и случится в финале к

удовольствию читателя. Кроме того, данная тема — одна из частотных в австрийской литературе *fin de siècle*, герой которой, столкнувшись с уходом знакомого и/или близкого человека, переживает экзистенциальный переворот — таковы персонажи ранней новеллистики А. Шницлера, произведений Г. фон Гофманстала, герой романа Р. Беер-Хофмана «Смерть Георга» (1900) и др. Соединившись и трансформировавшись в романе Верфеля, обе традиции образуют причудливый сплав.

Буквально с первого предложения Верфель актуализирует принципиальную для поэтики его произведения особенность Венеции как топоса, представляющего собой двойной лабиринт — лабиринт улиц и лабиринт каналов одновременно. Автор вводит данный образ, когда читатель вместе с героем попадает в оперный театр через боковой вход, будто продолжающий течение канала (хода лабиринта): «Лунное таинственное марево волшебного теплого сочельника, стелясь по воде, проникало в портал театра Ла Фениче и озаряло мрачный вход в длинный коридор (Gang), который вел прямо к ярко освещенному фойе» (ВЕРФЕЛЬ 1962: 21). Слово «*der Gang*» многозначно и используется в том числе при описании лабиринта как системы ходов. В рассказе *Нора* (1923 — 1924) Ф. Кафки в этом значении использована та же лексема. Верфель с самого начала моделирует устойчивый мифологический сюжет прохождения лабиринта как обряда инициации, ключевым элементом которого является схватка с Минотавром, каким бы семантическим значением ни обладал этот инвариантный элемент в своих вариантах. В романе у этой модели есть два уровня: один можно обозначить как буквальный, привязанный к конкретике сюжета и географических реалий: Верди, оказавшись в Венеции, несколько раз сталкивается с живущим там Вагнером. Другой — ментальный, позволяющий осмыслить и лабиринт, и героев мифа как психические проекции главного героя, находящегося в поиске идентичности: Тезей-Верди в лабиринте венецианских улиц ищет Минотавра-Вагнера, чтобы сразиться с ним за музыкальное первенство. Разумеется, эти уровни органично переплетаются в тексте, но интерес для нас представляет именно последний.

Сначала остановимся на образе Вагнера, в романе также двойственном: с одной стороны, он реальный герой и в этом «объективном» существовании представлен в нескольких эпизодах

произведения, рассказывающих об Итало (в них Верфель использует аукториальный нарратив), с другой, — читатель чаще всего видит его глазами Верди. Верфель добивается такого эффекта, используя несобственно-прямую речь, так как ему важно представить не Вагнера, а его проекцию в сознании главного героя. Тем самым речь идет не столько о реальном историческом противостоянии композиторов, сколько о метафоре внутренней борьбы в процессе самосовершенствования. Минотавр, таким образом, — олицетворение пределов самой личности, оказавшейся в лабиринте ее страхов и комплексов, поэтому встреча с чудовищем осмысливается как встреча с самим собой. Сравним две мысли героя:

«Не ради Виньи, не ради умирающего друга приехал я в Венецию — нет! Я приехал сюда, чтобы видеть Вагнера, чтобы встретиться с ним. Бог весть зачем!» и позднее: «...бежал сюда, в этот бесконечно чуждый город, чтобы совершить невозможное; <...> чтобы побыть одному, совсем одному, в очной ставке с самим собой» (Там же: 35, 231).

На первый взгляд Верди мыслит противоречиво, но тождественность реплик заставляет применить математическое правило о равенстве правых частей при равенстве левых частей уравнения, и на этом уровне текста отождествить Верди и Вагнера, кстати, родившихся в один год, что подчеркивает эту идею. Таким образом, Вагнер в романе — лишь одна из проекций *Я* при распаде личности Верди.

Двойственность как столкновение сознательного и бессознательного, характеризующая не только структуру личности, описанную Фрейдом, но и структуру личности верфельевского Верди, можно увидеть в противоречивых тенденциях в действиях главного героя. Так, в эпизоде прогулки по Венеции после сознательного возвращения в город (III, 2) Верди не просто приходит к дому Вагнера, а приходит самым коротким из всех возможных сухопутных путей: автор, прекрасно ориентировавшийся в Венеции (JUNGK 1987: 135-136), скрупулезно фиксирует узловые точки передвижения героя от Палаццо Дандоло, где остановился Верди, в обход Пьяцца к Мерчерии, до площади Капмо Сан-Бартоломео, далее по Корсо Витторио Эммануэле и, наконец, Калле Ларга Вендрамин. Когда герой оказывается возле Палатцо Вендрамин, где жил Вагнер-Минотавр, автор комментирует, что Верди пошел обратно, «будто досадуя, что забрел в тупик»

(ВЕРФЕЛЬ 1962: 118). Таким образом, реальная география Венеции, скорее, соотносимая с ризомообразным типом лабиринта, превращается в кносский — центричный лабиринт с одним входом, устремленным к точке встречи героя с антагонистом. Создается впечатление, что центр венецианского лабиринта найден — Палаццо Вендрамин. Однако другие эпизоды романа указывают на то, что он подвижен и связан не с конкретным местом, но с конкретной фигурой: для протагониста центром оказывается любое пространство, где присутствует Вагнер: Пьяцца, театр «Ла Фениче» и т. д., и именно туда ведет его подсознание в необходимости решения проблемы идентичности. Кроме того, хочется отметить и такую подробность: Верди блуждает по городу без всякой цели, отдавшись потоку мыслей, «не зная точно, где находится» (Там же: 115), т. е. автор подчеркивает реализацию неосознанного желания героя.

Важен еще один уровень прочтения указанного эпизода прогулки, так как его Верфель выстраивает не только как внешнее перемещение героя в лабиринте венецианских улиц, но и как блуждание по лабиринтам сознания, которое утратило опору в целостном Я. Верфель в этом эпизоде прибегает, во-первых, к фокализации, во-вторых, к монтажу: описания внешнего мира, дискретность которых определяется дискретностью внимания героя, сочетаются с мыслями и воспоминаниями Верди, представленными не только посредством аукториального нарратива и внутреннего монолога, но и несобственно-прямой речи. Путь персонажа, как его представляет здесь Верфель, — это процесс поиска музыкального языка для оперы *Король Лир*, обретение его для Верди означает обретение идентичности, новое рождение в нем утерянной субличности композитора². И опять мы сталкиваемся с тем, что его ментальное путешествие к себе, встреча с собой и его физическое перемещение по городу, приведшее его к Вагнеру — проекции его Я, имеют одну и ту же цель: реконструкцию идентичности.

Выше мы сказали о двойственности поведения героя, кото-

---

² Термин «субличность» введен в психологию Роберто Ассаджиоли и означает динамическую подструктуру личности, обладающую относительно независимым существованием. Мы используем его в этом же значении (АССАДЖИОЛИ 2002: 98-105).

рый, с одной стороны, бессознательно стремится к встрече с антагонистом, но с другой, — и в этом заключается указанная двойственность, — бежит от нее, поэтому генеральную сюжетную линию романа можно определить как постоянную отсрочку битвы и отсрочку смерти одного из героев, физическую или метафизическую. Верфель отодвигает во времени встречу антагонистов по той причине, что идентичность героя не определена: его имя больше не отвечает образу *Я*, с которым оно было (!) связано. Верди, самобытный композитор, произведения которого составили целую эпоху в оперном искусстве, считает себя в творческом смысле мертвым, поэтому он не вправе назвать Вагнеру свое имя, что было бы равнозначно присвоению себе чужой сущности. «Слава столько дел? Их совершил другой, совсем другой, который за это почти ненавистен» (Там же: 87). Верди безоружен перед врагом, противником, так герой неоднократно называет Вагнера, впрочем, как и их встречу — битвой (Там же: 35, 89). Причем, Верфель подчеркивает пограничность, бессознательность образов в сознании героя:

«Маэстро, однако, не отдавал себе сколько-нибудь ясного отчета в значении слова “бороться”, к которому снова и снова возвращалась его мысль» (Там же: 116).

Страх Верди перед самим собой определен в следующем размышлении: «И потом: “Он увидит меня. Я стану для него тем, что я есть”». (Там же: 117). Герой боится момента окончательной потери идентичности, когда Верди-мертвец встретится с Вагнером, т. е. когда он встретится с самим собой: «Чего искать мне у этого человека? Ведь нечего? Нечего!» (Там же: 117). Исходя из этого, герой отступает, даже оказавшись с немецким композитором в одном пространстве лицом к лицу, как в театре «Ла Фениче» (I) или на Пьяцца во время карнавала (VIII).

Обратимся теперь к рассмотрению ключевого образа, с помощью которого Верфель выражает кризис своего героя, — это образ короля, являющийся образом-идентификатором целостного *Я* Верди. Он символизирует жизнь композитора во время расцвета творческой славы, когда его музыка отражала настроения нации в эпоху Рисорджименто. В первой же главе романа Дарио, узнав Верди в темном фойе театра, говорит: «Прибыл в гости король!» (Там же: 25), тем самым обозначая одну из ключевых для романа субличностей героя. Автор не только акцен-

тирует внимание на высокой оценке фигуры Верди среди почитателей его таланта, но через этот образ характеризует также личные качества композитора:

«Маэстро разговаривал с людьми не в пустой, бессодержательной манере, как говорят представители классов, разделенных пропастью. Кто посмотрел бы на него в таком общении, у того непременно явилась бы мысль: “Этот музыкант — король. Король — ибо он не подчинен никакому иному избранию, кроме как непостижимой силе, которая его так высоко вознесла”» (Там же: 123-124).

Здесь Верфель авторской волей собирает в единое целое распадающееся *Я* героя, не только наделяя его исключительными качествами, но сакрализуя их (вполне в духе романтизма), мифологизируя, воссоздавая связь короля с богом/богами и снова отсылая к параллели с Тезеем, царем и героем-полубогом в указанной архаической модели.

«Может быть, со временем, когда отомрут все лжеучения о нации, классе, государстве, народном хозяйстве, человечество созреет для единовластия не тех королей, что болтаются бездумно, как маятник, где-то наверху или, выбиваясь из подлесья, силятся подняться выше собственной головы, а тех, что остаются “снизу доверху” единым и цельным деревом» (Там же: 124).

Наиболее полно семантическое поле образа короля в романе представлено в эпизоде карнавала, на котором остановимся подробнее. Благодаря введенной очень объемной (единственной в своем роде в тексте) ретроспекции традиционный венецианский праздник, на котором присутствует Верди, приобретает в сознании читателя временную перспективу. Карнавальный вторник начинается утром 2 февраля 1643 г. и заканчивается того же числа 1883 г., будто охватив собой 240 лет развития оперного искусства от Монтеверди (в художественном тексте созвучие фамилий перестает быть случайным) к Верди и к Вагнеру. Так автор создает еще один аспект осмысления разбираемого образа как модели целостной идентичности, вписав его в музыкальную систему связей. Королевство, за которое борется Верди, — это опера:

«Вторично он шел ему навстречу. <...> Вторично, вросший в землю, как медная статуя, ждал Джузеппе Верди страшного противника, который так угнетал его гордость, что он должен был все — даже самого себя — мерить по нему. <...> Это было непе-

реносимо для его *королевского достоинства*. Для того он и прибыл в Венецию, чтоб выйти навстречу противнику, явиться к нему, говорить с ним, услышать, узнать, убедить!» (выделено мной. — Е.М.) (Там же: 273).

В приведенной цитате обозначено желание героя вернуть «узурпированную королевскую власть», но, разумеется, речь идет о творческом единоборстве и обретении Верди музыкального языка, который отражал бы потребности нового времени и который уже найден Вагнером. Верди понимает, что развенчание «короля оперы», которым он был, неизбежно, и для него дело не в тщеславии, а в утерянной идентичности. Тем более, что героем владеет «чувство, будто он незванный, непрошенный вторгся в чуждый и замкнутый круг» (Там же: 27), в музыкальный мир, не созданный для него, крестьянского сына. Страх перед неизбежностью падения сначала проявляется в образах сна, описанного в первой главе романа, а позже как будто воплощается в жизнь на площади карнавальным вечером. Приведем текстовые параллели.

Сон и реальность развиваются по одному и тому же сценарию: музыка Верди исполняется в присутствии Вагнера, который выступает в роли судьи, выносящего приговор о несостоятельности ее автора:

«Такие жиденькие кантилены я пишу одним росчерком пера <...> Стоп! Арестовать его!» (*сон*); «Но Вагнер — так почудилось взволнованному наблюдателю — скривил в досаде рот и с пренебрежением отмахнулся... Музыка играет обрядовый марш: шествие жрецов на суд» (*карнавал*) (Там же: 72, 275-276).

Важно, что сновидческое Я Верди облачено в театральный костюм короля: на нем «мишурная корона» и мантия из реквизита Ла Скала, «театральная мантия, которую уже надевали сотни актеров» (Там же: 71). Верфель подчеркивает игровой, не подлинный характер этой власти, намекая, что герой — «король на час». Отождествление Верди с данным образом уже предваряет реплику Вагнера об аресте и актуализирует мотив пленения, несвободы итальянского композитора:

«Постепенно и все четче уясняет он себе, что он сам поет, что он сам этот король, *пойманный* и *прикованный* к быстренькой минорной польке, и никак ему не освободиться от ее подлого обволакивающего такта» (выделено мной. — Е. М.) (Там же: 72).

Но если сон Верфель «озвучивает» фантасмагорической полькой, якобы созданной героем, то в «реальности» звучит знаменитый *Королевский марш* из *Аиды*, иронично преобразующий образы сна. Наконец, эмоции Верди в обоих «судных» эпизодах идентичны — страх, ужас, стыд.

За обоими эпизодами, придуманными автором, можно увидеть биографическую первооснову: провал оперы *Король на час* («Un giorno di regno» — букв. день царствования, в рабочей версии *Мнимый Станислав*), который оставил в душе композитора глубочайшую рану. В 1840-м г. Верди потерял жену и детей, но вынужден был закончить работу, о чем лишь намеком в другом месте романа вспоминает герой Верфеля (Там же: 113-114). Исторический Верди через 20 лет писал другу и издателю Тито Рикорди о проклятой премьере (от 4 февраля 1859 г.):

«Публика расправилась с оперой несчастного молодого человека, больного, взятого в тиски сроком договора, с сердцем, истерзанным ужаснейшим горем. Все это было известно публике, но никак не сдержало проявления ее грубости. <...> О, если бы тогда публика не аплодировала опере, а только стерпела бы ее в молчании, — у меня не было бы слов, чтобы достаточно выразить ей мою благодарность...» (СОЛОВЦЕВА 1981: 28-29).

Возвращаясь к эпизоду карнавала, нужно сказать еще об одном событии, являющемся, с одной стороны, частью историко-культурной традиции, о значении которой написано немало научных работ (БАХТИН 1990; РЕУТИН 1996; КОЛЯЗИН 2002), с другой, — элементом художественного целого, размыкающегося в рассматриваемый образный ряд романа, — это сожжение шутейного короля, знаменующего финал карнавала. Кукольный король и театральность действия рифмуются с образами сна, и подчеркивают временность, изменчивость, текучесть жизни, где нет ничего прочного, в том числе и идентичности. Но акцент здесь сделан на отношениях толпы и приговоренного к казни властителя. Верди снова и снова переживает давний провал своей комической оперы.

Наконец, последним элементом в широком смысловом поле образа является легендарный, не написанный Верди *Король Лир*, представленный в романе как знак творческого кризиса композитора в момент поиска им музыкального языка. Здесь Верфель соотносит Верди с шекспировским героем, оказавшимся в мире

перевернутых ценностей: как раз над сценой в бурю — кульминацией «падения» Лира в пьесе английского драматурга — герой работает в Венеции (ВЕРФЕЛЬ 1962: 96-98). Атмосфера этой сцены очевидно похожа на финал сна героя:

«Там многое произошло, пока не показался на той дороге король с неподдельными морщинами на лице и в мишурной короне. Скорбь короля была настоящая, и грозил он настоящему небу, по которому пронеслась кавалькада черных облаков. <...> Но чего здесь надо этой своре ряженных шутов на заднем плане, зачем они вертятся под глупо-симметричный ритм, загибают руками, выходят вперед, отступают? Природа вокруг становится все мрачней и зловещей, горят среди полей города и села, медленно тянется дым...» (Там же: 71).

Наконец, сама партитура разделяет участь карнавального короля — вердиевский *Король Лир* тоже сгорел, став необходимой жертвой во имя новой жизни, с ним сгорела «королевская» идентичность, связывающая Верди с прошлым, мешающая завершению его инициации, произошло растождествление, если говорить языком психологии:

«Только под утро он освободился от невыносимого оцепенения. На него нашло спокойствие. Это спокойствие достигнутого самоотречения. Спокойствие сменилось затем усталым и непривычным весельем. Это веселье после свершившейся жертвы» (Там же: 301).

Как видим, суть кризиса идентичности Верди, как его понимает Верфель, настойчиво возвращающийся в его характеристике к образу свергнутого короля, отражает и структуры мышления, выраженные в мифе о Минотавре, если мы битву героя и чудовища осмысляем как битву за власть если не политическую, то духовную, в которой представлена смена культурных формаций: Тезей — цивилизованное начало, которое должно нейтрализовать хтонические силы, олицетворенные в образе архаического существа, в его лице жизнь должна победить смерть. Если перенести данную модель в историко-культурный аспект, то один тип оперы с характерным для него музыкальным языком вытесняет другой.

В оппозиции *Верди — Вагнер* также можно увидеть проявление кризиса мужской идентичности, нашедшего разнообразное отражение в австрийской литературе рубежа веков и в этом

смысле являющегося данью традиции. Самое значительное изменение указанного мотива связано с его проекцией в музыкально-исторический пласт. Мужское и женское в романе — не столько характеристика личности, сколько характеристика отношения композиторов к музыке. Вагнер — мифотворец, он не просто создает оперу, которая, отделившись от автора, зажила бы своей жизнью в культуре, он делает ее частью собственного культа, она неотъемлема от него; тем самым, эгоцентричность, по Верфелю, — определяющая черта немецкого композитора:

«...здесь не творчество, здесь — человек! Как у подлинного узурпатора, у корсиканца, здесь личность и ее творение — одно. Лишь себя самого он увековечивает ежечасно...» (Там же: 29).

Вагнер — узурпатор, причем, его сила — это, парадоксальным образом, сила феминной природы, как ее интерпретирует автор:

«Вагнер — в этом его тайна — оказывал воздействие не только как великий человек, <...> помимо этого дара он обольщал — да, иначе не скажешь, — обольщал, точно женщина. Как от обаятельной женщины, никогда при всей страстности своих переживаний, не знавшей поражения, неуспеха, раскаяния, от него исходило чисто эротическое излучение, тот электрический ток влечения и отталкивания, который порождает все формы несчастной любви» (Там же: 75-76).

Эта черта также находит развитие в побочной линии романа, связанной с Итало, где Вагнер невольно оказывается тем, к кому как к женщине Бьянка ревнует любовника. Дважды Верди, уклонившись от встречи с Вагнером, испытывает воздействие его чар —

«...домогательство любви, воля к обольщению, что-то почти поженски властное, вечная неугомность, немой самоупоенный призыв: “Будь моим!”»,

или:

«И снова скрещение взглядов кончилось тем, что в глазах Вагнера заиграла женственность: “Почему ты не любишь меня, почему не склонись предо мной — пред единственной правдой? Почему не вплетешь свой голос в хвалебный хор, как все другие?”» (Там же: 30, 274).

Такой акцент на присущей Вагнеру женственности не покажется странным, если допустить, что на Верфеля повлияла работа Я. Бахофена *Матриархат* (1861) либо в первоисточнике, либо в виде косвенных отсылок к ней в австрийской культуре

рубежа веков. В ней немецкий ученый выдвигает идею движения культуры от матриархата к патриархату, свидетельством которого является закономерная трансформация мифологических героев, рассматриваемых как меняющиеся мыслительные структуры. Так, подавляющее большинство миксантропических образов (Минотавр, кентавры, граи, мойры, ехидна, Сфинкс, сирены и пр.), появившихся в период матриархата, в греческой мифологии вытеснены антропоморфными персонажами, возникшими на более позднем этапе развития культуры, что реализовано в сюжете победы, одержанной героями над хтоническими чудовищами (VACHOFEN 1861: V-XXXIII).

Обратимся к еще одной ассоциации — знаменитой афише первой выставки Сецессиона работы Г. Климта, на которой в рост изображена Афина, а на верхней части листа — борьба Тезея и Минотавра. Жак ле Ридер обращает внимание на то, что в ней существует известная двойственность, присущая мироощущению модерна: борьба с отцовским правом и авторитетом, но подчинение женскому началу, принимающему матриархально-властный облик (ЛЕ РИДЕР 2004: 293-298). Верфель, подчеркивая в Вагнере женское и авторитарное, одновременно противопоставляет ему совершенно не родственный героям литературы модерна образ Верди — крестьянина, сильного и крайне сдержанного в проявлениях внутренней жизни (в отличие от «нервности» предшественников [ВАНР 2008, 128-133]). При этом Верфель дает понять, что Верди испытывает к Вагнеру любовь-ненависть:

«Нет, в нем не было ненависти. <...> Враг, супостат, противник в той борьбе, что длилась сотни бессонных ночей, стал для него дороже всех на свете. <...> Возможно, мы могли бы стать друзьями! Я мог бы говорить с ним с глазу на глаз! Что за ребяческие чувства!.. Я заметил каждую черту его лица! Меня почти влечет к этому человеку...» (ВЕРФЕЛЬ 1962: 35, 89).

Еще одним возможным источником, повлиявшим на создание женственного образа Вагнера, является работа О. Вайнингера *Пол и характер* (1903), в которой философ утверждает идею смешения в индивиде мужского и женского, в виду его бисексуальной природы (ВЕЙНИНГЕР 2012: 19-22, 52).

Женское как бесформенно-агрессивное и подавляющее, которому противостоит Верди, — это качество не только Вагнера, узурпатора оперы, но и стихии, с которой он чувствует свое род-

ство, — это воды венецианской лагуны, пульсирующие в ритме баркаролы:

«Здесь властвует не ясная музыка звезд, а хаотическая музыка воды. И здесь, где она всегда предо мною, мне легче ее преодолеть. Наплыв тумана, переплески волн, игра бесформенностей, музыка водной стихии — не в этом ли весь Вагнер? Старик прекрасно знает, почему он опять и опять приезжает сюда» (ВЕРФЕЛЬ 1962: 222).

Верди как воплощение мужского начала, напротив, относится к «трясине безволия» настроженно, чувствуя угрозу своему и так распадающемуся Я:

«Он не любит воду. Он боится морских переездов. По случайности ли он едва не утонул недавно в маленьком пруду своей усадьбы Сант Агата? Вода — это бездна. Непроглядная бездна, она лежит вне его власти. Все романтическое должно только служить ему, но не овладевать им» (Там же: 31).

Вода, безусловно, также соотносится с внутренним состоянием героя — неуверенностью, утерей прочности бытия, буквально — почвы под ногами³.

Все приведенные мотивы борьбы антагонистов в рамках венецианского лабиринта объединены в одной из сцен, задающих развитие мотивов романа, как развитие мотивов оперы в классической увертюре, — это эпизод, когда Верди случайно видит спящего в гондоле Вагнера:

«Так близко, что можно рукой схватить“. Но в его смятенном мозгу, в котором глухо бродили еще понятия “смерть“ и “убийство“, слова перепутались. Маэстро почудилось, будто он мысленно оговорился: “Так близко, что можно убить!“ Изумленный и пристыженный, он упал на скамью» (Там же: 35).

Здесь реализуется заложенная в мифе смена ролей, когда Тезей должен быть принесен в жертву Минотавр, но жертвой оказывается Минотавр. Верди как бы проигрывает в сознании данную матрицу, которой будет следовать текст.

Наконец, последний и ключевой элемент мифа — встреча с Минотавром — представлен в романе в виде замещения: Верди

---

³ Стоит отметить, что хтоническая сила воды, ее «смертельный» мифологический потенциал также присутствует в поэтике новеллы Т. Манна *Смерть в Венеции*.

встречается не с «реальным» Вагнером, а с его творческой и духовной сутью, запечатленной в партитуре *Тристана и Изольды*, после чего герой сжигает ноты *Короля Лира*, признавая свое полное и окончательное поражение, символически принимая смерть, за которой должна последовать смерть физическая. Верфель моделирует ожидаемый, но ложный финал, необходимый для завершения инициации, совершившейся на всех уровнях психофизической жизни героя, в том числе как оледенение умирающего тела:

«Ощущение собственного тела утрачено. Судорожно, с длинными паузами, сердце сжимается, как кулак. <...> Онемение коснулось сердца. Последним помыслом маэстро перед тем, как сквал его обморок, было сожаление о том, что он так и не собрался к Вагнеру» (Там же: 345).

В это же время, как дает понять Верфель, происходит не только смерть проекции Я Верди, враждебной и наделенной чертами Вагнера, но и физическая смерть немецкого композитора, о чем герой узнает позднее. Этот факт так же, как и образ Вагнера, дешифруется на двух уровнях: в сознании героя он, безусловно, обозначает победу над самим собой и своими страхами и свидетельствует о его возрождении.

4. Выводы

Как видим, заданная с первых страниц романа модель, отсылающая к мифу о Минотавре, получила на всех ключевых поворотах текста полное развитие. В концепции произведения именно через нее выражаются как личностный кризис, так и кризис мужской идентичности, характерные для австрийского мышления рубежа веков и начала XX в.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Ассаджюли Р. Психосинтез. Принципы и техники. М.: Эксмо-Пресс, 2002. [Assagioli, Roberto. (2002) *Psikhosintez. Printsipy i tekhniki* (Psychosynthes. A Manual of Principles and Techniques). Moscow: Eksmo-Press. (In Russian)].

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. [Bakhtin, Mikhail M. (1990) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* (The Work of Francois Rabelais and Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)].

- Белза И. Ф. Франц Верфель и Джузеппе Верди // Верфель Ф. Верди. Роман оперы. М.: Гослитиздат, 1962. С. 5—16. [Belza, Igor' F. (1962) Frants Verfel' i Dzhuzeppe Verdi (Franz Werfel and Giuseppe Verdi). In Werfel, Franz. *Verdi. Roman opery* (Verdi: Roman der Oper). Moscow: Goslitizdat, 5—16. (In Russian)].
- Вейнингер О. Пол и характер. Принципиальное исследование. М.: Академический проект, 2012. [Weininger, Otto. (2012) *Pol i kharakter. Printsipial'noye issledovaniye* (Sex and Character: An Investigation of Fundamental Principles). Moscow: Akademicheskii Proyekt. (In Russian)].
- Верфель Ф. Верди / пер. с нем. Н. Вольпина. М.: Гослитиздат, 1962. [Werfel, Franz. (1962) *Verdi. Roman opery* (Verdi: Roman der Oper). Moscow: Goslitizdat. (In Russian)].
- Колязин В. Ф. От мистерии к карнавалу: Театральность немецкой религиозной и площадной сцены раннего и позднего средневековья. М.: Наука, 2002. [Kolyazin, Vladimir F. (2002) *Ot misterii k karnavalu: Teatralnost' nemetskoj religioznoy i ploshchadnoy stseny rannego i pozdnego srednevekov'ya* (From Mystery to Carnival: Theatricality of the German Religious and Area Scene of the Early and Late Middle Ages). Moscow: Nauka Publishers. (In Russian)].
- Ле Ридер Ж. Венский модерн и кризис идентичности. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова : Галина Скрипсит, 2004. [Le Rider, Jacques. (2004) *Venskiy modern i krizis identichnosti* (Modernité viennoise et crises de l'identité). Saint Petersburg: N. I. Novikov Publishers : Galina Scripsit. (In Russian)].
- Никифоров В. Н. Верфель // История австрийской литературы XX века. В 2 т. Т. 1. Конец XIX — середина XX века / под ред. В. Д. Седельник. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 328—351. [Nikiforov, Vladimir N. (2009) Verfel' (Werfel). In Sedel'nik, Vladimir D. (ed.) *Istoriya avstriyskoj literatury XX veka*. V 2 t. T. 1. Konets XIX — seredina XX veka (History of Austrian literature of the 20th Century. In 2 vols. Vol. 1. The End of the 19th — the Middle of the 20th Century). Moscow: IM-LI RAS, 328—351. (In Russian)].
- Реутин М. Ю. Народная культура Германии: Позднее средневековье и Возрождение. М.: РГГУ, 1996. [Reutin, Mikhail Yu. (1996) *Narodnaya kul'tura Germanii: Pozdneye srednevekov'ye i Vozrozhdeniye* (German Folk Culture: The Late Middle Ages and the Renaissance). Moscow: Herzen Russian State Pedagogical University. (In Russian)].
- Соловцева Л. А. Джузеппе Верди. М.: Музыка, 1981. [Solovtseva, Lyubov' A. (1981) *Dzhuzeppe Verdi* (Giuseppe Verdi). Moscow: Musyka. (In Russian)].
- Bahr, Hermann. (2008) Renaissance. Neue Studien zur Kritik der Moder-

- ne. In Pias, Claus. (ed.). *Kritische Schriften in Einzelausgaben*. Bd 2. Die Überwindung des Naturalismus. Weimar: VDG.
- Bachofen, Johann J. (1861) *Das Mutterrecht*. Stuttgart: Kraiss and Hoffmann.
- Furness, R. S. (1989) A Discussion of „*Verdi: Roman der Oper*“. In Huber, Lothar (ed.) *Franz Werfel: An Austrian Writer Reassessed*. Oxford: Berg Publishers, 101—266.
- Jungk, Peter Stephan. (1987) *Franz Werfel. Eine Lebensgeschichte*. Frankfurt am Main: S. Fischer.
- Mann, Thomas. (1922) *Der Tod in Venedig*. Berlin: S. Fischer.
- Werfel, Franz. (1930) *Verdi: Roman der Oper*. Berlin; Wien; Leipzig: Zsolnay.

Yekaterina V. Moskvina
All-Russian State Institute of Cinematography
named after Sergei Gerasimov

**Structure of the Myth about Minotaur as a Form
of Identity Crisis Representation in Franz Werfel's Novel *Verdi***

The article examines how the author's identity crisis and the broader worldview of the turn-of-the-century man in Austria are projected in the novel on a specific historical and cultural personality of Verdi. First, this is evident in the choice of the time of the novel's action — the period of the composer's creative crisis, which is identified with the loss of not only his personal identity, when he feels like a peasant, not a musician, but also the creative identity associated with the search for a musical language. Secondly, this problem is realized by Werfel through the structure of the myth of the Minotaur, where the labyrinth of Venice simultaneously plays the role of both the real place of action and the mental space of the hero. The same ambivalence is also given to the figure of Wagner-the Minotaur, the antagonist of Verdi-Theseus, who is both a real historical figure in the novel and a psychic projection of the hero's Ego, embodying fears, phobias, repression and associated with the crisis of male identity. The victory over fears and phobias means the completion of the process of initiation and in the context of the semantic structure of the novel — the process of reconstructing the lost identity of the novel by Verdi.

Keywords: Minotaur myth; initiation; identity crisis; male identity crisis; Verdi; Wagner

Н. Е. Никонова
Национальный исследовательский Томский
государственный университет

**НЕМЕЦКАЯ ЖЕНСКАЯ ПРОЗА В ПЕРИОДИКЕ РЕГИОНОВ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА РУБЕЖЕ XIX — XX ВЕКОВ:
М. ЭБНЕР ФОН ЭШЕНБАХ, Г. РЕЙТЕР, К. ФИБИХ
И Л. АНДРЕАС-САЛОМЕ**

Статья представляет частные результаты количественного исследования, выполненного впервые на материале составленной по итогам крупного проекта библиографии художественных переводов, опубликованных на страницах региональной периодики Российской империи 1880 — 1910-х гг. По итогам изучения библиографии, включающей более 5500 источников из 18 изданий регионов, выявлены наиболее популярные немецкие авторы женской прозы, произведения которых были переведены на русский язык переводчиками-современниками. К числу этих авторов относятся М. Эбнер-Эшенбах (1830 — 1916), Г. Рейтер (1859 — 1941), К. Фибих (1860 — 1952) и Лу Саломе (1861 — 1937).

Ключевые слова: переводная литература; женская проза; Marie Freifrau Ebner von Eschenbach; Gabriele Reuter; Clara Viebig; Lou Andreas-Salomé; литературная периодика

1. Введение

Рубеж XIX — XX вв. представляет собой период в истории и культуре Российской империи, когда стремительно нарастали тенденции к регионализму и формированию локальных текстов в провинциях, с одной стороны, и становилась более интенсивной связь центра с местными властями на государственном, административном цензурном уровнях, — с другой стороны. Фактически, наблюдалось своего рода смещение акцентов культурной, в том числе и языковой политики на периферийные области. Ярким репрезентантом этого процесса стала периодика некоторых регионов, вдруг массово обратившихся к традициям и новинкам зарубежной литературы, очевидно, за опытом их программного или индивидуального освоения без оглядки на столичных авторов.

Это наблюдение, подтвержденное рядом предварительных практических и фундаментальных исследований по журналистике, истории, литературоведению, переводоведению, лингви-

стике, послужило основанием для гипотезы, которая заключается в предположении о том, что художественный перевод являлся важным имагологическим инструментом для формирования коллективной идентичности в регионах Российской империи конца XIX — начала XX века. Иначе говоря, выбор и специфика репрезентации основных тем местными авторами оказали влияние на реализацию культурных программ регионов. Переводной характер средств репрезентации позволял опосредованно выражать идеи, принципиально важные для понимания этой особой идентичности, и немецкая литература при этом послужила базовой площадкой для их оформления.

Целью настоящей работы является квантитативное исследование научной библиографии переводной литературы на страницах дореволюционной периодики Российской империи.

К задачам исследования относятся фронтальный просмотр изданий; определение частотности упоминаемых и переводимых источников, авторов и произведений; атрибуция авторов (биография, эстетика и поэтика творчества); изучение региональной специфики культурно-исторической ситуации; сравнительное сопоставление идеологических стратегий периодических изданий; определение стратегий выбора переводчиками репертуара и стратегий его репрезентации.

2. Характеристика материала и методов исследования

С целью подтверждения упомянутой гипотезы в рамках реализуемого проекта «История русской переводной литературы рубежа XIX — XX вв.: на материале периодики регионов Российской Империи», поддержанного грантом Президента РФ и осуществлявшегося на протяжении 2019 — 2020 гг. силами молодых ученых кафедры романо-германской филологии Томского государственного университета, в результате фронтального обследования литературных рубрик 18 периодических изданий была составлена научная библиография, которая послужила материалом для квантитативного анализа (НИКОНОВА и др. 2020). В широком смысле эта база предоставляет собой поле для дальнейших исследований по компаративистике, рецепции, литературному краеведению, истории и журналистике.

В ходе исследования применялись методы имагологии, транслатологии, культурологические и историко-филологические методы.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Наибольший интерес представляли издания Сибири, газеты Южного региона и Юго-западного края, в частности, Одессы и Киева, Томска и Ростова. Переводы иноязычной прозы и поэзии формируют на страницах периодики этих провинций значительный текстовый корпус, демонстрирующий различные имагологические стратегии. Нельзя отрицать влияние литературоцентризма на формирование культурной идентичности силами средств массовой информации того времени, которое отражало стремление регионов иметь собственное суждение о культурной географии страны и мира.

В результате анализа библиографии переводов с немецкого языка было установлено, во-первых, что во всех регионах немецкая литература занимает второе место, следуя за французской. Во-вторых, наибольшее количество источников относится к женской прозе 1880 — 1910-х гг., при этом лидирующую позицию занимают публикации малой прозы М. Эбнер фон Эшенбах (34 произведения в 56 номерах «Южного обозрения» за 1903 г., «Киевлянина» за 1898 — 1910 гг.). За ней следует Г. Рейтер (26 переводов 1901 — 1911 гг., в 47 номерах газет «Киевлянин», «Приазовский край», 4 повторных обращения), на третьем месте находится К. Фибих (7 произведений в 47 номерах «Киевлянина» за 1898 — 1910 гг.). Замыкает четверку Лу Саломе (7 произведений в 26 номерах «Киевлянина» за 1901 — 1910 гг.). В совокупности 176 номеров трех газет Юга и Юго-западного края России напечатали их произведения в переводах местных авторов-переводчиков, чаще всего предварявших обращения к этим материалам центральных литературных изданий. В сибирских изданиях при этом интерес к такому роду текстов незначителен (см. библиографию).

В хронологическом отношении предметом интереса местных авторов в первую очередь стали сочинения Эбнер-Эшенбах и Лу Саломе, пик их публикационной активности пришелся на 1903 г., когда в «Южном обозрении» вышел цикл переводов из *Парабол* и *Сказок* Эбнер-Эшенбах, а в «Киевлянине» увидели свет 4 крупные сочинения Лу Саломе. Рецепция прозы Г. Рейтер и К. Фибих была более системной, но достигла своего расцвета несколькими годами позже. Циклы и крупные произведения писательниц можно встретить преимущественно в 1907 — 1911 гг.

в «Киевлянине» и «Приазовском крае».

Причины именно такой рецепции заключаются не столько в последовательности выхода в свет оригиналов на немецком языке или периодов наибольшей популярности самих авторов, сколько в политических приоритетах обратившихся к ним изданий и индивидуальных стратегиях переводчиков. Так, к примеру, 12 произведений Эбнер-Эшенбах (под названиями *Спутница, Оценка, Суета Сует, Победительница, Безбожник, Раздор, Встреча, Пророк, Трое, Два брата, Потеря, Наследственность*) вышли в свет в «Южном обозрении» благодаря стараниям одного переводчика, подписавшегося криптонимом «Эм», который пока расшифровать не представляется возможным. В то же время этот репертуар из *Парабол* и *Сказок* не совпадает с репертуаром «Киевлянина», где выбраны в основном крупные произведения, как-то: *Первый ученик; Попутчик; Сжечь, не вскрывая; Первая любовь; Неисправимый*, призванные, очевидно, реализовывать не только развлекательно-просветительскую функцию, но и более серьезную, образовательную и программную, как и большинство публикаций переводной литературы в этом издании. Эти газеты (одесская и киевская) отличались по своему типу и идеологии, что также обусловило различные стратегии в конструировании воображаемого читателя. Если одесское «Южное обозрение» (1896 — 1906) придерживалось умеренных буржуазно-либеральных взглядов, то «Киевлянин» был частной газетой прообластнического толка, постепенно склонявшейся к консервативно-монархическому направлению, представлял интересы русского центра, противостоял националистически настроенным кругам, был возглавляем университетской интеллигенцией. Соответственно, крупная проза на его страницах, с одной стороны, должна была знакомить читателя с самыми талантливыми зарубежными литераторами; с другой стороны, — ориентироваться на высокие образцы русской литературы, соответствовать ее идеям и аксиологии. Отталкиваясь от идеи, высказанной А. В. Малиновым о философии и идеологии областничества, притягательность женской прозы в периодике регионов можно объяснить всеобщим интересом к женскому вопросу, а также тем, что обращение к переводной литературе позволяло сторонникам областнических идей разработать и реализовать средствами литературы самостоятельный путь культурного развития,

оказывая определенное влияние на общественное самосознание. При этом переводная литература позволяла провести параллель между отдельными регионами и заграничными идеями (МАЛИНОВ 2012: 6).

Исследователями доказано, что в России

«первое осмысление “женского вопроса” происходило в узких кругах интеллектуальной элиты и развивалось в русле “бесправия женщин” и необходимости оказаний “помощи женщинам”» (ЮКИНА 2007: 31).

Особенно это свойственно было регионам, где в качестве общественных активистов часто выступали приглашенные, командированные или ссыльные политики, ученые и публицисты. Эти деятели приносили в регионы новые веяния, пользовались поддержкой со стороны местной интеллигенции и имели достаточную свободу для выражения своих взглядов. Как показывают результаты сравнительного исследования периодики двух самых активных в этом аспекте регионов, сибирские авторы в отличие от киевских, одесских и ростовских были настроены изначально гораздо более сдержанно и консервативно, сглаживая острые темы современности, переиначивая Ницше и Ломброзо, отвергая «желтую опасность» и предпочитая подавать образ женщины-матери, женщины-страдальцы на материале переводной мужской прозы.

В этом контексте вполне понятно, почему эстетические манифесты (повести) Эбнер-Эшенбах могли привлечь авторов и читателей самой богатой дореволюционной газеты «Киевлянин», а ее параболы и сказки — одесских авторов. По наблюдению Л. Н. Полубояриновой, «на исходе XIX века Эбнер-Эшенбах видит реальность более фрагментарной, эклектичной, и потому гибкий жанровый канон повести, «терпимый» к деталям и излишним подробностям, подходит ей», при этом повесть для нее «не что иное, как просто, незатейливо рассказанная история» (ПОЛУБОЯРИНОВА 2018: 58).

«Важнейшим импульсом» для нее, — как полагает Л. Н. Полубояринова, — стало увлечение творчеством И. С. Тургенева, которого Эбнер-Эшенбах считала примером. Словом, вполне логичным будет предположение о том, что стиль и слог писательницы, ее жанровая манера «Erzählung» были созвучны вкусам авторов и читателей юго-западного региона, увлеченных женской

прозой и отвергавших наступающие модернистские течения.

Та же последовательная избирательность в отношении репертуара немецкоязычных писательниц открывается в полной мере в представлении творчества Лу Саломе в том же «Киевлянине», в 11 номерах которого за 1903 г. вышли 4 из 5 ее сочинений в том же жанре повести (*Ночь, Инкогнито, Встреча, В пути*). При этом все они в качестве сюжетообразующей обнаруживали в том или ином виде тему России. В качестве репрезентативного образ России в художественном творчестве Лу Андреас-Саломе признан и изучен всего несколько лет тому назад Ю. А. Романовой, которая справедливо замечает, что русская по происхождению немецкоязычная писательница «обладала гибридной национальной идентичностью и воплотила любовь к русской родине в своих лучших художественных произведениях» (РОМАНОВА 2015: 12). Именно такие ее сочинения и привлекли внимание издателей киевской газеты, ориентированных на продвижение русской идеи с целью формирования коллективной идентичности в юго-западном регионе.

Условно выделенный нами с точки зрения временных периодов второй всплеск интереса к немецкой женской прозе связан также с именами двух таких авторов как Г. Рейтер и К. Фибих. В отечественной и зарубежной германистике их творчество не получило широкого освещения несмотря на их широкую популярность при жизни. Этот материал русской переводческой рецепции еще ждет своего исследователя.

Габриэле Рейтер (Ройтер) снискала славу благодаря своему идейному роману 1895 г. *Aus guter Familie* («Из хорошей семьи»), имевшему вполне прозрачный подзаголовок «*Leidensgeschichte eines Mädchens*» («История страданий одной девушки») и ставшему одним из первых бестселлеров, написанных автором-женщиной (28 переизданий за 36 лет). 14 ее произведений печатает тот же «Киевлянин», при этом преобладают короткие рассказы; 10 сочинений выходят в ростовском «Приазовском крае», несколько — в сибирских и одесских газетах, при этом можно наблюдать перепечатки, свидетельствующие о переводной множественности. Особой любовью пользовались относительно крупная повесть *Верность* и более лаконичные *Сестра Елизавета*, *Бинокль*, *Five o'clock*, вышедшие в разных вариантах перевода с разницей в несколько лет и в разных изданиях. Проза Рейтер

является симптоматичным явлением немецкой литературы рубежа веков, поскольку концентрирует в себе характерные тенденции латентного романтизма, интравертности дискурса, принадлежащего в большинстве случаев женскому персонажу. Как отмечает Т. В. Кудрявцева,

«главная особенность немецкого литературного процесса на рубеже XIX — XX вв. — разновекторное взаимодействие (отталкивание, отрицание, заимствование, влияние) компонентов художественной системы, проявившее себя в чрезвычайной неоднородности ее структуры» (Кудрявцева 2017: 48).

И хотя исследователь не выделяет женскую прозу в отдельное направление, говоря только о таких «реакциях» (скорее, разновидностях) на реализм и натурализм, как импрессионизм (1890 — 1910), неоромантизм (1890 — 1914/1915, в других источниках — 1920), югендстиль (Jugendstil) (1895 — 1905), символизм (1890 — 1914), областническая литература (Heimatchdichtung) (1890–1933) и неоклассицизм (1900 — 1920), все же стоит признать тот факт, что освещенные в данной статье персоналии обнаруживают в современной им русскоязычной переводческой рецепции общую особенность, которая заключается в принадлежности к «консервативной революции», «которая по отношению к литературе выражается, прежде всего, в попытках сформировать сознание личности, основанное на национальных традиционных ценностях» (Там же: 61) и видении окружающего сквозь призму индивидуального. Думается, именно этот фокус был актуален для юго-западных регионов Российской империи, в которых посредством переводной литературы как имагологического инструмента осуществлялась попытка моделирования собственной коллективной идентичности, и подача немецкоязычной женской прозы в данном ракурсе в целом не противоречила и не искажала ее аутентичных сущностных смыслов. Этот вывод подтверждается и примером представленности в региональной периодике прозы К. Фибих.

Клара Фибих (Clara Viebig) (1860 — 1952) была наиболее известна в прессе регионов, но в отличие от Лу Саломе снискала себе добрую славу благодаря общественно-политической значимости понятных и актуальных идей здорового областничества и в то же время пацифизма в литературной деятельности, однако эти особенности относятся скорее к сюжетно-мотивной специ-

фике ее прозы, в то время как пафос ее произведений вполне соотносится с произведениями трех писательниц, о которых речь шла выше, по своей сентиментальности и степени идеализма. Наиболее полно наследие Фибих представляет «Киевлянин», публикуя ее крупные произведения: с 1898 г. по 1910 г. в 47 номерах издания выходят в переводе семь ее знаменитых и менее известных романов и повестей *Самсон и Далила*, *Перед утренней росой*, *К кому боги благосклонны...*, *Дерево жизни*, *Мария и Иосиф*, *Выигрыш*, *Первая служба*. Необходимо заметить, что короткие рассказы писательницы находят своего читателя и обозревателя и в сибирской периодике. Томские авторы фокусируют свое внимание на двух зарисовках о горькой женской доле и о бедных, выбирая *Поденщицу* и *Ради хлеба насущного*, а также публикуют сообщения о биографии и литературных новинках писательницы. Иначе говоря, два варианта региональной рецепции обнаруживают характерные отличия не только по масштабу, но также по жанровым и семантико-поэтическим предпочтениям. Наконец, следует упомянуть о том, что собрание сочинений писательницы вышло в России только в начале 10-х гг. XX в. (ФИБИХ 1911-1912), то есть провинциальные переводы в большинстве своем вновь предшествовали публикациям столичных изданий.

4. Заключение

Немецкоязычная женская проза рубежа XIX — XX вв. по своему художественному и идейному своеобразию оказалась созвучной культурной программе русскоязычной периодики Юго-западного края и Юга Российской империи. Выбор переводчиков был обусловлен ориентацией на традиционно-консервативную психологическую прозу, областнический реализм, тенденциозный роман, гибридную национальную русско-немецкую культурную идентичность.

Областническая политика русскоязычных литературных СМИ юго-западных и граничащих с ними регионов Российской империи использовала переводную литературу не только как имагологический, но и как идеологический, политический инструмент, средство формирования собственной культурной, национальной и региональной идентичности.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Кудрявцева Т. В. Литературный процесс в Германии на рубеже XIX — XX вв.: взаимодействие художественных течений // *Studia Litterarum*. 2017. № 3. С. 46—73. [Kudryavtseva, Tamara V. (2017) *Literaturnyy protsess v Germanii na rubezhe XIX — XX vv.: vzaimodeystviye khudozhestvennykh techeniy* (The Literary Process in Germany at the Turn of the 19th — 20th Centuries: Interaction of Art Movements). In *Studia Litterarum*, 3, 46—73. (In Russian)].
- Малинов А. В. Философия и идеология областничества. СПб.: Интерсоцис, 2012. [Malinov, Aleksey V. (2012) *Filosofiya i ideologiya oblastnichestva* (Philosophy and Ideology of Regionalism). Saint Petersburg: Inter-Socis. (In Russian)].
- Никонова Н. Е., Серягина Ю. С., Масляйкина Е. В., Морозова И. В. Научная библиография: «Переводная литература в дореволюционной периодике регионов Российской империи». Свидетельство о регистрации базы данных № 2020621571. Дата государственной регистрации в Реестре баз данных 28 августа 2020 г. Правообладатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет». [Nikonova, Natalya Ye., et al. (2020) *Nauchnaya bibliografiya: "Perevodnaya literatura v dorevoluytsionnoy periodike regionov Rossiyskoy imperii"* (Scientific Bibliography: "Translated Literature in the Pre-Revolutionary Periodicals of the Russian Empire Regions"). Database registration certificate No. 2020621571. Date of State Registration in the Database Register August 28, 2020. Copyright holder: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Tomsk State University". (In Russian)].
- Полубояринова Л. Н. «А теперь еще и Тургенев!». Истоки, основания и ключевые параметры рецепции русского классика в Австрии. СПб.: СПбГУ, 2018. [Poluboyarinova, Larisa N. (2018) *"A teper' eshhe i Turgenev!"*. *Istoki, osnovaniya i klyuchevyye parametry retsepcii russkogo klassika v Avstrii* ("And now also Turgenev!" Origins, Foundations and Key Parameters of the Reception of the Russian classic Writer in Austria). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russian)].
- Романова Ю. А. Образ России в художественном творчестве Лу Андреас-Саломе: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Иваново: Ивановский ГУ, 2015. [Romanova, Yuliya A. (2005) *Obraz Rossii v khudozhestvennom tvorchestve Lu Andreas-Salome* (The Image of Russia in Lou Andreas-Salomé's Works). PhD thesis in Philology. Ivanovo: Ivanovo State University. (In Russian)].

- Фибих К.* Собрание сочинений. В 9 т. М.: В. М. Саблин, 1911/1912.
[Viebig, Clara. (1911/1912) *Sobranīye sochineniy v 9 t.* (Collected Works in 9 vols.). Moscow: V. M. Sablin.
- Юкина И. И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетея, 2007. [Yukina, Irina I. (2007) *Russkiy feminizm kak vyzov sovremennosti* (Russian Feminism as a Challenge of our Time). Saint Petersburg: Aleteya.

**Немецкоязычная женская проза
на страницах дореволюционной периодики
регионов Российской империи
(библиография)**

М. Эбнер фон Эшенбах

Южное обозрение (Одесса, 1896 — 1906)

1. Устарело! (Из серии «Nachlass» Марии фон Эбнер-Эшенбах). Всякий раз — сначала, Госпожа Незлобивость / Маленький фельетон // Южное обозрение. 1902. № 2021. С. 3. Подпись: К. Воинов.
2. Спутница (Из рассказов Марии Эбнер фон Эшенбах) // Южное обозрение. 1903. 2 лист № 2123. С. 5—6. Подпись: —
3. Оценка. Из сборника «Парабол, афоризмов и сказочек» Эбнер Эшенбах / Маленький фельетон // Южное обозрение. 1903. № 2257. С. 3. Подпись: Эм.
4. Суета сует «Параболы» Эбнер Эшенбах / Маленький фельетон // Южное обозрение. 1903. № 2258. С. 3. Подпись: Эм.
5. Победительница «Параболы» Эбнер Эшенбах / Маленький фельетон // Южное обозрение. 1903. № 2263. С. 3. Подпись: Эм.
6. Безбожник «Параболы» Эбнер Эшенбах / Маленький фельетон // Южное обозрение. 1903. № 2271. С. 3. Подпись: Эм.
7. Раздор «Параболы» Эбнер Эшенбах / Маленький фельетон // Южное обозрение. 1903. № 2272. С. 3. Подпись: Эм.
8. Встреча «Параболы» Эбнер Эшенбах / Маленький фельетон // Южное обозрение. 1903. № 2265. С. 3. Подпись: Эм.
9. Пророк «Параболы» Эбнер Эшенбах / Маленький фельетон // Южное обозрение. 1903. № 2284. С. 3. Подпись: Эм.
10. Трое. «Сказки» Эбнер-Эшенбах / Маленький фельетон // Южное обозрение. 1903. № 2290. С. 3. Подпись: Эм.
11. Два брата «Сказки» Эбнер-Эшенбах / Маленький фельетон // Южное обозрение. 1903. № 2298. С. 3. Подпись: Эм.
12. Потеря «Сказки» Эбнер-Эшенбах / Маленький фельетон // Южное обозрение. 1903. № 2299. С. 3. Подпись: Эм.
13. Наследственность (с немецкого) Марии фон-Эбнер-Эшенбах

// Южное обозрение. 1903. № 2330, 2331, 2334-2338, 2341-2345, 2347. С. 2. Подпись: Э.

14. Незнакомец «Параболы» Эбнер-Эшенбах, Безбожник, Два брата // Южное обозрение. 1906. № 3075. С. 2. Подпись: Незабудка.

Киевлянин (1898 — 1919)

1. Первый ученик // Киевлянин. 1898. № 339-343, 346, 347. С. 2. Подпись: —

2. Попутчик // Киевлянин. 1900. № 63, 64, 67-69. С. 2. Подпись: —

3. Сжечь не вскрывая // Киевлянин. 1901. № 346, 349-351. С. 2. Подпись: —

4. Тема для повести. Беседа // Киевлянин. 1907. № 31. С. 2. Подпись: —

5. Первая Любовь // Киевлянин. 1909. № 50, 55, 57, 64-66, 69-71. С. 2. Подпись: —

6. Неисправимый // Киевлянин. 1910. № 55-58. С. 2. Подпись: —

Сибирская жизнь (Томский справочный листок, Томский листок, Томск, 1894 — 1919)

1. Оценка // Сибирская жизнь. 1903. № 200. С. 3. Подпись: «Южн. Обозр.» Из сборника «Парабол, афоризмов и сказочек» Эбнер-Эшенбах.

2. Суета сует // Сибирская жизнь. 1903. № 201. С. 2. Подпись: «Южн. Обозр.» «Параболы» Эбнер-Эшенбах.

Габриэле Рейтер

Южное обозрение (Одесса, 1898 — 1906)

1. Бинокль [Г. Ройтер] // Южное обозрение. 1901. 2 лист № 1643. С. 5. Подпись: Перевод с немецкого для «Южн. Обозр.» Л. Ст. Яр.

Киевлянин (1898 — 1919)

1. Свадебная поездка // Киевлянин. 1904. № 07. С. 2. Подпись: —
2. Женщины, которых любят // Киевлянин. 1905. № 139, 140, 142-146. С. 1. Подпись: —

3. Верность // Киевлянин. 1907. № 32, 33, 38, 39. С. 2. Подпись: —

4. Серые часы // Киевлянин. 1907. № 174. С. 1. Подпись: —

5. Сестра Елисавета // Киевлянин. 1908. № 112. С. 2. Подпись: —

6. Five O'clock // Киевлянин. 1908. № 143. С. 2. Подпись: —

7. Угасающая Любовь // Киевлянин. 1908. № 146. С. 1. Подпись: —

8. Приключение в Рим // Киевлянин. 1908. № 154. С. 2. Подпись: —

9. Мелочи и Жизнь // Киевлянин. 1908. № 155. С. 1. Подпись: —

10. Память Покойного // Киевлянин. 1908. № 181. С. 2. Подпись: —

11. Милосердные // Киевлянин. 1909. № 359. С. 1. Подпись: —

12. Бинокль // Киевлянин. 1909. № 360. С. 1. Подпись: —

13. Воскресение из мертвых // Киевлянин. 1910. № 12-16, 19. С. 2.

Подпись: —

14. Дом Слез // Киевлянин. 1910. № 152, 153, 154, 157-159, 162-165, 167, 170-172. С. 2. Подпись: —

Приазовский край (1891 — 1920)

1. Сестра Елизавета. Габриэли Рейтер (с немецкого) // Приазовский край. 1902. № 12. С. 2. Подпись: З.

2. Дети. Габриэли Рейтер (с немецкого) // Приазовский край. 1902. № 38. С. 5. Подпись: З.

3. Five o'clock. Габриэли Рейтер (с немецкого) // Приложение к газете «Приазовский край». 1902. № 206. С. 1—2. Подпись: З.

4. Клементина Гольм. Габриэли Рейтер (с немецкого) // Приложение к газете «Приазовский край». 1903. № 22. С. 89—92; № 23. С. 94—96. Подпись: З.

5. Верность. Габриэля Рейтер (с немецкого) // Приложение к газете «Приазовский край». 1904. № 41. С. 165—168; № 42. С. 168—170; № 43. С. 171—174; № 44. С. 175—177. Подпись: З.

6. Угасающая любовь. Габриэль Рейтер (с немецкого) // Приазовский край. 1908. № 184. С. 3.

7. Милосердие. Габриэль Рейтер (с немецкого) / Маленький фельетон // Приазовский край. 1910. № 7. С. 3.

8. На балу. Г. Рейтер (с немецкого) / Маленький фельетон // Приазовский край. 1910. № 288. С. 4. Подпись: З.

9. Юный злодей. Г. Рейтер (с немецкого) // Приазовский край. 1910. № 339. С. 5. Подпись: З.

10. Новое пальто. Г. Рейтера (с немецкого) // Приазовский край. 1911. № 94. С. 4. Подпись: З.

Клара Фибих (Clara Viebig)

Киевлянин (1898 — 1919)

1. Сампсон и Данила // Киевлянин. 1898. № 179-182, 185-189, 192-195. С. 2. Подпись: —

2. Перед утренней росой // Киевлянин. 1903. № 332-337. С. 2. Подпись: —

3. К кому боги благосклонны... // Киевлянин. 1904. № 179-182, 185-188. С. 1—2. Подпись: —

4. Дерево жизни // Киевлянин. 1905. № 254-257, 260-263. С. 2. Подпись: —

5. Мария и Иосиф // Киевлянин. 1910. № 5, 6, 8. С. 2. Подпись: —

6. Выигрыш // Киевлянин. 1910. № 103, 104, 106, 107. С. 2. Подпись: —

7. Первая служба // Киевлянин. 1910. № 285, 286, 289, 290. С. 1. Подпись: —

Сибирские издания

1. «Поденщица» Клары Фибиг. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1903. № 83. С. 2. Подпись: (Сев. Кр).
2. Библиография К. Фибих. Ради хлеба насущного // Сибирская жизнь. 1905. № 28. С. 3. Подпись: Л.С.
3. Литературный дневник // Сибирская жизнь. 1913. № 115. С. 2. Подпись: —

Лу Андреас-Саломе (Lou Andreas-Salomé)

Киевлянин (1898 — 1919)

1. Феничка // Киевлянин. 1901. № 331, 332, 335-339, 342-344. С. 2.
2. Одинокое плавание // Киевлянин. 1902. № 194-197. С. 1.
3. Ночь // Киевлянин. 1903. № 7, 8. С. 2-3.
4. Инкогнито // Киевлянин. 1903. № 57-60. С. 3.
5. Встреча // Киевлянин. 1903. № 121, 124. С. 2.
6. В пути // Киевлянин. 1903. № 246, 249, 250. С. 2.

Natalja Je. Nikonowa

Staatliche Nationale Forschungsuniversität Tomsk

**Deutsche Frauenprosa in der regionalen Periodik
des Russischen Reiches um die Wende vom 19. zum 20. Jahrhundert:**

М. Ebner von Eschenbach, G. Reuter, C. Viebig, L. Andreas-Salomé

Der vorliegende Beitrag repräsentiert einige wichtige Ergebnisse der Quantitativforschung, die aufgrund der wissenschaftlichen Bibliographie der Übersetzungsliteratur in der Regionalperiodik des Russischen Reiches in 1880-1910-er Jahren erstmals unternommen wurde. Im Rahmen des Projektes wurde das bibliographische Verzeichnis zusammengestellt, das mehr als 5500 Quellen aus 18 Zeitungen umfasst. Die unternommene frontale Forschung ließ die beliebtesten deutschen Autorinnen der Frauenprosa identifizieren, deren Werke von zeitgenössischen Übersetzern ins Russische übersetzt wurden. Zu diesen Autoren gehören Marie Freifrau von Ebner-Eschenbach (1830 — 1916), Gabriele Reiter (1859 — 1941), Clara Viebig (1860 — 1952) und Lou Andreas-Salomé (1861 — 1937).

Schlüsselwörter: Übersetzungsliteratur; Frauenprosa; Marie Freifrau Ebner von Eschenbach; Gabriele Reuter; Clara Viebig; Lou Andreas-Salomé; Literaturperiodik

**German Women's Prose in the Periodicals of the Russian Empire
Regions at the Turn of the 19th — 20th Centuries:**

M. Ebner von Eschenbach, G. Reuter, C. Viebig, L. Andreas-Salomé

The article presents the particular results of a quantitative study carried out for the first time on the basis of a large-scale bibliography of literary translations published on the pages of regional periodicals of the Russian Empire in the 1880s — 1910s. Based on the results of the study of the bibliography, which includes more than 5,500 sources from 18 publications of the regions, the most popular German authors of women's prose were identified, whose works were translated into Russian by contemporary translators. These authors include Marie Freifrau von Ebner-Eschenbach (1830 — 1916), Gabriele Reuter (1859 — 1941), Clara Viebig (1860 — 1952) and Lou Andreas-Salomé (1861 — 1937).

Keywords: translated literature; women's prose; Marie Freifrau Ebner von Eschenbach; Gabriele Reuter; Clara Viebig; Lou Andreas-Salomé; literary periodicals

Л. Н. Полубояринова
Санкт-Петербургский государственный университет

**СОКРОВИЩНИЦА НЕМЕЦКОЙ НОВЕЛЛЫ:
НЕМЕЦКО-АВСТРИЙСКО-ШВЕЙЦАРСКИЙ СЕТЕВОЙ
ПРОЕКТ XIX ВЕКА***

Статья посвящена масштабному издательскому проекту *Сокровищница немецкой новеллы*, реализованному мюнхенским писателем Паулем Гейзе во второй половине XIX в. Свод из 155 текстов, написанных 146 авторами — немецкими, австрийскими и швейцарскими новеллистами — впервые рассмотрен с точки зрения сетевой структурности, в частности, с привлечением логики анализа социальных сетей. В результате анализа репрезентативной выборки из девяти авторов-новеллистов сделан вывод о «центральности» позиции Гейзе в контексте сети и о его функции сетевого брокера, участвующего в построении нескольких кластеров и упрочивающего тем самым густоту и связность сети. Кроме того, сделано предположение о специфике отличия «среднего» и «младшего» поколения немецкоязычных новеллистов.

Ключевые слова: «Сокровищница немецкой новеллы»; «Новая сокровищница немецкой новеллы»; Пауль Гейзе; сети в литературе; анализ социальных сетей; брокер; кластер

1. Введение

Сокровищница немецкой новеллы — издательский проект мюнхенского писателя, литературного критика и теоретика новеллистического жанра Пауля Гейзе (Paul Heyse, 1830 — 1914). Будучи отнесен сейчас скорее к рангу тривиальных авторов, Гейзе, глава мюнхенского круга писателей, считался во второй половине XIX в. одним из самых влиятельных (и, что немаловажно, одним из наиболее высокооплачиваемых) немецких литераторов. Реноме писателя у читающей публики, издателей и редакторов толстых журналов в немалой степени способствовало присуждению ему в 1910 г. (первому из немецкоязычных авторов) Нобелевской премии по литературе.

Внимание к Гейзе-писателю в течение XX в. серьезно ослабло, вследствие чего в последние два десятилетия выходит лишь несколько спорадических работ, посвященных некоторым аспектам его биографии (BERTAZZOLI 2016), поэтике его отдельных новелл (ВАЩЕНКО

---

* Статья написана в рамках гранта институтских партнерств «Сетевые связи писателей в XIX веке», финансируемого фондом им. Александра фон Гумбольдта.

2017; ВАЩЕНКО 2019) и его теории новеллы как жанра (ВАЩЕНКО 2010; ПОЛУБОЯРИНОВА 2015). Тем не менее характеристика «от Нобеля к ничтожеству», вынесенная автору американским германистом Т. Бибе (ВЕЕВЕЕ 2014), представляется чересчур категоричной. Подобный вердикт, отчасти справедливый в отношении собственно художественного качества текстов Гейзе, явно не учитывает несомненных заслуг писателя как выдающегося агента немецкоязычного литературного поля и неординарного культурного посредника. Неслучайно в фокус внимания исследователей в последние годы попадает главный плод его издательской деятельности — многотомная *Сокровищница немецкой новеллы* («Deutscher Novellenschatz»).

Это издание, в реализации которого Гейзе помогал писатель и переводчик Герман Курц (Hermann Kurz, 1813 — 1873), являет собой 24-томное собрание немецкоязычных новеллистических текстов, вышедшее в 1771 — 1776 гг. Параллельно, также в сотрудничестве с Курцем, издается *Сокровищница зарубежной новеллы* в 14 т. («Novellenschatz des Auslandes», 1772 — 1776). В 1884 — 1887 гг. выходит *Новая сокровищница немецкой новеллы* («Der neue deutsche Novellenschatz») в 24 т. В этой серии соиздателем Гейзе вместо умершего в 1873 г. Курца становится литератор Людвиг Ляйстнер (Ludwig Laistner, 1845 — 1896).

На основе первой серии *Сокровищницы* в 2015 — 2017 гг. в рамках проекта «Digital Humanities Cooperation», реализуемого университетами Дармштадта и Констанца под руководством проф. Томаса Вайтина был создан кодированный в XML/TEI-формате корпус текстов, снабженный необходимыми метаданными (см.: <https://www.deutschestextarchiv.de/novellenschatz>). Как явствует из ряда сопровождавших проект публикаций, этот текстовый массив (86 новелл 81 немецкоязычного автора) и программное предисловие к нему Гейзе и Курца дают основание для целого комплекса подходов, предлагаемых современными *digital humanities*.

В частности, тексты *Сокровищницы* были проанализированы участниками проекта со стилометрических позиций (JANNIDIS 2017), с квантитативно-топологической точки зрения (topic modelling) (WEITIN, & HERGET 2017), в аспекте употребления эпического прошедшего времени (MELLMANN 2017) и родительного падежа (SCHÄTZLE 2017). Примечательным открытием, прийти к которому вне *digital humanities* вряд ли оказалось бы возможным, становится, например, стилометрическая спецификация текстов собрания, убедительно показавшая, что большинство новелл первой серии тяготеют по стилю к романтической парадигме и, в частности, близки стилю Й. фон Эйхендорфа (JANNIDIS 2017: 12-15). Данный вывод особенно ценен перед лицом сознательной установки издателей Гейзе и Курца (явствующей

из их переписки и предисловия к собранию) при выборе текстов оказывать предпочтение прозе реалистического типа, что означало бы в соответствии с программой немецкого поэтического реализма предпочтение гётевской стилевой парадигмы. Современная дигитальная «алгебра», подвергнув стилевой рисунок новелл строгой верификации, однако, «разрушила» образ «гармонии», к созданию которой столь стремились издатели.

С другой стороны, весьма привлекательной выглядит трезвая оценка границ корпусного изучения литературных текстов, неоднократно высказанная участниками проекта, в частности, в отношении выведения с помощью ключевых слов и прочих маркеров некой универсальной «топологии» данного или большего корпуса (WEITIN, & HERGET 2017: 30-31). В связи с этим примечательной представляется выработанная в контексте корпусного анализа текстов *Сокровищницы* методологическая парадигма, обозначенная Т. Вайтином как *scalable reading* (WEITIN 2017). Данный подход, название которого можно было бы перевести на русский язык как «масштабирующее чтение», предполагает, по Вайтину, свободный выбор исследователем методик анализа из широкого спектра парадигм, расположенного между традиционным герменевтически ориентированным *close reading* и предложенным Ф. Моретти *distant reading* (последний подход, как известно, оперирует большими данными и основан преимущественно на количественном анализе).

Используя широкий спектр подходов и методик корпусного анализа из набора, предлагаемого *digital humanities*, участники проекта, в основном, оставляют в стороне сетевой анализ, если не считать спорадического обращения к сетевому изучению внутритекстовых сюжетных констелляций отдельных произведений (JANNIDIS 2017: 18). Между тем очевидно то обстоятельство, что и сам набор из 81 авторановеллиста, включенного в первую серию *Сокровищницы*, представляет собой составленную по определенному принципу (а именно, по принципу причастности всех авторов к новелле как жанру) социальную сеть, которая, если прибавить к ней 65 авторов, вошедших в *Новую сокровищницу* (в каковой лишь два автора первой серии — сам Гейзе и Т. Шторм — были представлены повторно) и оставшихся пока за пределами анализа в констанцско-дармштадском проекте, вырастет до 146 «узлов», связанных между собою опосредованно или напрямую. Подавляющее большинство этих авторов-участников литературного процесса второй половины XIX в. имели (личные или заочные) контакты с Гейзе, а также с другими участниками сети. Литературоведческий анализ этой сети до сих пор не предпринимался.

Цель настоящей статьи — исследовать сетевые связи немецко-

язычных новеллистов на материале собраний *Сокровищница немецкой новеллы* и *Новая сокровищница немецкой новеллы* с преимущественным акцентом как на национально и государственно специфицированных сегментах немецкой, австрийской и швейцарской новеллистики, так и на реляционном своеобразии трех поколений авторов, представленных в *Сокровищнице*.

2. Материал и методы исследования

Первые попытки вычлнить и проанализировать сетевые писательские связи были предприняты в рамках социологического литературоведения в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Представители этого исследовательского направления обходились при анализе традиционным статистическим подсчетом данных, собранных путем интервьюирования писательских групп и систематизированных в табличной форме (GERHARDS, & ANHEIER 1987; ANHEIER, & GERHARDS 1991) С появлением в 2010-х гг. специального программного обеспечения, позволяющего работать с большими объемами данных и дающего возможность визуализировать связи писателей в контексте литературного поля по образу и подобию социальных сетей (Social Network Analysis), появляются новые перспективы сетевого анализа, способные обогатить как традиционный историко-литературный поиск, так и герменевтические практики (в частности, в рамках сравнительного литературоведения).

На подобном подходе, т. е. на понимании литературной сети как совокупности «взаимосвязей», регулирующих «возникновение, публикацию и рецепцию литературы» (KNAPP 2019: 25), настаивают, в частности, авторы двух недавних сборников, посвященных главным образом немецкоязычной художественной словесности XVIII в. (ТНОМАЛЛА, & SPOERNHASE 2019; KNAPP 2019). Предпринимая в данной статье попытку распространить сетевой подход на литературу XIX в., и, в частности, на немецкоязычную новеллистику, мы предполагаем в качестве итога внести ряд уточнений в сложившуюся историко-литературную картину. Именно корректировку историко-литературной картины, «затуманенной» подчас под влиянием сложившегося канона, Л. Кнапп считает главной задачей сетевого анализа.

Если представить <...> акторно-сетевые взаимодействия, возникает новое видение исторических взаимосвязей, которое ставит под знак относительности существующие ценностные акценты и иерархии в области истории литературы и эстетики. Обозначение связей заставляет проявиться узловые соединения, которые обычно остаются в тени, не будучи учтенными ни установившимся каноном, ни историографической эстетикой «вершин» («Höhenkamm-ästhetik») (KNAPP 2019: 20).

Сетевой подход, таким образом, предполагает, в первую очередь,

реляционный взгляд на систему продуцирования, дистрибуции и рецепции литературных произведений, в отвлечении от смысла, поэтики и художественной ценности каждого отдельного текста, а также при условии абстрагирования от ранга (центрального или маргинального) каждого отдельного автора в системе литературного поля и в последующем (в частности, современном) каноне. Подобный взгляд, обогащенный и обостренный привлечением элементов анализа социальных сетей (SNA), акторно-сетевого анализа (ANT) и подходов *distant reading* и *scalable reading*, мы и предлагаем бросить на ландшафт немецкоязычной новеллистики, в основном последних двух третей XIX в., с целью выявления в нем некоторых сегментов, недоступных традиционной историко-литературной и герменевтической оптике.

Выборка материала для анализа производится из набора 146 авторов — участников *Сокровищницы* и *Новой сокровищницы* со спецификацией в ней немецких, австрийских и швейцарских участников сетевого взаимодействия.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Литературные сети в XIX столетии

Как следует из упомянутых в предыдущем параграфе сетевых исследований, выполненных на материале европейской литературы XVIII в., собственно сетевое взаимодействие писателей осуществлялось в век Просвещения в первую очередь посредством активного обмена письмами. Отдельные литературные объединения (например, «союз Роши»), издательские проекты и журналы, составляя важный сегмент общей сети, не играли в ней ведущей роли. Тем очевиднее выявляется возросшая культурная роль и структурирующая сетевая функция этих литературных институций в XIX в.

Сам феномен сети и структура сетевых связей, охватывающих Европу, а затем и весь мир, становятся одним из главных маркеров столетия, воплощаясь и визуализируясь в двух самых ярких технических достижениях XIX в. — железной дороге и телеграфе.

Период между серединой столетия и началом первой мировой войны длиной примерно в шесть десятилетий был временем феноменальной «сетестроительной» активности. <...> Если образование сетей мирового масштаба называть «глобализацией» <...>, то тогда отрезок времени приблизительно между 1860 и 1914 гг. может считаться периодом беспримерного глобализационного сдвига. <...> Мышление сетевыми структурами стало формой мирозерцания именно в XIX веке (OSTERHAMMEL 2011: 1011).

Выступая временем интенсивного формирования и роста социальных сетей в современном смысле этого слова, XIX век, особенно вторая его половина, становится эпохой субстанциональной активиза-

ции и качественного роста литературной коммуникации в первую очередь на национальном, а при условии общности языка, как в случае с Германией, Австрией и немецкоязычной Швейцарией, и на наднациональном уровне. Сердцевину этой сети составляют толстые литературные журналы и крупные издательства, вовлекающие в орбиту своей деятельности в качестве коммуникантов, с одной стороны, авторов и литературных критиков, а, с другой, — читателей, роль которых (как и «обратная связь», выражавшаяся первично в цифрах продаж и подписок), по сравнению с предыдущим веком, неизмеримо возрастает.

Сокровищница немецкой новеллы стала одним из подобных масштабных литературных сетевых проектов немецкоязычного региона. Примечательной особенностью проекта, отмеченной в недавних исследованиях (JANNIDIS 2017), стала его специфическая демократичность: малоизвестные авторы публиковались в отдельных выпусках наряду с классиками и признанными мастерами жанра. В такой установке нам видится проявление одного из ключевых маркеров сетевого образования.

3.2. Демократическая сеть vs. аристократический канон

На неиерархичность сетевых структур (правда, скорее с критическим подтекстом) обратил внимание Ю. Остерхаммель.

Сеть сама по себе — настолько же наглядная, насколько и обманчивая метафора. Сети устанавливают связи в двух измерениях; они плоски, структурируют плоское пространство. У сети нет рельефа. Сетевой анализ в социальных науках при всей своей пользе неизменно чреват опасностью не разглядеть и недооценить иерархию, т. е. вертикальное или третье измерение (OSTERHAMMEL 2011: 1010).

Нам же в свете вышесказанного подобное игнорирование иерархий, неизменно базирующихся на каноне со стороны сети как структуры и соответственно со стороны сетевого анализа, представляется скорее плодотворным моментом, поскольку равноправие «узлов» в сети позволяет обозреть ее целиком и осознать ее потенциально важные, пусть и не канонизированные литературной историей, структурные сегменты. Собственно, демократическая суть сети была отмечена и самим Остерхаммелем в продолжении приведенной выше цитаты: «Из этого вытекает, что сеть являет собой в известной мере демократическое образование. Все ее узлы изначально равноценны» (Там же).

3.3. Новелла — «домашнее животное» немецкой литературы

Будучи уже в первой половине XIX в. признанной «домашним животным» (Г. Мундт) немецкоязычной литературы, новелла в контексте германистики несомненно принадлежит к особенно хорошо и подробно изученным жанрам (синописис изучения новеллы см. в [AUST 2012]). Предметом детальной интерпретации неоднократно станови-

лись как отдельные образчики новеллистического жанра, так и циклы новелл — текстовые формации, возникшие под влиянием *Декамерона* Д. Боккаччо и обретшие особенную популярность в конце XVIII — начале XIX в., такие как *Разговоры немецких беженцев* И. В. Гёте, *Фантазус* Л. Тика, *Серпантионовы братья* Э. Т. А. Гофмана и др. (Линия новеллистической циклизации, постепенно отступающая на задний план, сохраняется и во второй половине века, например, у Г. Келлера в *Люди из Зельдвиллы*, ч. 1, ч. 2).

Немецкоязычная новелла «обрастает» на протяжении XIX в. собственной жанровой теорией, главными положениями которой оказываются тезис Гёте о «неслыханном происшествии» как ее центральном событии, идея крутого сюжетного поворота (Pointe), предложенная Тиком, а также знаменитая теория «сокола» и представление об «отчетливости силуэта» новеллы, сформулированные Гейзе в предисловии к *Сокровищнице*. Кроме того, немецкоязычная новелла предстает многократно «рассортированной» и специфицированной как в отношении историко-литературной хронологии (в том числе по школам и литературным направлениям: романтизм, веймарский классицизм, бидермейер, реализм), так и в отношении канона. Нескольким десяткам канонизированных, в том числе на уровне *Schulkanon* текстов противостоят тысячи малоизвестных или практически неизвестных, никогда не переиздававшихся произведений, представленных в альманахах, толстых журналах и сборниках.

В связи с этим особенно показательны обе серии *Сокровищницы* — основная и «новая», в которых новеллистические тексты публиковались (за исключением первого тома первой серии, включавшего канонические произведения Гёте, Тика, А. фон Арнима, К. Брентано и Гофмана) в отвлечении от хронологии и канона. Таким образом, в издании практически на равных позициях и подчас под одной обложкой были представлены классики и канонические в сегодняшнем представлении авторы, такие как Гёте, Ф. Шиллер, Г. фон Клейст, Т. Фонтане, Т. Шторм, Г. Келлер, А. Штифтер, А. фон Дросте-Хюльсхоф, а также мало известные при жизни и сейчас забытые уже писатели. Кто вспомнит, например, Эдуарда Кулке (Eduard Kulke, 1831 — 1897), Гуго Розенталь-Бонина (Hugo Rosenthal-Bonin, 1840 — 1897), Германа Хейберга (Hermann Heiberg, 1840 — 1910) и Альфреда Фридмана (Alfred Friedmann, 1845 — 1923) — авторов, новеллы которых вошли в 21-й том *Новой сокровищницы*, вышедший в 1887 г.? Принцип гетерогенности в подборе авторов отразился и во впечатляющем для XIX в. количестве участвующих в проекте женщин-писательниц: одиннадцать в первой серии и тринадцать в «новой».

Полное комплексное изучение сетевых связей всего набора из

146 авторов (узлов сети) потребовало бы многолетних усилий целой исследовательской группы. В рамках настоящей статьи мы ограничимся общей постановкой проблемы и анализом репрезентативной выборки из данной сети, специфицированной по поколениям авторов и по отдельным немецкоязычным странам, обозначив также контакты выбранных авторов внутри сети. При этом мы будем опираться на методику сетевого исследования, проведенного раньше (в соавторстве с О. Н. Кулишкиной) применительно к европейской «рамочной новелле» (POLUBOYARINOVA, & KULISHKINA 2021).

3.4. Три поколения новеллистов

Количество представленных в собрании немецких новеллистов (111) в несколько раз превышает количество австрийских (27) и тем более швейцарских (8). Тем не менее, делая выборку, мы представим все три сегмента немецкоязычной новеллистики как равноправные, выделив для каждого из них (1) классика жанра, творившего преимущественно в первой трети или в первой половине XIX в., (2) представителя «среднего» поколения, новеллистическое творчество которого пришлось бы преимущественно на вторую треть века, и (3) представителя младшего поколения, писавшего по преимуществу в последнюю треть века (см. Табл. 1).

В результате представителем первого поколения для Германии выступит Тик, представленный в *Сокровищнице* двумя текстами — *Картины* («Die Gemälde», 1838) и *Жизнь льется через край* («Des Lebens Überfluß», 1839). Кроме того, рассуждения Тика о жанре новеллы выступили для Гейзе, как известно, важной опорой при разработке собственной теории новеллы, изложенной в предисловии к собранию. Представителем второго поколения немецких авторов выступит сам Гейзе, две новеллы которого включены в собрание: *Хранитель виноградников в Меране* («Der Weinhüter von Meran») и *Блудный сын* («Der verlorene Sohn»). Представителем третьего поколения выступит Шторм, новеллы которого *Работа художника* («Malerarbeit») и *Aquis submersus* вошли соответственно в первую и новую *Сокровищницы*.

Для Австрии репрезентативным представителем первого поколения, задавшим тон всей последующей австрийской новеллистике, выступает Ф. Грильпарцер, прецедентная новелла которого *Бедный музыкант* («Der arme Spielmann», 1847) вошла в 5-й том первой *Сокровищницы*. В качестве представителя второго поколения выступает Л. фон Захер-Мазох, новелла которого *Коломейский Дон Жуан* («Don Juan von Kolomea», 1867) вошла в заключительный, 24-й том первой серии. И, наконец, типичной представительницей третьего поколения австрийской новеллистики выступает М. фон Эбнер-Эшенбах, две новеллы которой *Бароны фон Гемперляйн* («Die Freiherren von Gempferlein») и

Крамбамбули («Krambambuli») вошли соответственно в 1-й и 24-й тома *Новой сокровищницы*.

Для Швейцарии создателем «уставных» новеллистических текстов с полным правом может считаться И. Готхельф, две новеллы которого *Нотариус в ловушке* («Der Notar in der Falle») и *Курт фон Корптинген* («Kurt von Korppingen») вышли соответственно в 7-м и 10-м томах первой *Сокровищницы*. Представителем второго поколения швейцарцев-новеллистов может считаться Келлер, новелла которого *Сельские Ромео и Джульетта* («Romeo und Julia auf dem Dorfe») была опубликована в 4-м томе первой *Сокровищницы*. И, наконец, представителем третьего поколения швейцарской новеллистики можно считать К. Ф. Мейера, новелла которого *Паж Густава Адольфа* («Gustav Adolf's Page») была опубликована в 13-м томе *Новой сокровищницы*.

При выделении этого набора авторов мы руководствовались репрезентативностью их новеллистических текстов для теории новеллы, разработанной и пропагандируемой Гейзе, что выражается в том числе и в частотности их присутствия в *Сокровищнице*. Так, в собрании присутствуют по два текста Тика, Гейзе, Шторма, Эбнер-Эшенбах и Готхельфа, что есть важный индикатор их «показательности» для гейзевского понимания жанра.

Причисляя того или иного автора к определенному поколению, мы руководствовались в меньшей степени датой его рождения, но ориентировались на период, в который новеллистическое творчество автора достигало наивысшей степени зрелости. Так, Штурм старше Гейзе, Эбнер-Эшенбах старше Захер-Мазоха, а Мейер лишь немногим младше Келлера, однако подлинного расцвета их творчество достигает именно в последней трети XIX в., что отмечено также включением их текстов в *Новую сокровищницу*, выходявшую с 1884 г.

Таблица 1. Три поколения немецкоязычных новеллистов

Период \ Страна	Германия	Австрия	Швейцария
Третье поколение (последняя треть XIX в.)	Т. Штурм (1817 — 1888)	М. фон Эбнер-Эшенбах (1830 — 1916)	К. Ф. Мейер (1825 — 1898)
Второе поколение (вторая треть XIX в.)	П. Гейзе (1830 — 1914)	Л. фон Захер-Мазох (1836 — 1895)	Г. Келлер (1819 — 1890)
Первое поколение (первая треть или первая половина XIX в.)	Л. Тик (1773 — 1853)	Ф. Грильпарцер (1791 — 1872)	И. Готхельф (1797 — 1854)

3.5. Контакты авторов внутри сети

Для операционализации собственно сетевой компоненты анализа необходимо обозначить контакты («ребра») ее девяти актантов (узлов) внутри сети. Это можно сделать на основе имеющейся переписки и/или биографических сведений, подтверждающих наличие контактов между авторами. Например, в *Автобиографии* Грильпарцера есть свидетельство его знакомства с Тиком, которого он посещал во время путешествия по Германии. В дневнике Эбнер-Эшенбах есть упоминание о визите, нанесенном ею Грильпарцеру. Учитывая лишь личные контакты участников сети, мы оставляем в стороне их возможное знакомство с текстами друг друга, манифестированное в биографических источниках (например, Эбнер-Эшенбах, знакомя с произведениями своих современников, оставила об этом свидетельства в дневниках) или выявляемое в ходе интертекстуального анализа их произведений. Данный вид связи, несомненно, важен особенно в контексте сравнительного литературоведения и нередко рассматривается как следствие личного контакта, поэтому его можно было бы в перспективе учесть, выводя более дифференцированные варианты связей.

Результаты изучения контактов участников сети представлены в Табл. 2, в которой 0 (отсутствие связи) означает отсутствие контактов, 1 (слабая связь) — наличие спорадического контакта, 2 (сильная связь) — наличие долговременной систематической коммуникации, каковая (в первую очередь, в виде встреч и/или обмена письмами) имела место между Гейзе и Келлером, Гейзе и Штормом, Гейзе и Захер-Мазохом, а также между Келлером и Мейером и между Келлером и Штормом.

Таблица 2. Контакты немецкоязычных новеллистов внутри сети

	Тик	Гейзе	Шторм	Грильпарцер	Захер-Мазох	Эбнер-Эшенбах	Готхельф	Келлер	Мейер
Тик		0	0	1	0	0	0	0	0
Гейзе	0		2	1	2	1	0	2	1
Шторм	0	2		0	0	0	0	2	0
Грильпарцер	1	1	0		0	1	0	0	0
Захер-Мазох	0	2	0	0		0	0	0	0

«Сокровищница немецкой новеллы»...

Эбнер-Эшенбах	0	1	0	1	0		0	0	0
Готхельф	0	0	0	0	0	0		0	0
Келлер	0	2	2	0	0	0	0		2
Мейер	0	1	0	0	0	0	0	2	

Первичный анализ приведенных данных заставляет нас, в-первых, обратить внимание на фигуру Гейзе как принципиально центральную для данной сети. Обладая максимальным количеством связей — тремя сильными и тремя слабыми «ребрами» — Гейзе как виртуозный «мастер сетевых соединений» оказывается в центре созданной и в течение ряда лет успешно поддерживаемой им сети. Подобного типа сетевая активность, на наш взгляд, вполне может быть описана термином «брокер», если подразумевать под ним вслед за Р. Бертом фигуру, реализующую эффективный коммуникационный менеджмент (BURT 2007). В проекции на литературные сети брокерами называют «лиц, которые берут на себя функцию посредничества, соединяя между собой многие отдельные кластеры» (THOMALLA, SPOERHASE, & MARTUS 2019: 12).

Если считать «кластером» три узла сети, соединенные как минимум двумя «ребрами», то Гейзе оказывается в типичной функции брокера, соединяя, например, Захер-Мазоха со Штормом и Келлером (итоговые кластеры: Гейзе — Захер-Мазох — Келлер и Гейзе — Захер-Мазох — Шторм), хотя этот первый не имел прямых контактов ни с немецким, ни со швейцарским реалистом.

Второй важный момент связан с тем, что «кластеризации» (благодаря в первую очередь успешной «брокерской» деятельности Гейзе) оказываются подвержены в основном представители второго поколения новеллистов (если не считать Шторма, которому при этом вряд ли возможно приписать активную роль в расширении сети). Третье поколение новеллистов оказывается скорее бедным сильными связями и практически не обнаруживает контактов друг с другом. Одновременно с этим именно третье поколение в лице Шторма, Эбнер-Эшенбах и Мейера выводит немецкоязычную новеллу на примечательно высокий уровень, особенно в том, что касается изощренности формы.

Примечательно важным является то обстоятельство, что все три автора третьего поколения являются преимущественно новеллистами (в отличие от Гейзе, Келлера и Захер-Мазоха, более-менее успешно проявлявших себя также в поэзии, драматургии и романной форме). Кроме того, все трое работают в основном с рамочной техникой повествования. Гетеродиегетический момент, связанный, по Ю. М. Лот-

ману, с введением в текст «второго», а подчас и «третьего» языка («добавочные текстовые включения»), выводит «основной фоновый код <...> из сферы структурно-неосознанного».

Возникающая при этом в тексте смысловая игра, скольжение между структурными упорядоченностями разного рода придает тексту бóльшие смысловые возможности, чем те, которыми располагает любой язык, взятый в отдельности. <...> Текст этого типа всегда богаче любого отдельного языка и не может быть из него автоматически вычислен (ЛОТМАН 1992: 151-152).

Сравнивая, таким образом, представителей второго и третьего поколений немецкоязычных новеллистов, можно отметить, что для второго поколения показательна, в среднем, бóльшая сетевая активность, что свидетельствует об их установке на дистрибуцию жанровой формы новеллы вовне. Напротив, для третьего поколения более характерна сосредоточенность на оттачивании и эстетическом совершенствовании собственно новеллистической формы при редуцированной сетевой активности. Эта оппозиция напоминает выведенную П. Бурдьё типологию — противопоставление авторов, которые тяготеют к «полюсу широкомасштабного продуцирования, ориентированного на ожидания широкой аудитории», авторам, которые тяготеют «к полюсу продуцирования как такового, имея в качестве своих читателей преимущественно других писателей» (BOURDIEU 1995: 121). В нашей систематике представители второго поколения новеллистов относятся к первому типу, представители третьего поколения — ко второму.

4. Заключение

В статье предпринята попытка подойти с меркой сетевого анализа к проекту *Сокровищница немецкой новеллы* — массиву немецкоязычных текстов XIX в., в целом, малоизученному и до сих пор не подвергавшемуся изучению с точки зрения сетевой парадигмы. В силу последнего обстоятельства нам пришлось ограничиться анализом некоторой выборки из сети, выделив девять позиций (узлов) из структуры, состоящей из 146 элементов. Тем не менее, работая даже на малом сегменте сети *Сокровищницы*, удалось прийти к некоторым выводам, предположениям и гипотезам, значимость которых может быть проверена при дальнейшем углубленном анализе данного сетевого образования.

В частности, достаточно перспективным выглядит возможность проследить процесс и логику «кластеризации» сети, реализуемую в ходе сетевой деятельности ее главного «брокера» — Пауля Гейзе, значимость и существенная функция которого как литературного посредника при сетевом анализе высвечивается особенно ярко.

Далее, перспективным, но требующим последующего уточнения оказывается вывод об обратном пропорциональной соотнесенности

сетевой и эстетической активности авторов-новеллистов (второе и третье поколение), а также убывания коммуникационной активности внутри сети ближе к последней трети века. Эти гипотезы могут быть верифицированы впоследствии при обращении к сети *Сокровищницы* в полном ее объеме.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Ващенко И. В. Теория новеллы в творчестве Пауля Хейзе // Вестник ВятГУ. 2010. № 2/2. С. 169—172. [Vashenko, Irina V. (2010) Teoriya novelly v tvorchestve Heise (The Theory of Novella in Heyse's Work). *Herald of Vyatka State University*, 2, 2, 169—172. (In Russian)].
- Ващенко И. В. Идеино-художественное своеобразие поэтической новеллы Пауля Хейзе «Урика» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10/2 (76). С. 12—14. [Vashenko, Irina V. (2017) Ideyno-khudozhestvennoye svoeye-obraziye poeticheskoy novelly Paulya Heise "Urika" (Ideological and Artistic Originality of Paul Heyse's Poetic Novella "Urike"). *Philology. Theory & Practice*, 76, 10 (2), 12—14. (In Russian)].
- Ващенко И. В. Бидермейерская доминанта «дом» в новеллистике и поэзии Пауля Хейзе // Концепт. 2019. № 10. С. 1—8. [Vashenko, Irina V. (2019) Biedermeierovskaya dominanta "dom" v novellistike i poesii Paulya Heise (Biedermeier Dominant "House" in the Novelism and Poetry of Paul Heyse). *Concept*, 10, 1—8. (In Russian)].
- Лотман Ю. М. Текст в тексте // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. С. 148—151. [Lotman, Yuriy M. (1992) Tekst v tekste (Text within the Text). In Lotman, Yuriy M. *Statyi po Semiotike i Topologii Kul'tury* (Articles on Semiotics and Topology of Culture). Tallinn: Aleksandra, 148—151. (In Russian)].
- Полубояринова Л. Н. «Где „сокол“ зарыт»: дискуссия о малых повествовательных жанрах в немецкоязычной литературе XIX века // Дж. Боккаччо в отечественной и мировой культуре: сб. статей к 700-летию со дня рождения / под ред. М. С. Самариной и Л. В. Богатыревой. СПб.: РХГА, 2015. С. 163—181. [Poluboyarinova Larisa N. (2015) "Gde 'sokol' zaryt": diskussiya o malykh povestvovatel'nykh zhanrakh v nemetskoyazychnoy literature XIX veka (Where the Falcon is Buried: A Debate on Small Narrative Genres in German-Language Literature of the 19th Century). In Samarina, Marina S., & Bogatyryova, Ludmila V. (eds) *Dzh. Bokkachcho v otechestvennoy i mirovoy kul'ture* (G. Boccaccio in Domestic and World Culture. Collection of articles dedicated to the 700th Anniversary of His Birth). Saint Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities, 163—183.

- (In Russian)].
- Aust, Hugo. (2012) *Novelle*. Stuttgart; Weimar: Metzler.
- Beebee, Thomas O. (2014) From Nobel to Nothingness: The Negative Monumentality of Rudolf C. Eucken and Paul Heyse. In Beebee, Thomas. (ed.) *German Literature as World Literature*. London: Bloomsbury Academic, 137—156.
- Bourdieu, Pierre. (1995) *The Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field*. Stanford: Stanford University Press.
- Anheier, Helmut K., & Gerhards, Jürgen. (1991) The Acknowledgment of Literary Influence: A Structural Analysis of a German Literary Network. *Sociological Forum*, 6, 1, 137—156.
- Bertazzoli, Raffaella; Grube, Christoph, & Och, Gunnar. (eds) (2016) *Kulturelle Mittlerschaft: Paul Heyse und Italien*. Würzburg: Königshausen & Neumann.
- Burt, Ronald. (2007) *Brokerage and Closure. An Introduction to Social Capital*. Oxford: Oxford University Press.
- Gerhards, Jürgen, & Anheier, Helmut K. (1987) Zur Sozialposition und Netzwerkstruktur von Schriftstellern. *Zeitschrift für Soziologie*, 16, 5, 385—394.
- Jannidis, Fotis. (2017) Perspektiven quantitativer Untersuchungen des Novellenschatzes. *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik*, 47 (1), 7—27. doi.org/10.1007/s41244-017-0050-x.
- Knapp, Lore. (ed.) (2019) *Literarische Netzwerke im 18. Jahrhundert*. Bielefeld: Aisthesis.
- Knapp, Lore. (2019) Literarische Netzwerke im 18. Jahrhundert: theoretisch, empirisch, metaphorisch. Zur Einleitung. In Knapp, Lore. (ed.) *Literarische Netzwerke im 18. Jahrhundert*. Bielefeld: Aisthesis, 7—31.
- Mellmann, Katja. (2017) Zeit- und Ortsangaben im Deutschen Novellenschatz. *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik*, 47 (1), 49—66. doi.org/10.1007/s41244-017-0046-6.
- Osterhammel, Jürgen. (2011) *Die Verwandlung der Welt: Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts*. München: Beck.
- Poluboyarinoва, Larisa N., & Kulishkina, Olga. (2021) Frames and Networks: Framework Narratives in 19th-century European Literature. In Antonyuk, Artyom, & Basov, Nikita. (eds) *Networks in the Global World*. Proceedings of NetGloW 2020. Cham: Springer Nature Switzerland AG, 49—65.
- Schätzle, Christin. (2017) Genitiv als Stilmittel in der Novelle. *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik*, 47 (1), 125—140. doi.org/10.1007/s41244-017-0043-9.
- Thomalla, Erika, & Spoerhase, Carlos. (2019) (eds) Werke in Relationen Netzwerktheoretische Ansätze in der Literaturwissenschaft. *Zeitschrift*

für *Germanistik*. Neue Folge, 29.1.

Thomalla, Erika; Spoerhase, Carl, & Martus, Steffen. (2019). Werke in Relationen Netzwerktheoretische Ansätze in der Literaturwissenschaft. Vorwort. *Zeitschrift für Germanistik*, Neue Folge, 29.1, 7—23. doi.org/10.3726/92164_7.

Weitin, Thomas. (2017) Scalable Reading. *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik*, 47 (1), 1—6. doi.org/10.1007/s41244-017-0048-4.

Weitin, Thomas, & Herget, Katharina. (2017) Falkentopics. *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik*, 47 (1), 29—48. doi.org/10.1007/s41244-017-0049-3.

Larisa N. Polubojarinowa
Staatliche Universität Sankt Petersburg

Deutscher Novellenschatz, ein deutsch-österreichisch-schweizerisches Netzwerkprojekt des 19. Jahrhunderts

Im Fokus des Aufsatzes steht Paul Heyses *Deutscher Novellenschatz*, ein breit angelegtes Editionsprojekt aus der 2. Hälfte des 19. Jahrhunderts. Das große Text- und Autorenkorpus, bestehend aus 155 Novellen, die von 146 deutschen, österreichischen und schweizerischen Autoren verfasst wurden, wird zum ersten Mal einer netzwerkorientierten Analyse unterzogen und u. a. aus der Perspektive *Social Network Analysis* betrachtet. Die Analyse einer repräsentativen Stichprobe von neun Autoren des *Novellenschatzes* wurde auf die «zentrale» Position Paul Heyses im Kontext des Netzwerks und seine Funktion als *Netzwerk-Broker*, der an der Konstruktion mehrerer Cluster beteiligt ist und dadurch die Dichte und Konnektivität des Netzwerks festigt. Darüber hinaus konnten Vermutungen über eine Typologie der „mittleren“ und der „jüngeren“ Generation der deutschsprachigen Novellendichter angestellt werden.

Schlüsselwörter: „Deutscher Novellenschatz“; „Der neue deutsche Novellenschatz“; Paul Heyse; literarische Netzwerke; Social Network Analysis; Broker; Cluster

Larisa N. Poluboyarinova
Saint Petersburg State University

German Novella Treasure, a German-Austrian-Swiss Network Project of the 19th Century

The focus of the paper is Paul Heyse's *German Novella Treasure*, a broadly conceived edition project from the 2nd half of the 19th century. The large corpus of texts and authors, consisting of 155 novellas written by 146 German, Austrian and Swiss authors, is subjected for the first time to a

network-oriented analysis and considered, among other things, from the perspective of social network analysis. Based on the representative examination of nine authors of the *Novella Treasure*, a judgment could be made about the centrality of Paul Heyse's position in the network. This author himself could be characterized as a typical *network broker*, whose active clustering effectively contributed to the density and coherence of the network. Furthermore, it was possible to make assumptions about a typology of the 'middle' and the 'younger' generation of German-language novella poets.

Keywords: "German Novella Treasure"; "The New German Novella Treasure"; Paul Heyse; literary networks; social network analysis; brokers; clusters

М. С. Потемина

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

ГИБРИДНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ

Проблема гибридной идентичности рассматривается в статье в контексте художественного и социокультурного дискурсов. На уровне нарратива в текстах авторов с мигрантским бэкграундом выявляются проблемы интра- (Я — Другой Я) и межкультурной (мигранты и немцы) коммуникации, возникающие в процессе поиска идентичности в новоформатном обществе. В рассказах из сборника *Родной язык* («Mutterzunge», 1990) Эмине Зевги Эздамар тема самоидентификации и социализации раскрывается через призму преодоления протагонистами многоуровневых языковых, культурных и социальных кодов. Бинарные оппозиции «свое — чужое», «традиции — инновации», «жизнь — смерть», «явь — сон», «Восток — Запад», «Восточный Берлин — Западный Берлин» представляют собой доминирующий инструмент авто- и метарепрезентации «себя» и «другого» в рассказах Эздамар. На пути интеграции героев в немецкое языковое пространство у Эздамар на уровне нарратива наблюдается ретроградный вектор движения к старому «своему» с возвращением на исходные позиции определенной этаблированности в новом иноязычном социуме.

Ключевые слова: идентичность; мигрантская литература; Эмине Зевги Эздамар; межкультурная коммуникация; гибридность; транскультурность

1. Введение в проблематику исследования

В последние годы можно заметить тенденцию перераспределения акцентов в изучении мигрантской литературы как одной из гибридных жанровых форм (в парадигме «литература гастарбайтеров» — «мигрантская литература» — глобализованная «немецкоязычная литература»). Такое смещение фокуса внимания с внешнего (с точки зрения Другого) на внутренний (с точки зрения Своего) связано, прежде всего, со стремительными изменениями в литературном и социокультурном ландшафте современной Германии. Авторы с мигрантским бэкграундом более не позиционируют себя как переселенцы или беженцы, вынужденные в изменившихся обстоятельствах приобретать новые навыки (в том числе языковые) и опыт (интеграция в чуждое и отчасти будто бы от-

торгающее их пространство). Теперь многоязычные писатели отстаивают свое право занять в литературном поле Германии место независимого агента, что позволило бы им легитимировать себя в качестве немецких писателей.

Разделение немецкоязычной литературы на разные национально-ориентированные ниши не всегда проходит безболезненно. Так, на одной из конференций, посвященной мигрантской литературе (Милан, 2016), приглашенная писательница Ольга Грязнова выступила с докладом, в котором осудила разделение литературоведами немецкоязычных писателей на «своих» (немецкая литература) и «чужих» (немецкоязычная мигрантская литература) и призвала рассматривать и представлять ее исключительно как немецкую писательницу. В своем творчестве она намеренно частично отходит от мигрантской темы и пытается рассмотреть другие актуальные для Германии вопросы. Манифест Грязновой наглядно показывает, как на уровне метадискурса проявляются некоторые сложности социализации и самоидентификации современных авторов (ПОТЕМИНА, ПОТЕМИНА 2019). По этой причине представляется необходимым рассмотреть текст не только как часть художественного, но и социокультурного дискурса и проследить, как на уровне текста отражаются проблемы интракультурной и межкультурной коммуникации, возникающие в новоформатном обществе в процессе поиска идентичности.

Похожие тенденции и формы «легитимации» немецкого писательского бытия прослеживаются в процессах интеграции восточно-немецких писателей (выходцев из бывшей ГДР) в западно-немецкое культурное и литературное пространство после 1989 г.

С изменениями ракурса самоинсценировки писателей-мигрантов тесно связаны и формы нарративной репрезентации их мультикультурного опыта. Если раньше в литературе и литературной критике поднимались темы, выстраивающие свою аргументацию на оппозиции «свой» — «чужой» (на языковом, межкультурном, социальном уровне интеграции покинувшего свою родину героя и его социализация в новое, неизвестное ему, языковое и социокультурное пространство), в последние годы акцент смещается на транскультурный опыт многоязычных авторов, свободно владеющих немецким языком и чувствующих себя частью общей немецкоязычной культуры. Авторы продуктивно используют основанные на различном (лингво)культурном опыте

противоречия, трансформируя их в новаторские стилистические приемы и языковую игру. На уровне текста они демонстрируют свое желание стать медиаторами между культурами, не нарушая при этом герметичность нового культурного и языкового пространства, а дополняя его.

Тему конструкторов идентичности можно рассматривать здесь в двух аспектах: 1) на уровне самопрезентации писателей и про-тагонистов и 2) их реакции на помещение в контекст разных пространственных (там и здесь) и временных (прошлое — настоящее) уровней.

2. Результаты исследования и их обсуждение

2.1. «Культурный полилог» в литературном ландшафте Германии

На актуальность и своевременность изучения различных нарративных моделей в контексте современного мультикультурного диалога указывает неутраченный интерес к так называемой «мигрантской литературе», которая рассматривается большинством исследователей как пространство между культурами («interstitial space», «in-between space»), обладающее большим междисциплинарным потенциалом.

В современном обществе невозможно игнорировать детерминированную миграцией гетерогенность (т. е. языковое, этническое, религиозное и культурное многообразие), которая нашла свое отражение в художественном дискурсе. Интернационализация и глобализация постепенно становятся важным элементом, оказывающим влияние как на литературное творчество писателей, так и на способы их литературоведческого осмысления. Концепт «культурная идентичность», который строился на идее «гомогенной культуры», лежащей в основе национальных обществ, подвергается критике и постепенно теряет свое значение. Он уступает место понятию «гибридная идентичность», базирующемуся на идее размывания национальных идентичностей «глобальным постмодернизмом» (HALL 1999: 425).

Литература, созданная авторами-мигрантами, рассматривается в межкультурной германистике как своеобразный вызов концепциям гомогенных национальных идентичностей, а также как «форма преодоления “своего” и “чужого” и отражения гибридной идентичности, характерной для мультикультурной ситуации в Германии в целом» (SCHMITZ 2009: 28).

Дж. Кьеллино выделяет три «инновационных компонента», отличающих мигрантскую литературу: 1) проект межкультурной памяти, 2) диалогизм языка и 3) присутствие межкультурного собеседника в лице читателя наряду с имплицитным читателем своей культуры (CHIELLINO 2000: 391)

Слабой стороной теории Кьеллино, по мнению Б. Штраттхауза, является то, что «межкультурный собеседник» в его концепции противопоставляется представителю гомогенной монокультуры, т. е. «его диалог подразумевает диалог двух отдельных языков, межкультурная компетенция для него в этом контексте — двуязычие» (STRATTHAUS 2005: 32). А поскольку двумя языками владеет только автор, а не потенциальный читатель, то межкультурный диалог через нарратив может не состояться. Эту же идею транслирует в своем исследовании Н. Истерхельд, которая отмечает, что многослойные тексты многоязычных авторов могут быть поняты исключительно читателями, которые также имели опыт смены языкового и культурного пространства (ISTERHELD 2017: 119). Такой разрыв в культурном опыте может не только не преодолеть, но, напротив, углубить и закрепить в сознании публики «пропасть между мультикультурными авторами и монокультурным читателем» (CHIELLINO 2001: 11).

Благодаря языковой игре с атрибутами первого и второго языков, очуждению и гиперболизации, иронии и языковому бессилию как отражению угрозы утраты языка перед лицом экзистенциальной травмы мигрантская литература создает амбивалентный транскультурный опыт. Вопросы, какую роль немецкий язык играет в интеграции мигрантов в новое общество, как своя культура отражается в немецкой, а встреча с «Другим» обогащает немецкий язык, рассматривает в своей работе Роксана Роговете (ROGOVETE 2016). Как медиум конструирования идентичностей изучает язык Марьяна Кресич. На примере «лоскутной идентичности» Койпера, Кресич разрабатывает собственную модель «многочисленных языковых идентичностей» (KRESIĆ 2006). Идентичность и язык часто рассматриваются в психолингвистическом (BENRAVESH 2016), социолингвистическом (ТНИМ-МАВРЕУ 2003) и семиотическом контекстах (POSNER 2003: 39-72).

В сборнике трудов, посвященном транскультурным полиидентичностям, рассматриваются также релевантные для нашего исследования аспекты: каким образом авторами и их героями

переживается опыт принадлежности к нескольким культурам, какие нарративные стратегии и культурные практики они используют для «самоконструирования в транскультурно измененном пространстве и времени» (FREIST, KYORA, UNSELT 2019: 10).

В последние годы авторы часто выступают против выделения «литературы миграции» в отдельную группу, поскольку в этом случае писателям приписываются определенные атрибуты и клише», и любая книга рассматривается как образец мигрантской, т. е. экзотической культуры. В рамках дебатов, выступлений и других эпитекстуальных контекстов писатели с мигрантским бэкграундом пытаются критиковать оценку своих произведений в общественном и даже научно-литературоведческом дискурсах. Они дистанцируются от генерализирующей «мигрантской литературы» и стремятся к индивидуальному позиционированию себя как немецкого писателя, к авторской самоинсценировке.

В контексте всего вышесказанного предполагается, что наряду с традиционными герменевтическими и лингвистическими методами исследования одним из продуктивных подходов изучения мигрантской литературы может стать дискурсивный анализ, ориентирующийся на взаимопроникновение художественного и социокультурного дискурсов.

2.2. Репрезентации гибридной идентичности в прозе Емине Зевги Эздамар

Проблема полиидентичности в контексте преодоления многоуровневых языковых, культурных и социальных кодов становится одной из главных тем сборника рассказов *Родной язык* («Mutterzunge», 1990), созданного Эздамар. В данном случае писательница, принадлежащая к первому поколению переселившихся в Германию турецких мигрантов, пытается в художественной форме переработать собственный опыт освоения нового физического, языкового и социокультурного пространства, помещая героинь рассказов в различные жизненные ситуации и наделяя их своим видением возникающих при этом проблем.

Первые сложности, связанные с размытием самоидентичности, безмянная героиня рассказа *Родной язык* связывает с языком. У «ее» немецкого языка нет культурного бэкграунда, хотя она почти в совершенстве им владеет: «На иностранном языке у слов нет детства» (ÖZDAMAR 2013: 42).

Родной турецкий язык в свою очередь постепенно стано-

вится для рассказчицы чужим. Слова родной матери, сказанные на турецком, воспринимаются ею «как хорошо выученный иностранный язык» (Там же: 7). Впрочем, слушая историю матери юноши, ожидающего своей казни в турецкой тюрьме, она также чувствует, что отдаляется от своих корней: ей кажется, «словно она сказала эти слова на немецком» (Там же: 9). Буквы и надписи также воспринимаются ею как «хорошо выученная иностранная письменность» (Там же).

В Берлинском мульти-культи-кафе героиня задается вопросом, когда же она потеряла свой родной язык: «Wenn ich nur wüßte, wann ich meine Mutterzunge verloren habe» (Там же: 7). «Растворение» в новой культуре пугает героиню. Возможно, именно поэтому со своим вторым «я», пра-личностью и родным языком она может встретиться только в пограничных пространствах: в снах, в поездках, пересекая границу. Преодолевая физические (телесные), географические (Турция-Германия, Восточный и Западный Берлин) или имажинарные границы (явь-сон), она чувствует себя в зыбком пространстве «между двух миров».

«Stehe auf, geh zum anderen Berlin, Brecht war der erste Mensch, warum ich hierher gekommen bin, vielleicht dort kann ich mich daran erinnern, wann ich meine Mutterzunge verloren habe. Auf dem Korridor zwischen zwei Welten» (Там же: 11).

Берлин становится метафорой разделения не только Германии, но и границы между «своим» и «чужим»: «Warum stehe ich im halben Berlin? [...] Ich werde zum anderen Berlin zurückkehren» (Там же: 12).

Возвращение в «другой Берлин», согласно концепции Эздмар, — это возвращение к себе и своим корням. По мнению писательницы, существуют «Восточный Берлин», «Западный Берлин» и «Берлин иностранцев» (Ausländer-Berlin) (ÖZDAMAR 2014). При этом «Берлин иностранцев» — временное пространство для гастарбайтеров, которые приехали сюда лишь на заработки и через год планируют вернуться на родину. Таким образом, Германия представляется им неким провизориумом, временным пристанищем.

Героиня принимает решение отправиться на поиски нового языка и найти себя через языковую идентичность своего деда, который, возможно, поможет ей лучше понимать мать и родной язык: «Vielleicht erst zu Großvater zurück, dann kann ich den Weg

zu meiner Mutter und Mutterzunge finden» (ÖZDAMAR 2013: 12). Дедушка, владеющий только арабским, и героиня, знающая исключительно латынь, не смогли бы без помощи жестов понять друг друга или рассказать друг другу свои истории. Поэтому героиня отправляется в Западный Берлин, чтобы вернуться к своим корням и выучить арабский язык у мастера Ибн Абдуллы (Ibn Abdullah).

Продолжение вышеописанной истории обнаруживается в рассказе *Язык деда* («Großvaterzunge», 1990) (Там же), в котором один из персонажей, специалист по арабскому языку, считает неуместным общаться с героиней, восточной женщиной, на немецком, но на данный момент это — их единственный язык-посредник. Рассказчица начинает осознавать, что языковой пуризм так же, как изолированная идентичность, становятся невозможными в современных условиях. Даже исторически родной язык невозможно выучить изолированно от другого. В результате в процесс изучения ею арабского языка невольно вмешиваются голоса немецких ориенталистов («Ich lernte sehr leise, hinter dem Vorgang waren Sie laut, ihre Sätze und meine Sätze mischten sich» [Там же: 23]), а турецкая песня сливается с арабскими словами («<...> dann kam wieder ein türkisches Lied, und das mischte sich in die arabischen Wörter» [Там же: 30]).

История поиска языка переплетается с платонической любовной историей. В какой-то момент героине кажется, что она «носит в себе Абдуллу в обеих частях Берлина», поскольку новые слова, наполненные любовью, наконец, приобретают смысл: «Die Wörter, die ich die Liebe zu fassen gesucht habe, hatten alle ihre Kindheit» (Там же: 43).

В третьем рассказе Эздамар *Karagöz in Alemania. Schwarzauge in Deutschland* (Там же), выстроенном по всем законам турецкого теневоего театра, гротескно и почти сюрреалистично представлена ситуация перехода из одного пространства в другое. Турецкие рабочие стоят на пороге перемен, перед дверью в Германию, которая постоянно открывается то в одну, то в другую сторону. Граница здесь представлена как некий портал («Die Deutschland-Tür ging auf und gleich zu» [Там же: 61]), позволяющий лишь опосредованно, через проходящих эту дверь людей, узнать об их судьбах. Через «дверь в Германию» проходят многочисленные живые и мертвые: с одной стороны, мужчина с золотыми зубами,

сколотивший себе состояние на испражнениях (Там же: 62), с другой, — через дверь проносят гроб, в котором несут погибшего на немецком автобане в аварии юношу (Там же).

Контраст между двумя мирами показан в этом тексте на разных уровнях:

1) на уровне языка: гастарбайтеры говорят на ломаном немецком языке, их речь изобилует турецкими пословицами и поговорками, не всегда понятными европейскому читателю притчами. Невозможность общения турецких гастарбайтеров и немецких граждан на одном (в прямом и переносном смысле) языке приводит к возникновению звуковых окказионализмов, языка звуков (*Mutterzunge*), к многозначительному молчанию (*Karagöz in Alemania*). Большинство мужчин, стоящих на границе, молчат или разговаривают только с себе подобными. Их молчание — это протест против специально написанных немецкими волонтерами для турков правил поведения, против невозможности сохранить чувство собственного достоинства в данных обстоятельствах. Это и стремление ограничить контакт с «чужим» сферой невербального;

2) на уровне нарратива: автор использует нелинейную повествовательную перспективу, перед читателем разворачивается сценическое действие со всеми атрибутами театрального представления: сменой декораций, героев, пространств, времени. Саморефлексия, авто- и метарепрезентация становятся основой авторского стиля. Основные сложности в коммуникации и проблемы самоидентификации связаны прежде всего с непреодолимыми поведенческими стереотипами и ощущением себя как «чужого» и в родной, и в принимающей культуре:

„Verzeihen Sie, sind Sie Türke?“

„Ich für Deutsche Türk,

für Araber Deutsche,

zusammen Tennisspielen“» (Там же: 90).

Американский журналист спрашивает турецкого юношу, почему он покинул Германию и отправляется в Турцию. Мальчик, выросший в Германии, вынужден после достижения 18 лет вернуться на чужую для него родину, языком которой он как представитель второго поколения миграции уже не владеет:

„Ein Jugendlicher wurde aus Alemania-Tür ausgetrieben. [...]

„Where are you going tonight?“

“Türkei!”

“Why?”

„Why? 18 geworden. Go home! I go home. Aber my home ist hinter mir, meine Eltern sind in Deutschland. I go home. Verstehen?“»
(Там же: 90-91).

Основная цель журналиста — выяснить, как турецким гастарбайтерам удастся адаптироваться в Германии, ведь «культурный шок», с которым они сталкиваются, ставит под вопрос экономическую, культурную и политическую адаптацию приезжих:

«Versteht ihr, wie wichtig das ist? Was meint ihr dazu? Man müßte unter den Gastarbeitern ein Gedicht- oder Kleidernähwettbewerb machen. Dann könnte man prüfen, wie sie aus deutschen Stoffen ihre türkischen Kleider nähen; so könnte man sehen, wieviel von ihrer Identität nicht da ist» (Там же: 91);

3) на уровне тематики: прослеживается контраст между двумя мирами. В рассказе поднимаются многочисленные социальные проблемы, с которыми сталкивались турецкие граждане, приезжающие в Германию на работу. На примере притчи о крестьянине, отправившемся на заработки в Германию, показано, как рушатся семьи и жизни турецких гастарбайтеров, не нашедших своего пристанища в Германии и утративших свою родину в Турции. Сложнее всего в этой ситуации приходится женщинам, которые либо остаются с детьми без кормильцев на родине, либо вынуждены терпеть свою полную зависимость в чужой им Германии от постоянно работающих и затем срывающихся на них мужей:

«Die Alemania-Tür ging zu, dann sofort wieder auf. Die Frau des Bauern kam raus. Sie war schwanger, sie ging Richtung Türkei und sagte: „Ich nicht aushalten können Deutschland.“ Dann kam sie wieder aus der Türkei Richtung Alemania-Tür, jetzt war sie hochschwanger und trug ihr erstes Baby im Arm und sagte: „Ich nicht aushalten können Türkei“. Sie stand an der Deutschland-Tür und rief laut zu ihrem Mann. Deutschland war laut. Ihr Mann arbeitet als Bergmann. Sie rief: „Komm her, ich habe dir etwas zu sagen.“ Der Bauer rief laut: „ich kann nicht. Komm du her.“ Sie schrie: „Nein“. Der Bauer warf aus Deutschland ein Paar neue Schuhe und ein Kopftuch und sagte zu seinem Esel: „Sprich zu ihr, ich muß arbeiten“ Der Esel zeigte an der Deutschland-Tür einen Wohnungsschlüssel. [...] Die Frau vom Bauern zog sich ihre Schuhe und ihr Kopftuch an und ging mit ihrem Baby und hochschwanger nach Deutschland rein. [...]

Dann ging Deutschland-Tür wieder auf. Die Frau vom Bauern kam raus mit zwei Babys und wieder schwanger. Sie hatte ein blaugeschlagenes Auge. [...]» (Там же: 71-72).

Символичной в этом контексте представляется метафорическая супружеская кровать, на которой лежат, с одной стороны, традиционные семейные ценности, с другой, — атрибуты европейского достатка:

«Der Bauer lag auf seinem Bett, das große bunte Bett vom Anfang war in zwei Teile durchgeschnitten. Auf dem anderen Teil lag die Frau mit ihren Kindern. Der Bauer hatte alle seine Gegenstände mit im Bett. Den Diplomatenkoffer, Taschenrechner, Kassettenrekorder, einen kleinen Mini-Fernseher, seine Sonnenbrille, und er machte seinen Apfelbäumen, die über seinem Kopf standen eine Liebeserklärung...» (Там же: 101).

Заканчивается сборник Эздамар рассказом *Karriere einer Putzfrau. Erinnerungen an Deutschland* (Там же). Безымянное Я рассказчика представляет собой собирательный образ всех приехавших в Германию мигрантов, которые сразу после пересечения границы должны соответствовать стереотипному представлению о гастарбайтерах. Последний рассказ сборника полон интертекстуальных аллюзий и цитат. На сцене разворачивается настоящее театральное действо: «Ich bin die Putzfrau, wenn ich hier nicht putze, was soll ich sonst tun? In meinem Land war ich Ophelia» (Там же: 104).

Бинарные оппозиции «свое — чужое», «традиции — инновации», «жизнь — смерть», «явь — сон», «Восток — Запад», «Восточный Берлин — Западный Берлин» представляют собой доминирующий инструмент авто- и метарепрезентации «себя» и «другого» в рассказах Эздамар. Примечательно, что интеракция протагонистов в рассказах происходит чаще всего на уровне «свой — свой» и практически отсутствует на уровнях «свой — другой». Так, например, турецкого крестьянина избивают в Германии расисты, но не немецкие, а турецкие; молодой человек, купивший себе в Германии Ford Consul, на нем же и разбивается вместе с другими своими турецкими друзьями: «Die Väter nehmen ihre toten Söhne und gehen in Richtung Türkei» [Там же: 98].

Как на физическом, так и на символическом уровне герои трагически сталкиваются со своими собственными страхами, амбициями и фантомами. Метафора зеркала как искаженного об-

раза действительности, заставляющей встретиться с самим собой, является лейтмотивом почти всех произведений Эздамар: «Am Ende des Korridors steht ein Spiegel — das Signal für den sofortigen Aufbruch [...]» (Там же: 97).

На первый взгляд (на уровне языковой и социальной (рабочей) интеграции), протагонистам-мигрантам Эздамар удается формально адаптироваться к условиям жизни в Германии: они находят работу, квартиру, им удается заработать деньги и приобрести значимые для них атрибуты благополучия. Однако несмотря на все вышеперечисленное «чужое» не только не становится «своим», но, как в искаженном зеркале, проявляет наиболее темные стороны как личности, так и органично воспринимаемых в контексте собственной культуры обычаев и традиций. Лишенная собственных корней культура деформируется на Западе, воспринимается инородной как извне («чужое»), так и изнутри («свое»).

Болезненный опыт миграции выражается в ощущении ее героиней раздвоенности, постоянной необходимости (ре)конструирования собственной идентичности. В процессе познания своей истинной сущности авторское *alter ego* находит опору не в «чужом», а воспринимает всё через призму «своего», проявившегося более четко через увеличительное стекло чужого пространства. «Чужое», таким образом, становится лишь посредником в познании «своего».

3. Заключение

Очевидно, что доминирующую роль в сложном процессе адаптации играет языковой фактор. Интегрируя себя в «чужое» языковое пространство и осваивая его, Эздамар постоянно возобновляет поиски своего родного языкового пространства, пытаясь вернуться к собственным национальным корням, вследствие чего речь идет о возникновении такой формы гибридной идентичности, которую мы назвали бы «ретроградной интеграцией». Это означает, что интеграция в «чужое», ставшее в определенной степени новым «своим», осуществляется параллельно с реинтеграцией автора в старое «свое». На фоне формальной адаптации к жизни в Германии писательница продолжает оставаться в состоянии некоего внутреннего диссонанса, что выражается на уровне языка.

Можно констатировать, что авторы-мигранты в ходе становления собственной гибридной идентичности проходят поэтапный путь освоения нового культурного и языкового пространства, основанный на семантической оппозиции «свое — чужое».

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Потемина М. С., Потемина Т. А. Нелинейный образ мигранток и мигрантов (пост)советского пространства в современном социокультурном дискурсе // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего: материалы XII международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН: в 2 частях / ред. Н. Л. Пушкарёва и др. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2019. С. 494—497. [Potyomina, Marina. S., & Potyomina, Tamara A. (2019) Nelineynyy obraz migrantok i migrantov (post)sovetskogo prostranstva v sovremennom sotsiokul'turnom diskurse (Non-linear Image of Migrant Women and Migrants (Post)Soviet Space in Modern Socio-Cultural Discourse. In Pushkareva, Natalya L., et al. (eds) *Women and Men in Migration Processes of the Past and Present*. Materials of the 12th International Scientific Conference of the Russian Association of Women's History Researchers and the RAS Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Miklukho-Maklay: in 2 parts. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University, 494—497. (In Russian)].
- Bondareva, Lydmila; Potyomina, Marina, & Tkachenko, Vera. (2019) Explication of the Migrant Writers' Hybrid Identity in German-speaking Discourse. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, vol. 360. doi: <https://dx.doi.org/10.2991/emssese-19.2019.45>.
- Chiellino, Gino. (2000) *Interkulturelle Literatur in Deutschland*. Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler.
- Freist, Dagmar; Kyora, Sabine, & Unsel, Melanie. (2019) *Transkulturelle Mehrfachzugehörigkeit als kulturhistorisches Phänomen. Räume — Materialitäten — Erinnerungen*. Bielefeld: Transcript Verlag.
- Hall, Stuart. (1999). Kulturelle Identität und Globalisierung. In Hörning, K. H.; Winter, R. (eds) *Widerspenstige Kulturen. Cultural Studies als Herausforderung*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 393—441.
- Isterheld, Nora. (2017) *In der Zugluft Europas. Zur deutschsprachigen Literatur russischstämmiger AutorInnen*. Bamberg: University of Bamberg Press.
- Kresić, Marijana. (2006) *Sprache, Sprechen und Identität zur sprachlich-medialen Konstruktion des Selbst*. München: Iudicium Verlag.
- Özdamar, Emine Sevgi. (2013) *Mutterzunge*. Berlin: İletişim Yayınları.
- Posner, Roland. (2003) Kultursemiotik. In Nünning, Ansgar, & Nünning, Vera. (eds) *Konzepte der Kulturwissenschaften. Theoretische Grundlagen — Ansätze — Perspektiven*. Stuttgart: J. B. Metzler, 39—72.
- Rogobete, Roxana. (2016) Sprache und Identitätsbildung in der Migrationsliteratur. In Murar, Ioana. (ed.) *Annals of the University of Craiova*,

- Year XVII, 1. Editura Universitaria Craiova, 219—228.
- Schmitz, Helmut. (2009) (ed.) *Von der nationalen zur internationalen Literatur: Transkulturelle deutschsprachige Literatur und Kultur im Zeitalter globaler Migration*. Amsterdam; New York: Editions Rodopi B.V. (Amsterdamer Beiträge zur Neueren Germanistik).
- Stratthaus, Bernd. (2005) *Was heißt die „Interkulturelle Literatur“?* Dissertation im Fach Allgemeine und Vergleichende Literaturwissenschaft zur Erlangung des Grades Dr. phil. Duisburg; Essen.
- Thim-Mabrey, Christiane. (2003) Sprachidentität — Identität durch Sprache. Ein Problemaufriss aus sprachwissenschaftlicher Sicht. In Janich, Nina. (ed.) *Sprachidentität — Identität durch Sprache*. Tübingen: Günther Narr Verlag, 1—19.

Marina S. Potjomina
Baltische Föderale Immanuel-Kant-Universität

Hybride Identität im Spiegel der modernen deutschen Prosa

Das Problem der hybriden Identität wird im Beitrag im Kontext der literarischen und soziokulturellen Diskurse untersucht. Auf der Narrativ-Ebene kommen in den Texten der Autoren mit dem Migranten-Hintergrund die Probleme der intra- (Ich — das andere Ich) und interkulturellen (Migranten — die Deutschen) Kommunikation zum Vorschein, die im Prozess der Suche nach der eigenen Identität in der neuformatierten Gesellschaft entstehen. In den Erzählungen aus dem Band *Mutterzunge* (1990) von Emine Sevgi Özdamar wird das Thema der Selbstidentifikation und Sozialisation durch das Prisma der Überwindung von mehrschichtigen sprachlichen, kulturellen und sozialen Code erschlossen. Binären Oppositionen „Eigenes — Fremdes“, „Tradition — Innovation“, „Leben — Tod“, „Wirklichkeit — Traum“, „Osten — Westen“, „Ostberlin — Westberlin“ sind die wichtigsten Instrumente der Auto- und Meta-Repräsentation von sich „Selbst“ und dem „Anderen“ in der Prosa von Özdamar. Auf dem Wege der Integration der Protagonisten in den deutschen Sprachraum kann man in den Texten von Özdamar auf der Narrativ-Ebene die retrograde Vektorrichtung zu dem alten „Eigenen“ mit der anschließenden Rückkehr auf die Startposition einer gewissen Etabliertheit in der neuen deutschsprachigen Gesellschaft feststellen.

Schlüsselwörter: Identität; Migrantenliteratur; Emine Sevgi Özdamar; interkulturelle Kommunikation; Hybridität; Transkulturalität

Hybrid Identity in the Mirror of Contemporary German Prose

The article addresses the problem of hybrid identity in the context of artistic and socio-cultural discourses. At the level of narrative, the texts of authors with a migrant background reveal the problems of intra- (I — the other self) and intercultural (migrants and Germans) communication that arise in the process of searching for identity in a new-format society. In the stories from the collection *Mother Tongue* (“Mutterzunge”, 1990) by Emine Sevgi Özdamar, the topics of self-identification and socialization are revealed through the prism of protagonists overcoming multilevel linguistic, cultural and social codes. Binary oppositions “ours — alien”, “traditions — innovations”, “life — death”, “reality — dream”, “East — West”, “East Berlin — West Berlin” represent the dominant instrument of auto- and metarepresentation of “myself” and “the other” in Özdamar’s stories. During the integration into the German linguistic space, at the level of narrative, Özdamar’s protagonists are observed to have a retrograde vector of movement to the old “theirs” with a return to the initial positions of certain etabliability in a new foreign-language society.

Keywords: identity; migrant literature; Emine Sevgi Özdamar; intercultural communication; hybridity; transculturalism

Ю. С. Серягина
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

ПРОЗА ОСКАРА БЛЮМЕНТАЛЯ В ГУБЕРНСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ 1880 — 1910 ГОДОВ

В губернских периодических изданиях конца XIX — начала XX в. появляются переводы поэзии и прозы многих немецких писателей, в том числе немецкого публициста, писателя и шахматиста Оскара Блюменталья (1852 — 1917), который являлся выдающейся и очень многогранной фигурой в культурной жизни Германии рубежа XIX — XX вв. Блюменталь известен драматургическими произведениями, его комедии с успехом ставились как на родине писателя, так и в России. Его литературная деятельность очень разнообразна: он пишет юмористические стихи и эпиграммы, короткие остроумные рассказы, отдельными изданиями выходят его афоризмы, ему также принадлежит сборник шахматных задач-миниатюр. В России наибольшей популярностью пользовались переводы его поучительных рассказов и юмористических стихотворений. В дореволюционных газетах Юго-западного края («Южное обозрение», «Одесские новости», «Приазовский край», «Южный телеграф») было опубликовано 15 переводов из *Поучительных рассказов* (“*Nachdenkliche Geschichten*”) Блюменталья. Короткие притчи Блюменталья были удобны и привлекательны для перевода и печати в газетах из-за небольшого размера и остроумного, актуального содержания. Статья посвящена анализу переводческих стратегий местных авторов и характеристике рецепции немецкого писателя в регионах Российской империи на рубеже веков.

Ключевые слова: Оскар Блюменталь; немецкая литература; рецепция; переводы; региональная периодика

1. Введение

Провинциальная пресса на рубеже XIX — XX вв. переживает период бурного развития. Она выполняет множество различных целей, в том числе просветительские цели, формирование локального культурного сознания, литературных вкусов и пр. Зарубежная литература играла в этом процессе не последнюю роль. В рассмотренных нами крупных губернских изданиях практически в каждом номере присутствуют публикации, так или иначе связанные с иноязычной словесностью: театральные обзоры, библиографические заметки, объемные литературовед-

ческие статьи. Особое место в газетах занимает рубрика «Фельетон», в которой зачастую публикуются переводы произведений зарубежных писателей. Исследователями кафедры романо-германской филологии Томского государственного университета был издан ряд хрестоматий переводов с английского (ГОРЕНИЦЕВА, НИКОНОВА и др. 2016), французского (НИКОНОВА, ОЛИЦКАЯ и др. 2016), немецкого (НИКОНОВА, СЕРЯГИНА и др. 2016), польского (НИКОНОВА, СЕРЯГИНА и др. 2019) и итальянского (НИКОНОВА, ВИШНЯКОВА и др. 2018), найденных в дореволюционных газетах Сибири. Создана также база данных, включающая библиографическое описание публикаций из губернских газет, связанных с зарубежной литературой (НИКОНОВА, СЕРЯГИНА, МАСЯЙКИНА, МОРОЗОВА 2020).

Немецкая литература в дореволюционных периодических изданиях губерний Российской империи занимает второе место по популярности после французской литературы. Зачастую в поле зрения переводчиков попадали популярные современные писатели, активно публикуемые в крупных изданиях того времени. Не многие из этих писателей сохранили популярность до наших дней, некоторые из них остались только на страницах газет, иные прославились другой деятельностью.

На рубеже XIX — XX вв. Блюменталь был важной, узнаваемой персоной в Германии: он был директором Берлинского театра, редактором крупной газеты «*Berliner Tageblatt*», его драматургические произведения активно и с успехом ставились и в Германии, и в России. Однако многие произведения немецкого писателя и публициста никогда не переводились на русский язык и сегодня не известны и не популярны.

Раннее нами уже исследовалась рецепция Блюменталья в дореволюционной периодике Сибири (СЕРЯГИНА 2016), что позволяет сделать выводы об особенностях восприятия немецкого писателя в разных регионах. Попытка сопоставления рецепции иностранной литературы в газетах Сибири и Юго-западного края уже предпринималась ранее Н. Е. Никоновой (НИКОНОВА 2019). Кроме того, ранее рассматривались особенности восприятия переводной поэзии в периодике регионов дореволюционной России (НИКОНОВА 2020), а также рецепция Г. Гейне (СЕРЯГИНА 2020б), Н. Ленау (НИКОНОВА, СЕРЯГИНА 2015), лидеров сионистского движения Т. Герцля и М. Норадау (НИКОНОВА, СЕРЯГИНА

2016; СЕРЯГИНА 2020а), театральная рецепция (СЕРЯГИНА, НИКОНОВА 2018) и пр. Настоящее исследование открывает новые аспекты рецепции Блюменталья в России, в научный оборот вводятся неизвестные ранее переводы его произведений. Изучение рецепции зарубежной литературы открывает новые персоналии в русской литературе в лице местных переводчиков и писателей.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом для исследования послужили публикации в дореволюционных газетах Юга и Юго-запада Российской империи («Южное обозрение», «Одесские новости», «Приазовский край», «Южный телеграф»). Всего в ходе изучения этих газет было просмотрено более 23000 выпусков, в которых методом сплошной выборки было обнаружено около 8300 переводов зарубежной литературы, в том числе 997 переводов с немецкого языка, среди которых 15 — из Блюменталья (см. библиографию рецепции Блюменталья). Исследование выполнено с применением историко-литературного, лингвокультурологического, библиографического и сравнительного подходов.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Большинство переводов из Блюменталья выполнено для газеты «Южное обозрение» — это 11 притч, 10 из которых переведены местным автором К. Воиновым и 1 — автором, подписавшимся криптонимом «Эм», опубликованные в рубрике «Маленький фельетон».

Воинов — один из самых активных переводчиков «Южного обозрения», переводил в основном небольшие произведения для рубрики «Маленький фельетон»: 1900 — 1903 гг. Всего нами обнаружено 112 его публикаций, в том числе 83 перевода с немецкого, среди которых 41 произведение Давида Гека, включая одно «на мотив», 10 из Блюменталья, по 2 перевода из М. Зингера, К. Эвальда, Н. Ноймана, Г. Штейнницлера, по одному переводу из И. Баккер, К. Хегера, А. Хаузенера, А. Малер, подражание П. Шнабелю, стихотворение в прозе Штуккенберга и 18 произведений без указания автора оригинала.

Он активно переводил также и с других языков: с французского мы обнаруживаем 13 переводов, в том числе 3 из Гюи де Терамона, по одному из Феликса Галипо, Анны Марии де Бове, Жана Каски и 7 без указания автора оригинала. Публикуются также 10 переводов Воинова с польского языка: 7 из В. Косякевича и по

одному тексту Г. Сенкевича и А. Дыгасинского. В 1903 г. выходят переводы двух рассказов с английского без указания авторов.

В «Южном обозрении» с подписью «К. Воинов» находятся также 4 произведения без указания источника и языка оригинала: *Комедия. Эскиз Лигбетты Дилль* (1902), *Купец и его слуга. Иллюстрация мусульманского писателя Шемсуддина к вопросу о неравенстве человеческих способностей* (1902), *Человеческие желания (германская легенда)* (1901) и *Следы (Из «Сказок» Гуго Палотан)* (1901).

Примечательно также, что в «Южном обозрении» публиковались и его собственные произведения. По найденным нами публикациям можно выделить несколько циклов его произведений: *Миниатюры*, *Иррациональные рассказы*, *Недосказанные рассказы*, *Сказки жизни*, *Нравоучительные рассказы*, *Прелюдии*, *Вещи и люди*, представляющих собой большей частью короткие рассказы с назидательным пафосом, схожие с теми, которые он выбирал для перевода.

Зарубежная литература служила переводчику источником вдохновения. Об этом свидетельствуют и заголовки к некоторым его переводам, например, «подражание П. Шнабелю», «по мотивам Давида Гека» и пр. Творчество зарубежных писателей Воинов использует для формирования собственного творческого стиля.

Из творчества Блюменталю одесский переводчик выбирает юмористические рассказы из цикла *Nachdenkliche Geschichten*. Отдельным сборником данный цикл был опубликован в 1904 г., поэтому очевидно, что оригиналы рассказов были взяты переводчиками из газеты «*Berliner Tageblatt*», где Блюменталь был редактором и публиковал свои фельетоны, стихотворения и рассказы. Об этом говорит очередность выхода рассказов. Например, в номере от 25 февраля 1901 г. выходят оригиналы рассказов *Суета сует* («*Die Eitelkeit der Eitelkeiten*»), *Демагог* («*Der Volksmann*») и *Верный признак* («*Der Prüfstein*»), в том же порядке их переводы публикуются в выпусках № 1400, 1401 и 1402 газеты «Южное обозрение». Переводы публиковались с разницей в несколько недель с выходом оригинала. Здесь можно также сказать об избирательности переводчика: он намеренно выбирает поучительно-юмористические рассказы, в то время как в немецкой газете кроме них публикуются фельетоны Блюменталю, интервью, стихотворения и короткие афоризмы.

Среди переводов из Блюменталю обнаруживаются также не-

сколько примеров переводной множественности. Рассказ *Судья Фриньы* («Der Richter der Phryne») встречается в разные года в трех газетах Юго-Западного края: в «Южном обозрении», «Одесских новостях» и «Приазовском крае». Рассказы *На лестнице* и *Слова* в 1901 г. печатались в Томском «Сибирском вестнике», а позднее, в 1904 г., перевод рассказа *На лестнице* был напечатан в Томской «Сибирской жизни» с подписью «Од. Нов» («Одесские новости»).

Самый поздний перевод из Блюменталя в «Южном обозрении» выходит в 1903 г. Это рассказ *Слава*, опубликованный с подписью «Эм». Автор, скрывавшийся под этим криптонимом, переводит с немецкого 39 небольших рассказов, опубликованных в рубрике «Маленький фельетон». Кроме Блюменталя мы встречаем целый цикл переводов из *Парабол* и *Сказок* немецкой писательницы М. фон Эбнер-Эшенбах (10 публикаций), из рассказов нидерландского писателя Мультиатули (8 публикаций), а также из произведений Штрумпфа (3 публикации), Эмканота (1), Цакера (1), 13 рассказов без указания автора оригинала и один перевод с французского из Октава Мирбо. Перевод из Блюменталя, выполненный «Эм», заметно отличается по сюжету, имеет более юмористическое, нежели поучительное, содержание.

В других газетах переводы из Блюменталя выходят чуть позднее и в меньшем количестве. В 1903 г. в «Одесских новостях» публикуются рассказы *Загадочное число* и *Часы вселенной* с пометой «Перевод с немец. “Кур.”». В 1904 г. печатаются рассказы *Судья Фриньы* и *Некролог* с подписью «В. Л.». Как уже упоминалось ранее, в 1905 г. в газете «Приазовский край» рассказ *Судья Фриньы* публикуется снова, при этом публикация в ростовской газете является полной перепечаткой из «Одесских новостей».

Из трех переводов, вариант, выполненный Воиновым для «Южного обозрения», представляется наиболее удачным, поскольку переводчик во многом повторяет стилистику оригинала. Так, например, в переводе сохраняются (но в некоторых случаях и преувеличиваются) некоторые особенности синтаксиса, в том числе частые многоточия и начало предложений с союзов *и, а / und*. Ср.:

Воинов: И когда, после какого-либо шумного празднества, я пробуждаюсь от тяжелого, беспокойного сна, то... то я чувствую отвлечение к самой себе... Вот!.. А теперь иди отсюда, бедный человек, и постарайся забыть меня... («Южное обозрение» 1901, №

1669: 6).

В. Л.: Иной раз, когда я просыпаюсь от тревожного, тяжелого сна после безумных кутежей, меня охватывает отвращение к самой себе... Теперь иди, бедный человек, и забудь меня... («Одесские новости» 1904, № 6370: 3).

Оригинал: Und wenn ich manchmal nach einem lärmenden Fest aus einem wirren, traumschweren Schlaf erwache, so ekelt mich vor mir selbst... Und nun geh', armer Mann, und vergiss mich...! («Berliner Tageblatt» 1901, № 611: 1).

Кроме того, Воинов тщательно относится к подбору лексических средств. В переводе «В. Л.» эмоциональная окраска текста значительно снижается за счет использования более нейтральной лексики. Ср.:

Воинов: *И однажды нашли бездыханное тело* судьи Фрины на пороге ее дома. («Южное обозрение» 1901, № 1669: 6).

В. Л.: *Раз утром* судья Фрины был найден мертвым у порога ее дома. («Одесские новости» 1904, № 6370: 3).

Оригинал: *Und eines Tages* fand man den Richter der Phryne *entseelt* an der Schwelle ihres Hauses. («Berliner Tageblatt» 1901, № 611: 1).

Таким образом, несмотря на собственный богатый писательский опыт Воинов в данном случае бережно относится к переводу, стараясь максимально точно передать стилистику и содержание оригинальных произведений.

В сибирской печати рецепция творчества Блюменталя прослеживается в газетах «Сибирский вестник» и «Сибирская жизнь», на страницах которых публикуются 5 переводов четырех произведений немецкого писателя из сборника *Поучительных рассказов*, в том числе и рассказ *На лестнице*, перепечатанный из «Одесских новостей»*. Следует также обратить внимание на рассказ *Часы вселенной*, опубликованный в 1904 г. в «Сибирской жизни». В подписи значится, что это перепечатка из газеты «Кавказ», но если мы сравним тексты рассказов в «Сибирской жизни» и «Одесских новостях», то обнаружим, что они абсолютно идентичны. Сложно сказать, где изначально был создан данный перевод. Возможно, газета «Кавказ» перепечатала его из «Одесских новостей».

Рассказы *На лестнице* и *Слова*, опубликованные в томском

---

* На момент написания статьи нами не был найден рассказ *На лестнице* в «Одесских новостях».

«Сибирском вестнике», выходят в том же месяце, что и оригиналы данных рассказов в «Берлинском листке», в декабре 1901 г. Таким образом, сибирские переводчики не отстают от одесских по скорости публикации литературных новинок. Переводы выполнены скорее всего местным автором, подписавшимся криптонимами «М. Б.» и «Б.», и они значительно отличаются от переводов Воинова.

Рассмотрим, например, концовку произведения *На лестнице*.

Воинов: — Я возвращаюсь, но... не смейтесь надо мною... мы еще не раз вместе встретимся на этой лестнице... («Южное обозрение» 1901, № 1668: 1).

М. Б.: — Я возвращаюсь. *Но скройте, пожалуйста, эту насмешливую улыбку, которую я вижу на вашем лице! Она все равно как магнитная гора в сказках... Никого не отпускает, всегда слишком твердо привязывает... И ни голос рассудка, ни опыт не могут вывести на свободу. И если вы теперь наградите меня словами укоризны и насмешки, то я предскажу вам, что не в последний раз встретились мы на этой лестнице...* («Сибирский вестник» 1901, № 265: 2).

Оригинал: “*Ich kehre wieder. Aber unterdrücken Sie das höhnische Lächeln, das ich in Ihren Mundwinkel aufsuchen sehe! Das ist wie der Magnetberg des Märchens. Das läßt Eimen nicht los. Das halt fest für immer. Das reißt uns keine Einsicht und Erfahrung ins Freie. Und ob Sie mich jetzt auch mit Hohnworten überschütten möchten, ich verkünde es Ihnen, daß wir uns nicht zum letzten Male auf dieser Treppe begegnet find*” («Berliner Tageblatt» 1901, № 611: 1).

Здесь мы видим, что вариант Воинова значительно сокращен, в то время, как сибирский переводчик старается передать все образы оригинала: насмешливую улыбку, магнитную гору, слова укоризны и пр.

Перепечатка из «Одесских новостей» еще больше соответствует оригиналу. Ср.:

— Я возвращаюсь. Но подавите насмешливую улыбку, которую я вижу на ваших губах! Это — как магнитная гора в сказке. Оно не отпускает. Оно удерживает навсегда. Тут ни убеждение, ни опыт не вырвут на свободу. Вы можете меня осыпать насмешливыми словами, но я вам предсказываю, что мы не в последний раз встречаемся на этой лестнице («Сибирская жизнь» 1904, № 176: 3).

В данном варианте синтаксис и пунктуация полностью соответствуют оригиналу. Сравнение с магнитной горой в сибирском варианте становится более персонифицированным: *das* ста-

новится местоимением *она*, относящимся к женщине, о которой идет речь в рассказе. Одесский вариант передает безличное *das* как *это* и *оно*, и эта метафора обращена скорее на чувство, а не на героиню рассказа.

Сибирский перевод рассказа *Слова* также представляется более близким оригиналу. Сравним часть диалога из концовки.

Воинов: — Ну, как он принял это *ужасное* известие?! Что сказал наш великий оратор, *узнав о постигшем его горе*?!

Почти шепотом ответил Метелл:

— Он ничего не сказал... И, клянусь богами, это была первая его речь, растрогавшая меня... («Южное обозрение» 1901, № 1665: 3).

Б.: — Как он принял весть? Что сказал этот великий оратор?

Тихо ответил Метелл:

— Он ничего не сказал... И клянусь богами, что эта была первая его речь, которая потрясла меня всего... («Сибирский вестник» 1901, № 271: 2).

Оригинал: “Wie hat er deine Kunde aufgenommen? Was hat er gesagt, der große Redner?”

Leise berichtete Metellus:

“Er hat nichts gesagt... Und bei allen Göttern, das ist seine erste Rede, die mich ergriffen hat” («Berliner Tageblatt» 1901, № 611: 1).

В данном случае Воинов распространяет свой перевод эмоциональным эпитетом (*ужасное известие*) и деепричастием (*узнав о постигшем его горе*). Так, переводческие стратегии Воинова разнятся от текста к тексту, что говорит о творческой натуре и богатом литературном опыте.

Переводы сибирского автора по качеству превосходят переводы Воинова. Томские газеты также стремятся публиковать актуальные зарубежные литературные новинки, хотя в некоторых случаях все же обращаются к материалам из одесских газет. Рецепции драматургических или поэтических произведений немецкого писателя в сибирских газетах обнаружено не было. Таким образом, из всего многогранного творчества Блюменталья сибиряков также привлекает Блюменталь-философ с его *Поучительными рассказами*.

Драматургия Блюменталья была менее популярна в губерниях. Мы находим множество упоминаний о переводах и постановках комедий немецкого драматурга в петербургских театрах в начале 20 в., но в губернских газетах — только одно упомина-

ние в ростовском «Южном телеграфе» о постановке комедии «Фея Каприз» в ростовском театре:

«В пятницу, 31-го января, в бенефис артистки Р. А. Карелиной-Раич, поставлена была комедия Блюменталя «Фея Каприз», в стихотворном переводе г. Мунштейна. Заглавную роль исполнила с большим изяществом бенефициантка. Публика принимала артистку очень тепло, но без «вещественных доказательств» своей симпатии. Очевидно, многократные бенефисы каждого артиста уже успели наскучить публике...» («Южный телеграф» 1903, № 153: 3).

Как видно из публикации, обзор больше посвящен артистке, нежели произведению. Пьесы и романы Блюменталя остаются незамеченными региональными газетами, поскольку местные переводчики за материалом обращались к немецким газетам, переводили современные, актуальные новинки. Формат короткой притчи с поучительным и при этом юмористическим содержанием удачно вписывался в рубрику «Маленький фельетон», что позволяло публиковать параллельно более объемное произведение на несколько номеров. Выбор произведений во многом определялся и собственными вкусами переводчиков. Так, например, Воинов был известен собственными циклами коротких рассказов, вдохновленных, скорее всего, творчеством зарубежных писателей.

4. Заключение

Итак, мы видим, что региональные газеты не отставали от центральных изданий, публиковали самую актуальную информацию, новейшие произведения фактически из первых рук. Здесь мы наблюдаем стремление регионов соответствовать современным литературным тенденциям: они не только следят за литературной средой центрального региона России, но и параллельно с ведущими зарубежными изданиями публикуют свои переводы известных иноязычных писателей.

Формат коротких притч Блюменталя удобен для публикации в газетах. Емкие высказывания с неочевидной назидательностью, тонким юмором и скрытым глубоким смыслом, бытовой философией позволяют каждому читателю увидеть в персонажах себя, поразмыслить над философскими вопросами и разнообразными житейскими ситуациями. Рецепция творчества Блюменталя объединяет интерес читателей к философии и зарубежной литературе, является важной частью общего восприятия иноязычной ли-

тературы и культуры в целом. Можно также говорить о некоторой преемственности других региональных газет по отношению к газетам Юго-западного края. Переводы, выполненные для одесских газет, перепечатываются в южных регионах и Сибири.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Горенинцева В. Н., Никонова Н. Е.* и др. Переводы английской и американской литературы в дореволюционной периодике Сибири. Томск: ТГУ, 2016. [Gorenintseva, Valentina N.; Nikonova, Natalya Ye., & al. (2016) *Perevody angliyskoy i amerikanskoy literatury v dorevoljucionnoy periodike Sibiri* (Translations of English and American Literature in Pre-Revolutionary Periodicals in Siberia). Tomsk: Tomsk State University. (In Russian)].
- Никонова Н. Е., Вишнякова Е. А., Баракина Е. А., Черткова В. В.* Переводы итальянской литературы в периодике Сибири: Хрестоматия. Томск: ТГУ, 2018б. [Nikonova, Natalya Ye.; Vishnyakova, Yekaterina A.; Barakina, Yelena A., & Chertkova, Viktoriya V. (2018b) *Perevody ital'yanskoy literatury v periodike Sibiri: Khrestomatiya* (Translations of Italian Literature in the Periodicals of Siberia: Reader). Tomsk: Tomsk State University. (In Russian)].
- Никонова Н. Е.* Переводная литература в региональной дореволюционной периодике Российской империи как имагологический инструмент: на материале изданий Томской и Киевской губерний // Немецкий язык в современном мире: исследования статуса и корпуса и вопросы методики преподавания: материалы II Международного научного форума (18-19 сентября 2019 г.). Томск: ТГУ, 2019. С. 69—80. [Nikonova, Natalya Ye. (2019) *Perevodnaya literatura v regional'noy dorevoljucionnoy periodike Rossiyskoy imperii kak imagologicheskiy instrument: na materiale izdaniy Tomskoy i Kievskoy guberniy* (Translation Literature in the Regional Pre-Revolutionary Periodicals of the Russian Empire as an Imagological Tool: Based on the Materials of Tomsk and Kiev Provinces). In *Nemetskiy yazyk v sovremennom mire: issledovaniya statusa i korpusa i voprosy metodiki prepodavaniya* (German in the Modern World: Studies of the Status and Corpus, and Issues of Teaching Methods). Tomsk: Tomsk State University, 69—80. (In Russian)].
- Никонова Н. Е.* Переводная поэзия в периодике регионов дореволюционной России // Русская и зарубежная словесность: рецепция, перевод, коммуникация: коллективная монография, посвященная 25-летию кафедры романо-германской филологии Томского государственного университета / под ред. Н. Е. Никоновой и Ю. С. Серягиной. Томск: ТГУ, 2020. С. 7—32. [Nikonova, Natalya

- Ye. (2020) *Perevodnaya poeziya v periodike regionov dorevol'yutsionnoy Rossii* (Translated Poetry in the Periodicals of the Regions of Pre-Revolutionary Russia). In Nikonova, Natalya Ye., & Seryagina, Yuliya S. (eds) *Russkaya i zarubezhnaya slovesnost': retseptsiya, perevod, kommunikatsiya* (Russian and Foreign Literature: Reception, Translation, Communication). Tomsk: Tomsk State University, 7—32. (In Russian)].
- Никонова Н. Е. Переводы польской литературы в дореволюционной периодике Сибири. Томск: ТГУ, 2019. [Nikonova, Natalya Ye. (2019) *Perevody pol'skoy literatury v dorevol'yutsionnoy periodike Sibiri* (Translations of Polish Literature in Pre-Revolutionary Periodicals in Siberia). Tomsk: Tomsk State University. (In Russian)].
- Никонова Н. Е., Олицкая Д. А. и др. Переводы французской литературы в дореволюционной периодике Сибири. Томск: ТГУ, 2016. [Nikonova, Natalya Ye.; Olitskaya, Darya A., & al. (2016) *Perevody frantsuzskoy literatury v dorevol'yutsionnoy periodike Sibiri* (Translations of French Literature in Pre-Revolutionary Periodicals in Siberia). Tomsk: Tomsk State University. (In Russian)].
- Никонова Н. Е., Серягина Ю. С. и др. Переводы немецкой литературы в дореволюционной периодике Сибири. Томск: ТГУ, 2016. [Nikonova, Natalya Ye.; Seryagina, Yuliya S., & al. (2016) *Perevody nemetskoj literatury v dorevol'yutsionnoy periodike Sibiri* (Translations of German Literature in Pre-Revolutionary Periodicals in Siberia). Tomsk: Tomsk State University. (In Russian)].
- Никонова Н. Е., Серягина Ю. С. Поэзия Н. Ленау на страницах томской периодики начала XX в.: резонансы переводческого восприятия // Уч. зап. Орловского гос. ун-та. 2015. № 6. С. 196—200. [Nikonova, Natalya Ye., & Seryagina, Yuliya S. (2015) *Poeziya N. Lenau na stranitsakh tomskoy periodiki nachala XX v.: rezonansy perevodcheskogo vospriyatiya* (Poetry of N. Lenau on the Pages of Tomsk Periodicals of the Early 20th Century: Resonances of Translation Perception). *Scientific Notes of Orel State University*, 6, 196—200. (In Russian)].
- Никонова Н. Е., Серягина Ю. С. Т. Герцль и М. Нордау в зеркале сибирской периодики рубежа XIX — XX вв.: критика, переводы, театральные рецензии // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 114—124. [Nikonova, Natalya Ye., & Seryagina, Yuliya S. (2016) *T. Gerts'l' i M. Nordau v zerkale sibirskoy periodiki rubezha XIX — XX vv.: kritika, perevody, teatral'nye retsenzii* (T. Herzl and M. Nordau in the Mirror of Siberian Periodicals at the Turn of the 19th — 20th Centuries: Criticism, Translations, Theatrical Reviews). *Siberian Journal of Philology*, 2, 114—124. (In Russian)].

10.17223/18137083/55/13.

Никонова Н. Е., Серягина Ю. С., Масляйкина Е. В., Морозова И. В. Научная библиография: «Переводная литература в дореволюционной периодике регионов Российской империи». Свидетельство о регистрации базы данных № 2020621571. Дата государственной регистрации в Реестре баз данных 28 августа 2020 г. Правообладатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет». [Nikonova, Natalya Ye., et al. (2020) *Nauchnaja bibliografiya: "Perevodnaya literatura v dorevolutsionnoy periodike regionov Rossiyskoy imperii"* (Scientific Bibliography: "Translated Literature in the Pre-Revolutionary Periodicals of the Russian Empire Regions"). Database registration certificate No. 2020621571. Date of State Registration in the Database Register August 28, 2020. Copyright holder: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Tomsk State University". (In Russian)].

Серягина Ю. С. Идеологи сионизма Т. Герцль и М. Нордау в периодических изданиях губерний Российской империи // Русская и зарубежная словесность: рецепция, перевод, коммуникация: коллективная монография, посвященная 25-летию кафедры романо-германской филологии Томского государственного университета / под ред. Н. Е. Никоновой и Ю. С. Серягиной. Томск: ТГУ, 2020а. С. 42—54. [Seryagina, Yuliya S. (2020a) *Ideologi sionizma T. Gertsli' i M. Nordau v periodicheskikh izdaniyakh guberniy Rossiyskoy imperii* (Zionist Ideologists T. Herzl and M. Nordau in Periodicals of the Russian Empire Provinces). In Nikonova, Natalya Ye., & Seryagina, Yuliya S. (eds) *Russkaya i zarubezhnaya slovesnost': retseptsiya, perevod, kommunikatsiya* (Russian and Foreign Literature: Reception, Translation, Communication). Tomsk: Tomsk State University, 42—54. (In Russian)].

Серягина Ю. С. Немецкая литература в дореволюционной периодике регионов Российской империи // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 17: Типология текстов и дискурсивные практики в немецкоязычном культурном пространстве / под ред. А. В. Иванова. М.: Флинта, 2020б. С. 239—253. [Seryagina, Yuliya S. (2020b) *Nemetskaya literatura v dorevolutsionnoy periodike regionov Rossiyskoy imperii* (German Literature in the Pre-Revolutionary Periodicals of the Russian Empire Regions). In Ivanov, Andrey V. (ed.) *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists). Vol. 17. Tipologiya tekstov i

- diskursivnyye praktiki v nemetskojazychnom kul'turnom prost-
ranstve (Typology of Texts and Discursive Practices in the German-
speaking Cultural Space), Moscow: Flinta, 239—253. (In Russian)].
- Серягина Ю. С. Проза О. Блюменталья в Сибирской периодике 1900 гг.
// Основные вопросы современного языкознания: сб. ст. между-
народной научно-практической конференции с заочным участи-
ем. Астрахань: Астраханский гос. ун-т, 2016. С. 62—66. [Seryagina,
Yuliya S. (2016) Proza O. Blyumentalya v Sibirskoj periodike 1900
gg. (Prose by O. Blumenthal in Siberian Periodicals of 1900). In *Basic
Issues of Modern Linguistics*. Collected Papers. Astrakhan: Astrakhan
State University, 62—66. (In Russian)].
- Серягина Ю. С. Театральный дискурс в сибирской периодике конца
XIX — начала XX века: немецкая драматургия (М. Дрейер,
Л. Фульда, О. Эрнст) // Язык и культура, 2018. С. 87—105.
[Seryagina, Yuliya S. (2018) Teatral'nyy diskurs v sibirskoj periodike
kontsa XIX — nachala XX veka: nemetskaya dramaturgiya
(M. Dreyer, L. Ful'da, O. Ernst) (Theatrical Discourse in Siberian
Periodicals of the Late 19th — Early 20th Centuries: German Drama
(M. Dreyer, L. Fulda, O. Ernst)). In *Language and Culture*, 87—105.
(In Russian)].
- Серягина Ю. С., Никонова Н. Е. Немецкая драма конца XIX — начала XX
вв. в периодике регионов Российской империи: Р. Фосс,
А. Шнитцлер, Г. Бар // Уч. зап. Орловского гос. ун-та. 2019. № 4
(85). С. 168—177. [Seryagina, Yuliya S., Nikonova, Natalya Ye. (2019)
Nemetskaya drama kontsa XIX — nachala XX vv. v periodike regionov
Rossijskoj imperii: R. Foss, A. Shnitsler, G. Bar (German Drama of the
Late 19th — Early 20th Centuries in the Periodicals of the Russian Em-
pire Regions: R. Foss, A. Schnitzler, G. Bar). *Scientific Notes of Orel State
University*, 4 (85), 168—177. (In Russian)].

**Библиография рецензии О. Блюменталья
в газетах губерний Российской империи**

Верный признак (Из «Nachdenkliche Geschichten» О. Блюменталья
/ Маленький фельетон // Южное обозрение. 1901. № 1402. С. 3. Под-
пись: К. Воинов.

Два приговора (Оскар Блюменталь) Сибирская жизнь. Томск,
1904. № 77. С. 3.

Демагог (Из «Nachdenkliche Geschichten» О. Блюменталья / Ма-
ленький фельетон // Южное обозрение. 1901. № 1401. С. 3. Подпись:
К. Воинов.

Загадочное число + Часы вселенной. Маленькие рассказы Оска-
ра Блюменталья // Одесские новости. 1903. № 6169. С. 6. Подпись: —

Латанная крыша (Из «Nachdenkliche Geschichten» О. Блюменталля) / Маленький фельетон // Южное обозрение. 1901. № 1616. С. 3. Подпись: К. Воинов.

Лестница к небу (Из «Nachdenkliche Geschichten» О. Блюменталля) / Маленький фельетон // Южное обозрение. 1901. № 1444. С. 3. Подпись: К. Воинов.

На лестнице (Из «Поучительных рассказов» О. Блюменталля). Сибирская жизнь. Томск, 1904. № 176. С. 3. Подпись: «Од. Нов».

На лестнице (из рассказов О. Блюменталля) // Сибирский вестник. – Томск, 1901. – № 265. – С.2. Подпись: М.Б.

На лестнице (Из серии «Nachdenkliche Geschichten» О. Блюменталля) / Маленький фельетон // Южное обозрение. 1901. № 1668. С. 1. Подпись: К. Воинов.

Некролог (из рассказов Оскара Блюменталля) / Фельетон «Одесские новости» // Одесские новости. 1904. № 6387. С. 3. Подпись: В. Л.

Путь к славе (из серии О. Блюменталля «Nachdenkliche Geschichten») // Южное обозрение. 1902. 2 лист № 1799. С. 5. Подпись: К. Воинов.

Ростовский театр (Фея Каприз. Блюменталля) / Театральные вести // Южный телеграф. 1903. № 153. С. 3. Подпись: —

Святая простота (Из «Nachdenkliche Geschichten» О. Блюменталля) / Маленький фельетон // Южное обозрение. 1901. № 1442. С. 3. Подпись: К. Воинов.

Слава. Из «Nachdenkliche Geschichten» Блюменталля (Пер. с нем. для «Южн. Обоз.») / Маленький фельетон // Южное обозрение. 1903. № 2335. С. 3. Подпись: Эм.

Слова (из рассказов О. Блюменталля) // Сибирский вестник. Томск, 1901. № 271. С. 2. Подпись: Б.

Слова (Из серии «Nachdenkliche Geschichten» О. Блюменталля) / Маленький фельетон // Южное обозрение. 1901. № 1665. С. 3. Подпись: К. Воинов.

Судья Фрины (из «Поучительных рассказов» О. Блюменталля) / Маленький фельетон // Приазовский край. 1905. № 33. С. 3. Подпись: —

Судья Фрины (из поучительных рассказов О. Блюменталля) / Маленький фельетон // Одесские новости. 1904. № 6370. С. 3. Подпись: В. Л.

Судья Фрины (Из серии «Nachdenkliche Geschichten» О. Блюменталля) // Южное обозрение. 1901. 2 лист № 1669. С. 6. Подпись: К. Воинов.

Суета сует (Из «Nachdenkliche Geschichten» О. Блюменталля) / Маленький фельетон // Южное обозрение. 1901. № 1400. С. 3. Подпись: К. Воинов.

Часы вселенной (из рассказов О. Блюменталля) // Сибирская жизнь. Томск. 1904. № 77. С. 3. Подпись: —

Yuliya S. Seryagina
National Research Tomsk State University

Oskar Blumenthal's Prose in the Regional Periodicals in 1880 — 1910

Translations of poetry and prose of many German writers often appear in the provincial periodicals of the late XIX — early XX centuries, including German publicist, writer and chess player Oscar Blumenthal (1852 — 1917), who was an outstanding and very multifaceted figure in the cultural life of Germany at the turn of the 19th and 20th centuries. O. Blumenthal is famous for his dramatic works; his comedies were staged with success both in the writer's homeland and in Russia. His literary activity is very diverse: he writes humorous poems and epigrams, short stories, he also owns a collection of chess problems-miniatures. In Russia, the most popular translations were of his instructive stories and humorous poems. In the pre-revolutionary newspapers of the Southwest Territory ("Yuzhnoye Obozreniye", "Odesskie Novosti", "Priazovskiy Kray", "Yuzhny Telegraph") 15 translations from *Instructive stories* ("Nachdenkliche Geschichten") by O. Blumenthal were published. Blumenthal's short parables were convenient and attractive to translate and print in newspapers because of their small size and witty, relevant content. The article analyzes the translation strategies of local authors and characterizes the reception of the German writer in the regions of the Russian Empire at the turn of the centuries.

Keywords: Oskar Blumenthal; German Literature; reception; translation; regional periodicals

В. Г. Сибирцева
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ И ПЕРЕЛОЖЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ЭПОПЕИ КЛОПШТОКА *МЕССИАДА*

В статье рассматривается литературная судьба русских переводов эпопеи *Мессиада* Ф. Г. Клопштока, выдающегося немецкого поэта XVIII в. Переводы, созданные А. Н. Кутузовым, А. Х. Востоковым, С. И. Писаревым, не способствовали увеличению круга читателей Клопштока в России. Они остаются литературным фактом конца XVIII — середины XIX в. Выявление причин непопулярности переводов *Мессиады* является основной задачей настоящей статьи. Сопоставительный анализ переводов приводит к выводу, что наиболее известным оказывается вольное переложение короткого отрывка из *Мессиады*, автором которого является В. А. Жуковский.

Ключевые слова: Жуковский; Клопшток; «Мессиада»; гекзаметр; свободный стих

1. Введение

Заполнение лакун в рецепции творчества известного поэта обычно представляется малозначительной задачей. Казалось бы, какой научной новизной могут обладать отдельные дополнения, если имя уже входит в авторитетные энциклопедии и упоминается бесчисленное количество раз. Однако известность и изученность того или иного автора при ближайшем рассмотрении иногда оказывается мнимой, поверхностной. Так произошло, например, с Фридрихом Готлибом Клопштоком, о котором блестяще написал Б. И. Пуришев, очертив в лаконичном формате энциклопедической статьи все поле деятельности и сферу влияния выдающегося немецкого поэта XVIII в.:

КЛОПШТОК Фридрих Готлиб [Friedrich Gottlieb Klopstock, 1724 — 1803] — поэт, который начинает период высшего расцвета немецкой литературы XVIII <...> — выдающийся лирик, создатель иррационалистического течения в немецкой буржуазной культуре нового времени, <...> кумир молодых штюрмеров, благоговейно чтивших в лице поэта патриарха немецкой «национальной» литературы (Пуришев 1931: стб. 784).

В настоящей статье речь пойдет о переводах на русский

язык монументальной религиозной эпопеи Клопштока *Мессиада* («Der Messias», 1745 —1773), созданной под влиянием *Потерянного рая* Дж. Мильтона. Обратимся вновь к статье Пуришева, который подчеркивает доминирующую в *Мессиаде* идею покорности высшей, недоступной человеческому рассудку мудрости (в отличие от яркой богоборческой идеи в поэме Мильтона) и далее замечает:

Характерно, что герои поэмы по существу чрезвычайно пассивны, они не столько действуют, сколько следят за действием, уподобляясь неподвижным зеркалам, отражающим вне их растущее движение. К. увлекаем потоком не связанных рассудком ощущений, нередко принимающих гиперболические очертания. Его чувства всегда до крайности напряжены, он не повествует, но воспевает (Там же: стб. 784).

Популярность *Мессиады* в России во многом коррелирует с отношением к ней немецкоязычных читателей: восторг от первых трех-пяти песен (всего в эпопею входит 20 песен, написанных в период с 1748 по 1773 гг.) сменяется усталостью от затянутого повествования, слабо развитого сюжета в привычном понимании и перегруженного стилистическими новшествами языка. *Мессиада* остается в памяти как величественное и прогрессивное для своего времени произведение, о котором надо знать, но которое не под силу прочесть.

В переводах *Мессиады* на русский язык примечательными являются два основных момента: количество и разнообразие переложений, появившихся за достаточно короткий период времени, и объективная невозможность распространения текстов на русском языке, обусловленная внешним сопротивлением обстоятельствам и развитием литературного процесса.

К настоящему моменту выявлено шесть переводов *Мессиады*, из которых только два являются полными (А. М. Кутузова — Н. А. Бекетова и С. И. Писарева), остальные переводы (А. Х. Востокова, А. И. Урываева и В. А. Жуковского известны в отрывках, а о работе Г. Р. Державина над *Мессиадой* известно только по свидетельствам его современников. Публикации из Клопштока были своеобразным взрывным явлением, они появились в период с 1785 по 1820 г., и только перевод Писарева был опубликован в 1868 г. Для сравнения, примерно за тот же период *Потерянный рай* был переведен на русский язык семь раз: в

1745 г. — А. Г. Строгановым, в 1777 г. — В. Петровым, в 1780 г. — архиепископом Амвросием (Серебренниковым), в 1795 г. — Ф. Загорским, в 1824 г. — Е. П. Люценко, в 1859 г. — Е. Жадовской, в 1878 г. — А. Шульговской (БОРТНИКОВ 2019: 95). Можно констатировать, что интерес к творчеству Клопштока в России был интенсивным, но весьма непродолжительным.

2. Переводы эпопеи в XVIII веке

Известно, что в 1779 г., находясь на государственной службе в городе Шафгаузен Саратовской губернии, *Мессиаду* переведил Державин. Директор Казанской гимназии Ю. И. фон Каниц в переписке с Державиным зимой 1779 г. интересуется судьбой державинского перевода, в частности, он пишет:

«Что Вы делаете, уважаемый друг, с Мессиадой? Не оставляйте ни за что этого начатого Вами хорошего дела! Нетерпеливо ожидаю окончания его» (КОНОНКО 1972: 83).

Но у этого перевода печальная судьба: в одном из черновых вариантов своих автобиографических записок *Нечто о Державине* поэт объясняет причину того, почему замысел не был осуществлен в полном объеме и не дошел до массового читателя.

В оне же время переведены автором две песни «Мессиады», которые, читавши, очень одобряли, но выпросив г-н Домашнев. бывший директор Академии наук, себе прочесть, потерял оные, а разве нет ли в библиотеках Михаила Матвеевича Хераскова и князя Александра Алексеевича Вяземскаго, <...> то и отдал им по списку, а подлинной, как выше явствует, Домашневу на время, у себя не оставив (КОНОНКО 1972: 84).

В своих *Рассуждениях о лирической поэзии* Державин приводит в пример Клопштока как одного из «немецких стихотворцев, пишущих свои оды разнородными формами и разномерными стихами с рифмами и без рифм» и дает свой перевод оды Клопштока *Присутствие божие*, выполненный также «разномерными стопами»:

С смертью боролся когда,
С смертью ты,
Крепчае молился того,
Как твой пот, да и кровь
Низливаясь на землю текли. —
Ты в первый тут час
Истину сделал большую известной. —

Истинна будет
Та оболочка, поколь бессмертной души
Есть прах (ЗАПАДОВ 1986: 229).

Опираясь на приведенный выше опыт переложения оды без использования традиционной для XVIII в. упорядоченной метрики, можно предположить, что и *Мессиаду* Державин переводил, сохраняя свободные ритмы Клопштока.

В 1785 — 1787 гг. в издательстве Московской университетской типографии Н. И. Новикова публикуются первые десять песен эпопеи под названием «*Мессия*», поэма, сочиненная г. Клопштоком в прозаическом переводе А. М. Кутузова. Широкому распространению первого дошедшего до нас перевода также помешали именно внешние обстоятельства: отношение к масонству в царствование Екатерины II. Автор переложения, Алексей Михайлович Кутузов, был участником масонского кружка Новикова, переводчиком произведений английского мыслителя и поэта эпохи сентиментализма Эдварда Юнга. Опосредованные переводы Юнга с немецкого, выполненные Кутузовым, были востребованы среди прогрессивной читающей публики в конце XVIII в. Юнг был для самого переводчика «любимым стихотворцем», в котором Кутузов находил единомышленника и наставника, нередко цитировал его стихи в письмах, подкрепляя ими свои рассуждения (ЛЕВИН 1970: 2001).

Перевод *Мессии*, одновременно глубоко религиозного и тираноборческого произведения, входил в число просветительских публикаций Московской университетской типографии, взятой на десять лет в аренду Новиковым.

В *Письмах русского путешественника* Н. М. Карамзина речь идет именно о переводе Кутузова, когда на вечере в Лейпциге за обедом заходит речь о прогрессивных идеях Клопштока и литературном развитии русской культуры в целом:

«Я не думал бы, — сказал молодой профессор поэзии, — чтобы в вашем языке можно было найти выражения для Клопштоковых идей».

Высокомерная реакция собеседника Карамзина выдает неприкрытое отношение к русской культуре как варварской. На что Карамзин с достоинством парирует:

«Еще то скажу вам, — промолвил я, — что перевод верен и ясен» и в продолжение разговора читает собравшимся отрывки из рус-

ских эпических поэм М. М. Хераскова «Россиада» и «Владимир». Гармоничность и благозвучность русского слога удивляет гостей безмерно (КАРАМЗИН 1982: 31).

Появление *Мессиады* Клопштока на русском языке должно было оказать заметное влияние на развитие стихосложения в России. Державин и Кутузов чувствовали ограниченность александрийского стиха, традиционного для героической эпопеи в России, и пытались приблизиться к свободным ритмам Клопштока, передать его немецкий гекзаметр на русском. Если опираться на предположение, что Державин переводил *Мессиаду* разномерными стопами, следуя за оригиналом, то Кутузов выбрал прозаическую форму изложения. Так он мог, оставаясь в рамках французской традиции XVIII в., переводить иноязычные произведения прозой и при этом не подвергать свой перевод религиозного произведения излишней «светскости», присущей современной ему поэзии.

Однако судьба первой публикации *Мессиады* на русском языке сложилась иначе. Короткое замечание на форзаце второго издания (1820 г): «В 1787 г. в московских книжных лавках конфисковано 1237 экз. этого издания» проливает свет на эту историю.

В типографии Новикова печатались книги, содействовавшие просвещению читателей и одновременно вызывавшие недовольство правительства: сочинения Сумарокова, Хераскова, переводы произведений Вольтера, Расина, Корнеля, Мольера, Руссо, Дидро, Даламбера, Свифта, Фильдинга, Смолетта, Гольдсмита, Стерна, Юнга, Локка, Клопштока, Виланда, Геллерта, Лессинга и многих других.

В 1785 г. по приказу Екатерины II было произведено освидетельствование книг, изданных Новиковым, а его самого подвергли испытанию в знании законов православной веры. После беседы с Новиковым архиепископ Платон доложил Екатерине II, что тот является истинным христианином. Из четырехсот шестидесяти книг, вышедших в типографии Новикова, двадцать три были признаны «могущими служить к разным вольным мудрованиям, а потому к заблуждениям и разгорячению умов» (ЛОНГИНОВ 1867: 158). Шесть из них были масонскими, их распорядились сжечь, семнадцать же, в числе которых были произведения Вольтера, сборники сказок, песен, романов, лишь запретили продавать. Но в 1787 г. во исполнение указа Священного Синода, предписываю-

щего все книги с любым религиозным упоминанием подвергать цензуре, тираж *Мессиады* был изъят из книжных лавок, именно об этом мы узнаем из примечания ко второму изданию 1820 г., появившемуся после цензурных послаблений. Можно предположить, что, в конечном итоге, такая потеря была невозполнима для поддержания интереса к творчеству Клопштока в России. Гении «Бури и натиска», подхватившие национальные идеи и сентиментальный пафос Клопштока, пользовались гораздо большей популярностью, и отодвинули творчество поэта XVIII в. на второй план, утвердив за автором славу «отца романтизма» и создателя романтического характера. *Мессиада* Кутузова была недоступна русскому читателю в течение 35-ти лет, а за это время изменились не только ведущие идеи в литературе. В русском стихосложении произошли значительные перемены в направлении движения к русскому гекзаметру. Прозаический перевод к 1820 г. казался устаревшим, однако в обретении гексаметра, новой стихотворной формы, предложенной Клопштоком вслед за древними, сыграла свою роль и *Мессиада*.

3. Новые переводы *Мессиады* в XIX веке

В 1802 году в журнале «Свиток муз» свой перевод отрывка из *Мессиады* Клопштока опубликовал поэт и в будущем известный филолог Востоков. Это была песнь пятая под названием *Мессиада. Опыт дактилохореического экзаметра*.

До появления *Опыта о русском стихосложении*, в котором Востоков подробно описывает стихотворные размеры, в том числе и русские фольклорные, должно было пройти еще двенадцать лет, но уже в 1802 г. молодой Востоков начинает искать русский гекзаметр. Однако древний размер переводчик согласовал с не менее архаичным церковно-славянским языком. И если соотечественники Клопштока находили его *Мессиаду* перегруженной неологизмами, то язык перевода Востокова оказался изначально устаревшим. Клопшток стилистически опережал свою эпоху, а Востоков безнадежно отстал и от оригинала, и от своего времени. Церковно-славянский язык не смог подчиниться гекзаметру, перевод изобилует односложными словами и ритмически был далек от «естественности дыхания», к которому так стремился Клопшток.

Превознесен, сидел на вечном троне Эгова!
Стал же Элоа пред ним и рек: «Колико ужасен
Ты, Всевышний! Како из ока святого блистает

Грозный суд Твой днесь! и како глаголют громы!
Тьму внимаю громов!» (Востоков 1802: 106).

Гекзаметр во всей красоте раскрылся под пером Жуковского, на чем переводе отрывка из *Мессиады* мы остановимся подробнее, но прежде следует упомянуть о переводе религиозной эпопеи Клопштока александрийским стихом.

В русской поэзии александрийский стих, или двенадцатисложник, распространился в XVIII в. благодаря переводам с французского и собственно русским эпическим и одическим произведениям В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова. Героические эпопеи *Россиада* и *Владимир*, о которых упомянул в *Письмах русского путешественника* Карамзин (в связи с разговором о Клопштоке на званом обеде в Лейпциге), написаны александрийским стихом:

Пою от варваров Россию свободенну,
Попранну власть татар и гордость низложенну,
Движенья древних сил, труды, кроваву брань,
России торжество, разрушенну Казань (ХЕРАСКОВ 1807).

В XIX в. двенадцатисложник становится непопулярным, однако новый перевод отрывка из *Мессиады* выполнен именно александрийским стихом. Автор переложения — А. И. Урываев (1789 — 1819), учитель гимназии во Владимире, участник масонского круга М. И. Невзорова и активный участник журнала «Друг юношества». *Отрывок из Клопштоковой Мессиады шестой песни; Взятие Иисуса под стражу* опубликован в майском номере за 1812 г., а *Клопштоковой Мессиады песнь IV* в августовском номере. Несмотря на то, что второй отрывок завершался уведомлением: «Продолжение впредь», полный перевод или дальнейшую публикацию переложения *Мессиады* за авторством Урываева обнаружить не удалось. Переводчик вплетает в свой текст почтительные слова в память о Клопштоке, о своей малозначительности по сравнению с его гением:

Божественный Певец Германския Державы
Окончив свой полет, исполнен звучной славы,
Сном вечным опочил в отеческих странах;
Но днесь тобой возкрес в Российских племенах.
Хотя его возторг, порывы вдохновений
Не сильно выражал младенческий мой Гений;
Хотя высоты его не совместил: —

Не утрашит меня завистливый Зоил.
Мне совесть говорит: ты прав — ты благодарен,
Не низок чувствами, хотя стихом не славен.
Защитник Росских Муз и покровитель мой!
Прими сей слабый труд под кров надежный твой.

Стремясь во всем следовать авторскому тексту, Урываев, тем не менее, несколько снижает экстатический накал чувств героев *Мессиады*. Выбор отрывков для перевода находится в полном соответствии с политикой журнала, цель которого — воспитание молодежи в религиозно-нравственном духе. Перевод Урываева укладывается в рамки сочинений, «возбуждающих в читателе любовь к богу, государю, отечеству и ближнему» (НЕВЗОРОВ 1809: 119). Тот факт, что публикация перевода была прекращена, может свидетельствовать о следующем: интерес к *Мессиаде* как к тексту угасал и в России, устаревший слог переводов Востокова и Урываева, общая замедленность действия и размытость сюжетной линии не соответствовали читательским ожиданиям.

В отличие от первого прозаического перевода Кутузова, внешних препятствий для распространения переводов Востокова и Урываева не наблюдалось, но они не обладали ни стилистической, ни тематической новизной и остались только фактом в истории литературного процесса. Перевод Кутузова попытался вернуть к жизни Н. И. Бекетов, доктор словесных наук и филологии. В 1820 г., после отмены обязательной синодальной цензуры для книг религиозного содержания, он издает полный перевод *Мессиады*, прозаически переложив третью и четвертую части (с 11 по 20 песни) и тем самым завершив работу Кутузова. Но при всей ясности языка прозаический перевод не добавил популярности *Мессиаде* Клопштока в России. Семантическая затемненность эпопеи, о которой писали еще соотечественники Клопштока, и невозможность передать в прозе музыку стиха немецкого поэта окончательно отдаляет русского читателя от *Мессиады*. Мы не нашли свидетельств дальнейшего переиздания *Мессиады* в переводе Кутузова и Бекетова. До второго полного перевода *Мессиады* должно было пройти почти 50 лет.

4. Мессиада в стихотворном переводе С. И. Писарева

Второй раз после переложения Кутузова и Бекетова религиозная эпопея Клопштока переводится полностью в 1868 г., и о причинах, побудивших Писарева заняться таким монументаль-

ным трудом, можно только догадываться. Эпопея переведена четырехстопным нерифмованным амфибрахийем, текст передается очень вольно:

Вы знаете, смертные, все то величие,
Которое дал вам Спаситель в удел
С тех пор, как Он пролил за вас свою кровь.
Послушайте ж пенье мое, о, друзья!
Я славлю Ходатая смертных пред Богом.
О, вы, перед кем поднялася завеса
Неведомых таинств Господня суда,
Послушайте пенье мое и прославьте
Святыми делами Предвечнаго Сына! (МЕССИАДА 1868: 20)

Возможно, Писарев выбрал такой ритмический рисунок, чтобы подчеркнуть общее настроение эпопеи: сдержанное и вместе с тем торжественное. Но в представлении Клопштока гекзаметр с неточным числом безударных слогов передавал естественность живой речи, в то время как в переводе звучание стало монотонным за счет упрощения ритмики. Кроме того, произошло значительное искажение смысловых акцентов. Писарев с самого начала создает иной образ лирического героя, поющего хвалу Господу. Общая идея Клопштока о любви Господней, искуплении и прощении отходит на второй план.

Неизвестно, почему Писарев не выбрал гекзаметр для перевода, ведь к тому времени *Илиада* и *Одиссея* прочно вошли в круг чтения в России. И сам Писарев пишет о достоинствах новой формы сочинения Клопштока в предисловии к своему переводу:

«В “Мессиаде” было столько новаго и вполне прекраснаго: гигантский план, возвышенность мысли, сила и важность языка и наконец древний размер стиха, очищеннаго им же самим. <...> Решившись выбрать экзаметр для новой поэмы, Клопшток пошел по стопам Греков и как лирик воспользовался этим весьма удачно» (ПИСАРЕВ 1868: 12).

О том, что побудило Сергея Ивановича Писарева, дядю известного критика Дмитрия Ивановича Писарева, взяться за перевод, доподлинно неизвестно. Человек крайне консервативных взглядов и сурового нрава мог таким образом служить «царю и Отечеству». Приведем в подтверждение этого предположения несколько фактов. Перевод посвящен «Государю императору Александру II в память благополучного исхода события 4 апреля

1866 года» (первое покушение на Александра II Д. Каракозова) и содержит обширную вступительную статью, в которой переводчик рассказывает о жизни и творчестве Клопштока с просветительских позиций. Кроме того, тремя годами позже в том же издании книгопродавцев Кораблева и Сирыкова, где была опубликована *Мессиада*, выходит в свет перевод *Потерянного рая* Мильтона, также за авторством С. И. Писарева и тоже выполненный четырехстопным амфибрахием. Оставив за рамками настоящей статьи вопрос о популярности перевода *Потерянного рая* (на него, в частности, опирается обзорная публикация в журнале «Нива», № 18 за 1875 г.), отметим только, что откликов на стихотворный перевод *Мессиады*, а равно и дальнейших переизданий нами обнаружено не было. В то же время в критической литературе периодически появляются упоминания о том, что переводом *Мессиады* занимался племянник Сергея Ивановича — Дмитрий Иванович Писарев (СОЛОВЬЕВ-АНДРЕЕВИЧ 1863), и он же в 1861 г. даже отправлял свой перевод в духовный журнал «Странник» (ВЕНГЕРОВ 1907: 81). Однако в «Указателе духовного литературно-ученого журнала Странник за первое десятилетие» перевод *Мессиады* не значится.

Распространенность фамилии Писарев и малая известность фигуры Сергея Ивановича привели к появлению литературно-исторического казуса: авторство перевода *Мессиады* 1868 г. приписывается Писареву Стефану Ивановичу (1708 — 1775), переводчику Иоанна Златоуста и Плутарха, обер-секретарю Синода (КАГАН 1966: стб. 604-605).

5. Аббадона В. А. Жуковского

В записках Жуковского за 1807 г. обнаруживается помета: «Что сочинить и перевести: Эпическая поэма. Отрывки из Мессиады и Мильтона» (ЖУКОВСКИЙ 2011: 395). Перевод Кутузова был к тому времени уже изъят из обращения. Жуковский был, вероятно, знаком и с переводом Востокова. Затянутость эпопеи Клопштока, искусственность характеров и размытость сюжетной линии Жуковскому удалось блестяще преодолеть. План «перевести Мессиаду» вынашивался им на протяжении нескольких лет.

Первое обращение Жуковского к поэме Клопштока произошло еще до 1807 г. В альбоме «Подарок 1806 года, января 16 дня», хранящемся в РНБ (Оп. 1. № 14. Л. 19 об.), находится беловой автограф первых 16 стихов «Аббадоны». Копия этого

фрагмента, сделанная рукой А. Л. Протасовой, озаглавлена «Отрывок из “Мессиады”. 1806 года 1 апреля».

Мрачным у трона сидел в тоску погруженный
Ангел Абдил*, Аббадона**... Мыслью носился над бездной
Времен предстоящих. Мука на муке, вечность страданий
Грозно вдали представлялись мрачному взору!
Тут узрел он прежнее время! О вспоминанье
Сладких восторгов, часов безмятежных, невинных!
Там он был другом небесного друга, Еллои***,
С ним, непреклонный, в день возмущенья, парил он...

Жуковский, как и Востоков, пытается создать русский гекзаметр, но не впадает в крайность с языковыми экспериментами. В отличие от автора оригинала, не придерживающегося магистральной сюжетной линии, переводчик в своем коротком отрывке оставляет одну сюжетную линию: историю падения ангела Аббадоны.

Сумрачен, тих, одинок, на ступенях подземного трона
Зрелся от всех удален серафим Аббадона. Печальной
Мыслью бродил он в минувшем: грозно вдали перед взором,
Смутным, потухшим от тяжкия тайныя скорби, являлись
Мука на муке, темная вечности бездна...

Данный эпизод оказывается едва ли не самым живым и удачным, герой вызывает сопереживание, а весь эпизод в переложении Жуковского романтизируется. Он подчеркивает романтический драматический конфликт, тираноборческий характер бунтаря и контрасты в образной системе и стиле.

Цельность перевода Жуковского приводит к удивительным, но предсказуемым последствиям: в русской литературе XIX в. остается короткое стихотворение Жуковского *Аббадона* (из *Клопштока*), а не *Мессиада* Клопштока в переводе Кутузова, Востокова, Урываева или Писарева.

6. Заключение

Мы видим, что переводы Кутузова, Востокова, Писарева в силу совершенно разных причин остались только фактом литературного процесса и не могли способствовать распространению поэтической эпопеи Клопштока. Писарев был последним, кто взялся за переложение *Мессиады* на русский язык, после 1868 г. не удалось найти фактов переиздания эпопеи полностью или отдельными песнями. Самым удачным и известным в России в

итоге оказался вольный перевод В. А. Жуковского *Аббадона* из второй песни *Мессиады*.

Восхождение Клопштока на литературный Олимп в России с появлением переводов его произведений заканчивается, он все более превращается в символического отца романтизма и великого немецкого поэта, которого — по словам пророческой эпитафии Лессинга — хвалят, но не читают. Имя поэта начинает жить своей жизнью, до середины XX в. новых русских переводов из Клопштока практически не появляется. Позднее А. В. Михайлов с несомненной отсылкой к эпитафии Лессинга заметил, что Клопшток относится к тем авторам, которых «никто не читает и не переиздает, хотя они заслуживают чтения и переиздания несомненно и безусловно» (МИХАЙЛОВ 1990: 144). Внимательное чтение, сопровождающееся появлением переводов наиболее значительных лирических произведений Клопштока, знаменует новый этап в исследовании творчества выдающегося немецкого поэта. Исследование влияния творчества Клопштока на поэтов и писателей русской литературы начинается в конце XX в. До настоящего времени тема рецепции Клопштока в России не представлена исчерпывающе.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Бортников В. И., Волегова Т. И.* Советский перевод поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай» и иллюстрации к ней Гюстава Доре: эволюция контекстных интерпретаций // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 25. № 4 (192). С. 95—105. [Bortnikov, Vladislav I., & Volegova, Tatyana I. (2019) Sovetskiy perevod poemy Dzh. Mil'tona "Poteryannyu ray" iillyustratsii k ney Gyustava Dore: evolyutsiya kontekstnykh interpretatsiy (Soviet Translation of J. Milton's "Paradise Lost" and Its Illustrations by Gustave Dore: The Evolution of Contextual Interpretations). *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*, 25, 4, 95—105. (In Russian)].
- Венгеров С. А.* Очерки по истории русской литературы. М.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1907. [Vengerov, Semyon A. (1907) Ocherki po istorii russkoy literatury (Essays on the History of Russian Literature). Moscow: Tipografiya Tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za". (In Russian)].
- Востоков А. Х.* Мессиада. Песнь V, от 1 стиха до 148 // Свиток Муз. Кн. 2. СПб., 1802. С. 106—119. [Vostokov, Aleksandr Kh. (1802) Messi-

- ada. *Pesn' V*, ot 1 stikha do 148. In *Svitok Muz* (Scroll of the Muses). Book 2. Canto V, from verse 1 to 148. Saint Petersburg, 106—119. (In Russian)].
- Западов В. А.* Работа Г. Р. Державина над «Рассуждением о лирической поэзии» // XVIII век. Т. 15. Л.: Издательство АН СССР, 1986. С. 215—229. [Zapadov, Vladimir A. (1986) Rabota G. R. Derzhavina nad «Rassuzhdeniyem o liricheskoj poezii» (G. R. Derzhavin's Work on "Reasoning about Lyrical Poetry"). In *XVIII vek* (18 century) Vol. 15. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 215—229. (In Russian)].
- Каган Ю. М.* Клопшток // Краткая литературная энциклопедия. Т. 3: Иаков — Лакснесс. М.: Советская энциклопедия, 1966. Стб. 604—605. [Kagan, Yuliya M. (1966) Klop-shtok. In *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya*. Т. 3: Iakov — Laksness (Brief Literary Encyclopedia. Vol. 3: Jacob — Laxness). Moscow: Soviet Encyclopedia. (In Russian)].
- Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. М.: Советская Россия, 1982. [Karamzin, Nikolay M. (1982) *Pis'ma russkogo puteshestvennika* (Letters of a Russian Traveler) Moscow: Sovetskaya Rossiya. (In Russian)].
- Кононко Е. Н.* Рукописи Державина в Центральной научной библиотеке УССР // Русская литература 1972. № 3. С. 83—84. [Kononko, Yelena N. (1972) Rukopisi Derzhavina v Tsentral'noy nauchnoy biblioteke USSR (Derzhavin's manuscripts in the Central Scientific Library of the Ukrainian SSR). *Russkaya literatura* (Russian Literature), 3, 83—84. (In Russian)].
- Левин Ю. Д.* Английская поэзия и литература русского сентиментализма // От классицизма к романтизму. Из истории международных связей русской литературы / ред. М. П. Алексеев. Ленинград: Наука, 1970. С. 195—298. [Levin, Yuriy D. (1970) *Angliyskaya poeziya i literatura russkogo sentimentalizma* (English Poetry and Literature of Russian Sentimentalism). In Alekseyev, Mikhail P. (ed.) *Ot klassitsizma k romantizmu. Iz istorii mezhdunarodnykh svyazey russkoj literatury* (From Classicism to Romanticism. From the History of International Connections of Russian Literature). Leningrad: Nauka, 195—298. (In Russian)].
- Лонгинов М. Н.* Новиков и московские мартинисты. Москва: Типография Грачева и Комп. 1867. [Longinov, Mikhail N. (1867) *Novikov i moskovskiye martinisty* (Novikov and the Russian Martinists) Moscow: Tipografiya Gracheva i Komp. (In Russian)].
- Мессиада. Сочинение Клопштока / пер. Сергея Писарева. СПб.: Изд. Кораблева и Сирякова, 1868. [Messiada. *Sochineniye Klopshтока* (Der Messias. Klopstock's Work). Trans. by Sergey Pisarev. Saint Petersburg: Korablev & Siryakov Publ. (In Russian)].

- Михайлов А. В.* Обратный перевод. Русская и западноевропейская культура: проблемы взаимосвязей. М.: Языки русской культуры, 2000. [Mikhailov, Aleksandr V. (2000) *Obratnyy perevod. Russkaya i zapadnoevropeiskaya kul'tura: problemy vzaimosvyazey* (Reverse Translation. Russian and Western-European Culture: Problems of Relationships). Moscow: LRC Publishing House. (In Russian)].
- Невзоров М. И.* Предисловие автора // Друг юношества. 1809. № 6. [Nevzorov, Mikhail I. (1809) *Predisloviye avtora* (Preface by the Author). *Drug yunoshetva* (Friend of youth), 6. (In Russian)].
- Писарев С. И.* Предисловие переводчика // Мессиада. Сочинение Клопштока / пер. Сергея Писарева. СПб.: Изд. Кораблева и Сирякова, 1868. [Pisarev, Sergey I. (1868) *Predisloviye perevodchika* (Preface by the translator). In *Messiada. Sochineniye Klopshtoka* (Der Messiah. Klopstock's Work). Trans. by Sergey Pisarev. Saint Petersburg: Korablev & Siryakov Publ. (In Russian)].
- Пуришев Б. И.* Клопшток // Литературная энциклопедия. Т. 5. М.: Издательство Коммунистической академии, 1931. Стб. 784. [Purishev, Boris I. (1931) Klopshtok. In *Literaturnaya entsiklopediya*. T. 5 (Literary Encyclopedia. Vol. 5). Moscow: Communist Academy Publishers, col. 784. (In Russian)].
- Соловьев Е. А.* Дмитрий Писарев. Его жизнь и литературная деятельность. СПб.: тип. Ю. Н. Эрлиха, 1893 [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/s/solowxewandreewich_e_a/text_0050.shtml (дата обращения: 09.02.2021). [Solovyev, Yevgeniy A. (1893) *Dmitriy Pisarev. Ego zhizn' i literaturnaya deyatel'nost'* (Dmitriy Pisarev. His Life and Literary Activity). Saint Petersburg: Yu. N. Erlikh Publ. (2021, February 09). Retrieved from http://az.lib.ru/s/solowxewandreewich_e_a/text_0050.shtml. (In Russian)].
- Справочный энциклопедический словарь в 12 т. Т. 8: Мас — Нюр / под ред. А. В. Старчевского. СПб.: издание К. Крайя, 1854. [Starchevskiy, Adalbert-Voitekh V. (ed.) *Spravochnyy entsiklopedicheskiy slovar'*. V 12 t. T. 8: Mas — Nyur (Reference Encyclopedic Dictionary. In 12 vols. Vol. 8: Mas — Nyur). Saint Petersburg: K. Kray Publ. (In Russian)].
- Урываев А. И.* Клопштоковой Мессиады песнь IV: М. И. Н. («Божественный певец германския державы...») // Друг юношества. 1812. Август. С. 52—62. [Uryvaev, Aleksandr I. (1812) Klopshtokovoy Messiadyy pesn' IV: M. I. N. ("Bozhestvennyy pevets germanskiya derzhavy...") (Klopstock's Messiad Song IV: M. I. N. ("The Divine Singer of the German Empire...")). *Drug yunoshetva* (Friend of Youth), 52—62. (In Russian)].
- Херасков М. М.* Россияда. М.: тип. Пономарева, 1807 [Электронный ресурс]. URL: [http:// az.lib.ru/h/heraskow_m_m/text_0010oldorfo.shtml](http://az.lib.ru/h/heraskow_m_m/text_0010oldorfo.shtml)

(дата обращения 09.02.2021). [Kheraskov, Mikhail M. (1807) *Rossiada* (Rossiad). Moscow: Ponomaryov Publ. (2021, February 09). Retrieved from http://az.lib.ru/h/heraskow_m_m/text_0010oldorfo.shtml. (In Russian)].

Vera G. Sibirtseva

Nationale Forschungsuniversität Hochschule für Wirtschaft

Russische Übersetzungen und Nachdichtungen von Klopstocks *Der Messias*

In dem Artikel wird das literarische Schicksal russischer Übersetzungen des religiösen Epos *Der Messias* nachvollzogen, den der berühmte deutsche Dichter Friedrich Gottlieb Klopstock im 18. Jahrhundert geschaffen hat. Es ist den Übersetzern wie Alekssej Kutusow, Alexander Wostokow und Sergej Pissarew nicht gelungen, viele Leser für Klopstocks Werk anzulocken. Diese Übersetzungen konnten hiermit die Rahmen des 19. Jahrhunderts kaum überschreiten. Die Gründe dafür sind nicht allein im Originaltext selbst zu suchen, sie sind vielmehr sind objektiver Natur. Die vorgenommene komparative Analyse ermöglicht nicht nur eine ganzheitliche Problemsicht, sondern zeigt auch eine Paradoxie auf: die kurze freie Nachdichtung (aus dem 2. Gesang) von Shukowskij bleibt bis heute das am meisten gelesene Werk.

Schlüsselwörter: Shukowskij; Klopstock; „Der Messias“; freier Vers; Hexameter

Vera G. Sibirtseva

National Research University “Higher School of Economics”

Russian Translations and Arrangements of Klopstock’s *Der Messias*

The given article examines the literary fate of translations into Russian language of the epic *Der Messias* by F. G. Klopstock, the great German poet of the 18th century. The fact is that the translations created by Kutuzov, Vostokov, Pisarev were not popular in Russia. They remain just as a literary fact of the late 18th — mid-19th centuries. The main aim of this article is to identify the reasons for the low interest in the translations of *Der Messias*. A comparative analysis of translations of a religious epic carried out leads to the conclusion that the most famous is the translation of a short excerpt from *Der Messias* by Zhukovsky.

Keywords: Zhukovsky; Klopstock; “Der Messias”; free verce; hexameter

Ю. Л. Цветков

Ивановский государственный университет

ИСТОРИЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И БИБЛЕЙСКАЯ ЭТИКА В ПЬЕСЕ АРТУРА ШНИЦЛЕРА *ПРОФЕССОР БЕРНХАРДИ*

Цель исследования — сформулировать роль антисемитизма, ассимиляции и толерантности в истории Габсбургского государства и определить функционирование этих понятий в сознании венской интеллигенции начала XX в. На примере пьесы *Профессор Бернхарди* (1912) австрийского прозаика и драматурга Артура Шницлера (1862 — 1931) доказано, что нападки коллег на доктора по поводу его «врачебной ошибки» вскрыли различное понимание еврейского вопроса в обществе и место антисемитизма в нем. Бернхарди разрешил проблему национальной идентичности на экзистенциальном уровне, оставаясь верным Библейской этике, закрепленной в законах Моисея. Кроме того, он был единственным приверженцем лессинговской идеи толерантности в пьесе.

Ключевые слова: история еврейства; виды национальной идентичности; Библейская этика; Артур Шницлер; «Профессор Бернхарди»

1. Введение

Национальная идентичность, как известно, существует в двух формах — личностной и коллективной. Каждая из них порождается психологическими механизмами деятельности самосознания — уподоблением и интеллектуальным самоанализом (ПОПОВА 2004: 15). Идентичность личности — это «устойчивое представление о себе», при котором человек, задавая вопрос: «Кто я в национальном отношении?», — отождествляет себя с определенной национальной общностью (РАДУГИН 1996: 182-183). Под *нацией* мы будем понимать определение, сформулированное И. Г. Гердером и немецкими романтиками:

«Согласно их представлениям, нация и национальная идентичность суть феномены, данные народу “от природы” и не зависящие от наличия национального государства» (ПОПОВА 2004: 18).

Проблема еврейской идентичности наиболее остро проявилась в писательской среде столицы Австро-Венгрии — Вене на рубеже XIX — XX вв. Литературный кружок «Молодая Вена», возникший в 1891 — 1892 гг., положил начало литературе вен-

ского модерна. По свидетельству Шницлера, он состоял из двадцати трех участников. С. Беллер уточнил:

«шестнадцать из них, это составляет семьдесят процентов, однозначно или хотя бы отчасти, были еврейского происхождения» (BELLER 1993: 30).

Указанное процентное соотношение значительно превышало число еврейского населения Вены. В 1895 г. оно составляло 8,7% (KIESEL 2004: 78). Австрийский писатель С. Цвейг (1881 — 1942) пришел к важному обобщению во «Вчерашнем мире» (1943):

«Девять десятых того, что мир окрестил венской культурой девятнадцатого столетия, была культура, поддерживаемая, питаемая и созданная еврейством» (ЦВЕЙГ 2004: 26-27).

Заметное место в литературе венского модерна принадлежит Артуру Шницлеру. Центральной темой его прозы и драматургии можно считать психологическое изучение неординарных взаимосвязей личности и общества:

«Поскольку коммуникативные связи “я” и мира нарушены, а универсальных принципов урегулирования (социальных, моральных, философских) сложившегося конфликта не существует, автор концентрирует свое внимание на том небольшом промежутке времени, когда разыгрывается *кризисная ситуация личности*» (ЦВЕТКОВ 2003: 301).

Драма *Профессор Бернхарди* точно рефлектирует состояние венского общества по отношению к национальному меньшинству в империи.

2. История еврейства и антисемитизма в Габсбургском государстве

Национальную идентичность можно рассматривать диахронически, в этом случае в центре внимания оказывается *коллективная идентичность*, процесс формирования самообраза нации через осознание ею своей этнической и культурной специфики и своего «согражданства» (ГЛОБАЛИЗАЦИЯ 2003: 162). При таком историческом подходе *история еврейства* в Габсбургском государстве и его столице Вене началась в X в. с приходом евреев вместе с римлянами. В XII в. появились первые еврейские поселения, а в XIII-м — первая синагога, первые привилегии в торговле и защита евреев со стороны кайзера Фридриха Второго (WISTRICH 1999: 10-11). В XIV в. Вена стала местом убежища для многих ты-

ся евреев, преследуемых в соседних государствах.

В XV в. ситуация резко изменилась. Возник неприкрытый образ врага, и начались преследования и изгнание евреев из Вены (Wiener Gesera). *Антисемитизм* проявился в своих крайних формах. В XVI в. при кайзере Рудольфе II было вновь разрешено строительство синагог, а в XVII в. за городской стеной возникло еврейское поселение (гетто), неподконтрольное городским властям. Во время осады Вены турками (1683 — 1684) это поселение оказалось на границе противоборствующих сторон, а католическая церковь объявила евреев врагами христианского мира. Признание одной нации врагом другой выходит за рамки идентификационных процессов и представляет собой «особый случай», который разрушает «иллюзию однозначности и идентичности» (KERNMAYER и др. 2004: 292). Чужой в этом случае оказывается *врагом*, разрушает установленный порядок и протестует против «привычного антагонизма, который представляет собой разорванную конфликтами согласованность друзей и врагов» (BAUMAN 1992: 75).

2.1. Эпоха Просвещения и еврейский вопрос

В XVIII в. при правлении Марии Терезии и Йозефа II формы национальной идентичности евреев были различными. Евреи занимали высокие должности при дворе, строились еврейские школы, было разрешено учиться в университетах, издавались произведения на иврите (WISTRICH 1999: 12-19). Впервые еврейский вопрос был подробно рассмотрен немецким философом М. Мендельсоном (1729 — 1786), его учеником Д. Фридендером (1750 — 1834) и известным немецким драматургом Г. Э. Лессингом (1729 — 1781). На позициях *полной ассимиляции* евреев стоял Фридендер. Ратуя за еврейское равноправие, поскольку, по его мнению, разум одинаков у евреев и христиан, он предлагал крещение евреев, чтобы «воссоединиться с обществом официально» (цит. по: АРЕНДТ 2008: 150). *Частичную ассимиляцию* предлагал Мендельсон:

«Подчинитесь обычаям и настроениям той страны, в какой вы оказались; но стойко держитесь религии ваших отцов. Несите оба эти бремени как можно лучше!» (Там же).

Сохранение религиозной самобытности поддерживал Г. Э. Лессинг. В комедии *Евреи* (1749) он впервые в истории театра представил положительный образ еврея, а Мендельсон послу-

жил прообразом заглавного героя драмы Лессинга о равноправии трех религий *Натан Мудрый* (1779). Пьеса, как известно, основана на притче Дж. Боккаччо о трех кольцах, которые аллегорически изображали иудаизм, христианство и ислам. Мудрый отец подарил каждому сыну по кольцу. Все три кольца — равноценны, но каждый из сыновей считал, что только его кольцо подлинное:

«Для Лессинга общий разум является фундаментом человечности. Он как самое человеческое соединяет Саладина с Натаном и тамплиером. Он один есть настоящая связь человека с человеком» (Там же: 140).

Мысль о *толерантности* по отношению к разным религиям Лессинга стоит в тесной связи с понятием истины. Человек, считал он, важнее истины, она становится относительной из-за «ценности человека»:

«Это человеческое открывается в толерантности. Всемирное господство разума — это всемерное господство человеческого, гуманного» (Там же).

Лессинг обосновал концепцию, которая направлена на сохранение и развитие в какой-либо стране культурных различий национальных меньшинств, получившую определение *мультикультурализма*.

И. Г. Гердер (1744 — 1803), историк культуры и ведущий деятель позднего Просвещения, всерьез принимая «религию отцов», считал, что вопрос ассимиляции и эмансипации евреев является *государственной задачей*:

«Вместе с тем Гердер видит, что история евреев, происходящая из Закона Моисеева, неотделима от него, что она поэтому полностью зависит от соблюдения этого Закона. Затем эта религия есть религия Палестины, и придерживаться ее означает, собственно, оставаться народом Палестины и, следовательно, “чужим для нашей части земли азиатским народом в Европе”» (Там же: 155-156).

Гердер подчеркивал чужеродность евреев, не отвергая возможности их *частичной ассимиляции*. По его мнению, европейские нации должны включать другие нации, в том числе и еврейскую: «Таким образом, их Палестина там, где они живут и действуют во всех отношениях благородно» (Там же: 160). Этот факт, полагал Гердер, становится для евреев приоритетной задачей воспитания, образования и культуры.

2.2. Еврейский вопрос и антисемитизм в Вене конца XIX — начала XX в.

В XIX в. при значительном росте индустрии, торговли и банковского дела еврейская община Вены имела серьезное влияние на городскую жизнь. Еврейские студенты юристы и медики, будучи членами «студенческих комитетов», принимали активное участие в событиях 1848 г. Руководитель сионистского движения в Вене писал:

«Евреи [в Австрии] были в течение всего девятнадцатого века в своей совокупности немецкими, они были немецкими по своему воспитанию, так как доминировала немецкая культура в многоязыковом государстве... Евреи оставались не только носителями немецкой культуры, они были также и ярыми защитниками немецкой политики» (WISTRICH 1999: 31).

После раздела Польши и присоединения к Австрии Галиции и Буковины еврейское население страны значительно увеличилось, так как в восточных городах империи оно составляло около 40%. Ускоренное промышленное развитие Вены после 1867 г. привлекло большое число евреев со всех частей многонациональной Австро-Венгрии.

Первые антисемитские партии появились в Германии в 80-х гг. Г. фон Трейчке — крупный историк и политик выступал за *полную ассимиляцию* евреев и сделал антисемитизм «допустимым в приличном обществе» (АРЕНДТ 2008: 101). Политические партии Австро-Венгрии 90-х гг: «великогерманская и «христианско-социальная» стремились направить политику в новое русло. «Великогерманская партия» имела агрессивно националистический характер, выступала с проповедью расовой непримиримости, в том числе с открыто *антисемитской программой* и требовала включения немецких областей Австрии в состав Германии. «Христианско-социальная» партия отличалась подчеркнуто католическим характером. Осуществляя демагогическую программу «защиты малых людей от крупного капитала», партия объединила различные католические союзы: «Теперь любому, в особенности интеллигенту, на каждом шагу давалось понять, что он живет в католической стране» (FUCHS 1949: 69). С 1897 по 1910 г. бургомистром Вены был Карл Луэгер, христианский социалист. Его антисемитские взгляды были близки «великогерманской» партии.

Либеральное крыло венского бюргерства составляли гим-

назии и больницы, в них концентрировалось до тридцати процентов еврейской венской интеллигенции (BELLER 1996: 711). По мнению С. Беллера, еврейский вопрос в Вене был чрезвычайно актуальным:

«Если предположить, что венский модерн является продуктом «либерального», «образованного» и «буржуазного» класса, то важно понять, что ядро этого либерального, образованного буржуазного класса на две трети было еврейским...» (Там же: 712).

Среди известных личностей были религиозный и политический деятель раввин Йозеф Самуэль Блох, основатель сионистской идеологии Натан Бирнбаум, провозвестник еврейского государства Теодор Херцль, руководитель Социал-демократической рабочей партии Австрии, в 1918 г. Первый госсекретарь иностранных дел Австрии, редактор газеты «Arbeiter-Zeitung» — Виктор Адлер, психолог Зигмунд Фрейд, композиторы Густав Малер, Александр фон Цемлинский, Арнольд Шенберг, писатели Артур Шницлер, Карл Краус, философы Отто Вайнингер, Людвиг Витгенштейн, художники Рихард Герсль, Макс Оппенхаймер и др. В исследовании *Скрытая традиция* Х. Арендт констатировала общее положение евреев в Вене в это время:

«В глазах окружающих евреи были и оставались изгоями, если только чрезвычайными средствами не отвоевывали себе место в приличном обществе. Применительно же к прославленному еврейскому обществу забывало свои неписанные законы. Цвейговская «сияющая власть славы» являла собой реальную общественную силу, в ореоле которой ты мог свободно вращаться в любых кругах и водить дружбу даже с антисемитами наподобие Рихарда Штрауса...» (АРЕНДТ 2008: 108-109).

С. Беллер пишет о типично «еврейском стоицизме» венцев в этических вопросах, о значении просветительских идеалов для всего «человечества», «прогресса», «свободы» и «равных прав», ради которых боролись евреи за свою эмансипацию в обществе, так и не достигнув ее (BELLER 1996: 714). Последователи немецкого Просвещения, евреи, открыли, считает критик, истинную венскую культуру барокко как национальное достояние Австрии. С. Беллер не отрицает тесных контактов венских евреев с нееврейским окружением:

«Просвещение, либеральная немецкая культура, общественная и культурная структура Вены, антисемитизм — все это взаимодей-

ствовало с еврейской традицией, с особым еврейским положением в обществе и экономике» (Там же: 715).

Кроме того, критик пишет о слиянии многих национальных черт, например, в венском модерне «многих субкультур, еврейских, великодержавных немецких, католических, “криптопротестантских”, славянских и др.» (Там же: 716). В венском модерне было, по его мнению, двойное сопряжение культур — немецкой и западной, причем с большим успехом и вовлечением в этот процесс многих людей, что, по словам К. Крауса, было сознательной культурной политикой, которую он иронично назвал «заговором» (KRAUS 1901: 1).

Попытка интеграции в идеальный мир просвещенного, либерального будущего привела некоторых еврейских интеллектуалов из числа социалистов к идее создания некой утопии в Центральной Европе, а Херцль и сионисты пытались реализовать этот желаемый мир в идеологии эмансипации в «другом месте», иные же, прежде всего Шницлер и Фрейд, надеялись найти этот мир в духовном начале каждого отдельного человека (BELLER 1996: 718).

3. Артур Шницлер и еврейский вопрос

Два произведения Шницлера посвящены еврейскому вопросу в Вене: роман *Путь на свободу* (1908) и комедия *Профессор Бернхарди*. По мнению К. Флидль, Шницлера более всего касался так называемый «культурный антисемитизм», на который венский автор резко реагировал. Главный аргумент культурного антисемитизма запрещал еврею «где-либо принимать участие в культурной деятельности народов» (FLIEDL 1997: 215), радикальным образом разрушая профессиональную идентичность писателя. Под давлением полемических нападок на Шницлера, считает критик, в этих произведениях проявилась «память как специфическая еврейская способность», т. е. то «качество, позволяющее изменить роль пошатнувшейся коллективной памяти» (Там же: 216).

Если в гимназии Шницлер, по собственным воспоминаниям, едва ли замечал «следы» антисемитизма» (SCHNITZLER 1968: 329), то впоследствии он писал, что в общественной жизни всегда было заметно, что он еврей. Этот факт мог его серьезно душевно ранить, поскольку иногда равнодушие по отношению к нему со стороны других людей достигало такой степени, что он сравнивал его с нанесением раны: словно «грязный нож цара-

пал, даже резал кожу, пока не появится кровь» (Там же: 328).

Шницлер назвал драму *Профессор Бернхарди* «комедией в пяти действиях» (SCHNITZLER 1999: 149)*. Это произведение о политике и общественном мнении, без любовного сюжета, с некоторыми комедийными чертами отдельных персонажей и интригой, что в целом не дает повода для смеха. Шницлер решил написать «здоровую и дерзкую комедию, которая ему давно представлялась и которую ждала от него публика» (SCHNITZLER: URL). В связи с политической злободневностью драмы власти Вены запретили ее для постановки. Примечательно, что причиной запрета стала «пародия на парламент» и отрицательная характеристика министра культуры без упоминания антисемитизма (PERLMANN 1987: 97). Премьера пьесы состоялась в Вене в 1918 г., когда были отменены устаревшие указы. Однако премьера драмы Шницлера в Берлине состоялась уже в 1912 г. в «Малом театре».

Пьеса представляет собой конфликтную ситуацию. Она возникла в частной клинике «Элизабетинум», и в ней много личных впечатлений врача Артура Шницлера о частной практике «Венской поликлиники» его отца Иоганна Шницлера. Однажды он вел дискуссии с одиннадцатью молодыми доцентами, которые допускали неуважительные и обидные выпады против пожилого человека. Образ профессора Бернхарди в пьесе лишь некоторыми чертами похож на отца Шницлера, а возникшая коллизия в клинике — возможный эпизод из венской жизни (SCHNITZLER 1984: 12-13).

3.1. Конфликты моральные и национальные в драме «Профессор Бернхарди»

Ключевой сценой первого действия драмы стала дискуссия доктора медицины Бернхарди, еврея по национальности, с католическим священником отцом Редером. Доктор позволил умирающей девушке поверить в свое выздоровление и в спасительное сношение о «небесном женихе», чтобы она умерла «счастливой смертью» (171). Отказ от участия священника он объяснил

---

* Schnitzler, A. (1999) Professor Bernhardi. In Schnitzler, A. *Das weite Land. Dramen 1909 — 1912*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 149—294. Далее цитаты по этому изданию даются с указанием страницы в скобках.

чувством сострадания по отношению к пациентке. Священник же утверждал обратное: умирающая от нелегального аборта девушка ушла из жизни нераскаявшейся, без соборования. Сознвая *нарушение общепринятого закона*, Бернхарди взял вину на себя, хотя коллеги напоминали ему, что «они живут в христианском государстве» и возможны негативные последствия (174).

Вторым неординарным поступком Бернхарди явилось его решение взять в клинику молодого и способного доктора Венгера, еврея по происхождению. На это же место претендовал молодой, но безуспешный немец Хель, в карьерном продвижении которого, о чем знал Бернхарди, участвовали «влиятельные лица сверху» (161). Конфликт со священником и избрание Венгера стали поводом для подачи жалобы (интерпелляции) в парламент для разбирательства немецко-национальной и клерикальной партий, поскольку, по словам вице-директора клиники, решение «личных вопросов в Австрии заканчивается политическим разбирательством» (197). Интерпелляция стала причиной исключения Бернхарди из руководства клиники и обвинения его в нарушении религиозного закона. Однако «врачебная ошибка» Бернхарди никак не была связана с его еврейским происхождением. Человеческое милосердие врача к несчастной было его внутренним убеждением.

3.2. Виды национальной идентичности и антисемитизма в пьесе

Среди коллег Бернхарди началась политическая дискуссия, разделившая врачей на тех, кто был против осуждения профессора, кто занимал нейтральную позицию, и тех, кто был за его осуждение. Престарелый профессор Пфлугфельдер, выходец из евреев, называл судебный процесс над Бернхарди «преступлением», «ненавистью врагов» и «трусостью так называемых друзей» (247). Он призывал к *эмансипации* евреев и активной политической борьбе за равные права людей иудейского вероисповедания. На стороне Бернхарди был доктор Левенштайн, обличитель министра культуры в поддержке клерикальных сил. Наконец, всегда скептически настроенный доктор Киприан советовал Бернхарди написать заявление, объяснить в нем свою позицию и ни в коем случае не изменять своим профессиональным убеждениям: «*Du bist Arzt. Und ein gerettetes Menschenleben ist mehr wert als ein hochgehaltenes Banner*» (191). Бернхарди не

прислушался ни к Пфлугфельдеру, ни Левенштайну, ни Киприану. Любые формы протеста или объяснения своей ситуации Бернхарди отвергал.

Нейтральной позиции придерживался профессор Филиц. Он не мог назвать себя антисемитом, так как у него ассистентом был еврей: «Gegenüber anständigen Juden gibt es keinen Antisemitismus» (182). Филиц обвинил Левенштайна в идее навязчивого преследования евреев:

«...in ihrer lächerlichen Antisemitenriecherei [sei] die Hauptschuld an der bedauerlichen Verschärfung der Gegensätze...» (183).

Он был убежден, что антисемитизм являлся для евреев всего лишь идеей фикс.

Среди «профессоров-отступников» в деле Бернхарди были доктора еврейского происхождения Шрайман и Адлер. Первый из них, идеолог *полной ассимиляции* евреев, — «лысый, со шрамом на лбу» — с важной авторской ремаркой:

«Auffallend tiefes, biederes Bierdeutsch betont österreichischer Dialekt mit plötzlich durchschlagenden jüdischen Akzenten» (212).

Он считал себя новообращенным немцем, а шрам на лице он получил, когда еще был евреем. Известно, что Шницлер в автобиографии упоминает о так называемом Вайдхофенском постановлении, в котором дуэли с евреями объявлялись унижением достоинства немцев, как и общение с ними (SCHNITZLER 1968: 152). Доктор Адлер, бывший участник Буршеншафта, заявлял перед Бернхарди о его невиновности, но голосовал за его исключение из клиники, тем самым поддерживая *антисемитскую* позицию.

Молодое поколение в драме представлено ассистентом Венгером, сыном Пфлугфельдера — Куртом и кандидатом медицины Хохройтцпойнтнером. Молодой и талантливый доктор Венгер, которого Бернхарди хотел видеть в клинике, остался в стороне от дискуссии. Венгер отказался видеть в деле директора «Элизабетинума» происки клерикальной и антисемитской партий:

«für mich gibt es überhaupt keine religiösen und keine nationalen Unterschiede. Ich bin der Mann der Wissenschaft» (222).

Ассистент Курт Пфлугфельдер, по словам своего куратора Бернхарди, во всем видел «предательство» (153). Он открыто говорил о том, что он антисемит и антиариец:

«Ich finde, die Menschen sind im Allgemeinen eine recht mangelhaf-

te Gesellschaft, und ich halte mich an die wenigen Ausnahmen da und dort» (167).

Кандидат медицины Хохройтцпойнтнер безжалостно производил жестокие эксперименты над пациентами, применяя запрещенные препараты, после которых они умирали, а «врач» при этом не испытывая никаких угрызений совести и утверждал одновременно, что он живет в «христианском государстве» (154). В целом, поколение молодых медиков, идущее на смену опытным профессорами, в политическом плане значительно агрессивнее настроено против евреев, предвещая их мрачное будущее через два десятилетия. Наконец, в травле Бернхарди участвовала партийная пресса, которая отличалась *воинствующим антисемитизмом*: появлялись оскорбляющие надписи: «Долой евреев!», «Долой масонов!» (248).

3.3. Скрытые формы антисемитизма в драме

Скрытым врагом Бернхарди оказался вице-директор клиники Эбенвальд. После сложения полномочий Бернхарди именно он намеревался руководить клиникой, препятствуя избранию в состав докторов еврея Венгера. Эбенвальд использовал родственные связи, чтобы передать жалобу на Бернхарди депутату парламента, руководителю клерикальной партии (207).

Защитником Бернхарди на суде был доктор Гольденталь. Он признался, что процесс был проигран, и Бернхарди подвергся двухмесячному тюремному заключению. Причиной провала адвокат посчитал своенравный характер Бернхарди, его желание играть роль оскорбленного и отказ от оспаривания приговора (246). Адвокат понял совершенную над Бернхарди несправедливость, но не заявил об этом открыто, предсказывая доктору новые судебные процессы (251).

Главным противником Бернхарди являлся недавно назначенный министр культуры и образования профессор Флинт. Ранее он работал в клинике, и сохранялись надежды, что он будет полезен в защите интересов врачей «Элизабетинума». Бернхарди, напротив, считал его своим противником: «Ihr seid in einer Weise vergeßlich! Flint ist unser erbittertester Gegner» (168). Проницательность Бернхарди помогла отрезвить многих его коллег. При первом появлении Флинта автор указывает в ремарках: «eine nicht ganz unbeabsichtigte Diplomatenmaske, sehr lebenswürdig, oft mit echter Wärme» (198). Флинт относился к тем пер-

сонажам, которые уже встречались в драмах Шницлера *Анатоль* (1893) и *Хоровод* (1900). Это «мимолетний человек», он

«представляет собой “пучок мимолетних ощущений”. В отличие от реального человека, сочетающего обычно изменчивость своего психического состояния с его устойчивостью (и преемственностью); так сказать, гибкую тактику с твердой стратегией, мимолетний человек *абсолютно неустойчив*: это человек не цели, а исключительно сиюминутного настроения» (Бранский 1999: 391).

Как политический деятель, Флинт похож на актера, который менял свое настроение в зависимости от аудитории и разыгрывал «театр в театре», подобно комедианту, ожидая аплодисменты. Наедине с Бернхарди он подстраивался под собеседника, обретал риторическую велеречивость, вспоминал эпизоды прошлой жизни, которые, неожиданно для него совершенно по-иному оценивались профессором. Бернхарди считал, что Флинт, как бывший врач, должен остаться «человеком науки» и «человеком правды» (208). Такое утверждение касалось и самого Бернхарди, но события показали, что его отстранили от работы, и «своей правды» он не сумел доказать ни на суде, ни своим коллегам.

3.4. Место Бернхарди в еврейском вопросе

Для Бернхарди судебный процесс предстал «фарсом» и настаивать на своих юридических правах он посчитал безнадежным делом:

«Und was wäre schon das Höchste, was ich erreichen könnte? Ein Freispruch. Das genügt mich nicht mehr. Wenn ich nur zu meinem Recht komme, so bin ich noch lange nicht quit mit den Herren Flint, Ebenwald und Konsorten» (250).

Бернхарди настаивал на отбывании в тюрьме положенного срока и отрицал роль политического руководителя, в которой его обвинял даже адвокат. Бернхарди отвечал: «Meine Sache ist es, Leute gesund zu machen, — oder ihnen wenigstens einzureden, daß ich es kann» (268).

Кроме того, Бернхарди отказался от воздействия на тех людей, которые вели против него интриги. Он опирался в жизни на «врожденную склонность к справедливости» и почувствовал в разбирательстве своего дела «враждебность общества, которое его окружало», причем враждебность «вечную», и слово «враждебность слишком слабо и неполно», говорил он: «Es ist von etwas höherer Art, denk' ich — und — von hoffnungsloserer» (261). Берн-

харди казался либеральной прессе и многим коллегам «своего рода мучеником, политической жертвой клерикальных происков, своего рода медицинским Дрейфусом» (276). Автор пьесы не случайно проводил параллель с нашумевшим в Европе делом Дрейфуса, французского офицера еврейского происхождения, ложно обвиненного в передаче военных секретов и приговоренного к пожизненному заключению. На его защиту встал Эмиль Золя в знаменитом «Я обвиняю. Письмо господину Феликсу Фору, Президенту Республики» (1898) в газете «Орор». Золя заподозрил одного из полковников в суде в антисемитизме (ЗОЛЯ 2017: 429). Защитить Бернхарди на суде и объяснить его «врачебную ошибку» и непричастность как доктора к какой-либо национальной предвзятости было некому. Антисемитские настроения в Австро-Венгрии были по сравнению с Францией настолько сильными, что «процесс над Бернхарди» оказался рядовым и не мог вызвать какого-либо общенационального резонанса.

Бернхарди руководствовался в жизни прежде всего гуманистическими принципами в духе лессинговской *толерантности и уважения личности*. Об этом свидетельствует его отношение к умирающей пациентке. Его нежелание активной защиты в суде и отказ от реабилитации объясняются его приверженностью законам Моисея. Он противостоял догматическим принципам священника и открытому антисемитизму молодых врачей, министра и партийцев. Для Бернхарди справедливость, сострадание и доброта по отношению к личности важнее, чем политические конфликты. На фоне всеобщей недоброжелательности окружения он, действительно, выглядел «белой вороной» и странным человеком. Он не пожелал открыто побороться за свои права, и, возможно, этот факт выглядел необычно в условиях неприкрытого антисемитизма, который стал заметным общественным явлением. Комического начала в этом образе нет, как нет достаточных комических черт в образах окружающих персонажей, которые олицетворяли неблагополучие общества. Бернхарди не являлся и «спасителем», несмотря на слова Христа, которые он произносил: «Wer nicht für mich ist, ist wider mich. (239) Ein reuiger Sünder ist meiner Ansicht wohlgefälliger als zehn Gerechte» (249).

В заключительной сцене беседы с надворным советником Бернхарди утверждал:

«Das Problem war nicht mehr österreichische Politik oder Politik

überhaupt, sondern es handelte sich plötzlich um allgemein ethische Dinge, um Verantwortung und Offenbarung, und im letzten Sinn um die Frage der Willensfreiheit...» (292).

Для Бернхарди главными являлись *этические проблемы*. Свобода воли или свобода выбора, как выяснилось в беседе, не были направлены на реформаторские преобразования в обществе. Подобные высказывания только позабавили придворного советника, который иронически произнес последнюю фразу пьесы: «Da wär ich halt — entschuldigen schon, Herr Professor — grad' so ein Viech gewesen wie Sie» (294). Заключительную фразу нельзя воспринимать дословно (ein Viech). Скорее, это характеристика доктора как человека, «который бескомпромиссно и до последнего был связан с мирской жизнью» (SCHEIBLE 1996: 103). Не смешными кажутся и предшествующие слова придворного советника: «Denn jetzt fängt die Geschichte erst an, Herr Professor... und sie kann lang' dauern!» (291). Бернхарди в начале пьесы хотел погибнуть за правду на костре, но стал свидетелем краха лессинговской толерантности в своем конкретном окружении.

4. Выводы

В целом следует подчеркнуть, что Бернхарди возвращает зрителей пьесы к исторической памяти: к библейским заветам и просветительским принципам. Они сформировали коллективную еврейскую идентичность, и эту память Бернхарди воплощает в своих взглядах и поступках, осознавая невозможность общества способствовать соблюдению национальной идентичности в обществе. Идентичность Бернхарди с точки зрения продолжения своей профессиональной деятельности врача полностью разрушена, но идентичность национальную он сохранил, обращаясь к вековой памяти своего народа и истории. Пьеса *Профессор Бернхарди* с большим успехом ставится в настоящее время в Германии (Берлинский театр «Шаубюне», реж. Т. Остермайер). С 2011 по 2017 г. она была инсценирована в Венском «Бургтеатре» (реж. Д. Гизинг). В связи с активными миграционными процессами в современной Европе и дискуссией о мультикультурализме рецензенты настойчиво подчеркивают удивительную актуальность инсценировок пьесы.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Арендт Х.* Скрытая традиция: эссе. М.: Текст, 2008. URL: <https://politconservatism.ru/upload/iblock/d52/d52bcaea450e46f44fe641ad8919f8d9.pdf> (дата обращения 10.01.2021). [Arendt, Hannah. (2008) *Skrytaya traditsiya: esse* (The Hidden Tradition: Essays) Moscow: Tekst. Retrieved from <https://politconservatism.ru/upload/iblock/d52/d52bcaea450e46f44fe641ad8919f8d9.pdf>. (In Russian)].
- Бранский В. П.* Импрессионистический идеал и метод // Бранский В. П. Искусство и философия. Калининград: Янтарный сказ, 1999. С. 390—398. [Branskiy, Vladimir P. (1999) *Impressionisticheskiy ideal i metod* (The Impressionistic Ideal and Method). In Branskiy, Vladimir P. *Iskusstvo i filosofiya* (Art and Philosophy). Kalininingrad: Yantarnyy skaz, 390—398. (In Russian)].
- Глобализация и культура: аналитический подход / ред. Н. В. Тишунина СПб.: Янус, 2003. [Tishunina, Natalya V. (2003) (ed.) *Globalizatsiya i kul'tura: analiticheskiy podhod* (Globalization and Culture: an Analytical Approach). Saint Petersburg: Yanus. (In Russian)].
- Золя Э.* Я обвиняю. Письмо господину Феликсу Фору, Президенту республики // Прутков Г. В. История зарубежной журналистики. От Античности до современности. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 423—433. [Zola, Emile. (2017) *Ya obvinyayu. Pis'mo gospodinu Felixu Foru, Prezidentu respubliky* (I blame you. Letter to Mr. Felix Faure, President of the Republic) In Pruttskov, Grigoriy V. *Istoriya zarubezhnoy zhurnalistiki. Ot Antichnosti do sovremennosti* (History of Foreign Journalism. From Antiquity to Modernity). Moscow: Aspekt-Press, 423—433. (In Russian)].
- Попова М. К.* Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании. Воронеж: ВГУ, 2004. [Popova, Mariya K. (2004) *Natsional'naya identichnost' i eyo otrazheniye v khudozhestvennom soznanii* (National Identity and its Reflection in the Artistic Consciousness). Voronezh: Voronezh State University. (In Russian)].
- Радугин А. А.* Психология и педагогика. М.: Центр, 1996. [Radugin, Aleksey A. (1996) *Psihologiya i pedagogika* (Psychology and Pedagogy). Moscow: Tsentr. (In Russian)].
- Цвейг С.* Вчерашний мир: воспоминания европейца. М.: Вагриус, 2004. [Zweig, Stefan. (2004) *Vcherashniy mir: vospominaniya evropeytsa* (Yesterday's World: Memories of a European). Moscow: Vagrius. (In Russian)].
- Цветков Ю. А.* Литература венского модерна. М.; Иваново: МИК, 2003. [Tsvetkov, Yuriy L. (2003) *Literatura venskogo moderna* (Literature of the Wiener Modern). Moscow; Ivanovo: MIK. (In Russian)].
- Arthur Schnitzler — Otto Brahm. *Der Briefwechsel*. Tübingen: M. Niemey-

- er, 1975.
- Bauman, Zygmunt. (1992) *Moderne und Ambivalenz. Das Ende der Eindeutigkeit*. Hamburg: Junius.
- Beller, Steven. (1996) Die Position der jüdischen Intelligenz in der Wiener Moderne. In Nautz, Jürgen, & Vahrenkamp, Richard. (eds) *Die Wiener Jahrhundertwende*. Wien; Köln; Graz: Böhlau, 710—719.
- Beller, Steven. (1993) *Wien und die Juden: 1867—1938*. Wien; Köln; Weimar: Böhlau.
- Fliedl, Konstanze. (1997) *Arthur Schnitzlers Poetik der Erinnerung*. Wien, Köln, Weimar: Böhlau.
- Fuchs, Albert H. (1949) *Geistige Strömungen in Österreich*. Wien: Die Buchgemeinde.
- Kernmayer, Hildegard; Hödl, Klaus, & Ernst, Petra. (2004) Assimilation — Dissimilation — Transkulturation. Jüdische Identitäten in der (Wiener zentraleuropäischen) Moderne. In Csáky, Moritz; Kury, Astrid, & Tragatschnig, Ulrich. (eds) *Kultur — Identität — Differenz*. Wien und Zentraleuropa in der Moderne. Innsbruck; Wien; München; Bozen: Studien-Verlag, 291—322.
- Kiesel, Helmuth. (2004) *Moderne und Judentum* In Kiesel, Helmuth. *Geschichte der literarischen Moderne. Sprache. Ästhetik. Dichtung im zwanzigsten Jahrhundert*. München: C. H. Beck, 74—85.
- Kraus, Karl. (1901) *Die Fackel*, Nr. 71. Wien: M. Frisch, 1.
- Perlmann, Michaela L. (1987) *Arthur Schnitzler*. Stuttgart: Metzler.
- Scheible, Hartmut. (1996) *Arthur Schnitzler mit Selbstzeugnissen und Bilddokumenten*. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag.
- Schnitzler, Arthur. (1968) *Jugend in Wien. Eine Autobiographie*. Wien: Molden.
- Schnitzler, Arthur. (1984) Brief an G. Brandes In Schnitzler, A. *Briefe II. 1913—1931*. Frankfurt am Main: S. Fischer. Retrieved from https://shared.acdh.oew.ac.at/schnitzler-briefe/1984_Briefe-1913%E2%80%931931.pdf.
- Wistrich, Robert S. (1999) *Die Juden Wiens im Zeitalter Kaiser Franz Josephs*. Wien; Köln; Weimar: Böhlau.

Yuriy L. Tsvetkov
Ivanovo State University

**History, National Identity, and Biblical Ethics
in Arthur Schnitzler's Play *Professor Bernhardt***

The target of the study is to formulate the role of anti-Semitism, assimilation and tolerance in the history of the Habsburg state and to determine the functioning of these concepts in the minds of the Viennese intelligent-

sia of the early 20th century. On the example of the play *Professor Bernhardi* (1912) by the Austrian novelist and playwright Arthur Schnitzler (1862 — 1931), it is proved that the attacks of colleagues on the doctor about his “medical error” revealed a different understanding of the Jewish question in society and the place of anti-Semitism in it. Bernhardi solved the problem of national identity on an existential level, remaining true to the Biblical ethics enshrined in the laws of Moses. In addition, he was the only proponent of Lessing’s idea of tolerance in the play.

Keywords: history of Jewry; types of national identity; Biblical ethics; Arthur Schnitzler; “Professor Bernhardi”

E. Schenkel
Institut für Anglistik, Universität Leipzig

**WAS SOLL DER QUATSCH?
STREIFZÜGE DURCH GESCHICHTE UND KONZEPTE
DES DEUTSCHSPRACHIGEN NONSENS**

In diesem Essay werden Funktionen des Nonsens anhand einer kleinen und subjektiven Geschichte des deutschen Nonsens-Humors dargestellt. Dabei wird deutlich, dass Nonsens je nach gesellschaftlich-historischem und biographischem Kontext unterschiedliche Funktionen hat. Er kann subversiv eingesetzt werden als Satire und Gesellschaftskritik, als Flucht vor der Realität oder als pures Sprachspiel. Allen Funktionen gemeinsam ist ein Rückgriff auf kindliche Sprachmuster und Sprachspiele. Die Beispiele reichen von Reineke Fuchs und Till Eulenspiegel über Wilhelm Busch und Christian Morgenstern bis hin zum sächsischen Dialekt der Lene Voigt. Ein Vergleich mit Lewis Carrolls Nonsens und einer Sherlock-Holmes-Geschichte zeigt Parallelen auf.

Schlüsselwörter: Funktion; Geschichte; Nonsens; Humor; Satire; Sprachspiel; Wilhelm Busch; Christian Morgenstern; Lene Voigt; Sächsisch; ABC; Dialekt; Gedicht

1. Einleitung

In diesen Zeiten der Pandemie und auf- und zugehenden Lockdowns scheint sich der Unsinn zu verbreiten — sei es in Form von Verschwörungsphantasmen, sei es durch pure Langeweile vor den Bildschirmen der Welt. Daher sollten wir ihn ernst nehmen — und zwar nicht nur in einem kritisch-negativen Sinn als bedrohliches Unheil für unsere geplagten Hirne, sondern auch einmal als heilende Quelle, mit deren Wasser wir unsere Lebenssituationen auffrischen können. Ich komme zu solchen Bildern, weil ich fast täglich meinem Enkel in München per Skype Geschichten vorlese, weil er und die Familie oft im Homeoffice oder in Quarantäne sind. Da bemerke ich, dass einmal das Vorlesen eine schöne Bereicherung für beide ist, zum anderen aber auch, dass der Quatsch, den wir zwischendurch machen oder vorher und nachher, die etwas beengende Konzentration auf den Bildschirm auflockert und uns generell wieder gute Laune verschafft. Wir machen Wortspiele, erfinden verrückte Buchtitel oder phantasieren das Blaue vom Himmel herab.

Diese Auflockerung und Verbesserung von Stimmung ist sicher eine wichtige Funktion von Nonsense und Unsinn in der Kultur und vor allem in der Literatur, wobei ich Nonsense eher als sprachlichen Ausdruck von Unsinn verstehe.

Bevor wir das Feld den Narren und Quatschmachern überlassen, sollten wir bedenken, dass wir, auch die ordentlichsten Pedanten unter uns, jeden Tag Quatsch machen, ob wir es wollen oder nicht — und zwar nachts, wenn wir träumen. Mit anderen Worten, Unsinn könnte ähnliche Funktionen haben wie der Traum, nur eben wirkt er auch am hellen Tag.

Im Folgenden möchte ich auf einige Nonsense-Traditionen in der Literatur schauen und deren Funktionen besprechen, ob sie nun gesellschaftlich oder individuell sind. Generell lässt sich, wie vom Traum sagen: Unsinn dient als Flucht aus der Realität. Er dient ebenso als Schutz vor zu viel Realismus wie er Widerstand darstellen kann gegen unsinnige Regimes, Dogmen und politische Systeme — die Satire oder auch Formen des Absurden wären hier zu nennen, allesamt Ausdruck von Realitätsverweigerung im positiven Sinne. Die Übertreibung erzeugt ein ironisches Bewusstsein davon, dass die Dinge anders sein müssten. Nonsense erweckt kindliche Impulse, die subversiv als auch einfach lustig sein können, denn in der Kindheit scheint er besonders gut verankert zu sein. Das hängt mit dem Spracherwerb zusammen, in dessen Verlauf Nonsense wichtige spielerische Funktionen erhält, die wiederum den Lernprozess befördern. Die Natur spielt sozusagen wie in der Evolution mit verrückten Formen, bis sie die richtigen, das heißt optimal angepassten findet. Dies gilt für biologische Phänomene wie für grammatikalische oder lexikalische. Wort- und Satzfindung durchlaufen schräge Muster und Sprachspiele, bevor sie sich der herrschenden Sprachnorm anpassen. Die Erinnerungen an solche schrägen Muster oder an die Auflösung von festen Mustern sind der Kern des Nonsense, wie wir sehen werden.

2. Geschichte und Funktionen des Nonsense

2.1. Frühe Erscheinungsformen in der deutschsprachigen Literatur

Der früheste bezeugte deutschsprachige Nonsense taucht in den Lügengeschichten des 13. Jahrhunderts auf. Realität wird auf den Kopf gestellt, wenn es heißt, „ich hörte Fische lärmen“ und sah „ein kleines Kind, vier Mühlsteine werfen von Regensburg bis nach Trier“ und sah „zwei Mücken eine Brücke bauen“ oder eine „Schnecke zwei Löwen töten“ (KÖHLER 1990: 19f.). Die Lügengeschichte hat natürlich

eine lange Tradition, die weit in die Antike (z. B. Lukian) zurückreicht und wahrscheinlich bis in die dunkle Zeit vor aller Schrift. Jäger dürften recht früh schon ihr Jägerlatein gelernt haben, um die Daheimgebliebenen zu beeindrucken. Im 19. Jahrhundert erinnern uns die Löwenjagden des *Tartarin de Tarascon* (1872ff.) von Alphonse Daudet an diese gloriosen Zeiten. Von der Übertreibung zur Lüge ist ein kurzer Weg. Warum gefällt uns das Lügen in dieser Form, wenn auch nicht in der anderen, die betrügen will? Es handelt sich wie bei vielen rhetorischen Figuren darum, dass wir nur so tun, *als ob*. Dieses *Als ob* geht davon aus, dass das, was wir sagen, nicht stimmt und dass dies erkennbar bleibt. So funktionieren Metaphern, die Unmögliches paaren, oder Metonymien, die so tun, als stehe das Einzelne für ein Ganzes. Man kann auch von einem gezähmten Wahn sprechen. In diese Reihe fügt sich der Nonsens. Er ist eine sprachliche Übung über das „Es könnte auch anders sein.“ Die Vorstellung einer verkehrten Welt, ein Karneval der Begriffe, hat, wie Michael Bachtin gezeigt hat, eine Ventilfunktion. Dass man den Pfarrern an einem bestimmten Tag einen Eselskopf aufsetzen darf, hilft letztlich, die Treue zur Kirche für den Rest des Jahres zu festigen. Wenn wir Victor Hugos *Glöckner von Notre Dame* trauen können, so sind solche Festivitäten im Mittelalter ritueller Bestandteil des Kirchenjahres gewesen: die Umkehrung als Versicherung des Normalen.

So finden wir diese Figur der Umkehr, der Umwertung aller Werte, wie sie Nietzsche forderte, immer wieder in der Tradition des Nonsens. Sprechende Tiere in den Fabeln haben seit der Antike ihre didaktische Rolle gewonnen. Im Mittelalter wird die Fabel im europäischen Stoff des Reineke Fuchs aufgegriffen, doch findet hier auch eine Umkehrung statt, indem die Leser — spätestens bei Goethe — auch eine gewisse Sympathie mit der Schlaueit des Bösen verspüren. 1498 kam die Legende erstmals im Deutschen auf (zuvor schon in anderen Literaturen, so im französischen *Roman de Renart*) und wurde von Gottsched und Goethe bis hin zu Fühmann und Janosch aufgegriffen — nicht selten mit einem impliziten Einverständnis, auch Schadenfreude genannt, die ja ebenfalls einen wichtigen Teil von Nonsens-Literatur darstellt. Im Sinne einer verkehrten Welt freut man sich an den Untugenden, dem schlechten Charakter, der Hinterhältigkeit. Mit Sigmund Freud könnte man bei dieser Figur von einer Trieb-Entlastung sprechen. Ähnliches geschieht mit Till Eulenspiegel, auch einem europäischen Stoff. Seine Streiche nutzen Eitelkeit, Neid und

Dummheit seiner Zeitgenossen, um ihnen eins auszuwischen. Der gezähmte Wahn der Rhetorik wird teils wieder aufgelöst; das *Als ob* wird zum wörtlich genommenen Sprichwort. „Einen Zahn zulegen“ oder „Eulen und Meerkatzen backen“ werden direkt umgesetzt und damit wird der Mechanismus der Redefigur ausgehebelt.

Dagegen scheinen mir die Geschichten um Max und Moritz von Wilhelm Busch zwar eine Form deutsch-derben Humors darzustellen, nicht aber Nonsens. Das Sprachliche spielt in diesen am Ende grausamen Episoden keine Rolle. Es ist allein der genial platzierte Reim des Dichters Busch, der die Brutalität abzumildern hilft. Der Angriff auf die bürgerlich-dörfliche Ordnung durch die beiden Bösewichte wird mit größter Gewalt und darauf folgender Gleichgültigkeit abgewehrt. Die bösen Buben führen nicht zu neuen Erkenntnissen, wie dies bei Eulenspiegel noch möglich war. Sein Name schon deutet darauf hin, es ist wohl eine erfundene Bezeichnung, die das Tier der Weisheit und den Spiegel der Erkenntnis in sich trägt.

2.2. 19. Jahrhundert: Wilhelm Busch, Arthur Conan Doyle und Lewis Carroll

Wilhelm Busch war dem Nonsens jedoch näher in anderen Werken. Vor allem gilt dies für sein *Naturgeschichtliches Alphabet* (1863) im *Münchner Bilderbogen*. Die Buchstaben des Alphabets erzeugen ein eigenes Universum, in dem das real nicht Zusammenhängende zusammengezwungen wird — im Grunde also wieder ein metaphorischer Vorgang, nur ist das *tertium comparationis* eben keine gemeinsame Bedeutung oder Bildlichkeit, sondern die Arbitrarität des Buchstabenzeichens. So kann denn ungestraft behauptet werden:

Im Ameishaufen wimmelt es,
Der Aff frisst nie Versammeltes.
Die Biene ist ein fleißig Tier,
Dem Bären kommt das g'spaßig für.
So geht es weiter bis Z:
Die Zwiebel ist des Juden Speise,
Das Zebra trifft man stellenweise.

Allerdings bietet der Zeichner Busch neben dem gemeinsamen Buchstaben noch einen zweiten Rahmen, in dem sich die Dinge zusammen aufhalten — die begleitende Zeichnung. Sie stellt aus der Willkür der Zeichen eine vermeintliche gemeinsame Welt her, so dass der Nonsens ein wenig aufgefangen wird oder aber auch zu neuem Nonsens führt. So sehen wir den Affen auf einem Ameisen-

haufen sitzend verschimmelte Nahrung von sich weisend, den Bären, der sich lustig macht über den Bienenkorb oder den Juden mit der Zwiebel unter einer Palme, hinter der ein Zebra steht. Busch macht sich mit diesem Alphabet lustig über die ABCdarien, mit denen Kindern über Jahrhunderte hin die Buchstaben beigebracht wurden. Es gilt den schweren Sprung vom Wortbild zum Buchstaben und zurück zu finden und diese Anstrengung wird hier freundlich karikiert. Das Prinzip wurde gern übernommen; so haben 1989 sechs deutschsprachige Dichter ähnliche Naturalphabete verfasst — in Anlehnung an das Vorbild Busch (<https://www.zeit.de/1990/01/imateisenhaufen-wimmelt-es-der-aff-frisst-nie-verschimmeltes>).

Auch Conan Doyle hatte einen ausgeprägten Sinn für Humor und Absurdität. In einer seiner besten Holmes-Geschichten, *The Red-Headed League* (1891) lässt eine Firma einen Rothaarigen werktags die *Encyclopedia Britannica* abschreiben. Die Aufgabe dient nur dazu, ihn von zuhause fernzuhalten, da dort eine Bande einen Tunnel zur benachbarten Bank graben will. Der Rothaarige (seine Qualifikation für den Job!) hat jedoch nach einiger Zeit die Nase voll:

“Eight weeks passed away like this, and I had written about Abbots and Archery and Armour and Architecture and Attica, and hoped with diligence that I might get on to the B’s before very long” (<https://sherlock-holm.es/stories/pdf/a4/1-sided/redh.pdf>).

Noch die Konjunktion „and“ fügt sich in die Litanei der endlosen As. Die Zusammenstellung rückt wieder den arbiträren Charakter der alphabetischen Zeichen ins Licht, denn was haben Abbots (Äbte) mit Archery (Bogenschießen) anderes gemein als ihre Anfangsbuchstaben? Und doch erzeugt diese Kombination eine eigene imaginäre Welt, aus der man Geschichten stricken könnte.

Der britische Sinn für das Absurde — wir schätzen ihn zum Beispiel bei Monty Python — mit seinen Zügen des schwarzen Humors hat sicherlich die Initialzündung des Nonsens für das 19. und 20. Jahrhundert bewirkt, und zwar weltweit. Ich denke hier vor allem an Lewis Carrolls *Alice in Wonderland* und *Through the Looking-Glass* sowie an die Limericks eines Edward Lear. In Deutschland machte sich eine Wirkung erst mit der stärker angloamerikanisierten Generation bemerkbar, also nach dem Zweiten Weltkrieg. Mit dem Sinn für den Unsinn stieg auch das Interesse an James Joyce, einem deutlichen Nachfahren der Viktorianer. Man darf also an Autoren, Übersetzer oder Lyriker wie Hans Magnus Enzensberger oder Hans Wollschläger

denken, an Arno Schmidt und Wolfgang Rohner-Radegast. In *Alice in Wonderland* wird erstmals, neben dem Mädchen Alice, auch die Sprache selbst zur Heldin, das heißt zur orientierenden und verwandelnden Kraft. Sprichwörter oder Kinderreime (Humpty-Dumpty) machen sich selbständig, Wortspiele versetzen die Realität selbst in einen Alarmzustand und verwandeln sie schließlich. Das Zeichen gewinnt an Macht über die Wirklichkeit. Man kann dies auch als eine Vorspiegelung der virtuellen und digitalen Welten unserer Gegenwart lesen. Carroll wusste schon damals, wie Rechenmaschinen tickten.

2.3. 20. Jahrhundert: Nonsens und Sprachkrise

Die Sprache aus ihrer Versklavung durch die Realität zu befreien — das sollte das Motto auch des deutschen Nonsens ab etwa 1900 werden. Dies bedeutete einerseits eine grundlegende Anzweiflung eines klar determinierten Verhältnisses von Wort und Ding. Diese Zweifel verbinden wir mit der Wiener Schule der Philosophie, ebenso mit Wittgenstein oder der analytischen Philosophie der Angloamerikaner. In der Dichtung ist der *Brief des Lord Chandos an Francis Bacon* (1902) von Hugo von Hofmannsthal das Symptom eines Verlustes von sprachlichem Zugriff auf dingliche Realitäten. Was auf hoher philosophisch-ästhetischer Ebene geschah, findet sein Echo im entstehenden Nonsens. Hier ist vor allem Christian Morgenstern (1871 — 1914) zu nennen. Geradezu spielerisch und mit großer Heiterkeit (trotz seines schwierigen Gesundheitszustands) hat er die deutsche Sprache aufgemischt. Auch bei ihm treten die Dinge in den Gesichtskreis, weil sie sprachlichen Mechanismen folgen. Die sprachlichen Bedingungen, wenn man sie wörtlich nimmt, erzeugen neue, imaginäre Welten, in die sich der beunruhigte Geist der Epoche bis heute zurückziehen kann. Der Nonsens ermöglicht es, sich von bösen Mythen zu verabschieden und gesellschaftliche Konventionen ironisch zu untertunneln. Wie etwa im Gedicht über den Werwolf, jenem Gespenst, dem Freud mit psychoanalytischen Mitteln auf der Spur war, der zugleich den Nationalisten als Racheengel gegen erlittene militärische Schmach diente. Hier die erste Strophe:

Der Werwolf

Ein Werwolf eines Nachts entwich
Von Weib und Kind, und sich begab
An eines Dorfschullehrers Grab
Und bat ihn: Bitte, beuge mich!

Der Dorflehrer wird ihn dann bekanntlich durchdeklinieren (Weswolf, Wemwolf, Wenwolf), was dem Werwolf schmeichelt. Leider gibt es keinen Plural zu Wer, so dass der Wolf traurig nach Hause schleicht. Was steckt nicht alles in diesem Sprachspiel! Das *Wer* enthält nicht nur das Fragewort, sondern auch dessen Herkunft, mhd. *wer* (Mann, Mensch), grm. *weraz. Darin steckt auch das *wehren*, die Kriegsführung, engl. *war*, das dt. *Heer*. Durch die Beugung will dieser Mensch-Kriegswolf sich zivilisieren lassen. Aber er bleibt dann als Individuum zurück, es wird ihm seine wölfische Horde im Plural fehlen. Das Gedicht erschien in den *Galgenliedern*, also vor dem Ersten Weltkrieg, aber greift in gewisser Weise auf die Nachkriegszeit voraus. Denn auch hier ging es um die Rückgewinnung des Zivilen für die soldatischen Massen, die heimkehrten — Prozesse, die Erich Maria Remarque in seinen Romanen beschreibt. Man sieht aber, wie durch einen einfachen sprachlichen Trick, Realität auf eine ganz neue Weise beschrieben werden kann. Dabei ist die (Selbst-)Ironie immer entscheidend und führt zu metapoetischen Blicken. Etwa, wenn in *Das Aesthetische Wiesel* auf einem Kiesel sitzt, inmitten Bachgeriesel:

Das raffinier-
te Tier
tats um des Reimes willen.

Gänzlich an den Rand der verstehbaren Sprache rücken Gedichte wie *Das Grosse Lalula*, das Carrolls Nonsens-Gedicht vom *Jabberwocky* in Sachen Unverständlichkeit weit überholt. Oder *Fisches Nachtgesang*, das nur noch aus den Zeichen für betont/unbetont besteht. Wir kommen an die Grenze zur Musik, und in der Tat sind Camille Saint-Saëns' *Karneval der Tiere* (1886) oder Erik Saties *Gymnopédies* (1888) nicht weit entfernt von Morgensterns Experimenten mit der Sprache. Die genannten Beispiele entstammen sämtlich dem Band *Galgenlieder* (1905). Im ersten Gedicht wird auf eine Motivation verwiesen: „Magst es Kinder-Rache nennen / an des Daseins tiefem Ernst“ („Galgenberg“). Das Kindliche kehrt, in diesem „Jahrhundert des Kindes“, wie es die Schwedin Ellen Key nannte, in die Literatur für Erwachsene ein. Morgenstern war ein inbrünstiger Verehrer von Nietzsche (bevor er sich Rudolf Steiner zuwandte). Ein Motto aus *Also sprach Zarathustra* zierte daher den Band mit seinen Nonsens-Gedichten: „Im echten Manne ist ein Kind versteckt: das will spielen.“ In der Zeit wilhelminischer Offizierswelt und der Herrschaft

von bürgerlicher Konvention, der Welt des *Untertan* eines Heinrich Mann, bringt Morgenstern das Kind in Stellung — als den Menschen, der alles, ganz naiv und heiter, in Frage stellt. Der Nonsens von Morgenstern ist ohne die politisch-gesellschaftlichen Kontexte nicht zu verstehen, gerade weil er sich die Befreiung davon auf die Fahnen geschrieben hat.

2.4. *Eine Stimme aus Sachsen: Lene Voigt*

Ich möchte an dieser Stelle noch auf eine Dichterin aus Leipzig hinweisen, die national wie international noch zu wenig bekannt ist, Lene Voigt (1891 — 1962). Hier, in Leipzig, ist sie die Schutzpatronin sächsischer Dialektdichtung sowie eines schönen Parks, der sich durch den Osten der Stadt zieht. Ich, als Zugezogener, werde nie ihre Gedichte rezitieren können, da sie so sächsisch-*heemtücksch* sind. Aber ich höre ihnen gerne zu. Und das hängt mit der subversiven Kraft des Dialekts und der Sprache dieser Dichterin zusammen. Der Dialekt ist in gewisser Weise eine Art von Nonsens für den Nicht-Dialektsprecher. Die ‚hohe Kultur‘ wird durch ihn auf den Boden gebracht, in den Mund des Volkes. Dadurch verliert sie ihre elitäre Position, allerdings auch den gebührenden Respekt. Es findet eine kleine Revolution statt. Für den nicht-dialektalen Zuhörer wird der Text zudem weniger bis gar nicht mehr verständlich — eine Art von akustischem Nonsens wie *Das Große Lalula* oder *The Jabberwocky*. Was zieht Lene Voigt nicht alles durch den sächsischen Kakao! Etwa die *Säk'sche Lorelei*:

Ich weeß nich, mir isses so gomisch
Un ärchendwas macht mich verstimmt.
's is meechlih, das is anadomisch,
Wie das ähmt beim Mänschen oft gimmt.

(Ich weiß nicht, mir ist es so komisch / Und irgendwas macht mich beklommen. / Möglich, das ist anatomisch, / Wie's eben beim Menschen oft kann kommen)

Die sächsische Lorelei sitzt natürlich auf einem Elbfelsen und es endet damit, dass ein Kahn mit einer sächsischen Familie versinkt, weil der Vater sich vor Lachen wälzt. „Der König in Thule“ wird zu „Dr Geenich in Dule“, „Zauwerlährling“ und „Glogge“ geben Goethe und Schiller eine sächsische Zunge. Kann man nun wie oben gesagt, als nicht-dialektaler Sprecher, hier unverständlichen Nonsens erkennen, so gilt dies auch umgekehrt. Die Produkte der Hochkultur werden für den Dialekt-Verstehenden durchsichtig, ja oft auch ba-

nal. Dadurch wird der Hochkultur ihr eigener Nonsens-Charakter bestätigt: sie ist ein hoch elaboriertes künstliches Gebilde, das realitätsfern nur von wenigen Eingeweihten mit entsprechender Bildung goutiert werden kann. Der Dialekt zeigt dieser Kultur auf humorvolle Weise ihre Beschränktheit auf, ihr Umkippen in den Unsinn, sobald sie sich entschleiert hat. Lene Voigt hat in einem Reisebuch, *Vom Pleißestrand* (1990) nach Helgoland, darüber nachgedacht. Der sächsische Dialekt eignet sich demnach nicht für Pathos: „Denn ein sächsisches Pathos gibt es nicht und wird es nie geben“ (VOIGT 1990: 57). Das ist ein weiterer Zug von Nonsens-Literatur: sie hat einen anti-pathetischen und damit aufklärenden Charakter.

3. Fazit und Ausblick

Hier konnte ich nur einige Anstöße geben. Viele Nonsens-Dichter und Kabarettisten wie Karl Valentin, Heinz Erhard, Otto oder Loriot, Joachim Ringelnatz, Robert Gernhardt oder Georg Kreisler müssen hier leider stumm bleiben. Aber sie stehen der weiteren wissenschaftlichen Unterhaltung zur Verfügung. Und nicht nur dieser: sie und die besprochenen weiten den Blick, schärfen die Sprache und heilen die Verstimmungen. Gerade ein interkultureller Vergleich des Nonsens, der hier nur angedeutet werden konnte, müsste sehr aufschlussreich sein. Er könnte zeigen, wie unterschiedliche Kulturen den aus der Kindheit mitgebrachten Umgang mit Sprache aktivieren oder unterdrücken, wie man mit den Dissidenten der Sprache umgeht und wie gesellschaftliche Kritik sich als Nonsens verkleiden muss, um überleben zu können. Kann man etwa sagen, dass gesellschaftliche Absurditäten sich widerspiegeln im Nonsens? Oder produziert eine Gesellschaft, die sich für wenig absurd hält, überhaupt noch Nonsens? Soweit ich das Feld übersehen kann, stehen wir mit solchen Fragen noch ganz am Anfang.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Busch, Wilhelm. (1982) Und die Moral von der Geschichte. In Hochhuth, Rolf. (ed.) *Sämtliche Werke in 2 Bänden*. Bd. I. Gütersloh: C. Bertelsmann.
- Köhler, Peter. (1990) (ed.) *Das Nonsens-Buch*. Stuttgart: Reclam.
- Liede, Alfred. (1992) *Dichtung als Spiel. Studien zur Unsinnspoesie an den Grenzen der Sprache*. Berlin: de Gruyter.
- Morgenstern, Christian. (1973) *Alle Galgenlieder*. Frankfurt am Main: Insel.

- Schimmang, Jochen. (2013) *Christian Morgenstern. Eine Biografie*. St. Pölten: Residenz Verlag.
- Voigt, Lene. (1990) *Vom Pleißestrand nach Helgoland. Ein lustiges Reisebild*. Leipzig: Sachsenbuch.
- Voigt, Lene. (2011) Ich weeß nich, mir isses so gomisch. Alle säk'schen Balladen und Glassiger. In Trillhaase, Gabriele; Schütte, Monica, & Schütte, Wolfgang U. (eds) *Lene Voigt Werke in 6 Bänden*. Bd. 2. Leipzig: Connewitzer Verlagsbuchhandlung.

Elmar Schenkel
Institute of British Studies, Leipzig University

What Kind of Nonsense is that?

Reviewing Concepts of Nonsense and Humour in German Culture

In this essay, functions of nonsense are illustrated along a subjective and brief history of German nonsensical humour. Nonsense, then, has different functions depending on historical, social and biographical contexts. It can range from subversion and satire to escape from reality and to pure and simple language games and puns. All functions share a common interest and reactivation of children's linguistic playfulness. Samples are taken from Reineke Fuchs and Till Eulenspiegel, Wilhelm Busch and Christian Morgenstern. Lene Voigt's Saxon parodies are introduced as well, while Lewis Carroll's nonsense and a Sherlock Holmes story serve as non-German parallels.

Keywords: function; history; nonsens; humour; satire; language games; Wilhelm Busch; Christian Morgenstern; Lene Voigt; Saxon dialect; ABC; poetry

ЛИНГВИСТИКА

А. В. Аверина

Московский государственный областной университет

ВИДЫ МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ, ПЕРЕДАВАЕМЫХ ФОРМОЙ FUTUR I

Форма Futur I в немецком языке выражает темпоральное и/или модальное значение. Цель работы заключается в том, чтобы показать, какие виды модальных значений могут быть переданы формой werden + Infinitiv I в различном контекстуальном окружении. Метод дистрибутивного анализа позволил определить вид модального значения в зависимости от семантики глагола и типа пропозиционального субъекта; посредством метода контекстуального анализа показана разница между формой Präsens для выражения будущего времени и формой Futur I; в результате использования сравнительного метода удалось раскрыть функциональное сходство между Futur I в немецком языке и формой совершенного вида для выражения будущего времени в русском языке; метод трансформационного анализа позволил найти функциональные эквиваленты формы Futur I. В результате сделан вывод о том, что аналитическая конструкция в немецком языке наряду с временной семантикой может передавать значения эвиденциальности, эпистемичности, волюнтаривности, деонтичности и алетичности. Вид модального значения зависит от контекстуального окружения, типа пропозиционального субъекта и в некоторых случаях от семантики полнозначного глагола.

Ключевые слова: модальность; темпоральность; эвиденциальность; эпистемичность; деонтическая модальность; совершенный вид

1. Вводные замечания: к постановке проблемы

Как известно, в немецком языке существует две формы выражения будущего времени — Präsens и Futur I¹, причем Futur I может передавать семантику эпистемической модальности, т. е. значение предположения:

- (1) Danke, der Föhn ist ne gute Idee, *werd* ich nachher mal *ausprobiern* (DECOW 16A).
- (2) Ich wartete, bis der Satz zu Ende war, dann drehte ich weiter, und auf einmal war eine Geige da, eine wunderbare Geige. „Das *wird* Budapest

---

¹ Ввиду того, что Futur II в 97% случаев служит для передачи значения эпистемической модальности, в данной статье он не рассматривается.

sein, Pat. Zigeunermusik“ (E. M. REMARQUE. *Drei Kameraden*).

(3) Ja, ich *komme* bald (DECOW 16A).

В высказывании (1) передается значение будущего времени посредством сочетания глагола *werden* с формой Infinitiv I; в (2) та же конструкция служит для выражения значения предположения; в (3) будущее время передано формой Präsens. Тот факт, что *werden* с формой Infinitiv может кодировать и модальную, и временную семантику, объясняет существующие среди германистов споры относительно того, какое именно значение — временное или модальное — является первичным у формы Futur I. Эта дискуссия началась с момента появления работы Л. Зальтвейга (1960), где он пишет о первичности модального значения глагола *werden*. Точку зрения Л. Зальтвейга впоследствии поддерживает и Х. Фатер (1994), приводя в качестве аргумента наблюдение о том, что немодализованная форма Futur может быть выражена только формой Präsens:

(4a) Freitag habe ich Geburtstag.

(4b) *Freitag werde ich Geburtstag haben (VATER 1994: 73).

В Грамматике немецкого языка под редакцией Г. Цифонун (1997) речь идет о том, что будущее время само по себе модально². Противоположной позиции придерживаются К. Матцель и Б. Ульвестад (1982): форма Futur I передает прежде всего семантику будущего времени. Э. Лайсс (LEISS 1992; 2000), а за ней уже Э. Хенчель и Х. Вайдт (HENTSCHEL, & WEYDT 1994: 97) связывают выбор формы выражения будущего времени с аспектуальным значением глагола: предельные глаголы (типа *einschlafen*, *aufstehen*) передают будущее время в форме Präsens, непредельные глаголы (например, *schlafen*, *stehen*) передают ту же самую семантику в форме Futur. В этом, как пишет Э. Лайсс, проявляется некоторое сходство немецкого и русского языков (LEISS 1992: 226). На основании своих наблюдений Э. Лайсс пишет о существовании двух различных темпоральных систем в немецком языке:

1 — темпоральная система предельных глаголов;

2 — темпоральная система непредельных глаголов.

---

² В оригинале: «Das Futur drückt (bezogen auf die subjektive Einschätzung des Sprechers) gegenwärtige oder künftige Wahrscheinlichkeit aus» (GDS 1997: 1700).

В первой подсистеме конструкция *werden* + *Infinitiv* служит для выражения модальных значений, во второй — для выражения темпоральности (Там же).

Э. Лайсс отмечает, что данная закономерность не является абсолютной, поскольку *werden* с формой *Infinitiv I* находится пока в стадии своего становления, и процесс грамматикализации еще не завершен (LEISS 1992; LEISS 2011). Наблюдение Э. Лайсс вполне справедливо по отношению к непредельным глаголам: как показал анализ фактического материала, большая часть непредельных глаголов выражает будущее время именно в сочетании с *werden*, например:

(5) *Ich werde schlafen wie ein Kind, ohne Schmerzen, ohne Gefühle, ohne Liebe und ohne Leben* (DECOW 16A).

Что касается предельных глаголов, то ситуация неоднозначна, поскольку они очень часто передают семантику будущего времени в составе аналитической формы:

(6) *Wir werden auch eine Internetseite einrichten* (DECOW 16A).

Не все исследователи, однако, считают, что предельность / непредельность полнозначного глагола влияет на выбор формы выражения будущего времени. Так, например, Т. А. Фритц показывает, что конструкция *werden* + *Infinitiv I* модальна и в тех случаях, когда она служит для выражения временного значения:

(7) *Ich werde das nie wieder tun.* (gedeutet als:) *Ich will das nie wieder tun.*

(8) *Sie werden heute länger dableiben.* (gedeutet als:) *Sie müssen heute länger dableiben* (см. примеры в [FRITZ 2000: 47]).

В предложении (7) кодировано модальное значение волюнтивности, в (8) передана деонтическая семантика.

Согласно наблюдениям Фритца, конструкция с глаголом *werden* свойственна своего рода вовлеченность говорящего (*Sprecherbezug*) в изложение событий. Вид модального значения определяют прагматические факторы (Там же).

Не имеет однозначного ответа и вопрос о том, какую именно модальную семантику — эвиденциальности или эпистемичности — передает конструкция *werden* + *Infinitiv I* во вторичном значении. Э. Лайсс выражает предположение, что *werden* в сочетании с формой *Infinitiv I* служит для выражения эпистемичности, указывая на то, что вопрос о наличии эвиденциально-

го компонента все еще нуждается в дальнейшем исследовании (LEISS 2011: 166).

Предварительный анализ фактического материала показал, что аналитическая форма werden + Infinitiv I способна передавать модальное значение³ наряду с темпоральным. Модальная семантика выступает как дополнительный план, и ее проявление не зависит от предельности / неопределенности полнозначного глагола. Так, на следующих примерах можно проследить выражение темпоральности и эвиденциальности:

- (9) „Fahren Sie langsamer“, schrie der Arzt, „was nützt es Ihnen, wenn wir einen Unfall haben“.
„Wir werden keinen Unfall haben“ (E. M. REMARQUE. *Drei Kameraden*).
- (10) Sie sah mich an. „Pat“, sagte ich, „es gibt noch ein Drittes — wenn der Föhn aufhört, dann wird es dir besser gehen, und wir werden hier fortfahren“ (E. M. REMARQUE. *Drei Kameraden*).

В первом предложении отрывка (9) значение будущего вре-

---

³ В данной статье автор учитывает следующие виды модальных значений: (1) волюнтаривное, когда говорящий или пропозициональный субъект выражает свое желание; (2) алетическое как потенциальная возможность; (3) деонтическое (необходимость следования определенным правилам и нормам); (4) эпистемическое (оценка степени вероятности того или иного факта / ситуации) и (5) эвиденциальное (указание на источник сообщаемой информации) (подробнее см. в [АВЕРИНА 2019: 10-11]). Категория эвиденциальности включает значения, соприкасающиеся с модальными, так как говорящий может высказывать суждения, опираясь на собственные наблюдения. В. А. Плунгян выделяет несколько источников информации: прямые, косвенные и опосредованные. Прямые источники информации могут подразделяться на визуальные (говорящий зрительно наблюдал ситуацию), сенсорные (говорящий воспринимал ситуацию слухом, обонянием и т. п.) и так называемые «эндофорические»: граммы этого типа маркируют внутренние ощущения говорящего (страх, голод, намерения и т. п.), которые он может только ощущать, но не может воспринимать их «со стороны». К косвенным источникам В. А. Плунгян относит инферентивы и презумптивы. Для инферентивов характерно использование показателей «заглазности», в то время как для презумптивов — опора на имеющиеся знания о предмете речи (ПЛУНГЯН 2000: 324-325). По наблюдениям И. П. Сусова, инферентив связывает утверждения, состоящие в причинно-следственном отношении (*Дверь взломана, потому что здесь кто-то побывал*) (СУСОВ 2006).

мени передается формой *Präsens* (*wenn wir einen Unfall haben*) — говорящий опасается несчастного случая. В реактивной реплике форма *Futur I* выражает будущее время и эвиденциальность (уверенность говорящего базируется на его осведомленности). В отрывке (10) говорящий уверяет собеседницу в том, что ситуация наладится — аналитическая форма маркирует одновременно значение будущего и модальности. Как видно из приведенных примеров, модальные значения проявляются в сочетании глагола *werden* с предельными и непредельными глаголами.

Вид модального значения, передаваемого конструкцией *werden + Infinitiv I*, может зависеть от множества факторов: от типа пропозиционального субъекта, семантики полнозначного глагола, коммуникативного характера высказывания и др.

Цель настоящей работы — показать, какие виды модальных значений передает форма *Futur I* в различном контекстуальном окружении. В качестве материала исследования послужили примеры, отобранные из корпуса DWDS и DECOW 16A, а также из художественной литературы. Корпус DECOW 16A содержит материалы веб-сайтов, большинство примеров взято из форумов, что позволяет говорить об особенностях разговорной речи. Корпус DWDS содержит различные подкорпуса. В данном исследовании были проанализированы примеры из подкорпуса политических речей. Использование фактического материала из различных источников для проведения данного исследования объясняется потребностью в выявлении зависимости вида модального значения, передаваемого конструкцией *werden + Infinitiv I*, от типа ситуации. Для интерпретации глубинной семантики немецкой аналитической формы были приведены функциональные аналоги из русского языка, в качестве источников послужил Национальный корпус русского языка. Всего было проанализировано свыше 500 примеров.

При обработке фактического материала были использованы методы дистрибутивного, контекстуального и сравнительного анализа. Метод дистрибутивного анализа позволил определить вид модального значения в зависимости от семантики глагола и типа пропозиционального субъекта; посредством метода контекстуального анализа показана разница между формой *Präsens* для выражения будущего времени и формой *Futur I*; в результате использования сравнительного метода удалось раскрыть функ-

циональное сходство между формой Futur I в немецком языке и будущим простым временем в русском языке.

2. Результаты исследования и их обсуждение

Анализ фактического материала подтверждает наблюдение Э. Лайсс (1992) о том, что в предложениях с неопределёнными глаголами в большинстве случаев значение будущего времени передается с использованием вспомогательного глагола *werden*. Тем не менее, помимо значения времени может быть передана и модальная семантика. Рассмотрим примеры:

- (11) Gänserndorf, Sandgrubenweg vorbeizuschauen und eine Probefahrt mit einem vollgefederten Trike oder Quad durchzuführen! Thomas Seide *wird sich freuen!* (DECOW 16A).
- (12) Durch das Fehlen von etwa 9,6 Millionen Geburten, die zum Erhalten der Bevölkerungszahl notwendig gewesen wären, sind 1972 bis 2000 Investitionen von etwa 4800 Milliarden Mark in das Humankapital entfallen. Diese Investitionslücke *wird* in der Zukunft die Wirtschaft *schädigen*. Mit Prognosen, die dem Rückgang des Humanvermögens nur eine begrenzte Wirkung zuschreiben, rechnet Kaufmann scharf ab und spricht in diesem Zusammenhang von einem „Verharmlosungs-Diskurs“ (DECOW 16A).
- (13) Der Professor spricht jetzt schon. Er sagt uns alles. Morgen kommt er sicher selbst. Er *wird* dir *helfen* (E. M. REMARQUE. *Drei Kameraden*).

В приведенных высказываниях глагол *werden* сочетается с неопределёнными глаголами *sich freuen*, *schädigen*, *helfen*. Наряду с семантикой будущего времени выражены дополнительные модальные оттенки: в примере (11) глагол *werden*, использованный в восклицательном предложении, выступает в роли эвиденциального маркера, поскольку говорящий выражает суждение о предполагаемом эмоциональном состоянии другого человека с опорой на имеющийся у него опыт; в (12) на основе умозаключения говорящий формулирует свой прогноз о будущих инвестиционных провалах — в высказывании передается темпоральная и эвиденциальная семантика; в (13) передано наряду с темпоральным значением эвиденциальности (уверенность говорящего с опорой на знание). Можно увидеть, таким образом, что во всех трех случаях в предложениях с неопределёнными глаголами может быть передана темпоральная и эвиденциальная семантика одновременно.

По нашим наблюдениям, глагол *werden* в сочетании с гла-

голом *sein* в большинстве случаев служит для передачи только модального значения. Рассмотрим в этой связи ряд высказываний:

- (14) So komm, komm schnell nach Hause, damit wir die Wunde untersuchen», sagte sie voller Angst. «Gütiger Himmel, es *wird* doch nicht gefährlich *sein*! (DECOW 16A).
- (15) Das wird der Grund sein, weshalb sich die Beiden trennen werden. Es *wird* wohl eine gut überlegte Trennung *sein* (DECOW 16A).
- (16) Für den Anfang absolut ausreichend, aber es *wird* nicht dein letztes Ladegerät *sein* (DECOW 16A).

В приведенных примерах глагол *werden* не передает значения будущего времени, хотя полнозначный глагол является стательным и неопределенным. Этот феномен Э. Лайсс объясняет его анафоричными свойствами: семантику будущего времени способны передавать только катафоричные глаголы. Все предельные глаголы анафоричны, однако не все анафоричные глаголы предельны⁴ (LEISS 1992: 220). Анафоричны формы прошедшего времени, определенный артикль, предельные глаголы, поскольку они отсылают к предыдущему контексту. Катафоричны неопределенный артикль и формы будущего времени — их отличает способность указывать на последующую информацию⁵. Неопределенность коррелирует с катафоричными временными формами, однако не согласуется с анафоричными. Соответственно, сочетание анафоричных глаголов и катафоричных временных форм ведет к коллизии и становится причиной модализации конструкции *werden* + *Infinitiv* (Там же: 221). На примере высказываний (14) — (16) можно увидеть, что конструкция *werden* + *sein* служит для того, чтобы выразить надежду на благоприятный исход ситуации, пообещать что-либо, как в (16), или успокоить собеседника, как в (14) и (15), т. е. передается эпистемическая и эвиденциальная семантика. По нашим наблюдени-

⁴ В оригинале: «Zwischen nonadditiven Verben und anaphorischen Verben besteht eine Inklusionsbeziehung. Alle nonadditiven Verben sind anaphorisch, aber nicht alle anaphorischen Verben sind nonadditiv» (LEISS 1992: 220).

⁵ В оригинале: «Nun ist Anaphorik mit Definitheit verbunden und Kataphorik mit Indefinitheit, um an die bereits bekannten Korrelationen nochmals zu erinnern» (LEISS 1992: 221).

ям, дополнительный компонент значения — попытка успокоить собеседника — присутствует и в тех случаях, когда полнзначные глаголы предельны и форма Futur I кодирует будущее время. Рассмотрим в этой связи ряд примеров:

(17) „Es ist zu schrecklich“, schluchzte sie. „Ich muss ausziehen, ich komme nicht darüber weg!“

„Sie werden schon darüber *wegkommen*“, sagte ich. „Ich habe einmal ein paar hundert Leute so gesehen. Gasvergiftete Engländer. Bin auch drüber weggekommen“ (E. M. REMARQUE. *Drei Kameraden*).

(18) „Von dem Geld kriegen wir nichts“, sagte die Frau. „Geht alles wieder weg“. — „Wird schon wieder *werden*, Mutter“, sagte der Mann. „Wird schon wieder *werden*“ (E. M. REMARQUE. *Drei Kameraden*).

В примере (17) модальный оттенок предложения *Sie werden schon darüber wegkommen* особенно четко прослеживается благодаря контрасту — в предконтексте для выражения будущего времени использована форма Präsens (*ich komme nicht darüber weg!*). Употребление аналитической формы позволяет передать темпоральность и эвиденциальность одновременно: уверенность говорящего базируется на его опыте (*Bin auch drüber weggekommen*). В отрывке (18) аналитическая форма *werden* + Infinitiv I, дважды употребленная после формы Präsens в функции будущего времени (*geht alles wieder weg*), служит для того, чтобы заверить собеседницу в благополучном исходе ситуации. Идея о том, что Futur участвует в передаче эвиденциальных значений, не нова — на это указывает в своей работе Фритц (FRITZ 2000). Он справедливо замечает, что зачастую замена Futur I на форму Präsens вряд ли возможна, поскольку теряется вовлеченность говорящего в изложение событий и высказывание лишается эмоциональной окраски (Там же: 151). По всей видимости, это обстоятельство позволяет объяснить возникновение дополнительного модального значения при употреблении Futur I в публичных выступлениях. Так, например, в политических дебатах высказывания с этой формой зачастую звучат пророчески:

(19) *Damals haben Sie angekündigt: Die Branche wird sterben, Deutschland wird seine Technologieführerschaft verlieren, die Solarbranche wird keine Zukunft haben* (Rede von Norbert Röttgen, 29.03.2012).

(20) *Frau Präsidentin! Frau Bundesministerin! Liebe Kolleginnen und Kollegen! Liebe Bürgerinnen und Bürger! Herr Wurm, Sie handeln hier wider besseres Wissen und ohne Gewissen. Sie und die FPÖ ent-*

scheiden sich heute bewusst für das Sterben. (Zwischenruf des Abg. Gudenus. — Weitere Zwischenrufe bei der FPÖ.) Es *werden* aber nicht Sie *sterben*, sondern Österreicher *werden sterben* (Rede von Matthias Strolz, 22.03.2018).

В приведенных отрывках форма Futur I маркирует осведомленность говорящего о неизбежности трагического поворота событий, при этом оратор опирается на собственные наблюдения и опыт ((19) и (20)). Рассмотрим примеры употребления предельных глаголов *passieren* и *gelingen* в сочетании с глаголом *werden*:

- (21) Das Ziel muss sein, dass Unternehmen mit guten Produkten gutes Geld verdienen, weil sie ihrer sozialen und ökologischen Verantwortung gerecht werden. Das kann *gelingen* und das *wird gelingen*. Das wünsche ich mir und Ihnen (Rede von Johannes Rau, 12.11.2003).
- (22) Das, meine Damen und Herren, *wird gelingen!* (Rede von Wolfgang Schässel, 05.04.2005).
- (23) Es kann *gelingen* und es *wird gelingen*, wenn Sie bereit sind, Ihren Teil der Verantwortung, der Ihnen nach der Verfassung über den Bundesrat zugewiesen ist, zu übernehmen (Rede von Hans Eichel, 09.09.2003).
- (24) Es *wird* kein Geld mehr für die Künstler *geben!* Da wird jetzt noch und nöcher gestrichen! Das Furchtbarste überhaupt *wird passieren!* (Rede von Walter Rosenkranz, 17.04.2018).

В приведенных высказываниях аналитическая форма Futur I выражает темпоральное и модальное значение одновременно: говорящий заверяет собеседника в истинности своих слов с опорой на имеющиеся знания. В русском языке аналогичные оттенки значения передают глаголы совершенного вида в форме будущего простого времени, сравним:

- (25) Сбывалось предсказание Энгельса, что, когда это *произойдет*, рабочий класс придет к власти через механизм демократического голосования (НКРЯ).

Высказывания, содержащие форму Futur I, способны передавать наряду с темпоральной и эвиденциальной еще и алетическую семантику. Это можно проследить на примере предложений с полнозначным глаголом *feststellen*. Рассмотрим ряд примеров из выступлений политиков:

- (26) Wer durch die Berichte der sechzehn Länder blättert, die bei der Bundeszentrale als kleines Buch erschienen sind, der *wird feststellen*: Solche Dialogformate sind keine Selbstläufer (Rede von Frank-Walter

Steinmeier, 22.05.2019). (= Der kann feststellen)

- (27) Versuchen Sie einmal, ein Auto zu kaufen. Sie *werden feststellen*, dass das faktisch unmöglich ist. Junge Leute können auf befristeten Verträgen keine Familienplanung aufbauen. Wir brauchen die sachgrundlose Befristung in diesem Land nicht mehr. Deswegen gehört sie abgeschafft (Rede von Andrea Nahles, 05.09.2017). (= Sie können feststellen)

В приведенных фрагментах (26) и (27) использование глагола *werden* в сочетании с предельным глаголом *feststellen* позволяет говорящему обрисовать прогнозируемый им исход ситуации. В (26) аналитическая форма использована в главной части сложноподчиненного предложения, в придаточной части которого значение будущего выражено формой *Präsens*. Разница в выборе временных форм при их референциальной идентичности подчеркивает модальный характер формы *Futur I*. В предложении (27) аналитическая форма также выступает в значении будущего, передавая одновременно эвиденциальное и алетическое значение.

Указание на неизбежный исход ситуации в будущем может также найти свое выражение в предложениях с полнозначными предельными глаголами *erleben*, *entdecken* и *verwundern*:

- (28) Wir *werden erleben*, dass der digitale Wandel unser persönliches Leben und unser gesamtes gesellschaftliches Leben verändern wird (Rede von Angela Merkel, 08.06.2016).
- (29) Ich freue mich sehr, dass Hansruedi Merz nun Bundespräsident wird. Denn viele Schweizer *werden entdecken*, dass er nicht nur ein sparsamer Finanzminister ist. Nein, er *wird* in diesem Jahr 2009 alle Facetten seiner Persönlichkeit *zeigen können*. Er *wird zeigen können*, wie reichhaltig und vielfältig seine Persönlichkeit ist (Rede von Johannes Rau, 30.09.2001).
- (30) Es *wird* Sie nicht *verwundern*, dass unsere Bilanz von einem Jahr Regierung, einem Jahr wieder Schwarz-Blau anders ausfällt als die Bilanz, die der Herr Bundeskanzler oder auch der Klubobmann der FPÖ hier präsentiert haben; wiewohl das eigentlich keine Bilanz war, die Sie präsentiert haben, sondern eine persönliche Abrechnung mit der SPÖ (Rede von Beate Meinl-Reisinger, 11.12.2018).

В (28) использование аналитической формы служит для того, чтобы подчеркнуть однозначный исход ситуации. В (29) говорящий уверен в предстоящем успехе и признании президента

жителями Швейцарии. Трехкратное повторение аналитической конструкции, передающей значение будущего времени, усиливает дополнительную эвиденциальную семантику и образует своего рода модальную рамку целого фрагмента (подробнее см. в [AVERINA 2019]). В примере (30) уверенность оратора основывается на его опыте и знании.

Таким образом, анализ фактического материала показывает, что в повествовательных предложениях глагол *werden* в сочетании с предельными и непредельными глаголами способен передавать темпоральное и модальное значение одновременно. Чаще всего речь идет об эвиденциальной семантике и эпистемичности (высокая степень вероятности с опорой на опыт/знание говорящего). В некоторых случаях может быть имплицитно выражена и алетическая семантика наряду с эвиденциальной. Особенно отчетливо модальный компонент прослеживается в эмотивных высказываниях, например, в публичных выступлениях, в ходе которых политик дает свои обещания. В русском языке в данном случае могут быть использованы глаголы в форме совершенного вида (будущее простое время). Вид модального оттенка, который привносит форма *Futur I* в высказывание, в определенной степени зависит от типа пропозиционального субъекта. В большинстве случаев, если в его роли выступает 2-е или 3-е л. ед. ч. или мн. ч., преобладает эвиденциальное значение, что подтверждают примеры (17) — (27), (29) и (30). В следующих высказываниях, содержащих пропозициональный субъект в форме 1-го л. мн. ч., наряду с эвиденциальностью находит выражение дополнительная деонтическая семантика:

- (31) Diesen Beschluss haben wir entgegen mancher Zweifel umgesetzt. Wir *werden* pünktlich wie vorgesehen das letzte Kernkraftwerk *abschalten* (Rede von Peter Altmeier, 03.07.2020).
- (32) Es ist auch ein politisches Zeichen, dass wir etwas ganz Bestimmtes nicht tun: Wir werden gegen diese Krise nicht ansparen, und wir *werden* den Sozialstaat, der uns so leistungsfähig durch diese Krise führt, nicht *antasten*, sondern *ausbauen* (Rede von Olaf Scholz, 02.07.2020).

В приведенных фрагментах говорящий берет на себя ответственность за выполнение стоящих перед ним задач⁶. Эти пред-

⁶ На способность глагола *werden* кодировать деонтическую се-

---

ложения могут быть без искажения смысла преобразованы в высказывания с модальным глаголом *müssen* в первичном (деонтическом) значении:

- (31') Diesen Beschluss haben wir entgegen mancher Zweifel umgesetzt. Wir *müssen* pünktlich wie vorgesehen das letzte Kernkraftwerk *abschalten*.
- (32') Wir werden gegen diese Krise nicht ansparen, und wir *müssen* den Sozialstaat, der uns so leistungsfähig durch diese Krise führt, nicht *antasten*, sondern *ausbauen*.

Форма Futur I может передавать и волюнтативное значение — это можно отчетливо проследить на примере с пропозициональным субъектом в форме 1-го л. ед. ч.:

- (33) Ich *werde* Ihnen in der nächsten Sitzungswoche einen umfassenden Vorschlag *unterbreiten*, wie wir aus dieser Wut und dieser Verzweiflung über das, was aufgedeckt wurde, konsequente Handlungen folgen lassen (Rede von Christine Lambrecht, 18.06.2020).

Приведенное высказывание может быть преобразовано в предложение с глаголом *wollen* в первичном значении:

- (33') Ich *will* Ihnen in der nächsten Sitzungswoche einen umfassenden Vorschlag *unterbreiten*, wie wir aus dieser Wut und dieser Verzweiflung über das, was aufgedeckt wurde, konsequente Handlungen folgen lassen.

Фритц, анализируя случаи использования глагола *werden* в волюнтативном значении, объясняет этот феномен тем, что в предложениях такого рода находит свое выражение намерение говорящего (FRITZ 2000: 155).

В роли функционального аналога модализованного будущего времени в русском языке (значения волюнтативности и деонтичности) можно рассматривать глаголы в форме совершенного вида (будущее простое время). Это отчетливо проявляется в случае, если в роли пропозиционального субъекта использовано местоимение 1-го л. ед. ч. или 1-го л. мн. ч., сравним:

- (34) Мы *найдем* оптимальный вариант вопроса, который вынесем на референдум с целью возвращения выборов мэра Перми (НКРЯ).

мантику указывает Фритц: «Die Deutung des Merkmals 'SPR' von werden mit Infinitiv als 'Notwendigkeit' erreicht so viel Gemeinsamkeit mit der Deutung des Indikativs als 'Sprechersicherheit', dass die Setzung des Indikativs hier die zusätzliche Markierung erübrigt» (FRITZ 2000: 157).

(= мы должны найти оптимальный вариант вопроса, который вынесем на референдум с целью возвращения выборов мэра Перми)

- (35) Интересно, что в обсуждении — допускать Ривье экспертом или нет — один из представителей FIS дословно заявил: «Я сделаю все, чтобы его не было в этом зале» (НКРЯ). (= я хочу сделать все, чтобы его не было в этом зале)

Сделанное наблюдение подтверждает идею М. Л. Котина о том, что «корневая» модальность⁷ имеет по крайней мере косвенную связь с направленностью действия в будущее и его завершенностью (КОТИН 2018: 147).

В ряде случаев в вопросительных предложениях форма Futur I может быть использована для выражения значения будущего времени и алетической модальности. Рассмотрим несколько примеров:

- (36) Ein Grinsen huschte über Mathildes verwitwete Züge. „Alles, was recht is — Kenner bin ich. Aber *werden* Sie mir *verraten*, Herr Lohkamp? Eine schutzlose Witwe?“ (E. M. REMARQUE. *Drei Kameraden*).
- (37) Wer ist überhaupt die Auslandschweizerin, der Auslandschweizer des Jahres 2028? Welche Bedürfnisse und Erwartungen *werden sie haben*? (Rede von Ignazio Cassis, 17.08.2019).
- (38) *Werden* Sie mir ein paar Blumen *pflücken*? (DECOW 16A).

В фрагменте (36) вопросительное предложение *Aber werden Sie mir verraten, Herr Lohkamp?* может быть трансформировано в высказывание *Können Sie mir verraten, Herr Lohkamp?* и представляет собой просьбу со скрытой надеждой на ее выполнение. Предложение (38) может также получить интерпретацию *Können Sie mir ein paar Blumen pflücken?* Вопрос в (37) может быть истолкован как *Welche Bedürfnisse und Erwartungen können sie haben?*

Вопросы, нацеленные на получение новой информации, как правило, лишены модальной семантики. Так, например, в следующих высказываниях, содержащих только форму Futur I, передается только значение будущего времени:

- (39) Sie sah mich an, als habe sie alles verstanden oder als komme es nicht darauf an, was man versteht und was nicht. „*Wirst* du eines Tages auch solche Bücher *schreiben*?“

⁷ К «корневым» модальным значениям в зарубежных исследованиях относят деонтичность, волюнтаривность и алетичность.

Ich schüttelte den Kopf.

„*Wirst* du andere Bücher *schreiben*?“

„Ich weiß nicht“.

„*Wirst* du Stücke *schreiben*?“

„Ich weiß nicht, Hanna“ (B. SCHLINK. *Der Vorleser*)

Алетическая семантика может быть выражена не только в вопросительном предложении — в следующем фрагменте аналитическая форма Futur I, употребленная в парантезе, получает интерпретацию как темпоральная и модальная одновременно:

(40) Was aber ist, so *werden* Sie *einwenden*, wenn uns die Zeit davonläuft? (Rede von Frank-Walter Steinmeier, 15.10.2009) (= So können Sie einwenden).

В предложениях-обращениях к официальным лицам, в выступлениях, содержащих описание формальных процедур и правил, форма Futur I передает значение темпоральности и деонтической модальности, при этом указание на необходимость совершения действия звучит в мягкой некатегоричной форме:

(41) Ich ersuche Sie daher, das Gelöbnis im Sinne der Gelöbnisformel, die ich jetzt verlesen werde, zu leisten.

„Ich gelobe, dass ich die Verfassung und alle Gesetze der Republik getreulich beobachten und meine Pflicht nach bestem Wissen und Gewissen erfüllen werde“.

Sie *werden* dieses Gelöbnis durch ein Zeichen der Zustimmung *bekräftigen* (Rede von Alexander Van der Bellen, 20.05.2020).

(42) Mein Team und ich, wir alle lassen Sie nur schweren Herzens gehen. Aber wir *werden* einander ja nicht aus den Augen *verlieren* (Rede von Alexander Van der Bellen, 20.05.2020).

В отрывке (41) говорящий объясняет правила произнесения присяги, последнее предложение имеет скрытый модальный план (= Sie müssen dieses Gelöbnis durch ein Zeichen der Zustimmung *bekräftigen*). В следующем фрагменте (42) кодирована деонтическая модальность (= wir dürfen einander nicht aus den Augen *verlieren*): говорящий берет на себя определенные обязательства.

В неофициальной ситуации общения при условии неравноправного статуса участников коммуникации в восклицательных предложениях глагол *werden* служит для выражения приказа, и его можно рассматривать как аналог модального глагола *sollen*:

(43) Du bist ein Vorbild und du *wirst tun*, was man dir sagt! (DECOW 16A) (= du sollst tun, was man dir sagt).

При определенных условиях форма Futur I может передавать значение неуверенности. Так, это имеет место в случае сочетания глагола *werden* с полнозначным глаголом *sehen* в простом предложении:

- (44) „Dich brauche ich auch“, erwiderte ich.
„Aber nicht so nötig...“
„Das *werden* wir ja noch *sehen*...“ (E. M. REMARQUE. *Drei Kameraden*).
(45) „Das *werden* wir *sehen*“, sagte ich. „In Vorsätzen ist der Mensch immer groß. Im Ausführen nicht [...]“ (E. M. REMARQUE. *Drei Kameraden*).

Если данное сочетание использовано в главной части сложноподчиненного предложения, высказывание приобретает дополнительную эвиденциальную семантику, поскольку придаточное содержит описание конкретной ситуации, очевидной для говорящего:

- (46) Sie *werden sehen*, dass die kreativen Kräfte Ihres Vielvölkerstaates noch mehr zur Geltung kommen können, je mehr Spielraum sie bekommen (Rede von Frank-Walter Steinmeier, 12.07.2017).

Таблица. Виды модальных значений, передаваемых формой Futur I

Вид модального значения	Дополнительные характеристики предложения	Пример
Эвиденциальность + эпистемичность (высокая степень уверенности)	Пропозициональный субъект в форме 2-го, 3-го л. ед. ч. или 2-го, 3-го л. мн. ч., повествовательные предложения с полнозначными глаголами, маркирующими изменение состояния	(47) <i>Und es gibt bei der Post die Erfahrung, dass der Herr Klima zwar gesagt hat, nichts wird passieren, wir haben alles im Griff, aber bei der Post werden bis 1998 8000 Leute abgebaut werden müssen</i> (Rede von Jörg Haider, 14.01.1997). (48) <i>Das wird gelingen, nämlich mit Euren Ideen für eine gute gemeinsame Zukunft auf diesem Planeten!</i> (Rede von Christian Wulff, 27.08.2011)
Алетическая модальность (+ эвиденциаль-	Вопросительные предложения, выражающие просьбу или неопреде-	(49) <i>Es tut mir so Leid. Werdet Ihr mir vergeben?</i> (DECOW 16A).

ность)	ленность; повествовательные предложения с глаголами, маркирующими ментальные действия	(50) <i>Sehen Sie sich mal in Ihrem Freundes- und Bekanntenkreis um! Sie werden feststellen, dass Heizungs-umwälzpumpen auch im Sommer noch laufen</i> (DECOW 16A)
Деонтическая модальность (+ эвиденциальность)	Пропозициональный субъект в форме 1-го л. мн. ч.; вежливая форма Sie (официальная ситуация общения); пропозициональный субъект в форме 2-го л. ед. ч. или мн. ч. (неравноправный статус коммуникантов)	(51) <i>Wir werden heute ein Gesetz beschließen, auf das viele Menschen in Deutschland lange gewartet haben</i> (Rede von Hubertus Heil, 02.07.2020). (52) <i>Sie werden uns wie in der Vergangenheit auch jetzt helfen</i> (Rede von Alexander Van der Bellen, 03.05.2020). (53) <i>Du wirst so sein, wie wir dich haben wollen! Nicht mehr und nicht weniger!</i> (DECOW 16A)
Волюнтативная модальность (+ эвиденциальность)	Пропозициональный субъект в форме 1-го л. ед. ч. / 1-го л. мн. ч.	(54) <i>Ich werde alles dafür tun, dass wir beim Freihandel Fortschritte machen</i> (Rede von Guy Parmelin, 10.02.2020)
Эпистемичность (невысокая степень уверенности)	Глагол sehen в роли полнозначного глагола в простом предложении	(55) <i>Die nächste UNO-Klimakonferenz wird in Katowice im Dezember dieses Jahres sein. Wir werden sehen</i> (Rede von Alexander Van der Bellen, 25.08.2018)

Таким образом, как показывает анализ фактического материала, конструкция Futur I способна выражать наряду с темпоральным и модальные значения. Вид модального значения зависит от целого ряда факторов: от типа пропозиционального субъекта, семантики полнозначного глагола, коммуникативной характеристики предложения и его структуры, а также от ситуации

общения и статуса коммуникантов, — в любом высказывании с *werden* присутствует отсылка к говорящему. Именно это свойство позволило Фритцу назвать глагол *werden* модальным⁸. Виды модальных значений, которые могут быть переданы глаголом *werden*, в систематизированном виде представлены выше в Табл.

Дополнительные характеристики предложения, представленные в Табл., можно рассматривать как типичные условия реализации соответствующего модального значения в высказывании. В целом ряде случаев вид модального значения определяется ситуацией общения.

3. Заключение

В данной работе был затронут спорный вопрос относительно первичности / вторичности значения немецкой аналитической формы *Futur I*. Анализ фактического материала позволил сделать следующие выводы.

1. Выбор между формой *Präsens* и *Futur I* для выражения будущего времени отчасти зависит от предельности / неопределенности полнозначного глагола: в большинстве случаев неопределенные глаголы участвуют в передаче будущего времени в составе аналитической конструкции. Тем не менее высказывания с формой *Futur I* наряду с темпоральным приобретают еще и одно из модальных значений.

2. Вид модального значения, выражаемого формой *Futur I*, определяет ряд факторов: ситуация общения, семантика полнозначного глагола, тип пропозиционального субъекта и др. Значение алетической модальности передается в вопросительных предложениях, выражающих просьбу или передающих неопределенность. В повествовательных выбор значения зависит от ситуации общения: так, в официальной сфере именно форма *Futur I* оптимальна для выражения деонтичности. Деонтическая и волеуказательная семантика проявляется в предложениях, содержащих в роли пропозиционального субъекта местоимение 1-го л. ед. ч. или 1-го л. мн. ч. Во многих случаях дополнительно пе-

---

⁸ В оригинале: «Aus dieser Sicht ist *werden* erst im Laufe der Sprachgeschichte zum 'Modalverb' geworden, oder besser gesagt, zu einem Verb, das aufgrund seines expliziten Bezugs auf das Aussprechen mit den modalen und intentionalen Modalverben eine gemeinsame Basis aufweist» (FRITZ 2000: 162).

редается эвиденциальное значение.

3. В роли русских аналогов аналитической формы выражения будущего времени выступают глаголы в форме совершенного вида, т. е. будущее простое время. Это позволяет предположить, что формы совершенного вида русского глагола наряду с аспектуальной семантикой способны кодировать и модальные значения.

Таким образом, на примере аналитической формы Futur I можно проследить межкатегориальную взаимосвязь аспектуально-темпоральных и модальных значений. Перспективным представляется исследование модальной семантики в русском языке, свойственной высказываниям, содержащим форму будущего простого времени.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Аверина А. В. Модальный синтаксис немецкого языка. М.: ИИУ МГОУ, 2019. [Averina, Anna V. (2019) *Modalnyy sintaksis nemetskogo yazyka* (Modal Syntax of the German Language). Moscow: Moscow Region State University. (In Russian)].
- Котин М. Л. Язык и время. Очерк теории языковых изменений. М.: ЯСК, 2018. [Kotin, Mikhail L. (2018) *Yazyk i vremya. Ocherk teorii yazykovykh izmeneniy* (Language and Time. Essay on the Theory of Language Change). Moscow: LRC Publishing House, 2018. (In Russian)].
- Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: УРСС, 2000. [Plungyan, Vladimir A. (2000) *Obshchaya morfologiya. Vvedeniye v problematiku* (General Morphology. Introduction to the Issue). Moscow: URSS. (In Russian)].
- Сусов И. П. Многоуровневый анализ риторической структуры // Тверской лингвистический меридиан. 2006. Вып. 6. С. 23—54. [Susov, Ivan P. (2006) *Mnogourovnevyy analiz ritoricheskoy struktury* (Multilevel Analysis of the Rhetorical Structure). *Tverskoy lingvisticheskiy meridian* (Tver Linguistic Meridian), 6, 23—54. (In Russian)].
- Averina, Anna. (2019) Modalpartikeln im Deutschen als Komponenten eines modal-bewertenden Rahmens. *Lebende Sprachen*, 64 (1), 140—154.
- Fritz, Thomas A. (2000) *Wahr-Sagen: Futur, Modalität und Sprecherbezug im Deutschen*. Hamburg: Buske.
- Hentschel, Elke, & Weydt, Harald. (1994) *Handbuch der deutschen Grammatik*. Berlin; New York: Walter de Gruyter. [2. Aufl.]
- Leiss, Elisabeth. (1992) *Die Verbalkategorien des Deutschen*. Berlin: Walter De Gruyter.
- Leiss, Elisabeth. (2000) *Artikel und Aspekt*. Berlin: Walter De Gruyter.

- Leiss, Elisabeth. (2011) Lexikalische versus grammatische Epistemizität und Evidentialität: Plädoyer für eine klare Trennung von Lexikon und Grammatik. In Diewald, Gabriele, & Smirnova, Yelena. (eds) *Modalität und Evidentialität* [Fokus 37]. Trier: Wissenschaftlicher Verlag, 149—169.
- Matzel, Klaus, & Ulvestad, Bjarne. (1982) Futur I und futurisches Präsens. *Sprachwissenschaft*, 7, 282—328.
- Saltveit, Laurits. (1960) Besitzt die deutsche Sprache ein Futur? In *Der Deutschunterricht*, 12, 46—65.
- Vater, Hans. (1994) *Einführung in die Zeit-Linguistik*. Hürth-Efferen: Gabel. [3., verb. Aufl.]
- Zifonun, Gisela; Hoffmann, Ludger; Strecker, Bruno, & et al. (1997) *Grammatik der deutschen Sprache*. Bd. 3. Berlin: Mouton de Gruyter.

Список источников / Quellenverzeichnis / List of Sources

- Национальный корпус русского языка (Электронный ресурс). URL: <https://ruscorpora.ru/new>. (Дата обращения: 10.04.2021). [*Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* (National Corpus of the Russian Language)]. Retrieved from <https://ruscorpora.ru/new>].
- DeCOW 16A. Retrieved from <https://www.webcorpora.org>.
- Rede von Andrea Nahles. *DWDS*. Retrieved from <https://www.dwds.de>.
- Rede von Angela Merkel. *DWDS*. Retrieved from <https://www.dwds.de>.
- Rede von Beate Meinl-Reisinger. *DWDS*. Retrieved from <https://www.dwds.de>.
- Rede von Christine Lambrecht. *DWDS*. Retrieved from <https://www.dwds.de>.
- Rede von Frank-Walter Steinmeier. *DWDS*. Retrieved from <https://www.dwds.de>.
- Rede von Hans Eichel. *DWDS*. Retrieved from <https://www.dwds.de>.
- Rede von Ignazio Cassis. *DWDS*. Retrieved from <https://www.dwds.de>.
- Rede von Jörg Heider. *DWDS*. Retrieved from <https://www.dwds.de>.
- Rede von Olaf Scholz. *DWDS*. Retrieved from <https://www.dwds.de>.
- Rede von Peter Altmeier. *DWDS*. Retrieved from <https://www.dwds.de>.
- Rede von Jens Span. *DWDS*. Retrieved from <https://www.dwds.de>.
- Rede von Johannes Rau. *DWDS*. URL: <https://www.dwds.de>.
- Rede von Matthias Stolz. *DWDS*. Retrieved from <https://www.dwds.de>.
- Rede von Van der Bellen. *DWDS*. Retrieved from <https://www.dwds.de>.
- Rede von Walter Rosenkranz. *DWDS*. Retrieved from <https://www.dwds.de>.
- Rede von Wolfgang Schüssel. *DWDS*. Retrieved from <https://www.dwds.de>.
- Remarque, Erich Maria. (1983) *Drei Kameraden*. Köln: Kiepenheuer & Witsch.
- Schlink, Bernhard. (1995) *Der Vorleser*. Zürich: Diogenes Verlag.

Types of Modal Meanings in German encoded by the Form Futur I

The form Futur I in German can express not only the temporal but also the modal meaning. The aim of the article is to show the types of modal meanings that can be expressed through the structure werden + Infinitiv I in different contextual environment. The distribution method has allowed to determine the type of the modal meaning according to the semantics of the verb and the type of the propositional subject; the method of the contextual analysis was used to explain the difference between the present and the analytic structure of the future expression; functional similarity between the form Futur I and perfect aspect in Russian was shown by the comparison method; the functional equivalents of the structure Futur I were defined by the method of transformation. Thus, our conclusion was that the analytic structure in German could express modal and temporal meaning at the same time: evidentiality, epistemicity, voluntative modality, deonticity, alethic modality. The type of the modal meaning depends on the contextual environment, type of the propositional subject and in some cases on the semantics of the full verb.

Keywords: modality; temporality; evidentiality; epistemicity; deontic modality; the perfect aspect

Е. В. Беспалова

Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С. П. Королева (Самарский университет)

УРБАНИСТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ГИБРИДНОЙ КУЛЬТУРНО-ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В русле междисциплинарного когнитивно-дискурсивного подхода к анализу художественного текста выявляются способы раскрытия форм гибридной идентичности с опорой на средства вербализации концепта ГОРОД в романе Яде Кары *Selam Berlin*. Цель исследования — проследить взаимосвязь концептов БЕРЛИН и СТАМБУЛ с аспектами гибридной культурно-этнической идентичности персонажа-мигранта на основе анализа его дискурса. Описываются средства раскрытия гибридной идентичности с городом и культурой, идентичности с социальными группами разного уровня (семьей, сверстниками-мигрантами, жителями Западного Берлина). Обосновывается способность средств вербализации урбанистических концептов выполнять в художественном дискурсе функции маркеров гибридной культурно-этнической идентичности.

Ключевые слова: урбанистический ландшафт; концепт-фрейм; гибридная идентичность; маркер идентичности; дискурс персонажа

1. Введение

Цель исследования — проследить взаимосвязь средств вербализации ландшафтных, точнее урбанистических концептов БЕРЛИН и СТАМБУЛ с рядом аспектов гибридной культурно-этнической идентичности персонажа-мигранта на основе анализа его дискурса. В ходе исследования была поставлена задача выявить единицы вербализации урбанистического ландшафта Берлина и Стамбула в романе Яде Кары *Selam Berlin* и проанализировать их употребление в дискурсе персонажа с точки зрения конструкта «гибридная идентичность». Наша гипотеза состоит в том, что концепты городов, занимающих значимое место в биографии языковой личности, присутствуют в ее сознании и проявляются в ее дискурсе в виде маркеров культурно-этнической идентичности.

Феномен идентичности изучается во многих науках гуманитарного цикла: в философии, психологии, культурологии, социологии, лингвистике и т. д. В сферу рассмотрения аспектов иден-

тичности попадают такие понятия как человек, личность, социализация, самосознание, самоидентификация, социальная группа, язык, коммуникация, культура, этнос и ряд других. Приведем некоторые идеи, релевантные для рассмотрения нашего материала. Идентичность традиционно изучается с точки зрения психологии как результат психической деятельности индивида, «формирование идентичности предполагает процесс одновременного отражения и наблюдения», протекающий в сознании индивида, который в ходе данного процесса оценивает себя и других «в сравнении с собой и в рамках значимой для них типологии; в то же время он оценивает их суждения о нем с точки зрения того, как он воспринимает себя в сравнении с ними и с типами, значимыми для него» (ЭРИКСОН 1996: 30-31). Психологический подход предполагает обращение к анализу продуктов речевой деятельности человека, так как «идентичность вырабатывается в сознании субъекта в процессе накопления им социального опыта и выражается через его речь» (ЕНИНА 2010: 163). Идентичность считается «ключевым понятием в мироосмыслении человека» (ЗВОНАРЕВА 2013), «кризис идентичности» понимается как явление «нормальное для юности или ранней зрелости», но наступающее также «в период быстрых исторических перемен» (ЭРИКСОН 1996: 260). В научной литературе по лингвистике фигурирует большое разнообразие форм, типов и видов идентичности: так, например, принято различать личностную, социальную и психофизиологическую идентичность (ср. [ЛАППО 2018: 13-14]), этнокультурную идентичность (ОЗЮМЕНКО, ГОРНОСТАЕВА, БОРИСОВА 2019), территориальную и региональную идентичность (АБАШЕВА 2014). Виды идентичности могут варьировать в зависимости от характеристик группы, на фоне которой рассматривается индивид: ср. гендерная, профессиональная, национальная идентичность. По замечанию О. А. Леонтович,

«многослойность личностной идентичности, базирующаяся на сложном сочетании психофизиологических, социальных, национально-культурных и языковых различий, возрастает по мере включения человека в более крупные культурно-языковые сообщества» (ЛЕОНТОВИЧ 2017: 253).

В лингвистике и лингвокультурологии феномен идентичности рассматривается в контексте лингвокультурной идентичности (КРАСНЫХ 2007), структуры языковой личности (КАРАУЛОВ 2010),

создания и анализа «речевого портрета» и лингвокультурного типажа (КАРАСИК 2005; ЛУТОВИНОВА 2009), эмоционально-коммуникативной личности (ШАХОВСКИЙ 2018). В качестве вариантов реализации самоидентификационного дискурса языковой личности изучаются прямое, косвенное и скрытое описание идентичности (ЛАППО 2018), анализируются аксиологические, коммуникативные, эмоциональные, структурные компоненты идентичности, закрепленные в языке и проявляющиеся в речи (ОЗЮМЕНКО, ГОРНОСТАЕВА, БОРИСОВА 2019). В работах немецких лингвистов и литературоведов выделяются и описываются маркеры идентичности, например, диалектизмы как маркеры территориальной и социокультурной идентичности (HINDERLING 2003; EROMS 2003). В немецком языкознании изучаются проблемы изменения идентичности (OPPENRIEDER 2003), например, изменения восприятия коллективной идентичности (FIX 2003).

Творчество авторов ненемецкого происхождения, пишущих по-немецки, несомненно, интересно в аспекте изучения идентичности в силу того, что многие авторы соотносят себя и своих героев с двумя (и более) культурами, переживают состояние так называемой «открытой идентичности», стирания границы между «своим» и «чужим» (HOFMANN 2006). Для описания «двойной» идентичности мигрантов из бывшего СССР вводится термин «гибридная идентичность», рассматриваются поведенческие варианты (изолированность, полное слияние, гармоничное «вписывание») (АНОХИНА 2019). Немецко-турецкая литература в Германии существует более полувека, представлена авторами двух поколений и «считается сегодня особым литературным явлением, ставшим неотъемлемой частью немецкоязычного литературного процесса» (ПЕРФИЛЬЕВА 2020: 98). Авторы обращаются не только к темам потери родины, поисков своей идентичности и отчужденности в новом обществе, но и к темам, связанным с переживанием актуальных исторических процессов на территории Германии. Так, З. Е. Перфильева указывает на то, что что «германистика до сих пор не признала и не изучала созданную немецко-турецкими писателями так называемую „литературу перелома“» (Там же: 99).

Новизна нашего исследования состоит в применении междисциплинарного когнитивно-дискурсивного подхода к анализу художественного текста романа и в обосновании способности

средств вербализации урбанистических концептов выполнять в художественном дискурсе функции маркеров гибридной культурно-этнической идентичности.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материал исследования, роман немецкой писательницы турецкого происхождения Яде Кары *Selam Berlin* (КАРА 2004), получивший две литературные премии (премию Адальберта фон Шамиссо и Немецкую литературную премию за успешный дебют), можно отнести к немецко-турецкой «литературе перелома», так как ключевые события повествования и проблематика тесно связаны с падением Берлинской стены и объединением Германии, повлекшими за собой переосмысление идентичностей как немцев (Западных и Восточных) (ср. [FIX 2003]), так и турков-мигрантов, проживающих в это время на территории когда-то разделенного и вновь объединенного Берлина. Факты биографии автора (Яде Кара родилась в Турции, большую часть жизни провела за ее пределами, училась в Германии, работала в Берлине, Лондоне, Стамбуле, Гонконге, в настоящее время живет в Берлине) отчасти перекликаются с фактами биографии главного героя, что нельзя не учитывать, рассматривая литературный текст как дискурс.

Роман написан от лица главного персонажа, Хасана, молодого турка, родившегося и выросшего в Западном Берлине, закончившего школу в Стамбуле и приехавшего в момент объединения обратно в Берлин. Его наблюдения, переживания и размышления представляют собой условно-интериоризованную речь,

«когда само изображение действительности (явлений, событий, картин) дается как бы через призму восприятия героя. Лексическое наполнение [...] оказывается весьма характерным, причем в ней обязательно присутствуют разговорные интонации» (КАРАУЛОВ 2010: 34).

Мы предлагаем лингвокогнитивный метод изучения идентичности. Рассмотрение персонажа как участника дискурсивного процесса и как *эмоционально-коммуникативной личности* (далее — ЭКЛ) (ср. [ШАХОВСКИЙ 2018]) позволяет в ходе анализа обращаться к элементам пазловой структуры когнитивной матрицы его ЭКЛ, интерпретируя употребление в его речи единиц вербализации урбанистического ландшафта Берлина и Стамбула.

Инструментарием анализа является концепт ГОРОД как

«особый тип концептуальной структуры — фрейм визуального типа, организованный средствами пространственной схемы часть — целое» (ТАРАСОВА 2020: 109), реализуемый в вариантах БЕРЛИН и СТАМБУЛ. Называя или описывая определенные места, относящиеся к топонимике конкретного города, участник дискурса актуализирует некий визуальный образ. Так, площади Александерплатц или Потсдамерплатц, Бранденбургские ворота или Колонна Победы активируют в сознании визуальные образы Берлина, входящие как составные части в общий концепт-фрейм города. Элементы городского ландшафта выполняют роль слотов.

На первом этап анализа мы выявляем единицы вербализации урбанистического ландшафта Берлина и Стамбула, анализируем их количественное соотношение, фиксируя концептуальную выделенность значимых для персонажа объектов, эмоциональный и аксиологический фон. Далее контексты употребления единиц вербализации урбанистического ландшафта Берлина и Стамбула соотносятся с композиционными фокусами повествования персонажа и когнитивными опорами понимания, ключевыми словами, структурными опорами (сильными позициями текста, например, заглавием), опорами на ситуацию порождения / восприятия текста, требующими обращения к фоновым знаниям (РОМАНОВА 2013: 170). На завершающем этапе интерпретации осмысляемых героем форм личностной и социальной идентичности учитывается модальная рамка, в которую помещаются языковые репрезентанты концепта-фрейма, метафорические модели концептуализации города, явления соположения, концептуальной интеграции, «блендинга». Выразительные средства мы рассматриваем вслед за Лаппо (2018: 20) как важный когнитивный сигнал «для определения семантики идентичности».

3. Результаты исследования, их обсуждение

3.1. Компоненты урбанистического ландшафта Берлина и Стамбула

Когнитивная плотность единиц вербализации концепта-фрейма БЕРЛИН в романе гораздо выше соответствующих единиц концепта СТАМБУЛ. Наибольшую группу составляют *городские топонимы*, многократно называются городские районы (Kreuzberg), улицы и площади (die Friedrichsstraße, die Straße des 17. Juni, Kudamm, der Marx-Engels-Platz), парки (der Tiergarten),

архитектурные сооружения (das Brandenburger Tor), памятники истории и культуры (die Siegessäule, die Weltzeituhr, die Graffiti-mauer, die Gedächtniskirche), учреждения культуры (Friedrichspalast), вокзалы и станции метро (das Kottbusser Tor, der U-Bahnhof Adenauerplatz). Герой свободно ориентируется в городе, перемещается из Западной в Восточную часть. Топонимы составляют тезаурусную часть лингвокогнитивного блока структуры языковой личности персонажа (ср. КАРАУЛОВ 2010: 238; КОСТРОВА 2019: 98). Многие из единиц относятся к символам Берлина (das Brandenburger Tor, die Siegessäule, der Alexanderplatz), имеют исторические и культурные коннотации, связанные с историей ГДР (der Potsdamer Platz, der Ernst-Thälmann-Park, Brecht-Ensemble, Gorkitheater), и являются по праву прецедентных имен «точками входа» в Берлинский культурный текст (ср. [АГАПОВА 2013]). Урбанистический ландшафт представлен многочисленными номинациями городской инфраструктуры (Plätze, Straßen, Bahnhöfe, Brücken, Restaurants, Kneipen, New-York-Sandwichbar, türkische Bäckerei, Gemüseladen), номинациями зданий (Häuser, Hochhäuser, Plattenbauten), номинациями элементов природного ландшафта города (dicke hohe Bäume, ein uralter Kastanienbaum, der Himmel über Kreuzberg), номинациями единиц транспорта и техники (Autos, Trabis, schwarze Mercedes, Kräne), культурными реалиями немецкого города (Weihnachtsmarkt, Weihnachtslichter). Номинации находящихся на улицах людей включают их количественные (Massen), профессиональные (dicke Männer in Volkspolizeijacken, Meute von Fußballern, Studenten), национальные (singende und bettelnde Zigeuner, Italosänger, Türken), гендерные и социально-политические характеристики (Mädels, Punks, türkische Hausfrauen, Homos, Ökofreaks, Asylanten). Все перечисленные типы являются для героя компонентами комплексного концепта-фрейма визуального типа БЕРЛИН и имеют в его сознании определенные контуры, характерные черты, т. е. то, что он видит на улицах Берлина в тот или иной момент повествования.

Когнитивная плотность единиц вербализации концепта-фрейма СТАМБУЛ в романе невысока, группа прецедентных имен представлена лишь отдельными единицами-символами Стамбула (die Blaue Moschee, die Hagia Sophia), нарицательных имен для обозначения городской инфраструктуры немного (Is-

tanbuler Bahnhof, Moscheen in Istanbul, Tavernen, Open-Air-Kinos, Bars, Cafés), немногочисленны номинации природного ландшафта (sieben Hügel, Meer, Magnolienbäume). Номинации людей отражают густонаселенность Стамбула (zwölf Millionen Menschen), сосуществование представителей разных религий (Moslems, Christen und Juden), характерные детали традиционной одежды (Leute in Schalvar und Tschador) и социальные особенности крупных мегаполисов (Transvestiten, Nutten mit ihren Freiern).

3.2. Идентичность с Берлином и Стамбулом

Оценка городов в романе тесно связана с личностной самоидентификацией, к основным средствам выражения которой относят воспоминание, самооценку и пересмотр (ср. [ЗВОНАРЕВА 2013]). К плану воспоминаний и пересмотра в романе относятся трактовки родителей Хасана и полемика с ними, к плану самооценки и пересмотра — описания своих переживаний. Эксплицируя расхождение эмоционально-аксиологических характеристик Берлина и Стамбула в представлениях отца, в отличие от своих собственных, Хасан выражает такие аспекты самоидентификации как «я не такой как отец», «я лучше понимаю настоящее». Как у Хасана, так и у его отца прослеживаются аспекты идентичности как со Стамбулом, так и с Берлином. Под идентичностью с городом понимается психологический конструкт, «когда город является частью биографии индивида как фактор места рождения, наличия собственности, развития социальной сети взаимосвязей в городе», субъективное отношение к городской инфраструктуре (СКАЛКИН 2018: 89). Так, оценка Берлина у отца, прожившего там большую часть жизни, очень эмоциональна и отрицательна: эмоциональность передается повторением усилителя *verdammt*, раздражение вызывает климат, ландшафт, социальная среда; несвобода внутри стены метафорически переосмысливается как несвобода запертой в клетке крысы:

- (1) ... diese verdammt kalte, nasse, graue Stadt. Kein Meer, keine Berge, noch nicht einmal einen verdammt HÜgel hat diese flache, platte Stadt. Die Mauer um dich herum, wie ein Rattenkäfig. Kiffer, Gestank, Hundescheiße, motzende Nachbarn... (KARA 2004: 125).

В речи Хасана присутствуют как положительные, так и отрицательные эксплицитные оценки. В примере (2) концептуальное соотношение героя и города другое; он локализует себя в центре

Берлина, причем этот центр просматривается по горизонтали, по вертикали и по оси времени, город переживается эмоционально, он буквально «теснится и напряженно работает» как внутри Хасана, так и во внешнем мире, строя новое будущее и закапывая развалины прошлого, вызывая противоречивые чувства любви и ненависти. Хасан проживает Берлин внутри и вокруг себя, что объясняется с психологической точки зрения его возрастом, так как юность — «это период, в котором индивид гораздо ближе к данному историческому моменту» (ЭРИКСОН 2010: 35).

(2) Am Potsdamer Platz blieb ich stehen... Über mir die Lichter von Kränen und Baustellen, unter mir die Trümmer vom Weltkrieg. In mir wühlte und drängte sich diese Stadt, diese flache Stadt, die ich zugleich liebte und hasste (KARA 2004: 382).

Положительная оценка Стамбула отцом Хасана, напротив, локализуется в воспоминаниях молодости, выражается комплексом образно-выразительных средств, через метонимию («город сияющих огней») и гиперболу («город городов»), персонификацию (Одалиска):

(3) Für Baba und Mama war Istanbul immer noch *die Stadt der glitzernden Lichter* ... Baba und Mama ... erlebten *eine magische Stadt*. *Istanbul ist wie eine alt gewordene Odaliske*, die unter ihrer faltigen Haut die Züge einer einstigen *Schönheit* trägt (Там же: 11).

Nur verdammte drei Stunden trennen dich von der *Stadt der Städte* (Там же: 125).

Полемизируя с отцом, Хасан оценивает Стамбул отрицательно; этот большой густонаселенный хаотичный город вызывает у него страх. Метафора города как когда-то красивой женщины остается и в его высказывании, но меняется функциональная составляющая: город теперь не просто свидетельство былой красоты, он пережил насилие и пытается из последних сил противостоять хаосу:

(4) Aber dieses Istanbul gab es nicht mehr. Jetzt lebten zwölf Millionen Menschen hier... Es war *chaotisch*. *Es war ätzend, hier zu leben*. *Ich konnte nie in Ruhe durch die Straßen spazieren gehen, ohne Angst zu haben, dass ich überfahren, überrumpelt werde...* Diese Stadt war *wie eine vergewaltigte Mätresse*, die dem ganzen Chaos mit letzter Kraft und *Schönheit* zu trotzen versuchte (Там же: 11-12).

Хасан, понимая социальное неравенство и особенности турецко-немецкого туристического бизнеса, делает сознательный

выбор против того, чтобы жить и работать в Стамбуле, возглавляя туристическое бюро:

- (5) Ich stellte mir vor, wie ich Touristen vom Flughafen abhole und sie dann durch *die Hagia Sophia* und *die Blaue Moschee* führe. Und wenn eine Touristin mich anmacht, würde ich mit ihr auf ihr Zimmer gehen. Das war oft *die Routine* für *Jungs im Reisegeschäft*... Doch jetzt fand ich es *zu platt, zu öde* (Там же: 17).

Знаковые здания Стамбула в отрывке — его культурные символы — противопоставлены практике оказания сексуальных услуг; здесь мы наблюдаем идентичность героя со знаком минус, он не хочет быть участником этого.

3.3. Берлин и Стамбул и формы персональной и социально-групповой идентичности в композиционных фокусах повествования

Выделенные нами в ходе анализа композиционные фокусы повествования — начало и концовка, сцены переживания героем «падения» и разрушения Берлинской стены, любовные переживания, знакомство со второй женой отца и сводным братом — являются одновременно точками переосмысления героем своей культурно-этнической идентичности. Элементы урбанистического ландшафта, служащие фоном событий, средствами оценки и формами эмоциональной привязки, помогают герою в этом осмыслении, выполняют функции маркеров идентичности. Гибридная идентичность персонажа проявляется на уровне нации, семьи, городов (Стамбула, Западного и Восточного Берлина), культур. Проанализируем динамику следующих форм персональной и социально-групповой идентичности персонажа: «я — турок и немец», «я — член турецко-немецкой семьи», «я — турок, житель Кройцберга», «я — турок, житель Западного Берлина», «я — турок, житель Берлина», «я — гражданин мира».

3.3.1. Турок и немец: топонимическая соотнесенность имени и сознательный выбор идентичности

В начале романа и в его заглавии прослеживаются в эксплицитной и косвенной форме указания на «гибридную идентичность» героя. Так, название — это по форме приветственная реплика, составленная из лексемы *Selam* (Wohlbefinden, Heil, в арабском *Friede*) (WANRIG 2007: 904) и названия города *Berlin*. Мы рассматриваем единицу *Selam* в данном контексте как лексический личностный индекс главного героя, свидетельствующий о его происхождении и готовности акцентировать свою

идентичность (ср. [КАРАСИК 2004: 15-16]). В первых строках герой еще несколько раз затрагивает вопрос своей личностной идентичности, соотнося ее с концептами БЕРЛИН и СТАМБУЛ:

(6) Mein Name ist Hasan Kazan. *In Berlin* nennen mich einige Leute „Hansi“, obwohl meine Eltern mir den schönen Namen Hasan Selim Khan gegeben haben...

Meine Eltern konnten ... nicht ahnen, dass uns Jahre später die Leute *Kanacken hier* und *Almancis dort* nennen würden. ... Egal, ich war, wie ich war. *Ich war ein Kreuzberger...* (КАРА 2004: 5)

Противопоставление полного звучного турецкого личного имени и пренебрежительного *Hansi* маркирует принадлежность в Берлине к менее уважаемой социальной группе, существование в обоих дискурсах — немецком и турецком специальных обозначений *Kanacken* и *Almancis* актуализирует дискурсивные структуры восприятия себя как немца в Турции и как турка в Германии. Чтобы «сгладить» остроту вопроса, Хасан использует тактику перехода на уровень меньшей региональной группы, определяя себя не по национальности, а по району города, месту своего рождения (*Kreuzberger*).

Рассуждая о предпосылках «кризиса идентичности», Эрикссон пишет:

«нельзя отделить ‘кризис идентичности’ отдельного человека от современных ему исторических кризисов, поскольку они помогают понять друг друга и действительно взаимосвязаны» (ЭРИКССОН 1996: 32).

Так события объединения Германии становятся точкой изменения идентичности героя: толчком к решению Хасана возвратиться из Стамбула в Берлин явились телевизионные кадры падения стены:

(7) *Trabis fuhren durch den Grenzübergang Bornholmerstraße nach Westberlin... Dicke Männer in Volkspolizei-Jacken umarmten und klopfen sich auf den Rücken. Sie wischten sich Tränen aus den Augen und waren so herzlich wie die Männer am Istanbuler Bahnhof... Glückliche, fröhliche Leute am Café Kranzler. Massen an der Mauer; auf der Mauer; auf meiner Graffiti-mauer... Plötzlich standen Straßen, Plätze, Orte meiner Kindheit im Interesse des Weltgeschehens... Ich wollte voll in die Berlin-Party miteinsteigen und alles mitmachen. Es gab nichts, was mich noch in Istanbul hielt... Ich hatte genug... von den dreckigen Straßen und neugierigen Leuten hier... Mein Entschluss stand fest* (КАРА 2004: 8-9).

В приведенном отрывке многочисленные детали городского ландшафта Берлина иллюстрируют ключевой момент истории города, что проявляется в назывании реалий того времени, эмоциональном настрое множества людей. Проявление сердечности жителей Берлина заставляет Хасана воспринимать их как «родных» через сравнение с соотечественниками (*wie die Männer am Istanbul-er Bahnhof*). Фрейм вокзала актуализирует связь с типичными стереотипными ситуациями проводов и встреч, что символизирует встречу Востока и Запада после разлуки. Другим толчком к идентификации является узнавание улиц и стены как локаций своего детства, элементов «идентичности с городом». События осмысливаются Хасаном как праздник (*Berlin-Party*), в котором он непременно хочет участвовать. Компоненты городского ландшафта Стамбула (*dreckige Straßen und neugierige Leute*) противопоставлены Берлину, Хасан отчетливо осознает, что хочет принадлежать к Берлину и стать частью его истории. В этом проявляется транскультурное эмоциональное позиционирование героя, признающего город своих предков частью себя, но делающего сознательный выбор в пользу второй родины (ср. [ЯДЧЕНКО 2019]).

3.3.2. Турецко-немецкая семья: урбанистические эмоциональные метафоры и сравнения

Семья является одной из базовых ценностей турецкой культуры, дискурсивная структура «мы — турецкая семья» реализуется на первых страницах романа. Описывая своих родителей в момент, когда они узнают о падении Берлинской стены, герой использует образное сравнение с воинами османского султаната, соотнося этот образ с элементом ландшафта Стамбула, расположенным в центре города дворцом Топкапи, являвшимся до середины XIX в. главным дворцом Османской империи, ставшего ныне музеем, хранящим главные мусульманские святыни, меч и плащ пророка Мухаммеда:

(8) *Wie starre Janitscharen im Topkapi-Palast von Istanbul saßen meine Eltern immer noch vor dem Fernseher* (KARA 2004: 6).

В сюжете романа происходит удвоение семьи Хасана: после падения стены он знакомится со второй женой отца Розой, немкой по происхождению и своим сводным братом Адемом. Собираясь вместе с отцом навестить их в Восточном Берлине, Хасан не решается сказать о предстоящем визите матери, гиперболизируя интенсивность ее гнева, тем самым проблемы семьи осмыс-

ливаются в категориях масштабной катастрофы, способной пошатнуть фундамент Берлина:

- (9) *Maма würde so einen Schrei ausstoßen, dass der asiatische Kontinent auf Europa prallte und ein Jahrtausendbeben Berlin in Fundamenten erschütterte* (Там же: 310).

В характеристиках Розы Хасан использует элементы городского ландшафта Берлина и Стамбула. Так, иронизируя по поводу свойственной Розе и нетипичной для турецких женщин предпринимательской энергии, стремления организовать бизнес по-своему и уверенности в своей правоте, он соотносит их с силами, способными «перекроить» Красную Ратушу в центре Берлина (9). Ассоциация с Красной Ратушей не случайна и маркирует конкретный момент действия в романе. В этом большом историческом здании красного кирпича, одном из архитектурных памятников центра Берлина, до объединения размещались Берлинское городское представительное собрание и магистрат Восточного Берлина ГДР, а с 1 октября 1991 г. — это резиденция правительства объединенной земли Берлин. Момент действия романа совпадает со сменой политической власти.

- (10) *Rosa hatte Power, damit hätte sie sogar das Rote Rathaus umkrempeln können* (Там же: 335).

Гибридная идентичность персонажа в приведенных характеристиках проявляется в использовании в дискурсе архитектурных и культурных символов городов и культур в качестве эмоциональных средств образности. Переносное употребление языкового элемента обуславливает «образный характер и эмоциональную насыщенность, а значит — его принадлежность к тезаурусному уровню» (ЛАППО 2018: 20), к тезаурусу Хасана в равной степени принадлежат номинации, связанные как с Берлином, так и со Стамбулом.

3.3.3. Турок, житель Кройцберга, Западного Берлина, объединенного Берлина

В дискурсе о своем родном районе Кройцберге Хасан одновременно реализует элементы немецкого и турецкого фразеологического тезауруса, так он описывает наиболее оживленный перекресток (*Kreuzung Adalbert-Oranienstraße*) образно-метафорически как «сердце Кройцберга» (*Herz Kreuzbergs*), употребляет устойчивое выражение *Dreh- und Angelpunkt* «Ort, an dem sich etw.

konzentriert oder entscheidet» (DWDS) и приводит турецкую половицу, синтаксическая структура которой формулирована по-английски «Where is *Hareket*, there is *Bereket*» (Wo Aktion ist, ist auch Profit) (KARA 2004: 24).

Динамика групповой идентичности Хасана с жителями Западного Берлина, наблюдающими изменения в своем городе, прослеживается в воспоминаниях детства, и размышлениях, сопровождающих события объединения. К периоду детства относится идентичность с другими подростками, живущими на той же улице (*ich mit einigen Jungs aus unserer Straße*), для которых стена была просто частью повседневного мира, местом для игр (*Für mich war die Mauer ein Spielplatz*) и катания на велосипеде (*führen wir mit unseren Bonanza Fahrrädern um die Wette immer an der Mauer entlang*). С падением стены связано переосмысление ее значения (*ein historisches Ereignis; ein Weltgeschehen*), для жителей Берлина эта точка нового осознания идентичности как западных, так и восточных немцев, и жителей объединенного города (ср. [FIX 2003]). Хасан эмоционально переживает историческое событие, современником которого стал:

(11) *Checkpoint Charlie war meine erste Station. Hier war was los... hier war Action, hier war Revolution, hier war ein Taifun losgebrochen. Niemand konnte ihn stoppen...Es war alles echt, alles pur, alles frei* (KARA 2004: 45-46).

Чекпойнт Чарли (КПП Чарли), долгие годы бывший точкой перехода из Западного Берлина в Восточный, совершенно преобразился. Героя переполняют ощущения масштаба события, которое он метафорически сравнивает с тайфуном и принимает его полностью, что подчеркивается повтором *alles* и положительными коннотациями лексем *echt, pur, frei*.

За открытием границ следует уничтожение стены, которое воспринимается уже не однозначно. С одной стороны, герой сравнивает работы строителей, разрушающих стену, с вывозом мусора:

So als wäre gerade die Müllabfuhr dagewesen und hätte alles mitgenommen, den Mist von dreißig, vierzig Jahren (Там же: 305);

с другой, — как житель города, для которого стена была частью биографии, Хасан испытывает раздражение и гнев:

(12) *Ich dachte an die Zeit, als wir nachts Dosen leer sprühten. Träume, Visionen, Stimmungen an der Mauer entwarfen. Jetzt rissen sie sie ein-*

fach ab. Ich fand es Scheiße, dass *diese lange Leinwand* einfach verschwand. Schließlich war sie ein *Teil unserer Straße* (Там же).

В сценах интенсивного переживания любви к Коре Хасан вступает в мысленный диалог с поэтами уличных граффити и тем самым в диалог с городом:

(13) *In der Nähe vom Brandenburger Tor blieb ich stehen... Vor uns Baustelle, Mauerreste mit zerschlagenen Graffiti. Auf einem Betonblock stand ein Gedicht*

Die Küsse der Liebenden machen mir keine Angst...

Diese Nacht würde mir *einen neuen Namen* geben.

О да, Cora würde mir *einen neuen Namen* geben... (Там же: 268).

В своей любви он думает обрести некую новую идентичность, получить «новое имя». Отражение своих мыслей он находит у неизвестного поэта, строки которого тоже через некоторое время исчезнут с улиц города.

В поисках работы Хасан получает роль в фильме о Берлине, в котором по иронии судьбы вместе со сводным братом играет молодого турецкого преступника. Он помогает режиссеру Вольфу, приехавшему из бывшей Восточной части Германии, в поисках мест для съемок криминальных сцен. В диалоге в Вольфом Хасан проявляет идентичность с Западным немцем, более осведомленным об истории города. Показывая Вольфу один из районов Кройцберга, Хасан упоминает так называемый *Volle Geschäft*, удивляясь, что для Вольфа ни название магазина, ни дата 1 мая 1987 г. ничего не говорят:

(14) — *Erster Mai 87, Randale, sagt dir das nichts?*

— Erster Mai, — wiederholte Wolf, — da fahre ich immer an die Nordsee. Auf Sylt...

Alle Welt wusste, was am ersten Mai passiert. Hier war action! Hier flogen Pflastersteine im hohen Bogen; hier klirrten Scheiben; Wasserwerfer und Sirenen waren im Einsatz, und er fuhr nach Sylt. Ha! (Там же: 240).

Отсутствие в когнитивном опыте Вольфа соответствующей информации объясняется разными трактовками событий в СМИ Востока и Запада, следствием стал тот факт, что некоторые названия вместе с их символическими значениями восточным немцам приходилось «узнавать заново».

«Auch Namen von Straßen und Schulen, mit ihrer symbolischen Bedeutung und ihrem Angebot zur Identifikation mit ihnen und dem, was sie symbolisieren ...» (ТНМ-МАВРЕЙ 2003: 11).

Другой аспект идентичности Хасана с жителями Берлина и представителями немецкой культуры раскрывается в его внутреннем диалоге с самим собой:

- (15) *Auf der anderen Seite der Brücke, die Maaßenstraße — Winterfeldplatz... Hier war alles absolut in... Ey Alter, durch diese Straßen ging zu einer anderen Zeit Erwin Piscator zum Metropol-Theater nebenan. Brecht, Fallada und Robert Musil haben hier gelebt und gearbeitet... Hier war schon immer eine Szene gewesen. Immer!* (KARA 2004: 195).

Городская топонимика для него в этом отрывке — вход в Берлинский культурный текст. Интенсивность и эмоциональность переживания чувства причастности к великим людям, которые ходили по этим же улицам, здесь жили и работали, подчеркивается синтаксическими и лексическими повторами в высказываниях *Hier war alles absolut in; Hier war schon immer eine Szene gewesen*, усилением *absolut*.

3.3.4. Гражданин мира

На последних страницах романа герой ощущает себя «гражданином мира», «кочевником», желающим уехать прочь из знакомых мест. Перечисление городов и городских реалий выстроено по линии Запад — Восток и не привязано ни к национальности, ни к культуре. Здесь реализуется дискурсивная структура «открытой» идентичности, герой сознательно отказывается от каких-либо задаваемых той или иной формой рамок.

- (16) *Der Nomade in mir trieb mich zu neuen Orten, Plätzen, Städten und Straßen. Ich wollte weiter nach Westen, nach London, New York, San Francisco oder nach Osten? Nach Tokio, Teheran, Taschkent. Flughäfen, Bahnhöfe, Hotelzimmer. Nicht hier, nicht da. Einfach fort sein. Ja, das wollte ich, hey, ho, let's go!* (Там же: 382).

Для него важны здесь свобода выбора и возможность устремиться к чему-то новому.

4. Заключение и выводы

В ходе исследования удалось выявить комплекс средств вербализации урбанистического ландшафта Берлина и Стамбула и проанализировать на основании контекстов их употребления следующие аспекты идентичности: 1) динамику персональной идентичности индивида (я — это...); 2) динамику групповой идентичности индивида (мы — это...); 3) психолого-поведенческие тактики принятия / непринятия того или иного вида идентичности (я — (не) есть X); 4) ключевые моменты осмысления и переосмысле-

ния идентичности (я считал себя X, теперь я — Y) ; 5) виды отражения в речи осознания идентичности (описание, диалог); 6) маркеры «интериоризации» героем единиц вербализации урбанистического ландшафта.

В аспекте интерпретации проявленной в речи культурно-этнической идентичности имена собственные — топонимы — рассматриваются как «входы» или «маркеры» идентичности разных видов: идентичности с городом, понимаемой как включение города в часть биографии и формирование субъективного отношения к нему, идентичности с социальной группой разного уровня (семьей, сверстниками-мигрантами, жителями Западного Берлина).

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Абашева М. П., Серина А. И. Точки входа: города Урала в «Антологии уральской поэзии» // Вестник ЧелГУ. 2014. № 23 (352). С. 115—120. [Abasheva, Marina P., & Serina, Anastasiya I. (2014) Tochki vkhoda: goroda Urala v “Antologii ural’skoi poezii” (Entry Points: the Cities of the Urals in the “Anthology of Urals poetry”). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 23 (352), 115—120. (In Russian)].
- Агапова А. В., Мамонова Е. Ю. Берлин как текст в немецкой и русской лингвокультурах // Индустрия перевода. 2013. № 1. С. 306—312. [Agapova, Aleksandra V., & Mamonova, Yelena Yu. (2013) Berlin kak tekst v nemetskoy i russkoy lingvokul’turakh (Berlin as a Text in German and Russian Linguistic Cultures). *Industriya perevoda* (Industry of Translation), 1, 306—312. (In Russian)].
- Анохина А. А. Поиск идентичности в немецкой прозе мигрантов бывшего СССР (рубеж XX — XXI веков): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Калининград: Балтийский федер. ун-т им. Иммануила Канта, 2019. [Anokhina, Anastasiya A. (2019) *Poisk identichnosti v nemetskoy proze migrantov byvshego SSSR (rubezh XX — XXI vekov)* (The Search for Identity in the German Prose by Migrants of the Former USSR (the Turn of the 20th — 21th Centuries). PhD thesis in Philology. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University. (In Russian)].
- Енина Л. В. Идентичность в лингвистических исследованиях: когнитивный подход // Известия Уральского федер. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. Т. 81. № 4. С. 162—168. [Yenina, Lidiya V. (2010) Identichnost’ v lingvisticheskikh issledovaniyakh: kognitivnyy podkhod (Identity in Linguistic Research: A Cognitive Approach). *Izvestia. Ural Federal University Journal, Series 1: Issues in Education, Science and Culture*, Vol. 81, 4, 162—168. (In Russian)].
- Звонарева Ю. В. Лингвистические средства идентификации личности в

- литературной автобиографии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2013. [Zvonareva, Yuliya V. (2013) *Lingvisticheskiye sredstva identifikatsii lichnosti v literaturnoy avtobiografii* (Linguistic Means of Personal Identification in Literary Autobiography). PhD thesis in Philology. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University. (In Russian)].
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. [Karasik, Vladimir I. (2004) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* (Language Circle: Personality, Concepts, Discourse). Moscow: Gnosis. (In Russian)].
- Карасик В. И. Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы / под ред. В. И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 25—62. [Karasik, Vladimir I. (2005) *Lingvokul'turnyy tipazh "russkii intelligent"* (Linguocultural Type "Russian intellectual"). In Karasik, Vladimir I. (ed.) *Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi* (Axiological Linguistics: Linguocultural Types). Volgograd: Paradigma, 25—62. (In Russian)].
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010. [Karaulov, Yuriy N. (2010) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* (Russian Language and Linguistic Personality). Moscow: LKI. (In Russian)].
- Кострова О. А. Концептуальное представление среды обитания в локальных историях из Людвигсбурга // Поволжский педагогический вестник. 2019. Т. 7. № 4 (25). С. 96—102. [Kostrova, Olga A. (2019) *Kontseptual'noye predstavleniye sredy obitaniya v lokal'nykh istoriyakh iz Lyudvigsburga* (Conceptual Representation of the Habitat in Local Stories from Ludwigsburg). *Povolzhskiy pedagogicheskiy vestnik* (Volga Pedagogical Bulletin), Vol. 7, 4 (25), 96—102. (In Russian)].
- Красных В. В. Лингвокультурная идентичность Homo Loquens // МИРС. 2007. № 4. С. 11—15. [Krasnykh, Viktoriya V. (2007) *Lingvokul'turnaya identichnost' Homo Loquens* (Linguocultural Identity of Homo Loquens). *The World of Russian Word* (The Scholarly and Methodological Journal), 4, 11—15. (In Russian)].
- Ланно М. А. Самоидентификационный дискурс русской элитарной языковой личности: автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.01. Новосибирск: Новосибирский гос. пед. ун-т, 2018. [Lappo, Marina A. (2018) *Samoidentifikatsionnyy diskurs russkoy elitarnoy yazykovoy lichnosti* (Self-identification Discourse of Russian Elite Linguistic Personality). Advanced PhD thesis in Philology. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. (In Russian)].
- Леонтович О. А. «Зеркало, в котором каждый показывает свой лик»: дискурсивное конструирование идентичностей // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Лингвистика.

2017. Т. 21. № 2. С. 247—259. [Leontovich, Olga A. (2017) «Zerkalo, v kotorom kazhdy pokazyvayet svoi lik»: diskursivnoye konstruirovaniye identichnostey (“A Mirror in which Everyone Displays their Image”: Identity Construction in Discourse). *Russian Journal of Linguistics*, 21 (2), 247—259. (In Russian)].
- Лутовинова О. В. «Лингвокультурный типаж» в ряду смежных понятий, используемых для исследования языковой личности // Уч. зап. ЗабГУ. Сер.: Филология, история, востоковедение. 2009. № 3 (Электронный ресурс). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-tipazh-v-ryadu-smezhnyh-ponyatiy-ispolzuemykh-dlya-issledovaniya-yazykovoy-lichnosti> (дата обращения: 02.02.2021). [Lutovinova, Olga V. (2009) “Lingvokul’turnyy tipazh” v ryadu smezhnykh ponyatiy, ispol’zuemykh dlya issledovaniya yazykovoy lichnosti (“Linguocultural Type” in the Row of Allied Concepts Used for Linguistic Personality Research). *Scientific Notes of the Transbaikal State University*, Series: Filologiya, istoriya, vostokovedeniye (Philology, History, Oriental Studies), 3. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-tipazh-v-ryadu-smezhnyh-ponyatiy-ispolzuemykh-dlya-issledovaniya-yazykovoy-lichnosti>. (In Russian)].
- Озюменко В. И., Горностаева А. А., Борисова А. С. Идентичность в современных лингвистических исследованиях // Cuadernos de Rusística Española. 2019. № 15. С. 87—99. [Ozyumenko, Vladimir I.; Gornostayeva, Anna A., & Borisova, Anna S. (2019) Identichnost’ v sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniyakh (Identity in Contemporary Linguistic Studies). *Cuadernos de Rusística Española*, 15, 87—99. (In Russian)]. doi: <https://doi.org/10.30827/CRE.V15I0.11259>.
- Перфильева З. Е. Основные тенденции немецко-турецкой литературы Германии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 5. С. 97—102. [Perfilyeva, Zinaida Ye. (2020) Osnovnyye tendentsii nemetsko-turetskoy literatury Germanii (Basic Trends of Turkish Immigration Literature in Germany). *Philology. Theory & Practice*, 5, 97—102. (In Russian)]. doi: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.19>
- Романова Т. В. Когнитивный анализ текста: работа над методологическими ошибками // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2013. № 1. С. 170—181. [Romanova, Tatyana V. (2013) Kognitivnyy analiz teksta: rabota nad metodologicheskimi oshibkami (Cognitive Analysis of Text: Working on Methodological Mistakes). *Teoreticheskiye i prikladnyye aspekty izucheniya rechevoy deyatel’nosti* (Theoretical and Applied Aspects of Speech Activity Study), 1, 170—181. (In Russian)].

- Скалкин А. А. Архитектурная идентичность города: понятие и методология исследования // *Архитектура и современные информационные технологии*. 2018. № 2 (43). С. 87—97. [Skalkin, Artem A. (2018) *Arkhitekturnaya identichnost' goroda: ponyatiye i metodologiya issledovaniya* (Architectural Identity of the City: Concept and Research Methods). *Architecture and Modern Information Technologies*, 2 (43), 87—97. (In Russian)].
- Тарасова И. А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы. М.: ИНФРА-М, 2020. [Tarasova, Irina A. (2020) *Kognitivnaya poetika: predmet, terminologiya, metody* (Cognitive Poetics: Subject, Terminology, Methods). Moscow: INFRA-M. (In Russian)].
- Шаховский В. И. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Сер.: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 1. С. 54—79. [Shakhovskiy, Viktor I. (2018) *Kognitivnaya matritsa emotsional'no-kommunikativnoy lichnosti* (Cognitive Matrix of Emotional-Communicative Personality). *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 54—79. (In Russian)]. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-54-79.
- Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс. 1996. [Eriksson, Erik H. (1996) *Identity: Youth and Crisis*. Moscow: Progress Publishers. (In Russian)].
- Ядченко Е. И. Дискурсивный конструкт «гибридная идентичность турецких мигрантов в Германии»: реконструкция и описание // *Беларусь в современном мире*. Материалы XVIII Междунар. науч. конф., посвящ. 98-летию образования Белорус. гос. ун-та. Минск: БГУ. 2019. С. 494—499. [Yadchenko, Yekaterina I. (2019) *Diskursivnyy konstrukt "gibridnaya identichnost' turetskikh migrantov v Germanii": rekonstruktsiya i opisaniye* (Discourse Construction "Hybrid Identity of Turkish Migrants in Germany": Reconstruction and Description). *Belarus' v sovremennom mire. Materialy konferentsii* (Belarus in the Modern World. Conference Papers). Minsk: Belarus State University, 494—499. (In Russian)].
- DWDS — *Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart*. (2021, January 20) Retrieved from <https://www.dwds.de>.
- Eroms, Hans-Werner. (2003) *Identität durch Sprache in der neuen deutschen Literatur*. In Janich, Nina, & Thim-Mabrey, Christiane. (eds) *Sprachidentität — Identität durch Sprache*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 137—154.
- Fix, Ulla. (2003) *Identität durch Sprache — eine nachträgliche Konstruktion?* In Janich, Nina, & Thim-Mabrey, Christiane. (eds) *Sprachidentität — Identität durch Sprache*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 107—124.
- Hofmann, Michael. (2006) *Interkulturelle Literaturwissenschaft. Eine Einfüh-*

- rung. Paderborn: Wilhelm Fink Verlag.
- Hinderling, Robert. (2003) *Wej mir sog'n*. Sprache und Identität des Mundartsprechers in Nordostbayern. Erfahrungen bei der Erhebung des Materials für den Sprachatlas von Nordostbayern. In Janich, Nina, & Thim-Mabrey, Christiane. (eds) *Sprachidentität — Identität durch Sprache*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 125—136.
- Kara, Yade. (2004) *Selam Berlin*. Zürich: Diogenes Verlag AG.
- Nubing, Damaris; Fahlbusch, Fabian, & Heuser, Rita. (2012) *Namen. Eine Einführung in die Onomastik*. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag.
- Oppenrieder, Wilhelm, & Thurmair, Maria. (2003) Sprachidentität im Kontext der Mehrsprachigkeit. In Janich, Nina, & Thim-Mabrey, Christiane. (eds) *Sprachidentität — Identität durch Sprache*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 39—60.
- Thim-Mabrey, Christiane. (2003) Sprachidentität — Identität durch Sprache. Ein Problemaufriss aus sprachwissenschaftlicher Sicht. In Janich, Nina, & Thim-Mabrey, Christiane. (eds) *Sprachidentität — Identität durch Sprache*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1—18.
- Wahrig-Burfeind, Renate. (2007) *Fremdwörterlexikon*. Gütersloh; München: Wissen Media Verlag GMBH.

Yekaterina V. Bepalova
Samara National Research University
named after Academician S. P. Korolev (Samara University)

Urban Landscape as a Means of Creating the Hybrid Cultural and Ethnic Identity

In the mainstream of an interdisciplinary cognitive-discursive approach to the analysis of a fictional text, the author identifies the ways of revealing forms of hybrid identity based on verbalization means of the conceptual structure CITY in the novel *Selam Berlin* by Yade Kara. The aim of the study is to trace the relationship between the conceptual structures of BERLIN and ISTANBUL with aspects of the hybrid cultural and ethnic identity of the migrant character based on his discourse. The author discovers many means that show different aspects of character's hybrid identity with two cities and two cultures and his identity with social groups of different levels (family, migrant peers, residents of West Berlin). The article subsumes the means of verbalizing urbanistic conceptual structures as markers of hybrid cultural and ethnic identity.

Keywords: urban landscape; concept-frame; hybrid identity; identity marker; character's discourse

Н. А. Голубева

Нижегородский государственный лингвистический университет

КАТЕГОРИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ КАК ОБЪЕКТ ПРЕЦЕДЕНТНОЙ ЛИНГВИСТИКИ*

В статье рассматривается вторичная неопределенность как семантическая категория в рамках теории языковой прецедентности. Автор моделирует подлежащие анализу языковые единицы с производной неопределенностью. Эмпирическую базу составляют несколько языковых моделей в современном немецком языке — фразеологизированные синтаксические структуры типа *der und der, ein bestimmter X* и специфический семантический кластер существительных типа *der Dings, Datum, Name, Person* и др. В ходе исследования выявляется «референциальное расщепление» анализируемых единиц, обусловленное их дискурсивными характеристиками. Эти единицы имплицитно содержат смысл пропозиции, который является их когнитивной базой, их коммуникативным прецедентом. Как пропозициональные субстраты с семантической и синтаксической редукцией анализируемые единицы репрезентируют цитированную речь и являются прецедентными единицами. Одновременно они индицируют преобразование первичной категории определенности в категорию вторичной неопределенности, то есть являются маркерами грамматической перекатегоризации.

Ключевые слова: вторичная неопределенность; фразеосинтаксема; цитированная и/или редуцированная речь; прецедентная единица

1. Вводные замечания

Целью настоящей статьи является рассмотрение и обоснование вторичной грамматической природы неопределенности на примере определенного разряда лексикализованных синтаксических структур и семантического кластера лексем в современном немецком языке, которые как носители производного грамматического значения являются прецедентными.

Анализ эмпирического материала очерчивается метатекстовыми выражениями типа *x-und-x (der und der, da und da), ein bestimmter/gewisser X* и существительными *der Dings, Datum, Name, Person* и др. Эти языковые единицы выражают производное

---

* Статья отражает содержание доклада, сделанного автором на XXXVII конференции DAAD „Deutschsprachige Texte: Produktion und Erschließung“ (Тюмень, 27.05.2021).

грамматическое значение неопределенности, в противоположность лексемам *jemand*, *etwas* и *irgendwo*, которые реализуют первичную (примарную) грамматическую неопределенность.

Научная практика отечественных и зарубежных лингвистов на материале разных языков показывает, что проблема грамматически и лексически выражаемой неопределенности многовекторна. Наша гипотеза о вторичной неопределенности представляет когнитивную теорию языка и предполагает в ее рамках обоснование некоторых положений концепции языковой прецедентности, так как интересующие нас языковые феномены подвержены процессам десемантизации и, как следствие, грамматикализации. В соответствии с этим в центре внимания находятся лингвистические и когнитивные основы анализируемых единиц.

Интерес и проблематика исследования обусловлены далее не только собственно грамматической производной функцией этих единиц — выражать не определенность, предписанную им первичной идентифицирующей референцией, а неопределенность с интродуктивной референцией. Одновременно они воспроизводят представленный ранее текст, передают уже имевшие место в коммуникации фрагменты речи, то есть выполняют идентифицирующую текстовую функцию. Подобная «референциальная расщепленность» позволяет признать эти языковые единицы специфичными и вовлечь в орбиту обсуждения целый ряд сопредельных лингвистических понятий и терминов, таких как «цитированная» и/или «редуцированная» речь в рамках «цитатного» и «прецедентного» мышления, виды референции и др.

Эмпирическая база предопределяет, таким образом, рассмотрение системно-языкового уровня функционирования этих единиц, а также некоторых теоретических предпосылок, связанных с оптимизацией моделирования текста. Вторичная, в терминах прецедентной лингвистики, прецедентная функция этих языковых единиц обусловлена, как будет показано ниже, прагматическими и стилистическими факторами и играет важную роль в организации текста и дискурса. Сказанное указывает на актуальность и новизну предпринимаемого фрагмента исследования.

2. Прецедентность как семиотический признак вторичной неопределенности

Осмысление деривационных возможностей языкового знака с признаком «вторично», читай: *производно*, неизбежно выводит

исследователя на его (знака) производную функцию, то есть его «функциональную этимологию» (термин Э. Конрада [ENGLISH 1994]). На примере вторичной неопределенности, которую объективируют конкретные языковые средства, можно говорить о семантической перекатегоризации, или вторичной категоризации.

Согласно нашей гипотезе, все средства репрезентации вторичной неопределенности поддаются когнитивному моделированию в рамках концепта ПРЕЦЕДЕНТ и являются на основе их языковой производности прецедентными единицами. Прецедентная единица, как нами сформулировано раньше в (ГОЛУБЕВА 2009), понимается как языковой элемент, который объективирует определенный когнитивный контекст, раскрывающий его генетическую связь с языковым и/или коммуникативным прецедентом (прообразом), и имеет статус производности — выступает либо производным, либо производящим языковым знаком.

Проблема описания прецедентных отношений в языке не нова. Она берет свое начало в рамках деривационных отношений немецкого синтаксиса. Французский германист Жан Фуркье выявил отношение производности — *Präzedenzbeziehung* «прецедентное отношение» между второй позицией *Verbum_{fin}* в простом повествовательном предложении в синхронии и конечной позицией *Verbum_{fin}* в диахронии, на основании чего вторая позиция предиката сегодня считается производной (FOURQUET 1974). Таким образом, синтаксическая позиция спрягаемого глагола в диахронии является языковым (грамматическим) прецедентом для его синтаксической позиции в синхронии.

В целом существование производных отношений в синтаксисе можно проследить на многих языковых феноменах уже в рамках универсальной грамматики, отталкиваясь от теории Н. Хомского о моделировании систем знания. Ученый полагает, что когнитивная база языковой структуры имплицитно подразумевает постоянное возвращение грамматически одинакового содержания (цит. по: [KANNGIEBER 2006: 10]). Подтверждение этому тезису нашлось уже при исследовании вторичных, анафорических функций причастий в современном немецком языке типа *das Obengesagte, die obengenante These, folgendes* и др., которые являются маркерами цитированной редуцированной речи (ГОЛУБЕВА 1991). Это мы увидим также в ходе анализа другого эмпирического материала ниже в (1.2. — 1.4.). Нашей задачей при этом станет определение

вида прецедента для анализируемых единиц.

В этой связи представим кратко авторский взгляд на понимание прецедентов. Осмысление когнитивных и лингвистических основ прообразов производных языковых единиц позволяет выделить в целом два вида прецедентов: языковой и коммуникативный. Они являются первичными семиотическими логико-содержательными прототипами прецедентного знака. Прецедентный языковой знак получает, таким образом, две дейктические проекции: системно-языковую и дискурсивную. Первую проекцию реализует *языковой прецедент*. Он может быть *лексическим*: heute ‘сегодня’ ← heutig ‘сегодняшний’; Kalb ‘тенок’ ← kalben ‘телиться’; prüfen ‘экзаменовать’ ← Prüfling ‘экзаменуемый’ и др. Языковой прецедент может быть *грамматическим*, например, Das Haus wird gebaut ‘дом строится’. ← Das Haus ist im Bau ‘дом в стадии строительства’ или, как в случае с порядком слов, описанном выше. Грамматическим прецедентом выступает морфема как абстрактный инвариант для производных конкретных ее вариантов — (алло)морфов, ср.: lesen ‘читать’ — liest ‘ты читаешь’ — lasen ‘мы/они читали’ — läsen ‘мы/они читали бы’. Аналогично, языковым *фонетическим* прецедентом может служить фонема по отношению к (алло)фону.

Вторая проекция реализуется *коммуникативным* прецедентом, который также может быть лексическим и/или грамматическим. Например, коммуникативным лексическим прецедентом обусловлено функционирование художественной (индивидуально-авторской) метафоры. Она передает ситуативное, образное мышление, возникающее в ходе коммуникации, и реализует вторичную модель мировосприятия, например:

- (1) Tiefeinsamkeit spannt weit die schönen Flügel (FLEISCHER 1983: 465) — Глубокое одиночество расправляет прекрасные крылья.

В примере (2) можно проследить реализацию коммуникативного грамматического прецедента в дискурсе:

- (2) [...] zu deren inhaltlicher Vollgültigkeit noch *etwas fehlt*. Ist *dieses Fehlende* die reale Erfüllung [...] (SCHMIDT, 221) — [...] для содержательной полноты которой *что-то еще отсутствует*. Является *это отсутствующее* реальным выполнением ...

Как известно, знания, которыми располагает человек, подлежат классификации. В приведенных выше примерах реализо-

вано языковое знание. Вместе с тем моделированию подлежит энциклопедическое знание, обуславливающее существование *эпистемического* прецедента. Этот вид прецедента составляет когнитивную базу прецедентных феноменов и отражен во многих лексических метафорах, например, *Engelsgeduld* 'ангельское терпение', *Potemkinsche Dörfer* 'потемкинские деревни', *Lazarus singen* 'петь Лазаря', а также в грамматических понятиях и терминах как прецедентная научная идея, например, *der Labov-Tassenexperiment*, *das de Saussuresche Postulat*. Обсуждаемый нами выше *Fourquets Befund* 'постулат Фуркье' также относится к прецедентным идеям.

3. Онто- и филогенез структур *x-und-x*

В подтверждение актуальности наметившейся научной дискуссии заметим, что автономно функционирующие указательные местоимения *der, die, das*, мн. число *die*, входящие в структуру предмета нашего рассмотрения, в онтогенезе выражают грамматическое значение определенности и способны «заменять некоторые структурные элементы из предшествующего (реже последующего) контекста» (ФИЛИППОВ 2008: 9). То есть они выполняют указательно-заместительную функцию и создают, по мнению Ю. С. Маслова, «особую систему, параллельную системе назывных частей речи и в «миниатюре» своеобразно дублирующую ее» (МАСЛОВ 1987: 166). Например:

- (3) Wer also läutet die Glocken Roms? *Der Geist* der Erzählung. Kann denn *der* überall sein ...? (ERBEN 1966: 204)

Немецкий ученый Х. Вайнрих называет эти местоимения в указательно-заместительной роли «референциальными местоимениями» («Referenz-Pronomina»), информационный профиль которых формируется контекстом и ситуацией (WEINRICH 1993: 94-98), а, по словам Дж. Лакоффа, «исследование проблем прономинализации и референции вообще является одной из центральных задач описания синтаксиса» (LAKOFF 1970: 15).

Морфосинтаксическая организация структуры типа *x-und-x* (*der und der, da und da, so und so* и др.) на первый взгляд не отличается от устойчивого морфемного ряда типа *lieb und lieb, mehr und mehr, gleich und gleich*, который реализует значение усиления признака действия или состояния. Одновременно структуры *x-und-x* отличаются также от словосочетаний, в кото-

рых отдельно стоящие морфемы связываются союзом *und* типа *derjenige und jener* и др., хотя и те, и другие являются омофонами. По этой причине из анализа исключаются формы *dereg und denen*, то есть формы род. и дат. п. мн. ч. субстантивно употребляемого определенного местоимения *der*. Из языковой практики известно, что вместо выражения *die und die Leute* можно сказать *die und die*, в то время как выражения *mit den und den Leuten* нельзя заменить структурой *mit denen und denen*.

Далее следует заметить, что интересующие нас структуры моделируются фразеосинтаксемой. Под этим термином понимается фразеологическая единица, построенная по модели двух- или трехсловного словосочетания, а также по модели простого предложения (полного или неполного), которая включается в строй предложения-высказывания и занимает в предложении какую-либо синтаксическую позицию. Ее строевые элементы по отдельности сохраняют синтаксическую и семантическую связь друг с другом, содействуя передаче общего фразеологического значения (ВЕТРОВ 2007).

Отличительной грамматической особенностью структур *x-und-x* является также их морфемный состав. Это есть субстантивные или адverbиальные *односложные* указательные местоимения, которые одной фразой объективируют производный фрагмент текста. Например:

- (4) *Am Silvesterabend waren wir bei unseren Kollegen, einem Ehepaar, zu Besuch. Leider war der Ehemann bis zum vereinbarten Termin nicht zu Hause. Da sagte mein Freund: „Wenn dein Kollege bis dann und dann nicht da ist, dann gehen wir“.*
- (5) *Gestern ist mein Sohn spät nach Hause gekommen, aber hat mal ehrlich angegeben: Nach dem Deutschunterricht sei er noch da und da gewesen, da habe er den und den getroffen.*
- (6) *Ich habe meiner Tochter alles gut erklärt: „Zur Party musst du dich soundso kleiden. Dann kannst du nicht auffallen.“*

Выражение *dann und dann* в (4) репрезентирует ранее представленный в дискурсе конкретный временной параметр, например, с 19 до 20 часов, в (5) — определенную локализацию мест, например, библиотеку, дома у друга и определенные лица, бывшие соседи, знакомые, в (6) — *bescheiden, nicht aufreizend*.

Таким образом, сферой употребления этих фразеосинтаксем является разговорная речь. Их классическая структурная

модель реализует только *один денотат* локальной, темпоральной, модальной или персональной сущности, интерпретативный потенциал которого формируется тексто-, дискурсивно-грамматическими условиями. Предложения с языковыми единицами данного типа имеют статус не актуальной, а цитированной и одновременно редуцированной речи, то есть они репрезентируют вторичный текст. Эти предложения, функционирующие, как правило, с метакомпонентом *X сказал*, должны быть включенными в более широкий контекст или, по меньшей мере, обнаруживать текстуальность как определенную сложность внутреннего структурирования текста.

Предложения с *x-und-x* отображают в некотором смысле отчуждение авторской речи от речи цитируемого, которая заключается в информативной редукции. Там, где в актуальной речи стояли бы, к примеру, *Ehmann* (супруг) и *Sohn* (сын) или *in Berlin und in Moskau* (в Берлине и в Москве), во вторичном тексте их заменят выражения *der und der* и соответственно *da und da*. Таким образом, мы приблизились к пониманию термина «цитированная речь», «редуцированная речь» которая рассматривается в контексте «неактуальной» — прямой и косвенной речи, хотя по своему пословному составу и звучанию актуальная речь может совпадать с прямой и косвенной (HARWEG 1972). Цитированная речь понимается не в узком смысле как содержащая прямую цитату (повторение в другом тексте чужой актуальной речи), а в широком, как речь с метаязыковыми семантическими признаками цитаты. В нашем случае *x-und-x*-структуры являются частью словесного субстрата цитаты.

Однако среди структур типа *x-und-x* не все обслуживают цитированную речь, трансформированный текст. Этот фактор, как отмечено выше, строго обусловлен контекстом. Например:

- (7) Sie können es *so und so* machen, wählen Sie eine Variante.
 (8) Mir gefallen viele Kleider hier, ich nehme mir trotzdem *das und das*.

В примерах (7) и (8) структуры *so und so* и *das und das* выполняют указательно-заместительную функцию первичного (примарного) дейксиса, в то время как в (4-6) ими реализуется дейксис производный, выражающий вторичную неопределенность. Кроме того, структуры в (7-8) являются свободными словосочетаниями в отличие от омонимов в (4-6) и могут иметь при

себе атрибут, как в (9):

(9) Sie können *so (in Stoff) und so (in Papier)* machen, wählen Sie eine Variante.

Исследовательского внимания в этом смысле заслуживают также *не-дейктические* омонимичные выражения с заместительной функцией *hier und da* (повсюду), *heute und morgen* (сегодня и завтра) которые встречаются не в цитированной речи, а в общезыковом употреблении, например:

(10) *Hier und da* gibt es heute viele Probleme.

(11) Unser Sohn weiß nicht, was er will. *Heute* will er *hier* wohnen und *morgen da*.

Этот тип адвербиальных языковых единиц выражает, вместе с тем, также производное значение. Они не реализуют больше идентифицирующую референцию, подверглись лексикализации и существуют как готовые языковые формы со значением неопределенности в противоположность их первичному значению определенности (дейксис места и времени), демонстрируя при этом отношение языковой производности, прецедентное отношение, в терминах прецедентной лингвистики (ГОЛУБЕВА 2009).

4. Существительные как маркеры прецедентной неопределенности

Вторую функциональную сферу эмпирической базы образует группа существительных, также реализующих редуцированную речь. В нее входит очень маленькая часть субстантивного словарного фонда. Но как бы мал ни был этот разряд существительных (*Grund, Name, Termin* и др.) в рамках нашего анализа он заслуживает описания. Грамматическую специфичность этих существительных обуславливают два плана их употребления — контекстуально-синтагматический и семантико-парадигматический.

Как и для рассмотренных выше языковых единиц, реализующих вторичную (прецедентную) неопределенность в ракурсе редуцированной речи, *контекстуально-синтагматическими* условиями употребления данного кластера существительных выступают выражения, связанные с *говорением*. Но если косвенные вопросительные слова (*wer, was, wo* и др.), отвлекаясь от лексем говорения (*sagen, nennen* и др.), мотивируются только лишь лексемами, обозначающими вопрос, знание или степень предположения, что может стать предметом самостоятельного рас-

смотрения, то употребление анализируемых существительных, как показывает языковой опыт, зависит от практически необозримого множества выражений.

Вопреки ожиданию глагол *sagen* не является прототипическим в этом ряду. Он уступает по частотности употребления глаголу *peppen*, хотя в целом число глаголов-стимулов для существительных с прецедентной неопределенностью невелико. Кроме двух названных, этот немногочисленный ряд представляют *benennen*, *mitteilen*, *übermitteln*, *aufschreiben*, *durchgeben*, *angeben*, *verraten*, *anführen*, *eintragen*, *vereinbaren*, *hinterlassen* и на первый взгляд не очень подходящий глагол *geben* (HARWEG 1972):

- (12) Die Frau *hat* mir nicht gleich ***ihren Namen*** gesagt.
- (13) Der Student *hat* mir auch ***den Grund*** genannt.
- (14) Wir *haben* auch ***einen Teilnehmer*** benannt.
- (15) Der Arzt *hat* mir ***den Termin*** rechtzeitig mitgeteilt.
- (16) Wir werden euch ***unsere neue Adresse*** bald übermitteln.
- (17) *Geben Sie* ***Ihr Geburtsdatum*** an!
- (18) Meine Schwiegertochter *hat* mir ***ihr Geheimnis*** verraten.
- (19) Bei der Prüfung *hat* der Student gute ***Beispiele*** angeführt.
- (20) *Tragen Sie* hier ***Ihre Wohnadresse*** ein!
- (21) Du kannst ihm ***meine Telefonnummer*** geben.

В приведенных примерах (12-21) речь идет о прямых грамматических объектах *Name*, *Grund*, *Termin*, *Adresse* и др. Вместе с их артиклевыми словами они манифестируют цитаты, которые актуализируются либо в предыдущих, либо в последующих контекстах. Эти контексты эксплицируют когнитивную базу данных существительных. Манифестируемые ими цитаты, в которых представлены конкретные адреса, имена, причины и др., подвергаются, в сравнении со своими субстратами (существительными), двойной редукции — семантической и синтаксической. При этом если семантической редукции — всегда, по аналогии со структурами типа *der und der*, то синтаксической — часто. Семантическая редукция заключена в информации, представляемой нарицательным существительным с общим значением аналогично гиперониму по отношению к манифестируемой цитате. Такой подход к объяснению прецедентного (производного) отношения предпринят на примере гипо-гиперонимического от-

ношения при именовании фруктов в (ГОЛЬДБЕРГ 2004).

Что касается синтаксической функции анализируемых существительных, то она не ограничивается прямым дополнением при переходных глаголах, как в примерах выше. Прямое дополнение в рамках универсальной теории предикации легко трансформируется в пассивный субъект, а также номинализируется с тем же прецедентным существительным, например:

(22) *Der Termin ist mir vom Arzt rechtzeitig mitgeteilt worden.*

(23) *Der Student hat mir auch den Grund genannt.* ← *die Nennung des Grundes vom Studenten.*

В семантико-парадигматическом плане для существительных с вторичной неопределенностью существуют ограничения. Ее не могут реализовать имена собственные или моносемантические существительные-уникумы, а также существительные, сущность которых с позиций жизненной логики является незначительной или слишком мелкой. Последнюю группу представляют такие существительные, как *Biene*, *Specht*, *Nuß*, *Eichel*, *Wolke* и др., например:

(24) **Er hat mir Georg genannt.*

(25) **Ich habe ihm die Hölle verraten.*

(26) **Er hat mir die Wespe mitgeteilt.*

5. Структуры типа „ein bestimmter + Substantiv“

Употребление прилагательного *bestimmt* со значением ‘не допускающий возражения, поправки’ (GÖRNER, & KEMPSCHE 1986: 126) не только в сочетании с нулевым артиклем в единственном и множественном числе, но и с неопределенным артиклем *ein* определило наш интерес к этой языковой структуре. Другими словами, когнитивный парадокс вызывает сочетание двух семантических уровней, выражаемых неопределенным артиклем (неопределенность) и прилагательным *bestimmt*, указывающим своей семантикой на определенность, например:

(27) *Er sucht ein bestimmtes Buch.* — Он ищет какую-то определенную книгу.

С позиции философии языка в этой структуре происходит конфликт между мыслительной структурой и языковой, когда на уровне мысли сущность является вполне определенной, идентифицируемой, а на уровне языкового выражения как новая неизвестная. Более отчетливо это прослеживается в вопросительном

предложении, когда, например, продавец спрашивает покупателя:

(28) Suchen Sie *ein bestimmtes* Buch?

Если в (27) говорящий хорошо или частично осведомлен, о какой книге может идти речь, то есть через прилагательное *bestimmt* реализуется «отблеск» полной, настоящей определенности, которая пресуппонируется контекстом, то в (28) определенность приобретает значение какой-либо модели, примера. Такая альтернативная определенность, с нашей точки зрения, может иметь бесконечное множество вариантов определенности, которой вполне соответствовала бы структура с уступительным значением *sei es, dass ..., sei es, dass ..., sei es, dass ...* (будь то ..., будь то ..., будь то ...).

Структура *ein bestimmter + Substantiv* как маркер известной говорящему, а возможно, и адресату информации реализует в дискурсе в целом ту же прецедентную функцию, что и структура *der und der*, например:

(29) Als wir an der Haltestelle standen, da sagte mein Mann zu mir: „Wenn der Bus schon zu *einer bestimmten* Zeit nicht kommt, da nehmen wir ein Taxi“.

Выражение *eine bestimmte Zeit* в (29) имплицитно подразумевает знание о конкретном временном моменте. С точки зрения дискурсивной реализации структура *ein bestimmter + Substantiv* носит метатекстовый характер, актуализирует признак *известности, определенности, категоризации* референта для наблюдателя. Референт может быть известен только одному говорящему, но не адресату, то есть профилируется присутствие говорящего. Одновременно здесь реализуется неопределенная референция, которую сигнализирует, как правило, неопределенный артикль, например:

(30) An die Qualität der Termini werden *bestimmte Forderungen* gestellt [...] (FLEISCHER 1983: 445).

В сочетании с неопределенным артиклем *bestimmter* маркирует концепт ВЫДЕЛЕНИЕ, а именно УТОЧНЕНИЕ категоризации свойств референта, как в (31), путем детерминанта в виде локального дейктика (конкретного числа 12). Детерминатив *bestimmter* может содержать в себе признак *выделения*, точнее *отличия* от других референтов того же рода или вида, которые по тем или иным причинам в контексте не описаны или же не могут быть описаны в принципе.

- (31) Vgl. die Beispiele für kontextuell angemessene Verwendungen von Konstruktionen mit einem Konnektor *eines bestimmten syntaktischen Typs unter (12)* im Unterschied zu den [...] (BLÜNDORN, & al. 2004: 22).

В семантико-парадигматическом плане в этом смысле целесообразно посмотреть на структуру *ein gewisser + Substantiv*. Вполне очевидный детерминатив *gewisser* имеет также заметно выраженную метатекстовую природу, имея номинативное родство с глаголом *wissen (bewusst)*. Прилагательное *gewisser*, реализующее *признаковый дейксис*, и структура в целом употребляются для указания на оценочные представления, которые из прагматических соображений не могут быть адекватно эксплицированы.

В данном случае *gewisser* осуществляет указание на определенное лицо или сущность, которую в силу коммуникативных стратегий нельзя или нежелательно обозначить точнее, четче, потому отсылка к какому-либо признаку предмета речи осуществляется латентно (намеком). При этом предполагается, что этот референт адресату в *определенной степени известен*, что маркируется, как правило, неопределенным артиклем. Структура *ein gewisser + Substantiv* является в некотором смысле маркером языковой игры. Так формируется «точка обзора» наблюдателя в отношении выражаемой этой лексемой сущности, например:

- (32) [...] indem wir dies mit *einer gewissen Systematik* tun [...] (LINKE, & al. 2004: 160).

Обозначенный элемент языковой игры может иметь явную стилистическую окраску в дискурсе, выражая оттенки иронии или скепсиса по отношению к упоминаемому референту. Здесь, конечно, велика роль просодических средств, но и как в случае с прилагательным *bestimmt*, в структуре *ein gewisser + Substantiv* имплицитно определяется определенность, на что четко указывает ниже следующий пример:

- (33) *Eine gewisse Frau Meier*, die in der Nelkenstraße wohnt, möchte dich sprechen [GWDFS 2008: 466].

6. Выводы и перспективы

На примере трех лексико-грамматических разрядов языковых структур мы показали реализацию вторичного грамматического значения неопределенности, то есть их прецедентный характер. В ходе исследования раскрыты их морфосинтаксические

и семантические особенности, которые обуславливают их функциональное преобразование, их функциональную этимологию, в отличие от языковых единиц *jemand, etwas, irgendwann, einmal, irgendwo, irgendwie oder irgend ein (Mann)*, реализующих первичное неопределенное значение. Представляется доказанным тезис о том, что структуры типа *x-und-x, ein bestimmter / gewisser + Substantiv*, существительные *Name, Adresse, Datum* и т. п. являются пропозициональными единицами. Смысл конкретной пропозиции, который они имплицитно в дискурсе, является их когнитивной базой — коммуникативным прецедентом. Как семантические субстраты этой пропозиции с редуцированной информативностью они выражают вторичную, потому как производную, неопределенность, понимаемую как определенность.

Анализ эмпирического материала подтвердил тезис о существовании прецедентного отношения в рамках прецедентного и альтернативного пространства существования языковых единиц и позволил тем самым расширить номенклатуру объектов прецедентной лингвистики.

За рамками настоящей статьи остался анализ других не менее продуктивных разрядов языковых единиц, например, относительных местоимений и др., реализующих вторичную неопределенность и развивающих положения когнитивной лингвистики и теории прецедентности, в чем видится перспектива предпринятого исследования.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Ветров П. П.* Проблемы синтаксиса и стилистики фразеологических единиц в свете экспериментальных данных (на материале современного китайского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М.: Институт языкознания РАН, 2007. [Vetrov, Pavel P. (2007) *Problemy sintaksisa i stilistiki frazeologicheskikh yedinit v svete eksperimental'nykh dannykh (na materiale sovremennogo kitayskogo yazyka)*. (Problems of Syntax and Stylistics of Phraseological Units in the Light of Experimental Data (Exemplified by the Modern Chinese Language)). PhD thesis in Philology. Moscow: Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences. (In Russian)].
- Голубева Н. А.* Вторично-номинативная функция причастий в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Киев: Киевский гос. пед. ин-т иностранных языков, 1991. [Golubeva, Nadezhda A. (1991) *Vtorichno-nominativnaya funktsiya prichastiy v sov-*

- remennom nemetskomazykye* (Secondary Nominative Function of Participles in Modern German). PhD thesis in Philology. Kiev: Kiev State Pedagogical Institute of Foreign Languages. (In Russian)].
- Голубева Н. А. Слово. Текст. Дискурс. Прецедентные единицы. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2009. [Golubeva, Nadezhda A. (2009) *Slovo. Tekst. Diskurs. Pretsedentnyye yedinitisy* (Word. Text. Discourse. Case Units). Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistics University. (In Russian)].
- Гольдберг В. Б. Гиперонимы и гипонимы как прецедентные феномены // Феномен прецедентности и преемственность культур / под ред. Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой и др. Воронеж: ВГУ, 2004. С. 114—119. [Gol'dberg, Vera B. (2004) *Giperonimy i giponimy kak pretsedentnyye fenomeny* (Hyperonyms and Hyponyms as Precedent Phenomena). In Grishayeva, Lyudmila I.; & Popova, Mariya K., & al. (eds) *Fenomen pretsedentnosti i preyemstvennost' kul'tur* (The Phenomenon of Precedent and Continuity of Cultures). Voronezh: Voronezh state University, 114—119. (In Russian)].
- Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1987. [Maslov, Yuriy S. (1987) *Vvedeniye v yazykoznaneye* (Introduction to Linguistics). Moscow: High School Publishers. (In Russian)].
- Филиттов К. А. Немецкие местоимения (размышления о статусе, функциях и перспективах изучения). СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2008. [Filiprov, Konstantin A. (2008) *Nemetskiye mestoimeniya (razmyshleniya o statuse, funktsiyakh i perspektivakh izucheniya)* (German Pronouns (Reflections on the Status, Functions, and Perspectives of Study)). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russian)].
- Ehlich, Konrad. (1994) Funktionale Etymologie. In Brüner, Gisela, & Graefen, Gabriele. (eds) *Funktionale Etymologie*, 68—85.
- Fourquet, Jean. (1974) Genetische Betrachtungen über den deutschen Satzbau. In Besch, Werner, & al. (eds) *Studien zur deutschen Literatur und Sprache des Mittelalters. Festschrift für Hugo Moser zum 65. Geburtstag*. Berlin: E. Schmidt, 314—323.
- Görner, Herbert, & Kempcke, Günter. (1986) (eds). *Synonymwörterbuch*. Leipzig: Bibliographisches Institut.
- GWDFS — Götz, Dieter; Haensch, Günther, & Wellmann, Hans. (2008) (eds) *Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache*. Berlin; München: Langenscheidt KG. [Neubearb.].
- Harweg, Roland. (1972) Reduzierte Rede. *Linguistics*, 80, 44—55.
- Kanngießer, Siegfried. (2006) *Alternativräume der Sprachdynamik: Versuch über die Determination der grammatischen Kontingenz*. Osnabrück: V & R Unipress in Göttingen.
- Lakoff, George. (1970) *Linguistik und natürliche Logik*. Frankfurt am Main:

Athenäum, XX.

Weinrich, Harald. (1993) *Textgrammatik der deutschen Sprache*. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag.

Список источников / Quellenverzeichnis / List of Sources

Blühdorn, Hardarik; Breindl, Eva, & Waßner, Ulrich Hermann. (2004) *Brücken schlagen. Grundlagen der Konnektorensomatik*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.

Erben, Johannes. (1966) *Abriss der deutschen Grammatik*. Berlin: Akademie-Verlag. [9., unveränd. Aufl.].

Fleischer, Wolfgang. (1983) (ed.) *Deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie*. Leipzig: Bibliographisches Institut.

Linke, Angelika; Nussbaumer, Markus, & Portmann, Paul R. (2004) *Studienbuch Linguistik*. Tübingen: Niemeyer. (Reihe Germanistische Linguistik; 121 Kollegbuch).

Nadezhda A. Golubeva

Nizhny Novgorod State Linguistics University

The Category of Uncertainty as an Object of Case Linguistics

The article considers secondary uncertainty as a semantic category within the framework of the theory of linguistic precedent. The author models the language units to be analyzed with derived uncertainty. The empirical base consists of several linguistic models in modern German — phraseologized syntactic structures such as *der und der, ein bestimmter X* and a specific semantic cluster of nouns such as *der Dings, Datum, Name, Person*, etc. The study reveals the “referential splitting” of the analyzed units due to their discursive characteristics. These units imply the meaning of the proposition, which is their cognitive base, their communicative precedent. As propositional substrates with semantic and syntactic reduction, the analyzed units represent the quoted speech and are precedent units. At the same time, they indicate the transformation of the primary category of certainty into the category of secondary uncertainty, that is, they are markers of grammatical recategorization.

Keywords: secondary uncertainty; phraseosyntaxeme; quoted and/or reduced speech; case unit

А. И. Гришаева
Воронежский государственный университет

ЗАКОНОМЕРНОЕ И СЛУЧАЙНОЕ ПРИ ВАРЬИРОВАНИИ ТЕКСТОВ С ПРЕЦЕДЕНТНЫМИ ФЕНОМЕНАМИ

В фокусе предлагаемых рассуждений — тенденции в семантической, формально-структурной, функциональной организации текстовой ткани, которые правомерно характеризовать как общие во всех языковых культурах для текстов разных типов. При описании принципов организации текста более предпочтительными оказываются холистический, а не атомистический, подход, а также динамический, а не статический, ракурс анализа. Динамический ракурс анализа разнообразных изменений позволяет их описывать как вариативность того или иного инварианта. Поэтому изменения, наблюдаемые при анализе внутритекстовых связей разной природы, вызванных идиостилистическими и/или социокультурными причинами, осмысляются до определенного предела как проявление вариативности текстовой структуры в границах одного инварианта. Однако с учетом суперсистемных связей текста с его внутритекстовой организацией соответствующие изменения целесообразно трактовать как трансформацию инварианта «тип текста». Обсуждаемые тенденции иллюстрируются описанием функционирования прецедентных феноменов в текстах, выражаемых одним предложением и/или сверхфразовым единством.

Ключевые слова: тип текста как вариант; тип текста как инвариант; варьирование текста в коммуникации; прецедентный феномен

1. Постановка проблемы

Любой текст порождается в культуре в известных координатах: на стыке весьма устойчивых традиций и новаций, конвенций и креативных, уникальных, а порой и буквально одноразовых решений. Те же факторы, внешние и вместе с тем в определенном смысле внутренние по отношению к структуре текстовой ткани, несомненно, обуславливают также рецепцию порожденного текста.

Признавая очевидную значимость интерпретации — и в силу этого высокую степень субъективности соответствующих процессов как при порождении, так и при рецепции каждого текста на любом этапе его бытования в языковой культуре — нельзя не подчеркнуть два обстоятельства особо.

Во-первых, порождение и рецепция текста любого типа основывается на знании, разделяемом всеми носителями языка и культуры. Это знание о текстосемантической и текстосинтаксической организации продуктов дискурсивной деятельности, декларативное и процедуральное знание о том, как с помощью языка его носители решают в конкретных коммуникативных условиях определенную коммуникативную и когнитивную задачу. Это также и знание о том, какие сведения должны быть в коммуникации обязательными, а какие — факультативными, какие, как правило, должны объективироваться средствами культурных кодов, а какие — чаще всего имплицироваться. Это также знание того, какими именно языковыми (и в том числе невербальными) средствами и при каких условиях соответствующие сведения могут объективироваться в конкретной интеракции (см. подробнее в [Гришаева 2020: 95-98, 118-125]).

Следовательно, очевидно, что культура не может не располагать некими инвариантами, владение которыми служит несомненной базой для установления в той или иной мере гарантированного продуктивного взаимопонимания между носителями языка и культуры.

Во-вторых, в коммуникации упомянутые инварианты, очевидно, реализуются в качестве некоторого варианта инварианта. Последний в актуальных условиях преобразуется разным образом под воздействием разнородных факторов, внешних и внутренних по отношению к порождаемому тексту. К названным факторам в той или иной мере оказываются чувствительными и воспринимаемые тексты, причем обсуждаемые процессы вряд ли целесообразно по понятным причинам интерпретировать как конвертируемые (см. подробнее в [Гришаева 2020: 136-163]).

Наблюдения над семантической, формально-структурной, функциональной организацией текстовой ткани позволяют обратить внимание в первую очередь на свойства, очевидно маркирующие актуальные формальные и содержательные преобразования текста. Среди последних целесообразно упомянуть в первую очередь такие как гибридизация с диффузией текстотипологических границ между текстами того или иного типа; семиотическая гетерогенность с последующей мультимодальностью рецепции; повышение значимости образности как неотъемлемой составляющей текстовой ткани и др. (см. детальный

анализ под разными углами зрения в [АНИСИМОВА 2019; БАБЕНКО 2009; ГРИШАЕВА 2020; КРЕМНЕВА 2017; ТРОШИНА 2009; 2014; ЧЕРНЯВСКАЯ 2005; ЩИПИЦИНА 2010; 2014; ADAMZIK 1995; FIX 2008; FREUDENBERG-FINDEISEN 2016; SCHMITZ 2014; ТЕХТ-BRÜCKEN... 2012; и мн. др.]).

Все более заметными становятся и такие тенденции, как уплотнение интертекстуальных связей в пределах и за пределами текста, утрата стилистической гомогенности разных типов текста. Вместе с тем прослеживается очевидное конденсирование информации при тенденции к уменьшению «материального» объема текста. В текстах наблюдается усиление доли средств выражения эмотивности и экспрессивности среди средств реализации когерентности. Имеет место явная специализация содержательной и структурной организации текста определенного типа с учетом типа коммуникативной среды (устная, письменная, компьютерно-опосредованная) и других параметров интеракции (ср. разные способы верификации отмеченных тенденций в [АНИСИМОВА 2019; БАБЕНКО 2009; ГРИШАЕВА 2020; КРЕМНЕВА 2017; ТРОШИНА 2009; 2014; ЧЕРНЯВСКАЯ 2005; ЩИПИЦИНА 2010; 2014; ADAMZIK 1995; FIX 2008; FREUDENBERG-FINDEISEN 2016; SCHMITZ 2014; ТЕХТ-BRÜCKEN... 2012; и др.]).

Следствием отмеченных процессов становится расщепление определенного типа текста с последующей специализацией новых типов и/или подтипов текста с учетом реализации конкретных стратегий и/или особенностей коммуникативной среды; ср., например, письма и электронные письма. Несомненный текстотипологический интерес представляет и дифференциация функционала того или иного типа текста вплоть до появления новых типов текста; ср. появление и развитие СМС, заметок в чате и т. п. Привлекают внимание устаревание (архаизация) принципов организации текста, становящаяся все более явной, а также гибридизация двух или более типов текста, преобразование содержательной и/или формальной текстовой структуры применительно к особенностям коммуникативной среды (устной, письменной, компьютерно-опосредованной) и даже исчезновение текста из культуры. Достаточно вспомнить историю таких типов текста как телеграмма и СМС-сообщение, или же судьбу эпоса, заклинаний или рекламы, «биографию» лекции в учебном заведении и пр. Их история в культуре однозначно

свидетельствует как о диалектике закономерного и случайного, так и о неоднородных связях между конвенциональным и креативным, а также о необходимости учета системных, субсистемных и суперсистемных связей конкретного текста как одного из многочисленных вариантов инварианта, т. е. типа текста.

2. Цели и задачи исследования

В статье хотелось бы остановиться на одной из ярких тенденций семантической и синтаксической организации текста, которую вполне можно признать закономерной. Речь идет об уплотнении интертекстуальных связей и возрастании вклада прецедентных феноменов (далее — ПФ) в достижение когерентности текста и в структурирование информационных потоков в культурном пространстве.

Избранный ракурс исследования обусловлен рядом обстоятельств. Во-первых, уплотнение интертекстуальных связей относится к наиболее явным и ярким тенденциям, присущим актуальным принципам организации текста, особенно в столь гетерогенной и востребованной сегодня коммуникативной среде, как медиапространство, значимость которого в культуре неуклонно возрастает. Во-вторых, уплотнение интертекстуальных связей определено и предсказуемо способствует структурированию информационного потока. Это для современного информационного общества имеет, без сомнения, особое значение, так как все более востребованной становится такая техника порождения текста, когда адресант минимумом средств стремится достигнуть эффекта, максимального по своему воздействию на реципиента, предсказуемо обусловить рецепцию воспринимаемого текста как в эмоциональном, так и в рациональном отношении. Характерно, что в этом наиболее активными оказываются разнообразные средства вторичной номинации, позволяющие существенно обогащать содержание текста, а также активизировать и соактивировать разнообразные сведения об одном и том же объекте внеязыковой действительности. Тем самым названные средства — а ПФ, вне всякого сомнения, относятся к охарактеризованным — существенно обогащают воспринимаемый текст в содержательном отношении¹ и, как следствие, не могут не способ-

---

¹ В этом контексте важно напомнить об изменении функционала и функциональной нагруженности в культуре таких языковых средств

ствовать преобразованию синтаксической структуры текста. В-третьих, соответствующие проявления названной тенденции наблюдаются в текстах разного типа и воспринимаются при обобщающем анализе в качестве одного из средств реализации текстоорганизующей техники, способствующей содержательному и формальному варьированию текста в коммуникации.

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что названные процессы целесообразно изучать при холистическом подходе, т. е. сознательно иметь в виду, что любой текст представляет собой тематическое, интенциональное, содержательное, формальное, функциональное единство. Текст — это сложноорганизованная целостность, которая поддерживается многочисленными и разнородными внутритекстовыми, межтекстовыми и интертекстуальными² связями, складывающимися в различные конфигурации. Текст как целостность бытует в сложноорганизованном контексте системных, субсистемных и суперсистемных связей разной этиологии. Поэтому ясно, что функционирование отдельных средств, имеющих в текстовом пространстве свои собственные, четко определяемые функции, изначально и каузально подчинено организации этой целостности. Сказанное означает также учет как статического, так и динамического подходов к изучению семантического, синтаксического, функционального аспектов в организации текста. Поэтому очевидно, что избран-

---

как пословицы, поговорки, фразеологизмы, устойчивые сравнения, ПФ разного типа, мемы и т. п. И хотя функциональный потенциал названных средств частично пересекается, он, естественно, не является тождественным. Это требует специального тщательного изучения, поскольку перечисленные языковые средства все чаще становятся средствами реализации стратегии манипулирования и используются при конструировании фейков, симулякров, становятся инструментом для разнообразных манипулятивных техник, например, навешивания ярлыков, замалчивания невыгодной для адресанта информации, изменения соотношения когнитивного фона и когнитивной фигуры, конструирования петли умолчания и др.

² Межтекстовые и интертекстуальные связи некоторого элемента конкретного текста отличаются своей сущностью, средствами и способами их установления и сферой функционирования (подробную аргументацию разграничения межтекстовых и интертекстуальных связей см. в [Гришаева 2020]).

ный ракурс анализа выбирается исключительно для прозрачности описания изучаемого явления. Однако обобщение и осмысление результатов наблюдения требуют, естественно, принимать во внимание субсистемные, системные и суперсистемные для текста связи.

Актуальность поставленных задач станет более очевидной, если вспомнить, что ПФ являются знаками особого рода, вторичными семиотическими образованиями (см. в первую очередь систему доказательства в [КАРАУЛОВ 1987; КРАСНЫХ 2002; ГУДКОВ 2003; ДОНЕЦ 2014; КРЕМНЕВА 2017]). ПФ обладают богатым номинативным и функциональным потенциалом, по-разному реализуемым в разных типах дискурса. При этом потенциал воздействия ПФ на реципиентов разнообразен, вне всякого сомнения, огромен и не сопоставим с таковым у первичных номинативных средств ни по информативности, ни по эмоциональному и экспрессивному воздействию на реципиентов из-за непосредственной связи обсуждаемых феноменов с ценностными ориентациями, актуальными для носителей языка и культуры как в принципе, так и в конкретных ситуациях взаимодействия носителей культуры (см. подробнее об анализе потенциала ПФ в художественных текстах, например, в [ГРИШАЕВА 1998: 23, 25-32; 2018a: 357-371; 2018b: 383 и след.]; ср. только два высказывания: *Я обязан это сделать. — Надо, Федя, надо!*).

3. Материал исследования

Чтобы показать обоснованность кратко охарактеризованных выше обобщений, изучены тексты Б.-Л. Ланге, порожденные, как ясно из содержания этих текстов и книгоиздательских характеристик, в период и вскоре после объединения Германии. Мотивами, побудившими обратить пристальное внимание на эти тексты, стали следующие соображения.

Изучаемые тексты рождались и публиковались в эпоху кардинальных перемен во всех сферах жизни носителей обеих частей Германии. Наиболее сильно социокультурные и психоэмоциональные трансформации личностной и коллективной идентичности единичных и коллективных субъектов затронули по известным причинам граждан экс-ГДР. В эту среду первично социализирован был автор анализируемых текстов. Поэтому правомерно говорить о том, что изучение этих текстов действительно позволяет выявить, как носители культуры с помощью

«старых» языковых средств и текстопорождающих техник, хорошо им известных, решают новые для себя коммуникативные и когнитивные задачи, как и что именно преобразуется под влиянием суперсистемных связей при организации (порождении, а также рецепции) текста (в данном случае прежде всего типов текста «скетч», «афоризм», «максима»).

Автор анализируемых текстов связал свою творческую деятельность с кабаре, став также со-основателем известного и популярного в Лейпциге (и в Германии) кабаре «Academixer». Поэтому можно утверждать, что к трансформации использования языковых средств при решении новых актуальных коммуникативных и когнитивных задач Б.-Л. Ланге имеет самое прямое отношение.

Тематически изучаемые тексты сконцентрированы на осмыслении процессов социокультурной и ментальной трансформации носителей немецкого языка. Данное обстоятельство автор четко и определенно осознает и недвусмысленно ориентирует своего читателя на со-размышление в обозначенном русле; ср. только оглавление в книге *Erinnerungen an die DDR, Die Wende, Hier und heute* (LANGE 2000: 5), а также подзаголовок книги *Deutsch-deutsche Wunderlichkeiten*, однозначно подготавливающие реципиента к неожиданностям, противоречиям, контрастам, парадоксам.

Анализируемые тексты являются результатом реализации людических стратегий, которые, как известно, чрезвычайно чувствительны как к субъективному фактору в любом его воздействии на выбор и функционирование языковых средств, так и к культурной специфике пространства, в котором бытуют соответствующие людические тексты (ср. рассуждения Н. Н. Трошиной о значимости для организации текста такого фактора как мировоззрение и структура картины мира носителя языка в [TROSCHINA 1995]). Выражаясь иначе, людические тексты порождаются для реципиента с известными продуценту характеристиками, т. е. эти тексты апеллируют к культурной идентичности носителей языка и культуры. Сказанное, несомненно, означает возможность последовательно учитывать при анализе взаимодействия инварианта «тип текста» и принципов его содержательного и формального варьирования в коммуникации под влиянием таких факторов как «субъект коммуникации», «культурная среда», «агенда», «способы номинации», «соотношение культуры и субкультуры», «пути и способы сохранения и поддержания культур-

ной континуальности», «аккультурация» и др.

Автор сознательно концентрирует свое внимание на разнообразных культурно специфических реалиях, в том числе и на реалиях уходящей эпохи и исчезающего и/или исчезнувшего социума; ср., например, заголовок одного из текстов: «Streiflichter aus der DDR oder Was Historiker vermutlich nicht erwähnen würden» (LANGE 2000: 38). В книге имеются тексты с глубоким осмыслением процессов объединения и идентификации личности в изменяющихся и/или изменившихся социокультурных условиях. Эти тексты вызывают в памяти у носителей немецкого языка и культуры наиболее популярные, яркие, броские, привычные и значимые в то или иное время выражения и активизируют специфические представления о культурной действительности, присущие носителям определенного социума: ср. названия ряда текстов: «Bonzenschleuder und Renngrappe» (Там же: 24), «Altmodisch» (Там же: 63), «Die Zwei-Klassen-Gesellschaft» (Там же: 69), «Brüder» (Там же: 101), «Straßenbrandzeuge der Geschichte» (Там же: 121), «Zwischenbilanz» (Там же: 123). Многие из реалий, на которых концентрирует внимание Б.-Л. Ланге, оказываются «своими» только для граждан экс-ГДР или нередко только для жителей Лейпцига. Поэтому некоторые тексты для многих читателей являются по существу средством своего рода аккультурации, обеспечивая им возможность адекватно осмысливать новую для себя реальность и развивая способность продуктивно взаимодействовать с гражданами экс-ГДР.

Поэтому вполне ожидаемо, что анализируемые тексты богаты разнообразными ПФ, которые в своем большинстве специфичны для культурного пространства экс-ГДР (см. примеры ниже). Следовательно, весьма высока вероятность потенциально неадекватного осмысления ПФ субъектами с иной культурной идентичностью, в том числе и гражданами «старой» ФРГ.

Интересно также заметить, что ПФ довольно частотны в текстах объемом в одно сверхфразовое единство и/или в одно предложение-текстему; ср.:

Im Sozialismus, so wurde immer wieder behauptet, ist der Mensch dem Menschen kein Wolf mehr. Richtig! Hier musstest³ du Fuchs sein! (Там же: 12).

---

³ Здесь и ниже цитаты приводятся согласно новой орфографии, хотя в оригинале текст оформлен по старым орфографическим правилам.

Важно подчеркнуть, что на 126 страницах таких текстов 127, например: «Kinder stellen Fragen, die den Lehrern längst nicht mehr einfallen» (Там же: 74), «Wer seiner Zeit voraus ist, findet oft keine Gesprächspartner» (Там же: 58), «Neben den Toten fand man die Mordwaffe: ein Schlagwort» (Там же: 9). Способы апелляции к ПФ в таких текстах разнообразны: игра слова, парафраз, аллюзия, пародирование, прямое и косвенное цитирование и др. (см. также примеры ниже).

Перечисленные особенности, вне всякого сомнения, весьма характерны в текстотипологическом отношении не только для анализируемых текстов, но и для осмысления того, насколько закономерны изменения в семантической, синтаксической, функциональной организации текста того или иного типа, обусловленные социокультурными трансформациями.

4. Методика исследования

Отобранный материал включает тексты, текстоорганизующим стержнем которых являются ПФ разного типа, актуальные для граждан ГДР. Эти тексты анализируются согласно общепринятым текстограмматическим приемам под разными углами зрения: логическим, морфологическим, синтаксическим, лексико-семантическим, формально-структурным, словообразовательным, стилистическим, функциональным и семиологическим. Во внимание принимаются также текстоорганизующие потенции изучаемых ПФ на фоне микротекста (или сверхфразового единства), макротекста и их связей с другими текстами, бытующими с анализируемыми либо синхронно, либо асинхронно в одном культурном и/или субкультурном пространстве. При осмыслении функционального потенциала ПФ учитываются особенности функционирования последних, выявляемые при атомистическом и холистическом подходе к анализу. Сказанное означает учет субсистемных (связи в пределах текстымы и микротекста), системных (связи между текстами одного типа) и суперсистемных связей (субкультура и культура как контекст).

4. Результаты исследования и их обсуждение

Обобщение полученных результатов позволяет определить, для реализации какой стратегии и для решения какой именно коммуникативной и когнитивной задачи продуцент предпочитает выбрать ПФ из комплекса изофункциональных средств, которыми располагает языковая культура на тот или иной момент.

4.1. Внутритекстовый потенциал прецедентных феноменов

Для осмысления функционального потенциала ПФ необходимо определить, в чем заключаются текстоорганизующие потенции⁴ ПФ, наиболее ярко проявляющие себя в текстосемантическом⁵ отношении. Для этого следует помнить, что ПФ, каким бы способом к нему ни апеллировал продуцент текста, активизирует обширный и существенный пласт разнородных в качественном, количественном и формальном отношении сведений, тесно связанных с ценностными ориентациями. Тем самым при рецепции текста конструируется более или менее однозначный для носителей культуры аксиологический контекст, который способен порождать и существенно преобразовать когнитивный фон с определенным аксиологическим знаком, на котором реципиент будет осмыслять активизируемые сведения о мире и подводить их под аксиологическую и/или иную категорию (см. подробный анализ в [Гришаева 1998; 2018а; 2018б; Кремнева 2017; Grischneva 2016]). Тем самым понятно, почему и для чего ПФ становятся одним из излюбленных средств реализации разнообразных манипулятивных стратегий (см. примеры ниже).

Еще одним аргументом в пользу особой значимости текстосемантического потенциала ПФ является более или менее однозначно предсказуемый эмоциональный отклик реципиента на текст, содержащий тот или иной ПФ (см. примеры выше и ниже).

В текстосинтаксическом отношении необходимо обратить также внимание на то, что ПФ устанавливают контактные и дистантные связи по разным основаниям не только в пределах одного сверхфразового единства, но и одновременно и с другими

---

⁴ Текстсоорганизующие потенции того или иного элемента текста проявляются в установлении содержательных и формальных связей этого элемента с пред- и/или посттекстом. Такие связи прослеживаются по лексико-семантическим, словообразовательным, морфологическим, синтаксическим, формально-структурным, стилистическим, логическим основаниям и служат установлению когерентности текста.

⁵ Текстосемантический или текстосинтаксический виды анализа содержательной, формальной, функциональной структуры текста предполагают описание разнообразных внутри-, межтекстовых, интертекстуальных связей, выявляемых соответственно по разнородным семантическим или синтаксическим основаниям (см. подробнее в [Гришаева 2020]).

сверхфразовыми единствами текстового целого, а также с многочисленными текстами, в которых так или иначе активируются аналогичные сведения (см. анализ с детальным комментарием в [Гришаева 1998; 2018a; 2018б; Кремнева 2017; Grischajewa 2016]).

Характерно, что в разных дискурсах и на разных этапах бытования конкретной культуры набор ПФ, связанных с ценностными ориентациями, актуальными в конкретном культурном сообществе, оказывается разным даже в одном культурном пространстве (см. примеры ниже). Поэтому понятно, что к одной и той же ценностной ориентации в один и тот же период развития культуры ее носители могут апеллировать, обращаясь к разным ПФ (см. примеры ниже). Данное замечание справедливо и по отношению к конкретному носителю языка и культуры; ср. обобщение наблюдений о наборе ПФ, к которым обращаются носители одной и той же культуры, одного и того же социального слоя, но имеющих разные убеждения (см. подробнее в [Гришаева 1998: 25-28, 29-32; 2018a: 361-364, 365-369]).

В силу этого ПФ имеют тесные содержательные и формальные связи с пред- и/или посттекстом. Первые могут быть как эксплицитными, так и имплицитными. Первые выявляются по комментариям к содержанию ПФ и/или конкретизации его содержания в тексте, детализации соответствующих сведений в тексте. Вторые прослеживаются не столько через семантические связи разной этимологии и способы объективации ПФ, сколько в опоре на сведения, со-активируемые названными языковыми средствами. Как ясно из приводимых примеров, в них абсолютно доминирует имплицитный способ. Это можно частично объяснить текстотипологическими особенностями афоризмов, максим, а также скетчей, с одной стороны, и особенностями реализации людических стратегий в культуре, — с другой.

Еще одной значимой характеристикой следует признать также способность ПФ конструировать более или менее предсказуемый для обоих коммуникантов — продуцента и реципиента — аксиологический фон и задавать рамку восприятия сведений, активизируемых и со-активируемых в актуальных условиях. Данное свойство обусловлено тем, что ПФ в силу своих феноменологических свойств рационально и эмоционально значимы для многочисленных поколений носителей культуры (см. критерии ПФ в [Караулов 1987]). В силу этого воздействие ПФ

на коммуникантов потенцируется, поскольку носители языка реагируют на них эмоционально, даже если рациональное воздействие может быть не столь значительным и/или значимым, как эмоциональное; ср.: Scheuklappen sind lediglich eine Sehhilfe. Sie korrigieren den Blick nach vorn. (LANGE 2000: 57) (см. также примеры выше и ниже).

Значимость отмеченных свойств ПФ возрастет в глазах исследователя, если принять во внимание соотношение эксплицируемого и имплицитного в тексте и/или дискурсе. Применительно к анализируемым явлениям такое соотношение чрезвычайно вариативно и коррелирует с типом коммуникативной стратегии, характером коммуникативной и когнитивной задачи и формой объективации и номинации ПФ; ср.: Der Wahrheit die Ehre geben, ist noch die einfachste Art, sie nicht zu sagen (Там же: 57).

Отмеченные обстоятельства и позволяют трактовать ПФ как средство установления и поддержания культурной континуальности, как культурные скрепы между субкультурами в синхронии и диахронии (ср. систему аргументации в [ГРИШАЕВА 1998; 2018а; 2018б; GRISCHAEWA 2016]). В связи с этим показателен заголовок «Bonzenschleuder und Rennrappe» (LANGE 2000: 24), особенно с учетом его содержательных связей со вторым абзацем соответствующего текста:

Ja, liebe Leserinnen und Leser, wenn Sie nicht aus den neuen Bundesländern stammen und nicht wenigstens 30 Jahre zählen, dann können Sie mit diesen Wörtern nichts mehr anfangen. Es sind zwei Belege für die Kreativität des Volksmundes in der DDR. Sicher unerschöpflich erfand er Namen für Dinge und Situationen des Lebens, originelle Bezeichnungen, die manchmal auch den Ansatz von Widerstand in sich tragen. Diese Wörter sind sozusagen die kürzesten politischen Witze, die es gibt (Там же: 24).

Интересно проследить внутритекстовые связи в пределах процитированного сверхфразового единства, в котором, что важно, не раскрывается смысл приведенных номинаций, хотя и говорится об их прецедентности и общеизвестности для определенной категории носителей немецкой культуры: Bonzenschleuder und Rennrappe — mit diesen Wörtern — zwei Belege für die Kreativität des Volksmundes in der DDR — Diese Wörter, которые в свою очередь имеют по разным основаниям внутритекстовые связи с другими компонентами текста (Там же: 24-32] и иными

ПФ, бытующими в той же социокультурной среде.

Названная характеристика интересна и показательна в текстотипологическом отношении тем, что ПФ являются маркерами культурной идентичности (ср. анализ конкретных проявлений в [КАРАУЛОВ 1987; КРАСНЫХ 2002; ГУДКОВ 2003]) и вместе с тем эффективным средством конденсирования информации (см. подробную аргументацию сказанному и детальный анализ в [ГРИШАЕВА 2018а: 352-360; 2018б: 380-387]). Причиной последнего из свойств, имманентных ПФ, является то, что незнание их «есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры» (КАРАУЛОВ 1987: 216). Будучи общеизвестными в соответствующей культуре и активизируя существенный массив культурно специфических сведений, ПФ экономят в интеракции когнитивные и коммуникативные усилия носителей культуры. Данная трактовка правомерна уже только потому, что сама номинация активизирует и со-активизирует у коммуникантов сведения о комплексе разных типов ситуаций, на обозначение которых «специализируется» ПФ. Упоминания заслуживают следующие: сведения о категории деятелей, о специфических характеристиках этих деятелей, об особенностях их мировосприятия и т. д., о ситуации, когда носители культуры прибегают в коммуникации к данному вторичному семиотическому образованию, и др. В силу этого ПФ становятся, с одной стороны, своего рода средством солидаризации носителей культуры в целом, а не только способом установления взаимопонимания между продуцентом и реципиентом конкретного текста. С другой стороны, ПФ превращаются действительно в экономный и эффективный способ уплотнения информационного потока в силу своей общеизвестности в культуре, поскольку такое номинативное средство не требует ни от продуцента, ни от реципиента точных и детальных знаний, развернутых комментариев, необходимых для однозначной идентификации в коммуникации обозначаемого явления.

Таким образом, очевидно, что закономерная вариативность в коммуникации (в дискурсе и в тексте) заложена уже в природе ПФ. Естественно, это не исключает креативности и уникальности отдельных номинативных решений конкретным единичным субъектом как носителем личностной идентичности. Однако выбирать первичное или вторичное номинативное средство, апеллировать к тому или иному ПФ единичный субъект будет из то-

го набора изофункциональных средств, который имеется в конкретной культуре на определенный момент. А эти сведения относятся к знанию, разделяемому всеми носителями языка и культуры. Более того, эти знания входят в ядерную часть ментальной структуры коллективной идентичности коллективного и единичных субъектов, которая наиболее устойчива на протяжении многих и многих поколений.

4.2. Прецедентные феномены как средство конденсирования информации

Тот факт, что в анализируемых текстах ПФ нередко в однословных, однопредложенческих текстах, побуждает задаться вопросом о степени случайности и/или закономерности использования ПФ как средства реализации когерентности текста и конденсирования информации. Способность ПФ уплотнять информацию в коммуникации, очевидно, базируется на том, что ПФ, будучи вторичным семиотическим образованием, выражается минимумом языковых средств: одной лексемой, одной группой слов, одним предложением (см. примеры ниже). Однако такой минимум средств вербализации активизирует и со-активирует у коммуникантов огромный комплекс сложноорганизованных разнородных сведений о мире. Важно при этом помнить и четко осознать, что подавляющее большинство сведений, значимых для актуального акта познания и коммуникации, не эксплицируется в коммуникации, но определенно образует основу для более или менее предсказуемой концептуализации и категоризации сведений, тем или иным образом вербализуемых в коммуникации и вообще объективируемых.

Наряду с названными эффектами нельзя не упомянуть еще одну функцию ПФ по отношению к их способности структурировать информационный поток через активизацию стереотипов сознания, значимых для конкретной культуры. Последние представляют собой культурно специфические образцы обработки сведений о мире, воспринимаемых носителями языка и культуры в актуальном акте познания и коммуникации. Стереотипы сознания, будучи генерализациями высокого порядка и обеспечивая по этой причине быструю обработку в коммуникации комплекса воспринимаемых сведений, несомненно, минимизируют когнитивные усилия коммуникантов и тем самым в высокой степени надежности гарантируют эффективность взаимодействия между

представителями одной культуры. В результате под влиянием актуальных факторов в актуальной интеракции варьирует соотношение когнитивного фона и когнитивной фигуры в комплексе сведений, воспринимаемых коммуникантами здесь и сейчас. Структурирование информационного потока проявляется в определении/изменении соотношения нового и старого, известного и неизвестного, в выборе перспективы восприятия, определении когнитивной рамки восприятия и др. Это не может не сказаться на выборе способа развития информации в тексте через тема-рематическую прогрессию, на выборе способа обозначения ситуации и отдельных элементов ситуации, на варьировании соотношения эксплицитного и имплицитного в тексте и др., т. е. на способах и средствах семантической, синтаксической, формальной и функциональной организации текста.

Анализ отобранных текстов позволяет выявить, что ПФ являются к тому же средством реализации разных дискурсивных стратегий. Это свойство, по всей видимости, не зависит ни от тематической сферы, ни от способа апелляции к ценностным ориентациям и/или способа активизации ПФ в коммуникации, ни от типа ПФ.⁶ Думается, вряд ли возможно будет проследить

---

⁶ Типы ПФ можно выделять на основании разных критериев. Так, большинство исследователей предпочитают говорить о следующих типах: прецедентная ситуация, прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентное имя по характеру референта (ситуация, объект, субъект) (КРАСНЫХ 2002; ГУДКОВ 2003 и мн. др.). Но типологию ПФ можно выстроить иначе, например, по степени проявления универсального/культурно специфического, по принадлежности к определенному поколению носителей коммуникантов, характеру идентичности (личностной и/или коллективной) продуцента, по источнику ПФ (художественное произведение, деятельность коммуникантов, миф, легенда, национальный эпос и пр.), по особенности интенции, особенности ценностных ориентаций, по характеру связи с ценностными ориентациями, типу дискурса, типу коммуникативной ситуации и др. См. матрицу, в которой объединены разнородные критерии, на основе которых выстраивается разноуровневая типология ПФ, учитывающая также их функциональный потенциал, среду бытования и цели коммуникантов, предпочитающих решать свои коммуникативные и когнитивные задачи с помощью ПФ, а не первичных номинативных средств. Это означает, что при анализе ПФ

те или иные устойчивые корреляции между характером, типом ПФ, с одной стороны, и типом дискурсивной стратегии, а также формой бытования ПФ (одна лексема, одно предложение-высказывание, одна группа слов разной структуры), не зависящей от типа ПФ и функциональной среды, — с другой. Причину этому следует искать, вероятно, как в свойствах ПФ, так и в структуре интеракции, реализуемой в тех или иных условиях при достижении коммуникантами определенной для них цели. Поэтому нередки амбивалентные трактовки; ср. ряд примеров, иллюстрирующих разные способы уплотнения информационного потока при решении автором, Б.-Л. Ланге, различных задач:

— характеристика (критика) реальности через демонстрацию причинно-следственных отношений от противного: Wenn das mit der Obst- und Gemüseversorgung im Land so weitergegangen wäre, hätte man zukünftig die Stilleben aus den Museen entfernt (LANGE 2000: 11) (опосредованная со-активация сведений о типичных условиях взаимодействия носителей культуры при решении конкретной коммуникативной задачи);

— конструирование реальной действительности через виртуальную: Oktober 89. Alle Eingaben hatten nichts genutzt. Wir mussten etwas größer schreiben. So entstanden Transparente (Там же: 41), Es wurden täglich weitaus mehr Nachrichten als Köpfe frisiert (Там же: 117), Die Unfähigkeit, das Passende zu sagen, hält sich zum Glück mit der Fähigkeit, das Unpassende zu antworten, die Waage (Там же: 61) (косвенное цитирование + со-активация сведений через апелляцию к привычным для носителей культуры действиям разных категорий коммуникантов с их разным спектром действий);

— анализ мотивации носителей языка и культуры: Beim Aussprechen der Wahrheit überkam ihn immer ein unbeschreibliches Schwindelgefühl (Там же: 43), Auf Selbstbetrug gibt es immer Bewährung (Там же: 62) (аллюзия на привычные действия в социуме так называемого обывателя);

— экспликация конфликта между реальностью и официозом: Der Kunde war nicht König, sondern Bettelmann (Там же: 11) (активизация сведений от противного, пародирование, контраст

учитываются как статические, так и динамические характеристики анализируемых явлений (ГРИШАЕВА 2018б: 384-386).

между официозом и реальной действительностью);

— сопоставление содержания привычных лозунгов с действительностью: “Man muss”, meinte der Redner, “die Realität immer wieder an der Wirklichkeit überprüfen!” (Там же: 12) (немного модифицированная цитата, наиболее часто встречающаяся в научных кругах), “Ich will vorwärts kommen”, sagte das Quadrat, “ich will in bessere Kreise!” (Там же: 51), “Wir ringen um eine sozialistische Lebensweise.” Dabei boxte man sie durch (Там же: 15), Der Zeitgeist: ein bestechliches Gespenst (Там же: 61) (игра с прецедентными высказываниями по поводу наиболее типичных для «обычных» носителей культуры и языка);

— учет причинно-следственных связей при критике властей: Als der Stein seines Denkanstoßes ins Rollen kam, brachte er sich rechtzeitig in Sicherheit (Там же: 12), Früher mussten wir das “Kapital” nur lesen, aber nun ist es da! (Там же: 51) (пародирование, парафраз, со-активация сведений через знание аналогичных ситуаций и реакций на них со стороны коммуникантов, активизация знаний об успешных способах обходить запреты);

— характеристика определенной категории людей, стремящихся к успеху любой ценой: Von seinem Erfolg leistete er sich ein paar Ideale (Там же: 115), Der Lorbeerkrantz: ein geflochtenes Küchenkraut (Там же: 115) (со-активация сведений через активизацию реакций на аналогичные ситуации).

Очевидно, что ПФ, в какой бы форме они не активировались в дискурсе и не фиксировались в соответствующем тексте (аллюзия, прямое или косвенное цитирование, игра слов, парафраз, пародия, контраст, полисемант и др.), устанавливают многочисленные межтекстовые и интертекстуальные⁷ связи с другими текстами, хорошо известными всем гражданам экс-ГДР: документами СЕПГ, речами государственных деятелей ГДР, высказываниями мелких и крупных чиновников, содержанием школьных и вузовских учебников по ряду дисциплин, текстами, обязательными для изучения всеми категориями граждан, с устными текстами, содержащими критику властей и положения дел в стране и бытующими в строго определенных ситуациях, с теле- и радиопрограммами из ФРГ, передовицами из газет, изда-

---

⁷ О разграничении межтекстовых и интертекстуальных связей см. подробнее в (Гришаева 2020).

вавшихся в ГДР, и др.; ср.: Die DDR war sehr musikalisch. Man bildete ständig Komponisten für Zukunftsmusik aus (Там же: 14), Wie soll ich denn wissen, ob mich die Bardot geliebt hätte, wenn ich nicht nach Paris durfte!?! (Там же: 18), Welch ein Land! Was wir uns leisten konnten! Zum Beispiel Diplomingenieure, die Freitag vormittag beim Bäcker anstanden! (Там же: 12), Die Universität ist eine Schmiede der Nation. Darum kommen auch so viele Behämmerte heraus (Там же: 74) (игра слов, пародирование действий, соактивация сведений о способе реагирования на аналогичные ситуации в известных ситуациях, знание о несовпадении действий и способах проговаривания о действиях в этих условиях).

Обращает на себя внимание то, что ПФ, в какой бы форме они не использовались в тексте в качестве средства реализации той или иной коммуникативной стратегии, активируют и соактивируют у носителей культуры знакомые и привычные им сведения о том, как действовали они в известных им ситуациях, как они реагировали на определенные лозунги, какие последствия им приходилось иметь в виду в том или ином случае, как они рассказывали об этом разным категориям собеседников и пр. А погружение этих связей в новый социокультурный контекст — die Wende / объединение Германии — разными способами (ср. заголовок книги, название разделов, прямое и косвенное цитирование привычных лозунгов, напоминание о стратегиях выживания и обыденных привычках и пр.) не может не придать реципиенту уверенности в успешности их адаптации к изменившимся коренным образом условиям. Этот эффект не стоит недооценивать, потому что он снимает неопределенность, которая психологически может стать весьма болезненной в ситуации когнитивного диссонанса, в котором оказались граждане экс-ГДР, а также в меньшей степени и граждане «старой» ФРГ в период объединения Германии.

Анализ текстов, при установлении когерентности в которых особо значимыми оказываются ПФ, по-разному выражаемые и представляющие собой разные типы, позволяет объяснить, почему подобная организация текста становится максимально востребованной именно в ситуациях социокультурного слома и кардинальных социальных преобразований, в ситуациях неопределенности и выраженного когнитивного диссонанса, очевидного как для продуцента, так и для реципиента текста. По всей види-

мости, апелляция к ПФ, т. е. к чему-то постоянному, известному, понятному, предсказуемому, помогает носителю языка и культуры лучше ориентироваться в неустойчивых условиях, в ситуации неопределенности, и увереннее принимать решения относительно своих действий в настоящем и будущем, т. е. использовать свой опыт хотя бы в психоэмоциональном плане, если паттерны взаимодействия оказываются — или кажутся — неприемлемыми и или мало эффективными в актуальной интеракции.

Обобщая наблюдения над текстами анализируемого типа, необходимо подчеркнуть одно положение, воспринимаемое, на первый взгляд, как банальность: приведенные примеры показывают, что одну и ту же коммуникативную и когнитивную задачу можно решать с помощью разных средств. Это справедливо по отношению к отдельным типам ПФ, а также к способам его активизации в дискурсе и к форме выражения в конкретной интеракции (см. приведенные примеры). Однако по отношению к ПФ данная вполне ожидаемая констатация приобретает особый вес, поскольку в стандартных случаях между формой выражения ПФ, с одной стороны, и сферой его бытования в культуре и его функционалом, с другой, имеется довольно устойчивая и мало вариативная связь. Это обусловлено свойствами ПФ: для носителей языка и культуры они, как это установил в свое время Ю. Н. Караулов, (1) значимы в познавательном и эмоциональном отношении, (2) имеют сверхличностный характер и известны в силу этого разным поколениям, (3) способны оставаться востребованными неоднократно на протяжении многочисленных поколений носителей культуры (КАРАУЛОВ 1987: 216).

К названным свойствам можно добавить еще одно: поскольку языковая личность обращается к ПФ неоднократно на протяжении многих веков, в них варьирует КАК, а не ЧТО (ГРИШАЕВА 1998: 18-19); ср.: Rückblick. Die Sieger der Revolution sind nicht die Gewinner (LANGE 2000: 48) (ср. традиционное: Революцию совершают романтики, а пользуются ее плодами негодяи. Или: Революция пожирает своих детей). Поэтому при изменении когнитивного фона содержание (и смысл) некоторого ПФ подвергается неизбежному переосмыслению при сохранении устойчивой связи с ценностной ориентацией, которая

(связь) остается постоянной⁸ в культуре несмотря на вероятное преобразование конфигурации⁹ ценностных ориентацией в картине мира носителей языка и культуры в тот или иной период развития конкретной языковой культуры. Ср., например, окончание текста «Vorsichthalber»: ...Von den 500 Mitarbeitern wurden dreihundert entlassen. Vorsichthalber vor allem die ehemaligen Demonstranten (Там же: 46).

Поэтому ясно, что варьирование текстоорганизующих потенций ПФ — и тем самым варьирование семантической и синтаксической структуры текста — подпадает под воздействие факторов-катализаторов и факторов-ингибиторов подобных изменений. Изменение культурной среды, изменение конфигурации ценностных ориентаций в социуме становятся катализаторами, вызывающими расширение, дифференциацию и/или сужение функциональной сферы того или иного ПФ. По всей видимости, факторы подобного рода как минимум благоприятствуют описанным выше трансформациям.

Основным и наиболее значимым фактором-ингибитором же следует признать ядерную часть структуры коллективной идентичности, в которой хранятся представления о наиболее ценных, поощряемых и всячески культивируемых в культуре качеств личности и о способах социализации единичных субъектов в желательном для культуры направлении. Это обусловлено тем, что в ядерной части ментальной структуры идентичности хранятся наиболее устойчивые к изменениям процедуральные и декларативные сведения, а также паттерны организации взаимодействия между носителями языка и культуры в тех или иных условиях.

Относительно нейтральными по отношению к варьированию функционала ПФ в культуре являются закономерности внутритек-

---

⁸ Независимо от исторической реальности и конкретных действий соответствующих персонажей *Илья Муромец*, *Владимир Красно Солнышко* — это всегда хорошо для носителей русского языка, а *Барбаросса* — плохо, хотя прецеденты *Барбаросса* и *Владимир Красно Солнышко* выполняют в своих культурах вполне сопоставимые функции. Вспомним также реакцию на фразу *ключ от квартиры, где деньги лежат*.

⁹ Насколько значимой является конфигурация элементов в некоторой структуре, можно показать на примере углерода, который обнаруживает разные свойства из-за разной конфигурации связей между атомами в графите и алмазе.

стовой организации. Изменение последней причинно коррелирует с формой выражения ПФ и способом активации сведений, хранящихся в его ментальной структуре (см. примеры выше). Для ПФ как средства установления когерентности соответствующего текста в этом смысле оказываются наиболее значимыми субсистемные, т. е. внутритекстовые, связи.

Выражаясь иначе, следует подчеркнуть: для функционирования ПФ наиболее важными для различных трансформаций содержательной, формальной, функциональной организации соответствующих текстов оказываются суперсистемные связи в тексте: социокультурные, социопсихологические изменения, структура культурной идентичности субъекта познания и коммуникации, способы организации интеракции и др. Этим можно объяснить и активное обращение носителей языка и культуры к ПФ в эпоху перемен и глубоких социальных трансформаций. В подобных ситуациях ПФ становятся эффективным и экономным средством поддержания коллективной идентичности коллективного субъекта, средством поддержания и воспроизводства культурной континуальности в синхронии и диахронии, способом сохранения преемственности поколений и укрепления межпоколенческих связей в культуре.

5. Выводы

Одной из ярких актуальных тенденций в организации текстов разного типа является на современном этапе уплотнение интертекстуальных связей, сопровождаемое активным обращением к ПФ. Последние, будучи интеллектуально и эмоционально значимыми для носителей языка и культуры, общеизвестными и востребованными представителями многочисленных поколений, становятся эффективным и надежным средством структурирования информационного потока в дискурсе, его уплотнения и в силу этого средством экономии когнитивных и коммуникативных усилий, обеспечивая коммуникантам быстрое, предсказуемое и эмоционально значимое достижение целей в дискурсе, а также комфортное течение интеракции.

В силу того, что в дискурсе комплекс сведений, содержащийся в ментальной структуре ПФ любого типа, называется минимумом языковых средств (одна лексема, одна группа слов разной структуры, одно предложение-высказывание), подобное решение коммуникативной и когнитивной задачи в интеракции

оказывается весьма эффективным. Данное обстоятельство оказывается весьма выигрышным для коммуникантов, так как минимум языковых средств активизирует и со-активирует огромный пласт разнородных, четко структурированных сведений о мире, которые к тому же помещаются автоматически в известный всем в культуре аксиологический контекст. Эти сведения, однако, в коммуникации имплицитуются, т. е. не объективируются в актуальном акте познания и коммуникации. Но поскольку ими владеют все носители языка и культуры, никаких сбоев в коммуникации не наступает: коммуниканты как носители языка и культуры хорошо знают, в каких коммуникативных условиях, для чего и каким образом эти сведения активируются. Поэтому они легко считывают явные и даже якобы скрытые мотивы своего партнера по коммуникации.

ПФ активно используются в качестве средства реализации манипулятивных стратегий в особенности в медиапространстве и в общественно-политическом дискурсе, чтобы сплотить реципиентов, вызвать у них чувство солидарности и сопричастности к актуальным общественным проблемам, чтобы, наконец, категоризовать участников интеракции как «своих», четко отграничивая при этом «чужих».

Характерно, что в силу феноменологических свойств ПФ эффект от воздействия одного и того же ПФ на разных реципиентов в одних и тех же коммуникативных условиях может быть разным из-за различий в конфигурации ментальной структуры личностной идентичности единичных субъектов и по причине единства коллективной идентичности у носителей одной культуры. Поэтому тексты, содержащие ПФ, оказываются для реципиента более экспрессивными и эмотивными, более содержательными, чем «обычные» тексты, даже если последние могут быть насыщенными разнообразными стилистическими средствами.

По этой причине тексты, содержательным стержнем которых является ПФ, обеспечивают варьирование текста как в семантическом и формальном, так и в функциональном отношении. Их текстоорганизующие потенции основываются на семиотических, когнитивных, семантических, формально-структурных, функциональных особенностях ПФ и требуют анализа одновременно на микро- и макротекстовом уровне с учетом устанавливаемых ими межтекстовых связей с текстами разных типов в раз-

ных типах и форматах дискурса, а также в культурном пространстве в целом. Важно подчеркнуть, что по названным причинам один и тот же ПФ реализует свой функциональный потенциал одновременно как во внутритекстовом, так и межтекстовом пространстве, способствуя структурированию информационного потока в культурном пространстве в целом.

Описанные признаки функционирования ПФ в текстах разных типов целесообразно характеризовать как закономерные, поскольку описанные свойства присущи любым типам ПФ в любых типах и форматах дискурса и применительно к характеру решаемой коммуникативной и когнитивной задачи разными категориями коммуникантов.

Относительно случайным можно назвать выбор конкретного ПФ как средства реализации определенной коммуникативной стратегии. Относительно случайным это свойство является потому, что одна и та же стратегия в культуре может реализовываться разными способами и с помощью разных средств, в том числе, однако, не обязательно через апелляцию к ПФ. Поскольку к ценностным ориентациям можно апеллировать как напрямую, так и опосредованно, а также от противного, выбор конкретного способа активации ПФ в коммуникации следует признать, пожалуй, случайным, так как это зависит от особенностей личностной идентичности единичного субъекта и от актуальных коммуникативных условий при реализации конкретной интеракции.

Важной характеристикой функционирования ПФ является то, что при всем разнообразии содержательной и формальной вариативности текстов, в которых присутствуют ПФ, набор последних, т. е. ПФ, относительно устойчив в количественном и качественном отношении на протяжении многих поколений носителей языка и культуры. Однако выбор конкретного ПФ, активирующего связь с определенной ценностной ориентацией, в большей мере зависит от особенностей коллективной, а не личностной идентичности продуцента текста и находится в гармонии с особенностями коллективной идентичности реципиента как коллективного субъекта.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Анисимова Е. Е.* Религиозный дискурс: функциональный и антропологический аспекты. М.: МГЛУ, 2019. [Anisimova, Yelena Ye. (2019) *Religiøsnyy diskurs: funktsionalnyy i antropologicheskiiy aspekty* (Religious Discourse: Functional and Anthropological Aspects). Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russian)].
- Бабенко Н. С.* Textsortenlinguistik vs. лингвистическое жанроведение // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 5. М.: Языки славянской культуры, 2009. С. 235—244. [Babenko, Nataliya S. (2009) Textsortenlinguistik vs. lingvisticheskoye zhanrovedeniye (Textsortenlinguistik vs. Linguistic Genre Studies). In Babenko, Nataliya S. (ed.) *Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists). Vol. 5. Moscow: LRC Publishing House, 235—244. (In Russian)].
- Гришаева Л. И.* Арминий, Барбаросса, ведьмы с Брокена и другие: немецкий язык и культура через призму немецких прецедентных текстов. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1998. [Grishayeva, Lyudmila I. (1998) *Arminiy, Barbarossa, vedmy s Brokена i drugiye: nemetskiy yazyk i kultura cherez prismu nemetskiikh pretsedentnykh tekstov* (Arminius, Barbarossa, the Witches of Brocken, and Others: German Language and Culture through the Prism of German Case Texts). Voronezh: Voronezh State University. (In Russian)].
- Гришаева Л. И.* Прецедентный текст как универсальное средство передачи и хранения всех культурных фактов народа // Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Теория межкультурной коммуникации: проблемы, подходы, анализ. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2018а. С. 340—371. [Grishayeva, Lyudmila I. (2018a) *Pretsedentnyy tekst kak universal'noye sredstvo peredachi i khraneniya vseh kul'turnykh faktov naroda* (The Precedent Text as a Universal Means of Transmitting and Storing all the Cultural Facts of the People). In Grishayeva, Lyudmila I., & Tsurikova, Larisa V. *Teoriya mezhkul'turnoy kommunikatsii: Problemy, podhody, analiz* (Theory of Intercultural Communication: Problems, Approaches, Analysis). Voronezh: Voronezh State University, 340—371. (In Russian)].
- Гришаева Л. И.* Типология прецедентности и культурная континуальность, или К вопросу о культурных скрепах // Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Теория межкультурной коммуникации: проблемы, подходы, анализ. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2018б. С. 371—388. [Grishayeva, Lyudmila I. (2018b) *Tipologiya pretsedentnosti i kul'turnaya kontinual'nost', ili K voprosu o kul'turnykh skrepakh* (The Typology of Precedent and Cultural Continuity, Or On the Issue of

- Cultural Staples). In Grishayeva, Lyudmila I., & Tsurikova, Larisa V. *Teoriya mezhhkul'turnoy kommunikatsii: Problemy, podhody, analiz* (Theory of Intercultural Communication: Problems, Approaches, Analysis). Voronezh: Voronezh State University, 371—388. (In Russian)].
- Гришаева Л. И. Варьирование текста в коммуникации. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020. [Grishayeva, Lyudmila I. (2020) *Varyirovaniye teksta v kommunikatsii* (Text Variation in Communication). Voronezh: Nauka-Yunipress. (In Russian)].
- Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. [Gudkov, Dmitriy B. (2003) *Teoriya i praktika mezhhkul'turnoy kommunikatsii* (Theory and Practice of Intercultural Communication). Moscow: Gnosis. (In Russian)].
- Донец П. Н. Прецедентные или прототипические феномены? К вопросу об одном лингвокультурологическом понятии // Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты / под ред. Л. В. Цуриковой, Л. Ю. Щипициной. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. С. 429—439. [Donets, Pavel N. (2014) *Pretsedentnyye ili prototipicheskiye fenomeny? K voprosu ob odnom lingvokulturnom ponyatii* (Precedent or Prototypical Phenomena? On the Issue of one Linguistic and Cultural Concept). In Tsurikova, Larisa V., & Shchititzyna, Larisa Yu. (eds) *Subyekt poznaniya i kommunikatsii: yazykovyye i mezhhkul'turnyye aspekty* (Subject of Cognition and Communication: Linguistic and Cross-cultural Perspectives). Voronezh: Nauka-Yunipress, 429—439. (In Russian)].
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. [Karaulov, Yuriy N. (1987) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* (Russian Language and Language Personality). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. [Krasnykh, Viktoriya V. (2002) *Etnopsikhologiyistika i lingvokul'torologiya* (Ethnopsycholinguistics and Linguoculturology). Moscow: Gnosis. (In Russian)].
- Кремнева А. В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия в семиотическом пространстве культуры. Барнаул: Алтайский ГТУ им. И. И. Ползунова, 2017. [Kremnyova, Anna V. (2017) *Intertekstual'nost' kak odna is form mezhtektovogo vsaimodeistviya v semioticheskom prostranstve kul'tury* (Intertextuality as One of the Forms of Intertextual Interaction in the Semiotic Space of Culture). Barnaul: Altai State Technical University. (In Russian)].
- Трошина Н. Н. Смещение текстовых моделей как прием в рекламном дискурсе // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Т. 5. М.: Языки славянской культуры, 2009. С. 334—339. [Troshina, Natalya N. (2009) *Smesheniye tekstovyykh modeley kak*

- priyom v reklamnom diskurse. In Babenko, Nataliya S. (ed.) *Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists). Vol. 5. Moscow: LRC Publishing House, 334—339. (In Russian)].
- Трошина Н. Н. Проблемы языковой культуры, языковой критики и языковой рефлексии в современной немецкоязычной германистике // Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты / под ред. Л. В. Цуриковой, Л. Ю. Щипициной. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. С. 414—429. [Troshina, Natalya N. (2014) Problemy yazykovoy kul'tury, yazykovoy kritiki i yazykovoy refleksii v sovremennom nemetsko-yazychnoi germanistike (Problems of Language Culture, Language Criticism, and Language Reflection in Modern German-language Germanic Philology). In Tsurikova, Larisa V., & Shchititzyna, Larisa Yu. (eds) *Subyekt poznaniya i kommunikatsii: yazykovye i mezhkul'turnye aspekty* (Subject of Cognition and Communication: Linguistic and Cross-cultural Perspectives). Voronezh: Nauka-Yunipress, 414—429. (In Russian)].
- Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста. М.: КомКнига, 2005. [Chernyavskaya Valeriya Ye. (2005) *Interpretatsiya nauchnogo teksta* (Interpretation of the Scientific Text). Moscow: KomKniga. (In Russian)].
- Щипицина Л. Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация: лингвистический аспект анализа. М.: КРАСАНД, 2010. [Shchititzyna, Larisa Yu. (2010) *Kompyuterno-oposredovannaya kommunikatsiya: lingvisticheskiy aspekt analiza* (Computer-mediated Communication: the Linguistic Aspect of Analysis). Moscow: Krasand. (In Russian)].
- Щипицина Л. Ю. Текстовая организация социальной сети как гипержанра Интернет-коммуникации // Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты / под ред. Л. В. Цуриковой, Л. Ю. Щипициной. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. С. 211—225. [Shchititzyna, Larisa Yu. (2014) Tekstovaya organizatsiya sotsialnoy seti kak giperzhanra Internet-kommunikatsii (Text Organization of a Social Network as a Hypergenre of Internet Communication). In Tsurikova, Larisa V., & Shchititzyna, Larisa Yu. (eds) *Subyekt poznaniya i kommunikatsii: yazykovye i mezhkul'turnye aspekty* (Subject of Cognition and Communication: Linguistic and Cross-cultural Perspectives). Voronezh: Nauka-Yunipress, 211—225. (In Russian)].
- Adamzik, Kirsten. (1995) *Textsorten — Texttypologie. Eine kommentierte Bibliographie*. B. 12. Münster: Nodus Verlag.
- Fix, Ulla. (2008) *Texte und Textsorten — sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene*. Berlin: Frank & Timme.
- Freudenberg-Findeisen, Renate. (2016) (ed.) *Auf dem Weg zu einer Textsor-*

- tendidaktik. Linguistische Analyse und text(sorten)didaktische Bausteine nicht nur für den fremdsprachlichen Deutschunterricht.* Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag.
- Grischaewa, Ludmilla. (2016) Vom Mehrwert fremdsprachiger Inklusionen im deutschen Text. In Richter, Julia; Zwischenberger, Cornelia; Kremmel, Stefanie, & Spitzl, Karlheinz (eds). *(Neu-)Kompositionen. Aspekte transkultureller Translationswissenschaft.* Liber amicorum für Larisa Schippel. Berlin: Frank & Timme; Verlag für wissenschaftliche Literatur, 367—389.
- Lange, Bernd-Lutz. (2000) *Es bleibt alles ganz anders. Deutsch-deutsche Wunderlichkeiten.* Stuttgart-Leipzig: Hohenheim Verlag.
- Schmitz, Ulrich. (2014) Kohärenz in Text-Bild-Sorten: Grammatik & Design. In Tsurikova, Larisa V., & Shchititzyna, Larisa Yu. (eds) *Subyekt poznaniya i kommunikatsii: yazykovye i mezhkul'turnye aspekty* (Subject of Cognition and Communication: Linguistic and Cross-cultural Perspectives). Voronezh: Nauka-Yunipress, 226—244.
- Rentel, Nadine, & Venohr, Elisabeth. (2012) (eds) *Text-Brücken zwischen den Kulturen. Festschrift zum 70. Geburtstag von Bernd Spillner.* Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien: Peter Lang.
- Troschina, Natalya N. (1995) Kommunikativer Kontext und stilistische Frames. In Wodak, Ruth, & Kirsch, Fritz Peter. (eds) *Totalitäre Sprache — Langue de Bois — Language of Dictatorship.* Wien: Passagen-Verlag, 93—103.

Lyudmila I. Grishayeva
Voronezh State University

The Natural and the Accidental in Variation of Texts with Culturally Significant Phenomena

The paper focuses on trends in the semantic, formal (structural) and functional organisation of texts. These trends can currently be legitimately characterised as universal for different types of texts in all languages and cultures. When describing the principles of the organization of the text as a phenomenon, a holistic approach is preferable to the atomistic one, and the dynamic perspective is preferable to the static one. The dynamic perspective of the analysis of various semantic and syntactic changes in texts allows us to describe them as the variations of a particular invariant, which manifests itself as a natural property of language as a means of cognition and communication. Therefore, the changes observed in the analysis of various intratextual connections caused by unique stylistic and/or socio-cultural reasons, can be interpreted to a certain extent as a manifestation of the variability of the text structure within the boundaries of one invariant. However, taking

into account the super-systemic relations of the text with its intra-textual organization, the corresponding changes can be interpreted as a transformation of the “text type” invariant. The discussed trends are illustrated by the description of the functioning the culturally significant phenomena in texts expressed in a single sentence and/or super-phrasal unity.

Keywords: text type as a variant; text type as an invariant; text variation in communication; culturally significant phenomenon

П. Н. Донец

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина

**КОНЦЕПТ IDENTITÄT И ЕГО АКТУАЛИЗАЦИЯ
В НЕМЕЦКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(на материале еженедельника «Die Zeit»)**

В статье проводится комплексный лексикографический, корпусно-лингвистический и дискурсивно-текстовый анализ немецкоязычного концепта IDENTITÄT. На основании анализа ядро этого концепта определяется как факт отнесения себя некоторым индивидом к тому или иному (гендерному, этническому, культурному и т. п.) сообществу и вытекающие отсюда для него права (прежде всего, на сохранение сложившихся в данном сообществе ценностей и образа жизни) и обязанности.

Ключевые слова: идентичность; концепт; лексикографический анализ; корпусная лингвистика; дискурсивный анализ

1. Введение

Понятие «Identität» можно часто встретить на страницах немецкоязычной прессы, в выступлениях политиков, в Интернет-чатах, в названиях научных конференций, симпозиумов и т. д. При этом оно используется в самых разных значениях; общепринятой дефиниции соответствующего термина не существует и в научных источниках.

В подобных случаях¹ может помочь комплексный концептологический анализ соответствующего феномена, включающий, в частности, а) лексикографический, б) корпусно-лингвистический и в) дискурсивно-текстовый этапы.

Таким образом, целью статьи является определение лингвокультурного концепта IDENTITÄT и изучение способов и средств его актуализации в немецкоязычном публицистическом дискурсе.

Материал исследования составили данные онлайн-словарей *Duden*, *DWDS*, корпусного словаря *Leipzig Corpora Collection*, а также 100 контекстов употребления *Identität*, отобранных методом сплошной выборки из еженедельника «Die Zeit».

---

¹ Эта методика была использована нами ранее при моделировании концептов *GRENZE* и *МИФ* (Донец 2006; Донец 2012).

2. Результаты исследования и их обсуждение

2.1. Освещение лексемы *Identität* в толковых словарях

В словаре *Duden*² лексема *Identität* определяется следующим образом:

1. a) Echtheit einer Person oder Sache; völlige Übereinstimmung mit dem, was sie ist oder als was sie bezeichnet wird
- b) als „Selbst“ erlebte innere Einheit der Person (...)
2. völlige Übereinstimmung mit jemandem, etwas in Bezug auf etwas; Gleichheit (...)

Synonyme: Echtheit; (Amtssprache) Nämlichkeit, [eigenes] Ich, Ichbewusstsein (<https://www.duden.de/rechtschreibung/Identitaet>).

В толковой части статьи в словаре DWDS находим определение:

1. Gleichheit, völlige Übereinstimmung, Wesenseinheit (...)
2. derjenige, der man ist (...). (<https://www.dwds.de/wb/Identität>)

Суммируя приведенные толкования, синонимы и иллюстративный материал (опущенный здесь в целях экономии места), можно прийти к выводу, что в значении лексемы *Identität* просматриваются 3 основных семемы: условно говоря, математическое — а) «тождество», «полное совпадение»; б) ведомственное (чаще всего, полицейское) — «паспортные (анкетные) данные» и в) социопсихологическое или психоаналитическое — «собственное Я», «самость», самосознание» и т. п.

Очевидно, что к собственно «идентичности» имеет отношение лишь семема (а). Вторая семема может быть связана с ней, если возникла в результате стяжения «идентичность сказанного о себе неким субъектом действительности».

Вероятнее всего, однако, она, как и семема (3), представляет собой сокращенную форму *идентификации*. Последняя — одна из самых универсальных когнитивных процедур, сводящаяся к отнесению той или сущности к определенному классу явлений, либо выделению отдельной (индивидуальной) сущности из класса явлений. В случае семемы (2) речь идет о выделении некоего индивида из класса людей, в случае семемы (3) — отнесении индивидом себя к некоторому классу (классам) людей. Кроме того,

---

² В данном случае будет проанализирована статья из онлайн-версии словаря *Duden*, однако она почти полностью совпадает с «бумажной» версией.

здесь проявляются два типа идентификации: *внешняя* (2) и *автоидентификация* (3).

2.2. Освещение *Identität* в корпусных словарях

Данные корпусных словарей ценны тем, что, будучи основанными на большом количестве источников (так, приводимый ниже «лексический граф» *Identität* Лейпцигского словаря построен на основе корпуса текстов общим объемом в 46843422 предложений), дают возможность — главным образом, через коллокации — установить наиболее частотные референты соответствующего концепта.

В разделе «Teil von» Лейпцигского словаря находим:

Nationale Identität, Bourne Identität, Europäische Identität, Kulturelle Identität, Digitale Identität, Erinnerung und Identität, Sexuelle Identität, Österreichische Identität, Kollektive Identität, Soziale Identität, Theorie der sozialen Identität.

Таким образом, основными классами, с которыми осуществляется идентификация, являются национальные, государственные, гендерные и культурные сообщества. Обращает на себя внимание коллективный характер субъектов идентификации. Выпадает из ряда название фильма «Bourne Identität» («Идентификация Борна»).

Deutsches Nachrichten-Korpus basierend auf Texten
gecrawlt 2018 mit 46.843.422 Sätzen. [Korpus wechseln](#)

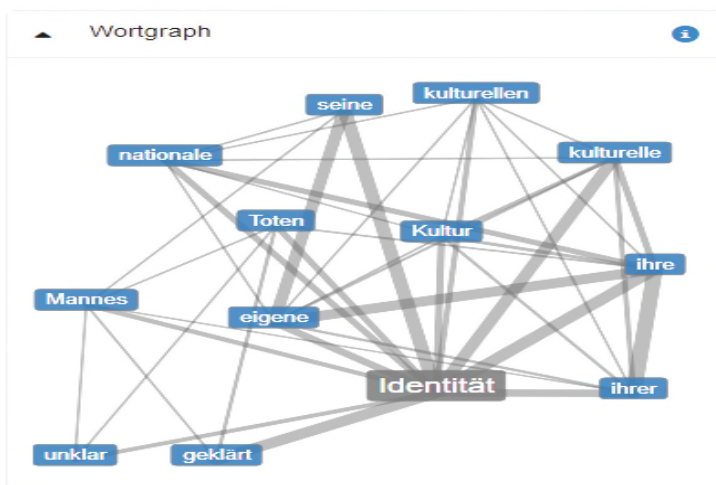

Рис. 1. «Лексический граф» *Identität* (DNK)

В «лексическом графе» *Identität* (https://corpora.uni-leipzig.de/de/res?corpusId=deu_newscrawlpublic_2018&word=Identität), который автоматически выстраивается на сайте, прослеживается значительная роль семемы «паспортные данные», а также высокий удельный вес национальной и культурной «идентичности» (см. Рис. 1).

В корпусе DWDS (<https://www.dwds.de/wb/Identität>) соответствующий «граф» выглядит несколько по-иному (см. Рис. 2).

Typische Verbindungen zu »Identität«

DWDS-Wortprofil

maschinell ausgedacht aus den DWDS-Korpora

Рис. 2. «Лексический граф» *Identität* (DWDS)

«Паспортная идентичность» встречается на этой диаграмме также достаточно часто (*tote*, *falsch*, *feststellen*, *enthüllen*, *klären*, *wahr*, *preisgeben*), ряд сообществ обогащается за счет региональных, этнических и этнорелигиозных (*regional*, *europäisch*, *religiös*, *ostdeutsch*, *jüdisch*); примечательно, однако, появление довольно многих представителей семемы (3) — «идентичность» предстает здесь как нечто, что должно быть найдено (*Suche*), создано (*stiften*, *definieren*), сохранено (*wahren*) и может быть утеряно (*Verlust*).

2.3. Референциал имени *Identität* в публицистическом дискурсе

Корпусные словари фиксируют коллокации того или иного имени на основании огромного количества контекстов. Для полноценного моделирования соответствующего концепта, однако, требуется также анализ его *референциала* (совокупности референтов) в конкретных фрагментах дискурса.

В данном случае материал исследования составили 100 словоупотреблений *Identität*, отобранных методом сплошной выборки

(поиск по ключевому слову) в архиве еженедельника «Die Zeit».

Относительно легко выделяется группа референтов, представляющих «паспортную идентичность» — таковых было найдено 23 (другими словами, частотность составила 23 %), например:

«In Frankreich wird Facebook die *Identität* von Nutzern, die Hassbotschaften schreiben, mit den Behörden teilen. Das sei weltweit einmalig, sagt der Digitalminister» (<https://www.zeit.de/digital/internet/2019-06/soziale-medien-facebook-hasskommentare-identitaet-straftverfolgung>).

Другие референты поддаются типологизации не столь легко. 29.07.2019 на онлайн-портале газеты «Die Zeit» появилась статья с характерным названием *Identität ist Bullshit*. По ее содержанию, среди прочего, можно судить о наиболее частотных типах идентичности, обсуждаемых в современном немецком публицистическом дискурсе:

«Gibt es draußen eigentlich noch Leute, die nicht ihre eigene Identität beschwören, für irgendwelche Identitäten demonstrieren – oder über die Identitätspolitik der anderen schimpfen? Wo immer das Wort *Identität* in der Öffentlichkeit fällt, ob im Feuilleton, in den sozialen Medien oder an den analogen Stammtischen, fliegen sogleich die Fetzen. „Heimat“, „Gender“, „LGBTIQ*“ oder „alter weißer Mann“³ — wer sich oder andere identifiziert, bekommt sofort volle Aufmerksamkeit (...) *Identität ist Heimat ist Hautfarbe ist Geschlecht ist sexuelle Orientierung ist Kultur ist Herkunft ist Familie ist Nation ist Tradition ist Integration*» (<https://www.zeit.de/kultur/2019-07/sprache-identitaet-begriff-verwendung-diskriminierung-philosophie/komplettansicht>).

Приведенные в данном фрагменте референты можно объединить в 4 сообщества: *расовое* (Hautfarbe), *генетическое* (Herkunft, Familie, Nation), *культурное* (Heimat, Kultur, Nation⁴, Tradition) и *гендерно-сексуальное* (Geschlecht, sexuelle Orientierung).

Достаточно часто в проанализированном нами материале встречались референты, которые обобщенно можно назвать *самопонимание / профилирование личности*, ср:

«Aus entwicklungspsychologischer Sicht könnten Facebook und ande-

---

³ Имеется в виду нашумевшая в ФРГ книга феминистки С. Пасман *Alte weiße Männer*.

⁴ «Нация» может истолковываться как генетическое, так и культурное сообщество.

re Social-Media-Plattformen junge Menschen sogar bei der *Identitätsentwicklung* unterstützen, heißt es auch im Vorwort der DAK-Studie» (<https://www.zeit.de/digital/internet/2019-08/smartphonesucht-konsumhandyabhaengigkeit-digitale-aengste/seite-2>).

Неожиданно часто (в 22 случаях) под «идентичностью» понималась *языковая и культурная специфика* того или иного сообщества, к примеру:

«„Wenn unsere Sprache verschwindet, verschwindet unsere *Identität*“. Peter, 23 Jahre und Angestellter, will der Welt zeigen, dass Hongkong sich von China unterscheidet». (<https://www.zeit.de/campus/2019-08/proteste-hongkong-china-massendemonstrationen-aktivismus-angst/seite-4>).

— неожиданно потому, что это толкование «идентичности» является прямо противоположным ее «математической» семеме (I), т. е. тождеству сущностей.

Что касается уровня культуры, то здесь могут актуализоваться самые разные сообщества — от футбольных клубов (см. ниже) до цивилизаций (суперкультур), ср. печально известное «идентитарное движение» в Западной Европе:

«Das Ideal des ästhetisch-moralisch autonomen Künstlers habe die Seiten gewechselt, von links nach rechts. Rechts gelte freie Kunst als *identitäre* Bastion, wider den Ansturm einer multikulturellen Political Correctness» (<https://www.zeit.de/2020/48/feindbild-werden-wolfgang-ullrich-neo-rauch-kunst-kultur-kritik>).

Здесь необходимо отметить, что в этом (и во многих других случаях) речь идет не столько специфике как таковой, сколько о необходимости ее *сохранения*.

Отдельный вопрос составляет набор специфических признаков, входящих в «идентичность». Эти признаки варьируют также в большом диапазоне, начиная с отдельных блюд питания:

«Internationalität statt Internationale ist das Motto — in Ostdeutschland besinnt man sich dabei, angesichts der plötzlich hereingebrochenen großen Freiheit, aber auf das, was war und geschmeckt hat, von Soljanka bis Steak au four. Ostalgie nennt sich das Phänomen — und es bedeutet den neuen Bürgern der BRD (auch) die Wahrung kulinarischer *Identität*» (<https://www.zeit.de/zeit-magazin/essen-trinken/2019-06/esskultur-essen-trinken-kuechentrends-superfood-deutschland/komplettansicht>).

и заканчивая мифами и архетипами этнического самосознания:

«Die Erinnerung an die Hungersnot in der Ukraine war und ist ein zentraler Anker nationaler ukrainischer *Identität*» (<https://www.zeit.de/2019/33/roter-hunger-anne-applebaum-hungertod>).

Для швейцарской «идентичности» таким архетипическим признаком неожиданно оказалась банковская тайна:

«Fatal, wenn die Auseinandersetzung *um das Bankgeheimnis* als Infragestellung unserer *Identität* verstanden wird, sodass die, die sich für eine Lockerung oder gar Aufhebung einsetzten, als Landesverräter gebrandmarkt werden» (<https://www.zeit.de/2009/17/CH-Loetscher/komplettansicht>).

Кроме того, в данной статье (автор — швейцарский писатель Х. Лечер) упоминаются такие составляющие швейцарской идентичности как *нейтральность*, *федерализм*, *многоязычие*, а также *армия*.

«Идентичность» может включать гордость за принадлежность к некоторому сообществу:

«Union ist ein *stolzer* Club. Er pflegt seine eigenen Regeln, gegen Kommerz und gegen Erfolgssucht, für Authentizität und Leidenschaft. Seine *Identität* formte sich zu DDR-Zeiten: In den Siebzigerjahren etablierte sich Union als Stadtrivale des BFC Dynamo, dem Lieblingsverein Erich Mielkes, dem Minister für Staatssicherheit, der von 1979 bis 1988 ununterbrochen die DDR-Meisterschaft gewann» (<https://www.zeit.de/2019/24/urs-fischer-union-berlin-bundesliga-aufstieg-fc-basel/komplettansicht>).

Подобная принадлежность способна также служить опорой в сложные времена:

«ZEIT ONLINE: In den USA war die Ungleichheit schon vor der Krise besonders hoch. Was macht die Pandemie mit der Gesellschaft dort?

Schwab: Corona wird die Gesellschaft noch weiter polarisieren. Die Menschen suchen in einer solchen Krise nach *Identität*, nach *Halt*» (<https://www.zeit.de/wirtschaft/2020-09/corona-kapitalismus-rezession-wef-neoliberalismus-klaus-schwab/komplettansicht>).

Такой компонент «идентичности» как происхождение может сказываться даже тогда, когда индивид уже не разделяет ценности соответствующего этнического или религиозного сообщества:

«Wassermann: In der Schule wussten eigentlich alle, dass ich jüdisch bin. Und jetzt bei der Polizei wissen das die meisten Kolleginnen und

Kollegen. Zumindest die, mit denen ich viel zu tun habe. *An jüdischen Feiertagen fahre ich zu meinen Eltern nach Dessau und wir feiern dort zusammen. Auch wenn ich nicht besonders religiös bin, gehört es ja trotzdem zu meiner **Identität***» (<https://www.zeit.de/arbeit/2020-11/antisemitismus-polizei-hessen-rechtsextremismus-schulungen/komplettansicht>).

Здесь проявляется морально-этическое измерение «идентичности», которое можно назвать ее модальными императивами: «Если я являюсь частью сообщества X, то что я — а) могу (на что имею право) и что я — б) должен (какие обязанности это на меня накладывает)?»

Первый императив играет особую роль в случае плюральной (амбивалентной) «идентичности», когда человек объективно может претендовать на принадлежность к нескольким равнозначным сообществам, как это бывает, например, в случае рождения в бинациональных браках или, если он вырос в эмигрантской семье, ср.:

«Harding: Es ist komplex — und es entwickelt sich noch immer. Ich habe dieses Projekt⁵ 2013 mit sehr ambivalenten Gefühlen begonnen. Später stellte ich einen Antrag auf Wiederherstellung meiner deutschen Staatsbürgerschaft. Das hatte zum Teil mit dem Brexit zu tun und dem Wunsch, Teil von Europa zu sein. Aber ich war auch an den Punkt gekommen, an dem ich die Verbindung zu meiner deutschen Identität wiederherstellen wollte. Es geht dabei nicht darum, sich für das eine oder das andere zu entscheiden. Wir alle haben komplexe Identitäten. Ich bin ein Mann, weiß, mittleren Alters, jüdisch, deutsch, britisch, ich bin mit einer US-Amerikanerin verheiratet. Ich habe eine komplizierte Beziehung zu Deutschland, aber ich fühle mich hier zu Hause, hoffnungsvoll und inspiriert. Und ängstlich, immer noch» (<https://www.zeit.de/ent-decken/2019-06/alexander-haus-thomas-harding-gross-glienicke-nationalsozialismus/komplettansicht>),

— иными словами, герой данного интервью подал заявку на получение гражданства ФРГ, поскольку ожидает от такого определенного привилегии после Брексита.

«Идентичность» может также меняться в зависимости от актуального мирового статуса соответствующего сообщества — так, как отмечает в уже процитированном интервью Х. Лечер, до Первой мировой войны для швейцарских немецкоязычных писателей бы-

---

⁵ Речь идет о проекте «Alexander-Haus», целью которого является способствовать межкультурному взаимопониманию в Берлине.

ло вполне нормальным рассматривать себя в качестве части немецкого литературного пространства. В 1919 — 1945 гг. многие австрийцы (если не их большинство) считали себя немцами; после войны ситуация, как известно, кардинально поменялась.

Здесь мы также сталкиваемся с проблемой *негативной* и *позитивной* идентичности. Первая обычно характерна для внешней (экзо-) идентификации, вторая — для самоидентификации, ср. известную фразу бывшего обербургомистра Берлина К. Воверайта:

«Wowereit hatte bei seiner Nominierung als Berliner SPD-Spitzenkandidat 2001 öffentlich gesagt: „*Ich bin schwul und das ist auch gut so*“. Der Satz brachte ihm viel Respekt ein und ist im Zusammenhang mit ihm immer wieder zitiert worden» (<https://www.zeit.de/politik/deutschland/2020-03/joern-kubicki-wowereit-lebensgefuehle-berlin>).

3. Заключение и выводы

Согласно данным толковых словарей, Identität имеет в современном немецком языке 3 основных значения: а) «тождество», б) «паспортные (анкетные) данные» и в) «самосознание».

На основании результатов проведенного нами дискурсивного анализа можно утверждать, что ядро этого концепта в немецкоязычной публицистике составляет факт отнесения себя некоторым индивидом к тому или иному (гендерному, этническому, культурному и т. п.) сообществу и вытекающие отсюда для него права (прежде всего, на сохранение сложившихся в данном сообществе ценностей и образа жизни) и обязанности. Этот вывод должен получить отражение в лексикографической практике и может послужить основой для определения понятия «идентичность» в социопсихологии и политологии.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Донец П. Н. Концепт «GRENZE» в немецком языке: ономаσιологический угол зрения // Вестник Харьковского ун-та. 2006. № 726. С. 3—5. [Donets, Pavel N. (2006) Kontsept “GRENZE” v nemetskom yazyke: onomasiologicheskii ugol zreniya (The Conceptual Structure “GRENZE” in German Language: an Onomasiological Perspective). *Kharkov National University Bulletin*, 726, 3—5. (In Russian)].
- Донец П. Н. «Mythos» als Konzeptgattung // Вестник Харьковского ун-та. 2012. 1022. С. 6—9. [Donets, Pavel N. (2012) Mythos» als

Konzeptgattung (“Myth” as a Conceptual Category). *Kharkov National University Bulletin*, 1022, 6—9. (In German)].

Pavel N. Donets
Karazin Kharkov National University

**The Conceptual Structure IDENTITÄT (IDENTITY)
and its Actualisation in German Journalistic Discourse
(Based on the “Die Zeit” Weekly)**

The article presents a comprehensive lexicographical, corpus-linguistic and discourse-textual analysis of the German-language conceptual structure IDENTITÄT (IDENTITY). Based on the results of the study, the core of this conceptual structure is defined as the fact of identifying oneself with a particular (gender, ethnic, cultural, etc.) community and the resulting therefore rights (primarily, to preserve the values and way of life established in this community) and duties for him.

Keywords: identity; conceptual structure; lexicographic analysis; corpus linguistics; discourse analysis

А. В. Иванов

Нижегородский государственный лингвистический университет

СЛОВАРНАЯ СТАТЬЯ КАК ОСОБЫЙ ТИП ТЕКСТА (на материале словарных статей с заголовочным словом Akzent)*

В статье делается попытка определить лингвистический статус словарной статьи как особого типа текста, задачей которого является, с одной стороны, описание каждой включенной в состав словаря лексической единицы в отдельности с позиций, определяемых направленностью, базовой концепцией и принципами составления конкретного словаря, а с другой, — репрезентация этой единицы в системе с выявлением при этом всей иерархии синонимических, антонимических, родовидовых и прочих взаимоотношений между данной лексической единицей и элементами, формирующими эту систему. На материале немецких словарей и лексиконов XVI — XXI вв. автор сопоставляет структуру и содержание словарных статей, посвященных термину Akzent. В ходе исследования установлено, что уже в XVI — XVII вв. лексикографическое описание слова Accent (Akzent) в одноязычных немецких словарях предполагало включение в базовую структуру словарной статьи как формального, так и семантического комментария, что позволяет рассматривать такую структуру в качестве простой интегрированной. Расширение практики создания лексиконов в XVIII в. приводит к усложнению структуры исследуемой словарной статьи, в которой зона значения стала разделяться на маркируемые тем или иным способом смысловые блоки. В XIX в. в составе формального комментария к лемме Accent появляется зона грамматической информации. Зона значения в составе семантического комментария, как правило, четко структурирована, что позволяет дифференцировать элементы значения леммы. В структуру словарной статьи вводится зона справочной информации, при этом ее наличие не обусловлено типом словаря. В XX в. архитектура словарной статьи демонстрирует признаки не только горизонтального, но и вертикального членения, микроструктура усложняется за счет широкого использования межстатейных связей и ввода в текст словарной статьи отсылочной зоны, позволяющей пользователю оперировать информацией, представленной в смежных словарных статьях.

Ключевые слова: Akzent; лексикография; лемма; лингвистический термин; тип текста; микроструктура; словарная статья

---

* Статья отражает содержание доклада, сделанного автором на XXXVII конференции DAAD «Deutschsprachige Texte: Produktion und Erschließung» (Тюмень, 27 мая 2021 г.).

1. Введение в проблематику исследования

С функциональной точки зрения любой словарь представляет собой справочное издание, в котором содержится лингвистическая информация. Словарь обычно обнаруживает двойственный характер своей структуры. С одной стороны, лексикографы говорят о макроструктуре словаря, которая включает все основные его разделы, такие как введение, правила пользования словарем, список условных сокращений и знаков, основная часть, библиографический список или список литературы и пр. (ИВАНОВ 2004: 278)¹, с другой, — о микроструктуре, иначе говоря, о словарной статье, точнее, ее структуре, в которой «отражаются объективная сложность описываемых словарных единиц, своеобразии лексикографических жанров, совокупным объектом которых является практически открытое множество лексических единиц в их современном состоянии и исторической перспективе» (КОЗЫРЕВ, ЧЕРНЯК 2000: 50). В трактовке этого понятия у лексикографов расхождений не наблюдается. Задачей микроструктуры любого словаря является, с одной стороны, описание каждой включенной в состав словника лексической единицы в отдельности с позиций, определяемых направленностью, базовой концепцией и принципами составления конкретного словаря, а с другой, — репрезентация этой единицы в системе с выявлением при этом всей иерархии синонимических, антонимических, родовидовых и прочих взаимоотношений между данной лексической единицей и элементами, формирующими эту систему. Благодаря специфическим признакам, свойственным архитектуре словарной статьи, можно считать последнюю особым *типом текста*, определяемым функциями и принципами, которые заложены в макроструктуру словаря, и выполняющим информационно-справочную (требование ясно и четко выраженной адресации) и систематизирующую (описание системных связей языковой единицы с указанием ее места в иерархии смежных единиц) функции. Качественная реализация этих функций возможна на основе

---

¹ С такой трактовкой понятия макроструктуры согласны не все лексикографы. К примеру, Пит Штеркенбург понимает под макроструктурой словник, содержащий все описываемые в словаре лексемы («the list of all the words that are described in a dictionary»), т. е. ограничивается основной частью словаря (STERKENBURG 2003: 6).

принципов экономности, полноты, эффективности, традиционности. Перечисленные принципы реализуются в ходе непосредственной работы с источниками информации.

2. Цель и методы исследования

Автор ставит целью исследовать структуру словарных статей с заголовочным словом *Akzent*, встречающихся в разных типах немецких словарей, изданных в период с XVI по XXI вв., выявить на основе сопоставления словарных статей динамичный характер развития микроструктуры, обосновать точку зрения на словарную статью как на особый тип текста.

В ходе исследования используются методы историко-лингвистического, сравнительно-сопоставительного, дефиниционного, структурного и семантического анализа. Микроструктура обследованных словарей частично анализируется с применением методики, предложенной Гербертом Вигандом (WIEGAND 1989; WIEGAND 1991).

3. Характеристика материала исследования

Материалом исследования послужили немецкие лексикографические источники, изданные в период с 1571 г. по настоящее время и представляющие собой словари различных типов — одноязычные (толковые) словари и лексиконы, а также переводные словари.

4. Результаты исследования и их обсуждение

4.1. Словарная статья как особый тип текста

Микроструктура словаря, говоря словами Н. Ю. Шведовой, — «это лингвистический жанр, информирующий не только о слове, но и разных видах языковых окружений слов — контекстных, классных, деривационных, фразеологических, функциональных» (ШВЕДОВА 2000). Последнее обстоятельство играет ключевую роль в определении структуры словарной статьи, которая иногда может обнаруживать чрезвычайно высокую степень сложности и информативности. Так или иначе, всю информацию, которую содержит словарная статья, по отношению к ее лемме можно квалифицировать либо как формальную, описывающую формальные признаки леммы (орфографические, фонетические, грамматические и т. п.), либо как содержательную, отражающую семантические особенности заголовочного слова.

В немецкой лексикографии словарная статья стала приобретать признаки особого типа текста в XVIII в. наряду с такими

научными жанрами как обзоры, комментарии, заметки в научных журналах, рецензии и пр. Именно в этот период начинают предприниматься попытки кодификации немецкого литературного языка, сопровождающиеся стремлением ввести в языковой оборот малоизвестные широкой публике слова иностранного происхождения, а также лексику, имеющую ограниченную сферу употребления. К формирующимся в XVIII в. признакам научного типа текста относятся прежде всего его моноличность, письменная фиксация, использование специальной терминологии, тяготение к дефинитивному или толковательному описанию явлений и фактов объективной действительности, к каковым, несомненно, относится и язык, нарративность, формализованность и лаконичность (HABLER 1999). Эти признаки в целом оказались применимы и к словарной статье.

Развитие словарного дела и постепенное обретение лексикографией статуса самостоятельной научной дисциплины привело к появлению дополнительных признаков, свойственных словарной статье как репрезентанту лексикографической информации, и, в первую очередь, иерархичности, позволяющей структурировать содержание статьи в зависимости от релевантности предъявляемой информации, к возникновению системы специальных обозначений, во многом обеспечивающих эту иерархичность.

С другой стороны, желание составителей словарей сделать словарную статью как можно более информативной при сохранении лаконичности в подаче материала обусловило необходимость типологического разграничения структуры и содержания словарных статей в зависимости от вида словаря. В результате возникли различия в предъявлении словарного материала, свойственные словарям общего типа, специализированным словарям и лексиконам, что, в свою очередь, предопределило появление различных типов словарных статей, имеющих либо простую, либо синоптическую структуру. Первым оказались свойственны стандартизированная структура и стандартный набор категорий микроструктурной информации, вторым — энциклопедичность и всеобъемлющий характер репрезентации материала. Разумеется, эта классификация представляется крайне обобщенной и ни в коей мере не может претендовать на полноту в силу необозримого типологического многообразия словарных статей.

Тем не менее специфичность подобной репрезентации является достаточным основанием для того, чтобы согласиться с выводом Е. А. Смолоногиной о том, что словарная статья как в тематическом, так и в функциональном аспекте отвечает критериям текстуальности и может быть выделена «в отдельный текстотип» (СМОЛОНОГИНА 2007: 5).

4.2. Структурно-семантический анализ словарных статей с леммой *Akzent*

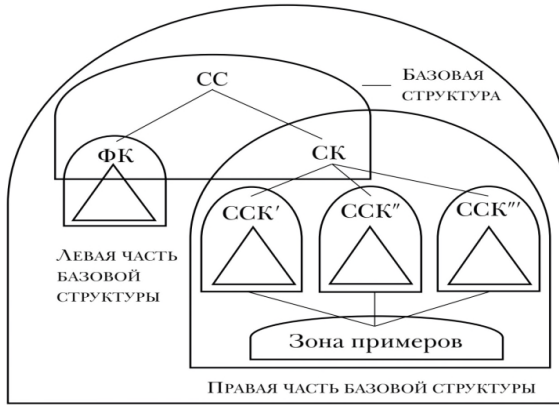
Структурно-семантический анализ словарных статей следует начать с наиболее ранних лексикографических изданий на немецком языке, изданных в XVI и XVII вв. К таковым относятся словари Симона Рота (1571), Бернхарда Хойпольда (1602; 1619), Георга Хениша (1616) и не имеющий авторства словарь *Trium linguarum dictionarium* (1619).

Словарная статья в словаре Рота, посвященная слову *Accent*: *Accent, das erheben oder niderlassung der stīm / am reden oder singen. Im reden werden jr drey gebraucht / Acutus der hoch wirdt mit eim solchen ´ strichel bezeichnet / lehret ein sylben vbersich heben. Grauis der schwer / wirdt also ` gemacht / bedeut das man die sylben nider soll außsprechen. Circumflexus, der vmbgebogen / sein gestalt ist also ^ vel ~, zeigt an / das ein sylben weder hoch noch nider / sonder mittelmessig sol außgesprochen werden / als accipiter, absurdè, abufus. (ROTH 1571).*

Описываемая микроструктура представляет собой совокупность непосредственных составляющих («unmittelbare Konstituenten»), к числу которых относятся два комментария к лемме: формальный комментарий (ФК) и семантический комментарий (СК). В базовой структуре словарной статьи (СС) оба они выступают в качестве левой и правой ее части соответственно. ФК не содержит никакой информации грамматического или иного характера, которая позволяла бы атрибутировать лемматизированное слово с точки зрения его частеречной принадлежности, морфологии и т. д. Иначе говоря, ФК структурно и содержательно совпадает с самой леммой.

Основным элементом СК выступает толкование слова (тогда еще не термина!) *Accent*, под которым понимается повышение и понижение голоса в речи и пении (ср. лат. *elevatio vocis* и *remissio/submissio vocis*). СК распадается на три субсемантических комментария (ССК), которые выступают в качестве непосредственных составляющих по отношению к СК и являются простыми опосредованными составляющими («einfach mittelbare

Textkonstituenten») по отношению к словарной статье в целом. Эти три ССК в правой части базовой структуры словарной статьи представляют собой типичное для того времени описание в фонетическом и графическом аспектах трех видов ударения, традиционно выделяемых в греко-латинской просодии и метрике — акута, грависа и циркумфлекса. Примеры, иллюстрирующие эти виды ударения, также идентичны. Со сравнительно-исторической точки зрения несомненный интерес представляли бы графические и грамматические особенности текста словарных статей, однако это не является предметом исследования. Поскольку структура СК не имеет формального членения на смысловые блоки, это позволяет отнести базовую структуру к простому недифференцированному типу.

Рис. 1. Простая интегрированная структура словарной статьи *Accent* в одноязычных словарях Рота (1571) и Хойпольда (1602; 1620)

Словарная статья в двух изданиях словаря Хойпольда, посвященная слову *Accent*, приводится ниже.

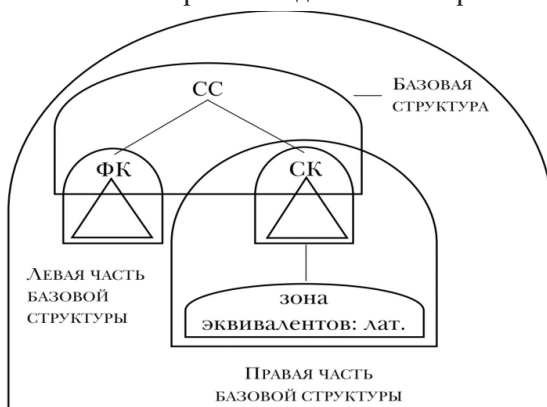
Accent, Das erheben oder Niederlassung der Stimm / am reden oder singen / Im reden werden jhr drey gebraucht / Acutus, der hoch wird mit einem solchen strichlein ´ bezeichnet / lehret ein sylben oberlich heben / Grauis, der schwer / wird also gemacht ` bedeut daß man die Silben nider soll außsprechen / Circumflexus, der vmbgebogen / sein Gestalt ist also ~ zeigt an / daß ein Sylben weder hoch noch nider / sonder mittelmefig soll außgespröchen werden / als Accipiter, Absurdè, Abûfus. (HEUPOLD 1602: 10-11).

Accent, Das erheben oder Niederlassung der Stimm / am reden oder singen: Im reden werden jhro drey gebraucht: Acutus, der hoch / wird mit einem solchen strichlin ´ bezeichnet / Lehret

ein sylben vberfich hebē / Grauis, der schwaer / wird also ` gemacht / bedeut daß man die Sylben nider soll aussprechen: Circumflexus, der vmbgebogen / sein Gestalt ist also ~ / zeigt an / daß ein Sylben weder hoch noch nider / sonder mittelmäßig soll außgespröchen werden / als Accipitur, Absurdè, Abûfus. (HEUPOLD 1620: 9).

Схематически исследуемая микроструктура представлена выше (см. Рис. 1).

Сравнение структуры и содержания словарных статей в словарях Рота и Хойпольда позволяет сделать вывод об практически полной структурной и содержательной идентичности статей, что предположительно свидетельствует о первичности авторства Рота, поскольку его словарь был опубликован за тридцать лет до появления первого издания словаря Хойпольда.

Рис. 2. Простая интегрированная структура словарной статьи *Accent* в словаре Хениша (1616)

В словаре Хениша предпринята попытка совместить в рамках словарной статьи *Accent* элементы переводного и толкового словаря (см. Рис. 2). По этой причине автор включает в статью толкование лемматизированного слова и его латинский эквивалент, выступающий по отношению к самой лемме в качестве этимона. Тип словаря и авторское целеполагание отражены уже в названии описываемого лексикографического продукта («Teüt-fche Sprach vnd Weiszheit. Thesaurvs Lingvae et Sapientiae Germanicae. In quo vocabula omnia Germanica, tam rara, quam communia, cum suis Synonymis, derivatis, phraſibus, compoſitis, epithetis, proverbiiis, antiſiſiſis, continentur, & Latine ex optimis quibusq»), предполагающего включение в словарную статью максимальной ин-

формации о лемме и ее горизонтальных и вертикальных связях с другими лексемами. Несмотря на это словарная статья отличается лаконичностью и полным отсутствием грамматической информации о лемме. ФК включает заголовочное слово, СК — его толкование и зону эквивалентов (латинский этимон):

Accent / das auff oder abziehen in einer stimm / accentus. (HENISCH 1616: Sp. 9).

Словарная статья Accent в словаре *Trium linguarum dictionarium* имеет простую структуру, в которой левая часть включает немецкое слово, а правая часть — иноязычные эквиваленты на латинском и французском языках.

Accent. Accentus, Tenor, Accent.

Поскольку этот словарь относится к многоязычным переводным словарям, отсутствие в структуре словарной статьи определения или толкования слова Accent удивления не вызывает. Подобный тип словаря был весьма распространен в XVII в., зачастую не ограничивался тремя языками и мог оперировать гораздо большим их количеством. По сравнению с тезаурусом Хениша этот словарь не претендует на предъявление исчерпывающей информации о лемме.

Схематизированное представление микроструктуры наглядно демонстрирует минимализм в описании интересующей нас лексемы и позволяет квалифицировать микроструктуру как рудиментарную (см. Рис. 3).

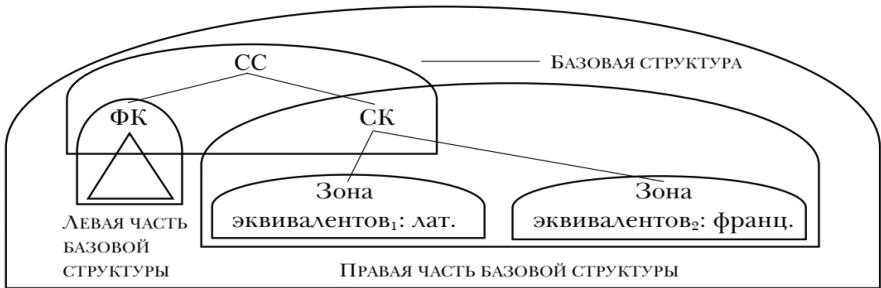

Рис. 3. Рудиментарная структура словарной статьи Accent в словаре *Trium linguarum dictionarium* (1619)

Сходство структуры словарных статей, обнаруживающееся в словарях, изданных в XVIII в., заставляет нас отступить от их описания с опорой на хронологический принцип и обратиться к немецко-латинскому словарю Иоганна Фриша (1741).

Accent, Accentus, der staerckere Thon oder Laut eines Vocals. Item das Zeichen solches staerckern Thons. Notula accentus apex syllabæ, accentiuncula. (FRISCH 1741, I: 5).

ФК в базовой структуре этой словарной статьи включает собственно лемму и ее латинский эквивалент. В состав СК входят два ССК, представляющие собой два значения заголовочного слова, формально объединенные в один смысловой блок, поэтому данная микроструктура также может быть отнесена к простому недифференцированному типу. Тип словаря побудил автора включить в словарную статью перевод на латынь не только самой лексемы, но и перевод второй части ее толкования, что, однако, едва ли типично для переводного словаря как такового.

Около середины XVIII в. в Германии начинают появляться лексиконы как самостоятельный словарный тип, описание лемм в которых отличается энциклопедичностью и исчерпывающей полнотой. К словарям такого типа можно отнести *Grosses vollständiges Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Künste* Иоганна Цедлера*.

С учетом большого объема словарной статьи приведем только ее первую часть, содержащую толкование заголовочного слова; содержание оставшейся части статьи прокомментируем текстуально.

Accent, Lat. *Accentus*, ist eine Art und Weise, ein Wort in einer Sprache also auszusprechen, daß eine Sylbe gebuehrend erhoben, die andere hingegen gebuehend niedergedruckt werde. Heißt sonst auch TONUS, ingleichen VOCULATIO, und in Griechischen, nach seinem doppelten Werthe (Valore) *Ἀρσις καὶ Θέσις* sonst aber auch mit einem Worte PROSODIA, davon im XXIX B. p. 935 nachzusehen. (ZEDLER 1732, I: Sp. 299-300).

Структурно словарная статья распадается на несколько смысловых блоков, в числе которых следующие. ФК: (1) лемма (грамматическая информация отсутствует); (2) латинский эквивалент леммы, формирующий блок этимологической информации. СК: (1) толкование слова с отсылкой к греческим и латинским эквивалентам *tonus*, *voculatio*, *prosodia*, *arsis*, *thesis*, значения которых формируют сложную семантическую структуру леммы; (2)

* Составителями и редакторами 64-х основных и 4-х дополнительных томов были разные ученые, однако именно Цедлер выступал неизменным издателем этого лексикографического труда, который сейчас широко известен как лексикон Цедлера.

отсылка к упомянутым эквивалентам, заимствованным в немецкий язык, и лексикографически отраженным в других томах лексикона. Эти частные значения позволяют выделить в составе СК два субсемантических комментария (ССК₁ и ССК₂). Третий и четвертый смысловые блоки визуально отделены от первых двух, равно как и друг от друга, и включают подробное описание греческих и древнееврейских акцентов соответственно.

Несмотря на внушительный объем словарной статьи, занимающей в словаре шесть колонок и отличающейся энциклопедической подачей материала, микроструктура может быть квалифицирована как простая недифференцированная с невыраженными вертикальными связями, поскольку выделенные в виде абзацев третий и четвертый блоки выполняют комплементарную функцию по отношению к основному корпусу словарной статьи и не являются облигаторными ее частями.

Сходная структура свойственна статье *Accent* в словаре Иоахима Кампе (1813), которая содержит ФК (лемма) и СК, имеющий в своем составе три ССК: (1) слоговое ударение (*Silbenton*), (2) произношение, манера говорения (*Aussprache*), (3) (знак ударения на письме):

Accént, der Ton, bestimmter, der Silbenton und der Nachdruck, z. B. den Ton oder Nachdruck auf einer Silbe, auf ein Wort legen. Auch die Aussprache, wie wenn man sagt: sein Accent ist gut oder taugt nicht. „In der Tonkunst, der Druck oder Nachdruck des Tons. In aeltern Zeiten, besonders in der alten Franzoesischen Tonkunst auch der Vorschlag oder der Einfall.“ R e i c h a r d t. Die Accente als Schreibe- oder Schriftzeichen, z. B. die Accente der Griechischen Sprache, nennen wir Tonzeichen. Suesse Accente sind suesse Soene. (CAMPE 1813: 77).

Особенность семантического комментария в словаре Кампе состоит в том, что в состав первого ССК автор включает немецкий перевод слова *Accent* («*der Ton*»), поскольку саму лемму считает заимствованным словом, подлежащим онемечиванию, что неудивительно, учитывая пуристический подход Кампе к родному языку.

Ближе к середине XIX в. появляются словари, микроструктура которых может члениться на конкретные смысловые отрезки, а комментарий к форме лексемы расширяется за счет введения грамматической информации. Примером такого словаря можно считать словарь Эртеля, разделявшего, судя по названию его словаря, пуристические взгляды Кампе.

Accent, Accent, m. v. lat. accentus: 1) Ton der Silbe, Silbenton, Silbenlaut, nach dem eine Silbe lang oder kurz auszusprechen ist; 2) Ton der Stimme im Reden, Stimmenton, nach welchem ein Wort hoch oder tief, geschaerft oder gedehnt gesprochen werden soll; 3) Aussprache; 4) Tonzeichen. (OERTEL 1830, I: 14)

В структуре словарной статьи ФК включает не только лемму, но и указание на род слова (грамматический комментарий), а также этимологический комментарий. СК объединяет четыре дифференцированных значения слова *Accent* (ССК₁ ... ССК₄). Информация словарной статьи поддается четкому горизонтальному членению, однако признаки вертикального членения отсутствуют, поскольку составитель не использует абзацные отступы для отделения значений друг от друга.

Аналогичную горизонтальную архитектуру демонстрирует словарная статья с интересующей нас леммой в словаре Даниэля Сандерса (1860). Отличительными особенностями этой словарной статьи можно считать включение в ее ФК словообразовательных морфем *-chen* и *-lein* для производства дериватов, а также отсылочную информацию в СК к источникам, использованным составителем в целях вычленения в семантической структуре лексемы частных значений, которых в статье насчитывается пять (ССК₁ ... ССК₅). Эта вторая особенность сближает словарь Сандерса с изданиями энциклопедического типа.

Accént (lat.), m., *(e)s; *e; *chen; *lein; *; 1) Betonung, Auszeichnung der Töne nach dem Grad ihrer Bedeutung, z. B. Wort-, Rede-A. u. — 2) Betonung, Ton, zur nachdrücklichen Hervorhebung einzelner Klänge (Noten), Silben, Wörter. — 3) Tonzeichen in verschiedenen Sprachen, Betonung, Aussprache u. bezeichnend. — 4) Klang, Ton Schlegel Luc. 62; Accentvolle Tenorstimme. Flor. 1, 30; Braun-A. § Hof 3P. 43. — 5) Eigenthümliche Stimmbeugung in der Aussprache; Sein A. verräth den Ausländer. (SANDERS 1860: 6).

Во последней четверти XIX в. в Германии публикуются многотомные издания лексиконов Мейера (1885 — 1892) и Брокгауза (1894 — 1896), которые переиздаются в начале XX в. в связи с их широкой популярностью и чрезвычайной информативностью. Однако, поскольку лемма *Accent* описывается в них с применением традиционных для XIX в. способов, используемых при составлении именно лексиконов, анализ структуры и содержания этих словарных статей не прибавит ничего нового к сказанному выше.

Современные лексикографические источники можно разделить на группы с учетом типологического или видового критерия. С одной стороны, если оставаться в рамках классификации Л. В. Щербы (ЩЕРБА 1974), противопоставление укладывается в

рамки дихотомии «энциклопедические словари (лексиконы) vs. лингвистические (в т. ч. терминологические) словари»; с другой стороны, источники могут быть типологизированы на основе противопоставления «специальные (терминологические) словари vs. словари общего типа».

В соответствии с первым критерием к числу лингвистических словарей могут быть отнесены *Kleines Wörterbuch sprachwissenschaftlicher Termini* (KWST) под редакцией Руди Конрада, *Linguistisches Wörterbuch* Карла Хойпеля, *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache* (WDGS) под редакцией Рут Клаппенбах и Вольфганга Штейница, *Linguistisches Wörterbuch* Теодора Левандовского, *Sachwörterbuch zur Sprachwissenschaft* Дитриха Хомбергера, *Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache* (GWDFS) Дитера Гёца, Гюнтера Хенша и Ханса Велльмана. К ряду энциклопедических словарей (лексиконов) относятся *Lexikon der grammatischen Terminologie* Отмара Бохуша, *Metzler-Lexikon Sprache*, *Lexikon der Sprachwissenschaft* Хадумод Буссман.

В рамках второго противопоставления все перечисленные выше источники за исключением *Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache* и *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache* будут относиться к специализированным справочным изданиям. В этом случае в одном ряду оказываются словарные статьи из лингвистических словарей и лексиконов, имеющие очевидные структурные различия, что делает сопоставление несколько затруднительным. По этой причине анализ проводится с опорой на классификационные критерии, предложенные Л. В. Щербой.

В словарной статье *Akzent* в KWST приводится дефиниция термина, после которой дается толкование различных видов ударения в зависимости от (1) используемых фонетических средств выделения ударного звука или слога, (2) места ударения на конкретном слоге в составе слова, (3) вида просодических единиц, имеющих в своем составе ударные слоги. Иначе говоря, в словаре принят алфавитно-гнездовой порядок предъявления терминов языкознания.

Отрывок из словарной статьи приводится ниже.

Akzent od. **Betonung**: Hervorhebung eines Lautes oder einer Lautgruppe gegenüber anderen innerhalb einer prosodischen Einheit; kann nach verschiedenen Gesichtspunkten untergliedert werden... (KWST 1975: 26-27).

Архитектура словарной статьи демонстрирует только горизонтальное членение текста, поскольку сама словарная статья представляет собой один абзац, включающий как дефиницию, так и описание различных видов ударения.

ФК содержит только лемму (Akzent) без грамматической или иной информации о слове. К термину Akzent прилагается синоним (Betonung), который далее в словаре также выступает в качестве отдельной леммы, но с отсылкой к интересующему нас термину. СК не членится на субсемантические комментарии (ССК), поскольку феномен ударения здесь рассматривается только в одном значении, а именно, как фонетическое средство выделения ударного звука или слога. Графические средства, обозначающие различные виды ударения на письме (Akut, Gravis, Zirkumflex), выступают предметом толкования в других словарных статьях.

Подобная элементарная микроструктура свойственна, скорее, не лингвистическим словарям, а лексиконам, однако она не является уникальной, поскольку встречается и в других исследуемых лексикографических источниках, к примеру, в словарях Хойпеля, Левандовского и Хомбергера. Из этого наблюдения можно сделать вывод о том, что словари лингвистической терминологии, будучи ориентированы на носителей соответствующего языка, более тяготеют к лексиконам с их традиционными способами предъявления информации о предмете лексикографирования. Этим обстоятельством объясняется отсутствие грамматического комментария к лемме.

Akzent bedeutet 1) ein graphisches Zeichen, das in den meisten Fällen *diakritische* Funktion hat (Akut, Gravis, Zirkumflex), 2) die Hervorhebung einer Silbe in Wort/Wortgruppe/Satz. (HEUPEL 1978: 18).

В отличие от KWST словарная статья в словаре Хойпеля включает как ФК, так и СК, демонстрирующий выраженную двухчастную структуру (ССК₁ и ССК₂). При этом вертикальное членение базовой структуры отсутствует, что позволяет характеризовать ее как простую интегрированную.

В структуре словарной статьи у Левандовского по сравнению со словарем Хойпеля выделяется блок иноязычных эквивалентов (английский, французский, русский термины). СК имеет трехчастную структуру (ССК₁ ... ССК₃). Микроструктура имеет горизонтальное членение.

Akzent [accent/stress, accent, akcent/udarenie]. Die regional oder sozial bedingte besondere Aussprachegewohnheit einer Person; auch das Nachwirken der Artikulationsbasis der Erst- oder Muttersprache in einer Fremd- oder Zweitsprache, z. B. das Beibehalten der dt. Auslautverhärtung im Engl. u. a. 2) Graphische Kennzeichnungen (diakritische Zeichen), z. B. Akut (steigend), Gravis (fallend), Zirkumflex (steigend-fallend) für den Silben-A. (vgl. auch die Tonrichtungszeichen, z. B. im Serbokroatischen). 3) Im Sinne von → Betonung. Die Hervorhebung oder *relative Prominenz* in einem (mehrsilbigen) Wort als Wort-A. (*word stress*) oder die Art und Weise, wie ein Wort im Satz eine prominente Position zum Ausdruck bringt (Satzakzent — *sentence stress*). (LEWANDOWSKI 1990, I: 39).

У Хомбергера в словарную статью интегрирована зона синонимов, представленная термином *Hervorhebung* и следующая непосредственно после ФК, представленного леммой. В состав СК входят два ССК (СКК₁, СКК₂).

Akzent, dt.: Hervorhebung; (1) Betonungszeichen wie z. B. der → Akut im Französischen; (2) → SUPRASEGMENTALE Eigenschaft von gesprochener Sprache, z. B. Betonung eines Wortes auf einer bestimmten Silbe (Wortakzent) oder eines bestimmten Wortes im Satz (Satzakzent). (HOMBERGER 2000: 32-33).

В немецких толковых словарях общего типа предъявление информации о лексеме отличается большей лаконичностью и структурированностью. Ниже приводится образец словарной статьи *Akzent* из *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache*.

Akzent, der; -(e)s, -e <lat.>

1. *Betonung* **a) Hauptbetonung**: dieses Wort hat, trägt den A. auf der zweiten Silbe; der A. liegt vorn **b) Betonungszeichen**: ein Wort mit dem A. versehen

2. *Tonfall, Aussprache*: eine Sprache mit fremdem, hartem A. sprechen; mit echtem Berliner A.

3. *[übertr.] Nachdruck, Gewicht*: ein politischer, künstlerischer A.; auf etw. einen besonderen, starken, scharfen A. legen, setzen; einen neuen A. erhalten; so putzte sie ... ihre Nase mit einem kurzen und energischen Akzent TH. MANN 1, 607 (*Buddenbr.*)

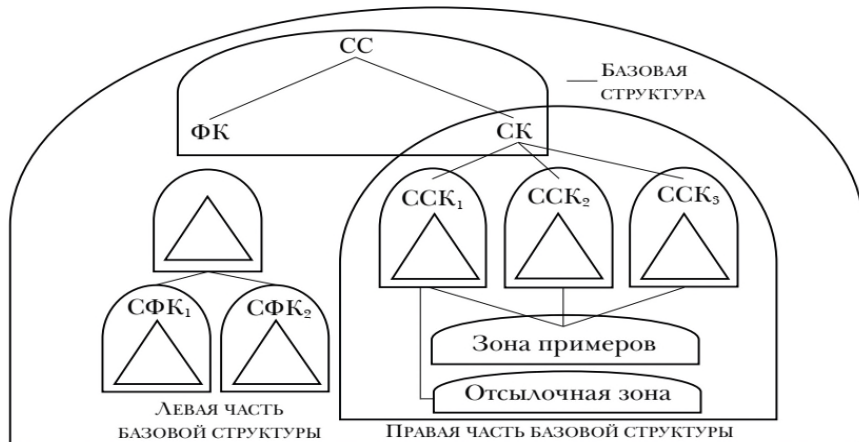
zu 1 Haupt-, Neben-, Satz-, Vers-, Wortakzent (WDGS 1980, I: 102-103).

Статья имеет иерархически выстроенную вертикальную структуру. ФК включает лемму, которая сопровождается грамматической и этимологической информацией. СК содержит три отделенных друг от друга значения, каждое из которых форми-

рует ССК (ССК₁ ... ССК₃). ССК₁ имеет двухчастную структуру. ССК₃ описывает лемму в переносном (нетерминологическом) значении. В микроструктуре присутствуют (1) отсылочная зона к ССК₁, в которой перечисляются сложные слова, имеющие в своем составе лемму в качестве определяемого слова, и (2) языковые примеры, иллюстрирующие употребление лемматизированного слова.

Схематически микроструктура приведенного выше текста статьи выглядит следующим образом (см. Рис. 4).

Рис. 4. Простая интегрированная структура словарной статьи *Akzent* в *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache* (1980)

Схожую с описанной выше во многих отношениях структуру демонстрирует словарная статья *Akzent* в GWDFS. Различие состоит в отсутствии блока этимологической информации и вертикальной структурированности текста статьи. В микроструктуре вычленяются четыре субсемантических комментария (ССК₁ ... ССК₄), третий и четвертый из которых имеют помету LING и, с точки зрения составителей, носят специализированный (терминологический) характер. ССК₁ такой пометы не имеет, хотя в словарях лингвистической терминологии это значение может фиксироваться и выделяться в качестве отдельного в семантической структуре термина (см., например, в [LEWANDOWSKI 1990, I: 39]).

Akzent *der; -(e)s, -e* **1.** *nur* Sg; die typische Art, die Laute e-r Sprache auszusprechen, die *mst* zeigt, aus welchem Land od. Gebiet j-d stammt ≈ Tonfall <mit hartem, starkem, ausländischem A. sprechen>: *Sein*

polnischer A. ist leicht zu erkennen **2.** der Schwerpunkt, der auf etw. gelegt wird ≈ Nachdruck: *auf e-e Aussage besonderen A. legen* **3.** LING; das Hervorheben e-s Vokals od. e-r Silbe (innerhalb e-s Wortes od. e-s Satzes), indem man sie (besonders) betont u./od. die Tonhöhe ändert ≈ Betonung: *Im Wort „Moral“ liegt der A. auf der letzten Silbe* || -K: **Satz-, Wort-** **4.** LING; ein geschriebenes Zeichen, das die betonte Silbe markiert (wie z. B. im Spanischen) od. die Vokalqualität angibt (wie z. B. im Französischen) || ID (**neue**) **Akzente setzen** Anregungen (*mst* für etw. Neues) geben || zu 1. **akzentfrei** Adj (GWDFS 2008: 60).

Оставшиеся три источника представляют собой лексиконы, которые в зависимости от способа предъявления информации о лемме могут быть распределены на 2 группы: 1-я представлена лексиконами Мецлера и Буссман, 2-я — лексиконом Бохуша.

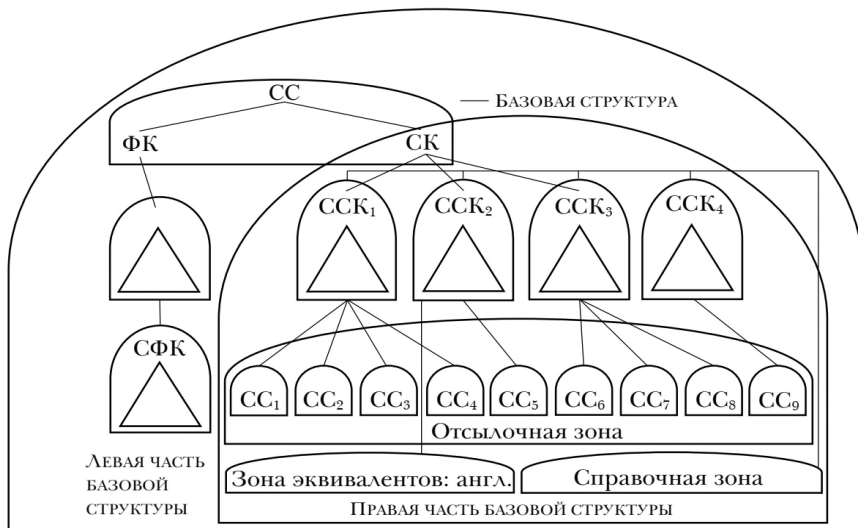
В *Metzler-Lexikon Sprache* и *Lexikon der Sprachwissenschaft* Буссман информация о лемме включает этимологический комментарий, три и четыре субсемантических комментария в составе СК соответственно и отсылочные пометы в каждом ССК. Грамматическая информация о лексеме отсутствует, что вообще является отличительной особенностью лексиконов, информирующих не о слове, а о предмете или явлении, обозначенном этим словом, однако при этом в микроструктуру включается блок ссылок на справочную литературу, что сближает ее со структурой статьи в энциклопедии. В *Metzler-Lexikon Sprache* этот блок относится ко всей микроструктуре, в то время как в *Lexikon der Sprachwissenschaft* Буссман каждый элемент значения, представленный соответствующим ССК (ССК₁ ... ССК₄), располагает собственной справочной зоной.

Словарные статьи, как правило, вертикально не структурированы (исключение составляет словарная статья у Буссман, в которой ФК и зона этимологии отделены от остального корпуса статьи абзачным отступом). Ср. образцы словарных статей.

Akzent (lat. *accentus* < *ad-cantus* ›Dazugesungenes‹. Engl., frz. *accent*) **1.** ↑Suprasegmentales Merkmal der Hervorhebung im Sinne von ↑Betonung, das auf den in den einzelnen Spr. unterschiedl. genutzten akust. Faktoren der Tonhöhe (↑Intonation), der Intensität bzw. Lautstärke und der Dauer (↑Quantität) beruht. <...> — **2.** Aufgrund der perzeptiven Prominenz des A. (1.) bei lautsprachl. Äußerungen auch allgemein für individuelle Sprechgewohnheiten wie ↑Dialekt und ↑Idiolekt bzw. muttersprachl. Einflüsse in einer Fremdsprache. — **3.** Graph. Zeichen für den A. (1.) wie ↑Akut, ↑Gravis, ↑Zirkumflex; ↑Diakritikon. <...> (MLS 2000: 26).

Akzent [lat. *accentus* zu *canere* ›сingen‹, nach griech. *pro-sōdía* ›der Dazugesungene‹].

(1) In weiterem Sinne: Durch Hervorhebung produziert → Suprasegmentales Merkmal von Lauten, Silben, Wörtern, Wortgruppen und Sätzen, das durch Intensivierung der Muskelaktivitäten bei der Artikulation ausgelöst wird. A. bewirkt eine Steigerung der Lautstärke (Schalintensität) und der → Tonhöhe (→ Grundfrequenz) sowie eine Erhöhung der Dauer (z. B. durch Dehnung von Lauten, vgl. → Quantität). <...> (2) Im engeren Sinn von »Betonung« (engl. *accent/stress*): Hervorhebung durch Anstieg des Druckes, mit dem die pulmonale Luft durch das → Ansatzrohr gepresst wird. <...> (3) Diakritische Zeichen für A., vor allem der → Akut (á), → Gravis (à) und → Zirkumflex (â). <...> (4) Individuelle Ausspracheeigenheiten, speziell in Fremdsprachen durch → Interferenz mit bestimmten Artikulationsgewohnheiten der Erstsprache... (BUBMANN 2002: 62-63).

Рис. 5. Простая интегрированная структура словарной статьи Akzent в *Lexikon der Sprachwissenschaft* Буссман

В обоих случаях эти образцы не передают содержание статей в полном объеме, поскольку внутри каждого ССК содержится информация, опирающаяся на межстатейные связи и отсылающая пользователя к другим семантически ассоциированным с описываемой словарным статьям. Речь идет о видах ударения и графических знаках, применяемых для отображения ударения на письме (CC₁ ... CC₉).

В упрощенном виде микроструктура в *Lexikon der Sprachwissenschaft* Буссман представлена на Рис. 5.

Презентация материала в *Lexikon der grammatischen Terminologie* Бохуша (см. ниже) отличается авторским подходом к комментированию формы и семантики леммы.

Akzent

1. Betonung, Intonation; Betonungszeichen

3. Jedes Wort und jede Wortgruppe hat eine Gipfelsilbe; das Norddeutsche akzentuiert scharf; a) Wort-, b) Akzent der Wortgruppe, c) A. des Satzes

a) qualitativer A. (Tonstärke) b) musikalischer (Tonhöhe) c) quantitativer (Tondauer)

4. accendere = anzünden, steigern

7. accent, stress

8. a) l'accent aigu = ´ b) l'accent grave = ` c) l'accent circonflexe = ^ (ВОНУСЧ 1972: 21).

Основными особенностями словарной статьи в сравнении с упомянутыми выше лексиконами здесь являются (1) выраженная вертикальная иерархия элементов значения в семантической структуре леммы, (2) отсутствие ссылок на справочную литературу внутри словарной статьи, (3) наличие внизу каждой нечетной страницы легенды или пояснительных комментариев, расшифровывающих нумерацию элементов значения: 1 — зона номинаций отдельных значений термина (andere Bezeichnungen), 3 — пояснения (Erklärungen), 4 — этимологический комментарий, 7 — английский эквивалент (englischer Name), 8 — французский эквивалент (französischer Name). В приведенной ниже статье отсутствуют зона примеров (2) (Beispiele), зона антонимов (5g) (gegensätzliche Ausdrücke), зона семантически близких понятий или синонимов (5ä) (nahverwandte Begriffe), латинский эквивалент (6) (lateinischer Ausdruck). Описанный способ предъявления информации о лемме, несомненно, позволяет экономить пространство словаря и максимально сжимать физический объем словарной статьи, однако трудно назвать такой алгоритм описания удобным для пользователя, поскольку последний обязательно должен обращаться к легенде, которая сама занимает ощутимое место в макроструктуре словаря, будучи постоянно повторяемой внизу страницы.

5. Выводы

1. В XVI — XVII вв. лексикографическое описание слова

Accent в одноязычных немецких словарях предполагало включение в базовую структуру словарной статьи как формального, так и семантического комментария, что позволяет рассматривать такую структуру в качестве простой интегрированной. Поскольку зона значения не разделена на отдельные смысловые блоки, границы которых были бы отчетливо маркированы с помощью нумерации, специальных обозначений и т. п., можно отнести исследуемую микроструктуру к недифференцированному типу. Грамматическая информация о слове в составе формального комментария отсутствует, в семантическом комментарии широко применяется зона примеров. Архитектура словарной статьи не имеет вертикального членения.

2. Расширение практики создания лексиконов в XVIII в. привело в целом к усложнению структуры словарной статьи Accent, в которой зона значения стала разделяться на маркируемые тем или иным способом смысловые блоки. Для микроструктуры этого периода характерно выраженное горизонтальное членение при отсутствии вертикального, поскольку элементы значения предъясняются без использования абзацного отступа. В содержательном отношении словарная статья перегружена информацией, поскольку не содержит отсылок к смежным словарным статьям.

3. В XIX в. в одноязычных немецких словарях в составе формального комментария к лемме Accent появляется зона грамматической информации. Зона значения в составе семантического комментария, как правило, четко структурирована, что позволяет дифференцировать элементы значения леммы. В структуру словарной статьи вводится зона справочной информации, при этом ее наличие не обусловлено типом словаря.

4. В XX — XXI вв. микроструктура одноязычных словарей и лексиконов усложняется за счет широкого использования межстатейных связей и ввода в структуру словарной статьи Акцент отсылочной зоны, позволяющей пользователю оперировать информацией, представленной в смежных словарных статьях. В некоторых обследованных лексикографических источниках архитектуре словарной статьи свойственно более удобное для пользователя вертикальное членение, которое в основном фиксируется в словарях общего типа.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Иванов А. В. Метаязык фонетики и метрики: монография. Архангельск: Поморский государственный университет, 2004. [Ivanov, Andrey V. (2004) *Metazyzyk fonetiki i metriki* (Metalanguage of Phonetics and Metrics). Arkhangelsk: Pomor State University. (In Russian)].
- Козырев В. А., Черняк В. Д. Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2000. [Kozyrev, Vladimir, & Chernyak, Valentina D. (2000) *Vselennaya v alfavitnom porjadke: Oчерki o slovaryakh russkogo yazyka* (The Universe in Alphabetical Order: Essays on Dictionaries of the Russian Language). Saint Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University. (In Russian)].
- Смолоногина Е. А. Текстовые характеристики словарной статьи в немецких толковых словарях: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. [Smolonogina, Yelena A. (2007) *Tekstovyye kharakteristiki slovarnoy stat'i v nemetskikh tolkovykh slovaryakh* (Textual Characteristics of a Dictionary Entry in German Dictionaries). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Saint Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University. (In Russian)].
- Шведова Н. Ю. Парадоксы словарной статьи // Отечественные лексикографы. XVIII — XX века / под ред. Г. А. Богатовой. М.: Наука, 2000. [Shvedova, Natalya Yu. (2000) *Paradoksy slovarnoy stat'i* (Paradoxes of the Dictionary Entry). In Bogatova, Galina A. (ed.) *Otechestvennyye leksikografy XVIII — XX veka* (Domestic lexicographers of the 18th — 20th centuries). Moscow: Nauka Publishers. (In Russian)].
- Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 265—304. [Shcherba, Lev V. (1974) *Opyt obshchey teorii leksikografii* (Experience of the General Theory of Lexicography). In *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* (Language system and speech activity). Moscow: Nauka, 265—304. (In Russian)].
- Haßler, Gerda. (1999) Fachliche Textsorten in der deutschen Aufklärung. In Hoffmann, Lothar, Kalverkämper, Hartwig, & Wiegand, Herbert Ernst. (eds) *Fachsprachen: ein internationales Handbuch zur Fachsprachenforschung und Terminologiewissenschaft*, 14.2. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2441—2451.
- Sterkenburg, Piet. (2003) 'The' dictionary: Definition and history. In Sterkenburg, Piet. (ed.) *A Practical Guide to Lexicography*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 3—17.
- Wiegand, Herbert Ernst. (1989) Der Begriff der Mikrostruktur: Geschichte, Probleme, Perspektiven. In *Handbuch zur Sprach- und Kommunikations-*

- wissenschaft*, 5.1. Berlin; New York: Mouton De Gruyter, 409—462.
- Wiegand, Herbert Ernst. (1991) Über die Strukturen der Artikeltexte im Frühneuhochdeutschen Wörterbuch. Zugleich ein Versuch zur Weiterentwicklung einer Theorie lexikographischer Texte. In Goebel, Ulrich, & Reichmann, Oskar. (eds) *Historical Lexicography of the German Language*. Vol. 2. Lewiston. Queenston. Lampeter, 341—673. (Studies in Russian and German 3).

**Список лексикографических источников / Verzeichnis
von lexikographischen Quellen / List of Lexicographic Sources**

- Bohusch, Otmar. (1972) *Lexikon der grammatischen Terminologie. Zusammenstellung und Erklärung des deutschen, englischen, französischen und lateinischen Vokabulars zur Sprachlehre und Sprachkunde*. Donauwörth: Verlag Ludwig Auer.
- Bußmann, Hadumod. (2002) *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag. [3., aktual. und erw. Aufl.].
- Campe, Joachim Heinrich. (1813) *Wörterbuch zur Erklärung und Verdeutschung der unferer Sprache aufgedrungenen fremden Ausdrücke*. Ein Ergänzungsband zu Adelung's und Campe's Wörterbüchern. Braunschweig: In der Schulbuchhandlung. [Neue starkverm. und durchgängig verb. Ausg.].
- Frisch, Johann Leonhard. (1741) *Teutsch-Lateinisches Wörter-Buch, darinnen nicht nur die ursprünglichen, nebst denen davon hergeleiteten und zusammengesetzten allgemein gebräuchlichen Wörter; sondern auch die bey den meisten Künsten und Handwerken, bey Berg und Saltzwerken, Fischereyen ... teutsche Benennungen befindlich*. In 2 Theilen. Th. I A-M. Berlin: Verlegt Christoph Gottlieb Nicolai.
- GWDFS — Götz, Dieter; Haensch, Günther, & Wellmann, Hans. (2008) (eds) *Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache*. Berlin; München: Langenscheidt KG. [Neubearb.].
- Henisch, Georg. (1616) *Teütfche Sprach vnd Weiszheit. Thesaurus Linguae et Sapientiae Germanicae. In quo vocabula omnia Germanica, tam rara, quam communia, cum suis Synonymis, derivatis, phrafibus, compositis, epithetis, proverbüs, antithetis, continentur, & Latine ex optimis quibusq; autoribus reduntur, ita, ut hac nova et perfecta methodo quilibet cum ad plenam utriusq; linguae cognitionem, tum rerum prudentiam facile et cito pervenire possit*. Augustæ Vindelicorum: Typis Davidis Franci.
- Heupel, Carl. (1978) *Linguistisches Wörterbuch*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG. [3., völlig neu bearb. Aufl.]. (dtv)
- Heupold, Bernhard. (1602) *Teutfches Dictionariolom, Welches außlegt unnd erklärt etliche schwere unbekäde Grichifche, Lateinifche, Hebraifche, Welfche vnd Frantzöfifche, auch anderer Nation Wörter, fo mit der weil in Teutsche*

- Sprach kommen feind, vnd oft mancherley Irrung bringen, hin vnd wider auß mancherley Schrifften zufamen getragen, vnd also allen Teutſchen, inſonderheit aber denen, ſo zu Schreibern kommen, vnd Amptsverwaltungen haben, vnd deß Letains vnerfahren feind, zu gutem beſchrieben.* Franckfurt: Getruckt bey Christian Egenolffs Erben.
- Heupold, Bernhard. (1620) *Dictionarium, Erklärend Allerley ſchwäre, unbekante, Teutſche, Griechiſche, Latiniſche, Hebraiſche, Italiäniſche, Frantzöſiſche, und anderer Nationen Wörter, ſo mit der weil in die Teutſche Sprach eingeriſſen, vnd oft mancherley Irrung bringen.* Basel: In verlegung Johann Jacob Genaths.
- Homberger, Dietrich. (2000) *Sachwörterbuch zur Sprachwissenschaft.* Stuttgart: Philipp Reclam jun. GmbH & Co.
- KWST— Conrad, Rudi. (1975) (ed.) *Kleines Wörterbuch sprachwissenschaftlicher Termini. Die wichtigsten Termini aus den verschiedenen Bereichen der Sprachwissenschaft mit Erläuterungen und Beispielen.* Leipzig: VEB Bibliographisches Institut. [1. Aufl.].
- Lewandowski, Theodor. (1990) *Linguistisches Wörterbuch.* In 3 Bd. Bd. I *Abbildtheorien-hypothetisch-deduktive Methode.* Heidelberg-Wiesbaden: Quelle & Meyer Verlag. [5., überarb. Aufl.].
- MLS — Glück, Helmut. (ed.) (2000) *Metzler-Lexikon Sprache.* Stuttgart-Weimar: Verlag J. B. Metzler. [2., überarb. und erw. Aufl.].
- Oertel, Eucharius Ferdinand Christian. (1830) *Gemeinnütziges Fremdwörterbuch zur Erklärung und Verdeutschung der in unſrer Sprache vorkommenden fremden Wörter und Ausdrücke, nach ihrer Rechtſchreibung, Ausſprache, Abſtammung und Bedeutung aus alten und neuen Sprachen erläutert. Ein Hülffbuch für Geſchäftsmänner und Gebildete aus allen Ständen.* In 2 Bd. Bd. I A-K. Ansbach: Gassert.
- Roth, Simon. (1571) *“Ein” Teutſcher Dictionarius, dz iſt ein außleger ſchwerer, unbekanter Teutſcher, Griechiſcher, Lateiniſcher, Hebraiſcher, Wälscher vnd frantzöſiſcher, auch andrer Nationen wörter ſo mit der weil inn Teutſche ſprach kommen ſeind, vnd oft mancherley irrung bringen.* Augsburg: bey Michael Manger.
- Sanders, Daniel. (1860) *Wörterbuch der deutſchen Sprache. Mit Belegen von Luther bis auf die Gegenwart.* In 3 Bd. Bd. I A-K. Leipzig: Verlag von Otto Wigand.
- WDGS — Klappenbach, Ruth, & Steinitz, Wolfgang. (1980) *Wörterbuch der deutſchen Gegenwartssprache.* In 6 Bd. Bd. I A-deutſch. Berlin: Akademie-Verlag. [10., bearb. Aufl.]
- Zedler, Johann Heinrich. (1732) *Großes vollſtändiges Universal-Lexicon aller Wiſſenſchaften und Künſte, Welche bißhero durch menſchlichen Verſtand und Witz erfunden und verbessert worden.* In 64 Bd. (nebst Suppl. I-IV. Bd. I A-Am. Halle und Leipzig: Verlegts Johann Heinrich Zedler.

Andrey V. Ivanov
Nizhny Novgorod State Linguistics University

**Dictionary Entry as a Special Text Type
(Exemplified by the Dictionary Entries with *Akzent* as a Lemma)**

The article attempts to determine the linguistic status of a dictionary entry as a special type of text, the task of which is, on the one hand, to describe each lexical unit included in the dictionary separately, taking into account the basic concept and principles of compiling a particular dictionary, and, on the other hand, to represent this unit from a system perspective with the identification of the entire hierarchy of synonymic, antonymic, genus-species and other relations between this lexical unit and the elements that form this system. Based on the material of German dictionaries and lexicons of the 16th — 21st centuries, the author compares the structure and content of dictionary entries devoted to the term *Akzent*. The study found that already in the 16th — 17th centuries the lexicographic description of the word *Accent* in monolingual German dictionaries assumed the inclusion of both formal and semantic commentary in the basic structure of the dictionary entry, which allows us to consider such a structure as a simple integrated one. Expanding the practice of creating lexicons in the 18th century leads to a complication of the structure of the dictionary entry under study, in which the meaning zone has become divided into semantic blocks marked in one way or another. In the 19th century, a formal commentary on the lemma *Accent* still contains a zone of grammatical information. The zone of meaning within a semantic commentary is usually clearly structured, that makes it possible to differentiate the elements of the lemma's meaning. In the structure of the dictionary entry, a zone of reference information is entered, and its presence is not determined by the dictionary type. In the 20th century, the architecture of the dictionary entry shows signs of not only horizontal, but also vertical division, the microstructure is complicated due to the widespread use of inter-entry links and the introducing a reference zone into the body of the dictionary entry, which allows the user to operate with the information presented in adjacent dictionary entries.

Keywords: *Akzent*; lexicography; lemma; linguistic term; text type; microstructure; dictionary entry

Wörterbuchartikel als eine besondere Textsorte

(Am Beispiel von Wörterbuchartikeln mit dem Wort *Akzent* als Lemma)

Im Beitrag wird ein Versuch unternommen, den linguistischen Status des Wörterbuchartikels (Lexikoneintrags) als einer besonderen Textsorte zu bestimmen, deren Aufgabe ist es, einerseits, jedes in die Wortliste eingetragene Lexem unter Rücksicht der Basiskonzeption eines Wörterbuches, dessen Verfassungsprinzipien zu beschreiben, und andererseits, das Lexem in Anbetracht der hierarchischen (synonymischen, antonymischen, gattungsartigen) Zusammenhänge zwischen der gegebenen Wörterbucheinheit und anderen, in dieses System gehörenden Elementen systemisch zu repräsentieren. Am Beispiel der deutschen Wörterbücher, die in der Zeitperiode vom 16. bis 21. Jahrhundert veröffentlicht wurden, vergleicht der Verfasser die Struktur und den Inhalt von Wörterbuchartikeln, in denen das Wort *Accent* (*Akzent*) als Lemma auftritt. Die lexikographische Beschreibung des Wortes *Accent* in den einsprachigen deutschen Wörterbüchern setzte bereits im 16. und 17. Jahrhundert die Aufnahme in die Grundstruktur des Wörterbuchartikels sowohl des formalen, als auch des semantischen Kommentars voraus, was erlaubt, solche Struktur als eine einfache integrierte zu betrachten. Die Erweiterung der Praxis der Erstellung von Lexikonen im 18. Jahrhundert führte zu einer gewissen Komplexität der Struktur des untersuchten Lexikoneintrags, in dem die Bedeutungszone sich in die auf die eine oder andere Weise markierten semantischen Blöcke teilen ließ. Im 19. Jahrhundert erschien die Zone der grammatischen Informationen als Teil des formalen Kommentars zu Lemma *Accent*. Die Bedeutungszone als Bestandteil des semantischen Kommentars war in der Regel deutlich strukturiert, wodurch die Bedeutungselemente des Lemmas differenziert werden können. In der Struktur des Wörterbuchartikels wurde die Zone der Referenzinformationen eingegeben, dabei ist ihr Vorhandensein vom Typ des Wörterbuches nicht bedingt. Im 20. Jahrhundert weist die Architektur des Wörterbuchartikels Merkmale nicht nur horizontaler, sondern auch vertikaler Gliederung auf. Die Mikrostruktur wird komplexer durch den breiten Einsatz von Eintragszusammenhängen sowie die Eingabe der Verweiszone im Wörterbuchartikel. Diese Zone lässt den Benutzer mit den Informationen in benachbarten Wörterbuchartikeln operieren.

Schlüsselwörter: *Akzent*; Lexikographie; Lemma; linguistischer Terminus; Textsorte; Mikrostruktur; Wörterbucheintrag

Е. А. Кондакова
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Г. М. Засеева
Северо-Осетинский государственный университет
им. К. Л. Хетагурова

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОГО ДИСКУРСА О ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ

Анализируются лексические особенности немецкой общественной дискуссии о политкорректном языке, рассматриваемой как дискурсивное целое на основании тематической когерентности. Уточняются методы анализа тематически релевантной лексики, которая трактуется как манифестация актуальных представлений коллективного субъекта об объекте политической действительности — о новом идеологически мотивированном речевом этикете. Описывается структура дискурсивного лексикона, характер понятийно-логических и ассоциативно-образных связей между его отдельными элементами.

Ключевые слова: политкорректность; дискурс; дискурсивный лексикон; дискурсивная узуализация; семантика; концепт

1. Постановка проблемы

Языковая реализация идеологических принципов политкорректности вот уже три десятилетия является объектом пристального внимания общественности и феноменом, подвергающимся интенсивным лингвистическим и междисциплинарным исследованиям, в том числе и на материале немецкого языка (FRANK 1996; KAPITZKY 2000; MAYER 2002; WIERLEMANN 2002; ELSNER-PETRI 2015; STEFANOWITSCH 2018). Дискуссия об обновлении принципов речевого этикета посредством замены одних наименований другими стала особым явлением лингвокультуры и в Германии. Будучи тематически когерентным коллективным коммуникативным актом, детерминированным идеологически, культурными и социальными установками, отражающим и транслирующим коллективную интерпретацию значимого объекта внеязыковой действительности, дискуссия о политкорректности соответствует критериям, применяемым к дискурсам.

Объектом данного исследования является дискуссия о по-

литкорректности в Германии как дискурсивное единство (далее ПК-дискурс). ПК-дискурс — это сложившийся в ходе продолжительной медийной дискуссии способ говорения на тему политкорректности, то есть языковая реализация рефлексии коллективного субъекта о языковой реализации определенных этических принципов. Иными словами, ПК-дискурс — это способ говорения о способе говорения. Поскольку «вместо того чтобы совершенствовать общество, совершенствуют лексику» (ЭКО 2007: 170), ПК-дискурс демонстрирует специфическую лексическую партитуру. Цель данного исследования — выявление характерных черт этой лексической партитуры, то есть лексико-семантической организации ПК-дискурса в целом. Поставленная цель предполагает последовательное решение следующих задач:

- 1) представить возможные методы анализа дискурсивного лексикона;
- 2) систематизировать лексикон ПК-дискурса;
- 3) описать характер лексико-семантических связей между отдельными лексическими единицами ПК-дискурса с учетом дискурсивной трансформации семантики.

2. Методология исследования дискурсивного лексикона

Лексикографическое описание и анализ лексических особенностей дискурсов, вычленяемых на основании общности референции к определенному объекту внеязыковой реальности, вот уже несколько десятилетий находятся в центре внимания немецкой политической лингвистики. Тематическое единство коммуникативных событий, реализующих дискурс, позволяет формировать корпус текстов, конструируя тем самым объект исследования (NIENR 2014: 2). Однако объектом дискурс-анализа является не корпус текстов как таковой, а реализуемый за счет этого корпуса дискурс. Немецкая политическая лингвистика давно осознала плодотворность такого подхода как для решения частных лексикологических и лексикографических задач, так и для достижения исследовательских целей, связанных с описанием языковой динамики в целом.

Ярким примером использования такого подхода является коллективная монография *Kontroverse Begriffe: Geschichte des öffentlichen Sprachgebrauchs in der Bundesrepublik Deutschlands* (STÖTZEL, WENGELER 1995), в которой представлены результаты лексикологического анализа «узнаваемых и в некотором роде предза-

данных самим коллективным сознанием проблемных секторов [общественной жизни]» (Там же: 14). Под «проблемными секторами» авторы понимают продолжительные общественные дебаты на определенную социально значимую тему, которые сами представители языкового коллектива воспринимают как (дискурсивное) единство. Такое восприятие находит свое выражение в том числе и на уровне номинации — например, в композитах с компонентом *-diskussion*: *Bildungsdiskussion*, *Rüstungsdiskussion*, *Umweltdiskussion*, *Abtreibungsdiskussion*. Применяемый в монографии принцип «секторного членения» лексического материала, рассматриваемого в диахронической перспективе, представляет значение слова посредством «описания его значимости» в рамках определенной общественной дискуссии. Такой способ семантизации лексики авторы считают более эффективным, чем изолированное описание семантической структуры лексических единиц (Там же: 14-15). В монографии на многочисленных примерах демонстрируется один из возможных сценариев изменения семантической структуры слова — от идеологически мотивированного внутридискурсивного импульса через конфронтацию с другими идеологемами в рамках тематически когерентной общественной полемики до возможной фиксации результатов таких изменений в языковой системе.

Подобный подход интересен тем, что позволяет увидеть лексико-семантическую динамику, часто остающуюся за пределами лексикографической фиксации, то есть формирование, закрепление и трансляцию внутридискурсивных функциональных обертонов слова. Дискурсивный лексикон является, с одной стороны, манифестацией актуальных представлений общества об определенном объекте внеязыковой действительности и, соответственно, результатом когнитивной деятельности коллективного субъекта. С другой стороны, дискурсивный лексикон активно формирует представление об объекте у всех участников коммуникативного взаимодействия. Дискурсивная семантика, то есть семантическая структура лексической единицы, обогащенная созначениями и ассоциативно-образными связями именно в рамках дискуссии на определенную тему, представляет интерес с точки зрения «обнаружения феноменов, которые предполагаются за использованием языка» (ЧЕРНЯВСКАЯ 2017: 136).

Обозначенные лексикологический и когнитивный подходы к

описанию дискурсивного лексикона дополняются дискурсивной лексикографией, стремящейся к лексической инвентаризации тематически когерентных дискурсов. Примером таких исследований является дискурсивный словарь («Diskurswörterbuch») *Opfer, Täter, Nichttäter: Ein Wörterbuch zum Schuldiskurs 1945 — 1955* (KÄMPER 2007). Во вступлении к словарю и других статьях (KÄMPER 2006; 2015) Х. Кэмпер формулирует теоретические основы дискурсивной лексикографии. По мнению Х. Кэмпера, дискурсивный словарь выполняет две задачи. Во-первых, представляя согласно лексикографическим принципам лексико-семантический потенциал дискурса, словарь раскрывает его внутреннюю организацию (KÄMPER 2006: 349). Во-вторых, описывая релевантные для данного дискурса лексические единицы и смысловые связи между ними, словарь фиксирует их как когнитивные коды, репрезентирующие релевантные для данного дискурса концепты (KÄMPER 2015: 25).

Дискурсивный вокабуляр обладает упорядоченностью, которая складывается из понятийно-логического и ассоциативно-образного потенциала всех реализующих дискурс лексических элементов и возникающих между ними регулярных связей. Упорядоченность дискурсивного вокабуляра придает дискурсу семантическую структуру, которая соотносится с темой, участниками дискурса, его функциями, временными рамками и отдельными фрагментами (KÄMPER 2006: 337). Дискурсивный лексикон отражает комплексный характер и тематическую когерентность дискурса, «элементы которого обладают различными функциями в рамках единого целого» (Там же: 338).

Приведенные соображения позволяют говорить о том, что анализ дискурсивного лексикона может осуществляться под тремя различными углами зрения, соотносящими дискурсивный лексикон, во-первых, с недискурсивным словоупотреблением, во-вторых, с концептуальным полем данного дискурса и, в-третьих, с его внутренней семантической организацией. Лексические единицы, регулярно используемые в одинаковом дискурсивном окружении, подвергаются семантическим трансформациям, представляющим лингвистический интерес в сопоставлении с недискурсивной словарной семантикой. С другой стороны, дискурсивный лексикон является материализацией культурно-значимых ментальных единиц смыслового пространства дискурса и, как таковой, может рассматриваться с когнитивных пози-

ций. Наконец, анализ лексикона позволяет раскрыть семантическую упорядоченность самого дискурса. Приведенный ниже анализ является результатом применения комплексного подхода, объединяющего все три возможных угла зрения на предмет исследования — лексикон ПК-дискурса.

3. Лексикон ПК-дискурса

3.1. Идентификация дискурсивного лексикона

Первым этапом описания лексикона тематически когерентного дискурса является лексическая инвентаризация, то есть идентификация слов и выражений, реализующих этот дискурс. Идентификация может осуществляться на основании разных критериев при условии, что рассматриваемые единицы обладают логико-понятийной или семантико-ассоциативной соотносительностью с тематическим ядром дискурса.

В случае с ПК-дискурсом таким тематическим ядром является политкорректность как идеологически мотивированный речевой этикет. Хотелось бы обратить внимание на различие между дискурсивным лексиконом и идеографическим тезаурусом, также организованным по тематическому принципу. В отличие от последнего, будучи вербальной фиксацией определенного концептуального поля, дискурсивный лексикон включает единицы, не закрепленные языковой системой, — как отдельные лексемы, так и описательные наименования, в том числе и окказионального характера. Еще одно отличие во взглядах на лексику с точки зрения просто тематической общности и принадлежности к тематически когерентному дискурсу проявляется в том, что при анализе дискурсивного лексикона исследовательский интерес представляет не столько понятийная сторона языкового знака, сколько прагматические компоненты его значения и оценочные смыслы.

Главным критерием идентификации дискурсивно релевантной лексики ПК-дискурса представляется общественное обсуждение (не)употребления лексической единицы с позиций политкорректности. Дискурсивно релевантные единицы могут быть идентифицированы посредством эксплицитной тематизации (не)допустимости использования слова или выражения в общественной коммуникации и/или посредством выносимого на общественное обсуждение аргументированного обоснования преимуществ определенного обозначения перед другими. При-

мерами такой тематизации являются как развернутое обсуждение отдельных слов и выражений в средствах массовой информации (1), так и специальные брошюры рекомендательного характера (2) (LEITFADEN... 2014; VIELFALT... 2020). Ср.:

- (1) Es stimmt, was Kritiker sagen: „*Flüchtling*“ wird missbraucht, beschönigt und abgewertet. Aber er [...] steht auf einem Fundament, das ihn wehrhaft gegen Vereinnahmungsversuche macht: „*Flüchtling*“ ist ein Begriff, für dessen Bedeutung seit 64 Jahren die Genfer *Flüchtlingskonvention* bürgt [...]. Flüchtlinge kamen aus der DDR und flohen vor den Nazis (GOLDMANN 2018).
- (2) Der Begriff „*Flüchtling*“ ist, aus sprachlicher Hinsicht, äußerst umstritten: Menschen werden durch die Bezeichnung auf einen Teil ihrer Biografie reduziert (VIELFALT... 2020).

Подобная инвентаризация дискурсивного лексикона дает возможность установить когнитивные признаки содержания соответствующих концептов и оценочные смыслы в том виде, в котором их реализует и стремится сделать универсальными ПК-дискурс. Так, например, приведенные отрывки показывают, что идеология политкорректности не просто нацелена на замену одного наименования другим. Она стремится обновить ассоциативную составляющую концепта за счет экспликации понятийных связей, обеспечивающих положительные коннотации: концепт БЕЖЕНЕЦ должен войти в концептуальное поле ЗАЩИТА.

3.2. Ядро дискурсивного лексикона

Использование указанного критерия идентификации дискурсивно релевантной лексики позволяет представить лексическую партитуру ПК-дискурса в самом широком виде. Очевидно, что основой лексикона ПК-дискурса являются общеупотребительные слова и выражения, которые традиционно ассоциируются с дискуссией о политкорректности (Neger, Schwarzer, Asylbewerber, Flüchtling, Asylant, ausländischer Mitbürger, Zigeuner, Sinti und Roma, Zigeunerschnitzel, Mitbürger mit Migrationshintergrund, Behinderter, Person mit einer Behinderung и т. д.). Любое слово общеупотребительной лексики, регулярно попадая в дискурсивное окружение, обретает обертоны значения прагматического характера. Эти прагматические, коммуникативно значимые компоненты значения, регулярно закрепляемые дискурсивной узуализацией, утверждаются и в коллективном сознании и, в конечном итоге, находят свое отражение в словарях обще-

употребительной лексики. В случае с ПК-дискурсом, который мы определили как «способ говорения о способе говорения», изменения словарного описания лексических единиц интересующего нас тематического поля являются индикатором их предшествующей тематизации, то есть следствием коллективного размышления над их семантической структурой.

В настоящий момент нельзя отрицать влияние ПК-дискурса на лексический состав немецкого языка. Словарное описание многих лексем, репрезентирующих концепты ПК-дискурса, в последние два десятилетия претерпело существенные изменения. В своей монографии, посвященной лексикографической фиксации лексико-семантических изменений в немецком языке под влиянием общественной дискуссии о политкорректности, С. Эльснер-Петри выделяет 22 типа изменений в описании соответствующей лексики в словаре Duden 2006 г. по сравнению с его более ранними изданиями (ELSNER-PETRI 2015: 121-124). К таким изменениям, в частности, относятся дифференциация и уточнение значения лексем (например, при лексикографировании слов *Asylbewerber*, *Ausländer*, *Behinderter*, *Eskimo*, *Gastarbeiter*, *Neger*, *Schwuler*, *Senior*, *Studierender*, *Wirtschaftsasyllant*); изъятие одного из значений лексемы (например, при лексикографировании слов *Ghetto*, *Krüppel*); расширение иллюстративной зоны словарной статьи (например, в случае со словами *Mitbürger*, *Schwarzer*, *schwul*); включение другой идиоматики по сравнению с предыдущими изданиями (например, при лексикографировании слов *Frau*, *Herrin*); изъятие леммы (например, *Kleinwüchsiger*, *minderbegabt*, *Minderbemittelter*, *negroid*, *Scheinasylant*, *Unterprivilegierter*); изменения помет (например, при словах *Blinder*, *Eskimo*, *Fräulein*, *Irrer*, *Neger*, *Nigger*, *Peanuts*, *Studierender*); добавление новых лемм (*Afrodeutscher*, *frau*, *Gehbehinderter*, *Schokokuss*, *Sehbehinderter*, *Studierendenschaft*) и т. д.

Вербальная репрезентация ключевых концептов ПК-дискурса, однако, не ограничивается словами и выражениями, ставшими единицами языковой системы, зафиксированными лексикографически и обладающими достаточной частотностью вне заданного дискурсивного контекста.

3.3. Периферия дискурсивного лексикона

Применение критерия тематизации позволяет включить в лексикон ПК-дискурса элементы, которые так и не стали языко-

выми фактами (например, *Herkunftsdeutscher*, *Neo-Muslime*, *Pop-Muslime*, *Passdeutscher*) или никогда не претендовали на такой статус (например, *vertikal herausgefordert* = *kleinwüchsig*, *chemisch unpässlich* = *betrunken*). К таким элементам относятся однолексемные единицы (*Allochtoner*, *Latinx*, *Biodeutscher*, *Migrationshintergründer*), дефисные композиты (*Copyright-Deutscher*, *Standard-Deutscher*, *Bindestrich-Deutscher*), аббревиатуры и акронимы (*PoC* = *People of Color*, *MiMiMi* = *Mitbürger mit Migrationshintergrund*, *KuK* = *Kolleginnen und Kollegen*, *SuS* = *Schülerinnen und Schüler*), многолексемные описательные наименования (*Mensch mit Migrationsvordergrund*, *Neue Deutsche*, *Menschen mit internationaler Geschichte*, *Studierende of Color*). К последней группе примыкают составные наименования окказионального характера с юмористической прагматикой (*Mensch mit selektiver Teilnahme* = *Faulpelz*, *Verwandschaftsverhältnis mit Komplikationshintergrund* = *Schwiegermutter*, *Nageltier mit Kanalisationshintergrund* = *Ratte*, *botanischer Begleiter* = *Topfpflanze*, *Schnitzel nach Art einer mobilen ethnischen Minderheit* = *Zigeunerschnitzel*). Такие сложные иронические номинации можно отнести к ПК-лексикону лишь условно, однако нельзя отрицать, что они являются существенной частью его лексико-семантической партитуры. Иронические номинации построены по формально-семантическим номинативным моделям ПК-дискурса и выражают ироничное отношение участников дискурса к этим моделям как таковым. Они являются не столько реализацией концептуальной системы ПК-дискурса, сколько реализацией коллективной рефлексии о новом речевом этикете, то есть собственно ПК-дискурсом — одной из стратегий аргументации противников политкорректности.

Приведенные примеры демонстрируют разнородность периферийных элементов лексикона ПК-дискурса. К ним могут быть отнесены не только лексические элементы различного объема, но и разной степени лексикографической фиксации. Так, например, слово *Biodeutscher* фиксируется словарем *Duden*, однако нельзя утверждать, что оно стало лексической единицей с устоявшимся набором семантических признаков и понятным большинству носителей прагматическим потенциалом.

Лексические элементы разного объема могут быть отнесены к периферийной зоне лексикона ПК-дискурса на основании различных критериев. Главными критериями являются неуве-

ренность носителей при употреблении этих единиц из-за качественной неопределенности их прагматических функций (3), необходимость эксплицитной дешифровки их семантики или (4) состава аббревиатуры (5), дискурсивная опосредованность номинации, раскрывающей свои смысловые свойства исключительно во взаимодействии и в противовес другим лексическим элементам ПК-дискурса (6). Ср.:

- (3) Immer, wenn ich das Wort ‚*Biodeutsch*‘ lese, frage ich mich, was das eigentlich bedeutet. Ist das etwa eine Erfindung der Grünen [...] Mal ehrlich, wer kann sich unter diesem Wort etwas vorstellen? (WIZELI-VE 2016).
- (4) Wie ich mich von einem Beamten einer Stadtverwaltung unlängst habe belehren lassen, ist mein Freund nur ein „*Passdeutscher*“. Ich musste erst einmal googeln, was das ist (LEHMANN 2016).
- (5) Der Bio-Deutsche ist, wie ich inzwischen gelernt habe, der Gegenentwurf zum MiMiMi. Und *der MiMiMi* wiederum ist der Mitbürger mit Migrationshintergrund (DAUSEND 2015).
- (6) Leider ist diese einfache Feststellung noch nicht in allen Köpfen angekommen, so dass der viel zitierte "Migrationshintergrund" bei vielen afrikanischen Menschen zum „*Migrationsvordergrund*“ wird (GAUK 2013).

Благодаря узуализации в рамках ПК-дискурса у многих элементов дискурсивного лексикона функциональная сторона языкового знака превалирует над его семантикой. Качественная неопределенность значения, его дискурсивная опосредованность компенсируются большим прагматическим потенциалом. Такие слова являются дискуссионными мишенями и обладают целой палитрой созначений, в том числе и идеологически обусловленных, которые практически исключают их нейтральное употребление. Ср.:

- (7) Der Begriff „*Passdeutsche*“ soll ausdrücken, dass es Deutsche minderer Güte gebe [...]. Hinter dem Wort steht ein hässliches Denken, das bekämpft werden muss (MARTENS 2018).

Разнородные лексические элементы периферийной зоны лексикона ПК-дискурса представляют безусловный лингвистический интерес по двум причинам. Во-первых, подобные номинации являются таким же вербальным воплощением концептуальной системы рассматриваемого дискурса, как и элементы языковой системы, дискурсивная релевантность которых зафиксирована лексикографически (ELSNER-PETRI 2015) или подтверждается

высокой частотностью употребления. Во-вторых, семантическое уточнение и прагматическая модификация слов одной тематической группы осуществляются в ходе внутридискурсивного взаимодействия всех элементов этой группы. Периферийные слова и выражения, в том числе и окказионального характера, являются существенным дополнением ключевых тематических групп лексики. На их фоне оттачиваются дискурсивно востребованные оценочные смыслы, документируются внутридискурсивные логико-понятийные и ассоциативные связи с другими значимыми наименованиями. Учитывая идеологическую специфику ПК-дискурса, направленного на поиск наиболее приемлемого наименования, именно периферийные элементы зачастую являются предметом критического обсуждения, то есть находятся в дискурсивном фокусе. Они представляют собой тот лексический фон, с учетом которого одни лексические элементы фиксируются как рекомендуемые, а другие отвергаются как нежелательные.

3.4. Лексема *Biodeutscher* как элемент лексикона ПК-дискурса

Рассмотрим в качестве примера элементов периферийной зоны лексемы *Biodeutscher*, *biodeutsch*. Сами члены дискурсивного сообщества, объединенные «одинаковыми ожиданиями в отношении формы и содержания коммуникативных действий» (ПАСТУХОВ 2008: 209), рассматривают эти единицы как репрезентанты концептов *WIR* и *ANDERE* (*NEUE BEGRIFFE...* 2013; *NDM-GLOSSAR* 2020). История слов *Biodeutscher*, *biodeutsch* — хороший пример «карьеры» лексических единиц, созданных искусственно для удовлетворения потребности дискурса в фиксации и вербализации новых понятийных, образных и ценностных составляющих концептов. Подобная фиксация происходит как сознательное словотворчество участников дискурса. Однако в конечном итоге благодаря внутридискурсивной востребованности лексические единицы впитывают больше дискурсивно значимых смыслов, чем было заложено в них целенаправленной словотворческой стратегией. Они могут рассказать не только о дискурсивном содержании соответствующего концепта, но и о том, как происходит дискурсивная концептуализация.

Слово *Biodeutscher* впервые использовал в 1996 г. как провокационное и ироничное обозначение «настоящих» немцев артист театра кабаре М. Омурка:

(8) Du bist ein getürkter Deutscher! Eine Fälschung! [...] Ich bin ein

Original! Ein Bio-Deutscher! (цит. по: SEITE BIODEUTSCH 2021).

Попав в дискурсивное окружение, этоokkaзиональное образование не сохранило своей юмористической прагматики, а нарастило дискурсивно значимые оценочные смыслы, далекие от иронии. Так, например, немецкий политик, представитель партии «Зеленых» Дж. Özdemir, которому средства массовой информации приписывают популяризацию этого наименования (GOLDMANN 2017), в своих политических выступлениях подвергает критике саму необходимость коллективного поиска номинаций, отражающих подобную дифференциацию общества:

(9) Ist es nicht kurios, dass wir — die vermeintlichen „Dichter und Denker“ — selbst im Jahr 2017 immer noch nicht über sprachlichen Krücken, wie „Biodeutsche“ oder „Autochthone“ hinausgekommen sind? (ÖZDEMİR 2017).

Покинув сферу юмористической прагматики, слово *Biodeutscher*, как и многие другие репрезентанты концептов WIR и DIE ANDEREN, превратилось в инструмент идеологического противостояния сторонников и противников политкорректности. В зависимости от политической позиции участников коммуникативного взаимодействия в ПК-дискурсе актуализируются различные, зачастую противоположные, оценочные и ассоциативные значения слов *Biodeutscher*, *biodeutsch*. Прагматический потенциал этих лексических единиц реализуется в виде широкой палитры внутридискурсивных интерпретаций. *Biodeutscher*, *biodeutsch* могут употребляться нейтрально (10); не только отказ от использования этих слов (11), но и их использование (12) могут подвергаться критике как языковые проявления расизма; наконец, представители ультраправых взглядов используют слова *Biodeutscher*, *biodeutsch* как лишенные иронической коннотации самоназвания с положительным оценочным значением (13). Ср.:

(10) Die deutsche Nationalliteratur hat sich derartig internationalisiert, dass zwischen *biodeutscher* Literatur und Immigranteliteratur kein echter Unterschied mehr besteht (RADISCH 2016).

(11) Die meisten *Biodeutschen* mögen es gar nicht, wenn man sie als *biodeutsch* bezeichnet. [...] Was sie an diesen Etiketten stört, sind nicht die Buchstaben der Beschriftung, sondern dass man ihnen überhaupt ein Etikett verleihen will (SEZGIN 2016).

(12) Ist *biodeutsch* nur ein anderes Wort für Arier? (GOLDMANN 2017).

(13) «100% *Biodeutsch* — Ist man, wird man nicht!» (АУТО-АУФКЛЕБЕР 2017).

Приведенные примеры демонстрируют примат функциональной стороны языкового знака, погруженного в дискурс, над его семантической стороной. Помимо стремления к качественной определенности семантики, лексические элементы, условно отнесенные нами к периферии лексикона, обладают способностью наращивать оценочные смыслы, востребованные ПК-дискурсом.

4. Заключение

Проведенное исследование демонстрирует один из возможных подходов к изучению тематически когерентной лексики, отражающей современное состояние дискуссии на актуальную тему общественной жизни — дискурсе о новом речевом этикете. Совокупность элементов, реализующих дискурс, и возникающих между ними регулярных связей создают лексическую партитуру, отражающую и транслирующую понятийное, образное, ценностное и ассоциативное содержание концептов, находящихся в дискурсивном фокусе. Подобная лексическая партитура может быть представлена в самом широком смысле как единство лексических элементов разного объема и лексикографического статуса — от лексем, словарная семантизация которых подверглась изменениям под влиянием общественной дискуссии о политкорректности, до многолексемных описательных номинаций окказионального характера, построенных по дискурсивно востребованным структурно-семантическим моделям. С точки зрения фиксации концептуально значимых смыслов в том виде, в котором их реализует и пытается сделать универсальным данный дискурс, большой лингвистический интерес представляют единицы, созданные искусственно и ограниченные дискурсивным употреблением. При всем стремлении участников дискурса к педантичной семантизации эти единицы характеризуются качественной неопределенностью семантики, однако обладают большим функциональным потенциалом, поскольку способны выражать целую палитру дискурсивно востребованных оценочных смыслов.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Пастухов А. Г. Медиатексты в дискурсивных сообществах // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования / ред. М. Н. Володина. М.: МГУ, 2008. С. 209—212.

- [Pastukhov, Aleksandr G. (2008) *Mediateksty v diskursivnykh soobshchestvakh* (Media Texts in Discursive Communities). In Volodina, Maya N. (ed.) *Yazyk sredstv massovoy informatsii kak obyekt mezhdisciplinarnogo issledovaniya* (Language of Mass Media as an Object of Interdisciplinary Research). Moscow: Moscow State University, 209—212. (In Russian)].
- Чернявская В. Е. Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2017. № 50. С. 135—148. [Chernyavskaya, Valeriya Ye. (2017) *Metodologicheskiye vozmozhnosti diskursivnogo analiza v korpusnoy lingvistike* (Towards Methodological Application of Discourse Analysis in Corpus-driven Linguistics). *Tomsk State University Journal of Philology*, 50, 135—148. (In Russian)].
- Эко У. О политкорректности // Эко У. *Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ*. М.: ЭКСМО, 2007. С. 167—181. [Eco, Umberto. (2007) *O politkorrektnosti* (About Political Correctness). In Eco, Umberto. *Polnyy nazad! "Goryachiye voyny" i populizm v SMI* (Turning Back the Clock: Hot Wars and Media Populism). Moscow: EKSMO, 167—181. (In Russian)].
- Auto-Aufkleber. (2017) *100% Bio-Deutsch*. Hersteller: NVAuf. Retrieved from <https://www.amazon.de/Aufkleber-Sticker-Bio-Deutsch-Aufkleber-Set-Integration/dp/B077RLDMY9>.
- Dausend, Peter. (2016, Februar 5) *Biodeutsche und Mimimi*. *Die Zeit*. Retrieved from <https://www.zeit.de/2015/06/dausend-bio-deutsche>.
- Elsner-Petri, Sabine. (2015) *„Political correctness“ im Duden-Universalwörterbuch: Eine diskurslinguistische Analyse*. Bremen: Hempen.
- Frank, Karsta. (1996) *Political Correctness*. Ein Stigmawort. In Diekmannshenke, Hajo, & Klein, Josef. (eds) *Wörter in der Politik. Analysen zur Lexemverwendung in der politischen Kommunikation*. Opladen, 185—218.
- Gauk, Joachim. (2013, Mai 24) *Rede von Bundespräsident Dr. h. c. Joachim Gauk bei der Matinee „Afrika in Deutschland“ zum 50. Jahrestag der Gründung der Organisation am 24. Mai*. Retrieved from <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/rede-von-bundespraesident-dr-h-c-joachim-gauk-800702>.
- Goldmann, Fabian. (2017, Juni 6) *Ist biodeutsch nur ein anderes Wort für Arier? Spiegel*. Retrieved from <https://www.spiegel.de/panorama/biodeutsch-wer-benutzt-den-begriff-und-was-bedeutet-er-a-00000000-0003-0001-0000-000001410970>.
- Goldmann, Fabian. (2018, September 4) *“Flüchtlinge” passt besser als “Geflüchtete”*. *Deutschlandfunk Kultur*. Retrieved from <https://www.deutsch-landfunkkultur.de/sprachkritik-fluechtlinge-passt-besser-als>

- gefluechtete.1005.de.html?dram:article_id=427095.
- Kämper, Heidrun. (2006) Diskurs und Diskurslexikographie. Zur Konzeption eines Wörterbuches des Nachkriegsdiskurses. *Deutsche Sprache*. Jg. 34, H. 4, 334—353.
- Kämper, Heidrun. (2007) *Opfer, Täter, Nichttäter: Ein Wörterbuch zum Schulddiskurs 1945 — 1955*. Berlin: Walter de Gruyter.
- Kämper, Heidrun. (2015) Diskurslexikographie als gesellschaftsbezogene Wortforschung. Vorstellung eines Wörterbuchkonzepts. In Kilian, Jorg, & Eckhoff, Jan. (eds) *Deutscher Wortschatz — beschreiben, lernen, lehren: Beiträge zur Wortschatzarbeit in Wissenschaft, Sprachunterricht, Gesellschaft*. Frankfurt am Main: Lang, 21—38.
- Kapitzky, Jens. (2000) *Sprachkritik und Political Correctness in der Bundesrepublik*. Aachen: Shaker.
- Lehmann, Elisabeth. (2016, Januar 18) Der Grapscher in meinem Haus. *taz*. Retrieved from: <https://taz.de/Koeln-und-sexualisierte-Gewalt-weltweit/15266164>.
- Leitfaden für einen rassismuskritischen Sprachgebrauch. (2014) In Öffentlichkeit gegen Gewalt e. V. (ed.). Retrieved from http://criticalwalks.net/wp-content/uploads/2017/02/Leitfaden_PDF_2014.pdf.
- Martens, Michael. (2018, Juli 29) Debatte um Intergration: Deutsche und Passdeutsche. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. Retrieved from https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/warum-die-rede-von-pass-deutschen-unangemessen-ist-15712646.html?printPagedArticle=true#pageIndex_2.
- Mayer, Caroline. (2002) *Öffentlicher Sprachgebrauch und political correctness: Eine Analyse sprachreflexiver Argumente im politischen Wortstreit*. Hamburg: Kovač.
- NdM-Glossar. (2020) *Wörterverzeichnis der Neuen deutschen Medienmacher*innen (NdM) mit Formulierungshilfen, Erläuterungen und alternativen Begriffen für die Berichterstattung in der Einwanderungsgesellschaft*. Retrieved from <https://glossar.neuemedienmacher.de/glossar/kategorie/01-wer-sind-wir>.
- Neue Begriffe für die Einwanderungsgesellschaft. (2013) In *Neue deutsche Medienmacher. Dokumentation des Workshops*. Retrieved from <https://neuemedienmacher.de/wp-content/uploads/2014/04/Tagungsdokumentation-NDM-Begriffe-2013.pdf>.
- Niehr, Thomas. (2014) *Einführung in die linguistische Diskursanalyse*. Darmstadt: WBG (Wissenschaftliche Buchgesellschaft).
- Özdemir, Cem. (2017, Juni 20) *Was hält die Gesellschaft zusammen? Grundsatzrede zur Integrationspolitik auf Einladung des Berliner Instituts für empirische Integrations- und Migrationsforschung und des Deutschen Instituts für Wirtschaftsforschung*. Retrieved from <https://www.oezdemir.de/themen/>

- grundsatzrede-integrationspolitik.
- Radisch, Iris. (2016, September 22) Unprämierte Migrantenliteratur. *Die Zeit*, 40. Retrieved from <https://www.zeit.de/2016/40/chamisso-preis-literatur-protest-fluechtlinge>.
- Seite „Biodeutsch“. (2021, Mai 10) *Wikipedia, Die freie Enzyklopädie*. Retrieved from <https://de.wikipedia.org/w/index.php?title=Biodeutsch&oldid=211809734>.
- Sezgin, Hilal. (2016, März 2012) Das Privileg der Ettiketenlosen. *taz*. Retrieved from <https://taz.de/Debatte-Biodeutsche/!5281243>.
- Stefanowitsch, Anatol. (2018) *Eine Frage der Moral: Warum wir politisch korrekte Sprache brauchen*. Berlin: Dudenverlag.
- Stötzel, Georg, & Wengeler, Martin, et al. (1995) *Kontroverse Begriffe: Geschichte des öffentlichen Sprachgebrauchs in der Bundesrepublik Deutschland*. Berlin: Walter de Gruyter.
- Vielfalt zum Ausdruck bringen! (2020) *Ein Leitfaden für Mitarbeitende der Berliner Verwaltung. Senatsverwaltung für Justiz, Verbraucherschutz und Antidiskriminierung*. Retrieved from file:///c:/temp/leitfaden_vielfalt-zum-ausdruck-bringen.pdf.
- Wierlemann, Sabine. (2002) *Political correctness in den USA und in Deutschland*. Berlin: Erich Schmidt.
- Wizelive. (2016, April 9) *Biodeutsch — Eine Glosse*. Retrieved from <https://wizelife.de/schwarzes-brett/notiz/57089edf180ba042128b45e5/sonstiges/biodeutsch-eine-glosse>.

Yelena A. Kondakova

National Research University “Higher School of Economics”

Galina M. Zaseyeva

North-Ossetian State University named after K. L. Khetagurov

Lexico-Semantic Features of German Discourse on Political Correctness

The paper focuses on the lexical peculiarities of the German public debate about the politically correct verbal communication, viewed as a specific discourse domain based on thematic integrity. It clarifies the approaches to the study of thematically relevant vocabulary, which is treated as a manifestation of how the collective subject perceives the new ideologically motivated speech etiquette suggestive of the current political reality. The discursive lexicon structure, its inherent conceptual and figurative associations are described.

Keywords: political correctness; discourse; vocabulary in discourse; usualization; semantics; conceptual structure

О. А. Кострова

Самарский социально-педагогический университет

КОНЦЕПТОСФЕРА АВТОРСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В РОМАНЕ КРИСТЫ ВОЛЬФ *KINDHEITSMUSTER*

Языковая личность автора рассматривается как ядро художественного текста, отражающего специфику реальной действительности определенного времени. В исследуемом романе языковая личность автора позволяет представить процесс осмысления прошлого поколением немцев, детство которых пришлось на период нацизма. Концептосфера автора анализируется на трех уровнях: поверхностно-эмпирическом, глубинно-концептуальном и дискурсивно-прагматическом. Авторские концепты расцениваются как производные от базовых концептов немецкой лингвокультуры, сложившиеся под влиянием социокультурных условий в период формирования личности.

Ключевые слова: доминантные и периферийные концепты; немецкая вина; память; расщепление личности; тяга к истокам; критицизм

1. К постановке проблемы

Творчество Кристи Вольф широко освещалось в немецком и отечественном литературоведении (см. в [ГУРОВ 1993]). Ее роман, озаглавленный в русском переводе *Образы детства* (WOLF 1982), изданный в 1976 г., затрагивает болевые точки немецкой истории — историческую травму, проблему преодоления прошлого. Эти проблемы были центральными в творчестве многих немецких писателей после 1945 г. 30 лет спустя после окончания войны, когда уже составлена целая антология из антифашистских книг, автор снова обращается к волнующей ее проблематике. Криста Вольф

«убеждена, что проблема фашизма продолжает оставаться «радиоактивной» [...], тем более в международном масштабе. [...] С этим убеждением писала Криста Вольф свою книгу «Образы детства». Там она наиболее отчетливо реализовала принцип авторского присутствия в повествовании» (МОТЫЛЕВА 1987).

О новизне ее освещения проблемы написал в предисловии к русскому переводу Д. Гранин:

«Криста Вольф открыла для меня совершенно неизвестный облик немецкого фашизма. Сейчас, после прочтения романа, изображение выглядит естественным: вот как семя фашизма проросло в недрах семьи, в школе, как росло вместе с трехлетней девочкой —

до этого возраста добирается глаз художника» (ГРАНИН 1989).

Сложность композиции, стилистики и проблематики романа вызывает разночтения даже в определении его жанра. И. В. Млечина считает его романом-отчетом, расценивая его как «отчет» человека перед собой и другими (МЛЕЧИНА 1985: 212). По мнению Т. Мотылевой, роман представляет размышления автора в рамках «субъективной аутентичности», под которой имеется в виду «подлинность, достоверность, засвидетельствованную личным опытом автора» (МОТЫЛЕВА 1987). Наиболее убедительной представляется позиция Л. М. Ньюбиной, которая относит роман к жанру литературной автобиографии (НЮБИНА 2014: 198). В этом жанре реализуется одна из модификаций мнемонического текста. Литературная автобиография основана на работе памяти (Там же: 191). По свидетельству Ньюбиной, мнемоническая проза обладает смысловой гетерогенностью и композиционной фрагментарностью. Ее гетерогенность определяется взаимодействием различных видов памяти, наличием разных смысловых линий с многочисленными микросюжетами и некоторыми другими факторами (НЮБИНА 2000: 93). В интересующем нас романе многократно актуализируется, например, зрительная память; она может быть основана на авторских архивных документах — фотографиях (Там же: 99-100).

Характеризуя мнемонический текст как *многомерный когнитивный феномен* (НЮБИНА 2014: 190), исследователь использует в качестве материала произведения многих авторов. Специальных изысканий, посвященных лингвистическому анализу романа *Kindheitsmuster* в отечественной германистике, мы не обнаружили. Тем не менее, этот роман представляет уникальный материал, показывающий формирование сознания человека в эпоху тоталитаризма. Исходя из этого, *целью* настоящей статьи избран когнитивно-прагматический анализ концептосферы автора указанного произведения, отражающего типичные черты немецкой языковой личности того периода.

2. Методология исследования

Адекватная интерпретация художественного текста невозможна без понимания личности автора, его создавшего. Стиль текста «представляет собой авторское самовыражение себя как “языковой личности”» (ГОНЧАРОВА 2012: 23). С этой точки зрения, *языковую личность* автора мы рассматриваем как ядро ху-

дожественного произведения. В монографии (КОСТРОВА и др. 2021) изложены факторы влияния на формирование языковой личности автора, методология исследования авторской языковой личности и проанализированы некоторые произведения художественной и гибридной литературы. К факторам влияния мы отнесли философские концепции: немецкий романтизм с его стремлением к идеалу, философию жизни Ф. Ницше с доминантным концептом сверхчеловека и симуляцию, представленную в философии Ж. Бодриера.

В философии романтизма выделяем основополагающий элемент, заключенный в мистических и эстетических воззрениях романтиков, — «идеализм». Этот элемент выводит, как ни парадоксально, на ключевой концепт немецкой культуры *ORDNUNG*, поскольку порядок — это зачастую недостижимый идеал, к которому мы стремимся. Идеализмом обусловлено и связанное с ним нематериальное эстетическое чувство, необходимое в сфере художественности. Близок к идеализму элемент, усвоенный из философии жизни: «сверхчеловек», то есть человек, обладающий сверхъестественными способностями. Этот элемент стирает различия между порядком и хаосом, поскольку неадекватное восприятие своей личности, стремящейся создать «новый порядок», приводит, как показывает история, к хаосу. Из философии общества потребления, изложенной Ж. Бодрийером, извлекаем элемент «симуляция», ключевой для определения подлинной идентичности человека. Распредмеченные таким образом элементы философских учений оказывают существенное влияние на формирование ментального пространства личности в немецкой лингвокультуре.

Ю. Н. Караулов выделяет в составе языковой личности вневременной и временной уровни. К вневременному уровню исследователь относит используемый личностью языковой тип и устойчивую часть вербально-семантических ассоциаций, а также базовую инвариантную часть картины мира [КАРАУЛОВ 2010: 39]. В нашем исследовании вневременной уровень образуют базовые (донорские) концепты национальной культуры, а временный уровень — конкретные социокультурные условия формирования личности. В центре нашего внимания оказывается концептосфера авторской личности, сформированной под влиянием концептосферы немецкой лингвокультуры, с одной стороны, и

влиянием нацистского режима, — с другой.

Исследование выполнено на стыке литературоведения, лингвистики, лингвоконцептологии и лингвопрагматики. В литературоведении используется категория «образ автора» как «одно из проявлений глобальной категории субъектности» (БОЛОТНОВА 2003: 253). Образ автора, незримо присутствующий в тексте, изучается с историко-литературной, эстетической и социально-психологической точек зрения (Там же: 255), что влечет за собой знакомство с биографией писателя, определение литературного направления, к которому он принадлежит, соотнесение с реальной личностью создателя текста. Для лингвистики более продуктивной представляется категория языковой личности автора, стоящей, по выражению Н. С. Болотновой, за текстом (Там же: 254). Внеположенность языковой личности автора позволяет соотнести ее с концептуальной сферой определенной культуры и проследить влияние на ее формирование базовых концептов этой культуры.

В нашей концепции языковая личность автора исследуется на трех уровнях: поверхностно-эмпирическом, глубинно-концептуальном и дискурсивно-прагматическом (КОСТРОВА 2004: 35-37). На поверхностно-эмпирическом уровне вычленяются репрезентанты концептуальной картины мира автора текста; глубинный уровень анализа позволяет прийти к обобщениям концептуального плана и выявить производность авторских художественных концептов от базовых концептов соответствующей лингвокультуры; дискурсивно-прагматический уровень открывает доступ к пониманию мотивации автора.

3. Концептосфера авторской языковой личности

Производность авторских художественных концептов прослеживается при их сопоставлении с базовыми концептами немецкой культуры. Эти концепты описаны отечественными авторами. Приведем их список, чтобы наглядно представить возникающие зависимости, ср.: ORDNUNG 'порядок', SICHERHEIT 'безопасность, защищенность, уверенность', PFLICHT 'долг', DISZIPLIN 'дисциплина', EFFIZIENZ 'эффективность, действенность', GESETZ 'закон', GEHORSAM 'послушание', UNTERORDNUNG 'подчинение', PÜNKTLICHKEIT 'пунктуальность, точность, аккуратность', GEMÜTLICHKEIT 'уют, уютность, добродушие', PLANUNG', 'планирование', VERANTWORTUNG 'ответствен-

ность', ZUVERLÄSSIGKEIT 'надежность', ARBEIT 'работа' (МЕДВЕДЕВА и др. 2011; СКОРНЯКОВА 2008). Как видим, одноклассическими репрезентантами концептов в немецкой лингвокультуре, однозначно номинирующим концепт, в русской лингвокультуре во многих случаях не находится одноклассических соответствий, что свидетельствует о расплывчатости соответствующего концепта.

Доминирующим базовым концептом является, на наш взгляд, ORDNUNG, поскольку остальные концепты так или иначе соотносятся с ним, а иногда прямо произведены от него. В ментальном пространстве языковой личности, создающей текст, базовые концепты под влиянием конкретной ситуации преобразуются и получают текстовое воплощение. Это сложный процесс, на который оказывают влияние традиционных литературных жанров национальной культуры, а также возможности этноязыка.

К традиционным жанрам немецкой литературы относится роман. Анализируемый роман в жанре литературной автобиографии сочетает черты дневникового, мнемонического романа с чертами романа-путешествия и романа-воспитания. Для этого жанра характерны детские воспоминания, которые содержатся в каждом таком романе (НЮБИНА 2000: 39). В *Kindheitsmuster* они являются сюжетообразующими. Возможности этноязыка покажем на примере названия романа. Объясняя его выбор, Вольф пишет, что слово *muster* происходит от латинского *monstrum*, которое в современном значении связывается с «монстрами» (WOLF 1982: 52). Не случайно название трудно перевести на русский язык. Кроме устоявшегося перевода *Образы детства* представлен вариант *Пример одного детства* (МЛЕЧИНА 1985: 211), что объясняется наличием более обычного значения слова *Muster* 'пример, образец', однако плохо сочетается с авторским замыслом, допускающим приведенный выше смысл.

Принимая во внимание описанные условия формирования художественной картины мира, обратимся к концептосфере автора в *Образах детства*. Свообразие мнемонического повествования заключается в объединении в одном лице автора, рассказчика и протагониста (НЮБИНА 2001: 11). Исследуемый роман написан от лица автобиографического персонажа Нелли Йордан, которая выступает во всех трех ипостасях и говорит о себе то в третьем, то во втором, то в первом лице. Доминантный базовый концепт ORDNUNG прямо номинируется в некоторых ситуаци-

ях, о которых вспоминает протагонист Нелли. В одном случае дело касается пятна на чистой скатерти, которое не может быть оправдано известием, что отец чуть было не стал убийцей. Мотивацией упрека в отношении пятна на скатерти служит: *Ordnung muss sein* (240)*. В другом месте Нелли выступает в роли автора, сознающего свою принадлежность к нации и усвоенные с детства базовые концепты немецкой лингвокультуры. О национальной идентичности свидетельствует местоимение *unser* и прямая репрезентация базовых концептов немецкой лингвокультуры. Ср.:

- (1) *Leichter scheint es, ein paar hundert, oder tausend, oder Millionen Menschen in Un- oder Untermenschen umzuwandeln als unsere Ansichten von Sauberkeit und Ordnung und Gemütlichkeit* (262).

Однако в мировосприятии автора-протагониста складываются и производные от базовых концепты. Многократно повторяющимся репрезентантом авторской концептуальной сферы на поверхностном уровне текста оказываются варианты лексемы *Gedächtnis* 'память' или словосочетания с ней. Это понятие приобретает в романе концептуальный смысл, координирующий с базовым лингвокультурным концептом *VERANTWORTUNG*. Концепт передается прямыми и косвенными номинантами. К первым относятся, например, *Gedächtnisarten* 'виды памяти', *Langzeit-* и *Kurzzeitgedächtnis* 'долговременная и краткосрочная память', механическая, образная, логическая, вербальная, материальная память и память действий. При этом остро не хватает вида памяти, передаваемого концептом *MORALISCHES GEDÄCHTNIS* 'моральная память'. Для интерпретации этого концепта необходимо перейти на глубинный уровень анализа. Вспоминая детство, Нелли, будучи уже взрослой женщиной, пытается связать в памяти отдельные эпизоды из жизни родителей. Вольф оформляет воспоминания в виде предположений, из которых становится ясно, что родители не могли не знать того, что происходило в стране в 1933 г. Предположение выражается глаголом *werden* в эпистемическом значении в сочетании с инфинитивом вторым смысловых глаголов. Троекратное повторение частицы *doch* говорит об уверенности предположения. Ср.:

---

* Здесь и далее в круглых скобках номера страниц приводятся по изданию Wolf, Christa. (1982) *Kindheitsmuster*. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag.

- (2) Aber Zeitung werden sie doch gelesen haben. Wenigstens den „General-Anzeiger“ werden sie doch schon abonniert gehabt haben. Zum Zeitunglesen werden sie doch gekommen sein, auch in den Jahren, in denen sie übermäßig gearbeitet haben müssen (53).

В газетах того времени была информация об ограничении свободы личности, о том, что допускаются несанкционированные обыски и конфискации, о том, что 21 марта 1933 г. основан концлагерь Дахау, который мог вместить 5000 узников. Но эти неудобные факты не откладывались в памяти; люди скорее верили тому, что говорил Геринг: лагерь предназначен для элементов, отлынивающих от работы, представляющих опасность для общества, политически неблагонадежных. Пропаганда имела успех: в ноябре 1933 г. люди проголосовали за партию нацистов и город, где жили родители, отличился наибольшим числом поданных за эту партию голосов. Родители тоже голосовали «за», то есть стали соучастниками нацистской политики:

- (3) Bruno und Charlotte Jordan hatten sich der Stimme nicht enthalten. Man konnte nicht mehr anders (55).

Молчаливое соучастие расценивается автором как проблема моральной памяти. Косвенно с этой проблемой соотносятся вариативные репрезентанты общего концепта GEDÄCHTNIS: существительные Erinnerung ‘воспоминание’, Grundmechanismus: Einlesen — Speichern — Abrufen ‘основной механизм (запоминания — О. К.): прочитать — сохранить в памяти — извлечь’, и глаголы vergessen ‘забывать’ и др. Проблема памяти мучает автора-рассказчика не случайно. Память о пережитом в детстве и юности тесно связана с концептами DEUTSCHE SCHULD и UNSICHERHEIT ‘неуверенность’, которые ассоциативно противопоставляются доминантному концепту немецкой лингвокультуры ORDNUNG. Как могли немцы с их почитанием порядка допустить к власти людей, которые привели страну к катастрофе? Разруха, хаос, в котором оказалась страна в результате поражения во второй мировой войне, прямо противоречили картине мировосприятия: концепту порядка.

Концепт вины не называется прямо, не имеет лексических репрезентантов. Косвенными свидетельствами этого концепта могут служить наименования реалий времени нацизма, сохранившиеся в памяти автора и выполняющие в повествовании функции *прагматического фокуса* и *выдвижения* (ср. НЮБИНА 2000:

35-50). События и факты, стоящие за этими номинациями, соотносятся в глазах общественности с концептом DEUTSCHE SCHULD. В группу «обвинительных» реалий входят обозначения концлагерей (KZ, Dachau, Ravensbrück) и узников (Kzler, Gefangene); обозначения, входящие в тематическую группу «фашизм» (Führer, NSDAP, Nazis, deutscher Gruss: Heil Hitler!, Volksgenosse, Judenverfolgung, Vergasung der Kranken и др.), глагольные и глагольно-именные обозначения преступных действий (totschlagen, vergasen, polnische Geiseln exekutiert / erhängt). В тексте романа содержатся и прямые обвинения немецкого фашизма устами польского писателя Казимежа Брандыса, назвавшего немцев «классиками фашизма», ср.:

- (4) Faschismus, schreibt der Pole Kazimierz Brandys, Faschismus ist ein weiterer Begriff als die Deutschen. Aber sie sind seine *Klassiker* gewesen (52).

Концепт вины вычитывается из синтаксических конструкций, которые по форме являются вопросительными, но по сути таковыми не являются. Автор прямо говорит о том, что здесь нарушаются правила немецкой грамматики: поскольку время вопросов еще не настало, вопрос приобретает риторический смысл. Прагматическая функция этих конструкций (скажем, забегая вперед) состоит не в запросе информации, а в выражении упрёка и более того — обвинения. Ср. фразу, обращенную освобожденным из концлагеря в 1945 г. коммунистом к матери Нелли, которая не могла поверить, что он оказался в концлагере только потому, что был коммунистом. Эту фразу можно считать синтаксическим репрезентантом концепта вины: WO HABT IHR BLOß ALLE GELEBT 'Где только вы все жили'. Фраза имплицитно подтекст, который формулирует дочь Нелли Ленка в виде риторического упрёка: 'как можно одновременно присутствовать и отсутствовать, не принимать ни в чем участия'. Ср.:

- (5) Lenka sagt: Das versteht sie nicht, solche Sätze. Von Leuten, die die ganze Zeit dabei gewesen sind. Sie will nicht — noch nicht — erklärt haben, *wie man zugleich anwesend und nicht dabei gewesen sein kann*, das schauerliche Geheimnis der Menschen dieses Jahrhunderts (57).

Другой риторический вопрос в устах отца Нелли, вернувшегося из советского плена и пришедшего к осознанию совершённого, звучит обвинением в адрес нацистских правителей:

WAS HABEN DIE MIT UNS GEMACHT 'Что они сделали с нами'. Фраза имплицитно несет концептуальный смысл: «Они не имели права так поступать с нами». Автор воспринимает этот риторический вопрос в буквальном смысле, пытаясь найти ответ на него. Как удалось правящей верхушке заставить народ стать соучастником злодеяний? Вольф приходит к выводам, которые мы обобщаем в виде производных концептов, имеющих лексическую репрезентацию: GEHORSAMKEIT 'послушание', SCHWEIGEN 'молчание', LÜGE 'ложь'. Протагонист вспоминает, что молчание пронизывало всю жизнь, начиная с семьи. В тексте романа концепт репрезентируется глаголом schweigen:

(6) Nirgendwo wird so abgrundtief geschwiegen wie in deutschen Familien (272).

Концепт GEHORSAMKEIT представлен в заголовке 9-й главы существительным Hörigkeit, имеющим значение не просто 'послушание', но 'крепостная зависимость, кабала, подчиненность'. Этим существительным автор отвечает на предшествующий вопрос «Wie sind wir so geworden, wie wir heute sind?» Концепт вычитывается из следующего контекста, в котором Нелли ведет мысленный диалог с собой, обращаясь к себе на «ты»:

(7) Du stellst dir *ein Volk von Schläfern* vor, ein Volk, dessen Gehirne träumend den *ihnen gegebenen Befehl befolgen* (197-198).

Концепт LÜGE заключен в названии 3-й главы: «Alles ist verkehrt. Glitzerwörter. Wie Scheu entsteht». Второй компонент названия Glitzerwörter имеет метафорический смысл. Дословно — это 'блестящие слова'. Так девочка Нелли называет слова, которые люди произносили заговорщицки, с блестящими глазами. Это слова не для детских ушей, об их значении нельзя было спрашивать. К ним относятся слова, за которыми стоит ненависть к слабым, слова, перевертывающие нормальные отношения в обществе. Об этом говорит первый компонент названия: 'Все перевернуто'. Эти слова относились к людям, которые подлежали общественному осуждению или даже отправлялись «ради чистоты нации» в газовые камеры: unnormal 'ненормальный', Schwindsucht 'чахотка', artfremd 'чуждый расе', unfruchtbar 'бесплодный'. Эти слова порождали страх, и не только в детской душе. Кроме того, ложь сквозит в эвфемистических обозначениях, например, Konzentrationslager издевательски-упрощенно назывался Konzertlager.

Чувство вины автор испытывает по отношению к своей дочери, которая хочет знать, как можно жить 'после этого': «wie man 'danach' weiter leben kann» (237). Ленка не употребляет слов, скомпрометировавших себя во время нацизма. Вместо слов *schrecklich*, *gräßlich*, *abscheulich*, *furchtbar*, которые в дни юности были в лексиконе Нелли, ее дочь говорит «*irge*», «*mies*», «*widerlich*», «*beschissen*» (232).

Таким образом, в ментальном пространстве автора доминирует концепт вины, который реализуется через номинанты концепта *GEDÄCHTNIS*, связанного с чувством ответственности за прошлое. В своей памяти автор-протагонист постоянно возвращается к обвиняющим реалиям своего детства и мучительно размышляет над тем, как она может объяснить дочери, почему их родина стала «классиком фашизма».

Доминантный концепт порождает периферийные, к которым мы отнесли *SPALTUNG DER PERSÖNLICHKEIT* 'расщепление личности', *URSPRUNGSDRANG* 'тяга к истокам' и *KRITIZISMUS* 'критицизм'. Концепт *SPALTUNG DER PERSÖNLICHKEIT* образует в романе своеобразную рамку. Первая глава называется «*In der dritten Person leben lernen. Ein Kind erscheint*» 'Учиться жить в третьем лице. Появляется ребенок'. Вторая часть заголовка может быть интерпретирована двояко. С одной стороны, она означает, что в семье появился младший брат Нелли, которая поначалу чуть не причиняет ему сознательно увечье, а потом мучается от этого и испытывает чувство раздвоения. С другой стороны, во взрослой женщине Нелли появляется ребенок — она сама в детстве; ребенок, который заставил ее говорить о себе в третьем лице.

В конце романа автор спрашивает себя, сломлено ли господство прошлого, которое расчленило ее личность на первое, второе и третье лицо, и не находит ответа на этот вопрос. Расщепление личности реализуется в сложной субъектно-объектной структуре романа. Л. М. Нюбина замечает, что в размышлениях Нелли «даже аутентичность приобретает черты парадоксальности» (НЮБИНА 2914: 198), поскольку автор постоянно отчуждается от себя. Читателю об этом становится известно уже в первых строках романа, задающих перспективу ретроспективного повествования:

(8) Das Vergangene ist nicht tot; es ist nicht einmal vergangen. *Wir tren-*

nen es von uns ab und stellen uns fremd (9).

Отчуждение от себя достигается повествованием от третьего лица, когда речь идет о девочке, потом — девушке Нелли. Взрослая Нелли ведет мысленный разговор с собой, обращаясь к себе на «ты» (ср. пример 7), противопоставляя тем самым две личности: себя, оглушенную пропагандой, и себя, осознавшую ее губительность. Происходит известная сублимация «разновременных личностей, состоящих друг с другом в отношениях диалога» (НЮБИНА 2014: 199). Расщепление личности началось в семье и продолжилось в школе, когда Нелли должна была притворяться, что она — «как все». Это подрывало чувство уверенности в себе; концепт SPALTUNG DER PERSÖNLICHKEIT входит как противочлен в ассоциативное поле базового концепта SICHERHEIT.

Концепт SPALTUNG DER PERSÖNLICHKEIT поддерживается и тем обстоятельством, что родной город Нелли Ландсберг, в котором прошло ее детство, после войны отошел к Польше и стал называться Горзуф Великопольский. Семья бежала с насиженного места, страшась наступления Красной армии. Но человека тянет к его истокам, и Нелли, живя в ГДР, ощущает эту тягу. В 1971 г. она с мужем, братом и дочерью едет в родной город, надеясь лучше понять свое детство.

Концепт URSPRUNGSDRANG имеет глубокие исторические корни, заложенные в философии романтизма. Если у Новалиса романтическим символом был голубой цветок, то у Нелли таким символом становится белый пароход, который она видела незадолго до начала войны и который символизировал в ее восприятии мира безоблачные надежды на радужный исход. «Das weiße Schiff» входит в название 7-й главы и как романтический символ противостоит реальности предвоенного времени, когда уже существовал запрет на неудобную информацию (Nachrichtensperre).

Концепт URSPRUNGSDRANG реализуется, кроме того, в обращении к пословицам и народным песням. При этом пословицы приводятся, например, в ситуации, описывающей воспитание в среднеевропейском, а точнее в немецком духе. Они передают веками накопленный опыт поведения «нормального» человека, опыт, согласующийся с базовыми концептами немецкой культуры ORDNUNG, PÜNKTLICHKEIT, ARBEIT. Именно поэтому они не вызывают отторжения. Ср.:

- (8) Morgen, morgen, nur nicht heute, sagen alle faulen Leute. Was du heute kannst besorgen, das verschiebe nicht auf morgen. Langes Fädchen, faules Mädchen. Was Hänchen nicht lernt, lernt Hans nimmermehr (264).

Концепт KRITIZISMUS постоянно сопутствует размышлениям автора, ср. (1, 4, 6, 7).

Перейдем к грамматико-прагматическим средствам, получающим в романе концептуальный смысл. Грамматическая категория лица (ср. выше) формирует концепт SPALTUNG DER PERSÖNLICHKEIT. Этому же способствуют многочисленные прагматические вставки, например, противопоставление сокращенных обозначений родного города (L) и (G). Прагматические вставки разрывают логику повествования, перенося читателя из прошлого в настоящее, от Нелли-девочки к Нелли — взрослой женщине. Например, размышляя о своей встрече с тетей Йеттой, которая была признана умалишенной и отправлена в газовую камеру, автор приводит в скобках параллель с настоящим временем, именно с тем, как воспринимает жизнь ее дочь. Слова английской песни, которую постоянно слушает Ленка, наводят на мысль, что люди ничему не учатся из истории, ср.:

- (9) (Seit ein paar Tagen, seit Lenka Tag und Nacht eine dunkle Melodie singt, steht jene Tante Jette [...] dir wieder deutlich vor Augen. Lenka singt: [...] Sometimes it seems to me things move too slowly, nothing is near...) (258).

Критицизм распространяется и на восприятие современных событий, переплетающихся с воспоминаниями в сознании протагониста: войну во Вьетнаме, диктатуру в Чили и др. Такие события наводят на мысль о повторении истории.

4. Выводы

Проведенное исследование подтверждает эффективность методологии исследования языковой личности автора художественного произведения, изложенной в монографии (КОСТРОВА и др. 2021). В романе Вольф *Kindheitsmuster* выявляется совокупность концептов, составляющих концептосферу авторской языковой личности, образующей ядро художественного текста. Когнитивно-прагматический анализ этой концептосферы подтверждает сложность ее формирования: она неразрывно связана с базовыми концептами немецкой лингвокультуры, с национальными литературными традициями и этноязыком, но вместе с тем

испытывает значительное влияние социокультурных условий, в которых она складывается. Индивидуальность автора проявляется в выборе как литературной формы и конкретных языковых средств, репрезентирующих концепты, так и в структурировании текста, а также в использовании художественного приема фокусирования. В этом аспекте языковая личность сближается с образом автора.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Болотнова Н. С.* Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М.: ФЛИНТА: Наука, 2009. [Bolotnova, Natalya S. (2009) *Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar'-tesaurus* (Communicative Stylistics of the Text: Dictionary-Thesaurus). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Гранин Д.* О романе // Знамя. 1989. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lit-mir.me/br/?b=166222&p=1>. (Дата обращения: 27.01.2021). [Granin, Daniil. (1989, January 27) O romane (About the Novel). *Znamya*, 6. Retrieved from <https://www.lit-mir.me/br/?b=166222&p=1>. (In Russian)].
- Гончарова Е. А.* Текст — дискурс — стиль как когнитивное, коммуникативно-прагматическое и интерпретационное триединство // Текст — дискурс — стиль в современной этнокультуре Германии: коллективная монография. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. С. 10—33. [Goncharova, Yevgeniya A. (2012) *Tekst — diskurs — stil kak kognitivnoye, kommunikativno-pragmaticheskoye i interpretatsionnoye triyedinstvo* (Text — Discourse — Style as Cognitive, Communicative-pragmatic and Interpretative Triunity). In Volskiy, Aleksey L.; Kopchuk, Lyubov' B., & Shishkina, Inna P. (eds) *Tekst — diskurs — stil' v sovremennoy etnokul'ture Germanii* (Text — Discourse — Style in Contemporary German Ethno-culture). Saint Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University, 10—33. (In Russian)].
- Гуров П. А.* История и современность в художественной и эссеистической прозе Кристи Вольф 70-х — 80-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.05. М.: МГУ, 1993. [Gurov, Petr A. (1993) *Istoriya i sovremennost' v khudozhestvennoy i esseisticheskoy proze Kristy Volf 70-kh — 80-kh godov* (History and the Present in Fiction and Essay Prose by Christa Wolf). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Moscow: Moscow State University. (In Russian)].
- Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010. [Karaulov, Yuriy N. (2010) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* (Russian Language and Language Personality). Moscow: LKI. (In Russian)].
- Кострова О. А.* Экспрессивный синтаксис современного немецкого

- языка. М.: ФЛИНТА: МПСИ, 2004. [Kostrova, Olga A. (2004) *Ek-spressivnyy sintaksis sovremennogo nemetskogo yazyka* (Expressive Syntax of Contemporary German). Moscow: Flinta: MPSI. (In Russian)].
- Кострова О. А., Беспалова Е. В., Блинова Ю. А., Омелькина О. В. Немецкий художественный текст: когнитивные и лингвокультурные аспекты. М.: Флинта, 2021. [Kostrova, Olga A.; Bepalova, Yekaterina V.; Blinova, Yuliya A., & Omel'kina, Oksana V. (2021) *Nemetskiy khudozhestvennyy tekst: kognitivnyye i lingvokulturnyye aspekty* (German Literary Text: Cognitive and Linguocultural Aspects). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Медведева Т. С., Опарин М. В., Медведева Д. И. Ключевые концепты немецкой лингвокультуры. Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2011. [Medvedeva, Tatyana S.; Oparin, Mark V., & Medvedeva, Diana I. (2011) *Kluchevyye kontsepty nemetskoj lingvokultury* (Core Conceptual Structures of German Linguo-culture). Izhevsk: Udmurt State University. (In Russian)].
- Млечина И. В. Типология романа ГДР. М.: Наука, 1985. [Mlechina, Irina V. (1985) *Tipologiya romana GDR* (Typology of the GDR Novel). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Мотылева Т. Размышления Кристи Вольф // Вопросы литературы. 1987. № 9 (Электронный ресурс). URL: Размышления Кристи Вольф — Вопросы литературы (voplit.ru). (Дата обращения: 27.01.2021). [Motylyova, Tamara. (1987, January 27) *Razmyshleniya Kristy Wolf* (Reflections of Christa Wolf). *Voprosy literatury* (Issues of Literature), 9. Retrieved from <http://voplit.ru/article/razmyshleniya-kristy-wolf>. (In Russian)].
- Нюбина Л. М. Воспоминание и текст: монография. Смоленск: Смоленский гос. пед. ун-т, 2000. [Nyubina, Larisa M. (2000) *Vospominaniye i tekst* (Reflections and Text). Smolensk: Smolensk Pedagogical University. (In Russian)].
- Нюбина Л. М. Воспоминание в картинах и образах (на материале немецкой мемуарной литературы XX века). Смоленск: Смоленский гос. пед. ун-т, 2001. [Nyubina, Larisa M. (2001) *Vospominaniye v kartinakh i obrazakh* (Reflections in Pictures and Images). Smolensk: Smolensk Pedagogical University. (In Russian)].
- Нюбина Л. М. Мемуарный текст как «культурогенный» феномен // Русская германистика. Т. 11 / под ред. Н. С. Бабенко. М.: Языки славянской культуры: Знак, 2014. С. 190—202. [Nyubina, Larisa M. (2014) *Memuarnyy tekst kak "kulturogennyy" fenomen* (Memory Text as a Culture Trigger Phenomenon). In Babenko, Nataliya S. (ed.) *Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of

Germanists). Vol. 11. Moscow: LRC Publishing House: Znak, 190—202. (In Russian)].

Скорнякова Р. М. Принципы моделирования языковой картины мира. Томск: Томский гос. пед. ун-т, 2008. [Skornyakova, Raisa M. (2008) *Printsipy modelirovaniya yazykovoy kartiny mira* (Principles of Modeling the Language World Picture). Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. (In Russian)].

Wolf, Christa. (1982) *Kindheitsmuster*. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag.

Olga A. Kostrova

Samara State University of Social Sciences and Education

**Concept Sphere of Language Author Personality
in the Novel by Christa Wolf *Kindheitsmuster***

The author's linguistic personality is considered as the core of a literary text that reflects the specifics of the real reality of a certain time. In the novel under study, the author's linguistic personality allows us to present the process of understanding the past by a generation of Germans, whose childhood fell during the period of Nazism. The author's concept sphere is analyzed on three levels: surface-empirical, deep-conceptual, and discursive-pragmatic. The author's conceptual structures are regarded as derived from those of German linguistic culture, which were formed under the influence of socio-cultural conditions during the formation of the personality.

Keywords: dominant and peripheral conceptual structures; German fault; memory; bifurcation of personality; hang to sources; criticism

В. Б. Меркурьева
Иркутский государственный университет

СОЗДАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Идентичность российских немцев базируется на принадлежности к определенной нации, культуре и владении своеобразным языком. Последняя этнокультурная составляющая — язык художественного дискурса писателей российских немцев — исследуется методами филологического и интерпретативного анализа. На материале художественного дискурса российских немцев — с момента его становления в 20-е гг. XX в. до настоящего времени — изучаются лингвистические признаки двуязычия. Основное внимание уделяется современному языку эссе в ФРГ, который ранее мало подвергался изучению лингвистов. Писатели — российские немцы всегда использовали возможности, проистекающие из способности говорить на двух языках, достигая за счет этого задуманного художественного эффекта. Русизмы становятся редкими, но продуманными маркерами в современном художественном дискурсе российских немцев, живущих в ФРГ. Их словотворчество характеризуется использованием элементов обоих языков — немецкого и русского.

Ключевые слова: идентичность; российские немцы; двуязычие; двументальность; бикультурность; русизм; словотворчество

1. Введение

Проявляющийся сегодня кризис самоидентификации является следствием распада мировой биполярной системы (ЕВСЕЕВА 2009: 3). Представители многих этнических групп и социальных сообществ, размышляющих о проблеме установления самоидентификации, испытывают потребность определить свою принадлежность к группам «свои» и «чужие».

Идентичность российских немцев имеет этнолингвокультурную составляющую, то есть базируется на наличии трех составляющих — принадлежности к определенной нации, культуре, а также владении определенным языком. В качестве сокращенного рабочего определения идентичности мы предлагаем следующее. Идентичность — это есть ответ на вопрос: «кто я такой?».

Приехавшие в XVIII в. из Германии в Россию немцы, как известно, считали себя таковыми еще много десятилетий. Дол-

гие годы жизни в России, постепенная ассимиляция этнических немцев привели к созданию нового молодого этноса, именуемого «российские», а позже — «советские немцы». По прошествии многих лет значительное количество российских немцев полностью утратило немецкий язык, они стали писать (в том числе поэты и писатели) на русском языке.

В XX в. происходит процесс переселения российских немцев в Германию. Там они начинают осознавать себя настоящими немцами, однако часть из них интегрируется с большим трудом в немецкое общество и продолжает называть себя российскими немцами, некоторые же не задумываются «ни о собственной национальной принадлежности, ни о сохранении национальной идентичности российских немцев» (ВЕРЕВКИНА 2013).

В. В. Веревкина считает, что осознание себя российскими немцами происходит в районах их компактного проживания. В районах же их дисперсного проживания «большая часть респондентов относит себя либо к русской, либо к немецкой нации» (Там же).

Важно отметить, что российские немцы переехали в Россию еще до того, как Германия стала единым государством.

«Их предки переселялись как гессенцы, пруссаки, саксонцы, лотарингцы и баварцы, а не как немцы, и уже в России они слились в единую общность, точнее их выковала в одну общность история, и, в первую очередь, депортация» (Там же).

В настоящее время разработано большое количество типов идентичности, которые подробно описывает М. С. Савоскул (САВОСКУЛ 2006). Вслед за автором остановимся на классификации, достаточно убедительной с нашей точки зрения. Первую группу образуют ранние переселенцы, отлично владеющие немецким языком. Они считают себя настоящими немцами. Вторая группа — это группа поздних переселенцев, считающих себя российскими немцами, они осознают свою принадлежность двум культурам одновременно. Третья группа — поздние переселенцы, испытывающие кризис самоидентификации. Представители этой группы слабо знают немецкий язык или их жизненные установки отличаются от жизни в Германии, что приводит зачастую к социальной изоляции (Там же).

О. Брейнингер, приводит точку зрения З. Баумана, считающего, что об идентичности задумываются, когда не знают,

куда отнести себя (БРЕЙНИНГЕР 2014). Д. А. Салимова выделяет три фактора, которые влияют на определение идентичности российских немцев — это возраст, образование и материальное положение (оно обеспечивает возможность выехать на историческую родину) (САЛИМОВА 2017: 165).

Идентичность российских немцев в художественном дискурсе создает повествователь — российский немец. Уже сама публикация в сборнике российских немцев косвенным образом свидетельствует о самоидентификации авторов в этом качестве даже при возможной эксплицитной и имплицитной дистанцированности от данного понятия. Отлично владеющие немецким языком немцы, родившиеся в России или Советском Союзе, стремящиеся искоренить свою двуязычность, практически всегда сохраняют двументальность и проявляют бикультурность. В связи с этим приведем образное высказывание народного поэта Калмыкии Давида Кугультинова. Его цитирует А. В. Фитц, который был свидетелем выступления калмыцкого оратора в марте 1991 г. в Москве на первом съезде немцев СССР: «Вы другие немцы! — сказал он. — Не могла вам Волга в вашу колыбель то же самое нашептывать, что нашептывал немцам Рейн» (ФИТЦ 2011).

Задача данной статьи состоит в выявлении и анализе лингвистических маркеров двуязычия на материале немецкого художественного дискурса разных лет.

2. Материал и методы исследования

При исследовании художественного дискурса российских немцев изучались тексты начала XX в. в России, расцвета этого творчества — середины и конца XX в. в СССР, а также начала XXI в. в ФРГ. При этом применялись методы филологического и интерпретативного анализа, базирующиеся на частных методах — компонентного, дистрибутивного, композиционного, контекстологического и функционального анализа.

3. Результаты исследования

3.1. Начало творчества писателей российских немцев

Художественное творчество российских немцев как билингов началось с макаронических (смешанных) песен. Их изучали В. М. Жирмунский, Н. Д. Светозарова, Л. Н. Пузейкина, Э. Йон. В статье *Борьба языков в макаронических песнях петербургских колонистов* (МЕРКУРЬЕВА 2015: 238-244), посвященной заявленной проблематике, мы исследуем два варианта песни *Sommerzeit* 1927 и

1929 г., делая при этом акцент на языковом доминировании. Сначала немецкий язык демонстрирует свою языковую доминанту. Даже в написанных кириллицей русских словах глухие смычные согласные заменяются на звонкие: 1) *тезнада* вместо «теснота», *бразадник* вместо «праздник», *кубеческий* вместо «купеческий» и др.; 2) слабые звонкие согласные заменяются на сильные глухие: *лавошник* вместо «лавочник», *назат* вместо «назад» и др.; 3) обе тенденции проявляются одновременно в одном словосочетании: *а денек даж* вместо «а денег дашь» и др. (МЕРКУРЬЕВА 2015: 244).

Кроме примеров, которые проявляются на орфоэпофонетическом уровне, в статье приводятся примеры орфографического и грамматического уровней. Они также свидетельствуют о доминировании немецкого языка.

В песне 1929 г. происходят следующие изменения: появляются все больше русизмов, которые вплетаются неумело, как это делают обычно иностранцы. Постепенно немецкий «акцент» ослабевает, русские вкрапления приближаются к нормам русского языка.

Кроме того, мы обнаружили, что уже в варианте песни издания 1929 г. начинается осознанный эксперимент не только с каждым языком в отдельности, но и с двумя языками вместе. В качестве примера приведем игру слов, возникающую вследствие корреляции первой строчки третьего куплета: *Von dort geht es dem graden Strich* и последней строчки четвертого куплета: *А дома лучший град* (МЕРКУРЬЕВА 2015: 242). В немецком прилагательном *gerade* редуцируется звук /e/, а в русском существительном *город* редуцируется звук /o/ и используется лексема *град* с возвышенным оттенком.

«Таким образом, макароническая песня представляет собой платформу, на которой можно «играть» сразу двумя языками, помогая тем самым достижению самоидентификации российских немцев, которые начинают владеть обеими языковыми разновидностями и извлекают из этого «выгоду», развивая свои творческие возможности» (Там же: 242).

3.2. Художественное творчество писателей российских немцев в СССР

Реальный языковой узус российских немцев долгое время (вплоть до сороковых годов XX в.) оставался монолингвальным. Это обстоятельство находит отображение в рассказе Н. Коско

Die schenste Sproch uf dr ganza Welt... Бабушка со всеми персонажами говорит на швабском диалекте российских немцев: «Ich biet' de Leit die Zeit, wie mir dr Schnawl gwachsa isch, und wer mich net versteha tut, dem kann mr ewet net me helfa!» (KOSSKO 1977: 165). Тот, кто ее не понимает, тому «помочь нельзя», считает пожилая женщина. Созданный языковой портрет помогает характеризовать самодостаточный образ бабушки главной героини. Заметим, речевой портрет, как и этот персонаж, не остается неизменным на протяжении всего рассказа.

Постепенно в условиях языкового острова с иноязычным (русским) окружением у русских немцев начинает формироваться билингвизм. В годы проживания российских немцев в царской России, СССР и вновь в России экспансия русизмов в их немецкий язык оказывается неотвратимой, стихийной: русские имена, реалии, заимствования, кальки из русского, изменения под влиянием русского проникают в семантику и грамматику. Продемонстрируем это на некоторых примерах. Aber mir gelang es doch, *Samen des Zweifeln auf ihre Seele zu werfen* (Там же: 165). (В русском: «заронить семя сомнения в душу»). В классическом немецком в данном контексте был бы использован глагол streuen.

В. Хайнц начинает свой рассказ *Eine altmodische Geschichte* достаточно необычно: Es tut unheimlich weh, wenn man *dem eigenen Lied auf die Kehle treten* muss (HEINZ 1977: 123).

Смысл кальки из русского, означающей «наступить на горло собственной песне» опрашиваемые немецкие респонденты не понимали и воспринимали фразу как брутальную. Далее в тексте данная метафора обыгрывается, а глагол treten употреблен в прямом (буквальном) смысле:

Aber nicht *meinem Lied habe ich auf die Kehle getreten*, sondern meinem Kunstwerk, meiner vielversprechender Plastik (Там же).

То есть вновь наблюдается игра разными языковыми регистрами, при этом русификация выражается на семантическом уровне. Русифицированный немецкий язык становится проявлением идентичности российских немцев.

Кроме русского языка российские немцы контактировали со многими языками бывшего Советского Союза: казахским, татарским, украинским, узбекским, эстонским и т. д. Не только билингвизм, но и трилингвизм, а по сути полилингвизм характерен

для большинства российских немцев (МЕРКУРЬЕВА 2011: 108-121).

Данное обстоятельство находит отображение и в художественном дискурсе. Эта би- и полилингвальная специфика своего языка всегда культивировалась писателями — российскими немцами. Метакоммуникация об особенностях родного языка пронизывает буквально все их художественные тексты.

Так, Г. Бельгер посвящает несколько страниц своего рассказа *Drunten im Tale* казахскому слову *El*, приводит его многочисленные значения, примеры употребления казахами в разных ситуациях. Данный лингвистический экскурс готовит читателя к восприятию этой казахской лексики в немецком контексте.

El... El...Ja doch, aber wo ist er den, mein El? Welchen Ort, welchen Winkel unserer Erde kann ich gleich nuken und vielen meiner Altersgenossen mit diesem Wort — mein “El” — bezeichnen? Vielleicht jene Stadt an der Wolga, wo ich das Licht der Welt erblickte? (...)

Oder sollte man etwa das Dorf Mannheim im Kanton Gnadenflur an der Wolga, das Heimatdorf meiner Eltern für meinen El halten? (BELGER 1996: 16-17).

Как читается из контекста, казахское *El* близко по смыслу слову *Heimat*, поскольку российские немцы живут в описываемой ситуации в Казахстане и воспринимают мир через призму уже другой реальности, ставшей им настолько «своей», что возможна дефиниция такого понятия как *родина* при помощи казахского слова.

3.3. Художественный дискурс российских немцев в ФРГ

У переехавших в ФРГ российских немцев видоизменяется реальный языковой узус. Престижным становится безукоризненное владение современным немецким языком. Мелита Л. Рот констатирует это в своем эссе *Heimatblase oder Die verlorenen Wörter*.

Эссе начинается с включением в его ткань русизма *пузыри*, который даже не адаптирован в немецком языке и записан кириллицей.

Wenn es stark regnet, und sich in den Pfützen kleine Wasserblasen bilden, taucht in mir immer das Wort пузыри auf. Früher in Russland, hat meine Mutter gesagt, wenn die Tropfen in den Pfützen so hochspringen, wird es noch lange, lange regnen. Längst lebe ich in einem anderen Land, längst ist Deutsch die Sprache geworden, in der ich denke, träume und flüstere. Dennoch kommt mir dieses Wort in den Sinn, wenn es wie aus Kübeln regnet, auch in der Stadt, die jetzt

meine Heimat ist (ROTH 2019: 45).

В тексте есть сноска: *pusyri (russ.) Blasen*.

Автор предпочитает не латиницей, а кириллицей написанное слово, тем самым еще больше увеличивается контраст иноязычного (русского) слова в немецком контексте, подчеркивается его необычность. Слово представляет собой метафору, отсутствующую в немецком контексте. Но автор употребляет и немецкое идиоматическое выражение *es wie aus Kübeln regnen*, характеризующее ситуацию проливного дождя, но как бы с другого ракурса. Немаловажным является уточнение, что метафору *пузыри* употребляла когда-то мама повествующего автора. Сохранение индивидуального двуязычия обусловлено в данном случае близкими родственными отношениями и эмоциями, связанными с ними.

Один из абзацев посвящен в эссе осознанной последовательной борьбе с русификацией собственного языка.

Heimat sollte Deutschland sein. Niemals Russland. Zu Hause blieb für das Russische kein Platz. “Wer ist hier russifiziert, wir doch nicht?” Russifiziert — das klingt nach einem schlimmen Bazillus. Und Verdrängung schien damals die beste Medizin zu sein (Там же: 48).

Автор осознает, что искусственное отречение от родины (России) оказалось недейственным.

Das Gewesene einfach über Bord werfen. Einen Schnitt machen. Sich neu erfinden. Klingt einfach, Ist es aber nicht. Und vor allem erfordert absolute Anpassung einen hohen Preis. Ein Stück von dir geht für immer verloren, wenn du die Heimat verlässt. Aber wie viel geht verloren, wenn du sie über Jahre verleugnest? (Там же: 48-49).

С годами приходит осознание того, что и вытеснение русского из обихода приводит к большим потерям (Aber wie viel geht verloren), то есть сохранения двуязычия — это большое преимущество российских немцев, это дает возможность видеть вещи в двойном измерении. Об этом пишет Рот с позиций, интересных лингвисту. Она и рассуждает подобно лингвисту:

Durch die Menschen, aber auch durch die Sprache habe ich mich mit dem neuen Land verbunden. Habe neue Denkmuster übernommen, auch wenn sie manchmal auf ihre Grenzen stoßen. Es gibt immer noch Worte, die mir nicht einfallen wollen im Deutschen und solche, die für mich unübersetzbar sind. Es gibt Muster aus der anderen Sprache, die ich hartnäckig reproduziere. Jedes Mal will ich “wir mit

Inge” sagen, wenn ich “Inge und ich” meine (Там же: 49).

Невозможность найти немецкий эквивалент, наличие «непереводимых» слов и неспособность искоренить особенности своего языка, которые в Германии воспринимаются как ошибки, вызывает у повествователя некоторое раздражение самой собой. Она называет когда-то почти родной русский язык (*andere Sprache*) «другим языком». Тем не менее в данном эссе эти особенности сформулированы как идентификационные признаки языка и языкового поведения российских немцев.

Через годы русский язык, несмотря на попытки его искоренения, «прорывается» и в современную жизнь повествователя. Без него невозможна самоидентификация автора-повествователя и сегодня. Девушка, рожденная в Омске, не может забыть сибирские реалии, связанные со снегом.

Zum Glück lebe ich in einer Stadt, in der es viel und lange regnen kann. Der sibirische Winter mit seinem Schnee wird wohl immer eine schmerzende Leerstelle in meiner Seele hinterlassen. Schade, denn Worte wie *иней (inej)*, *сугробы (sugroby)*, *снежинка (sneschinka)* oder *метель (metel)* wollen so gar nicht in die Stadt passen, in der ich lebe und die meine Heimat geworden ist (Там же: 50).

В ссылке даны немецкие соответствия русских слов: *Schneereif*, *hohe Schneeverwehungen*, *in die man tief sinken kann*, *Schneeflocke* und *Schneesturm* (Там же).

В этом абзаце объединены противоречивые мысли. С одной стороны, — это болезненная пустота в душе, которые оставляют эти слова (*eine schmerzende Leerstelle in meiner Seele*), с другой, — эти же слова вообще не хотят вписываться в город (*wollen so gar nicht in die Stadt passen*). Слова персонифицируются — «вообще не хотят вписываться». Повествователь создает в художественном дискурсе двойной смысл: (1) русские слова не хотят вписываться в город, так как они здесь неуместны, потому что город немецкий, (2) здесь не бывает снега, а все время идет дождь (оценка автора — *zum Glück*), поэтому эти слова и не возникают в памяти. Эта борьба с осознанным искоренением русских слов, русизмов; при этом наблюдается осознание потерь, которые болезненны в связи с потерей части идентичности.

Таким образом, начало и конец эссе содержат русизмы, благодаря которым происходит его закольцованность. С одной стороны, русизмы являются помехой в процессе интеграции россий-

ских немцев в немецкое языковое сообщество, с другой, — они пока неискоренимы, поскольку связаны с памятью о реальных событиях, эмоциональной и языковой памятью, и обогащают язык.

Нелли Коско, 1937 г. рождения, переехавшая еще в 1975 г. в ФРГ, пишет в своем эссе *Heimat ist ein Gefühl der Geborgenheit... Doch was ist eine ZwischenHeimat?* о том, что у нее нет лишь одной родины, она выделяет в предложении данное числительное EINE графически — прописными буквами:

Ich würde ohne die Mehrzahl “*HeimatEN*” gar nicht zurechtkommen können angesichts der unzähligen Stationen meines Lebens, Das soll jedoch auf keinen Fall heißen, dass ich ihn, diesen komischen, grammatisch ungeheuren Plural ohne Weiteres akzeptiere — bei näherer Betrachtung empfinde ich sogar heftigen Schmerz bei dem Gedanken, dass es für mich die EINE nicht gibt. Nicht geben kann, ja nicht geben durfte (KOSSKO 2019: 22).

Осознание этого обстоятельства, а именно: невозможности иметь одну родину, доставляет автору боль, о чем она эксплицитно заявляет. Изолированное (последнее) предложение подчеркивает вследствие этого осознанного отпочкования от предыдущего предложения, что у нее и не может быть, и не могло бы быть (не разрешено, запрещено) лишь одной родины. Коско заостряет внимание на множественном числе слова *HeimatEN*, выделяет графически окончание множественного числа и вербально характеризует его как *komischen, grammatisch ungeheuren Plural* (странное грамматически неслыханное множественное число). Сам окказионализм *ZwischenHeimat* имеет форму единственного числа, как и положено по законам немецкой грамматики.

Это вынужденная принадлежность двум родинам (культурам) находит подтверждение чуть позже. *Die Hoffnung stirbt zuletzt, besagt ein russisches Sprichwort, und es stimmt doch* (Там же: 23). Русская поговорка цитируется автором в переводе на немецкий язык для подтверждения своей мысли (о сохранении до конца надежды), именно она была усвоена в годы молодости на языке социализации в обществе повествователя.

Рассуждая о родине, автор образует еще несколько неологизмов.

Die Heimat. Nicht die ZwischenHeimaten... Gäbe es eine Zwischen-Heimat, so müsste es logischerweise auch eine Anfangs- und eine EndHeimat geben (Там же: 25).

Высказав предположение о необходимости новых слов и останавливаясь на единственном числе слова *ZwischenHeimat*, автор допускает возможность создания новых сложных слов *AnfangsHeimat* и *EndHeimat*, чтобы описать необычную в своем роде судьбу российских немцев. Автор сразу употребляет одно из них (*EndHeimat*) по отношению к себе, и слово это вписано в контекст, созданный лексемами с положительной семантикой.

Ich habe mich im Ruhestand in Meckenheim, einem grünen, urgemütlichen Städtchen, fernab jeglichen urbanen Ehrgeizes in der Nähe von Bonn niedergelassen, Hier stimmt alles — die Luft, die Natur, das Flair und die Menschen. Die vor allen Dingen. Vermutlich meine EndHeimat (Там же).

Во всех новообразованных словах присутствует необычное правописание, а именно: заглавная буква компонента *Heimat* в середине сложного слова. Все эти способы вкуче — окказионализмы, графические средства экспрессивности, метакоммуникация о новом слове подчеркивают значимость слова *Heimat*, которое и в середине сложного слова продолжает писаться с большой буквы.

4. Выводы

Уже на ранних этапах становления художественной коммуникации российских немцев в их творчестве проявляются преференции, проистекающие из билингвизма. В середине XX в. мастерство писателей — российских немцев оттачивается, «игра» на различных языковых регистрах обогащает их художественный дискурс, отличающийся ярко выраженной креативностью.

В круг тем, поднимаемых российскими немцами, переехавшими в Германию, входят понятие родины, вопросы интеграции, воспоминания, метакоммуникация и т. д. Процесс интеграции в Германии оказывается болезненным. В Германии без русизмов немислима самоидентификация российских немцев и сегодня. Попытка самоидентификации только при помощи немецкого языка терпит фиаско. Поиск новых слов (неологизмов, окказионализмов) отображает необычную судьбу российских немцев и свидетельствует о поиске их новой идентичности.

Для художественного дискурса (на примере эссе) российских немцев, переехавших в ФРГ, характерно редкое калькирование, русизмы становятся не повсеместными, а особо продуманными признаками их идентификации. Немецким авторам с русскими корнями свойственно словотворчество.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Брейнингер О. Модели самоидентификации и литература российской диаспоры в современной Германии // Новое литературное обозрение. 2014. № 3. С. 339—364. [Brejninger, Olga. (2014) *Modeli samoidentifikatsii i literatura rossiyskoy diaspory v sovremennoy Germanii* (Models of Self-identification and Literature of the Russian Diaspora in Modern Germany). *Novoye literaturnoye obozreniye* (New Literary Review), 3, 339—364.
- Веревкина В. В. Об этнической идентичности российских немцев. 2013 (Электронный ресурс). URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=2287>. (Дата обращения: 29.07.2020). [Verevkina, Valentina V. (2013) *Ob etnicheskoy identichnosti rossiyskikh nemtsev* (About the Ethnic Identity of Russian Germans). Retrieved from <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=2287>. (In Russian)].
- Евсеева Л. Н. Роль языка в формировании национальной идентичности: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11. Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2009. [Yevseyeva, Larisa N. (2009) *Rol' yazyka v formirovaniï natsional'noy identichnosti* (The Role of Language in the Formation of National Identity). Extended abstract of PhD thesis in philosophy. Arkhangelsk: Pomor State University. (In Russian)].
- Савоскул М. С. Российские немцы в Германии: интеграция и типы этнической самоидентификации (по итогам исследования российских немцев в регионе Нюрнберг — Эрланген). Демоскоп. 2006. № 243-244 (Электронный ресурс). URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0243/analit03.php>. (Дата обращения: 29.07.2020). [Savoskul, Mariya S. (2006) *Rossiyskiye nemtsy v Germanii: integratsiya i tipy etnicheskoy samoidentifikatsii (po itogam issledovaniya rossiyskikh nemtsev v regione Nurnberg — Erlangen)* (Russian Germans in Germany: Integration and Types of Ethnic Self-Identification: based on the Results of a Study of Russian Germans in the Nuremberg-Erlangen Region). Retrieved from <http://demoscope.ru/weekly/2006/0243/analit03.php>. (In Russian)].
- Салимова Д. А. Язык и культура русских российских немцев как многовекторная тема в этнолингвистике // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики / под ред. В. М. Панфиловой. Казань: КФУ, 2017. С. 164—167. [Salimova, Daniya A. (2017) *Yazyk i kul'tura russkikh rossiyskikh nemtsev kak mnogovektornaya tema v etnolingvistike* (The Language and Culture of Russian Germans as a Multi-vector Topic in Ethnolinguistics). In Panfilova, V. M. (ed.) *Sovremennyye problemy filologii i metodiki prepodavaniya yazykov: voprosy teorii i praktiki* (Modern Problems of Philology and Methods of Teaching Languages: Issues of Theory

- and Practice). Kazan: Kazan Federal University, 164—167. (In Russian)].
- Меркурьева В. Б. Полилингвизм в художественных произведениях авторов — российских немцев // *Немецкие диалекты в России: прошлое, настоящее и будущее отечественной островной диалектологии: сб. материалов / отв. ред. В. А. Дятлова*. Красноярск: Краснояр. гос. пед ун-т им. В. П. Астафьева, 2011. С. 108—121. [Merkuryeva, Vera B. (2011) Polilingvizm v khudozhestvennykh proizvedeniyakh avtorov — rossiyskikh nemtsev (Polylinguism in the literary works of the authors — Russian Germans). In Dyatlova, V. A. (ed.) *Nemetskiye dialekty v Rossii: proshloye, nastoyashheye i budushheye otechestvennoy ostrovnoy dialektologii* (German Dialects in Russia: Past, Present and Future of Domestic Insular Dialectology). Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University, 108—121. (In Russian)].
- Меркурьева В. Б. Борьба языков в макаронических песнях петербургских колонистов // *Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев*. 2015. № 1. С. 238—244. [Merkuryeva, Vera B. (2015) *Bor'ba yazykov v makaronicheskikh pesnyakh peterburgskikh kolonistov* (The Struggle of Languages in the Macaronic Songs of the Petersburg Colonists). Yearbook of the International Association of Researchers of the Russian Germans' History and Culture, 1, 238—244. (In Russian)].
- Фитц А. В. Утро в раю (очерки нашей жизни). О литературе российских немцев. 2011 (Электронный ресурс). URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A4/fitc-aleksandr/utro-v-rayu-ocherki-nashej-zhizni/9>. (Дата обращения 28.07.2020). [Fits, Aleksandr V. (2011) *Utro v rayu (ocherki nashey zhizni)*. O literature rossiyskikh nemtsev (Morning in Paradise (Essays on Our Life). About the literature of Russian Germans). Retrieved from <https://public.wikireading.ru/44802>. (In Russian)].
- Belger, Herold. (1996) *Drunten im Tale. Erzählungen aus dem Zyklus "Damentals"*. Moscow: Gotika.
- Heinz, Victor. (1997) Eine altmodische Geschichte. In *Wir selbst. Russland-deutsche Literaturblätter*. Stuttgart.
- Kosko, Nelli. (1997) Die schenste Sproch uf dr ganza Welt... *Wir selbst. Russlanddeutsche Literaturblätter*. Stuttgart.
- Kosko, Nelli. (2019) Heimat ist ein Gefühl der Geborgenheit. *Zwischen-Heimaten*. Literaturblätter der Deutschen aus Russland. Herford.
- Roth, Melitta L. (2019) Heimatblase oder Die verlorenen Wörter. *Zwischen-Heimaten*. Literaturblätter der Deutschen aus Russland. Herford.

Vera B. Merkur'yeva
Irkutsk State University

Creating the Identity of the Russian Germans in Literary Discourse

The identity of the Russian Germans is based on belonging to a certain nation, culture and possession of a peculiar language. The last ethno-cultural component — the language of the artistic discourse of the Russian-German writers is studied by methods of philological and interpretive analysis. Based on the material of the artistic discourse of Russian Germans — from the moment of its formation in the 20s of the 20th century to the present time — the linguistic signs of bilingualism are studied. The main focus is on the modern essay language in Germany, which was previously little studied by linguists. Russian German writers have always used the opportunities that arise from the ability to speak two languages, achieving the intended artistic effect due to this. Russisms are becoming rare, but well-thought-out markers in the contemporary artistic discourse of Russian Germans living in Germany. Their word coining is characterized by the use of elements of both languages — German and Russian.

Keywords: identity; Russian Germans; bilingualism; double mentality; biculturalism; russism; word coining

Ж. В. Никонова

Нижегородский государственный лингвистический университет

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО АКТА СОБОЛЕЗНОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В контексте теории речевых актов проводится лингвистический анализ интенционального значения речевого акта соболезнования в современном немецком публицистическом дискурсе. Выявляются структурные, лексические и грамматические особенности реализации анализируемого речевого акта, характерные для немецкой лингвокультуры. Подчеркивается, что речевой акт соболезнования имеет сложную специфическую структуру, характеризующуюся большой вариативностью комбинаций простых речевых актов различных иллокутивных типов, самым частотным из которых является иллокутивный акт выражения эмоций. Широкая палитра языковых средств вербальной репрезентации иллокуции соболезнования отражает перлокутивный характер публицистического дискурса и имеет в качестве ядра перформатив *trauern* и словосочетания *Beileid aussprechen*, *Mitleid ausdrücken* в комбинации с экспликаторами повода соболезнования. Ведущую роль играют невербальные средства и особые приемы графического оформления определенных фрагментов текста.

Ключевые слова: лингвистическая прагматика; теория речевых актов; речевой акт; иллокутивный акт; иллокуция; интенциональное значение речевого акта; речевой акт соболезнования

1. Цель, задачи и методология исследования

Современная лингвистика, обращаясь к изучению различных аспектов коммуникации, опирается на интралингвистические и междисциплинарные концепции, раскрывающие механизмы и условия взаимодействия коммуникантов в различных лингвокультурах.

Многими учеными отмечается, что большим объяснительным потенциалом в отношении процессов коммуникации обладает теория речевых актов — центральное учение лингвистической прагматики (Дж. Остин, Дж. Серль, Дж. Лич, А. Вежбица, И.М. Кобозева и др.). Детальное исследование процессов формирования и функционирования иллокутивных актов позволяет лингвистам, занимающимся разработкой проблем теории рече-

вых актов, получать значимые результаты для описания процессов реализации актов коммуникации в различных лингвокультурах и вербализации их интенционального значения на примере отдельных видов и типов речевых актов (см. подробнее в [НИКОНОВА 2010; 2011; 2012; 2013; 2014; 2016; 2018; 2019; 2020]).

Целью статьи является выявление особенностей реализации в немецком публицистическом дискурсе речевого акта соболезнования, выступающего, по мнению многих отечественных лингвистов, значимой единицей коммуникации в различных лингвокультурах (КАЗАЧКОВА 2006; МИТИНА 2012; ТАРАСЕНКО 1999; ТРОФИМОВА 2015).

Актуальность выбранной темы определяется общей проблематикой современных прагмалингвистических учений, а также потребностью современной лингвистики в разностороннем описании функционального потенциала речевых актов различных иллокутивных типов при их актуализации в различных типах дискурса.

Объектом исследования выступают фрагменты современного немецкого публицистического дискурса, выступающие вербальным коррелятом речевого акта соболезнования. В качестве предмета исследования выступают функционально-прагматические характеристики и языковые средства репрезентации речевого акта соболезнования, анализ которых позволяет выявить особенности реализации речевого акта соболезнования в современном немецком публицистическом дискурсе.

Для обработки практического материала и достижения цели в работе использованы такие методы лингвистических исследований как метод сплошной выборки, метод компонентного анализа значений лексических единиц, метод контекстуального анализа иллокутивных значений структурных единиц, метод лингвистического описания и классификации языковых средств, а также прием обобщения фактического материала.

2. Характеристика материала исследования

Для анализа практического материала с целью выявления функционально-прагматического потенциала речевого акта соболезнования в процессе исследования были отобраны газетные статьи и объявления, выступающие вербальным коррелятом речевого акта соболезнования, в период с января 2015 г. по март 2016 г. Источниками послужили следующие немецкоязычные

издания: 1) Nordwest Zeitung — ежедневная региональная газета, выпускаемая газетным издательством Nordwest-Zeitung Verlagsgesellschaft в Нижней Саксонии; 2) Süddeutsche Zeitung — общенациональная ежедневная газета мюнхенской издательской группы Süddeutsche Verlag; 3) Aachener Zeitung — ежедневная региональная газета, выпускаемая в Аахене; 4) Rhein Main Presse — онлайн-портал издательства Verlagsgruppe Rhein Main. Все названные источники имеют собственные веб-сайты, которые предоставляют читателю большой объем информации, дают ему возможность самостоятельно регулировать процесс коммуникации, так как ориентация на участников общения в публицистическом дискурсе играет важную роль.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Лингвистический анализ указанных текстов в рамках теории речевых актов позволил выявить тематические и структурные особенности речевых актов соболезнования в публицистическом дискурсе.

Результаты научного поиска показали, что все тексты, выступающие вербальным коррелятом речевого акта соболезнования в немецком публицистическом дискурсе, можно разделить на две группы: 1) траурные объявления (Traueranzeigen); 2) фрагменты публицистических статей, цитирующие выражение соболезнования различными адресантами.

В траурных объявлениях (Traueranzeigen) наиболее часто употребляется речевой акт соболезнования в связи со смертью человека. Объявления данного типа представляют вербальный коррелят ритуализованного речевого акта, имеющий особое графическое оформление — небольшого размера поле прямоугольной формы с помещенным в нем текстом и изображениями. Объявления данного типа выполнены, как правило, в черно-белых тонах. Количество цветных объявлений в соотношении с общим количеством таких объявлений примерно равно 1:40. Следует отметить, что траурные объявления представляют собой тексты особого речевого жанра и обладают своими структурными особенностями. Большую роль в них играют невербальные средства. По их графическому оформлению достаточно легко определить иллюкутивный тип объявления, так как оно обрамлено, как правило, черным цветом. Имя человека, которому оно посвящено, всегда выделено крупным жирным шрифтом. Нередко встреча-

ются также графические изображения в виде символов, эмблем или гербов организаций, выражающих соболезнование.

В отличие от траурных объявлений во фрагментах публицистических статей упоминаются различные поводы для выражения соболезнования. Такие тексты характеризуются большей степенью экспрессивности, а также свободным выражением негативной оценки в связи с тем или иным событием, по поводу которого выражается соболезнование. В них наблюдается менее строгая ритуализированность текста, с чем связано большее разнообразие способов выражения сочувствия по поводу некоего трагического события. Полученные результаты представлены ниже (см. Табл.).

Таблица. Частотность реализации речевого акта соболезнования

Тематика речевого акта соболезнования в современном немецком публицистическом дискурсе	Частотность реализации
Естественная смерть человека	18%
Терроризм, убийство	50%
ДТП, авиакатастрофа	22%
Природная катастрофа	4%
Несчастный случай	6%

В ходе анализа практического материала доказан факт, что речевой акт соболезнования в немецком публицистическом дискурсе является, как правило, сложным речевым актом, иллокутивную структуру которого формируют простые речевые акты различной семантики, например:

An Heiligabend: Polizist in Herborn bei Messerattacke getötet.
Hessens Innenminister Peter Beuth (CDU) äußerte sich in einer Mitteilung bestürzt über den Tod des Polizisten: „*Wir trauern um den Polizeibeamten, der bei diesem Einsatz durch diese sinnlose Attacke ums Leben gekommen ist.*“ Den Angehörigen sprach er sein „*aufrichtiges Beileid und tief empfundenes Mitgefühl*“ aus.

Односоставные речевые акты соболезнования встречаются в публицистике достаточно редко.

Структура публицистических текстов полностью зависит от поставленной автором коммуникативной задачи и тематики сообщения. В результате анализа фрагментов статей, содержащих выражение соболезнования различными адресантами, было выявлено 27 вариантов комбинации простых речевых актов (далее — РА), формирующих иллокутивную структуру РА соболезнова-

ния в немецком языке. Базовым для большинства из них является простой РА соболезнования. Во многих случаях наблюдается дальнейшее расширение говорящим иллокутивной структуры РА с помощью простых РА констатации, выражения эмоций, информирования, оценки. Реже происходит расширение иллокутивной структуры сложного РА с помощью простых РА пожелания, обращения, уточнения, благодарности, призыва. Самым частотным вариантом реализации иллокутивной структуры РА соболезнования в немецком публицистическом дискурсе можно признать комбинацию простых РА «РА констатации + РА оценки + РА выражения эмоций + РА соболезнования».

В ходе анализа траурных объявлений всего выявлено 25 комбинаций простых РА при формировании иллокутивной структуры сложного РА соболезнования. Базовой комбинацией можно считать иллокутивную структуру «информирующий РА + РА оценки + РА констатации + РА соболезнования + РА автономии». Как показывают результаты исследования, данная иллокутивная структура РА может в дальнейшем расширяться говорящим за счет присоединения РА уточнения, благодарности, цитирования, выражения эмоций, обращения. Она также может сокращаться за счет опущения простых РА оценки и констатации, например:

Hertha BSC: „Wenn Fußball so unwichtig ist — Hertha BSC trauert mit den Franzosen!“

Наиболее частотным вариантом иллокутивной структуры РА соболезнования среди текстов траурных объявлений следует признать иллокутивную структуру «РА информирования + РА оценки + РА констатации + РА соболезнования + РА автономии».

Перлокутивный характер публицистического дискурса является важнейшим условием для использования адресантом широкой палитры языковых средств выражения соболезнования.

Анализ практического материала позволил установить, что лексические особенности РА соболезнования непосредственно связаны с лексическими особенностями простых РА, структурирующих сложный РА соболезнования в публицистическом дискурсе.

В простых РА соболезнования иллокутивная семантика соболезнования выражается, прежде всего, при помощи абстрактных существительных, эксплицирующих эмпатию (Beileid, Mit-

leid, Mitgefühl, Trauer, Trost, Unterstützung и др.), которые используются в устойчивых выражениях, как правило, с глаголами aussprechen, ausdrücken, gelten и прилагательными aufrichtig, herzlich, tief, например:

„In Gedanken sind wir bei der Familie, ihr *gilt unser aufrichtiges Beileid*“.

Анализ практического материала показал, что наиболее частотным глаголом, эксплицирующим семантику соболезнования, является глагол *trauern* (54% всех примеров), например: «Wir beten und *trauern* mit seiner Familie». Менее частотным для выражения соболезнования является использование говорящим наряду с другими языковыми средствами эквивалента немецкого глагола *beten* на английском языке *to pray for smb/smth*, например:

„Wir *trauern* um alle Opfer in Paris und wünschen den Angehörigen viel Kraft. #PrayForParis“.

По результатам анализа менее частотным средством для выражения семантики соболезнования являются словосочетания *Anteilnahme gelten*, *Nähe ausdrücken*, *Beileid bekunden* (1%). Например:

„Ich möchte François Hollande, Angela Merkel und Mariano Rajoy meine Trauer und *meine Nähe für die Opfer und ihre Familien ausdrücken*“.

Иллокутивная семантика простых эмотивных РА, структурирующих РА соболезнования, эксплицируется, прежде всего, с помощью эмотивной лексики. Чаще всего, это существительные *Schmerz*, *Trauer*, *Tragödie*, прилагательные и причастия *fassungslos*, *geschlossen*, *enttäuscht*, *erschüttert*, *betroffen*, а также выражения *in Trauer vereint*, *tiefes Schmerz fühlen*, *unter Schock stehen*, например:

„Das war ein großer Schmerz für uns alle; Wir alle sind *fassungslos angesichts dieser schrecklichen Katastrophe*, die so viele Menschen aus dem Leben gerissen hat; Wir stehen alle *unter Schock*“.

В фрагментах статей, содержащих РА соболезнования по поводу жертв терроризма, преобладает негативная оценка, которая проявляется в РА посредством существительных *Attacke*, *Tragödie*, *Opfer*, *Terroranschlag*, *Schicksalanschlag*, *Katastrophe*, *Absturz*, *Gewalt*. Ведущую роль при экспликации простого РА негативной оценки имеют прилагательные и причастия *sinnlos*, *schwierig*, *schrecklich*, *furchtbar*, *tragisch*, *fürchterlich*, *unfassbar*, *unerwartet*, *herzerreißend*. Например:

„Alle Beteiligten der Veranstaltung übermitteln ihr tiefstes Mitgefühl

und Beileid an die Angehörigen, Freunde und Betroffenen des tragischen Ereignisses“.

В траурных объявлениях, напротив, преобладает, как правило, позитивная оценка качеств умершего человека, которому посвящено траурное сообщение, например: *der aufrichtige, engagierte Partner; der geschätzte, zuverlässige, sachkundige Kollege; der sehr engagierte, weitsichtige, kompetente Geschäftsmann; der pflichtbewusste, aktive, verantwortungsbewusste und hilfsbereite Mensch*. Позитивная оценка в простых эмотивных РА, структурирующих РА соболезнования в публицистическом дискурсе, выражается также через существительные *Vorbild, Zuverlässigkeit, freundliche Art, Achtung, Wertschätzung, Respekt, Dankbarkeit* и глаголы *lieben, schätzen*, например:

„*Sein freundliches und hilfsbereites Wesen wurde von uns allen geschätzt. Durch ihren Fleiß, ihre Sorgfalt und ihre Umsicht hat sie den ehrenamtlich tätigen Mitgliedern die Arbeit sehr erleichtert*“.

РА констатации в рамках сложного речевого акта соболезнования присутствует не во всех проанализированных текстах. Однако он является, как правило, одним из средств экспликации соболезнования, в частности, с помощью глаголов *gedenken, Abschied nehmen, versterben, trauern, verlieren*, например:

„*In fassungsloser Trauer gedenken wir unserem lieben Kollegen und Lehrer*“.

Грамматические особенности РА соболезнования определяются эмотивным характером данного типа РА. Выражение эмоций и чувств непосредственно влияет на грамматическую структуру предложений.

Тексты, в которых выражается соболезнование, отличаются, как правило, простотой конструкций. К ним относятся прежде всего простые двусоставные предложения:

„*Unsere Gedanken sind bei den Opfern der gestrigen Anschläge in Paris und ihren Angehörigen*“.

Данная особенность указывает на особую атмосферу и напряженность коммуникативной ситуации, предполагающие последовательное выражение мыслей.

Поскольку неполные предложения типа *Im Herzen bei euch* указывают на излишне эмоциональное состояние адресанта, его особо трепетное отношение к ситуации, не позволяющее гово-

рящему полностью выразить отзывчивое, участливое отношение к переживаниям, несчастью других, они употребляются в анализируемых текстах реже, чем двусоставные предложения. То же можно сказать и о сложных распространенных предложениях с различными видами связи, которые зачастую трудны для понимания. Наличие нескольких отдельных предложений и отсутствие сложных союзов облегчают понимание в эмоционально насыщенных ситуациях.

Среди сложных предложений, которые были выявлены в анализируемых текстах, преобладают грамматические структуры с одним придаточным предложением. Они содержат, как правило, много придаточных определительных, которые поясняют и описывают содержание главного предложения, например:

"Wir trauern um den Polizeibeamten, der bei diesem Einsatz durch diese sinnlose Attacke ums Leben gekommen ist".

По цели высказывания большинство проанализированных примеров РА соболезнования выражено повествовательными предложениями, так как тексты выдержаны в нейтральном стиле, с долей печали и скорби: «Wir bekunden den Familien und Freunden der Opfer unser Beileid». Редко встречающиеся восклицательные предложения указывают на особую эмоциональность соболезнования: «Mein Herz ist bei allen toten Soldaten!».

Анализ практического материала показал зависимость употребления говорящим временных форм от функционирования простых РА, структурирующих сложный речевой акт соболезнования. То, что любой РА есть реализация действия посредством речи, определяет характер его временных форм, поэтому для РА соболезнования типично использование форм настоящего времени, так как адресант выражает желание поддержать адресата, разделить с ним несчастье, оценивает ситуацию и описывает собственные чувства, например:

„Meine Gedanken und mein tief empfundenes Beileid ist bei den Angehörigen der ums Leben gekommenen und des schwer verletzten Kollegen“.

Однако при экспликации простых РА, которые структурируют сложный РА соболезнования, встречаются формы прошедшего времени. Временная форма Perfekt, обозначая действие, завершённое в прошлом, результат которого сохраняется в настоя-

щем, чаще всего употребляется в простых РА информирования о поводе соболезнования и причине смерти. Данная временная форма также указывает на безвозвратность, безысходность трагических событий, например:

„Unsere Gedanken und Gebete gelten den Familien und Freunden, die wir in der vergangenen Nacht verloren haben“.

Временная форма Präteritum в анализируемых РА употребляется чаще всего при воспоминании об умершем с целью сохранения светлой памяти о нем или о ней:

„Nancy Reagan war eine meiner Heldinnen. Sie diente mit unglaublicher Kraft, Klasse und Grazie als First Lady und hinterließ ihre Spuren in der Welt“.

В результате анализа практического материала была отмечена еще одна особенность РА соболезнования в немецком публицистическом дискурсе, заключающаяся в наличии в поверхностной структуре РА большого количества определений и обстоятельств. Употребление этих языковых средств дает возможность говорящему выразить полную палитру чувств и эмоций адресанта, показать свое отношение к трагическому событию, отметить роль умершего человека в его жизни. Указанные средства вербальной репрезентации РА соболезнования являются наиболее ярким способом выражения экспрессии, например:

„Wir trauern um einen geschätzten Kollegen, den wir in guter und dankbarer Erinnerung behalten werden“.

Поскольку траурные объявления непосредственно связаны с актуальным временем осуществления РА и временем трагических событий, по поводу которых выражается соболезнование, они отличаются обязательным наличием временных обстоятельств и имен собственных, например:

„Wir nehmen Abschied von unserem langjährigen ehemaligen Mitarbeiter Willi Smazal, der am 29. Januar im Alter von 74 Jahren verstorben ist“.

Одной из важных особенностей текстов, выступающих вербальным коррелятом РА соболезнования в немецком публицистическом дискурсе, в частности, текстов траурных объявлений, является использование цитат с изречениями из Библии, фрагментов стихотворений, настраивающих читателя на мысли о вечности и духовности, например:

„Ich bin das A und das O, spricht Gott der Herr, der da ist und der da war und der da kommt, der Allmächtige“.

Анализ показал, что в цитатах также могут содержаться слова утешения: «Von guten Mächten treu und still umgeben, behütet und getröstet wunderbar...».

4. Выводы

Анализ средств вербальной репрезентации РА соболезнования в немецком публицистическом дискурсе дает основания выделить некоторые его особенности:

1) сложная структура, для которой характерна значительная степень вариативности комбинаций простых РА различных иллокутивных типов;

2) широкое использование в структуре сложного РА соболезнования простого РА выражения эмоций, использование глагола *trauern* и словосочетаний *Beileid aussprechen*, *Mitleid ausdrücken* в комбинации с экспликаторами повода соболезнования;

3) широкая палитра тематики соболезнования, взаимосвязь темы и средств выражения соболезнования;

4) специфическая иллокутивная структура РА соболезнования;

5) разнообразная палитра языковых средств, отражающих перлокутивный характер публицистического дискурса;

6) ведущая роль невербальных средств и особых приемов графического оформления определенных фрагментов текста.

Выявленные языковые средства подчеркивают антропоцентрический характер РА соболезнования в немецком публицистическом дискурсе и указывают на стремление говорящего к достижению максимального перлокутивного эффекта посредством речевого акта соболезнования, что, в свою очередь, свидетельствует об усилении в публицистическом дискурсе его контактоустанавливающей и регулятивной функций.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Казачкова Ю. В. Выражение сочувствия в русском и английском речевом общении: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Саратов: Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 2006. [Kazachkova, Yuliya V. (2006) *Vyrazheniye sochuvstviya v russkom i angliyskom rechevom obshchenii* (Expression of Sympathy in Russian and English Speech Communication). PhD thesis in Philology. Saratov: Saratov State University. (In Russian)].

- Митина Е. А.* Речевой жанр «соболезнование» в русской лингвокультуре // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2012. № 2 (256). С. 56—58. [Mitina, Yevgeniya A. (2012) Rechevoy zhanr “soboleznovaniye” v russkoy lingvokul’ture (Condolence Speech Genre in Russian Linguoculture). *Chelyabinsk State University Bulletin*, 2 (256), 56—58. (In Russian)].
- Никонова Ж. В.* Этнокультурная специфика организации системы речевых актов в современном немецком языке // Вестник НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. 2010. № 10. С. 79—87. [Nikonova, Zhanna V. (2010) Etnokul’turnaya spetsifika organizatsii sistemy rechevykh aktov v sovremennom nemetskom yazyke (Ethnocultural Specificity of the Organization of the Speech Act System in Modern German). *LUNN Bulletin*, 10, 79—87. (In Russian)].
- Никонова Ж. В.* Отражение компонентов речевой ситуации в речевом акте // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 8 / ред. Н. С. Бабенко. М.: Языки славянской культуры, 2011. С. 318—324. [Nikonova, Zhanna V. (2011) Otrazheniye komponentov rechevoy situatsii v rechevom akte (Reflection of the Speech Situation Components in a Speech Act). In Babenko, Nataliya S. (ed.) *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists). Vol. 8. Moscow: LRC Publishing House, 79—87. (In Russian)].
- Никонова Ж. В.* Социокультурные различия иллокутивной семантики речевых актов в немецком и русском языках // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Спецвып. № 5 / ред. Р. С. Аликаев. Нальчик: Каб.-Балк. гос. ун-т, 2012. С. 85—90. [Nikonova, Zhanna V. (2012) Sotsiokul’turnyye razlichiya illokutivnoy semantiki rechevykh aktov v nemetskom i russkom yazykakh (Sociocultural Differences in Illocutionary Semantics of Speech Acts in German and Russian). In Alikayev, Rashid S. (ed.) *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists). Special Issue No. 5. Nal’chik: Kabardino-Balkar State University, 85—90. (In Russian)].
- Никонова Ж. В.* Гетерогенность иллокутивной семантики речевого акта (на примере современного немецкого языка) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Спецвып. № 6 / ред. Р. С. Аликаев. Нальчик: Каб.-Балк. гос. ун-т, 2013. С. 135—142. [Nikonova, Zhanna V. (2013) Geterogennost’ illokutivnoy semantiki rechevogo akta (na primere sovremennogo nemetskogo yazyka) (Heterogeneity of the Illocutionary Semantics of the Speech Act (Exemplified by Modern German)). In Alikayev, Rashid S. (ed.)

Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists). Special Issue No. 6. Nal'chik: Kabardino-Balkar State University, 135—142. (In Russian)].

Никонова Ж. В. Эксплицитные и имплицитные средства иллокутивного дейксиса / Ж. В. Никонова, Е. О. Мидова // Вестник Нижегородского гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2-2. С. 387—390. [Nikonova, Zhanna V. (2014) Eksplitsitnyye i implitsitnyye sredstva illokutivnogo deyksisa (Explicit and Implicit Means of Illocutionary Deixis). *Nizhny Novgorod State University Bulletin*, 2-2, 387—390. (In Russian)].

Никонова Ж. В. Иллокутивная структура сложных речевых актов в сопоставительном аспекте // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 13 / ред. Н. С. Бабенко. М.: Языки славянской культуры, 2016. С. 230—238. [Nikonova, Zhanna V. (2016) Illokutivnaya struktura slozhnykh rechevykh aktov v sopostavitel'nom aspekte (The Illocutionary Structure of Complex Speech Acts in a Comparative Aspect). In Babenko, Nataliya S. (ed.) *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists). Vol. 13. Moscow: LRC Publishing House, 230—238. (In Russian)].

Никонова Ж. В. Интенсивность реализации иллокутивной силы в речевом акте // В. М. Бухаров, Ж. В. Никонова // Вестник НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. 2018. № 44. С. 31—40. [Nikonova, Zhanna V. (2018) Intensivnost' realizatsii illokutivnoy sily v rechevom akte (The Intensity of the Illocutionary Force Realization in a Speech Act). *LUNN Bulletin*, 44, 31—40. (In Russian)].

Никонова Ж. В. Проблематика исследования интенционального аспекта значения в современной лингвистической прагматике // Современная германистика и западноевропейская литература: коллективная монография. Т. 1 / ред. А. В. Иванов, В. М. Бухаров. М.: Флинта, 2019. С. 29—47. [Nikonova, Zhanna V. (2019) Problematika issledovaniya intentsional'nogo aspekta znacheniya v sovremennoy lingvisticheskoy pragmatike (The Problems of Studying the Intentional Aspect of Meaning in Modern Linguistic Pragmatics). In Ivanov, Andrey V., & Bukharov, Valeriy M. (eds) *Sovremennaya germanistika i zapadnoevropeyskaya literatura* (Modern Germanic Philology and West-European Literature). Vol. 1. Moscow: Flinta, 29—47. (In Russian)].

Никонова Ж. В. Лингвистическая теория иллокутивного дейксиса: когнитивный подход: монография. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2020. [Nikonova, Zhanna V. (2020) *Lingvisticheskaya teoriya illokutivnogo deyksisa: kognitivnyy podkhod* (Linguistic Theo-

ry of Illocutionary Deixis: a Cognitive Approach). Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistics University. (In Russian)].

Тарасенко Т. В. Этикетные жанры русской речи: благодарность, извинение, поздравление, соболезнование: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 1999. [Tarasenko, Tatyana V. (1999) *Etiketnyye zhanry russkoy rechi: blagodarnost', izvimeniye, pozdravleniye, soboleznovaniye* (Etiquette Genres of Russian Speech: Gratitude, Apology, Congratulations, Condolences). PhD thesis in Philology. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University. (In Russian)].

Трофимова Н. А. Соболезнование: лингвистический взгляд (на материале немецкого языка) // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2015. № 2. Т. 15. С. 39—44. [Trofimova, Nelli A. (2015) *Soboleznovaniye: lingvisticheskiy vzglyad (na materiale nemetskogo yazyka)* (Condolences: A Linguistic Perspective (On the Material of the German Language)). *Izvestiya of Saratov University*, 2, vol. 15, 39—44. (In Russian)].

Zhanna V. Nikonova

Nizhny Novgorod State Linguistics University

Implementation Features of the Speech Act of Condolence in the Modern German Journalistic Discourse

In the context of the theory of speech acts, a linguistic analysis of the intentional meaning of the speech act of condolence in the modern German journalistic discourse is carried out. The structural, lexical and grammatical features of the implementation of the analyzed speech act, which are characteristic of the German linguistic culture, are revealed. It is emphasized that the speech act of condolence has a complex specific structure, characterized by a large variability of combinations of simple speech acts of various illocutionary types, the most frequent of which is the illocutionary act of expressing emotions. A wide range of linguistic means of verbal representation of the illocution of condolences reflects the perlocutive nature of journalistic discourse and has as its nucleus the performative *trauern* and the phrases *Beileid aussprechen*, *Mitleid ausdrücken* in combination with explicators of the condolence semantics. The leading role is played by non-verbal means and special techniques of graphic design of certain text fragments.

Keywords: linguistic pragmatics; theory of speech acts; speech act; illocution; intentional meaning of speech act; speech act of condolence

М. В. Петрова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

**АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МИРЫ КРИСТОФА РАНСМАЙРА —
ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ
АЛЬТЕРНАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ РЕАЛЬНОСТИ
(на примере романа *Кокс, или Бег времени*)**

В статье дана характеристика языковых особенностей романа К. Рансмайра *Кокс, или Бег времени*, определена их роль в создании художественной модели реальности произведения и предложена интерпретация авторского замысла. Жанровое своеобразие романа рассмотрено в контексте эстетической парадигмы постмодерна. В результате исследования с применением описательного и сравнительно-сопоставительного методов в произведении выявлены художественные черты классического эпоса, психологического реализма и аллегорической сказки. Установлено, как языковая специфика романа способствует разрыву и раскрытию авторского замысла. Актуальность исследования и значимость результатов работы определяется недостаточной изученностью современной немецкоязычной литературы.

Ключевые слова: Кристоф Рансмайр; «Кокс, или Бег времени»; постмодернизм; австрийская литература; современная немецкая литература

1. Введение

Цель данного исследования — дать характеристику языковым особенностям романа К. Рансмайра *Кокс, или Бег времени*, определить их роль в создании художественной модели реальности романа. Объектом исследования является роман *Кокс, или Бег времени* как образчик стиля писателя, предметом исследования — изобразительно-выразительные средства языка произведения. Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью современной немецкоязычной литературы. Представляется значимым выявить стилистические особенности авторского стиля и проследить, как языковая специфика романа способствует разрыву и раскрытию авторского замысла. Гипотеза исследования заключается в том, что роман *Кокс, или Бег времени* сочетает в себе художественные черты классического эпоса, психологического реализма и аллегорической сказки. Работа должна отразить и охарактеризовать богатство художе-

ственного мира произведения, дать интерпретацию авторского замысла романа.

2. Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили художественные произведения Рансмайра, интервью писателя, критические статьи, размещенные в немецкоязычной прессе и на специализированных электронных ресурсах. Теоретической основой исследования являются работы по истории и теории литературы постмодернизма (ЛИПОВЕЦКИЙ 1997; ГЛАДИЛИН 2012; ЦЕНДРОВСКИЙ 2015; ЭПШТЕЙН 2000; ДЕРРИДА 2000); сочинения представителей экзистенциальной философии, касающиеся трактовки категории времени (KIERKEGAARD 2007; БЕРДЯЕВ 1998). Специфика работы потребовала также широкого привлечения видеоматериалов (интервью, литературных обзоров, передач) с видеохостинга YouTube и специализированных тематических электронных ресурсов. Использовались описательный и сравнительно-сопоставительный методы исследования.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Творчество Рансмайра в контексте эстетической парадигмы постмодерна

Австрийский писатель Кристоф Рансмайр — лауреат многочисленных престижных литературных наград, в том числе премии имени Франца Кафки, Бертольда Брехта, Государственной литературной премии Австрии. Идеальная эстетика инсценировки картин, предельно четкий, выверенный язык, красота и элегантность сложных синтаксических конструкций его романов вызывают восторги литературных критиков, именующих Рансмайра «великим стилистом современности» (EBEL 2016) и «Бетховеном современной немецкой литературы»:

«Ransmayr ist der Beethoven der deutschen Gegenwartsliteratur, der jede seiner Arbeiten mit unbeirrbarer Kraft in Richtung Vollendung vorantreibt» (WITTSTOCK 2016).

Несмотря на то, что имя писателя нередко упоминается в контексте мировоззренческой и эстетической парадигмы постмодерна, сам писатель в ряде интервью отрицал свою принадлежность к канону постмодернистской литературы (KOŠENINA 2018).

Действительно, нельзя сказать, что в романах Рансмайра слово и текст как система знаков лишаются референциальной функции, то есть функции отражения действительности, что ха-

рактенно для постмодернизма. (ЦЕНДРОВСКИЙ 2015). Напротив, Рансмайр фокусируется на предельно точном значении знака и стремлении к эстетическому абсолюту.

Мир постмодернистского романа — это текст, кроме которого «не существует ничего» (ДЕРРИДА 2000: 318), все остальное относительно и иллюзорно; в романах Рансмайра же мир представляется многомерным, но при этом трагически реальным. И если писатель-постмодернист использует знаки прежде всего как отсылку к другим знакам, а не к самим объектам действительности, то эстетика романов Рансмайра иная: описания настолько выверены, образны и при этом точны, что у читателя создается ощущение, возникающее обычно при просмотре кинофильма, — эффект присутствия незримым зрителем в созданном автором мире.

Необходимо в то же время отметить, что роману Рансмайра как псевдоисторическому роману присущи черты, сближающие его с постмодернистской литературой, такие как обращение к истории, вариативность исторических событий и возможность сослагательного наклонения. Интерес к истории у писателей-постмодернистов продиктован отношением к истории как к незавершенному тексту (ЛИПОВЕЦКИЙ 1997), допускающим художественные эксперименты и игру, которые тем не менее сочетаются с глубоким знанием предмета описания и изображаемой исторической эпохи.

3.2. Роман «Кокс, или Бег времени» как псевдоисторический роман

Роман *Кокс, или Бег времени* можно причислить к популярному в литературе на рубеже тысячелетий жанру альтернативной истории, когда сюжет произведения строится на исходном допущении о событии, которое в реальности не происходило, но опирается на реальных исторических персонажей или факты. К этому жанру можно отнести и более ранние произведения Рансмайра, такие как *Ужасы льда и мрака* (RANSMAYR 1984) об австро-венгерской экспедиции 1872 — 1874 гг., в ходе которой в Северном Ледовитом океане был открыт архипелаг Земля Франца-Иосифа, и роман *Болельщик Китахары* (RANSMAYR 1995), погружающий читателя в постапокалиптический мир Германии после окончания Второй мировой войны, возникший в результате проведения американцами в побежденной Германии «плана Стелламура».

Жанр альтернативной истории можно считать развитием

жанра псевдоисторического романа: уже во французских псевдоисторических романах XVII в., как, например, *Принцесса Клевская* Мари де Лафайет (ЛАФАЙЕТ 2012), исторические факты зачастую подменялись вымыслом, а исторический контекст служил в первую очередь фоном для описываемых событий и приключений героев.

Популярность жанра альтернативной истории в литературе постмодернизма обусловлена прежде всего специфическим отношением постмодернизма к реальности как к игре, неверием постмодернистов в наличие одной, абсолютной истины. Отсюда и отразившийся в литературе второй половины XX в. «псевдоисторический» подход к истории как к поливариантному пространству:

«...преступление границ реальности, нарастание иллюзорности, что характерно для второй половины XX в., постепенное осознание мнимости пред шествующих построений» (ЭПШТЕЙН 2000: 31).

Роман *Кокс, или Бег времени* сводит в пространстве художественного вымысла две исторические фигуры, часового мастера из Англии и императора Китая, которые в реальной истории не встречались. На этом допущении, встроенном в исторический контекст, основывается сюжетная линия и проблематика романа.

С другой стороны, *Кокс, или бег времени*, как и более раннее произведение Ранмайра *Ужасы льда и мрака* продолжают традицию романов-биографий о путешественниках. Для Рансмайра, который сам себя называет «полукочевником» (РАРСТ 2017) из-за своих многочисленных путешествий, жанр романа-путешествия еще и форма изложения полученных в ходе поездок этнографических, исторических, географических сведений и наблюдений. Вымысел помещен в пределы изображаемой эпохи, и художественный эксперимент соединяется с предельно точными описаниями, воссоздающими исторический контекст и атмосферу эпохи, что возможно только за счет глубокого изучения источников и исторических документов.

В романе *Кокс, или Бег времени* основной ареной действия выступает Китай XVIII в. В художественной форме воспроизводится определенный период истории — Империя Цинн в период правления императора Цяньлуна (1735 — 1796), апогея могущества Китайской империи. Ко двору императора Цяньлуна при-

бывает знаменитый английский часовой мастер со своими помощниками, чтобы исполнить прихоть Владыки Десяти Тысяч Лет и изготовить несколько моделей необычных часовых механизмов.

Реальные исторические прототипы главных персонажей романа — это Джеймс Кокс (1723 — 1800, в романе — Алистер Кокс), известный лондонский ювелир, золотых дел мастер, изобретатель и император Китая, Айсиньгоро Хунли (1711 — 1799), шестой маньчжурский правитель империи Цин, правивший в течение 59 лет под девизом «Цяньлун», что в переводе с китайского буквально означает: «непоколебимое и славное». В XVIII в., во времена правления Цяньлуна, империя находилась в зените своего могущества: после присоединения около трех миллионов квадратных километров территории, империя являлась самым могущественным государством Юго-Восточной Азии. Цяньлун же, покорив Тибет и подчинив Кашгарию и Джунгарию, для граждан своей империи был властелином мира. Хотя Поднебесная по воле императора была закрыта для европейцев, Цяньлун интересовался европейской архитектурой: при его дворе работал итальянский монах-иезуит, художник Дж. Кастильоне, под руководством которого в дворцовом комплексе был возведен дворец в западном стиле. Цяньлун также многое сделал для сохранения маньчжурской культуры: по его приказу был составлен самый крупный на тот момент свод китайского письменного наследия *Полное [собрание] книг [всех] четырех хранилищ* («Сы-ку цюань-шу») в 36381 томе (Цяньлун. Большая российская энциклопедия 2021). В романе Рансмайра фигура Цяньлуна сочетает в себе авторитаризм и жестокость «богоподобного» и «вездесущего» императора, «владыки над континентами и морями» (RANSMAYR 2016), воле которого в Поднебесной должны подчиняться не только подданные, но и силы природы, с чертами одаренного и просвещенного художника, архитектора и инженера. Император увлечен искусством каллиграфии, сам проектирует мосты и другие архитектурные сооружения, увековечивает свое могущество в сооружении искусственного водного канала, коллекционирует изысканные часовые механизмы, покровительствует музыкальному искусству.

Цяньлун и Алистер Кокс, несмотря на разницу между ними как представителями абсолютно разных культур, предстают в

романе родственными душами: пусть и движимые разными мотивами, их объединяет одна мечта — победить бег времени с помощью создания часов вечности, приводимых в движение *perpetuum mobile*.

В данном случае Рансмайр опирается на исторический факт — Джеймс Кокс действительно изобрел часы с «вечным двигателем», движущей силой которых служила ртуть, перемещавшаяся под влиянием атмосферного давления из стеклянного сосуда в стеклянную трубку. Трубка, увеличиваясь в весе, должна была опускаться, за счет чего и создавалась движущая сила часов.

Псевдоисторический роман как жанр предоставляет автору помимо возможности выбора широкой географии арен действия и, в каком-то смысле, повторного открытия исторических эпох также и возможность отразить в изображаемых мирах, как в зеркале, проблематику новейшей истории.

Хотя в эпилоге к произведению Рансмайр подчеркивает, что Цяньлун и другие персонажи его романа — это не «фигуры наших дней», а исключительно объекты художественного вымысла (Там же), тем не менее, между строк в романе мерцает тема тоталитарных режимов новейшей истории. Подробное описание жестокого наказания биржевых трейдеров и мучительной казни двух врачей за распространение слухов; тотальный невидимый контроль и повсеместная слежка в Запретном городе и летней резиденции императора; наконец, само стремление к неограниченной вечной власти Цяньлонга, выраженное и в подчинении природных явлений и времен года прихоти императора, и в стремлении подчинить время с помощью часов *perpetuum mobile*, — все это неизбежно вызывает у читателя аллюзии к современности.

Примечательно, что роман *Кокс, или Бег времени* вышел в 2016 г., а 11 марта 2018 г. в КНР были отменены ограничения срока полномочий для генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Китая, председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина. Этот факт лишь подчеркивает актуальность и, наряду с этим, вневременность проблематики романа.

3.3. Особенности конструирования модели реальности романа «Кокс, или Бег времени»

Романы Рансмайра, такие как *Последний мир*, *Ужасы льда и мрака*, *Болезнь Китахары* или *Кокс, или Бег времени* — это псевдои-

сторические романы, в которых автор конструирует альтернативные, фикциональные модели реальности. В *Последнем мире*, наиболее известном широкому кругу читателей романе Рансмайра, который условно относят к жанру магического реализма, речь идет об утопической модели «проживания заново» художественной реальности мира Овидиевских *Метаморфоз*. *Последний мир* трактуется критиками и литературоведами как альтернативная история «не столько античного Рима, сколько бытования мифа в культурном сознании человечества» (Гладиллин 2012: 283). Ремифологизация художественного мира *Метаморфоз* Овидия создается за счет «тонкой интертекстуальной игры с классическим античным образцом». Утопическая модель реальности *Последнего мира* — это «убедительная модель «мира как текста», в котором так называемая «объективная действительность» есть порождение творческой воли художника, а не наоборот» (Там же)

В других вышеупомянутых романах Рансмайра речь идет уже о «проживании заново» и создании альтернативных моделей исторической, а не художественной реальности. Опираясь на исторические факты или исторические прототипы, автор создает вымышленный пласт повествования и «моделирует» ход истории, исходя из своего художественного замысла.

Модель реальности всегда представляет реальность частично и в некоторых рамках, за пределами которых она бессмысленна. Это всегда фрагмент явленного мира, «микрокосм». Основным композиционным приемом выстраивания моделей реальности в романе *Кокс, или Бег времени* является параллелизм. Суть параллелизма как художественного приема заключается в сопоставлении двух явлений путем параллельного изображения с целью подчеркнуть их сходство или различие и придать повествованию особую художественную выразительность. В романе *Кокс, или Бег времени* параллелизм прослеживается в изображении реалий двух цивилизаций: восточной и западной; в противопоставлении двух центральных фигур романа — часовщика и императора, а также женских образов произведения — жены часовщика и наложницы императора Ан; в описании внутреннего мира главного героя Алистера Кокса, хаоса, смятения его души и застывшего в кажущейся нерушимой статике внешнего порядка деспотической империи.

Действие романа разворачивается при дворе китайского

императора, читатель открывает для себя Поднебесную глазами Кокса — «пришельца», «первого человека из Европы» (RANSMAYR 2016), допущенного в Запретный город. Обусловленный натурой художника-часовщика, это преимущественно эстетический взгляд на загадочный и неизвестный мир Востока, который одновременно и притягивает, и пугает главного героя.

Предметом эстетического восприятия и восхищения Кокса выступают различные объекты, прежде всего, это предметы архитектуры и искусства. Поднебесная предстает перед ним во всем великолепии и роскоши: церемониальных процессий, тканей (пурпур, шелк, пропитанный аромамаслами), изысканных и уникальных предметов интерьера (трон императора, его коллекция часов).

Часовщик, невероятно внимательный к деталям, поражен выверенной точностью всех процессов в империи. Даже мастерская, которую ему предоставили для работы в Запретном городе, является точной копией его лондонского ателье.

Пространство искусства и продуманной, рукотворной искусственности — это то, что хоть немного успокаивает метущуюся душу художника, пережившего в Англии трагедию: смерть дочери и потерю жены.

Сама смерть может быть предметом искусства, когда речь идет о дочери мастера. Посланники императора принимают тело Эбигейл, украшенное драгоценностями, за невиданный механизм, произведение искусства мастера, а могилу любимой дочери Кокс тайно превращает в вечные часы, приводимые в движение прахом умершей девочки.

Эстетическое пространство искусства в романе — это пространство, существующее вне времени и вне общественно-политических различий Востока и Запада, однако доступно оно лишь избранным: состоятельным заказчикам в Англии, императору Китая и его приближенным.

Поскольку в Поднебесной ничего не происходит без воли императора, здесь нет естественности и буйного роста природы. Природа существует как форма искусства, утвержденная высшей волей правителя. Рассказчик описывает искусственно созданные водоемы в летней резиденции императора не как кусочек природы, а как если бы он восхищался изяществом каллиграфического рисунка. Таким образом создается аллегорический фон

повествования, который делает книгу особенно поэтичной.

Произведение отличают стилевые черты, характерные для поэм классического эпоса, в особенности, с поэмами Гомера *Илиада* и *Одиссея*. Присущие классическому эпосу ритмичность речи, богатство поэтических приемов, таких как сравнение, повторы, метафоры отличает и произведение Рансмайра.

Авторский стиль характеризуется эстетической роскошью, поэтичностью и, подчас, избыточностью описаний, заключенных в сложные периоды. Конденсированные, развернутые описания при этом невероятно точны, словно автор стремится к эффекту кинематографического изображения:

«An einem sonnigen Tag im späten Oktober führte von den Mauern und Wehrtürmen einer Wasserstadt eine Prozession unter knallenden Fahnen mit Opfertieren beladene Elefanten ans Wasser: Diese mit Honig bestrichenen und mit Blumensamen, Melonkernen und Weizen bestreuten Tiere [...] gehörten zur letzten Hundertschaft der vom Aussterben bedrohten Elefanten Chinas. Vogelschwärme, vom Honig, den Samen und süßen Kernen angezogen, ließen die Elefanten wie tausendfach geflügelte Wesen erscheinen, die sich samt ihrer Opferlast [...] vielleicht schon mit dem nächsten Stampfschritt in den Himmel erheben würden» (Там же: 34).

Картины имперского величия и изысканного церемониала, которые Рансмайр описывает с нескончаемым восхищением его проявлениями и деталями, можно рассматривать и как проявление стремления императора избежать не только собственной смерти, но и последующей за ней неизбежности упадка феодальной системы и империи. Церемониал и роскошь маркируют власть императора — он господин своего времени, ход которого в империи осуществляется по его воле: он может отложить приход зимы, распоряжается жизненным временем своих подчиненных и приглашенных гостей. Мир Запретного города — это застывшая, замкнутая в себе реальность, которая не ищет развития и предстает ее членам совершенной, ведь всемогущество и богоподобие императора никто в империи не ставит под сомнение. Это подчеркивается в романе многократными повторами суперлативов, которыми именуется император: он «Владыка над континентами и морями» («Herrscher über Kontinente und Meere»), «Господин десяти тысяч лет» («Herr über 10 Tausend Jahre»), «Владыка над временем» («Herr über die Zeit»), «Богопо-

добный» («Der Gottgleiche»), «Сын неба» («Der Himmelssohn»), «Высочайший» («Der Allerhöchste»).

Однако цена совершенству эстетической картинки этого замкнутого в себе мира крайне высока, о чем автор прямо высказывается: «в тени каждого чуда света лежит братская могила» («Im Schatten jedes Weltwunders lag ein Massengrab» [Там же]). Мир Поднебесной — это, прежде всего, пространство тоталитарного государственного режима и единоличной власти императора. С первых страниц романа читателю глазами Алистера Кокса открывается масштаб деспотической безжалостности и контроля в империи. Едва причалив к берегу, мастера становятся свидетелями наказания: торговцам на бирже, не уплатившим должным образом налоги, публично отрезают носы. Собравшаяся вокруг толпа расценивает данное наказание как «милость императора».

«[...] wertlose Wertpapiere verkauft und den Schwindel mit Steuergeldern gedeckt hatten», «nach dem Urteil einiger am Schafott versammelter Lacher hätten ihnen dafür auch die Schwänze abgeschnitten und in den Arsch gestopft werden sollen, bis ihnen die Scheiße ins Maul stieg» (Там же: 103).

С помощью изобразительно-выразительных средств языка (сравнений, метонимий, повторов, параллелизма) читателю передается ощущение несвободы и подчиненности произволу императора, на которое обречены приглашенные мастера. Красноречива, например, сцена объяснения посланником англичанам смысла их пребывания при дворе: император хочет «голову» мастеров, а не изготовление очередной игрушки для себя. При этих словах перед мысленным взором Алистера Кокса сразу же встает голова казненного уже после своей естественной смерти Оливера Кромвеля, мятежника, инициатора казни Карла I и установления республики в Англии.

Несмотря на статус почетных гостей в империи, мастеровых Алистера Кокса каждое утро привозят на работы «как заключенных» (Там же).

Герои понимают, что не покинут Китай живыми, если посмеют ослушаться воли императора.

Через весь роман прослеживается параллелизм сцен реаллий восточной цивилизации с воспоминаниями и ассоциациями, возникающими у Алистера Кокса, связанными с его жизнью в Англии. Параллелизм делает очевидным сходство между двумя

империями, существующее, несмотря на очевидную разницу культур: это и карательные проявления власти (Кокс вспоминает, как стал свидетелем казни морских разбойников в Англии), и несвобода женщин в выборе своей судьбы (жена Алистера вышла за него замуж по принуждению родителей; семейные отношения воспринимались ею как физическое насилие, счастлива в браке она не была и перестала общаться с мужем сразу же после смерти дочери).

Параллелизм присутствует и в оформлении произведения: каждая из семнадцати глав романа носит китайское название, переданное латинскими буквами, и снабжена не дословным переводом, но соответствующим по смыслу, ассоциативным названием на немецком языке.

Внутренний мир Алистера Кокса — это пространство психологического реализма в романе. Автор концентрирует внимание читателя на внутренней жизни главного героя и в значительно меньшей степени на его внешней деятельности. Перед нами предстает человек, утративший после личной трагедии смысл жизни, одинокий и страдающий от хаоса и бессмысленности обрушившегося на него бытия. Это «самый грустный в мире человек» («*der Traurigste Mann der Welt*» [Там же]). Герой потерял интерес к прежде значимой для него работе, отказывался от заказов. Лишь желание покинуть место трагедии, облегчить свои страдания, и надежда на преодоление внутреннего хаоса стала причиной, почему он принимает приглашение посланников императора и через два года после смерти дочери оказывается при дворе Цяньлуна. Строгий распорядок восточной империи Алистер ощущает как «мир после хаоса» (Там же).

Характерное для психологического реализма глубокое изображение внутреннего мира литературного героя — его чувств, эмоций, желаний, мыслей и переживаний — достигается в романе за счет изобразительно-выразительных средств. Активно используется троп сравнения: после трагедии Алистер Кокс «как остановившиеся часы», он «чувствует себя статуей» (Там же). С помощью таких стилистических фигур как повторы (например, «Кокс мерз», «*Sox frog*» (Там же) и параллелизм (эпизоды случайных встреч с наложницей императора Ан вызывают воспоминания героя о жене) создается образ страдающего героя, осознающего свое бессилие вернуть дочь. Примечатель-

но, что тот же повтор, но уже в отношении Цяньлуна («император мерз», «Kaiser frog») возникает в конце романа как аллегория бессилия императора перед вечностью, как страдающее осознание своего поражения в борьбе со смертью и утратой власти. «Владыка десяти тысяч лет» понимает, что если запустит Вечные часы, то его могуществу как «владыки времени», который «сам — Время» («die Zeit selbst war») (Там же) придет конец и решает не делать этого.

Центральные фигуры романа, Алистер Кокс и Цяньлун, с одной стороны, находятся в оппозиции как представители разных культур, занимающих неравные позиции в структуре властных отношений. С другой стороны, через весь роман прослеживается нарочитый параллелизм изображения героев, который раскрывает их связанность, схожесть друг с другом, и в то же время служит художественной выразительности романа. Если император — это «Владыка десяти тысяч лет», то Алистер — «господин над пятьюстами специалистами по точной механике» (Там же), в финале же романа император, как отмечает Рансмайр в произведении, сам становится часовщиком: Кокс таким образом конструирует вечные часы, что только Цяньлун способен привести в движение *perpetuum mobile*.

Оба героя — одаренные творцы, создающие своими руками уникальные объекты: часовые механизмы (Кокс), архитектурные сооружения, поэзию (Цяньлун).

Автор называет их «родственными душами», объединенными одной мечтой: победить бег времени с помощью создания часов вечности. Однако мотивы у героев различны: если у императора это желание, подчинив себе время, удержать свое власть и могущество, то для Алистера Кокса — это прежде всего связь с дочерью, близость к ней.

Страдающее начало представлено и в фигуре императора: несмотря на свое могущество он всего лишь «человек, один из многих» (Там же), подверженный болезням (параллелизм сцен смертного ложа Абигейл и недуга императора в начале романа), не любимый женщиной, которая больше всего ему дорога (параллелизм образов Ан и жены Алистера Кокса).

Центральная роль в аллегорической модели реальности романа *Кокс, или бег времени* отведена загадке времени как преобразующей силы, власти которой человек полностью подвер-

жен. Парадоксальность времени обнаруживается в романе через аллгорию причудливых часовых механизмов, которые Кокс создает для Цяньлуна: первые часы отражают бег времени для ребенка, вторые — для влюбленных, третьи — для умирающего. Восприятие времени относительно и индивидуально. Оно ощущается и претерпевается по-разному, в зависимости от интенсивности эмоционального переживания: для влюбленных, например, оно либо летит стремительно и переживается как мгновение, либо, в разлуке, как бесконечное время.

Главный герой на себе ощущает уничтожающую силу времени. На протяжении повествования чувствует лишь неизбывную тоску по безвозвратно ушедшему, со смертью дочери, прошлому. С помощью сравнений создается образ окостеневшего от горя героя: он «словно статуя», «как остановившиеся часы». Печаль и меланхолия Кокса представляются непобедимыми во времени. Алистер Кокс лишь изредка чувствует облегчение, в мгновения встречи с Ан или в часы творческой работы в мастерской при дворе императора, однако и эти мгновения неизбежно возвращают его к прошлому и погружают в меланхолические переживания утраты. Тем не менее в финале романа мы видим героя, вышедшего из-под власти времени, окостенения, полного светлых надежд отплывающего на родину. Творческим актом создания часов *regretuum mobile* Кокс освобождается от болезненной власти времени. Он постигает истинную сущность времени как полноту момента: первая ночь, проведенная с женой, рождение дочери, руки Ан на его лице во время визита императора в мастерскую, — в ценности мгновения заключено воплощение, то есть наивысшее проявление времени (ссылка на роман). В своей философской глубине эта мысль рассказчика перекликается с размышлениями о времени и вечности представителей экзистенциальной философии (KIERKEGAARD 2007; БЕРДЯЕВ 1998):

«есть вечное настоящее, выходящее из ряда прошедшего-настоящего-будущего. Тогда смысл и ценность переживаемого мгновения находится в нем самом. С этим связано священное во времени, которое находится в мгновении вне временного ряда. Оно не в прошлом и не в будущем, хотя и в прошлом и в будущем» (БЕРДЯЕВ 1998).

Многочисленные часовые механизмы романа, таким образом, — это механическая аллегория времени. Они не становятся более

глубоким, экзистенциальным символом человеческой конечности, потому что в произведении возникают два понимания времени: как математическое время, которое можно измерить и отразить во все более и более сложных и причудливых часовых механизмах и как категория, целая и недробимая, как качество бытия.

Часы рассматриваются некоторыми литературными критиками и как символ определяющей силы нашей эпохи — научно-технического прогресса (ЕВЕР 2016). Стремясь ухватить, измерить и подчинить себе природные стихии и время математически, современный человек устремлен исключительно к будущему моменту и, таким образом, оказывается подчинен власти времени. Он лишает себя созерцания, «вечного настоящего» в переживаемом мгновении, которое вне власти времени. Тем не менее, совершая творческий акт, он способен освободиться от власти времени:

«Только творческим актом человека... осуществляется подлинный смысл истории во внутреннем ее измерении, не знающем власти, болезни времени» (БЕРДЯЕВ 1998).

4. Заключение

Роман *Кокс, или Бег времени*, искусство которого не отстает от тонкой работы мастера Джеймса Кокса, сочетает в себе эстетическую роскошь безупречного стиля с высочайшей конструктивной точностью. Филигранно выточенные описания создают аллегорический фон, художественную модель реальности, в которую автор погружает читателя с помощью изобразительно-выразительных средств языка. Заключенные в сложные периоды, развернутые описания отличаются крайней степенью точности, создавая эффект кинематографического изображения.

Невероятно конденсированный, суггестивный язык автора задает пульсацию текста, вызывая ассоциации с классическим эпосом, прежде всего, с поэмами Гомера *Илиада* и *Одиссея*. Это сходство обусловлено не только сюжетом, но и ритмичностью прозы Рансмайра, богатством поэтических приемов, которые не только украшают повествование, но и позволяют почувствовать линию автора, смысловые акценты произведения. Аллегория пронизывает повествование, искусно служа ключевой идее романа о непостижимой загадке времени.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Бердяев Н. А. Вечность и время // Вестник Русского христианского движения, 1998. С. 135—140 (Электронный ресурс). URL: <https://azbyka.ru/vechnost-i-vremya>. (Дата обращения: 29.01.2021). [Berdyaev, Nikolay A. (1998) *Vechnost' i vremya* (Eternity and Time). *Vestnik Russkogo khristianskogo dvizheniya* (Bulletin of the Russian Christian Movement), 135—140. Retrieved from <https://azbyka.ru/vechnost-i-vremya>. (In Russian)].
- Гладилин Н. В. Постмодернизм в литературе стран немецкого языка: генезис и основные тенденции развития: дис. ... доктора филол. наук: 10.01.03. М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2012. С. 433 [Gladilin, Nikita V. (2012) *Postmodernizm v literature stran nemetskogo yazyka: genезis i osnovnyye tendentsii razvitiya* (Postmodernism in the Literature of German-speaking countries: Genesis and Main Trends of Development). Advanced PhD thesis in Philology. Moscow: Moscow Pedagogical State University. (In Russian)].
- Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. [Derrida, Jacques. (2000) *O grammatologii* (About Grammarology) Moscow: Ad Marginem. (In Russian)].
- Лафайет М. М. Принцесса Клевская. СПб: Азбука, 2012. [Lafayette, Marie-Madeleine. (2012) *Printsessa Klevskaya* (The Princess of Clèves). Saint Petersburg: Azbuka. (In Russian)].
- Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм: очерки исторической поэтики: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1997 (Электронный ресурс). URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/lipovecky_russ_post-modern-lit.htm. (Дата обращения: 29.01.2021). [Lipovetskiy, Mark N. (1997) *Russkiy postmodernizm: ocherki istoricheskoy poetiki* (Russian Postmodernism: Essays on Historical Poetics) Yekaterinburg: Urals State Pedagogical University. Retrieved from http://yanko.lib.ru/books/cultur/lipovecky_russ_post-modern-lit.htm. (In Russian)].
- Цендровский О. Ю. Культурно-мировоззренческие основания глобального сетевого общества XXI в. // Человек и культура. 2015. № 5. С. 1—57. [Tsendrovskiy, Oleg Yu. (2015) *Kul'turno-mirovozzrencheskiye osnovaniya global'nogo setevogo obshchestva XXI v.* (Cultural and Ideological Foundations of the Global Network Society of the 21st Century). *Chelovek i kul'tura* (Human and Culture), 5, 1—57. (In Russian)].
- Цяньлун // Большая российская энциклопедия (Электронный ресурс). URL: https://bigenc.ru/world_history/text/4679095. (Дата обращения: 29.01.2021). [Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya (Big Russian Encyclopedia) (2021, January 29) *Cyan'lun* (Qianlong). In *Big Russian*

- Encyclopedia*. Retrieved from https://bigenc.ru/world_hi-story/text/4679095. (In Russian)].
- Энштейн М. Постмодерн в России: литература и теория. М.: Издание Р. Элинина, 2000. [Epshteyn, Mikhail. (2000) *Postmodern v Rossii: literatura i teoriya*. (Postmodernism in Russia: Literature and Theory). Moscow: R. Elinin Publishers. (In Russian)].
- Ebel, Martin. (2016 November 15) Der Literaturclub vom 15.11.2016. *SRF Kultur*. Retrieved from <https://youtu.be/IC2nwRs21EE>.
- Kierkegaard, Sören. (2007) *Der Augenblick*. [Reprint der Originalausgabe von 1923]. Innsbruck: University of Innsbruck.
- Košenina, Alexander. (2018, September 23) Mit Ransmayr durch Peking. Im Uhrwerk liegt die Erfindung der Welt. *Die Frankfurter Allgemeine Zeitung* (F.A.Z.). Retrieved from <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/themen/mit-christoph-ransmayrs-roman-cox-oder-der-lauf-der-zeit-durch-pekings-15800290.html>.
- Papst, Manfred. (2017 March 31) Interview. «Im Schatten jedes Weltwunders liegt ein Massengrab». *NZZ am Sonntag*. Retrieved from <https://nzzas.nzz.ch/kultur/christoph-ransmayr-im-schatten-jedes-weltwunders-liegt-ein-massengrab-ld.154540?reduced=true>.
- Ransmayr, Christoph. (1984) *Die Schrecken des Eises und der Finsternis*. Wien; München: Brandstätter.
- Ransmayr, Christoph. (1988) *Die letzte Welt*. Nördlingen: Greno.
- Ransmayr, Christoph. (1995) *Morbus Kitahara*. Frankfurt am Main: S. Fischer.
- Ransmayr, Christoph. (2016) *Cox oder Der Lauf der Zeit*. Frankfurt am Main: S. Fischer.
- Wittstock, Uwe. (2016, October 27) Kommt Qualität von quälen? *Focus*, 44. Retrieved from https://www.focus.de/kultur/medien/kultur-und-medien-kommt-qualitaet-von-quaelen_id_6126268.html.

Mariya V. Petrova
Lomonosov Moscow State University

**Alternative Worlds by Christoph Ransmayr — Linguistic Features
of Constructing the Alternative Models of Reality
(Exemplified by the Novel *Cox, or the Run of Time*)**

The article describes the linguistic features of Ransmayr's novel *Cox, or the Run of Time*, defines their role in creating an artistic model of the reality of the work and offers an interpretation of the author's intention. The genre originality of the novel is considered in the context of the postmodern aesthetic paradigm. As a result of the study using descriptive and comparative methods, the work revealed the artistic features of the classical epic, psychological realism and allegorical fairy tale. It is established how the lin-

guistic specificity of the novel contributes to the development and disclosure of the author's intention. The relevance of the study and the significance of the results of the work is determined by the insufficient study of modern German literature.

Keywords: Christoph Ransmayr; "Cox, or the Run of Time"; postmodernism; Austrian literature; modern German literature

Е. Н. Цветаева

Московский государственный лингвистический университет

В. А. Куликова

Московский государственный лингвистический университет

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: АНТРОПОНИМЫ В АНТОНОМАСИЧЕСКОМ СРАВНЕНИИ

На материале примеров частного вида сравнения, антономасии в статье рассматриваются лингвокогнитивные, культурно-специфические и интердискурсивные процессы, в которых участвуют антропонимы из сферы искусства и спорта, выступающие элементами лингвокогнитивной сравнительной модели $A1 = A2 \text{ gX}$ в современном немецком языке. Анализ собранного для исследования корпуса выполнен в когнитивной парадигме с привлечением модели концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера.

Ключевые слова: категория сравнения; сравнительные конструкции; антропонимы; антономасия; когнитивная матрица

1. Введение

Сравнение является «особой когнитивной структурой, в которой находит отражение процесс познания» (КРАЕВА 2017: 14). Познавая окружающую нас действительность, мы нередко прибегаем к сравнениям. Всякий раз, описывая свойства объектов («маленький / большой», «короткий / длинный», «мягкий / твердый» и др.) или выражая некое суждение («хорошо / плохо», «ясный / неясный» и др.), мы так или иначе *сравниваем*. Сравнение как способ познания и объяснения мира неотделимо от понятия *категоризации* (КУБЯКОВА 2004), которое занимает центральное положение в современных когнитивных исследованиях.

Сравнение как часть познавательной деятельности представлено и осуществляется в языке, оно обладает всеми определяющими признаками когнитивной системы как компонента человеческой когниции (ДЕМЬЯНКОВ 1996: 74-76). Признаками когнитивной системы считаются:

- 1) выразительность (сравнение имеет языковое воплощение);
- 2) эффективность (сравнение направлено на решение практических задач);

3) алгоритмичность (сравнение основано на определенных закономерностях и действует согласно заданной модели);

4) усваиваемость (сравнению можно научиться);

5) адаптируемость (сравнение воспринимается как процесс изменения субъективной реальности на основе имеющихся явлений объективной реальности) (Там же).

Сравнение носит универсальный характер в силу своего антропоцентрического начала и, будучи одной из основных глубинных категорий, имеет ряд закономерных особенностей. Сравнивая, человек отбирает несколько объектов из ряда сопоставимых по своим свойствам, а затем упорядочивает их. Непосредственная категоризация объектов происходит на основе их сущностных характеристик, что отражается и при вербализации сравнения.

В многочисленных работах, посвященных структуре сравнения (ГУЛЫГА, ШЕНДЕЛЬС 1969; МЕЗЕНИН 1983; THURMAIR 2001), исследователи говорят о сравнении как о трехчленной структуре, которая, как правило, включает следующие элементы:

1) *объект сравнения* (**что** сравнивают, объект действительности);

2) *этalon сравнения* (**с чем** сравнивают, объект действительности);

3) *общий признак* (**основание** сравнения, сущностные характеристики объектов действительности).

Поскольку между объектами сравнения обязательно присутствует явное или неявное «общее», известное как *tertium comparationis*, отмечается, что и элементы сравнения «могут быть *выражены* или *подразумеваться*» (МЕЗЕНИН 1983). Таким образом, допускается наличие эксплицитно и имплицитно выраженных сравнений.

В качестве примера сравнения, обладающего эксплицитно выраженной трехчленной языковой структурой, может быть рассмотрен контекст из статьи в газете «Die Zeit», посвященной продлению контрактов сотрудников Немецкого футбольного союза (DFB):

Joachim Löw *arbeitet wie* Oliver Bierhoff *seit 2004 für den DFB* (Die Zeit, 20.07.2010, Nr. 29).

Тренер сборной Германии по футболу Йоахим Лёв (*объект*

сравнения) работает в Немецком футбольном союзе с 2004 г., в этом контексте он сравнивается со своим коллегой, менеджером национальной сборной Германии Оливером Бирхоффом (*эталон сравнения*), который также сотрудничает с DFB с 2004 г. Категоризация осуществляется на основе *общего признака*: работа в DFB на протяжении определенного периода времени.

Сравнение выступает базовой категорией, которая позволяет в дальнейшем оперировать такими сложными конструктами как *метафора* и *автономасия*. Метафора и автономасия классифицируются как частный вид имплицитно выраженного сравнения, который запускает процессы вторичной (метафорической или метонимической) номинации. Такого рода переход в новое семиотическое состояние представляет собой следующий этап абстракции, т. е. «свертывания» характерной трехчленной структуры сравнения.

Исследование посвящено изучению *уникальных антропонимов в автономасии*, так называемом метафорическом сравнении при именах собственных («*metaphorischer Eigennamenvergleich*») (THURMAIR 2020: 306), в котором традиционная трехчленная структура сравнения предстает в свернутом виде. Таким образом, появляется возможность продемонстрировать тесную связь между *искусством* и *спортом* на основе когнитивных механизмов, которые используются в автономасическом сравнении при антропонимах. В качестве корпуса исследования были отобраны контексты с антропонимами из области искусства (Van Gogh, Picasso, Johnny Cash, Peter Sloterdijk, Karl Ove Knausgård, Dezső Kosztolányi, César Aira) и спорта (Lionel Messi, Marco Pantani, Louis van Gaal, Neymar, Joachim Löw, Jupp Heynckes) в автономасическом сравнении в немецких СМИ: «Berliner Zeitung», «Der Spiegel», «Der Tagespiegel», «Die Zeit», «Die Welt» и др. Анализ корпуса осуществляется при помощи когнитивно-матричного метода с опорой на модель концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера.

2. Автономасия

В риторике автономасия рассматривается как частный случай синекдохи и перифразы, используемый для обозначения индивида. В античной терминологии автономасия обозначала исключительно замену имени собственного перифразой или именем нарицательным. Позднее, в период нового времени,

голландский филолог Г.-И. Фосс, занимаясь вопросами риторики, обращает внимание на схожесть явления замены имени собственного именем нарицательным и синекдохи (использованием *родового* названия вместо *видового*). Ученый делает вывод о возможности обратного преобразования: по аналогии с синекдохой (использованием *видового* названия вместо *родового*) антономасией можно назвать использование имени собственного для обозначения класса лиц (LAUSBERG 1960: 71-73).

Так, в Словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой фиксируется ряд определений антономасии:

1) антономасия представляет собой обозначение лица словом с отвлеченным значением качества, свойственного или приписываемого лицу;

2) антономасия рассматривается как троп, в основе которого лежит метафорическое употребление имени собственного для обозначения лица, обладающего свойствами первоначального носителя имени. Отмечается, что первоначальный носитель имени должен быть широко известен в какой-либо сфере;

3) антономасия выступает фигурой речи при описательном обозначении лица (АХМАНОВА 1966: 50).

Сегодня антономасия рассматривается как лингвокогнитивный механизм, лежащий в основе употребления имени собственного в переосмысленном значении, т. е. во вторичной номинативной функции (ЗЕЛЕНИН 2015). Антономасия, реализуя вторичную номинативную функцию, приобретает в тексте также референтную функцию: некий объект называется чужим именем. Фундаментом антономасии является феномен эталона: эталоном признается объект, максимально отражающий выделенный позитивно- или негативно-оценочный признак (ИРИСХАНОВА 2014: 151). Именно наличие в структуре антономасии эталона позволяет рассматривать антономасию как частный случай механизма сравнения.

Определенную сложность при анализе антономасии представляет непосредственно сама суть этого явления. Если традиционное сравнение представлено трехчленной структурой, которая преимущественно в полной мере вербализована, то в случае антономасии эта структура предстает в «свернутом» виде. Как правило, в антономасии опускается основание для сравнения: оно не вербализуется, но подразумевается. Такое «языковое опу-

щение» одного из элементов сравнения свидетельствует о более высоком уровне организации информации. Следует отметить, что для создания такой структуры требуется меньше времени, чем для правильной ее расшифровки. Адекватное понимание этой структуры возможно лишь через контекстуальный анализ и обращение к фоновым знаниям. Это связано с тем, что выбор основания сравнения неслучаен и в равной степени как субъективен, так и объективен. В основании сравнения всегда присутствует известная как адресату, так и реципиенту информация, формально и семантически связанная с объектом и субъектом сравнения. Антономасия как гибридная семиотическая сущность в силу своей структуры может оперировать функционально и тематически более сложными сравнениями, о которых идет речь в статье. Ключ к адекватной интерпретации этого явления лежит в анализе «процессов построения метонимических и/или метафорических связей между несколькими доменами» (Там же), которые входят в состав *когнитивной матрицы антропонима*.

3. Когнитивная матрица антропонима

Антропоним представляет собой «любое собственное имя, которое может иметь человек (или группа людей)» (ПОДОЛЬСКАЯ 1988: 31), включая все имена и их варианты, которые присваиваются человеку официально в качестве опознавательного знака (ЕРМОЛОВИЧ 2005: 10). В когнитивной парадигме антропоним выступает в роли особого знания, в котором на основе внутренних связей объединяются различные когнитивные контексты, или источники его содержания. Структуры знания, содержащиеся в когнитивных контекстах и выступающие основанием значения языковой единицы, объединяются в «когнитивную матрицу» (LANGACKER 2008: 44; БОЛДЫРЕВ 2009: 49).

Когнитивная матрица антропонима имеет ядерно-периферийную структуру. Ядро матрицы представлено самим антропонимом, вокруг которого расположены ячейки матрицы — когнитивные контексты, или домены, необходимые для адекватного осмысления антропонима. Ядро антропонима составляют такие характеристики как *внешность, характер, физические и умственные качества, мировоззрение, деятельность, ситуация* (БОЧКАРЕВА 2012: 13). Среди доменов, как правило, выделяют следующие: *Политика, Наука, Искусство, Религия, Философия* (Там же). Следует отметить, что структура матрицы антропонима не

предполагает, что какая-либо область будет «строго обязательной или доминирующей по отношению к другим» (БОЛДЫРЕВ 2009). Это позволяет исключать домены из матрицы или наоборот, добавлять их. Так, в целях исследования в структуру когнитивной матрицы антропонима нами был добавлен домен *Спорт* (см. Рис. 1), в котором функционирует большое количество антропонимов, что может быть объяснено высокой степенью включенности этого контекста в повседневную жизнь человека.

Рис. 1. Когнитивная матрица антропонима

Такой характер представления структуры знания, составляющей значение антропонима, позволяет описать их роль в автономасическом сравнении как когнитивной структуре, которая представляет собой акт вторичной номинации, основанный на метафтономимических процессах. Дальнейший анализ когнитивной структуры сравнения выполнен в рамках теории концептуального смещения Ж. Фоконье и М. Тернера.

4. Автономасия в терминах теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера

Ключевым аспектом теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера выступают ментальные пространства — отдельные структуры, возникающие в сознании человека в процессе мышления и речи. Под концептуальной интеграцией, или концептуальным смещением, понимается умственная операция, которая создает новое значение при концептуальном сжатии

двух ментальных пространств (FAUCONNIER, TURNER 2002). При концептуальной интеграции задействуются:

1) два входных ментальных пространства (англ. input spaces), выполняющие функции источника и цели;

2) общее «родовое» ментальное пространство (англ. generic space), в котором содержатся фоновые знания, общие для входных пространств и обязательные для процесса концептуального смешения;

3) смешанное ментальное пространство (англ. blend) (FAUCONNIER, TURNER 2002: 40-42).

Возникновение смешанного выходного пространства, в нашем случае — антономасии *Messi des Frauenfußballs* (см. Рис. 2), обусловлено наличием двух входных пространств, источника и цели (представлены антропонимами «Lionel Messi» и «Mana Iwabuchi» соответственно), связанных общим пространством; здесь оно построено вокруг общего рода *деятельности* — футбола, и такого *качества* как скоростное и уверенное ведение мяча.

Рис. 2. *Messi des Frauenfußballs* как пример концептуальной интеграции

Отобранные для исследования контексты построены по единой модели $A1 = A2 \text{ gX}$, где:

$A1$ — это антропоним-объект *сравнения*, или входное про-

странство цели;

A2 — антропоним-эталон *сравнения*, или входное пространство источник;

gX — область деятельности A1 (антропонима-объекта сравнения), выражено, как правило, существительным в родительном падеже.

Так, A1 и A2 связаны основанием для сравнения, или родовым (общим) пространством, в котором содержится информация, заложенная в когнитивной матрице антропонима, например, тот факт, что оба элемента — антропонимы; указание на область деятельности, в которой задействованы антропонимы; а также указание на наличие неких схожих характеристик.

Для анализа был отобран корпус контекстов, в которых содержится антономасическое сравнение при антропонимах, репрезентирующих домены *Искусство* и *Спорт*.

К примеру, в контексте (1) входное пространство цели выражено антропонимом «Лионель Месси»; входное пространство источника — антропонимом «Пабло Пикассо».

(1) *Mit seinem Rausch-Fußball, der unwiderstehlichen Spielkunst und Abschlusseffektivität verschiebt Messi ohnehin ständig die eigenen Grenzen. Als „Picasso des Fußballs“ wurde der inzwischen 25-Jährige von der Welt- presse schon gefeiert, als „Außerirdischer“, „Messias“ und „Gott in einem Barca-Trikot“ (Die Zeit, 09.12.2012 (online)).*

Входные пространства в этом контексте формируются за счет особого лингвокогнитивного основания двух антропонимов: «Messi» и «Picasso». Пабло Пикассо был чрезвычайно одарен и обладал уникальным стилем и работоспособностью, благодаря чему он смог повлиять на весь художественный мир своего времени. Лионель Месси — аргентинский футболист, которого неоднократно признавали лучшим футболистом современности. В основе общего пространства лежат ядерные характеристики антропонима: *физические качества, мировоззрение, деятельность*, которые использованы в качестве основания для сравнения и могут быть выведены из контекста предложения, предшествующего антономасии. В своей искусной яркой игре («unwiderstehliche Spielkunst»), упоении футболом («Rausch-Fußball») и результативности («Abschlusseffektivität») Месси сопоставим с такой величиной как Пикассо. Смешанное выходное пространство формулируется как *Picasso des Fußballs*.

В контекстах (2-3) входное пространство цели представлено антропонимом «Марко Пантани»; входное пространство источника — антропонимом «Пабло Пикассо».

- (2) „Marco war *ein Picasso des Radsports*“, sagte der Giro-Sieger von 2001 und 2003, Gilberto Simoni (Der Tagesspiegel, 18.02.2004).
- (3) „*Ein Picasso des Radsports*“ — Italien trauert um Marco Pantani (welt.de, 17.02.2004).

Пикассо велоспорта, Марко Пантани, ныне покойный итальянский шоссейный велогонщик, до сих пор единственный, кому удалось за один календарный период выиграть Джиро д'Италия и Тур де Франс, два из трех маршрутов самого престижного вида соревнований в шоссейном велоспорте гонки Гранд Тур. Джильберто Симони, победитель Джиро д'Италия 2001 и 2003 гг., сравнивает Пантани с Пикассо, однако в данном случае основание для сравнения лишь мыслится. Об отношении Пабло Пикассо к спорту известно немного, собственно спортом художник не занимался; однако он определенно обладал духом состязательности, а его упорство (ядерная характеристика антропонима — *характер, мировоззрение*), принесло свои плоды в искусстве. Смешанное выходное пространство выглядит как *ein Picasso des Radsports*.

В контекстах (4-9) входное пространство цели составляют именованья представителей разных видов спорта; входное пространство источника представлено антропонимом «Mozart».

- (4) *der/* — Mozart des Handballs; (5) *der/* — Mozart des Tischtennis;
- (6) *der/* — Mozart des Fußballs; (7) Mozart des Golfspiels; (8) *der* Mozart des Skispringens; (9) *der* Mozart des Ringens.

Наиболее продуктивным в построении смешанного пространства автономии можно считать антропоним «Mozart», который широко представлен на пересечении контекстов *искусство* и *спорт*. Перенос антропонима «Mozart» в контексты, отличные от контекста *искусство*, свидетельствует о том, что под антропонимом подразумевается «выдающийся представитель в своем деле». Спортсмены, представители самых разных видов спорта (от гандбола до прыжков с трамплина), сравниваются с Моцартом на основе ядерной характеристики *деятельность*, которая организует общее для двух антропонимов пространство: все они настолько одарены в своей сфере, что это позволяет сравнивать

их с гением музыки — Моцартом. Так, в сравнении с компонентом Mozart в выходном пространстве отражено как основание сравнения, так и конкретизирующее действие определение в форме родительного падежа.

Входное пространство домена *sport* в антономасии может быть представлено не только непосредственно спортсменами, но и, как в следующих контекстах (10-11), спортивным тренером. Луи ван Гаал — тренер сборной Нидерландов по футболу и таких футбольных клубов как Барселона, Бавария, Манчестер Юнайтед, в прошлом футболист, был удостоен двух необычных именованных: *der Sloterdijk der Bundesliga* и *der van Gogh des Fußballs*.

Контекст (10) задействует во входном пространстве цели лингвокогнитивные характеристики антропонима «Луи ван Гаал»; во входном пространстве источника использованы структуры знания, лежащие за антропонимом «Петер Слотердаjk».

(10) *der Sloterdijk der Bundesliga* (Süddeutsche Zeitung, 09.04.2010).

В 2010 г. Луи ван Гаала сравнили с Петером Слотердаjkом, немецким философом и журналистом, статьи и книги которого вызвали в Германии многочисленные дискуссии. Ван Гаал всегда большое внимание уделял тактике игры и отличался особенной методикой ведения тренировок. Но еще во время работы в Испании регулярно подвергался критике со стороны СМИ и болельщиков. После неудачных матчей многие называли его так, поскольку были не согласны с его *футбольной тактической философией* — ядерная характеристика *деятельность*, характеризующая общее пространство двух антропонимов. В этом случае важно отметить, что антропоним, попадая в определенный контекст, помимо идентифицирующей функции выполняет функцию информативно-оценочную.

В следующем контексте (11) входное пространство цели определяется также антропонимом «Луи ван Гаал», а входное пространство источник — антропонимом «ван Гог».

(11) „*Der van Gogh des Fußballs: Er stolziert wie ein Pfau — nur ein Rad schlagen, das kann er nicht mehr: Louis van Gaal macht mit seinen Kniffen die Weltmeisterschaft bunter. Jetzt trifft die Niederlande auf Argentinien*“ (badische-zeitung.de, 09.07.2014).

Причиной такой яркой номинации как *der van Gogh des Fußballs* послужила не слишком яркая, как картины ван Гога, иг-

ра национальной сборной Нидерландов на Чемпионате мира по футболу в Бразилии в 2014 г., когда команда завоевала бронзу, обыграв хозяев турнира. Голландия дала миру большое количество великих людей. Например, в мировую живопись вошли такие великие голландские имена как Босх, Брейгель, Рубенс, ван Дейк, Рембрандт и, конечно, ван Гог. В футболе голландцы также сильны, но не все могут оценить это по достоинству: о трудном характере ван Гаала говорит сравнение его с павлином («Er stolziert wie ein Pfau»). Основой для сравнения, отраженной в общем для двух антропонимов пространстве, в данном случае выступает национальная принадлежность, схожесть фамилий по звучанию и внешние характеристики тренера.

Особого внимания исследователей, с нашей точки зрения, заслуживает использование антропонимов в антономасии, референтом в которых выступают разные люди; так происходит расширение референтной базы. Например, ван Гогом в футболе называют также Неймара. Стоит заметить, что антропоним «ван Гог» в контексте (12) употреблен в одном из своих семантических воплощений, которое образовалось благодаря метонимическому переносу по типу «автор — картина».

(12) Neymar ist *ein Van Gogh*: Die 222 Millionen Euro, die Paris St.-Germain an den FC Barcelona überweisen soll, sind ein *Liebhhaberpreis*. Es werden moralische Fragen aufgeworfen, aber darum geht es nicht (nzz.ch 02.08.2017).

Входное пространство цели в контексте (12) выражено антропонимом «Неймар», входное пространство источник — лингвокогнитивной структурой антропонимом «ван Гог». Неймар, бразильский футболист, считается не только одним из лучших и самых известных футболистов в мире, но одним из самых высокооплачиваемых спортсменов мира. Здесь в роли общего пространства, заключающего в себе основание сравнения выступает *ситуация*: покупка футбольного игрока такого уровня сравнима с покупкой шедевра великого мастера.

Схожее расширение референтной базы представлено в контекстах (13-14). Структуры знания антропонима «Джонни Кэш» выступают в роли входного пространства источника в номинации Johnny Cash des deutschen Fußballs. Входное пространство цели в контексте (13) выражено антропонимом «Йоахим Лёв», а в контексте (14) — «Юпп Хайкенс».

- (13) Das ist auch Joachim Löw, genannt Jogi, *gekleidet schwarz in schwarz. Ein Johnny Cash des deutschen Fußballs*, der erste Bundestrainer, der jeden Dresscode lässig knackt (spiegel.de, 04.10.2006).
- (14) Man lernt, wer *der Johnny Cash des deutschen Fußballs* ist (Jupp Heynckes)... (sport1.de, 06.11.2015).

Джонни Кэш — американский певец, ключевая фигура в музыке кантри, признан одним из самых влиятельных музыкантов XX в. Благодаря своей музыке, стилю жизни на сцене и вне ее заслужил авторитет среди большого круга любителей музыки. С начала 70-х гг. Джонни Кэш стал одеваться исключительно в черное, благодаря чему получил прозвище «Человек в черном» («Man In Black»). Очевидно, что основанием для сравнения в обоих случаях служит ядерная характеристика *внешность* — «черный цвет в одежде», встречающаяся в иных контекстах, относящихся к фоновым знаниям и составляющих общее родовое пространство этих антропонимов.

Zur Pressekonferenz *hat er sich schwarz gekleidet, schwarzer Anzug, schwarzes Hemd, schwarze Krawatte, Trauerkleidung* (tagesspiegel.de, 19.05.2018).

Die Haare trägt Netzer unerschütterlich fast noch genauso undefinierbar wie damals, sie fallen auf *ein dunkles Sakko, Schwarz war immer seine Lieblingsfarbe* (zeit.de, 10.01.2018).

Не только антропонимы из сферы искусства могут выступать в роли эталона сравнения, но и наоборот. Например, упомянутый выше Лионель Месси в контекстах (15-18) выступает в роли А2, т. е. эталона сравнения, или входного пространства источника.

- (15) Auf einem Platz mit *dem Messi der Literatur: Kosztolányi ist der Messi der Literatur*. Kosztolányi zu lesen, sagt Esterházy, sei, wie Messi beim Fußballspielen zuzusehen (Die Welt, 23.06.2013).
- (16) Das beste Fußball-Buch kommt ausgerechnet aus Schweden: Karl Ove Knausgård, *der Messi der Literatur*, beschreibt die letzte WM in Superzeitlupe (Die Welt, 23.06.2013).

Контексты (15-16) также репрезентируют расширение референтной базы, о котором речь шла выше. Номинация *der Messi der Literatur* — Месси литературы соотносится с разными антропонимами «Дежё Костоланьи» (венгерский писатель XX в.; контекст (15)) и «Карл Уве Кнаусгор» (современный скандинав-

ский писатель; контекст (16)).

В контексте (16) приведен пример «Читать Костоланьи — это как смотреть игру Месси», в котором в полной мере раскрывается модель концептуального смещения: создается совершенно новое выходное пространство.

Номинация *der Messi der Literatur* — Месси литературы может быть подвергнута модификации при помощи добавления атрибута перед указанием на сферу деятельности. Так, «Месси латиноамериканской литературы» называют аргентинского писателя Сесара Айра.

(17) Man könnte *César Aira*, dieser Vergleich sei vielleicht erlaubt, als *Messi der lateinamerikanischen Literatur* bezeichnen. Ein Künstler, dem man die Arbeit nicht ansieht, aber das pure Vergnügen am Spiel. Wussten Sie, dass in Wirklichkeit noch nie ein Argentinier den Literaturnobelpreis bekam? Eine Frechheit! (fr.de, 18.01.19).

5. Заключение

Когнитивный поворот в исследованиях дал новый импульс к рассмотрению антономасии как комплексного лингвокогнитивного явления, адекватная интерпретация которого возможна лишь при всестороннем изучении особенностей его реализации. Антропоним, будучи сложноорганизованным семантическим пространством, обладает особой когнитивно-матричной структурой. Это позволяет ему выступать элементом антономасии как сравнения, основанного на построении связей между несколькими доменами (например, *искусства* и *спорта*), в которых, как правило, осмысливается антропоним. Таким образом, антропониму удается принимать участие в порождении новых сущностей.

Анализ контекстов с учетом идей, предложенных Р. Лэнекером, Ж. Фоконье, М. Тернером и Н. Н. Болдыревым, позволяет рассмотреть глубинные структуры знания, лежащие в основе антономасии как лингвокогнитивного механизма, за счет которого происходят сложные культурно-специфические и интердискурсивные процессы.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. [Akhmanova, Olga S. (1966) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* (Glossary of Linguistic Terms). Moscow: Soviet Encyclopedia. (In Russian)].

- Болдырев Н. Н.* Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2009. С. 25—77. [Boldyrev, Nikolay N. (2009). *Kontseptua'naya osnova yazyka* (Conceptual Basis of the Language). In Boldyrev, Nikolay N. (ed.) *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* (Cognitive Studies of Language). Vol. 4. Moscow: Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences; Tambov: Tambov State University, 25—77. (In Russian)].
- Бочкарева И. В.* Когнитивные аспекты семантики производных от имен собственных в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2012. [Bochkareva, Irina V. (2012) *Kognitivnyye aspekty semantiki proizvodnykh ot imen sobstvennykh v sovremennom angliyskom yazyke* (Cognitive Aspects of the Semantics of Derivatives from Proper Nouns in Modern English). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Tambov: Tambov State University. (In Russian)].
- Гулыга Е. В., Шендельс Е. О.* Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969. [Gulyga, Yelena V., & Shendels, Yevgeniya O. (1969) *Grammatiko-leksicheskiye polya v sovremennoy nemetskom yazyke* (Grammar-lexical Fields in Modern German). Moscow: Prosveshcheniye Publishers. (In Russian)].
- Демьянков В. З.* Когнитивная система // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 74—76. [Dem'yankov, Valeriy Z. (1996) *Kognitivnaya sistema* (Cognitive System). In Kubryakova, Yelena S. (ed.) *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* (A Short Glossary of Cognitive Terms). Moscow: Moscow State University, 74—76. (In Russian)].
- Ермолович Д. И.* Теория и практика межъязыковой передачи. М.: Р-Валент, 2005. [Yermolovich, Dmitriy I. (2005) *Teoriya i praktika mezhyazykovoy peredachi* (Theory and Practice of Intercultural Translation). Moscow: R-Valent. (In Russian)].
- Зеленин А. В.* Антономазия в языке современной прессы // Русский язык в школе. 2015. № 9. С. 57—64. [Zelenin, Aleksandr V. (2015) *Antonomaziya v jazyke sovremennoy pressy* (Antonomasia in Modern Mass Media). *Russian Language at School*, 9, 57—64. (In Russian)].
- Ирисканова О. К.* Игры фокуса в языке: Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. [Iriskhanova, Olga K. (2014) *Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya* (Focus Games in Language: Semantics, Syntax and Pragmatics of Defocussing). Moscow: LRC Publishing House. (In Russian)].

- Краева И. А. Некоторые языковые средства выражения сравнения и градации качества в английском языке // Вестник Московского гос. лингвистического ун-та. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 6 (777). С. 13—20. [Kraeva, Irina A. (2017) *Nekotorye yazykovye sredstva vyrazheniya sravneniya i gradatsii kachestva v angliyskom yazyke* (Linguistic Means of Expressing Comparison and Gradation of Quality in English). *MSLU Vestnik*, 6 (777), 13—20. (In Russian)].
- Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Kubryakova, Yelena S. (2004) *Jazyk i znaniye: na puti polucheniya znaniy o jazyke: chasti rechi s kognitivnoy toчки zreniya. Rol' jazyka v poznanii mira* (Language and Knowledge: Getting Knowledge about Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in the World Cognition). Moscow: LRC Publishing House. (In Russian)].
- Мезенин С. М. Образность как лингвистическая категория // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 48—57. [Mezenin, Sergey M. (1983) *Obraznost' kak lingvisticheskaya kategoriya* (Imagery as a Linguistic Category). *Topics in the Study of Language*, 6, 48—57. (In Russian)].
- Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. [Podol'skaya, Natalya V. (1988) *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* (Dictionary of Russian Onomastic Terms). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Fauconnier, Gilles, & Turner, Mark. (2002) *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York: Basic Books.
- Langacker, Ronald W. (2008) *Cognitive Grammar: A Basic Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Lausberg, Heinrich. (1979) *Elemente der literarischen Rhetorik: Eine Einführung für Studierende der klassischen, romanischen, englischen und deutschen Philologie*. Munich: Hueber.
- Thurmair, Maria. (2020) Eigennamen in Vergleichen: von der Angela Merkel des Sports bis zum Mercedes unter den Bundespräsidenten. In Kempf, Luise; Nübling, Damaris, & Schmuck, Mirjam. (eds) *Linguistik der Eigennamen*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter. 305—330.

Yelena N. Tsvetayeva
Moscow State Linguistic University

Valeriya A. Kulikova
Moscow State Linguistic University

Conceptual Integration: Anthroponyms in Antonomasia

The article studies examples of a particular type of comparison, antonomasia, and dwells upon certain cognitive, culture-specific and interdiscursive language processes in which anthroponyms from the art and sports domains take part. These anthroponyms act as elements of the comparative model $A1 = A2 \text{ gX}$ in modern German. The analysis of the corpus compiled for the present study was carried out within the cognitive paradigm using the conceptual integration model of G. Fauconnier and M. Turner.

Keywords: comparison; comparative constructions; anthroponyms; antonomasia; cognitive matrix

РЕЦЕНЗИИ

T. M. Dementyeva

National Research University “Higher School of Economics”
(Nationale Forschungsuniversität „Hochschule für Wirtschaft“)

T. T. Nazarov

RUDN University, Moscow
(Russische Universität der Völkerfreundschaft)

Richter, Ulrike A., Fügert, Nadja. *Wissenschaftlich arbeiten und schreiben: Wissenschaftliche Standards und Arbeitstechniken — wissenschaftlich formulieren — Textsorten*. Stuttgart: Ernst Klett Sprachen GmbH, 2016. 152 S.

Das vorliegende Lehr- und Arbeitsbuch ist ein Bestandteil der dreibändigen Reihe *Deutsch für das Studium*, welche neben dem hier behandelten Band 2 mit dem Titel *Wissenschaftlich arbeiten und schreiben* die Bände 1 (*Wissenschaftssprache verstehen*) und 3 (*Gesprochene Wissenschaftssprache*) umfasst. Das Gesamtwerk setzt sich zum Ziel, internationalen Studierenden und Promovierenden unabhängig von ihrer sozialen und kulturellen Herkunft durch Vermittlung der Wissenschaftssprache Deutsch und der an bundesdeutschen Hochschulen geltenden kulturellen Regeln einen reibungslosen Zugang zum deutschen Wissenschaftsbetrieb zu ermöglichen (S. 8). Dieser Zielsetzung folgend setzt sich der Dreiteiler mit der grundsätzlichen Fragestellung auseinander, welchen Schwierigkeiten sich internationale Studierende beim Einstieg in den deutschen Wissenschaftsbetrieb und insbesondere auf dem Weg zur Beherrschung der deutschen Wissenschaftssprache gegenübersehen und wie diese Hindernisse zu überwinden sind.

In erster Linie richtet sich die Lehrbuchreihe *Deutsch für das Studium* an Studierende und Promovierende der Geistes-, Kultur- und Gesellschaftswissenschaften mit Kenntnissen von Deutsch als Fremd- oder Zweitsprache ab dem Sprachniveau C1, die die Aufnahme eines Studiums an einer deutschen Hochschule planen — sei es im Rahmen eines inländischen Wechsels vom alltagsprachlichen Deutschkurs zum Fachstudium, eines direkten Sprungs ausländischer Schulabsolventen als Erstsemesterstudierende an eine deutsche Hochschule oder der Fortführung eines ausländischen Bachelorstudiums als Masterstudium in Deutschland. Sekundär will die Reihe jedoch auch Lehrende und Personen mit Mentoring-Aufgaben

an verschiedensten Bildungseinrichtungen im In- und Ausland ansprechen. Dementsprechend kann die Reihe sowohl als Lehrwerk in einem studienbegleitenden oder vorbereitenden Deutschkurs als auch im Rahmen des Selbststudiums verwendet werden, wobei je nach Zielsetzung der Einsatz eines einzelnen Bandes oder des Gesamtwerks sinnvoll sein kann.

Der zu behandelnde zweite Band *Wissenschaftlich arbeiten und schreiben* ist den Techniken wissenschaftlichen Arbeitens gewidmet und zielt auf die Vermittlung der theoretischen Grundlagen wissenschaftlichen Arbeitens, des damit einhergehenden notwendigen praktischen Handwerkzeugs sowie der in diesem Rahmen benötigten Redemittel und Sprachhandlungen ab. Einige besonders praxisrelevante Einzelfragen — etwa die Merkmale wissenschaftlichen Arbeitens, die Arbeitstechniken zum Bearbeiten studentischer Textsorten sowie die Reflexion von Schreibprozessen — werden in den insgesamt fünf Kapiteln des Lehr- und Arbeitsbuchs vertieft dargestellt.

Gleich in **Kapitel A** mit dem Titel *Gute Wissenschaft* stellen die Autorinnen mit dem sich durch das gesamte Lehrwerk ziehenden Einsatz authentischer deutscher Texte, situationsorientierter Aufgaben sowie lexikalischer und grammatischer Übungen einen didaktisch durchdachten Ansatz unter Beweis und setzen die thematischen Schwerpunkte „Wissenschaft verstehen“, „Standards wissenschaftlichen Arbeitens“ und „Bewertungskriterien studentischer Texte“. Wie in jedem Kapitel werden zum Einstieg einige kommunikative Lerneinheiten vorangestellt, welche den Studierenden die Möglichkeit zur Reflexion und Diskussion der zu behandelnden Themen gewähren und sie auf diese Weise ans Begreifen zentraler Konzepte heranführen. Die ersten Schritte auf dem Weg zur Entdeckung des deutschen wissenschaftlichen Diskurses beginnen mit der Feststellung des Zusammenhangs zwischen der Wissenschaft und den kulturellen Skripten. Dies begründen die Autorinnen damit, dass kulturelle Besonderheiten häufig missverständliche Deutungen zulassen, die im alltäglichen Leben wie auch in der Wissenschaftssprache vorkommen.

Der Abschnitt *Das ‚Gemachtsein‘ wissenschaftlicher Texte* setzt das Ziel, die ersten Vorstellungen von den wichtigsten Etappen der Produktion wissenschaftlicher Texte zu formulieren und wissenschaftliche Termini kennenzulernen. Jede der fünf vorgestellten Etappen enthält eine Bezugnahme auf entsprechende Handlungen im Forschungsverfahren, wobei der idealtypische und der reale Verlauf von

Forschungsprozessen gegenübergestellt werden. Positiv anzumerken ist, dass sich die Autorinnen hierbei auf Ergebnisse soziologischer Forschungen stützen.

Bei der Behandlung der Standards wissenschaftlichen Arbeitens wird das Hauptaugenmerk auf Objektivität, Originalität, Relevanz und Ehrlichkeit gelegt; zu allen Faktoren werden auch entsprechende quantitative und qualitative Forschungsmethoden und Realisierungsansätze aufgezeigt.

Von besonderer Praxisrelevanz sind die zuletzt dargestellten Bewertungskriterien studentischer Texte. Eine gelungene Auswahl relevanter Kriterien mit jeweils deutlich formulierten Anforderungen wird sich für den Leser bei der Reflexion und Einschätzung der Qualität der eigenen Texte zweifellos als hilfreich erweisen. Die Autorinnen lenken besondere Aufmerksamkeit der Studierenden darauf, dass für die Bewertung studentischer Texte an deutschen Hochschulen, insbesondere in den Geistes-, Kultur- und Gesellschaftswissenschaften, kein einheitlicher Standard existiert.

Kapitel B *Korrekt zitieren* enthält eine detaillierte Beleuchtung der im deutschen wissenschaftlichen Diskurs geltenden Zitierregeln. Von der Funktion von Zitaten über Zitatformen bis hin zur Rolle von Zitaten in der Wissenschaftssprache werden sämtliche relevanten Aspekte eingehend diskutiert und mit zahlreichen Beispielen direkter und indirekter Zitate aus originalen deutschen wissenschaftlichen Texten versehen. In diesem Zusammenhang erfolgt auch eine Auseinandersetzung mit dem Problemfeld der Plagiate und den damit verbundenen Fragen, inwieweit Studierende korrekt mit wissenschaftlichen Quellen umgehen und ob den Studierenden „die Kenntnisse und die Fähigkeiten für ein exaktes wissenschaftliches Arbeiten“ fehlen könnten (S. 30) — Fragestellungen, die gerade im Studienverlauf von besonderer Aktualität sind, weil ihre reflektierte Beantwortung in die Zuständigkeit der universitären Fachdidaktik fällt.

Bei der Darstellung des Aspekts „formal korrekt zitieren“ beschränken sich die Autorinnen nicht auf die deutschen Zitierregeln, sondern zeigen auch die Unterschiede zwischen deutscher und amerikanischer Zitierweise auf und weisen auf die Anerkennung beider Zitiersysteme in der deutschen Wissenschaftssprache hin. Die Vermittlung entsprechender Lernstrategien und die Abfrage der formellen Anforderungen an Zitate in der deutschen Wissenschaftssprache erfolgt sodann in einer Reihe von Übungsaufgaben mit eingebauten

Zitierfehlern. Der nachfolgende Abschnitt *Grundsätze des Zitierens* gibt handlungsorientierte Tipps zu Zitierquellen, zum Paraphrasieren sowie zum Umgang mit Zitaten. Schließlich führt der praxisorientierte Teil *Übungen zum Zitieren* schrittweise zur Aneignung bestimmter Techniken des korrekten Zitierens und zur Vermittlung fester Vorstellungen von erlaubten und unerlaubten Umgangsweisen mit Zitaten. Zudem werden an dieser Stelle ausgewählte Redemittel zum Ausdruck uneingeschränkter Zustimmung, moderater Kritik, der Fundamentalkritik sowie des partiellen Einwands im schriftlichen Wissenschaftsdiskurs eingeführt.

Das als *Werkzeugkiste* titulierte **Kapitel C** wird seinem Namen gerecht und macht die Studierenden mit dem für das wissenschaftliche Arbeiten notwendigen Handwerkzeug vertraut. In jedem der Abschnitte sind praxisbezogene Lerneinheiten mit Darstellung der jeweiligen Techniken wissenschaftlichen Arbeitens, themenbezogenen Übungsaufgaben und Aussagen aus originalen Texten enthalten, welche die Studierenden zum Entdecken relevanter wissenschaftlicher Methoden animieren.

So lernt der Leser im ersten Abschnitt *Thema bestimmen*, zwischen den Arbeitsschritten Erschließung, Eingrenzung und Abgrenzung zu differenzieren und erweitert dabei seinen wissenschaftsbezogenen Wortschatz. Der darauf folgende Aspekt *Thema visualisieren* wird mittels Mindmapping — einer im Lehrbuch als besonders empfehlenswert dargestellten Technik — behandelt. Eine Arbeitsanleitung führt detailliert an die Erstellung einer vollständigen Mindmap in fünf Arbeitsschritten heran und informiert den Leser über den richtigen Einsatz einer Mindmap zur Ein- und Abgrenzung eines Themas. Eine Tabelle stellt exemplarisch anhand des Themas *Wissenschaftliche Texte lesen und verstehen* die Vorgehensweise beim Umgang mit bestimmten Haupt- und Nebenzweigen bei der Arbeit dar.

Der anschließende Abschnitt *Forschungsfrage formulieren* setzt sich mit Aspekten wie Dokumentieren von Vorwissen, Festlegung von Frageabsichten sowie Neutralisierung, Präzisierung und Kontextualisierung von Forschungsfragen auseinander.

Im den beiden nachfolgenden Abschnitten legen die Autorinnen zunächst unter *Erkenntnisinteresse verdeutlichen* einen besonderen Akzent darauf, dass die Aufgabe eines jeden wissenschaftlichen Werkes in der Schließung von Forschungslücken liegt (S. 62) und betonen anschließend die Bedeutung von Prämissen als das „unantastba-

re Fundament“ einer Untersuchung (S. 64). Die weitere Auseinandersetzung mit den Themen erfolgt u. a. in Form von Infokästen und Tabellen mit nützlichen Informationen und Praxistipps.

Zwei weitere Abschnitte in Kapitel C veranschaulichen, wie wichtig es für die Wissenschaftssprache ist, zentrale Begriffe korrekt zu definieren und präzise formulierte Thesen aufzustellen.

Im Abschnitt *Argumentieren — Binnenstruktur von Texten anlegen* werden die drei Schlüsselemente für die Binnenstruktur eines wissenschaftlichen Textes vorgestellt, zu denen das Führen einer fundierten Argumentation, die Erstellung kohärenter Satzbezüge und logischer Zusammenhänge sowie eine eristische Textstruktur zählen. Die stets durchdacht erstellten Lehr- und Lerneinheiten helfen dem Studierenden, in die Kunst der Argumentation einzutauchen und den Unterschied zwischen zentralen Begriffen wie „wissenschaftliche Aussagen“, „wissenschaftliche Belege“, „wissenschaftliche Argumente“ und „wissenschaftliche Argumentation“ zu verinnerlichen. Beachtung findet an dieser Stelle ferner die Rolle von Verweiswörtern und Satzzeichen wie dem Doppelpunkt und dem Semikolon; auch Konnektoren werden als häufige Fehlerquelle ausgiebig behandelt. Als besondere Merkmale wissenschaftlicher Werke im Gegensatz zu populärwissenschaftlichen Texten werden Sachverhalt und Kommentierung angeführt.

Schließlich beschäftigt sich der Abschnitt *Strukturieren — Makrostruktur von Texten anlegen* mit den Gliederungsformen des Inhalts einer Arbeit. Hierbei werden ausgehend von der Basis-Struktur — Einleitung, Hauptteil und Schluss — insbesondere die verschiedenen Möglichkeiten der Untergliederung des Hauptteils und die daraus resultierenden drei Gliederungsformen Rhombus, Kette und Waage dargestellt.

Kapitel D *Textsorten im Studium* legt zunächst anhand einer Reihe von kurzen Texten die Unterschiede zwischen den akademischen Lehrveranstaltungen Vorlesung, Seminar, Tutorium und Kolloquium offen und widmet sich erst dann den eigentlichen Textsorten Klausur, Seminararbeit und Essay mit ihren jeweiligen spezifischen Merkmalen. Eine klare Abgrenzung samt Praxistipps zum Verfassen der jeweiligen Textsorte, typischen Formulierungen, exemplarischen Schreibplänen sowie praktischen Übungseinheiten mit Bewertungskriterien versetzt den Leser in die Lage, die Textsorten anhand von Textinformationen zu erkennen, zu unterscheiden und angemessen zu bearbeiten.

Schließlich fokussiert sich **Kapitel E** mit dem Titel *Schreibprozess* auf die Produktion eigener Texte durch die Studierenden. Auf den Einstiegsabschnitt *Kulturabhängigkeit des Denkens*, der den nicht zu unterschätzenden Einfluss der Kultur und Sprache auf die wissenschaftliche Denkweise betont, folgt im Abschnitt *Ins Schreiben kommen* eine Zusammenstellung der Wege zur Vorbereitung und Organisation des Schreibprozesses. Ausgehend von einer gründlichen Rekapitulation des Lesens als erstem Schritt vor der Textproduktion wird das Schreibdenken sowie die Arbeitstechnik Mindmapping erläutert und schrittweise, mit Hinweisen und Beispielen veranschaulicht, die Schreibtechnik Paragraphing eingeführt. Als nützliches Instrument erweist sich auch die im Abschnitt *Von fremden zu eigenen Texten* dargestellte Vorgehensweise zur Textproduktion mit folgenden, jeweils mit konkreten Erläuterungen versehenen Punkten: 1. Zentrale Forschungsfrage formulieren; 2. Texte auswählen und Leseabsicht formulieren; 3. Exzerpieren; 4.-5. Gemeinsamkeiten und Unterschiede zwischen zentralen Aussagen in den gelesenen Texten finden; 6. Eigene Texte zusammenführen und Satzzusammenhänge herstellen; 7. Zentrale Forschungsfrage beantworten (S. 125-126).

Im anschließenden Abschnitt *Schreiben in der Fremdsprache* verdient die eingehende Auseinandersetzung mit der Übersetzungsproblematik besondere Anerkennung. Vor dem Hintergrund der Herausforderung, welche die Textproduktion in deutscher Sprache für die angesprochenen Studierenden darstellt, werden die besonders häufigen, durch unbewusste Übertragungen entstehenden Fehler hervorgehoben. Eine gelungene Übungsaufgabe stellt in einer Tabelle Textauszüge aus studentischen Arbeiten mit solchen Übersetzungsfehlern zusammen, deckt die Fehler auf mehreren Ebenen — der stilistischen, textuellen, argumentativen, syntaktischen, lexikalischen, typografischen und orthografischen Ebene — auf und liefert jeweils passende Verbesserungsvorschläge. Insbesondere die präzise Fehleranalyse erscheint hier als äußerst nützlich zur Bewusstmachung und Kontrastierung mit der Muttersprache.

Abgerundet wird das Kapitel mit Tipps zur Revision eigener wissenschaftlicher Texte sowie mit einem Abschnitt zum Feedback: Gerade die Einholung des Letzteren versetze den Studierenden in die Lage, seine Stärken und Schwächen im Hinblick auf die Bewertungskriterien Stilistik, Sprache, Metakommunikation und Argumentation besser einzuschätzen und stelle ein förderliches Instru-

ment bei der Textproduktion dar. Wie jedes Kapitel schließt auch das letzte mit einem Test und einer sogenannten Tabufrage — einer im Rahmen des Themas relevanten Fragestellung, deren ungehemmte Äußerung nicht immer möglich ist — ab.

Ein **Fazit** kann nicht gezogen werden, ohne mit dem Einsatz einer großen Anzahl authentischer studentischer Texte eine der Besonderheiten des Lehrwerks zu erwähnen. Beispielhaft sei der im Rahmen der Behandlung der Textsortenmerkmale des Essays verwendete Ausschnitt aus einem studentischen Essay zum Thema „Konzept einer ehrlichen Unternehmensethik“ angeführt (S. 106-107). Die hierzu formulierte Aufgabe, nach den für einen wissenschaftlichen Text typischen und untypischen Elementen zu suchen, fördert den Leser bei der Entwicklung der Fertigkeiten des wissenschaftlichen Arbeitens und ist daher didaktisch sinnvoll. Diskussionsbedürftig erscheint vor dem Hintergrund des Titels *Wissenschaftlich arbeiten und schreiben* allein, ob sich alle im Lehrbuch aufgeführten studentischen Texte auf den wissenschaftlichen Diskurs beziehen.

So erläutert die Sprachforscherin Daniela Hartmann den verbreiteten Begriff „Wissenschafts- und Studiensprache Deutsch“, indem sie Wissenschaftssprache als die in der Forschung, bei der Veröffentlichung der Forschungsergebnisse, bei Tagungen und Konferenzen etc. verwendete und Studiensprache als die im universitären Kontext verwendete Sprache definiert (HARTMANN 2014: 48). Der Gebrauch des Begriffs „Wissenschafts- und Studiensprache“ berge jedoch die Gefahr einer gleichwertigen Betrachtung beider Begriffe; dabei sei die Studiensprache gerade „nicht als gleichgesetzte, sondern als eine der Wissenschaftssprache untergeordnete Kategorie zu betrachten“, da sich diese „universitäre bzw. akademische Wissenschaftssprache [...] auf einen spezifischen Verwendungskontext der Wissenschaftssprache, nämlich den akademischen“, beziehe (Ibid.). Alternativ sei die Bezeichnung der im Rahmen des Studiums verwendeten Wissenschaftssprache als „studentische Wissenschaftssprache“ denkbar, doch auch dieser Begriff erweist sich bei näherer Betrachtung als ungeeignet, da er die anderen an der akademischen Kommunikation Beteiligten, insbesondere die Lehrenden, ausklammert. Dabei prägen aber gerade die Anforderungen der Lehrenden, die an studentische Arbeiten gestellt werden, maßgeblich die von den Studierenden verwendeten Sprachmuster (Ibid.). Um der Komplexität der Wissenschaftskommunikation Rechnung zu tragen,

sei daher im Studienkontext der Begriff „akademische Wissenschaftssprache“ zu verwenden (Ibid.). So gesehen kann der oben erwähnte studentische Text jedenfalls als ein akademischer wissenschaftlicher Text betrachtet werden und findet damit seine Daseinsberechtigung innerhalb des Lehrwerks.

Zwar finden im Lehrbuch auch völlig außerhalb des wissenschaftlichen Feldes befindliche studentischen Texte Verwendung — so etwa die in Form von kurzen Blogbeiträgen verfassten Kommentare realer Studenten zum Thema „Plagiate“ (S. 30-31). Allerdings verfolgt auch der Einsatz solcher Texte eine nachvollziehbare kommunikative Zielsetzung und erfüllt somit seinen jeweiligen didaktischen Zweck in den Lerneinheiten.

Inhaltlich ist festzuhalten, dass die wesentlichen theoretischen Grundlagen des wissenschaftlichen Arbeitens vollständig, verständlich und in der gebotenen Tiefe dargestellt werden. In didaktischer Hinsicht fällt vor der allem die handlungsorientierte Ausrichtung der Lerneinheiten mit zahlreichen praxisbezogenen Übungen positiv ins Gewicht. Gerade die Verbindung der starren theoretischen Basis mit transparenten methodischen Anleitungen sowie deutlicher Sprache, Kompetenzorientiertheit und Originalität in den Aufgabenstellungen zeugt von hohem didaktischen Geschick und reichem Erfahrungsschatz der Autorinnen.

Die Struktur des Lehrwerks weiß mit der Aufteilung des Stoffs in kleinere, zugängliche Einheiten zu gefallen und überzeugt auch innerhalb der einzelnen Einheiten durch den konsequenten Einsatz praktischer Hilfsmittel wie zusammenfassender Tabellen, Redemittel Listen, Checklisten u. ä. Gelungen ist auch die visuelle Bearbeitung des Lehrwerks: Folgt man dem Didaktiker Helmut Balzert in seiner Auffassung, Visualisierungen seien zur anschaulichen, das Verständnis unterstützenden Vermittlung der Lerninhalte unumgänglich und als „Kunst der Veranschaulichung“ zu betrachten (BALZERT 2016: 30), so stellt sich das Lehrwerk mit seinen zahlreichen nützlichen Fotos, Illustrationen, Grafiken, Tabellen, Schaubildern und Mindmaps durchaus als kleines „Kunstwerk“ dar.

Im Ergebnis setzt sich das Lehr- und Arbeitsbuch *Wissenschaftlich arbeiten und schreiben* der Autorinnen Dr. Ulrike A. Richter und Nadja Fügert durch hohe inhaltliche Qualität in Verbindung mit didaktischer Kohärenz, gelungener Struktur und originellen Ideen positiv von vergleichbaren Produkten ab und leistet so einen wert-

vollen Beitrag zur Didaktik des Deutschen als Fremdsprache im Bereich des wissenschaftlichen Arbeitens.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Balzert, Helmut. (2016) *Wie schreibt man ... erfolgreiche Lehrbücher und E-Learning-Kurse. Eine pragmatische, empirisch gestützte Didaktik. Mit über 330 Beispielen.* Dortmund: W3L-Verlag. Retrieved from: https://www.springer-campus-it-onlinestudium.de/akademie/fileadmin/user_upload/WieSchreibtMan_LeseprobeW3L.pdf.
- Hartmann, Daniela. (2014) *Die Förderung der Aneignung der akademischen Wissenschaftssprache DaF bei internationalen Studierenden mittels einer Online-Lernplattform. Eine Bedarfsanalyse.* Berlin. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Dr. phil. Berlin: Technische Universität. Retrieved from: https://depositonce.tu-berlin.de/bitstream/11303/4347/1/hartmann_daniela.pdf.

Е. Б. Кротова
Институт языкознания РАН

Wörterbuch Der Übersetzungsschwierigkeiten (deutsch-russisch und russisch-deutsch) / под рук. А. Павловой. URL: <https://woerterbuchnetz.de/#0>

Словарь переводческих трудностей (немецко-русский и русско-немецкий), созданный под руководством А. Павловой, представлен на платформе Wörterbuchnetz Центра цифровых гуманитарных исследований г. Трир. По замыслу данный труд близок словарю *Трудности немецкого языка. Немецко-русский учебный словарь* К. В. Архангельской, значительно отличаясь от последнего содержательно и структурно. Во вступительном слове к словарю автор подчеркивает, что данный словарь не может рассматриваться как замена обычного двуязычного словаря, так как в нем не покрываются все значения приводимых лемм. Его задача скорее в том, чтобы акцентировать внимание на тех моментах, которые могут вызвать сложности при переводе с одного языка на другой. Целевой аудиторией словаря являются переводчики с языковой парой немецкий и русский, студенты соответствующих образовательных программ и преподаватели.

Словарь разделен на немецко-русскую и русско-немецкую часть, на которые ведут различные ссылки с главной страницы платформы Wörterbuchnetz. Доступен поиск как по словарным входам, так и полнотекстовый поиск. Поиск ведется только по одной из частей словаря, одновременный поиск по обеим частям невозможен.

Материал, представленный в словаре, разнотипный и делится на следующие группы: лакуны; «ложные друзья» переводчика; идиомы и устойчивые словосочетания; слова и словосочетания с вводящей в заблуждение внутренней формой; несовпадающие в немецком и русском языках слова, относящиеся к разрядам *pluralia tantum* и *singularia tantum*; некоторые слова с внутрилексемным отрицанием; слова с большим количеством переводных синонимов; некоторые случаи многозначности слов; эллипсисы в переводах; сокращения. Объединяет эти разнообразные группы лексических единиц то, что все они могут вызывать сложности при переводе. Рассмотрим более подробно каждую из приведенных групп.

1. Лакуны. В словаре приводятся разные виды лакун:

— названия реалий, которые снабжаются комментарием вместо перевода и пометой *Lakune*. Вместо комментария может также даваться пример употребления данного слова в предложении и перевод предложения. Так, для лексемы *geistern* дается помета *Lakune* и вместо перевода и/или комментария дается следующий пример: *dieses Thema geistert durch die Gegend* ‘эта тема витает в воздухе, эта тема носится в воздухе’;

— стилистические лакуны, к которым автор относит также эвфемизмы. Например, для немецкого слова *Umstandskleidung* дается перевод ‘одежда для беременных’. Автор пишет о том, что данное слово в немецком является эвфемизмом, в русском языке же стилистический эквивалент отсутствует. Пометы для стилистических лакун даются не во всех случаях;

— лакуны, возникающие из-за несоответствия между грамматическими категориями слова и его переводного эквивалента. Так, в словаре приводится глагол *schmecken*, который обычно переводится как прилагательное ‘вкусный’;

— ситуативные лакуны, под которыми автор подразумевает слова, для которых хотя и есть уместный переводной эквивалент, но в ряде контекстов он не подходит. В качестве примера для этой категории можно привести слово ‘суть’, для которого в словарной статье сначала дается набор переводных эквивалентов, а далее идут коллокации и иные устойчивые словосочетания, для которых требуется иной перевод. Например, для выражения ‘по сути дела’ дается перевод *im Grunde genommen*.

2. «Ложные друзья» переводчика. В таких случаях автор снабжает словарные статьи помимо переводного эквивалента поясняющим комментарием. Так, для слова *Butterbrot* дается комментарий *nicht* ‘бутерброд’ и переводной эквивалент ‘хлеб с маслом’.

3. Идиомы и устойчивые словосочетания. В словарь включены те фразеологизмы, которые по мнению автора являются употребительными и одновременно могут представлять сложности при переводе. Идиомы снабжаются пометой *idiom*. К примеру, дается идиома *A bis Z* с переводными эквивалентами ‘от А до Я, от начала и до конца’.

4. Слова и словосочетания с вводящей в заблуждение внутренней формой снабжаются комментарием *kein Bezug zu...*, т. е. ‘не имеет отношения к слову’. В качестве примера можно приве-

сти слово *übertreiben*. В соответствующей словарной статье дается комментарий *kein Bezug zu* 'преимущество', ряд словарных эквивалентов, а также иллюстративный пример с переводом.

5. Несовпадающие в немецком и русском языках слова, относящиеся к разрядам *pluralia tantum* и *singularia tantum*, снабжаются комментарием. Например, для лексемы *Unterricht* дается переводной эквивалент 'занятия' с комментарием *в нем. нет мн. ч.* Подобные комментарии выдерживаются не для всех слов *pluralia tantum* и *singularia tantum*. Так, в словарной статье *Uhr* комментарий не дается, и автор ограничивается иллюстративным примером с переводом *die Uhr geht nach dem Mond* 'часы идут неправильно, часы врут, часы отстают (или спешат)'.

6. Некоторые слова с внутрилексемным отрицанием. Обосновывая необходимость введения в словник данных лексических единиц, автор пишет, что в русском значительно чаще, чем в немецком, встречаются прилагательные и наречия с приставкой 'не-'. На немецкий их стоит переводить не с помощью прилагательных или наречий с приставкой *un-*, а с помощью слов без внутрилексемного отрицания. Так, в русско-немецкой части словаря приводится лексема 'неширокий', для которой даются два эквивалента *schmal* и *eng* с иллюстративными примерами.

7. Слова с большим количеством переводных синонимов. По наблюдениям автора, в некоторых случаях переводчику может не хватать переводных эквивалентов. Автор предлагает дополнять словарную статью такими переводными эквивалентами, которые либо привязаны к определенному контексту, либо являются стилистически маркированными, либо не являются частотными. К примеру, для слова *hartnäckig* приводятся переводные эквиваленты 'упрямый, упорный, настойчивый'.

8. Некоторые случаи многозначности слов. Автор включает в словарь ряд слов, которые не обладают многозначностью в исходном языке, но приобретают многозначность при переводе. Например, как пишет автор в предисловии к словарю, глагол *jagen* может переводиться на русский и как 'гнать', и как 'охотиться', хотя носитель немецкого языка скорее не воспринимает это слово как многозначное. Данный пример представляется спорным. Так, в одноязычном словаре *Duden* для глагола *jagen* приводится 6 значений.

9. Эллипсисы в переводах. Автор отмечает, что часто встре-

чаются случаи, когда при переводе требуется дополнить или, наоборот, убрать слово или словосочетание. Так, для перевода немецкой фразы *j-m in den Mantel helfen* на русский необходимо добавить глагол 'надеть': 'помочь кому-л. надеть пальто'. Подобные случаи снабжаются в словаре пометой *эллипсис*.

10. Сокращения. В словаре представлены некоторые сокращения, которые либо являются реалиями (например, соцсоревнование), либо обнаруживают свою частотность в одном языке, не являясь таковыми в другом. Так, в немецком Professor часто сокращается до Prof. в отличие от русского языка.

Как можно видеть, материал, представленный в словаре отличается значительной гетерогенностью, что обуславливает как сильные стороны словаря, так и некоторые слабые места. Многие из приведенных групп слов достаточно подробно описаны в крупных одноязычных и двуязычных немецко-русских словарях и снабжены примерами употребления. Для синонимов и сокращений существуют отдельные словари с большим охватом материала. Для идиом разрабатываются словари с комментариями по употреблению и примерами из корпусов. В поиске переводных эквивалентов помогают параллельные корпуса, такие как немецко-русский параллельный корпус Национального корпуса русского языка. Тот факт, что словарь охватывает столь разнообразные группы слов, создает некоторые сложности для пользователя: сложно понять, в какой ситуации прибегать именно к этому словарю, а не к другим имеющимся вариантам.

Рецензируемый словарь является тем не менее ценным дополнительным источником информации для переводчиков, особенно начинающих. В нем в сжатом виде и с примерами даются лексемы, перевод которых может представлять трудности. Словарь является плодом многолетней преподавательской и переводческой работы автора и содержит множество важных наблюдений, при этом не перегружает пользователя информацией. Оформление словарных статей минималистично, и поэтому понятно пользователю, не имеющему большого опыта работы со словарями. Хочется отметить, что словарь является онлайн-проектом и поэтому с большой вероятностью будет и дальше пополняться. Одним из перспективных направлений развития словаря могла бы быть его интеграция с другими словарными проектами.

Л. А. Нефедова

Московский педагогический государственный университет

**ВАРИАНТНО-ИНВАРИАНТНЫЙ ПОДХОД К ТЕКСТУ —
НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ЯВЛЕНИЕ ВАРИАТИВНОСТИ В
ЛИНГВИСТИКЕ**

Гришаева Л. И. Варьирование текста в коммуникации: монография.
Воронеж: Наука-Юнипресс, 2020. 291 с.

Вариантность в лингвистике рассматривается как фундаментальное свойство способа существования и функционирования языковых единиц и системы языка в целом. Вариантно-инвариантный подход к языковым явлениям впервые был предложен представителями Пражского лингвистического кружка. Фонема рассматривалась как инвариант по отношению к классу своих конкретных реализаций, объединенных функциональным тождеством. В дальнейшем как варианты и инварианты стали рассматриваться единицы других уровней языка: морфемы и лексемы.

Монография Л. И. Гришаевой *Варьирование текста в коммуникации* представляет собой новый фундаментальный труд в области изучения вариантности в лингвистике. Впервые в качестве инварианта и вариантов ученым исследуется текст. Тем самым работа вносит, несомненно, весомый вклад как в вариантологию, так и в теорию и типологию текста. Таким образом, достоинством данной работы является не только то, что в фокусе внимания автора находятся основополагающие понятия лингвистики «вариант» и «вариативность», а прежде всего то, что автор рассматривает факторы, обуславливающие содержательное, формальное, функциональное, интенциональное, тематическое варьирование таких языковых единиц как текст, на микро-, и на макроуровне, особенности текстовой организации в цельном тексте.

Соотношение понятий «вариант» и «инвариант» применяется ученым к определенному типу текста. Автор исходит из того, что любой тип текста подвергается содержательному и/или формальному варьированию и может быть описан как инвариант, конвенционально сложившийся в языковой культуре на протяжении длительного времени в качестве образца решения кон-

кретной коммуникативной и когнитивной задачи. Инвариант, т. е. определенный тип текста, представляет собой, согласно автору работы, абстракцию от всех результатов речемыслительной деятельности носителей языка и культуры в разных коммуникативных условиях с помощью языковых средств, а также других культурных кодов. Вариантов типа текста в культуре столько, сколько носителей языка и культуры и сколько раз прибегают к соответствующим образцам в тех или иных коммуникативных условиях. При изучении варьирования типа текста требуется учитывать соотношение закономерного и случайного, стандартного и креативного, универсального и культурно специфического, общего и частного, нормативного и окказионального.

Монография имеет четкую логичную структуру, она состоит из пяти глав. Первая глава, представляющая собой теоретические основы исследования, посвящена текстограмматическим механизмам фиксации, активизации и трансляции сведений о мире и языковой культуре. Фундаментом для изучения варьирования типов текста служат теоретические сведения, отрефлектированные в теории и типологии текста в отношении правил организации текстов в соответствии с одним и тем же инвариантом и его функциональным потенциалом. Рассуждения данной главы предваряют исследования разнообразного эмпирического материала.

Во второй главе объектом исследования является варьирование семантической и синтаксической микро- и макроструктуры текста, которое рассматривается под разными углами зрения. Определяются мотивы, причины, условия и область варьирования.

В третьей главе описываются факторы, обуславливающие трансформацию текста в культуре: рассматриваются разнонаправленные гетерогенные — когнитивные, коммуникативно-прагматические, прагмалингвистические, хронотопные, социокультурные, психосоциальные, лингвистические, акциональные и др. — факторы, внешние и внутренние по отношению к тексту, исследуется степень влияния отдельных факторов. Особое место среди факторов занимают, по мнению автора, специфика личностной и коллективной идентичности коммуникантов, порождающих и воспринимающих соответствующий текст, а также влияние типа ситуации, которую можно дифференцировать по разным основаниям, прежде всего, по хронотопическому, социо-

культурному, событийному и психосоциальному параметрам. Автор ставит в центр угла факторы, ранее не описанные в специальной лингвистической литературе в качестве влияющих на варьирование содержательной и формальной сторон текста в коммуникации.

В четвертой главе *Варьирование инварианта как способ бытования текста в культуре* автор представляет результаты исследования трех разноплановых типов текстов: «сообщение о преступлении», «рецензия на художественное произведение» и «личное письмо интеллектуала» О. В. Боковой, Н. В. Довгань, Ю. А. Штонда. Особую ценность имеют глубокие обобщения автора, предпринятые в этой главе.

К значимым результатам исследования, получившего название *Культурная идентичность коммуникантов как фактор влияния на содержательное и формальное варьирование текста (на материале сообщения о преступлении)*, относится описание причин варьирования определенного типа текста в различных странах немецкоязычного культурного пространства (Германии, Австрии и Швейцарии) как результат влияния таких факторов как канал коммуникации, культурная идентичность коллективного субъекта, коллективная идентичность единичных субъектов как носителей языка и культуры, картина мира с ценностными ориентациями.

Раздел *Канал коммуникации, тематика и жанр при варьировании текста (на материале художественного произведения)* представляет результаты исследования варьирования типа текста «рецензия» под влиянием вышеописанных факторов с учетом особенностей художественного произведения и коллективного адресата, а также характера медиадискурса.

В разделе *Варьирование текста и факторы «пограничная ситуация», «ситуация неопределенности» (на материале личного письма интеллектуала)* обращается внимание на такие текстограмматически релевантные факторы, как «пограничная ситуация» и «ситуация неопределенности», которые оказывают влияние на выбор автором текста языковых средств.

Избранные для анализа типы текстов значительно отличаются друг от друга по содержанию и форме. Они имеют, с одной стороны, жесткую текстовую структуру, с другой стороны, — испытывают влияние значимых изменений в культуре.

В пятой, заключительной, главе монографии автор оставляет открытым вопрос о пределах варьирования типа текста, приглашая читателей к размышлениям на данную тему.

В заключение отметим, что проведенное Л. И. Гришаевой исследование позволяет объяснить принципы членения информационного потока, адаптированного к конкретным, разнообразным параметрам ситуации, в которой с помощью средств разных культурных кодов осуществляется сообщение тех или иных сведений одним коммуникантом другому в процессе совместного достижения ими некоторой общей цели.

Целевая аудитория монографии представляет собой широкий круг лиц, интересующихся вопросами порождения, рецепции и интерпретации текста, в первую очередь, лингвистов и специалистов по межкультурной коммуникации.

Работа может быть рекомендована для ознакомления коллегам-германистам, сферой профессиональных интересов которых является теория и типология текста.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Аверина** Анна Викторовна, Московский государственный областной университет (Москва, Россия); Anna.averina@list.ru
- Аверкина** Светлана Николаевна, Нижегородский государственный лингвистический университет (Нижний Новгород, Россия); averkina.svetlanalunn@mail.ru
- Беспалова** Екатерина Викторовна, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева (Самарский университет) (Самара, Россия); bespalowa@mail.ru
- Васкиневич** Анжелика Игоревна, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта (Калининград, Россия); vaskinev@mail.ru
- Волощук** Евгения Валентиновна, Европейский университет Виадрина (Франкфурт-на-Одере, Германия); voloshchuk@europa-uni.de
- Вольский** Алексей Львович, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, (Санкт-Петербург, Россия); volskij@mail.ru
- Воскресенская** Светлана Юрьевна, Тверской государственный университет (Тверь, Россия); lesefuchs@mail.ru
- Голубева** Надежда Александровна, Нижегородский государственный лингвистический университет (Нижний Новгород, Россия); nagol@mail.ru
- Гришаева** Людмила Ивановна, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия); grischaewa@rgph.vsu.ru
- Дементьева** Тамара Михайловна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); tdementyeva@hse.ru
- Донец** Павел Николаевич, Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина (Харьков, Украина); p_dones@list.ru
- Жеребин** Алексей Иосифович, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, (Санкт-Петербург, Россия); zerebin@mail.ru
- Засеева** Галина Михайловна, Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова (Владикавказ, Россия); galina_sassejewa@mail.ru
- Иванов** Андрей Владимирович, Нижегородский государственный лингвистический университет (Нижний Новгород, Россия); aivan@lunn.ru
- Ишимбаева** Галина Григорьевна, Башкирский государственный университет (Уфа, Россия); galgrig7@list.ru
- Кафанова** Ольга Бодовна, Санкт-Петербургский институт бизнес-

- инноваций (Санкт-Петербург, Россия); olg_kaf@mail.ru
- Кондакова** Елена Александровна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); ekondakova@hse.ru
- Кострова** Ольга Андреевна, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия); Olga_Kostrova@pgsga.ru
- Кротова** Елена Борисовна, Институт языкознания Российской академии наук (Москва, Россия); e.krotova@iling-ran.ru
- Куликова** Валерия Александровна, Московский государственный лингвистический университет (Москва, Россия); val.kulikova@hotmail.com
- Ланских** Юлия Владимировна, Тверской государственный университет (Тверь, Россия); lanskix81@mail.ru
- Меркурьева** Вера Брониславовна, Иркутский государственный университет (Иркутск, Россия); vbmerk@yandex.ru
- Москвина** Екатерина Владимировна, Всероссийский государственный институт кинематографии им. С. А. Герасимова (Москва, Россия); moskvina_ev@mail.ru
- Назаров** Тимур Тимурович, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия); nazarov-tt@yandex.com
- Нефедова** Любовь Аркадьевна, Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия); nefedovalub.@gmail.ru
- Никонова** Жанна Викторовна, Нижегородский государственный лингвистический университет (Нижний Новгород, Россия); nikonova@lunn.ru
- Никонова** Наталья Егоровна, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия); nikonat2002@yandex.ru
- Петрова** Мария Владимировна, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия); pmascha@yandex.ru
- Полубояринова** Лариса Николаевна, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); Polub@LP5595.spb.edu
- Потемина** Марина Сергеевна, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта (Калининград, Россия); mpotemina@mail.ru
- Разина** Ирина Сергеевна, Нижегородский государственный лингвистический университет (Нижний Новгород, Россия); neutral-phoneme@mail.com
- Серягина** Юлия Сергеевна, Национальный исследовательский Том-

ский государственный университет (Томск, Россия); setiagina@gmail.com

Сибирцева Вера Григорьевна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород, Россия); vsibirtseva@hse.ru

Цветаева Елена Николаевна, Московский государственный лингвистический университет (Москва, Россия); elenatsvetaeva@yandex.ru

Цветков Юрий Леонидович, Ивановский государственный университет (Иваново, Россия); jzvetkow@mail.ru

Шенкель Эльмар, Институт англистики Лейпцигского университета (Лейпциг, Германия); Schenkel@rz.uni-leipzig.de

LIST OF CONTRIBUTORS

- Anna V. **Averina**, Moscow State Region University (Moscow, Russia); Anna.averina@list.ru
- Svetlana N. **Averkina**, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Nizhny Novgorod, Russia); averkina.svetlanalunn@mail.ru
- Yekaterina V. **Bespalova**, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev (Samara University) (Samara, Russia); bespalowa@mail.ru
- Tamara M. **Dementyeva**, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia); tdementyeva@hse.ru
- Pavel N. **Donets**, Karazin Kharkov National University (Kharkov, Ukraine); p_donec@list.ru
- Nadezhda A. **Golubeva**, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Nizhny Novgorod, Russia); nagol@mail.ru
- Lyudmila I. **Grishayeva**, Voronezh State University (Voronezh, Russia); grischaewa@rgph.vsu.ru
- Galina G. **Ishimbayeva**, Bashkir State University (Ufa, Russia); galgrig7@list.ru
- Andrey V. **Ivanov**, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Nizhny Novgorod, Russia); aivan@lunn.ru
- Olga B. **Kafanova**, Institute of Business Innovations (Saint Petersburg); olg_kaf@mail.ru
- Yelena A. **Kondakova**, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia); ekondakova@hse.ru
- Olga A. **Kostrova**, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia); Olga_Kostrova@pgsga.ru
- Yelena B. **Krotova**, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); e.krotova@iling-ran.ru
- Valeriya A. **Kulikova**, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia); val.kulikova@hotmail.com
- Yuliya V. **Lanskikh**, Tver State University (Tver, Russia); lanskix81@mail.ru
- Vera B. **Merkuryeva**, Irkutsk State University (Irkutsk, Russia); vbmerk@yandex.ru
- Yekaterina V. **Moskvina**, All-Russian State Institute of Cinematography named after Sergei Gerasimov (Moscow, Russia); moskvina_ev@mail.ru
- Timur T. **Nazarov**, RUDN University (Moscow, Russia); nazarov-tt@yandex.com
- Lyubov’ A. **Nefedova**, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia); nefedovalub.@gmail.ru

List of Contributors

- Natalya Ye. **Nikonova**, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia); nikonat2002@yandex.ru
- Zhanna V. **Nikonova**, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Nizhny Novgorod, Russia); nikonova@lunn.ru
- Mariya V. **Petrova**, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); pmascha@yandex.ru
- Larisa N. **Poluboyarinova**, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia); Polub@LP5595.spb.edu
- Marina S. **Potyomina**, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia); mpotemina@mail.ru
- Irina S. **Razina**, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Nizhny Novgorod, Russia); neutralphoneme@mail.com
- Elmar **Schenkel**, Institute of British Studies, Leipzig University (Leipzig, Germany); Schenkel@rz.uni-leipzig.de
- Yuliya S. **Seryagina**, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia); seriagina@gmail.com
- Vera G. **Sibirtseva**, National Research University “Higher School of Economics” (Nizhny Novgorod, Russia); vsibirtseva@hse.ru
- Yelena N. **Tsvetayeva**, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia); elenatsvetaeva@yandex.ru
- Yuriy L. **Tsvetkov**, Ivanovo State University (Ivanovo, Russia); jzvetkow@mail.ru
- Anzhelika I. **Vaskinevich**, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia); vaskinev@mail.ru
- Yevgeniya V. **Voloshchuk**, European University Viadrina Frankfurt (Oder); voloshchuk@europa-uni.de
- Aleksey L. **Volskiy**, Herzen Russian State Pedagogical University (Saint Petersburg, Russia); volskij@mail.ru
- Svetlana Yu. **Voskresenskaya**, Tver State University (Tver, Russia); lesefuchs@mail.ru
- Galina M. **Zaseyeva**, North-Ossetian State University named after K. L. Khetagurov (Vladikavkaz, Russia); galina_sassejewa@mail.ru
- Aleksey I. **Zherebin**, Herzen Russian State Pedagogical University (Saint Petersburg, Russia); zerebin@mail.ru

Научное издание

РУССКАЯ ГЕРМАНИСТИКА

Ежегодник Российского союза германистов

Том XVIII

Литература, идентичность и история
в немецкоязычном пространстве

Главный редактор

Иванов Андрей Владимирович

Ответственный редактор лингвистической части

Бабенко Наталья Сергеевна

Ответственный редактор литературоведческой части

Бакиш Наталья Александровна

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова»

Оригинал-макет подготовлен *А. В. Ивановым*

Художественное оформление переплета *О. Максимовой*

Подписано в печать 28.10.2021. Формат 60x88/16.
Усл. печ. л. 29,99. Уч.-изд. л. 27,0.
Тираж 500 экз. Изд. № 5421. Заказ № 13631.

Адрес редакции и издателя:
603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31-А.
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова»

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Буглерова, д. 17-Б, офис 324.
Тел./факс: 8 (495)334-82-65; тел. 8 (495)336-03-11.
E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»
127282, г. Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1
Тел.: 8 (495) 230-20-52

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК